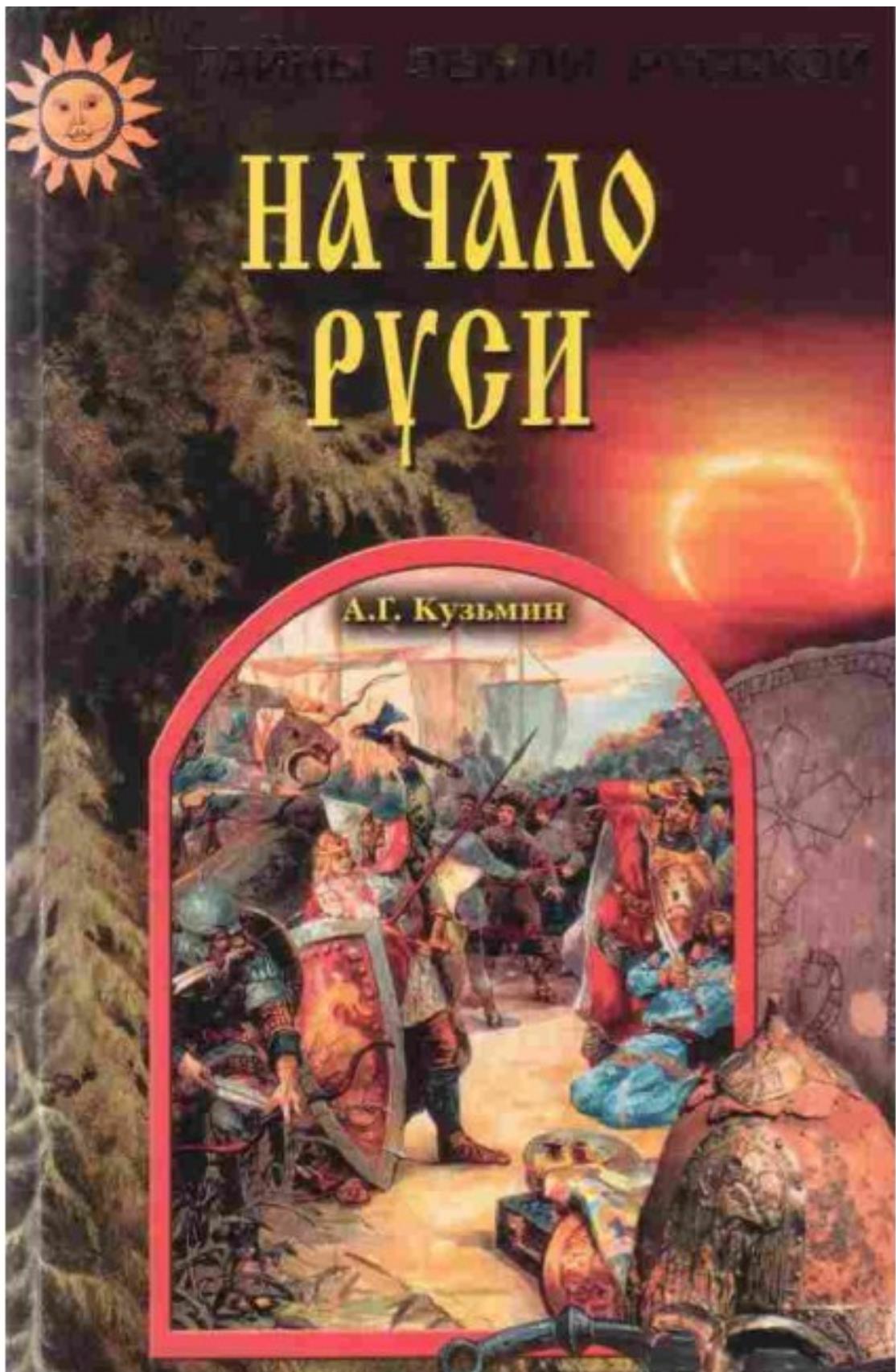

Начало Руси

А.Г. Кузьмин

2003

Оглавление

Введение.....	3
Глава I – Гипотезы и концепции.....	8
1. Система ценностей и исходных принципов.....	9
2. Итоги трехвекового спора.....	28
Глава II – Из предыстории народов Европы.....	59
1. Проблема индоевропейского заселения Европы.....	61
2. Варварская Европа в античной письменной традиции.....	88
3. Венеты на исторической карте Европы.....	97
4. Проблема славяно-германо-балтских отношений.....	115
Глава III – Среднее Поднепровье в I тысячелетии.....	141
1. Приднепровье в эпоху Зарубинецкой культуры.....	144
2. Среднее Поднепровье в черняховское время (II–V вв.).....	165
3. Среднее Поднепровье накануне образования Древнерусского государства.....	193
Глава IV – Этническая природа варягов.....	217
1. Разные версии летописей о начале Руси.....	218
2. «Варяги» русских источников.....	236
3. «Варяги» иностранных источников.....	257
Глава V – Этноним «Русь» от Балтики до Меотиды.....	281
1. Сведения о Руси Причерноморской и салтовской Руси.....	281
2. Сведения о Балтийской Руси.....	311
Глава VI – Становление древнерусской цивилизации.....	342
1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем.....	347
2. Имена социальной верхушки Древнерусского государства.....	364
3. Внутреннее и внешнее положение Руси в IX–X вв.....	385
Вместо заключения.....	409

Введение

Тысячелетие назад, в конце X в., один из первых русских летописцев посвятил специальный труд — «Повесть временных лет» выяснению вопроса «откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Русская земля стала есть». Здесь, видимо, впервые осмысливались предания былых времен, эпохи родоплеменного строя, когда песнотворцы и жрецы на собраниях соплеменников напоминали о давних предках и освященных веками обычаях. Кирилл Туровский в конце XII в. напомнит о том, что предания былых времен хранят летописцы и витии, а памятник того же времени «Слово о полку Игореве» — это золотое слово витиев, хранивших память о предках на протяжении целого тысячелетия.

В эпоху перехода от родоплеменных отношений к государственным, когда Власть все более отдалась от Земли, неизбежно затрагивались интересы разных общественных слоев. В результате на свет появлялись разные версии происхождения того или иного народа. Ясно, что первый летописец придерживался какой-то одной версии, но в дошедших до наших дней летописях оказались неодинаковые и даже прямо противоположные решения вынесенных в заголовок вопросов. Возникали они, по всей вероятности, в разных общественных слоях и в разное время. Со временем же, когда притуплялась жгучая актуальность тенденций, позднейшие сводчики вносили эти версии в свои компиляции, в одних случаях пытаясь как-то их примирить, а в других (к счастью для исследователей!) и вовсе не замечая противоречий.

К этим позднейшим сочинениям относится и так называемая «Начальная летопись», которая удержала в заголовке древнее название «Повесть временных лет» и которую в литературе приписывают перу либо пещерского монаха Нестора, либо выдубицкого игумена Сильвестра.

Летопись эта долго почиталась первоначальной, что и отразилось в ее традиционном названии. Это главный письменный источник по древнейшей истории Руси, и позднейшие исследователи, ссылаясь на него, жарко спорили, не замечая, что очень часто они лишь продолжали спор, начатый многими столетиями ранее.

История всегда была и будет наукой политической. И известный афоризм Бисмарка, что «войну с Францией выиграл немецкий учитель истории», имеет в

виду не превосходство немецкой диалектики над французским позитивизмом, а пронизанную идеологической целью стремленностью немецкую науку над безыдейными французскими сбражиями анекдотов. Особую же актуальность обычно приобретает изучение цивилизаций, имеющих непосредственных наследников. Начало Руси — это процесс формирования древнерусской народности и образования государства, оказавшего большое влияние на судьбы народов, населявших Центральную и Восточную Европу. И неудивительно, что изучение этой темы зачастую подогревалось и деформировалось прагматическим интересом. Достаточно напомнить почти трехвековую (продолжающуюся и поныне) полемику норманистов и антинорманистов. Очень часто учеными двигал собственно познавательный интерес, но крайне редко этот интерес противоречил общественным симпатиям автора, а социальное содержание принимаемой методологической системы чаще всего вообще не осознавалось.

В течение ряда столетий на значительных пространствах Европы взаимодействовали славяне и германцы. Формы их взаимодействия были самыми различными, но традиция сохранила представление о давней борьбе, в период же образования ранних славянских государств эта борьба обострилась вполне реально. Создавалось впечатление извечного противостояния двух больших этносов: с VIII в. осуществляется германский «натиск на восток», в XVIII–XIX вв. реализуются давние стратегические цели России — овладение балтийским побережьем. Немецкие наследники Ливонского ордена оказались под властью русских царей, но новые подданные очень скоро приобрели права привилегированного сословия, а позднее стали опорой российского самодержавия. На царском дворе кормились захудальные графы и бароны из многочисленных германских княжеств. И чем значительнее были успехи русского оружия на поле брани, тем прочнее побежденные овладевали подступами к русскому трону. Именно в этой своеобразной обстановке складывалась норманская теория — интерпретация летописного предания о призвании варягов в прогерманском духе.

Спор норманистов с антинорманистами, разумеется, не сводился только к этническим противопоставлениям. Но он велся почти неизменно с повышенной страстью, даже если страсть порождалась просто жаждой истины, — на построениях ученых могли сказываться и методологические установки, и их специализация, и круг источников, отобранный из моря самых разнообразных и противоречивых свидетельств.

Разумеется, ученые не могут нести ответственности за выводы, кои из их разысканий иной раз делают политики. Но они обязаны учитывать, какие именно положения оказываются удобными для спекулятивных построений. В 30–40-е гг. прошедшего столетия норманская теория была взята на вооружение германским фашизмом, и самым непримиримым апологетам аполитичности истории пришлось удостовериться, как якобы чисто «академические» рассуждения превращаются в отравленное оружие агрессии и геноцида. Сами вожди Третьего рейха включились в идеологическую борьбу, обнажая и пропагандируя некоторые важные положения норманской теории. «Организация русского государственного образования, — писал Гитлер в «Майн Кампф», — не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство... В течение столетий Россия жила за счет этого германского ядра своих высших правящих классов». Из этого «научного» анализа следовал и практический вывод: «Сама судьба как бы хочет указать нам путь своим перстом: вручив участь России большевикам, она лишила русский народ того разума, который породил и до сих пор поддерживал его государственное существование». К положениям норманской концепции обращались и в публичных выступлениях. «Этот низкопробный людской сброд, — неистовствовал, например, Гиммлер, — славяне, сегодня столь же неспособны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они призывали Рюриков».

Сказание о призвании варягов непосредственно цитировалось в пропагандистских документах массового назначения. В памятке немецкому солдату — «12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения их с русскими» — приводилась фраза: «Наша страна велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите и владейте нами». В аналогичной инструкции сельским управляющим (составленной за три недели до 22 июня) разъяснялось: «Русские всегда хотят оставаться массой, которой управляют. В этом смысле они воспримут и немецкое вторжение, ибо это будет осуществлением их желания: «Приходите и владейте нами». Поэтому у русских не должно оставаться впечатления, что вы в чем-то колебитесь. Вы должны быть людьми дела, которые без лишних слов, без долгих разговоров и без философствования четко

и твердо выполняют то, что необходимо. Тогда русские будут вам усердливо подчиняться»¹.

Работы, выдержаные в духе высказываний Гитлера и Гиммлера, появляются на Западе и в послевоенное время. Многократно на разных языках была издана книга Вернера Келлера «Восток минус Запад равен нулю». Не раз переиздавалась книга Ганса фон Римши «История России». С тех же позиций оценивалась советская историография в статье норвежского автора Хакона Станга. Но в целом норманизм на Западе стал тоньше, появились и некоторые работы антнорманистского плана.

Антнорманизм, утвердившийся в советской науке с конца 30-х гг., не мог, естественно, не считаться с практической стороной давнего спора. Полемика приобрела слишком острый характер, чтобы удержаться в научных рамках. Односторонний национальный нигилизм, преобладавший в нашей литературе 20 — начала 30-х гг., оказывался несостоительным перед лицом шовинистической эпидемии агрессора. Срочная же корректировка ряда важных идеологических положений не могла пройти без ущерба для науки. Исходным положением многих антнорманистских концепций стал тезис: «государство не может быть навязано извне», причем он раскрывался, как это будет показано ниже, неточно. В острой полемике спорящие стороны подчас оперировали разными фактами, причем их количество даже имело тенденцию к сокращению. Вместе с тем чувство протesta против расистских притязаний германистов иногда выливалось в возражения на том же методологическом уровне, возобновлялся (навязанный германистами же) спор столетней давности, кто «лучше»: германцы или славяне? Спор в такой плоскости невольно «закрывал» разные этнические общности, обособлял их друг от друга, вносил в процессы глубокой древности понятия нашего времени.

В советской историографии первых послевоенных десятилетий наблюдалась своеобразная реакция на упрощения и упущения в публикациях 30–40-х гг., что проявилось и в возрождении норманистских представлений, иногда и в гипертроированной форме. Кризис конца XX столетия и организованный криминальными структурами развал страны осуществлялся под флагом привнесения «западных ценностей». Криминальные методы стали проникать и в науку, и прежде всего в традиционно спорные вопросы.

1 См.: А. Андерле. Из истории идеологической подготовки гитлеровской агрессии против СССР // ВИ. 1961, № 6. С. 85–95

Наступление норманистов стало настолько политизированным и идеологизированным, что от науки уже ничего не остается. «Защита» путем пропаганды поделок и подделок в виде «Велесовой книги» лишь укрепляет позиции фантастов-норманистов.

А между тем за последние полвека накоплен обширный новый материал, в особенности в области археологии, антропологии и лингвистики. Необходимость осмысления этого материала вытекает и из потребности как-то ориентировать поиск новых данных. В настоящей работе предпринята попытка разобраться в фактах и событиях, связанных с историей славян, русов и «варягов», в их этнической природе и роли в становлении древнерусской цивилизации.

В последнее время школу засыпали учебниками, в которых эксплуатируется понятие «цивилизация» как альтернатива диалектико-материалистическому подходу в понимании процесса исторического развития. Сам предмет истории определяется одним из «цивилизаторов» как «человеческая деятельность, направленная на удовлетворение потребностей людей в пище и крови, ... в собственности и власти»². В основе такого понимания «цивилизации», целенаправленно привносимого в сознание подрастающего поколения, — «суверенитет личности», который с неотвратимостью и породил беспрецедентное поглощение общества криминалом, поскольку в рамках такого суверенитета реализуется известная формула: «человек человеку — волк». Если же такой «суверенитет» еще и управляем и направляем, то речь может идти о сознательно осуществляемом геноциде целого народа (в данном случае русского)³. Здесь понятие «цивилизация» употребляется в его исконном значении — гражданское, общественное, государственное, (от латинского *civilis*) предполагающем как раз ограничение зоологического «суверенитета личности» в интересах других личностей, общества в целом.

Основной закон диалектики (и в материалистическом, и в гегелевском, и в христианском ее осмыслиннии) — все в мире находится во взаимосвязи и обусловленности, в постоянном развитии. В применении к человеческому обществу первое составляет предмет науки социологии, второе — истории. Именно закономерности служат предметом любой науки. И предметом истории

² И.Н. Ионов. Российская цивилизация IX — начало XX в. Учебник для 10–11 классов, М., 1998. С. 3. Ср. Е. Галкина, Ю. Колиненко. «Азиопа»: Россия и теория цивилизаций // Сб. РИО. М., 2002.

³ См.: О государственном геноциде в России. Материалы Круглого стола «Кризис нации» при председателе Комитета по обороне и безопасности Государственной думы Российской Федерации. М., 1998.

как науки являются именно закономерности развития человеческого общества . Путь от обезьяны до человека, занявший, по новейшим данным, более пяти миллионов лет, — это путь от стада к обществу. Провозглашение «суверенитета личности» означает обратное движение, и чтобы убедиться в этом, оказалось достаточно одного десятилетия.

В свое время неграмотный крестьянин хорошо знал, что: «Если Господь хочет наказать человека, он лишает его памяти». Десять лет назад лишить весь народ памяти решила группа энтузиастов во главе с зам. министра образования А.Г. Асмоловым. В «Базисном учебном плане средней образовательной школы» (М., 1993) история была исключена из преподавания полностью, а русский язык в нерусских школах сведен до минимума. Активное вмешательство ряда ученых помогло остановить эту диверсию. Но, разумеется, зам, имеющий второе гражданство, в нашей стране ничем не рискует. Примеры Березовского и Гусинского это продемонстрировали перед всем миром. А историю можно заменить и антиисторией. «Версия» в № 1 за 2002 г. дала информацию о встрече президента с несколькими историками под аншлагом: «Путин правит историю. России подыскивают новую колыбель вместо Киева». Судя по составу приглашенных, эта колыбель — Стокгольм. А историю полезно знать именно такой, какая она есть, дабы лучше понять настоящее и сделать соответственные выводы на будущее.

Глава I – Гипотезы и концепции

В свое время М.П. Погодин, полемизируя с С. Гедеоновым, справедливо заметил, что «всестороннее подробное изучение какого бы то ни было частного вопроса приносит величайшую пользу и оказывает благодетельное влияние на все последующие занятия, дает мерку, указывает приемы, приучает к взыскательности, расширяет кругозор»⁴. Частный вопрос в данном случае — это как раз проблема начала Руси. С обсуждения этой проблемы начинается русская историческая наука. В ходе ее разработки совершенствуется сама наука, предлагаются, испытываются, утверждаются или отбрасываются разные исследовательские приемы. Каждый более всего доверяет тому, что прошло через его личный опыт. Но та же проблема показывает, насколько ограничен и

4 М. Погодин. С. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // ЗАН. Т. VI. Приложение № 2. СПб., 1864. С. 3.

недостаточен личный опыт для достижения обоснованных выводов. Одни и те же факты получают разное, иногда противоположное осмысление в различных концепциях. Исследователи часто не могут даже понять друг друга, потому что говорят об одних и тех же предметах в разных плоскостях, ориентируются на несходные системы ценностей. Поэтому прежде чем выносить на обсуждение собственный опыт, необходимо осмыслить опыт предшественников.

Обычный в исследованиях обзор литературы — это как раз элемент осмысливания предшествующего опыта. Однако и в подходе к литературе уже действует определенная ценностная шкала, сказывается специфика методологического подхода. Известный автор середины прошедшего столетия В. А. Мошин, стремившийся придать спору о начале Руси «академический» характер, полагал, что «главным условием на право исследования вопроса о начале Русского государства должно быть знакомство со всем тем, что уже сделано в этой области»⁵. Это требование, справедливое при обращении к любой проблеме, в данном случае невыполнимо, если считать «сделанным» все опубликованное. Опубликованы десятки тысяч книг, статей, заметок, и в этом море легко утонуть, если не будет выверенного компаса. И осмыслены должны быть прежде всего стержневые факты, которые разводят исследователей по разным направлениям.

1. Система ценностей и исходных принципов

Историческая наука, как и все научное знание, проходит через три больших этапа поступательного развития: здравый смысл, позитивизм, диалектический материализм. На первом этапе наблюдается большой качественный разнобой исследований: от гениальных теорий и гипотез до безответственных и спекулятивных домыслов и «угадываний». Позитивизм впервые ввел научные построения в строгие рамки. Единообразные требования к исследованию ставили преграды легковесным спекулятивным писаниям, давали возможность получения сравнительных материалов. Но позитивизм и ограничивал, давил творческую мысль ученых, чей здравый смысл и исследовательский опыт не могли мириться с упрощенной схемой «положительной» методологии, согласно которой познавать надлежало лишь «мир явлений», в то время как «мир сущностей» мыслился как непознаваемый. Весь XIX век в академической сфере

5 В.А. Мошин. Варяго-русский вопрос // Slavia, R. X. S. I, v Praze. C.111.

обсуждались плюсы и минусы позитивизма. Но критика чаще всего не могла выйти за рамки той же методологической системы. Наиболее влиятельным «соперником» позитивизма явилось неокантианство, которое Ленин помещал в одни скобки с позитивизмом в их отношении к диалектическому материализму⁶. Более существенной была критика со стороны разных вариантов гегельянства. Последние, однако, никогда не имели господствующих позиций как в силу декларируемой идеалистичности философии Гегеля, так и — в особенности — в силу трудности усвоения диалектики.

Диалектика — и христианская, и гегелевская, и материалистическая — особенно необходима в изучении как раз общественных явлений. И диалектический материализм изначально сосредотачивал огонь не столько против идеализма в диалектике, сколько против метафизики в материализме. Энгельс не случайно подчеркивал, что метафизический материализм относится к гегелевской диалектике как низшая математика к высшей. Гегелевская система «и по методу и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм»⁷. В свою очередь Ленин заострял внимание на том, что без гегелевской диалектики материализм может быть «не столько сражающимся, сколько сражаемым»⁸.

Позитивизм стал главным противником диалектического материализма (и диалектики вообще) и потому, что он преобладал в академической науке, и потому, что с ним связаны наиболее характерные черты буржуазного мировоззрения, и потому, что, только «очистившись» от позитивизма, материализм мог стать диалектическим. Позитивизм постоянно имеет мощного союзника в обыденном сознании, традиции, видимой логичности и привычке мыслить метафизически, вести отсчет от какой-то «твёрдой» точки. «Бытие определяет сознание», «общественное бытие определяет общественное сознание» — эти формулы вполне приемлемы и для метафизического материализма, хотя механизм их взаимодействия требует и обращения к диалектике в любом ее понимании. И показательно, что основополагающий в христианской диалектике тезис о приоритете системы ценностей в общественной жизни, который практически не отражен у Гегеля и лишь намечен в диалектическом (историческом) материализме, получил убедительное

⁶ В.И. Ленин. ПСС. Т. 18. С. 214: «Суть дела состоит в коренном расхождении материализма со всем широким течением позитивизма, внутри которого находятся и Ог. Конт, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом».

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 285.

⁸ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 30.

обоснование под пером российского «правого гегельянца» и «западника» Б.Н. Чичерина.

Особенно устойчивыми позиции позитивизма оказались в важнейшей для мировоззрения области — в области познания. Усвоение основных выводов Маркса и Энгельса не устранило опасности постоянного возрождения позитивизма либо в его традиционных формах объективизма и культа «факта», либо в форме доктринализма, т. е. омертвления отдельных положений, правильных лишь в определенном историческом контексте. Критика Лениным гносеологических ошибок В.Г. Плеханова вызвала недоумение в стане «ортодоксов», которые и не поняли даже, что имелось в виду. Это побудило Ленина вернуться к вопросам теории познания уже не ради критики позитивизма в форме махизма или эмпириомонизма, а для преодоления позитивизма в форме остатков метафизики в представлениях ряда крупнейших марксистов XX столетия. Работы этой Ленин завершить не успел, остались лишь заметки, объединяемые темой «диалектика». Здесь Ленин и обратил внимание на конечную природу ошибок «ортодоксов». «Диалектика, — подчеркивает он, — и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона», а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»⁹.

Самое устойчивое заблуждение позитивизма заключается в убеждении, что познание начинается с анализа источников. Почти два столетия позитивизм мистифицирует не только широкую аудиторию, но и ученых, предлагая столь простой и будто бы материалистический путь познания. Факты и только затем концепции — это кажется совершенно естественным. Многие и многие ученые, искренне считавшие себя марксистами, не позволяли себе усомниться в «материалистичности» такого подхода. Позитивизм и родился в борьбе со спекулятивными теориями, с философскими школами, переоценившими возможности абстрактного разума. Между тем без предшествующего опыта невозможно никакое исследование, в том числе изучение источника. Отвергая философию, позитивизм неизбежно должен был создать свою философию, отвергая «привнесенные» философией теории познания, он должен был предложить свою теорию познания. В результате, протестуя против «априорного» знания, позитивизм сам вносил априорное знание, развенчивая эвристическое значение теории, сам возлагал большие надежды на свою теорию познания.

9 В.И. Ленин. ПСС. Т. 29. С. 321.

Вопреки декларациям позитивистов, исследование не может начинаться с источника, поскольку к источнику любой ученый подходит с определенным научным кругозором и системой ценностей. «Предшествующее развитие науки, — справедливо замечал советский философ И.Г. Герасимов, — задает уровень, на котором включаются в научно-исследовательскую деятельность последующие поколения ученых»¹⁰. Игнорируя этот очевидный факт, позитивизм лишает себя возможности правильно оценить доисточниковое, или, как его еще называют, «внеисточниковое» знание¹¹. Не может, естественно, позитивизм правильно осмыслить и весь ход познания, поскольку теория, «закон» в позитивистской схеме оторваны от фактов, являясь лишь выводом из них, не воздействующим на предшествующее знание.

Диалектика познания заключается прежде всего в том, что предшествующее знание со всеми его противоречиями служит отправным пунктом исследования. Диалектический материализм требует, чтобы это знание было систематизировано и оценено, очищено от неизбежных при позитивистском подходе априорных и догматических положений. Исследование немыслимо без четко определенной системы критериев и ценностей, через которую должен быть пропущен изучаемый материал. Лишь определив шкалу ценностей, имеет смысл переходить к оценке фактического материала, а также способов его «добычи» и изучения. В изложении результатов исследования картина неизбежно упрощается, причем именно в позитивистском духе: результаты кажутся выводом из совокупности материалов. На самом деле в процессе познания каждый новый факт и новая связь между явлениями немедленно пополняет «внеисточниковое» знание, так или иначе воздействуя на всю его структуру. Любая книга — это лишь этап познания, которого автор достигает в момент ее завершения.

В избранной теме приходится иметь дело с тремя проблемами, каждая из которых может служить основанием для целого комплекса монографических исследований: процессы этногенеза, классообразования и возникновения государственности. Вопросы эти неизбежно вызывали и вызывают острые споры, поскольку речь идет о коренных политических проблемах. Здесь, разумеется, может быть высказано лишь отношение к названным проблемам. Необходимо, в частности, определить отношение к таким ценностным категориям, как прогресс и регресс, поступательное и попятное движение.

10 И.Г. Герасимов. Научное исследование. М., 1972. С. 4.

11 Ср.: Е. Топольский. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. 1973, № 5.

Понятие прогресса в марксистской литературе связывается с поступательным развитием социально-экономических формаций, а более непосредственно — с развитием производительных сил. Но такой общей оценки для конкретных исследований недостаточно. К тому же оно и в общей постановке вопроса должно быть конкретизировано. Так, следует говорить не просто о росте производительных сил, а о росте материальных и духовных благ общества, причем наряду с ростом производительности труда должен учитываться и характер распределения результатов материальной и духовной деятельности (приближение к принципу разделения по труду). Феодализм по сравнению с рабовладельческой формацией нес во многих случаях регресс производства. Но он способствовал установлению более целесообразных отношений, что в будущем могло послужить базой для существенного подъема всего производства. Могло быть, однако, и такое разрушение производительных сил и сложившихся культур, которое отбрасывало человечество (по крайней мере данное общество) далеко назад.

Наука, как известно, открывает закономерности. Закономерности исторического процесса стремятся установить историки разных методологических школ, и соответственно неодинаково воспринимается само понятие закономерность. В позитивизме закономерность либо фатально неизбежное, жестко запрограммированное развитие событий, либо, вследствие абсолютизации релятивного начала, закономерность отрицается вовсе. И в том и в другом случае явления рассматриваются как равные себе независимо от пространства и времени, т. е. на любой территории в любой исторический период. Диалектический материализм исходит, во-первых, из представления о внутренней противоречивости самой закономерности, во-вторых, — из убеждения, что ««чистых» явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может... само понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания»¹².

Давая общую характеристику исторического процесса, Ленин предупреждал, что «в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад»¹³. «При общей закономерности развития, — полемизировал он с «ортодоксами»-догматиками в другом месте, — во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо

12 В.И. Ленин. ПСС. Т. 26. С. 241.

13 Там же. С. 142.

порядка этого развития»¹⁴. В литературе появились понятия «обратимости» и «необратимости» исторического процесса, а А.Н. Чистозвонов на примере генезиса капитализма попытался это примерно конкретизировать¹⁵.

В науке закономерность выявляется как бы в «чистом» виде. При этом в естественных науках условия для эксперимента специально создаются в лабораториях, в гуманитарных же обычно приходится абстрагироваться от случайного, внешнего (применительно к данному ряду явлений). После же того, как закономерность выявлена, она становится рычагом познания конкретного. И задача сводится, конечно, не к тому, чтобы объяснить закономерностью каждую отрубленную голову, а к тому, чтобы понять, в какой форме пробивается та или иная закономерность в определенный исторический период, какие силы задерживают или вообще отбрасывают назад закономерное, с точки зрения всемирно-исторической, развитие.

Роль случайного выше именно для древнейших обществ, когда в роли такого случайного могли выступать и вторжения неизвестных ранее в данном регионе народов, и природные явления, легко преодолимые в более развитых обществах. В древних обществах мы должны предполагать несовершенные и незавершенные процессы, причем незавершенность и попятные движения могли распространяться и на этногенетические процессы, и на классообразование, и на становление государственности.

Естественные теории второй половины XIX в., отвергнув божественное участие в происхождении жизни на земле, способствовали в ряде случаев утверждению положений, питавших расизм (что в условиях завершения формирования наций оказалось весьма актуальным). Марксизм в общей форме выступил против апологетики биологического начала в развитии обществ, подчеркнув решающую роль социального фактора. Но в то время марксисты опирались на сравнительно незначительный этнографический материал, а всякие новые данные, как правило, проходили стадию позитивистской обработки. В результате даже такие «ортодоксы», как К. Каутский, допускали известную переоценку биологического начала, а самое социальное содержание склонны были механизировать, переоценивая устойчивость условных рефлексов. Вопрос этот и сейчас нельзя считать решенным, причем оценке теперь подлежит огромный фактический материал. В современной археологической и лингвистической литературе, например, существуют две

14 В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 378–379.

15 А.Н. Чистозвонов. Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса (на материалах генезиса капитализма). ВИ. 1969, № 5.

резко расходящиеся точки зрения на время возникновения таких этносов, как кельты, германцы, славяне, причем амплитуда колебаний охватывает период от двух до нескольких десятков тысяч лет.

Следует подчеркнуть, что биологическое развитие ни в коей мере не тождественно лингвистическому и этническому. Антропологи единодушно отмечают неоднородность антропологических типов практически всех древних народов (не говоря уже о современных). Еще в эпоху палеолита пересекались пути «черной» и «белой» расы (негроидные антропологические типы достигали Причерноморья). Европейский неолит дал смешение «арийского» и монголоидного типов. Поскольку археологические культуры не совпадают с областями распространения тех или иных антропологических типов, а языковые зоны не совпадают с теми и иными, объем и качество фактического материала будет самым непосредственным образом зависеть от правильности методологического подхода.

Правильная оценка процессов древности — величина безусловно искомая. Вместе с тем изменение оценки может вести к существенно иным выводам. Поэтому, во-первых, необходимо сознательное отношение к исходным принципам, во-вторых, требуется учет зависимости конкретных построений от принятых методологических установок. В лингвистике, например, и до сих пор противостоят сравнительно-историческое языкознание и «яфетическая» теория Н.Я. Марра. Для той и другой теории имеется достаточный материал: та и другая теория оказывается правомерной при объяснении определенного ряда явлений. Но, как это часто бывает, теория, успешно решавшая частные проблемы, оказывается недостаточной при объяснении всего процесса в целом. Такова судьба всех метафизических построений. Индоевропеистика исходила (по крайней мере, в своем классическом варианте) из очень стройной, но метафизически ограниченной схемы: предполагалось, что человечество — это постоянное разделение некоего цельного этнического массива, представленного этническими группами, идущими от Сима, Хама и Афета. Эта теория при объяснении исторических условий возникновения реальных народов одной стороной как будто противостояла националистическим тенденциям, поскольку искала «пранарады», «праязыки» для больших групп народов. Но в ней содержались задатки и расистских теорий, которые расцвели пышным цветом в «индогерманистике» — немецкой националистической интерпретации той же теории. Объективная возможность в такого рода повороте заключалась в том, что исходным материалом исследования являлись большие замкнутые расовые

группы, изолированные друг от друга и в известном смысле противостоящие друг другу. «Яфетическая» теория Н.Я. Марра объявляла войну как раз расистским поползновениям, выливавшимся в той или иной форме из индоевропеистики. Согласно учению Марра, «различные народы создавались не в результате «вычитания» из каких-то расово изолированных, обособленных групп индоевропейцев, семитов, хамитов и т. д., а в результате «сложения» первоначально одних и тех же производственных групп с одинаковой или почти одинаковой культурой, позднее — племен и народов, уже различных по своей культуре».¹⁶

Для Марра и его последователей сравнительно-историческое языкознание было «буржуазным», и это правильно, если иметь в виду методологическую ограниченность всей буржуазной науки XIX–XX столетий рамками позитивизма и неокантианства. Но дело, конечно, не в «сравнительно-историческом» подходе, а в том, что и сравнение и историзм в классической индоевропеистике были формальными, механическими, однолинейными. Н.Я. Mapp — один из талантливейших ученых, осознавших ограниченность методологии домарксистской науки и пытавшийся дать марксистское осмысление всей огромной области знания, связанной с процессами этно- и глоттогенеза. И опыт его показывает, что для внедрения диалектико-материалистической методологии простой убежденности в ее познавательной ценности далеко не достаточно. Необходимо глубоко продуманное и отнюдь не механическое усвоение ее принципов применительно к конкретному материалу.

Н.Я. Mapp вполне правомерно соединил в единый комплекс три процесса: этногенез, глоттогенез и изменения в способе производства. Теория стадиальности явила принципиально новым явлением в истории обществоведения, но Mapp и его ученики не сумели правильно определить границы, до которых простирается действие открытых ими закономерностей. Ошибка заключалась в том, что, как и при сравнительно-историческом подходе, новые приемы исследования и новые представления были возведены в ранг всеобщих. Диалектика развития незаметно подменялась метафизикой: многогранность развития укладывалась в жесткую схему, где одинаковые причины всегда порождали одинаковые следствия, а причины оказывались всегда одинаковыми в силу однотипности и однолинейности всего развития.

16 С.Н. Быковский. Яфетический предок восточных славян — киммерийцы // Известия ГАИМК. Т. VIII, вып. 8-10. Л., 1931. С. 3.

Стадиальная теория Марра имела весьма актуальное значение в условиях борьбы с откровенно расистскими концепциями «науки» Третьего рейха. Отрицание сколько-нибудь существенной роли миграций и вообще внешних влияний сужали базу идеологической экспансии панарийцев и пангерманистов. Но, будучи правильной в противостоянии с расистской интерпретацией индоевропеистики, эта теория оказалась недостаточной в объяснении большого числа фактов. Эта теория вынуждена была закрывать глаза на внешние влияния, особенно на влияния опосредованные, не связанные с «материальным» скрещением разных этносов. Не учитывалась в должной мере также роль традиционных этнокультурных родственных связей, даже периодические «скачки» и «взрывы», менявшие облик этноса, представлялись однообразными в пространстве и времени.

В практике исследования над мыслью ученого обычно довлеют догмы того и другого направления. Само по себе это, видимо, не должно настороживать, поскольку оба направления безусловно имеют немало позитивного, но очень часто позитивные в частностях построения соединяются также механически, в результате чего лишь усиливается внутренняя противоречивость всего подхода. Так, заимствованная у Марра теория автохтонности оказалась не в состоянии не только правильно оценить факты миграций и внешних влияний, но даже и противостоять расизму, поскольку автохтонность стала убежищем «самобытности», легко возводимой в ранг национализма и исключительности. Положения, правильные теоретически, стали абсолютизироваться и применительно к любым конкретным специфическим условиям. Анализ явления в «чистом» виде механически переносился в такие ситуации, где его в чистом виде просто не могло быть. Такого рода механические перенесения затронули сферы и этногенеза, и социальной структуры, и политической надстройки.

Обращаясь к конкретному предмету исследования, необходимо, очевидно, учитывать как направленность, так и интенсивность процессов. Так, в Евразии в последние тысячелетия несомненно происходил процесс дробления каких-то относительно цельных этнокультурных общностей, причем для Европы определяющее значение имела именно индоевропейская общность. Однако одноплановая картина «ствол и ветви» не объясняет всего многообразия процессов, имевших место в действительности. Во-первых, картина развития вовсе не сводится к одностороннему движению в сторону распадения некогда единых общностей: постоянно происходит и встречное движение —

консолидация общностей на иной основе, в иных исторических и географических условиях. Во-вторых, любое единство неизбежно относительно, поскольку оно всегда включает в себя «непереваренные» остатки предшествующих общностей и соединяет также неоднозначные вновь возникающие тенденции и явления.

Каждая наука склонна самостоятельно обслуживать (за счет своих познавательных средств) такой круг вопросов, который лишь косвенно примыкает к ее основной проблематике, но без рассмотрения которых не обойтись. Заход в смежную сферу часто приводит к легковесным решениям или же возникает скептицизм в отношении возможности познания этих вопросов. Между тем объективная реальность только условно может быть поделена между разными науками, и исследование практически любой проблемы требует комплексного их применения. Возможности каждой науки ограничены, и методологически важно правильно осознавать эти границы. Но за пределами этих границ совсем не обязательно должна лежать область непознаваемого: очень часто непознаваемое в одной науке легко решается средствами другой. «Много лет, — заметил Ф.П. Филин, — ведутся споры о приоритете в освещении проблем этногенеза между лингвистами и археологами»¹⁷. Автор решает этот спор в пользу лингвистики, отмечая, что «попытки археологов использовать лингвистические данные в общем похожи на неумелые партизанские разведки»¹⁸. В успешность совместных исследований специалистов разных профилей автор не верит, считая, что партнеры «далеки еще от научнообоснованных и непротиворечивых синтетических обобщений»¹⁹. Действительно, «вторжение» в «чужую» область не проходит без издержек. И это касается не только археологов, но и лингвистов. Тем не менее прогресса можно ожидать не на путях самоизоляции наук, а лишь с овладением теми знаниями и методами, которые необходимы для решения самой проблемы. И нельзя, конечно, забывать при этом, что процесс развития общества изучает историческая наука, а синтетические обобщения немыслимы без обращения к философским проблемам.

Вряд ли стоит смущаться и того, что любые синтетические построения в настоящее время далеки от «непротиворечивых». Противоречивость предшествующего знания имеет объективную природу в противоречивости самих изучаемых явлений, а выявление разногласий между данными разных

17 Ф.П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 22.

18 Там же. С. 25.

19 Там же.

наук может пойти только на пользу всем им, поскольку потребует более глубокого обоснования их методов и схем. Так, современная антропология уже в состоянии проследить в общих чертах процесс изменения биофонда, из которого складываются исторические народы. Существенно, что представляется возможность учесть и естественные аспекты этого процесса (изменения в результате воздействия природной среды), и влияние социальных условий (тема крайне сложная и пока лишь обозначенная). Эти данные важно учитывать при оценке роли расовых и межплеменных смешаний.

Скептическое отношение к продуктивности «наложения» проистекает из того, что выводы разных наук не совпадают. Но самое несовпадение нередко является результатом подмены одних вопросов другими. Так, антропология изучает процесс изменения биофонда, а не этногенеза, что, как правильно подчеркивают сами антропологи, далеко не одно и то же. Взаимоотношение этих процессов может быть определено. Но, во-первых, это величина искомая, а во-вторых, установление ее — задача не только антропологии, но и исторического материализма. Вполне закономерно также, что антропологические типы не накладываются механически на археологические культуры. Но едва ли может быть сомнение в исключительной ценности фактов частичного их совпадения для понимания этнической истории. То же самое должно отнести и к данным лингвистики в их отношении к археологическим и антропологическим, тем более что и процесс глоттогенеза также не адекватен этногенезу и этнической истории. Значение же теоретических представлений хорошо выявляется на факте расхождения лингвистов в вопросе о хронологической глубине тех или иных языковых явлений. Некоторые лингвисты, исходя из факта существенного изменения языкового фонда исторических народов за последнее тысячелетие, склонны полагать, что еще тысячелетием раньше не было и самих этих языков. Это мнение оказало влияние и на некоторых археологов. Между тем интенсивность развития в последнее тысячелетие никак не может механически переноситься в предшествующий период. Десятилетиям нашего времени соответствуют многие столетия и тысячелетия древних эпох; чем глубже во мглу веков опускается взгляд исследователя, тем опаснее становятся простые аналогии с позднейшим временем.

Процесс этнических преобразований тесно связан с непрерывной ассимиляцией одних групп другими. В литературе ассимиляция иногда представляется либо как результат поглощения большинством меньшинства,

либо как следствие смешанных браков. Смешанные браки — безусловно важный фактор взаимодействия разных языков и культур. Экзогамия, широко распространенная у многих народов, способствовала не только биологическому оздоровлению этнического организма, но и стимулировала его социальное и культурное развитие. И все-таки не этот путь ассимиляции был преобладающим на протяжении тысячелетий. История Древнего мира дает нам классический пример того, как относительное меньшинство передает свой язык и многие элементы культуры самым различным народам, в том числе даже таким, которые стояли выше по уровню социально-культурного развития (этруски, греки, некоторые народы Востока). С аналогичными явлениями, в сущности, мы имеем дело и во многих других случаях, когда, например, культура мегалитов распространяется на огромных пространствах от Кавказа и Черного моря до западных берегов Атлантики и Британских островов и далее вплоть до Белого моря (лабиринт у Терского берега, обнажающийся во время отлива), а на юго-востоке «спускается» до юга Индостана.

Археологический материал сам по себе не позволяет представить форму организации многих бесписьменных народов, скажем, эпохи бронзы. Однако несомненно, что в этот период (II — начало I тыс. до н. э.) возникает социальное расслоение не только в Передней Азии, а и на большей части Европы. Социальное расслоение этого периода является следствием развития производительных сил и служит дальнейшему их прогрессу. На этой же основе возникают сложные политические образования, в рамках которых осуществляется широкий обмен материальными и культурными ценностями и, видимо, преобразуются или заново складываются единые для больших общностей языки.

Весьма вероятно, что общества эпохи бронзы и на европейской территории принимали форму ранних государств. Не исключено также, что в отдельных случаях внутренние противоречия приводили к гибели этих образований, причем причиной гибели могла явиться, между прочим, слабость государственного механизма, не способного удержать в узде возникшие противоречия. Схема, нарисованная Марром, слишком абстрактна и просто нереальна. Развитие общества шло несомненно в длительной (занимавшей многие тысячелетия) борьбе собственно кровнородственных и чисто социальных связей. Естественная (даже и для животного мира) кровнородственная форма организации на первых порах выполняла огромную положительную роль, обеспечивая определенную защиту индивиду. Позднее, по

традиции, кровнородственные отношения продолжают выступать формой, прикрывающей новое содержание — социальное расслоение. Государство рождается в сложной, полной противоречий и временных отступлений борьбе с кровнородственными и родоплеменными традициями. В ранних государствах можно видеть причудливое переплетение тех и других. И далеко не всегда исторический спор решался в пользу более перспективного.

Ранний железный век на многих территориях Средней и Северной Европы был временем известного регресса, причины которого пока остаются невыясненными. Так или иначе, переход к железу не был прямым восхождением. Но даже если бы изобретение железа явилось единственным положительным элементом, уцелевшим при крушении прежних цивилизаций, в более или менее отдаленном будущем это открытие должно было обеспечить дальнейшее развитие производительных сил. Другое дело, необходимо ли было для будущего прогресса разрушение довольно высоко организованных общественных структур эпохи бронзы.

Если говорить о прогрессивном развитии этнических обществ, то основное его направление должно идти по линии отрицания биологического и усиления социального начала. Практически это означает преодоление кровнородственных связей и расширение территориальных. Другим критерием прогресса может быть рост масштабов ранних объединений. В рамках таких объединений быстрее осуществлялось разделение труда и преодолевались сдерживающие его семейные формы функционирования производственных коллективов. В рамках же больших объединений легче осуществлялся обмен производственным опытом и больше было шансов на успех в борьбе с иными мирами, которые по тем или иным причинам должны были прийти в движение и могли быть не просто завоевателями, а и разрушителями сложившихся культур.

Важнейшим фактором устойчивости социального организма является такая форма его организации, как государство. Не случайно наука самых разных направлений рассматривала возникновение государства как своеобразный венец всего доисторического периода, как некую цель, к которой якобы стремились все народы. В нашей литературе отголосок таких представлений проявляется в своеобразной полемике по вопросу о времени возникновения тех или иных государств (у славян, германцев, народов Кавказа и Средней Азии и др.). Вместе с тем в работах, рассматривающих сущность государства, делается акцент на негативных сторонах его функционирования в классовом обществе: подчеркивается его репрессивное назначение в отношении основного класса

производителей. Столь противоречивые и несогласованные оценки возникают иногда и на страницах популярных изданий, а также учебных пособий, причем не всегда это противоречие как-либо объясняется. Между тем для рассмотрения вопроса происхождения как раз одного из крупнейших государств Средневековья совершенно необходимо не просто оценить положительные и отрицательные слагаемые этого явления, но и представить роль его в общем процессе развития очерченного им региона.

Вопросу о государстве посвящены специальные работы Энгельса и Ленина. Энгельс прямо поставил вопрос именно о происхождении государства. Ленин заострил некоторые выводы Энгельса в популярной лекции «О государстве»²⁰. Именно эти работы обычно привлекались у нас для оценки сущности государства. При этом, однако, не всегда делалось различие между сущностью и исторической ролью конкретного государства.

Нелишне напомнить, что работы Энгельса и Ленина были направлены против идеалистических и идеализированных представлений о государстве, как надклассовом или даже Богом данном инструменте, создающем гармонию в обществе. Ленину приходилось опровергать ревизионистов и «ортодоксов», противопоставлявших «демократическое», «общенародное» буржуазное государство молодому советскому. Энгельс и Ленин убедительно показали закономерный характер возникновения государства в результате процесса классообразования. Они показали, что, как правило, государство является машиной в руках господствующего класса и служит прежде всего интересам этого класса (даже если этот «класс» является криминальным по своей сути). В порядке исключения могут быть периоды, когда государственный механизм получает возможность лавировать между борющимися классами, как бы становясь над ними. Исключения эти (например, западноевропейский абсолютизм XVII–XVIII вв.) могли занимать и территориально, и хронологически заметный период. Будучи порождением общественных противоречий, государство с самого начала приобретает и относительную самостоятельность по отношению к обществу, поскольку и любой господствующий класс не является единым, распадаясь на соперничающие группировки.

Если говорить о роли государства в ранних обществах, то в большинстве случаев ее можно характеризовать как прогрессивную. Процесс

²⁰ К сожалению, эта важная лекция Ленина сохранилась лишь в стенографической записи, которую самому ему просмотреть не удалось.

классообразования, конечно, прогрессивен не сам по себе, а как формальное отражение и закрепление великого прогрессивного явления — разделения труда. В классовом разделении некоторые стороны этого явления оказались деформированными. Тем не менее на определенном этапе классовая дифференциация оставляет не только возможным, но и обязательным дальнейшее развитие. «Только рабство, — отмечает Энгельс, — сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры Древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы»²¹.

Цитированный текст нельзя, конечно, воспринимать как апологию рабства. Речь идет о том, что даже в форме рабства разделение труда может выполнять прогрессивную функцию. Что же касается государства, то в данном тексте о его прогрессивности Энгельс говорит как о чем-то само собой разумеющемся. Государство, безусловно, играет прогрессивную роль, пока прогрессивен класс, организующий производство. Именно государство и обеспечивает стабильность разделения труда на значительной территории. Государство периода восхождения формации в отдельные моменты способно подниматься и до решения задач, представляющих интерес для более широкого круга его подданных, а не только для социальной верхушки. Напротив, в периоды кризиса формации, в периоды, когда существующий способ производства становится тормозом для дальнейшего развития производительных сил, созидательные функции его отступают на задний план, подчиняясь функции удержания господства эксплуататорского меньшинства над основной массой производителей. Именно с такого рода государствами имела дело европейская буржуазия XVII–XIX вв., а с конца XIX в. такого рода государства представляли перед пролетариатом.

Если вопрос о созидательной роли классовых государств в определенный исторический период представляется достаточно ясным, логически вытекающим из понимания процесса классообразования как прогрессивного явления, то в связи с характеристикой самого этого процесса можно столкнуться с некоторыми недоразумениями. Речь идет прежде всего об известном замечании Энгельса о том, что «государство никоим образом не

21 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 185.

представляет собой силы, извне навязанной обществу»²². Это положение нередко понимается слишком буквально как способность и даже обязательность для каждого конкретного общества самостоительно, без внешнего вмешательства прийти к государству. В середине XX столетия на это положение смотрели в известной мере через призму автохтонной теории Марра, и одного этого тезисаказалось достаточным для опровержения всей теории норманизма. Между тем Энгельс имел в виду нечто иное: он противопоставлял диалектико-материалистический подход идеалистическому, для которого государство — нечто стоящее над обществом, вне общества, независимо от общества.

Энгельс рассматривал три наиболее характерных варианта образования государства: у греков, римлян и германцев. Свообразным эталоном образования государства оказываются Афины. «Возникновение государства у афинян, — по Энгельсу, — является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого насильтственного вмешательства, внешнего или внутреннего, — кратковременная узурпация власти Писистратом не оставила никаких следов, — с другой стороны, потому, что в данном случае весьма высоко развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества»²³.

В чистом виде общественные явления встречаются, конечно, крайне редко. Этапоны обычно оказываются исключениями, что, разумеется, не принижает их значения для открытия и изучения закономерности. Энгельс оговаривает возможные варианты деформации процесса: насильтственные вмешательства либо извне, либо изнутри данного общества (но отнюдь не вмешательство небесной силы). У римлян и германцев как раз и прослеживаются наиболее характерные варианты отклонения от «нормы». У римлян государство возникает в результате прежде всего противостояния (на первом этапе) «римского народа» и населения покоренных латинских округов — плебса²⁴. «В Риме, — отмечает Энгельс, — родовое общество превращается в замкнутую аристократию, окруженную многочисленным, стоящим вне этого общества, бесправным, но несущим обязанности плебсом; победа плебса взрывает старый родовой строй и на его развалинах воздвигает государство, в котором совершенно растворяются и родовая аристократия и плебс»²⁵.

22 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 169.

23 Там же. С. 119.

24 Там же. С. 126–127.

25 Там же. С. 169.

Расширение Римской республики и затем империи на все Средиземноморье должно рассматриваться уже с двух сторон: в плане эволюции собственно Римского государства и в плане тех изменений, которые римское завоевание приносит большому числу некогда самостоятельных народов, стоявших во многих случаях на довольно высоком уровне развития. «По всем странам бассейна Средиземного моря, — оценивал Энгельс этот процесс, — в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуртов, нориков — все они стали римлянами. Римское управление и римское право повсюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самодеятельности... Для громадной массы людей, живших на огромной территории, единственной объединяющей связью служило римское государство, а это последнее со временем сделалось их злейшим врагом и угнетателем... Вот к чему пришло римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»²⁶.

Не может быть никакого сомнения в том, что для перечисленных Энгельсом народов государство пришло «извне», и последствия этого явления в разные периоды были и для разных народов неодинаковыми. Пока Римская республика способна была к прогрессивному развитию, от этого прогресса имели что-то и некоторые народы, включенные в ее состав военной силой. Иными словами, для некоторых народов, раздираемых внутренними противоречиями, даже извне привнесенное государство означало положительное явление, а факт быстрой ассимиляции или романизации может являться свидетельством кризисного положения во многих обществах накануне завоевания. Взаимоотношения завоевателей и покоренных могли быть различными. Можно лишь отметить определенную закономерность: завоеватели способны принести нечто положительное лишь тогда, когда их общество и государство находятся на подъеме в экономическом и культурном отношении. Наиболее же упорное сопротивление завоевателям оказывают народы и племена, которые либо имеют свои сложившиеся государственные

26 Там же. С. 146–147.

институты, либо еще слишком далеки от того, чтобы воспринять этот инструмент классового общества.

Образование государства у германцев (многоэтничное население территории, которую римляне называли «Германией») — пример другого рода. Это случай, когда варвары сокрушают мировую империю. Германцы «в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между собой»²⁷. На первых порах (и на длительное время) государственные институты были отодвинуты на задний план, уступив место родовым, присущим в данное время германским и иллиро-венетским, кельтским и иным племенам, занимавшим в это время территории от границ Римской империи до Северного моря, Балтики, Среднего и Нижнего Подунавья. Но сам факт завоевания оказывается несовместимым с родовыми отношениями. Традиционные формы общественного устройства «выродились в результате завоевания», так как «господство над покоренными несовместимо с родовым строем»²⁸. «Германские народы, — поясняет эту мысль Энгельс, — ставшие господами римских провинций, должны были организовать управление этой завоеванной ими территорией. Однако невозможно было ни принять массы римлян в родовые объединения, ни господствовать над ними посредством последних. Во главе римских местных органов управления, вначале большей частью продолжавших существовать, надо было поставить вместо римского государства какой-то заменитель, а этим заменителем могло быть лишь другое государство. Органы родового строя должны были поэтому превратиться в органы государства, и притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро»²⁹.

Нетрудно убедиться в том, что у большинства народов государства возникали по названным образцам, т. е. в условиях, когда внешний для данного конкретного общества (но не для общества в целом) фактор деформировал процесс. Закономерность государства в чистом виде могла проявиться лишь в порядке исключения, так как только в порядке исключения могли существовать этнокультурные общности, практически изолированные от других, не подвергавшиеся угрозе покорения или даже уничтожения со стороны своих соседей или племен, переселявшихся из отдаленных районов в поисках удобных для жизни территорий. Довольно широко уже в древнейшем периоде истории человечества распространяется и опыт, как производственный, так и

27 Там же. С. 150.

28 Там же.

29 Там же. С. 150–151.

организационный. Рим, например, оказывал огромное влияние не только на покоренные народы, но и на многочисленные племена, составляющие ойкумену римской цивилизации. И лишь упадок Рима примерно со II в. приводит к оттеснению многих элементов его влияния местными или чьими-то другими, более соответствовавшими в данное время потребностям прогрессивного развития.

Таким образом, вопрос о том, каким путем должно возникать Древнерусское государство, не может прямолинейно связываться со спором норманистов и антнорманистов. Государство вполне может «прийти» извне данного конкретного общества в результате либо его завоевания, либо просто заимствования образцов. Даже сравнение уровня экономического и культурного развития не подскажет характера будущих отношений завоевателей и покоренных. Энгельс показывает, как народ-победитель был «покорен» римской культурой — культурой побежденных. Но процесс «покорения» занял 4 столетия — период, достаточный для существенного преобразования не только социальной структуры, но и самой этнической природы общества. С другой стороны, столкновения римлян с более высокой культурой этрусков привело в основном к подавлению последней — такой вариант также не исключение. В случаях значительной разницы в уровне культуры между завоевателями и завоеванными разрушение будет даже закономерным итогом.

Очевидно, в конкретно-историческом плане далеко не безразлично, из каких элементов реконструируется социальная верхушка общества. Иноязычные социальные верхи, несомненно, будут находиться в состоянии глубокой отчужденности от коренного населения. В этом случае на первом плане окажется репрессивная, а не созидающая функция государства. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, которые, возражая против норманистских концепций, полагают, будто состав и происхождение господствующего класса в тот или иной период не имеет значения. Как раз напротив, через состав господствующего класса нередко можно легче всего выявить особенности данной социальной структуры, особенно если учесть, что и источники наиболее представительно отражают как раз жизнь социальной верхушки.

Из сказанного следует, что спор норманистов и антнорманистов не может быть прямолинейно связан с методологическими расхождениями позитивистской и диалектико-материалистической наукой, хотя норманизм, как правило, питает только буржуазные мировоззренческие концепции. Даже идеализация созидающей роли государства, характерная для большинства

направлений норманизма, не дает оснований для его третирования, тем более что аналогичная идеализация характерна и для большинства антимарксистских построений, а в качестве частного случая такой идеализированный вариант возможен и в реальной действительности. Иными словами, обсуждение норманской проблемы невозможно без привлечения всего фактического материала.

2. Итоги трехвекового спора

Начало Руси — одна из наиболее спорных проблем, в решение которой были втянуты сотни крупных историков и лингвистов, не говоря о бесчисленном количестве популярных и дилетантских работ или исследований по частным вопросам и сюжетам. Из-за отсутствия достаточно обстоятельных историографических обзоров одни и те же факты и аргументы неоднократно заново проникали на страницы печати как нечто новое, а спор очень часто вращался вокруг относительно узкого круга вопросов. С другой стороны, в этой проблеме более чем во многих других сказывалась сдерживающая роль традиции, что подчас мешало продуктивному использованию новых теоретических достижений в языкоznании и истории. Тем не менее спорящие стороны накопили большой фактический материал, который из-за его противоречивости, как правило, распределялся между различными концепциями. В данном случае нет ни возможности, ни необходимости прослеживать все перипетии споров, достаточно выделить те аргументы и факты, которые и в наше время не вполне потеряли свое значение.

Обычное разделение литературы о начале Руси на два направления связывают с появлением в XVIII в. трудов З. Байера^{1} (1694–1738) и Г. Миллера (1705–1783), положивших основание норманизму, и возражениями им М.В. Ломоносова, стоявшего у истоков антимарксизма. В качестве предыстории иногда напоминают о первых притязаниях шведов на роль создателей Древнерусского государства в XVI–XVII вв. и твердой убежденности на Руси в происхождении «варягов» с Балтийского Поморья.

Байер и Миллер приехали в Россию в связи с организацией Академии наук в 1725 г., причем Миллер к этому времени успел окончить лишь курс Лейпцигского университета и помышлял не о научной, а об административной карьере. Влияние Байера и неудачи в чисто служебной сфере более четко

определили его интерес к истории. Байера в нашей литературе оценивают неодинаково, но преобладает панегирическое отношение как к создателю стройной системы критики источника.

В антиформанистской литературе, напротив, подчеркивается тенденциозность и односторонность Байера как исследователя. И.П. Шаскольский возражал против самого определения Байера как родоначальника норманизма, усматривая в этом преувеличение роли Байера в русской историографии³⁰. Автор, вслед за А.А. Шахматовым, склонен был считать «первым норманистом» уже создателя Начальной летописи — предположительно Нестора. Однако последнее соображение, как будет показано ниже, более чем спорно. Оценка же той или иной ориентации летописца как составителя свода в зависимости от конструирования теории норманизма вряд ли может зависеть (с таким же успехом можно говорить о преувеличении И.П. Шаскольским роли самой норманистской концепции в историографии).

Замечание А.А. Шахматова и следующего за ним И.П. Шаскольского справедливо в том отношении, что норманизм и антиформанизм (последний, как сказано, тоже) имеют за собой традиции в источниках. А.А. Куник, например, полагал, что антиформанизм надо вести с С. Герберштейна, а норманизм — с П. Петрея³¹. Следует только учитывать при этом, что соображения Герберштейна в значительной мере основаны на характеристике этнографического и географического материала, связанного с описанием положения на Балтике в начале XVI в. Этих соображений необходимо будет коснуться в связи с рассмотрением круга источников. Что касается Петрея (начало XVII в.), его замечание было лишь ни на чем не основанным и ничем не аргументированным домыслом.

3. Байер, безусловно, по праву считается основоположником норманизма. И дело не только в том, что он положил начало всей системе, всей основной аргументации этой концепции, действующей и до сих пор, — Байер противопоставил свою версию начала Руси иному взгляду, распространенному в его время не только в России, но и в Европе. Считалось, что варяги, с призываия которых летопись начинала русское государство, были выходцами с южного берега Балтики. Это представление, помимо названного выше Герберштейна, отражал в историческом лексиконе Дюре (1610). В Германии в начале XVIII в. спорили о том, был ли Рюрик славянином или германцем, но ни

30 И.П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. Л., 1965. С. 9.

31 А.А. Куник. Замечания. (По поводу критики Г. Фортинского). СПб., 1878, отд. отт. С. 1.

у кого не было сомнений в том, что он и его братья вышли с южного берега Балтики, из района, где издавна жили славяне, смешавшиеся, как полагали, с германским населением³².

Труд Байера «О варягах», с которого начинается норманизм, вовсе не отличает «строгость научной критики, точность научного доказательства», как этоказалось Н.Л. Рубинштейну³³. Летописное сказание о призвании варягов Байер вообще не анализировал, а его ссылки на летопись вызывали у Татищева обоснованное недоумение³⁴. Предшествующую традицию он отвергал доказательством, что пруссы не были славянами (позднейшая легенда о прибытии Рюрика из Пруссии), а вагры (версия Герберштейна) не были чистыми славянами. Но отсюда никак не вытекал вывод, будто варяги жили в Скандинавии³⁵.

Позитивная часть концепции Байера строилась на сообщении Берлинских анналов под 839 г., где упоминался народ «рос» и высказывалось предположение, что это — «свеоны»; сообщении Лиутпранда о тождестве русов с норманами (X в.), а также на сопоставлении «варяжских» имен со скандинавскими, датскими и континентальными, известными в Германии. Круг этих сопоставлений достаточно широк, но Байер считает вопрос решенным в пользу норманнов одним лишь отысканием параллелей, без этимологизации самих имен. Этимология дается только по отношению к именам, в славянском происхождении которых обычно не сомневались: Святослав, Всеволод, Владимир. Но уровень этих этимологий таков, что Татищеву не стоило особого труда отвергнуть их как совершенно несостоятельные³⁶.

Байер предложил и объяснение самого этнонима «варяг». Он связал его с германо-скандинавским «варг» — волк, переосмысленный как разбойник. В качестве параллелей в данном случае у него выступают и литовский «варас», и русское «вор».

Построение Байера было с чисто «академических» позиций проверено Татищевым, и именно Татищев указал на ряд ошибок и недоказательных аргументов Байера. Именно татищевский беспристрастный анализ должен

32 J. Dobrovsky. Wie soll Nestors Chronik... rein hergestellt werden? «J Muller Altrussische Geschichte nach Nestor». Berlin, 1812.

33 Cp.: Н.Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941. С. 96.

34 В.Н. Татищев. История Российской... Т. 1. М., 1962. С. 307–309.

35 В русской Академии наук первые десятилетия ее существования не было русских изданий. Работы печатались на латинском или немецком языках. Татищев перевел статью Байера «О варягах» и некоторые другие и включил в свою «Историю», снабдив примечаниями и возражениями.

36 В.Н. Татищев. История Российской... Т. I. С. 308–309. Cp. также С. 205 (относительно наименований порогов у Константина Багрянородного).

привлекаться в качестве оценки «научной строгости» и просто эрудированности Байера. Но, хотя Татищев и Байер писали свое труды в одно и то же время, первого начали издавать много лет спустя, когда имя Байера заняло уже прочное место в русской историографии. Да и позднее Татищев представлялся чуть ли не в качестве малодаровитого последователя Байера. Н.Л. Рубинштейн полагал даже, что «у него заимствовал Татищев норманскую теорию происхождения варягов-руси»³⁷. Это явное недоразумение, — Татищева в равной мере не убеждали ни старая версия о балтославянском происхождении Руси, ни норманская концепция Байера. Он, в частности, находил совершенно неудовлетворительными языковые разыскания Байера, которые, кстати, только и могут рассматриваться как нечто принципиально новое и оригинальное³⁸.

Татищев, однако, не предложил чего-то удовлетворительного в качестве альтернативы. Его сармато-финская теория показывает лишь широту замысла и ощущение сложности процесса этногенеза как взаимодействия разных племен и языков. Но конкретно-историческая часть теории в полной мере отражала шаткость и произвольность подобных построений в его времена.

Таким образом, основная мысль Байера заключалась в утверждении, что варяги и русь были не славянского, а германского, именно норманского происхождения. Именно в этом и заключалось зерно норманизма. В XVIII в. никто не сомневался в том, что только государство может служить основанием и условием общественного благодеяния. Не было также сомнения в определяющей роли монархов и героев в успешном функционировании государственного организма. Да и практика это как будто подтверждала: Петр I и Анна Ивановна, Меншиков и Бирон...

37 Н.Л. Рубинштейн. Указ. соч. С. 97.

38 Следует иметь в виду, что ни русского, ни других славянских языков Байер не знал и не стремился их узнат (чем удивил даже А. Шлецера). Он был ориенталистом, знал семитские языки, китайский. Даже германские его этимологии не демонстрируют особого знания германских (в частности скандинавских) языков. В славянских этимологиях Байер в значительной мере опирался на домыслы своего будущего решительного оппонента В.К. Тредьяковского, который предложил своеобразные образцы объяснения западноевропейских терминов из славянских корней, чем, независимо от своих намерений, дал, по выражению Ю. Венелина, «очень остроумную пародию на словоизводство Байера и Миллера».

Татищев В.Н. (1686–1750)

Популяризатором идей Байера явился Г. Миллер, опубликовавший «диссертацию»: «Происхождение имени и народа российского». Главным источником для автора явились датские и скандинавские саги, изложенные Саксоном Грамматиком и Снорри Стурлесоном, причем он целиком доверял заключенным в них легендам. Он отправлялся, в частности, от хронологии этих саг, согласно которой народ «русь» представлен активной силой, определявшей политическое развитие значительных территорий Восточной Европы уже с первых веков нашей эры. Для Миллера было существенным, что «россияне» на территории будущей Руси «за пришельцев почитаемы быть должны»³⁹. Следуя Байеру в определении этнической принадлежности варягов и руси как скандинавов-шведов, он не обратил внимания на то, что как раз в использованных им сагах «Русь» отделяется и отличается от скандинавов. Самое название «русь» он выводил от финского наименования шведов — ruotsi. Это положение остается на вооружении норманизма и по сей день⁴⁰.

Молодая наука признавала достойной науки только одну весьма неудобную для норманистов, о чем далее еще будет идти речь, проблему — происхождение. «Даже средневековая история, — замечал П.Н. Милюков, — считалась недостаточно достойным сюжетом для исторической науки того

39 Г. Миллер. Происхождение имени и народа российского. СПб., 1749. С. 12.

40 См.: Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. 1989, № 8. С. 25: «И до сих пор, хотя языковеды считают доказанной его скандинавскую этимологию (ссылка на публикации А.И. Попова и Г.А. Хабургаева. — А.К.), время от времени проявляется стремление обосновать любую — кроме скандинавской — его этимологию: готскую, прибалтийско-славянскую, иранскую, кельтскую или иную». В подстрочнике тезис «персонифицируется»: «Как правило, эти попытки предпринимаются исследователями, не имеющими филологической подготовки (см. напр., Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974, № 11). О сути проблемы поговорим ниже. Здесь же заметим, что главный исторический журнал «Вопросы языкоznания» филологически подготовленная Е.А. Мельникова, по-видимому, не читала и не знала, что в № 4 за 1980 г. была довольно жесткая статья-рецензия упомянутого автора о книге Г.А. Хабургаева и еще более жесткая критика ее в статье Ф.П. Филина. Е.А. Мельникова отсылает к этой статье и в позднейшем издании (под ее редакцией и предисловием) — «Древняя Русь в свете зарубежных источников». М., 2001. С. 12. Во второй книге статья почему-то названа иначе: «Эволюция названия русь в процессе становления Древнерусского государства».

времени»⁴¹. Но никто в XVIII в. не сомневался в животрепещущей актуальности этих «происхождений». Диссертация Миллера должна была произноситься на публичном заседании Академии наук 25 ноября 1749 г. — в восьмую годовщину вступления на престол Елизаветы. В XVIII в. Россия мыслилась как прямой преемник возникшей в IX в. Руси, а самый принцип преемственности — государственной и этнической — почтился определенным достоинством. Пожалуй, только Татищев был относительно индифферентен к этим вопросам, но он стоял вне Академии и не привлекался в качестве эксперта для оценки предполагаемой «речи». Руководство Академии, однако, в полной мере осознавало политическую значимость вопроса и предложило ознакомиться с диссертацией довольно широкому кругу академиков.

Почти все читавшие труд Миллера, в том числе и немецкие члены Академии, высказали более или менее значительные критические замечания в адрес Миллера. При этом все-таки немецкие деятели высказались в пользу норманского происхождения руси и варягов. П.Н. Крекшин — обладатель большого рукописного собрания и не слишком большого круга знаний — вступил прежде всего за «честь» и величие царствующего дома, начиная счет царей с Владимира Святославича и увязывая в единый генеалогический ряд Рюриковичей и Романовых. Варягов он в соответствии с предшествующей традицией считал за выходцев из Вагрии, не приводя, впрочем, каких-либо аргументов в пользу этой версии. Решительно возражал против построения Миллера В.К. Тредьяковский, настаивавший на тождестве варягов с балтийскими славянами и показавший, как слова, признававшиеся Миллером за германские, можно с таким же успехом (и так же неосновательно) истолковать как славянские⁴².

Таким образом, представление о том, что антинорманизм начинается с выступления М.В. Ломоносова, не вполне точно. Были и иные выступления, причем восстанавливала привычная, почти само собой разумеющаяся точка зрения (в Синопсисе она, в частности, таковой и выступает). Но лишь Ломоносов предложил аргументы, которые вошли в прямое столкновение с норманской концепцией.

Спор вокруг начала Руси, безусловно, способствовал выработке критического отношения к источникам. Ломоносов справедливо упрекал

41 П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Т. I. М., 1898. С. 72.

42 Ср.: В.К. Тредьяковский. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: 1) о первенстве языка словен перед тевтоническим, 2) о первоначалии россов, 3) о варягах-руссах. М., 1773. Автор отождествляет варягов с поморскими (балтийскими) славянами, а Рюрика выводит с острова Рюгена.

Миллера за одностороннее привлечение иностранных свидетельств и пренебрежение русскими источниками. «Правда, — оговаривался он, — что и в наших летописях не без вымыслов меж правою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках»⁴³. Считая, что Миллер «весьма немного читал российских летописей», Ломоносов упрекал Миллера также в произвольном обращении с иностранными источниками и произвольном толковании имен «в согласие своему мнению».

XVIII в. — время подъема национального самосознания. Ломоносова возмущало, что у Миллера «на всякой странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют... Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы Россию сделал столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»⁴⁴. Ломоносов считает необходимым начинать русскую историю со скифов, находя в этом отношении у Миллера шаг назад по сравнению с Байером, который посвятил специальный этюд происхождению скифов. И дело здесь не в том, что Ломоносов (как некоторые позднейшие авторы, в том числе и нашего времени) связывал славян со скифами этнически. Он исходил из представления, что славяне были соседями скифов, и если римляне, персы и македонцы ничего не могли поделать со скифами, то против славян они оказались несостоятельными.

Миллер название «Русь» связывал с пришельцами-скандинавами и относил его к IX в. Ломоносов настаивал на отождествлении руси с роксаланами (роксоланами) — версия, распространенная в космографиях XV–XVII вв. и неоднократно привлекавшая внимание многих авторов XIX–XX столетий. При этом он допускал явную ошибку, признавая племя славянским народом. Татищев был ближе к истине, когда замечал, что «многих писателей от незнания в погрешность привело, что их за славян почитать, а от них имя Россия неправильно производить начали»⁴⁵. Созвучие здесь, как будет показано ниже, не случайно (в рамках языка алан). С другой стороны, Татищев готов был «подарить» оппонентам «Роксаланию» как финское название Швеции (в форме «Ротсалайн», «Россалайн»), усматривая в этом названии след продвижения роксолан на север.

43 М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 20.

44 Там же. С. 21.

45 В.Н. Татищев. История Российской... Т. I. С. 282.

Довольно сложной представлена у Ломоносова картина происхождения варягов. Он отмечает, что летопись называет варягами разные прибалтийские народы, но варяги-русь в летописи занимают особое место. По мнению Ломоносова, они, вернее часть их, происходящая от роксалан, вместе с готами (по Ломоносову тоже славянами) пришли к балтийскому побережью, где язык их испытал влияние старогерманского. Германское и германо-скандинавское влияние сказалось также на отдельных варяжских именах, что явилось следствием постоянных контактов, в частности брачных.

В литературе часто противопоставляются (либо прямо, либо в замаскированной форме) методики немецких ученых и Ломоносова. Противопоставление обычно имеет в виду склонность Байера и его последователей оперировать данными источников, а Ломоносова — общими рассуждениями, нередко эмоционально-патриотического наполнения⁴⁶. Позитивист П.Н. Милюков, естественно, должен был отдать предпочтение Байеру. Естественно, что в построениях позитивистов Байер будет занимать самое почетное место. А между тем «неакадемическая» характеристика Ломоносовым Байера имеет и определенное методологическое значение. «Старается Байер, — говорит Ломоносов, — не столько о исследовании правды, сколько о том, чтобы показать, что он знает много языков и читал много книг. Мне кажется, что он немало походит на некоторого идольского жреца, который, окурив себя беленою и дурманом, и скорым на одной ноге вертением закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы»⁴⁷. Коэффициент полезного действия каждого факта, каждого привлеченного источника у Ломоносова значительно выше по сравнению не только с Миллером, но и Байером. Здравый смысл подсказывал Ломоносову такие решения, которые прямолинейно из источника как будто не вытекают и которые при формальном педантичном подходе даже и нельзя вывести из источника.

Формальная «ученость» Байера как бы освящала в глазах его норманистских последователей и его домыслы, хотя они никакого отношения к им же приводимым источникам не имели. Ломоносов, в частности, приводит хороший пример «скорого на одной ноге вертения» в совершенно произвольной перестройке Байером русских имен на скандинавский лад. Он находит особенно существенным то обстоятельство, «что на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования»⁴⁸, — простой и ясный аргумент, и совершенно

46 Ср.: Н.Л. Рубинштейн. Указ. соч. С. 87–92.

47 М.В. Ломоносов. Указ. соч. С. 31.

48 Там же. С. 30–31.

бесспорный. Но он лежит за пределами формального жонглирования источниками и фактами. И как это ни странно, и за последующие два с лишним столетия норманисты, обычно кичащиеся своей «ученостью», даже не попытались разрешить этот совершенно прямо и определенно поставленный им вопрос. Попытки этимологизирования отдельных имен (не говоря уже об их натянутости) не меняют общей картины, поскольку достаточным для утверждения норманистской концепции признается простое отыскание параллелей для русских имен в скандинавских. При этом игнорируется и другой указанный Ломоносовым факт: «Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако, следует ли из того, чтобы они были греки и евреи и говорили бы по-гречески, или по-еврейски?»⁴⁹

Преимущество Ломоносова перед немецкими академиками заключалось в гораздо более глубоком понимании сущности и связей между явлениями внешнего мира, в стихийном понимании того, что явление, факт не существуют сами по себе вне связи с другими явлениями и фактами. «Немецкая ученость» вместо сколько-нибудь обоснованной теории брала за основу наивный германоцентризм, через призму которого рассматривались и все явления истории славян и руси. И не случайно, что Миллер, признавая неудовлетворительность владения русским языком, считал это и не особенно важным, поскольку русские источники представлялись ему чем-то побочным даже и при изучении русской истории. Что же касается Байера, он принципиально не хотел даже в минимальной степени знакомиться с языком страны, в которую приехал «поднимать» науку.

Ломоносов М.В. (1711–1765)

⁴⁹ Там же. С. 31.

Ломоносов указал и на такой факт «отрицательного» характера: в русском языке практически нет германизмов, что было бы совершенно немыслимо, если бы русь или хотя бы только варяги были германским народом. В последующие два с лишним столетия норманисты пытались найти следы германизмов в русском языке и даже навязали сравнительному языкоznанию обязательство искать такие следы: этимология каждого слова должна предусмотреть возможность выведения его из германского. И тем не менее итог оказался весьма неутешительным для норманистов.

С точки зрения логики доказательства интересно и возражение Ломоносова по поводу происхождения названия «Русь» от финского наименования Швеции «Россалейна»⁵⁰. Ломоносов находит совершенно невероятным, чтобы «два народа, славяне и варяги, бросив свои прежние имена, назвались новым, не от них происшедшем, но взятым от чухонцев». Миллер ссылался на якобы аналогичный пример происхождения названий «Англия» и «Франция», но Ломоносов не без оснований возразил, что «пример англичан и франков, от него здесь присовокупленный, не в подтверждение его вымысла, но в опровержение служит: ибо там побежденные от победителей имя себе получили. А здесь ни победители от побежденных, ни побежденные от победителей, но все от чухонцев»⁵¹.

«Руотси» эксплуатировалось норманистами и позднее, и самим финнам пришлось разъяснить, что, собственно, имелось в виду. В середине XIX в. С. Гедеонов в полемике с А. Куником и М. Погодиным процитировал публикацию финского филолога Паррота, который «руотси» применительно к Швеции объяснил как «страна скал». Но это было определенное переосмысление, — согласно разъяснению Паррота, «если бы в лексиконе Гунеля, из которого Шлецер приводит переводное имя шведов, он отыскал настоящее значение слова Roots, он конечно бы не вздумал опираться на его звучание (с Рослагеном). Оно вообще обозначает хребет (Grat), ребро (Rippe), а в особенности ствол (Staengel) на листе. Перенесение этого понятия на береговые утесы или скалы (Scheren), коими преимущественно изобилует Швеция, делает понятным, почему финны называют Швецию Ruotsimaa, а эсты Rootsima

50 Имеется в виду «Рослаген» — область, лежащая на противоположной стороне от Финляндии, но получившая такое название лишь в XIII в. Обращалось внимание и на сохраняющееся до сих пор финское и эстонское названия Швеции — «Руотси»-«Роотси».

51 Там же. С. 37.

страною скал, Scherenland»⁵². Современное эстонское «роотс» означает именно «черешок, стебель».

Из позитивного материала Ломоносова имели определенное значение его лингвистические наблюдения, а также данные о «Неманской Руси». Комментируя легенду о призвании Рюрика из Пруссии или «из немец», как сказано в некоторых летописях XV в., Ломоносов обратил внимание на то, что Неман (по Ломоносову, «Немень») в нижнем течении носит название «Руса» (позднее это название сохранилось за одним рукавом Немана). С этой рекой он и связывает варягов-русь, пришедших, по преданию, в Новгород. Полемизируя с Байером, Ломоносов показывает родство литовских (прусского и курляндского) языков со славянскими, а также отождествляет славянский культ Перуна и литовский культ Перкуна. Позднее, в «Древней Российской истории», Ломоносов расширит круг источников и литературы о поморских славянах вообще и о Неманской Руси в частности⁵³.

В числе первых норманистов обычно называют и А. Шлецера (1735–1809). Действительно, Шлецер внес значительный вклад в систематизацию концепции норманизма, попытавшись укрепить ее фундамент за счет русской летописи. Но следует иметь в виду и некоторые его важные отступления от норманизма, за которые позднейшие норманисты его упрекали. В самом начале занятий русской историей (А. Шлецер жил в России с 1761 по 1769 г.) он отдал дань «хазарской» версии происхождения Руси, мимоходом высказанной М.М. Щербатовым (1733–1790). И позднее Шлецер только одной стороной поддерживал норманизм. Воссоздавая «очищенного Нестора», Шлецер видел особую заслугу предполагаемого первоначального русского летописца в том, что он якобы «говорит только о диких и порознь живущих небольших народах, а не о царствах»⁵⁴. Авторитетом Нестора Шлецер настойчиво стремился укрепить тезис о том, что до призыва германоязычных варягов-русов не было на Руси и Русского государства, а следовательно, и русской истории в полном смысле этого слова. «Никто не может более печатать, — категорически и самоуверенно заявлял Шлецер, — что Русь задолго до Рюрикова пришествия называлась уже Русью»⁵⁵. Но Шлецер же дал основания и для

52 С. Гедеонов. Отрывки исследований о варяжском вопросе // Приложение к I т. Записок имп. Академии наук. СПб., 1862, № 3. С. 16–17.

53 М.В. Ломоносов. Указ. соч. С. 183–187, 203–216. Автор дает, между прочим, отсылки на работы начала XVIII в. «берлинских ученых людей», а также на автора XVI в. Вейселя (Хроника старопрусской лифляндской и курляндской истории. Кенигсберг. 1599).

54 А. Шлецер. Нестор. Т. I. СПб., 1809. Предуведомление. С. XXIII.

55 Там же. С. XXVIII.

противоположного мнения: «Россы, осаждавшие в 866 г. Константинополь, — полагал он, — никак не могут быть Осколдовыми Руссами. Первые составляли великий, сильный, завоевательный и давно уже известный народ, приводивший в ужас все берега Черного моря»⁵⁶. Шлецер настойчиво (и в этом он прав) подчеркивает, что «это — особенный народ, неизвестная орда варваров, вероятно, народ прибрежный, показавшийся на Западе и исчезнувший»⁵⁷. Он думает, что «простое сходство в названии Рос и Рус обмануло и почтенного Нестора»⁵⁸.

Шлецер имел исключительный успех в последующей позитivistской традиции. Позитивисты не без основания видели в нем своеобразного предшественника, а А.А. Шахматов свои «Разыскания о древнейших русских сводах» рассматривал как прямое продолжение дела, начатого «великим Шлецером»⁵⁹. И уже в сравнительно недавнее время Н.Л. Рубинштейн видел особую заслугу Шлецера в требовании «точности научного исторического метода, ...точности доказательства каждого своего положения»⁶⁰. Он положительно оценивал «три этапа критического изучения», предложенные Шлецером: 1. «Что Нестор писал» (т. н. «малая критика»), 2. «Что он под сим разумел», и, наконец, 3. «Правильная ли его мысль» (т. е. «высшая критика»)⁶¹. Автор находит у Шлецера «уже современный принцип сличения и систематизации списков по так называемым фамилиям списков и путь к установлению их взаимоотношения, их генеалогии, дающей необходимую научную основу для их сличения и внутренней критики»⁶².

Н.Л. Рубинштейн, как, впрочем, и очень многие его предшественники, находил, что «дело Шлецера — критика текста». А «задачи «высшей критики» оказались в основном за рамками работы Шлецера»⁶³. Между тем Шлецер мог бы послужить хорошим примером для иллюстрации несостоятельности в принципе такого пути исследования, несовместимости его с требованием «точности научности исторического метода». Уже ученые первой половины XIX в. находили несостоятельными исходные посылки Шлецера, поскольку стало ясно, что «разнословия летописей не зависят только от одних ошибок переписчиков, но вместе с тем от известных мнений сочинителей

56 Там же. Т. II. СПб., 1816. С. 107.

57 Там же. С. 109.

58 Там же. С. 114. Шлецер посвящает целый ряд страниц (С. 86–117) доказательству различия русов и росов.

59 А.А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 111.

60 Н.Л. Рубинштейн. Указ. соч. С. 155.

61 Там же. С. 160–161.

62 Там же. С. 161.

63 Там же. С. 164.

современников»⁶⁴. А в конце столетия П.Н. Милюков, объясняя неудачу Шлецера в восстановлении «очищенного Нестора», должен был заметить, что «чистого Нестора не существовало: наши списки суть уже сборники частью из различных, частью из одних и тех же составных частей в разных сочетаниях и с разною степенью полноты»⁶⁵. Приверженец позитивизма П.Н. Милюков полагал, что все дело только в неудачной исходной посылке. Между тем исходная посылка и не может быть правильной при таком поэтапном подходе, который рекомендуется позитивизмом. Ведь для того, чтобы понять, например, что такое летописи, необходим был опыт двух столетий. То же самое относится к другим источникам. И, конечно, не может быть речи об успешном «восстановлении» какого-либо текста, даже об элементарном прочтении его без привлечения того, что может дать только т. н. «высшая критика».

Насколько несостоятельно отделение «малой» критики от «высшей», видно хотя бы из примера объяснения Шлецером судьбы причерноморских росов. Его не смущает то обстоятельство, что «великий, сильный, завоевательный и давно уже известный народ» вдруг внезапно исчезает уже в историческое время, после того, как он заявил о своем существовании большими походами на Византию. С Ломоносовым необязательно было соглашаться, когда он утверждал, что такой большой народ, как роксаланы, не мог исчезнуть бесследно, поскольку речь все-таки шла о довольно отдаленных временах (первых веках н. э.). Но, во всяком случае, методически Ломоносов прав: если большой народ существовал, то необходимо представить, куда он исчез, если многочисленный народ вторгается на данную территорию, то должен возникнуть вопрос: откуда и почему он переселяется? Закон сохранения вещества, открытый Ломоносовым, не так уж бессмысленен и в исторической науке.

Попытка Шлецера противопоставить русов и росов с языковой точки зрения, конечно, не может быть убедительной. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание. Зато представление о двойственной природе «Руси», о наличии такого этнонима и в Прибалтике, и в Причерноморье неоднократно привлекало к себе внимание впоследствии, побуждая возвращаться к свидетельству восточных источников о «двух видах» и «трех группах» русов. Здесь, во всяком случае, мы имеем дело с фактами, противоречивость которых невозможно ни устраниТЬ, ни объяснить с помощью

64 А. Попов. Шлецер. Рассуждение о русской историографии. М., 1847. С. 31.

65 П.Н. Милюков. Главные течения... С. 112.

т. н. «критики текста». Вместе с тем это именно факты, которые не могут быть просто отброшены как несоответствующие какой-либо концепции.

Первыми оппонентами Шлецера были Й. Добровский и Г. Эверс. Выдающийся славист Й. Добровский критиковал Шлецера за недостаточное знание славянских языков и за бессистемность операции «очищения» летописи. Именно Й. Добровский предложил тот путь, который иногда не вполне основательно находят у Шлецера⁶⁶. Но он исходил из того же ошибочного представления о летописях, что и Шлецер, а потому его рекомендации имели ограниченное значение. Гораздо глубже предмет исследования понимал другой оппонент Шлецера — Г. Эверс.

Если Шлецер был немцем и работал, по замечанию П.Н. Милюкова, для Германии, то Г. Эверс (1781–1830), будучи немцем, работал для России и являлся в полной мере русским ученым. Эверс был одним из сравнительно немногих историков, кто стремился создать цельную концепцию и процесса исторического развития, и процесса познания. И не случайно С.М. Соловьев отмечал позднее, что именно Эверс заставил его «думать над русской историей»⁶⁷. Эверс считал себя учеником и последователем Шлецера, но это были скорее комплиментарные декларации, поскольку он фактически отверг все построения Шлецера как общеисторические, так и методологические. Эверс видел в работе Шлецера неоднократные свидетельства того, как «простирают исторические предположения за пределы данного основания»⁶⁸. «Истинная история, — настаивал он, — должна признаться, что на важный вопрос... она не может отвечать с точностью до тех пор, пока не получит точку, с коей можно будет ей смотреть на происшествия того времени»⁶⁹. Такой «точкой», конечно, не мог быть любой отдельно взятый источник. И в этом отношении «здравый смысл» Эверса стоял выше позитивизма, но и найти «точку опоры» он не сумел, поскольку не мог преодолеть влияния как раз отрицательных, агностицистских элементов философии почитаемого им Канта⁷⁰.

Скептицизм в отношении возможностей познания заключался, между прочим, в том, что Эверс сомневался в возможности установить действительные причины возникновения государства, которое ему представлялось вообще результатом естественного развития. Но у него вполне

66 Ср.: А.Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань. 1969. С. 7. Его же: Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1967. С. 27–29.

67 С.М. Соловьев. Записки. «Прометей» (б.г., б.м.). С. 60.

68 Г. Эверс. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн.1, М., 1825. С. 79.

69 Там же. С. 56.

70 Ср.: В.И. Шевцов. Густав Эверс и русская историография // ВИ. 1975, № 3. С. 61, 65.

было достаточно и материала, и представлений о характере процесса возникновения государств, чтобы решительно отвергнуть априорный взгляд норманистов об этом процессе как о некоем моментальном акте, связанном с утверждением династии. «Рюриково самодержавие было неважно», — полагал Эверс, поскольку государство здесь «существовало и словом и делом до единодержавия Рюрика»⁷¹. Для него «призвание» Рюрика было лишь эпизодом, одним из обычных приглашений наемных отрядов викингов. Основная же линия развития проходила, в его представлении, на юге Руси. Именно на юге, в Причерноморье, обитал народ «рос» или «рус», который и дал начало Русскому государству. Поначалу этот народ он склонен был связывать с хазарами, а затем рассматривал как особый причерноморский народ⁷².

Эверс находил, что «естественнее искать руссов при Руском море, нежели при Варяжском»⁷³. Он мобилизовал и определенный материал в доказательство этого положения. Впоследствии эти материалы будут всплывать составными частями отдельных антинорманистских концепций, хотя в целом построение Эверса не было принято наукой. Зато аргументация Эверса против норманизма оказалась весьма действенной, сохраняясь в арсенале антинорманизма вплоть до наших дней (впрочем, не всегда с указанием на источник). По многим вопросам Эверс, в сущности, поддержал и развил критические замечания Ломоносова. Так, он отверг германо-скандинавское толкование имен договоров. Он отметил, в частности, что их истинное написание нам неизвестно. Главное же, на чем он делал акцент в чисто исследовательском плане, — это реальный вес данного аргумента. «Если бы скандинавское происхождение руссов, — говорит он, — было доказано другими доказательствами, то следовало бы признать правильными те, кои звучат наияснее по-скандинавски»⁷⁴. Точно таким же путем он отвергает норманистское истолкование днепровских порогов у Константина Багрянородного⁷⁵. По Эверсу, Дурич столь же успешно, как Тунман из скандинавского, объясняет «русские» наименования порогов из славянского, Болтин — из венгерского и кто-то может объяснить из мексиканского. Вслед за Ломоносовым Эверс подчеркивает, что «германских

71 Г. Эверс. Указ соч. С. 83, 84.

72 Теория хазарского или причерноморского происхождения Руси принадлежит собственно не Эверсу, а профессору Дерптского университета И.Г. Нейману. Характеристику концепции в целом см.: В.И. Шевцов. Происхождение русской государственности в сочинениях Густава Эверса // Вопросы историографии и источниковедения всеобщей истории. Днепропетровск. 1970.

73 Г. Эверс. Указ соч., Кн. 2. М., 1826. С. 205.

74 Там же. Кн. 1. С. 72.

75 Там же. С. 134–139.

слов очень мало в русском языке»⁷⁶. При этом оказывается, что за исключением «ладьи» все названия судов русь заимствовала у греков (а не у скандинавов, как должно было быть, если бы русь была скандинавским племенем). Не видит никаких следов параллелей для сказания о призвании варягов Эверс и в собственно скандинавских источниках, в частности в исландских сагах. В то же время Эверс впервые широко привлекает восточные источники, которые дают ему некоторый материал для локализации Руси в Причерноморье.

Несмотря на весомые аргументы против норманизма и большое уважение к Эверсу как ученому, идея «Причерноморской Руси» не получила сколько-нибудь заметного влияния в исторической науке. Эверс все-таки оказался более убедительным в критической части своих рассуждений, а позитивная часть была им лишь слабо намечена. К тому же колossalную поддержку норманизму оказал официальный историограф начала XIX в. Н.М. Карамзин. Для Карамзина, как и для многих норманистов, сам факт наличия неславянских имен в княжеской династии и социальной верхушке древнерусского общества являлся аргументом в пользу именно Скандинавии. Даже признав существование Неманской Руси и производя самое название «Пруссия» от реки Руза («порусье», по аналогии с «поморьем»), он не только не ставил под сомнение основные аргументы норманизма, но и Неманскую Русь представлял лишь как колонию норманнов⁷⁷.

Большой урон построениям Эверса нанес также Каченовский. Теорию южного происхождения и южнобалтийской природы варягов М.Т. Каченовский (1775–1842) попытался использовать как доказательство подложности или позднего (не ранее XIII–XIV вв.) происхождения русских летописей и других письменных памятников. Весь киевский период истории Руси ему представлялся «баснословным», а основание Новгорода как колонии балтийских славян, он относил ко времени не ранее XII в. В итоге для П. Буткова, например, «оборона» русской летописи сливалась с защитой тезиса о принадлежности ее псковскому монаху Нестору и норманистской интерпретации раздела, говорящего о возникновении государства⁷⁸.

На борьбе со «скептическими ересями» укрепилась и норманистская вера М.П. Погодина (1800–1875). Норманизм Погодина выглядел тем более

⁷⁶ Там же. С. 138. Норманистское истолкование названий днепровских порогов дал именно И. Тунман. Байер ограничился констатацией факта различия «русских» и славянских названий порогов, не видя удовлетворительных германских (или скандинавских) объяснений неславянским наименованиям.

⁷⁷ Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. 7. СПб., 1852 (Примечания к Т. 1–3.) С. 78–79.

⁷⁸ П. Бутков. Оборона летописи русской, Несторовой от навета скептиков. СПб., 1840. С. 68–95.

убедительным, что он начинал как антиформанист и принял норманизм якобы под давлением аргументов, вопреки антиформанистским «патриотическим» настроениям. Погодин являлся главным столпом норманизма на протяжении почти полу века с тридцатых до семидесятых годов XIX столетия. Но среди его противников находились и куда более основательные исследователи, чем Каченовский, и, нужно отдать должное Погодину, он не стремился слепо цепляться за каждое норманистское положение, уступая напору фактов.

К 30-м гг. XIX в. относятся и антиформанистские выступления Ю. Венелина (1802–1839). Талантливый славист, скончавшийся едва начав научную деятельность, уступал многим норманистам в эрудиции, зато мало кто из современников Венелина обладал таким критическим чутьем, умением обнажить слабые стороны аргументации оппонентов. Летописные тексты заставляли Венелина искать варягов на южном побережье Балтики, откуда, по его мнению, вообще происходило славянское заселение русского северо-запада. Венелин собрал также сведения восточных авторов о варягах, находя и в них доказательство южнобалтийского происхождения этого народа⁷⁹.

Во второй четверти XIX столетия на связь южнобалтийского побережья со славянской колонизацией русского северо-запада и возникновением государственности в Новгороде указывали так или иначе С. Руссов, М.А. Максимович, И. Боричевский⁸⁰. Последний автор мобилизовал значительный документальный материал о Неманской Руси. В 1842 г. появилась большая работа Ф.Л. Морошкина, в которой давалась наиболее полная к тому времени сводка известий о Руси на южнобалтийском побережье (в районе Немана и острова Рюгена)⁸¹. Несколько ранее Ф. Крузе подобного рода известия попытался истолковать как свидетельство господства германоязычных норманнов на южных берегах Балтики и Северного моря⁸². С 40-х гг. со

79 Ю. Венелин. Скандинавомания и ее поклонники. М., 1842; его же: О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен. М., 1848 (отт. из ЧМОИДР. Т.6); его же: Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных. М., 1870 (отт. из ЧМОИДР, Кн. 4). Впервые с критикой норманизма Ю. Венелин выступил еще в конце 20-х гг., первое издание «Скандинавомании...» вышло в 1836 году.

80 С. Руссов. Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России // ОЗ, ч.30 и 31. М., 1827; его же: О древностях России, новые толки и разбор их. СПб., 1836. М.А. Максимович. Откуда идет русская земля. По сказаниям Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев, 1837. И. Боричевский. Русы на южном берегу Балтийского моря // Маяк, ч. VII. СПб., 1840. Известный славист О. Бодянский также считал варягов балтийскими славянами, а русь, вслед за Эверсом и Нейманом, связывал с хазарами.

81 Ф.Л. Морошкин. Историко-критические исследования о руссах и славянах. СПб., 1842. Книге предшествовали ряд статей, вышедших в 30-х гг.

82 Ф. Крузе. О пределах Нормании и названии норманов и руссов // ЖМНП, ч. XXI. 1838. Ср.: его же: Происходят ли руссы от венедов и именно от ругов, обитавших в Северной Германии? // ЖМНП, ч. XXXIX.

статьями норманистского содержания начал выступать также А. Куник (1814–1903).

Венелин Ю.И. (1802–1839)

Главным столпом норманизма в этот период оставался, однако, М.П. Погодин. Именно Погодин прежде всего выступил против «новой ереси» Н.И. Костомарова (1817–1885), доказывавшего неманское («жмудское») происхождение Руси⁸³. Однако в ходе полемики норманизм Погодина претерпевал такие изменения, что аналогичные взгляды в наше время многие авторы не склонны считать норманистскими. «Главное, существенное в этом произшествии, относительно к происхождению Русского государства, — полагал Погодин, — есть не Новгород, а лицо Рюрика, как родоначальника династии. ...Младенец Рюриков, Игорь, — поясняет эту мысль Погодин, — с его дружиной, есть единственный ингредиент в составлении государства, тонкая нить, которою оно соединяется с последующими произшествиями. Все прочее перешло, не оставив следа. Если бы не было Игоря, то об этом северном эпизоде почти не пришлось бы, может быть, говорить в русской истории, или только мимоходом»⁸⁴. Иными словами, норманское участие в сложении Древнерусского государства сводится у Погодина к происхождению династии. Развитие же русского общества в целом от прибытия норманнов никак не зависело. С другой стороны, Погодин должен был согласиться с фактом существования Руси на южном берегу Балтики, хотя и склонен был объяснить природу этой Руси через призму норманистских представлений⁸⁵.

1843.

83 Н.И. Костомаров. Заметка на возражения о происхождении Руси // Современник. Т. 80, 1860, № 4. Его же. Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей // Современник. Т. 81, 1860, № 5. Устный диспут состоялся в 1859 году.

84 М. Погодин. Норманский период русской истории. М., 1859. С. 138.

85 М. Погодин. Борьба не на жизнь, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1876. С. 156, 390.

Выступление Костомарова имело довольно широкий резонанс. На него, в частности, обратил внимание Н.Г. Чернышевский. Но сам Костомаров скоро как будто охладел к своей идее, во всяком случае, он в дальнейшем к этому вопросу больше не обращался. Гораздо большие последствия для судеб обоих направлений имело исследование С. Гедеонова (1818–1878), вышедшее в 1862 г. под названием «Отрывки исследований о варяжском вопросе», а затем, в 1876 г., в переработанном виде, в качестве капитальной монографии «Варяги и Русь». Работа Гедеонова остается до сих пор непревзойденной по объему привлеченного материала, достаточно интересна она и по методу, хотя именно с этой стороны ее по сей день пытаются принизить некоторые норманисты-позитивисты.

Некоторые положения, не укладывающиеся в русло академического позитивизма, Гедеонов изложил уже в предисловии. Книга, замечает он здесь, «прежде всего протест против мнимонорманского происхождения Руси». Предвидя возможность упрека в предвзятости из-за «патриотических побуждений», Гедеонов оговаривается: «Не суетное, хотя и понятное чувство народности легло в основание этому протесту; он вызван и полным убеждением в правоте самого дела, и чисто практическими требованиями доведенной до безвыходного положения русской науки. Полторастолетний опыт доказал, что при доктрине скандинавского начала русского государства научная разработка древнейшей русской истории немыслима»⁸⁶. Гедеонов видел главную причину своеобразного тупика, в который зашла академическая наука по вопросу о начале Руси именно в том, что «неумолимое норманское veto тяготеет над разъяснением какого бы то ни было остатка нашей родной страны». Между тем, уже главный источник по обсуждаемым вопросам, летопись, является, по Гедеонову, «живым протестом народного русского духа против систематического онемечения Руси»⁸⁷.

В работе Гедеонова в гораздо большей мере, чем у Эверса или Венелина, заметно, как здравый смысл разрывает узкие позитивистские рамки «строгой» «немецкой учености» его оппонентов норманистов. Уже в цитированных положениях устанавливается такой характер связи причин и следствий, которые и до сих пор оказываются вне поля зрения самых «строгих» норманистов. Взаимосвязь, взаимообусловленность явлений, учет направленности процессов — все это намного расширяло и фактическую базу исследования, и арсенал

86 С. Гедеонов. Варяги и Русь. СПб., 1876. ч.1–2 (пагинация частей единая). С. V–VI.

87 Там же. С. VII, IX.

познавательных средств. Но Гедеонов не сформулировал (да, видимо, и не осмыслил) своих исследовательских принципов. А для многих его будущих оппонентов самая сильная сторона его научного мышления казалась проявлением дилетантизма, отсутствием академической школы.

Весьма убедительно разрушив многие норманистские представления, Гедеонов оказался, однако, менее доказательным в построении своей положительной схемы. Он пошел по пути совершенного разделения руси и варягов. Русь ему представлялась коренным населением Приднепровья, а варяги — балтийскими славянами. Династию киевских князей он выводил именно от славян-вендов — балтийских славян. Отождествление варягов и руси Гедеонов объяснял «ученой системой» предполагаемого автора Повести временных лет — Нестора. Он видел в летописи «не факты, а представление, какое монах XI–XII столетий себе составил об устройстве словено-русского общества в эпоху мифической древности»⁸⁸. «Сухость известий, а иногда и умышленное его молчание о княжеских родах до варягов, — полагал Гедеонов, — понятны; новая династия боялась воспоминаний и переворотов. Как у подозрительных греков, так и у нас не терпели князей из чужого рода... Из благочестия Нестор молчит о язычестве, из осторожности о прежних князьях, о судьбе, постигшей Мала и древлянский княжеский род после Ольгиной мести, и пр. Предание о Вадиме, о восстании новгородцев дошло до нас только в одном, позднейшем списке летописи»⁸⁹.

Даже полстолетия спустя А.А. Шахматов будет считать общественную среду, в которой возникали летописные сочинения, «недоступными» для нашего понимания⁹⁰. «Неученый» Гедеонов не знал о таких не переходимых гранях между знанием и незнанием, которые привносили в науку позитивизм и неокантианство. Он пытался увидеть за летописными строками не только то, что написано, но и то, о чем и почему умолчано. И если его конкретные соображения могут оказаться спорными (особенно потому, что сводного характера летописей он не учитывал), то сам принцип исследования — не только от текста к реальности, но и от реальности к тексту — был, безусловно, плодотворным.

Гедеонов убедительно показал, насколько далеким от истины может быть прямолинейное толкование источника, сколь многими факторами

88 Там же. С. 105, 106.

89 Там же. С. 125–126.

90 А.А. Шахматов. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о XII присуждении премии митр. Макария. СПб., 1910. С. 84–85.

обуславливается каждое утверждение или отрицание древнего автора. Но он не сумел с равной мерой критичности отнестись к собственным построениям: «... являясь самым опасным врагом норманской системы, — не без оснований писал в этой связи Ф. Фортинский, — Гедеонов, по нашему мнению, оказывается не особенно осмотрительным при постройке своей собственной»⁹¹. Фортинский относил к существенным недостаткам построения Гедеонова то обстоятельство, что необъясненным остался факт превращения варягов в норманнов, а также сохранение в Византии названия «варанги» вместо «викинги»⁹². Явно недостаточными были и этимологические экскурсы.

Насколько серьезным оказался удар, нанесенный Гедеоновым норманизму, показали выступления с возражениями ему двух главных столпов норманизма — М.П. Погодина и А.А. Куника. Если сопоставить аргументы того и другого, то окажется, что из суммы их почти набирается концепция... Гедеонова. Погодин считал главным недостатком построения Гедеонова его взгляд на летопись. По его мнению, Гедеонов «смотрит на летопись неверно. Нестор представляется ему сочинителем, воспитанником византийцев, с полуученными затеями, который не только имеет, но и составляет систему, соображает, очищает дошедшие до него сведения, связывает разнородные показания, изобретает средние члены и т. д.». «Совсем не так! — патетически возражает Погодин. — Нестор есть простой русский человек, со здравым смыслом, какие и теперь встречаются часто в простонародье, толковый человек, грамотный, но не грамотей, не краснобай. Он описывает, по выражению Пушкина: не мудрствуя лукаво...» По мнению Погодина, «приписывать киевскому монаху XI столетия, поступившему в монастырь 17 лет от роду, какое-нибудь желание провести свою любимую мысль — ни с чем не сообразно»⁹³. Куник также признал вопрос о способности Нестора создавать систему главным. Но он решил его в прямо противоположном смысле, нежели Погодин. «Не могу, — сразу определяет свою позицию Куник, — не заподозрить почтенного составителя летописного сборника в некоторой наклонности к произвольной систематике; но покуда не могу и вполне согласиться с г. Гедеоновым, будто бы Нестор, или тот, кому должно приписывать последнюю редакцию древнейшей Киевской летописи, искусственно проводит в сказании о происхождении Варяго-Руссов ученую систему»⁹⁴. Куник с бесспорностью обнаруживает такую

91 Ф. Фортинский. Варяги и Русь. Историческое исследование С. Гедеонова. СПб., 1878 (отд. отт.). С. 47.

92 Там же. С. 44.

93 М. Погодин. Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // ЗАН. Т. VI. Приложение № 2. СПб., 1864. С. 4–5.

94 А. Куник. Замечания. Там же. С. 53.

«систему» в рассказе о расселении славян, а потому полагает, что «вовсе не странно предполагать искусственную систему и в его сказаниях о Варяго-Руссах». Но он считает, что «доказать это осязательно было бы очень трудно»⁹⁵.

Таким образом, в главном Куник согласился не с Погодиным, а с Гедеоновым. Что же касается самого фактического материала, на котором строилась норманская система, то Погодин проявил значительно меньше уверенности в его доказательности, чем Куник. В этой части Погодин оказался склонным идти очень далеко навстречу Гедеонову. Он напоминает свои прежние мимоходом сделанные допущения, не исключая какого-то общего или сходного в основных чертах подхода: «...мы искали, — говорит он, — и указывали на норманство между славянами; г. Гедеонов находит славянство в норманнах. Читая внимательно его исследования, не соглашаясь со многими утверждениями, чувствуешь однажды невольно присутствие славянского участия, короткое знакомство и тесную связь между племенами славянскими и готскими, по близкому их соседству между собою»⁹⁶. Говоря о смешанном (датском и славянском) населении «Вагирской провинции», Погодин ранее сделал допущение, что «чуть ли не в этом углу Варяжского моря заключается ключ к тайне происхождения варягов и руси». Погодин полагал, что «если б, кажется, одно слово сорвалось еще с языка у Гельмольда, то все б нам стало ясно». Теперь, признает он, «это слово если не нашел, то, кажется, с успехом ищет Г. Гедеонов, и ловит некоторые звуки. Найди он это слово, и последует всеобщее примирение живых и мертвых, покойных и непокойных исследователей происхождения Руси, норманистов и славистов»⁹⁷.

Погодин М.П. (1800–1875)

95 Там же. С. 57–58.

96 М. Погодин. Г. Гедеонов и его система.... С. 1–2.

97 Там же. С. 2.

Хотя «слово», о котором говорит Погодин, в данном случае символизирует убедительность всей концепции, сама убедительность в представлении Погодина должна была опираться на прямое чтение источника. Уступая Гедеонову, Погодин соглашается с тем, что название «Русь» нельзя производить ни от финского «ruotsi», ни от шведских «родсов»⁹⁸. Но он считает возможным опираться на «Нестора», пользуясь тем, что Гедеонов, в сущности, без какого-либо сомнения отдал летопись норманистам — признал норманистом самого предполагаемого составителя первоначальной летописи.

Если в 40-е гг. XIX в., когда Гедеонов начинал свой труд о варягах и руси, еще господствовало представление о цельности и принадлежности одному автору Начальной летописи, то к 70-м гг., когда он подготовливал свое исследование в окончательном виде, такое представление было анахронизмом. Гедеонов, одним из первых заметивший тенденциозность летописных материалов, не смог ни понять, ни принять летопись как многослойный памятник. Он, в частности, вступил в полемику с Д.И. Иловайским (1832–1920), который в начале 70-х гг. выступил с обоснованием тезиса о позднем включении в состав Повести временных лет всего сказания о призвании варягов⁹⁹. Иловайский основное внимание уделил доказательству южного и славянского происхождения Руси. Его указание на чужеродность сказания о призвании варягов имело впоследствии широкий резонанс. Несколько иным путем к тому же выводу пришел позднее А.А. Шахматов. Этот вывод был взят на вооружение многими учеными, но Иловайский допустил своеобразный логический перескок. Доказательство факта вставки текста сказания у него автоматически вело к признанию его недостоверным. Напротив, Шахматов, признав позднее появление вставки и даже ее тенденциозность, тем не менее склонен был считать основное содержание сказания достоверным¹⁰⁰.

Вывод Иловайского и Шахматова о позднем включении текста сказания о призвании варягов в летопись, безусловно, имеет очень большое значение для всего исследования варяжского вопроса. Но непосредственно это с вопросом о достоверности сказания не связано. Сказание могло иметь более или менее длительную историю за пределами вообще летописи или данной летописи. Просто в этом случае приемы его исследования будут другими, нежели при

98 Там же. С. 6.

99 Д.И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М, 1882. С. 3, 46–47. Первые статьи автора по этим вопросам вышли в 1871–1872 гг. Первое издание «Разысканий», как и книга Гедеонова, — в 1876 г.

100 Ср.: А.А. Шахматов. Отзыв о сочинении Владимира Пархоменко «Начало христианства Руси». СПб., 1916 (отд. отт.). С. 258. Его же. Отзыв о труде В.А. Пархоменко: «Начало христианства Руси» // ЖМНП, ч.52. 1914, № 8. С. 342. Его же: Разыскания.... С. VIII–IX, 289–340.

анализе собственно летописных записей. В результате Иловайский необоснованно отказался от поисков какой-либо реальной основы сказания. Другой слабостью его работ явилось стремление придать неславянским корням (именам и терминам) славянское звучание и осмысление. У И. Первольфа сразу же по выходе первых публикаций было достаточно оснований заметить, что «этот способ этимологизирования вредит прекрасным работам г. Иловайского не менее, чем вредили русские корсары Византии»¹⁰¹.

Работы Гедеонова и Иловайского лишили норманизм ареала «строгой научности», поскольку было мобилизовано больше материала, чем это делали сами эрудированные норманисты. В конце XIX в. в исторической литературе в целом преобладало скептическое отношение к норманистским построениям. При этом А. Котляревский и И. Забелин обращались к балтийскому Поморью, а В.Г. Васильевский обосновывал положение о существовании Руси на юге задолго до «призыва». Сам норманизм в это время уже не покушается объяснить норманно-германским участием все явления жизни Древней Руси, а аргументация вынужденно обходит основные факты. А. Куник вынужден писать «Открытое письмо к сухопутным морякам», где «сухопутными моряками» именуются историки-антинорманисты, а обращается он к «подрастающему поколению», имеющему «пока непомраченный еще предубеждениями здравый смысл»¹⁰². Главный аргумент, с которым один из ведущих норманистов обращается теперь к молодежи, — это представление, будто существуют исконно морские и так же исконно сухопутные народы. Славяне, естественно, отнесены у него к последним. Работу В.И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и Испании» (СПб., 1859), где собраны источники о морских походах и переселениях славян, он, видимо, не знал, как не знал и о том, что именно славяне и славянизированные племена южного берега Балтики первыми осваивали Волго-Балтийский путь, колонизируя также острова Балтики и балтийское побережье Скандинавии. Своих оппонентов Куник пытается уязвить тем, что они не могут договориться между собой: Костомаров, Гедеонов, Иловайский предлагают весьма различные позитивные решения, объединяясь лишь неприятием норманизма.

Отсутствие доверия к норманистским построениям во второй половине XIX в. в научных кругах России привело к тому, что основная сводка аргументов в пользу норманнского происхождения Руси появилась за рубежом.

101 И. Первольф. Варяги-Руси и Балтийские славяне // ЖМНП, ч.192. СПб., 1877. С. 91.

102 А. Куник. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч.2. СПб., 1903. С. 1–2.

Датский ученый В. Томсен опубликовал курс лекций, прочитанных в Оксфордском университете, сначала в Англии (1877), затем в Германии (1879), потом в Швеции (1882). Книга эта и позднее издавалась неоднократно, в том числе и в русском переводе (1891). Полемику с антинорманистами В. Томсен подменил общей пренебрежительной оценкой их трудов. «Изо всей массы сочинений этого рода, — уверял он свою зарубежную аудиторию, — лишь ничтожная доля имеет научную ценность. Я называю здесь лишь одного писателя из лагеря антинорманистов, сочинение которого, по крайней мере, производит впечатление серьезной обдуманности и больших познаний, — С. Гедеонова»¹⁰³.

Должно заметить, что ни в том ни в другом отношении книжечка Томсена не может сравняться с капитальным трудом Гедеонова. Возражая против такого высокомерного отношения к работам антинорманистов, видный славист и норманист В.А. Мошин отмечал, что «патриотической подкладки» нет у «немца Эверса, еврея Хвольсона или беспристрастного исследователя Гедеонова» и что Эверса, Костомарова, Юревича, Антоновича и Иловайского «никак нельзя причислить к дилетантам»¹⁰⁴.

Томсен постулировал два положения, которые ему следовало бы доказать. Он исходил из того, что «имя варяги употреблено в смысле общего обозначения Скандинавии и что Русь есть имя отдельного скандинавского племени», что «племя, основавшее русское государство и давшее ему свое имя, было скандинавского происхождения»¹⁰⁵. В ходе исследования, однако, он не доказал ни того ни другого. Более того, на каждом шагу у него выявляются внутренние противоречия: так, говоря о погребении руса, описанного Ибн-Фадланом, Томсен должен оговариваться, что «арабский писатель, очевидно, перемешал здесь черты норманского и славянского быта». В результате вопрос решается весьма своеобразным и неоригинальным в длительном споре норманистов и антинорманистов «голосованием»: упоминаемый в сообщении корабль «указывает на народность, привычную к мореплаванию, чего нельзя сказать про русских славян»¹⁰⁶. Не находит Томсен и Руси в Скандинавии¹⁰⁷, в отношении же «варягов» он оговаривается, что «чисто норманское слово vaeringuyar... по своему смыслу является наполовину иностранным, так как оно обозначает только скандинавскую лейб-гвардию, состоящую на службе у византийского

103 В. Томсен. Начало русского государства. М., 1891. С. 19.

104 В.А. Мошин. Варяго-русский вопрос //Slavia, г.Х, с. 3, v Praze. 1931. С. 113, 114.

105 В. Томсен. Указ соч. С. 15, 16.

106 Там же. С. 47.

107 Там же. С. 80–85.

императора»¹⁰⁸. Находя «несомненным», что «в нравах и обычаях общественной жизни и государственных учреждениях России долго оставались признаки конкретной меры этого влияния», Томсен сам уклонялся от определения конкретной меры влияния, оставляя это на будущие исследования¹⁰⁹. И, как и у всех норманистов, у Томсена оставался, в сущности, единственный серьезный аргумент: параллели для варяго-русских имен в Скандинавии. И, как и в большинстве подобных работ, указание на параллель должно заменить доказательство, что это имя является по происхождению германским, или что именно германцами оно принесено на Русь. Действует все тот же универсальный принцип: если не славянское — значит германское.

К концу XIX столетия фонд письменных источников для решения вопроса о начале Руси в целом оказался исчерпанным, и для убедительного решения проблемы прямых данных стало уже недостаточно. Необходимо было, с одной стороны, привлечение каких-то новых источников, а с другой — существенно иной методологический подход. Выражая неудовлетворенность традиционной позитивистской методологией, один из последовательных антиформанистов писал: «Над словами и неясными фактами должна господствовать логика событий: теоретический вывод иногда может вернее угадать правду, чем запутанный исторический намек. Эта теоретическая правда, если она на верном пути, может найти себе подтверждение и сделаться аксиомой, когда найдутся для нее фактические доказательства из другой научной области, которой еще так скучно пользуется историческая наука, именно из области филологии и археологии»¹¹⁰.

«Теоретическая правда» и действительно должна была снять многие вопросы, как неверно поставленные или в не правильном направлении решаемые. Это, в частности, в первую очередь должно отнести к таким важнейшим обсуждаемым явлениям, как процесс формирования древнерусской народности и государственности. Но в академической науке конца XIX столетия теория еще не стояла «на верном пути», поскольку диалектика, в особенности материалистическая, встречалась как идеология, угрожавшая разрушить сложившиеся социально-политические отношения. Другие же методологии были не более перспективны, чем позитивизм.

108 Там же. С. 106.

109 Там же. С. 115.

110 В.М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч.1. Томск, 1894. С. 64.

Указание на возможность значительного расширения круга источников за счет филологических данных было вполне справедливым. Как раз в конце XIX в. сравнительно-историческое языкознание начинает даже доминировать в решении многих вопросов, связанных с историческими судьбами древнейших народов. Но на первых порах индоевропеистика могла лишь поддержать падающее здание норманизма, поскольку в европейской науке языкознание выступало прежде всего как «индогерманистика», т. е. все вопросы рассматривались прежде всего через призму германоцентризма. И это, в частности, сказалось на большинстве работ по славянской этимологии.

Примерно по той же причине на первых порах за норманизмом оставался приоритет и при использовании археологических материалов. Как и в филологии, в русской археологии своеобразным ориентиром являлись данные европейской, прежде всего германо-скандинавской археологии. Именно археологический материал был использован для нового массированного вторжения викингов на Русь в основательной работе Т. Арне «Швеция и Восток»¹¹¹. Это вторжение археологов шло рука об руку с аналогичным наступлением филологов, в ряду которых были, в частности, М. Фасмер и А. Стендер-Петерсен. Если учесть, что в первые годы Октября в правящих верхах преобладало негативное отношение ко всему, что могло быть как-то истолковано в национально-ограничительном плане, а история даже была исключена из преподавания в школах, то неудивительно, что в советской литературе преобладали поначалу работы норманистского характера¹¹², а один из давних норманистов, находившийся в эмиграции, заметил в 1925 г. с удовольствием, что «дни варягоборчества, к счастью, прошли»¹¹³.

«Новое учение» Н.Я. Марра вошло в непримиримое противоречие как с норманизмом, так и с антинорманизмом, если последний не отталкивался от абсолютной автохтонности. Стремление отыскать прямую зависимость между классовыми позициями авторов и их научными концепциями приводило к оценкам вроде того, что «норманская школа и почти все ее разновидности в основном отразили дворянско-монархическую концепцию, разновидности славянской школы — концепцию буржуазию, собственно торгово-

111 T. Arne. La Suede e l'orient. Upsala, 1914.

112 Ср.: П.П. Смирнов. Волзький шлях і стародавні Руси. Київ, 1928; Ю.В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930. Норманскую концепцию начала Руси принял в своих работах М.Н. Покровский. В 1928 г. был издан специальный сборник: Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. В нем, в частности, выражалась полная солидарность с норманистскими построениями Томсена (этому вопросу посвящена статья А.Е. Преснякова).

113 Ф.А. Браун. Варяги на Руси // Беседа. Т. 6–7. Берлин, 1925. С. 308.

буржуазную»¹¹⁴. «Старый норманизм, — говорит тот же автор, — доведенный до логического абсурда в новейшей работе П. Смирнова, а равно и разновидности старой славянской школы, должны уступить место новой схеме, осуждаемые — первая в основном, как дворянско-монархическая, вторая — как буржуазно-шовинистическая». Автор находит, что «впрочем, норманская школа изжила себя в работах М.Н. Покровского, превращенная последним в разрушение монархических идей четким выявлением грабительской роли князей-норманнов, возвеличенных ортодоксами-норманистами в качестве законных, по благородству крови, претендентов на престол»¹¹⁵. М.Н. Покровский придал норманизму противоположное значение, подчеркнув негативную роль государства. Но в этом вопросе, как и во многих других, у него наблюдалось как перенесение представлений об изживающей себя буржуазной государственной машине эпохи империализма в эпоху, когда государственный организм только складывается, так и общее негативное отношение (по той же причине) к русской истории.

Наступление фашизма, рост национализма снова пробудили политическую сторону концепции норманизма. Норманизм становится оружием в руках наиболее реакционных сил. С конца 30-х гг. с норманизмом ассоциируется обязательно антимарксистское понимание исторического процесса. Напротив, почти любая разновидность антинорманизма претендует на то, чтобы выступать от имени исторического материализма. В основном же норманизм отвергается за счет ряда положений, содержание которых было рассмотрено выше. Конкретная аргументация норманистов при этом почти не рассматривалась и постепенно стала выпадать из работ, посвященных началу Руси.

Критический пересмотр некоторых теоретических положений в 50–60-е гг., коснувшийся многих важных философских и исторических проблем, привел к быстрому возрождению норманизма. Старые, традиционные норманистские аргументы вдруг предстали как откровения, хотя они уже неоднократно опровергались. В филологии это прошло почти незаметно в ходе преодоления некоторых заблуждений Марра. В археологии развернулась полемика, которая продолжается и по сей день. Состояние этой полемики на середину 60-х гг. представлено в специальных монографиях В.П. Шушарина и И.П. Шаскольского¹¹⁶. В целом норманизм укреплял свои позиции, очень часто все

114 С.Н. Быковский. Яфетический предок... С. 3.

115 Там же. С. 99.

116 В.П. Шушарин. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964; И.П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.-Л., 1965.

еще выступая под флагом антинорманизма. И не случайно болгарский ученый Е. Михайлов констатировал, что советскими историками доказана подготовленность восточного славянства к принятию государственности к IX в. и показано, что политическая сторона этого процесса окрашена активным норманским участием¹¹⁷. С 70-х гг. во властных структурах заметно поднимается та сила, которая привела к развалу страны и ее экономики. В археологической литературе появились работы, в которых доказывалась преобладающая роль норманнов в социальной верхушке древнерусского общества и даже в населении важных экономических центров Руси¹¹⁸. В академической сфере антинорманистам становится все труднее изложить свое видение проблемы. Лишь обрывками публиковались статьи Г.П. Смирновой, в руках которой находился огромный керамический материал, свидетельствующий о заселении Новгорода и Северо-Запада Руси балтийскими славянами. В публикации И.П. Шаскольского 1983 г. антинорманизм, по существу, осуждается, и автор становится на позиции норманизма. «В отличие от антинорманистов, — заключает автор свой выпад против них, — мы возражаем против норманистской концепции об основании Древнерусского государства не потому, что мы не хотим признавать ведущую роль скандинавов в важнейшем событии начала нашей политической истории, а потому, что в свете данных современной науки иноземные пришельцы были не в состоянии создать государство (а следовательно, и классовое общество) на огромном пространстве восточнославянских земель»¹¹⁹.

Приверженность «марксизму» автор подтверждает традиционной ссылкой на высказывание Энгельса: «Государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу». И, как и большинство подобных «марксистов», он не замечает, что Энгельс спорил с идеалистами, переносившими причины возникновения государств на небо. «Извне» же (т. е. в результате внешних завоеваний) возникло множество государств Европы. А переход Шаскольского на позиции норманизма фиксируется заключением: «Марксистские ученые (в этом тоже их принципиальное отличие от антинорманистов) не отрицают скандинавского происхождения варягов и самого факта пребывания скандинавов на Руси в IX–XI вв. и их участия в

117 Е. Михайлов. Съветската историческа наука за образуването на древнеруската държава // Исторически преглед. София, 1970, № 3. С. 89–99. Ср.: А.Г. Кузьмин. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси // ВИ. 1971, № 2.

118 Ср.: Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.

119 И.П. Шаскольский. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 49.

событиях, приведших к формированию и дальнейшему развитию Древнерусского государства»¹²⁰. Как вспоминал недавно один из убежденных норманистов Л.С. Клейн, И.П. Шаскольский лишь маскировал свои норманистские взгляды ссылкой на «марксизм». При обсуждении его книги в «норманском семинаре» ЛГУ в 1965 г. автор заранее согласовал свое выступление с руководителем семинара¹²¹. Вспомнил автор и о том, что бывший в то время зам. редактора журнала «Вопросы истории» Кузьмин выразил свое несогласие с обвинением соавторов «в немарксизме». Могу сказать больше. Мне всегда представлялось, что истинным норманистом и немарксистом являлся именно И.П. Шаскольский. В концепции трех авторов и в ряде других публикаций археологов культуры Северо-Запада Руси IX–X вв. представлялись неким синтезом или смешением скандинавских и угро-финских древностей. А проявился в этой смеси почему-то славянский язык. Этот факт, собственно, и являлся главным, вытекающим из материалов названных археологов¹²². И.П. Шаскольский это хорошо понимал и потому настаивал: не завышать процент «норманских» древностей (конечно, ради спасения самой норманской концепции).

Своеборзное восстание против концепций 40–50-х гг. нельзя объяснить только издержками натурфилософского подхода, хотя и таковой имеет немаловажное значение. Играет роль и то обстоятельство, что многочисленный новый археологический материал не укладывался в жесткую схему автохтонности и этнической однородности. Но вместо поисков новых решений некоторые авторы излишне доверчиво хватались за готовые старые. Снова встает альтернатива: славяне или германцы-норманны, как будто никаких иных групп в Европе и не было. При этом нередко ход рассуждений практически совпадает с крайними норманистскими представлениями: славянское должно выглядеть как нечто совершенно идентичное в пространстве и времени, а германское — это все, что оказывается за пределами такой идентичности.

В споре норманистов и антинорманистов за два с лишним столетия было немало разнообразных подмен, затемняющих суть дела. Одна из таких подмен

120 Там же. С. 50. В число подобных «марксистов» автор зачислил и академиков М.Н. Тихомирова и Б.А. Рыбакова — последовательных приверженцев антинорманизма.

121 Л.С. Клейн. Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии. «STRATUM». Неславянское в славянском мире. 1999, № 5. С. 2. («Вы будете главным моим противником, но не я буду главным Вашим противником» — определил свою позицию автор книги. Автор напомнил также, что принципиальная статья «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» в соавторстве с Г.С. Лебедевым и В.А. Назаренко, была опубликована в 1970 году именно в сборнике под редакцией И.П. Шаскольского. («Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв.»)).

122 Об этом и говорилось в статьях 70-х гг.

произошла при зарождении норманизма в археологии. Ко второй половине XIX в. норманизм в целом потерпел поражение в толковании письменных источников. Но норманисты-археологи игнорировали это обстоятельство и за основу брали именно сомнительное или вообще несостоятельное норманистское толкование источников и отправлялись от него. Позднее, однако, складывалось впечатление, будто в основу извне привнесенного вывода лег археологический материал, а этот вывод в свою очередь возвращался в историю и филологию в качестве внешних достоверных данных. Происходит то, что антнорманисты неоднократно и не без оснований именовали «софистикой».

Следует, однако, оговорить, что часто исследователь невольно оказывается жертвой «софистики», поскольку ему приходится выбирать между норманизмом и славянством. Археолог и филолог, занимаясь частным вопросом, естественно, не может мимоходом решать глобальные проблемы: он вынужден ориентироваться на одно из двух предложенных решений. Некоторое время назад и автору настоящей книги казалось, например, что варяжская легенда недостоверна, поскольку она поздно вошла в состав летописи и поскольку, как будто вопреки логике, германоязычные пришельцы воздвигают славянские города¹²³. Но отмеченное противоречие может иметь и иное решение: оно просто перестает быть противоречием, если окажется, что варяги вовсе и не были германоязычными. Этот подход проявился в публикациях 70–90-х гг., которые в целом ставили задачу разобраться в этнических процессах в Европе начиная с эпохи бронзы. Принципиальное значение имели публикации 70-х гг., обозначивших новое направление поисков¹²⁴, а принципиальный подход к данной теме в целом намечен в публикации «Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении»¹²⁵.

В цитированной выше статье-мемуарах Л.С. Клейн выстроил семь ступеней «Лестницы в преисподнюю норманизма». Он прав в том, что выводы «а ля Майн Кампф» из норманизма необязательны. Но, конечно, возможны. Поэтому внимательно следует отнестись и к тем ступеням, которые автор считает научно доказанными. Это именно первые ступени. Автор формулирует их так: «1. Упоминаемые летописью варяги — это скандинавские германцы,

123 Ср.: А.Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; Его же: Две концепции начала Руси в Повести временных лет // История СССР, 1969, № 6; Его же: Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 100–111, 156–159.

124 Его же. Варяги и Русь на Балтике // ВИ. 1970, № 10; Об этнической природе варягов // ВИ, 1974, № 11.

125 Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. Кузьмин А.Г. М., 1999.

норманны. 2. Основателями княжеской династии Киевского государства явились варяжские вожди Рюрик и другие, призванные восточными славянами и их соседями, или, может быть, насильственно вторгшиеся. 3. Они привели с собой свое племя варягов, называемое Русь, и от них это название перешло на восточных славян». Это действительно основа и последующих (идеологических) ступенек. Но автору кажется, что норманизм на этих ступенях уже безраздельно торжествует: «Кто сейчас отрицает, что варяги — норманны? Странно и смешно подумать, но факт: с точки зрения антиформанистов прошлых двух веков, ... все советские историки — норманисты (за исключением разве что В.Б. Вилинбахова)». Конечно, в местах не столь отдаленных за литературой следить было трудно, а в наши дни, когда тиражи упали в сотни раз, многих публикаций не найдешь и в библиотеках. Но, скажем, книги и статьи упомянутого зам. ред. журнала общим тиражом в сотни тысяч экземпляров, написаны с последовательно антиформанистских позиций, а статья «Об этнической природе варягов» переведена и в Европе и за Океаном, и возражений по существу пока встречать не приходилось. А возражения типа «не-филолог» (Е.А. Мельникова) или приписывание оппоненту чтения, противоположные написанному (А.В. Назаренко), показывают, что современные норманисты мимо «первых ступеней» перепрыгнули сразу в последнюю. В настоящей работе предпринимается попытка взглянуть на спорные вопросы начала Руси через призму всего этнополитического развития Восточной и Центральной Европы. С этой позиции (позиции исторического процесса) предполагается заново рассмотреть давно известные факты и, по возможности, привлечь новые, найти им место, при их кажущейся противоречивости, в определенной системе. Исторические судьбы славян, этническая природа варягов, соотношение славян, варягов, руси, конкретные условия появления в Восточной Европе государства Руси — традиционные вопросы, которые и в настоящей книге стоят на первом плане.

Глава II – Из предыстории народов Европы

Когда речь заходит об отдаленном прошлом, обычно жалуются на недостаток источников. В действительности их так много, что в целом охватить их никто не сможет.

Неисчерпаемым источником для познания прошлого является современная действительность. Настоящее — это продолжение процессов, в том числе и тех, истоки которых лежат в доисторических эпохах. Физический облик человека складывался тысячелетиями. И многообразие антропологических типов в рамках одного народа указывает на многочисленные схождения и разделения этносов прошлого. Результатом многовековых изменений под воздействием разных факторов является любой современный язык. И даже в культуре, в том, что называется «национальным характером», отражаются лишь те или иные специфические исторические условия, аккумулированные и воспринятые как этические нормы для передачи последующим поколениям. А своего рода вехами исторических процессов являются разрозненные, но бесчисленные свидетельства письменные, археологические, антропологические, палеогеографические. Весьма ограниченные, взятые изолированно, эти «фрагменты действительности», при истинном осмыслиении процесса, становятся маяками, бросающими свет на значительную прилегающую к ним округу. Иными словами, точность понимания отдельных фактов решающим образом зависит от всей наличной суммы знаний, и чем отдаленее эпоха, тем большую роль приобретает методология.

Одним из негативных результатов господства позитивизма в науке является разобщенность даже близких дисциплин. Известный ученый Д.Ж. Томсон, указав на очевидную близость этнологии и археологии, заметил, что «до сих пор, однако, не было сделано ни одной сколько-нибудь успешной попытки сопоставить между собой данные этих двух наук»¹²⁶. А фронт сопоставления должен быть существенно расширен. Автор напоминает слова французского этнографа А.В. де Праденна: «При ограниченности кругозора предыстория как наука не может двигаться вперед: она заходит в тупик, начинает просто фиксировать время и окончательно вязнет в болоте. Единственный путь к разрешению вопроса — это атака всех проблем сразу по всему фронту»¹²⁷.

Этнические и культурные особенности Руси унаследовали главным образом русский, украинский и белорусский народы. От этой довольно определенной точки опоры можно пытаться с помощью сравнительно-исторического метода спускаться в глубь веков, используя, в частности, мало меняющийся антропологический материал, более изменчивый, но достаточно представительный за последнее тысячелетие круг языковых данных.

126 Д.Ж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 28.

127 Там же. С. 30

Топонимика и ономастика позволяют продвинуться и еще далее в глубь веков, из которых как бы навстречу выходит материал археологических культур и смутных самих по себе фольклорно-обрядовых мотивов.

И антропология, и археология, и этнография, и лингвистика указывают на славянское и неславянское население в Руси. Их соотношение, конечно, является величиной искомой, но в принципе оно определимо. Само славянство, как и все прочие народы, также включает «собственно» славянские и неславянские элементы, причем до такой степени, что разногласия существуют и по вопросу о том, что считать «исходным» славянским. Что касается «руси», как особого этноса до его слияния со славянами, то «родственников» ему ищут едва ли не во всех частях Европейского континента. Это в известной мере предопределяет абрис подлежащих обследованию территорий.

1. Проблема индоевропейского заселения Европы

Большинство современных европейских языков принадлежит к одной языковой группе, а населяющие континент народы относятся преимущественно к одной расе. Два столетия ученые разных стран обсуждают проблемы происхождения индоевропейцев, этапы их расселения, сочетание индоевропейского и неиндоевропейского в разных народах и т. д. Здесь, естественно, необходимо оценить только некоторые принципиальные подходы, важные для вопросов, поставленных в книге.

Методологическое значение для данной темы могут иметь три аспекта индоевропейской проблемы: 1. Характер «исходной» индоевропейской общности. 2. Ее «праордина». 3. Хронологическая глубина. Классическая индоевропеистика представляла исходную область монолитной, резко отличавшейся от других языком, культурой и антропологическим типом. Развитие и изменения признавались по существу только для позднейшего периода, да и то оно мыслилось в механическом выражении: общность дробится, выделяются разные народы, и при расселении из прародины они впитывают в себя те или иные элементы субстрата. Определение субстрата — одна из важнейших проблем в индоевропеистике. В концепции Марра и его последователей индоевропейская общность фактически вообще утрачивала специфические этнические черты, поскольку мыслилась лишь как этап в развитии современных народов. В одном случае абсолютизировалась

неизменность, в другом — изменчивость, причем изменчивость довольно однолинейная.

Вопреки построениям Марра, «революции» в языке все-таки не правило, а исключения, и связаны они не столько с процессами внутреннего развития, сколько с взаимодействием разных этнических групп. Такого рода взаимодействиями некоторые исследователи объясняют и возникновение самого индоевропейского пражзыка¹²⁸.

Родство индоевропейских народов несомненно. И это как в прошлом, так и в настоящем заставляло многих исследователей предполагать существование их общего предка — «пранарода». «Невозможно себе представить, — писал Ф.П. Филин, — чтобы языковая общность населения, разбросанная на столь обширных пространствах, возникла сама по себе, только лишь в силу общности социального устройства или иных подобных причин. Нужно учесть, что примерно в то же время, когда формировалась речь индоевропейцев, возникали и развивались и иные языковые общности племен, находившихся на том же уровне развития. Индоевропейская языковая (этническая) общность несомненно сложилась у населения, отдельные группы которого находились в прямом общении между собой. Такое общение возможно было только на сравнительно ограниченной и компактной территории»¹²⁹. Миграции племен в таком осмыслении представлялись естественной причиной распада общности.

Выдвинутые Ф.П. Филиным аргументы вполне весомы, и отвести их с позиций стадиальной теории Марра вряд ли возможно. Другое дело — уточнение самого понятие «пранарода». В этом плане обозначенные выше три аспекта проблемы могут решаться с более или менее существенными различиями.

Внутренняя логика требует признания, что если когда-либо существовали отгороженные друг от друга народы, то это могло вызываться чрезвычайными обстоятельствами: вынужденной изоляцией одних территорий от других. В этнографической литературе высказывалась мысль о том, что глубокой разобщенности разных групп человечества способствовали оледенения, на многие тысячи лет разрывавшие ранее, может быть, однородные области. В настоящее время, несмотря на многочисленные перемещения, европеоидному антропологическому типу, как правило, соответствует и один из

128 Ср.: Б.В. Горунг. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. (Протоиндоевропейские компоненты или иноязычные субстраты?) // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1964. Сходные соображения ранее высказывали Н.С. Трубецкой и С.П. Толстов

129 Ф.П. Филин. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962. С. 90.

индоевропейских языков. Такая взаимосвязь, очевидно, не случайна, и возникнуть она могла только в результате многотысячелетнего обособленного развития.

Косвенным признаком древности существования индоевропейской общности является широкое, и вместе с тем чересполосное с другими, распространение в эпоху верхнего палеолита типа кроманьонцев в узком смысле слова, т. е. типа именно людей из пещеры близ Кро-Маньон. Тип этот фиксируется от Франции, по крайней мере, до Кавказа и сохраняется в отдельных районах вплоть до неолита, когда связь его с индоевропейскими языками может быть в известной мере проверена топонимическими материалами. По заключению М.М. Герасимова, «это были сильные, красивые люди, обладавшие исключительным даром подлинных художников»¹³⁰. А рядом с ними на протяжении нескольких десятков тысяч лет живут и развиваются представители иных расовых групп, в частности негроидной и австралоидной. В самой европейской расе в верхнем палеолите выделяются и менее высокорослые и более грацильные по сравнению с чистыми кроманьонцами антропологические типы. Они составят определенные ответвления исторически зафиксированных индоевропейцев. Но едва ли мы можем сейчас указать, где все эти типы контактировали на относительно узкой территории.

Высокий уровень развития кроманьонцев, особенно в мадленскую эпоху (ок. 20 тыс. лет до н. э.), заставляет считать их ведущей группой в этногенезе индоевропейцев. Именно их уровень развития позволял им и расселяться на большие пространства, и воздействовать на культуры соседей, в том числе и на их языки. Но самая исходная область кроманьонцев пока не может быть выяснена из-за недостатка материала (особенно антропологического). Светлая пигментация большинства групп индоевропейцев, в особенности именно кроманьонского типа, свидетельствует о сложении их в северной зоне. Однако само понятие «северная зона» также весьма подвижно. По всей вероятности, этот тип населения складывался на территории, смежной с ледниковой зоной, то отступая перед надвижением ледника, то следуя за его отступлением. Уже в то время, видимо, кроманьонцы вынуждены были совершать дальние передвижения, в ходе которых отдельные их группы попадали в разные условия как географические, так и этнические.

Наряду с кроманьонским типом, в Европе в послеледниковое время довольно широко распространяется тип лапоноидный, очевидно, включающий

130 М.М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955. С. 227.

в свой состав монголоидные элементы¹³¹. Этот тип занимал значительное место не только в северных районах Европы, где он сохраняется до сих пор (лопари), но и в приальпийской области, а также кое-где на территории Франции и Испании. Существует мнение об очень глубоком времени сложения этого типа в Европе, еще в межледниковый период. Достаточно вероятно также, что заселение территорий, освобождавшихся из-под ледника, шло с разных направлений, в том числе и из-за Урала. Ясно прослеживаемые, например, в кельтских языках уральские элементы могут отражать очень древние контакты индоевропейцев с ветвью уральской группы языков, связанной в свою очередь с языками основной зоны образования монголоидной расы.

В южных районах Европы (включая Причерноморье) в эпоху верхнего палеолита встречаются также негроидные типы. В свою очередь северные европеиды проникают в Северную Африку. Такого рода встречные движения и, очевидно, взаимодействия создавали весьма сложную и запутанную этническую карту по всей территории Европы, Передней Азии и Северной Африки.

В большинстве современных концепций происхождения индоевропейцев их не ищут глубже III–II тыс. до н. э., т. е. эпохи неолита и бронзы. Из этих дат, в частности, исходят компаративисты. У Марра и его последователей индоевропейская «стадия» начинается лишь со II тыс. до н. э., связываясь с «социальным переворотом»: отделением земледелия от скотоводства¹³². С иной мотивированкой, но к той же дате склоняются и некоторые европейские лингвисты и археологи, в частности Г. Краэ¹³³. В нашей литературе также распространено убеждение, что «формирование крупных этнических общностей, больших европейских семей народов — кельтов, германцев, славян — происходило во время, близкое к тому, когда впервые о каждом из них упоминают письменные источники»¹³⁴. При таком подходе «прадолина» связывается едва ли не с каждой археологической культурой от европейского северо-запада до Средней Азии эпохи неолита. И большинство специалистов, по-видимому, правы в том, что рассматриваемая ими территория была заселена индоевропейцами. Но это означает лишь то, что время сложения общности

131 Ср.: Н.Н. Чебоксаров. Монголоидные элементы в населении Центральной Европы // Материалы по антропологии Восточной Европы. УЗ МГУ, вып. 63. 1941; В.П. Алексеев. Краниологическая характеристика населения Восточной Фенноскандии // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974. С. 104–105.

132 Ср.: А.Д. Удальцов. К вопросу о происхождении индоевропейцев. КСИЭ, вып. 1. 1946. С. 15–16.

133 H. Krahe. Sprache und vorzeit. Heidelberg, 1954.

134 А.Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. 1967, № 1. С. 63, и др.; Его же: Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С. 58.

нужно углубить на несколько десятков тысяч лет. В.И. Георгиев находит возможным аргументировать это положение и собственно лингвистическим материалом¹³⁵.

Консервативный период в формировании того или иного языка самым тесным образом связан с существованием родовой (и соответственно племенной) организации общества. Время возникновения этой организации также вызывает разногласия¹³⁶. Но она, очевидно, существовала в эпоху верхнего палеолита. Племенное устройство австралийских аборигенов (отсутствие вождей, культ племенных родословных) показывает, что племя само по себе проходит чрезвычайно длительный путь развития, который в условиях первобытного общества должен измеряться десятками тысяч лет. Застойность же быта, социальной организации и материальной культуры неизбежно вызывает застойность языка. Блестящим примером этого могут служить острова Полинезии, разбросанные на обширных пространствах Тихого океана. Острова были заселены между X и XIV столетиями и в результате изоляции сравнительно небольших общностей шли не столько вперед, сколько назад. А в итоге, как отметил Д. Томсон, Полинезия «является в лингвистическом отношении самой однородной страной в мире»¹³⁷.

В настоящее время у многих индоевропейских народов отыскиваются традиции, по крайней мере, с эпохи мезолита. Так, с раннего мезолита заселяли юг Балканского полуострова ахейцы, которых нет оснований выносить за скобки индоевропейской общности. В IV–III тыс. до н. э. здесь происходит процесс ассимиляции протогреками (праионянами) также индоевропейцев — пеласгов¹³⁸. С аналогичной картиной мы сталкиваемся в Бретани, где можно говорить о наложении неиндоевропейских групп на более ранние индоевропейские¹³⁹. Что касается Северного Причерноморья, то оно неизменно во всей мировой литературе выступает в качестве «главного претендента» на роль индоевропейской прадороги.

На историческую арену индоевропейские языки выходят уже со значительными друг от друга различиями. От начала II тыс. до н. э. имеются

135 В.И. Георгиев. Индоевропейское языкознание сегодня. ВЯ. 1975, № 5; Его же: Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 272–283

136 Ср.: Д.А. Крайнов. К вопросу о становлении человеческого общества // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения, феодализма. М., 1970. С. 91–92.

137 Д.Ж. Томсон. Указ соч. С. 61

138 Т.В. Блаватская. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976. С. 27, 35.

139 Р. R. Giot. Armoricans et bretons. Etude antropologique. Rennes. 1951. PP. 59–60, 143–144. Неиндоевропейские типы пришли сюда как с юга, так и с севера.

письменные памятники одной ветви индоевропейцев — малоазиатских хеттов. От несколько более позднего времени сохранились письменные памятники других индоевропейских народов. В глубокую древность уходят некоторые топонимические пластины, также существенно отличающиеся друг от друга. Все эти различия в условиях каменного века должны были формироваться в течение многих тысячелетий.

В итоге формирование индоевропейской общности оказывается на такой хронологической глубине, что многие спорные вопросы отпадают либо как неверно поставленные, либо как неразрешимые при настоящем уровне знаний. Не только в историческое, но уже и в «предисторическое» время, до которого мы в состоянии спуститься средствами археологии, антропологии и лингвистики, существуют уже разные ветви индоевропейских племен и языков.

Глубокая древность индоевропейской общности предрешает и вопрос о ее характере. Она никогда у своих истоков не могла быть монолитной, поскольку монолитность предполагает довольно высокую межплеменную организацию общества (нечто вроде союза племен). На ранних этапах должно было сказываться то состояние, которое С.П. Толстов удачно определил как «закон лингвистической непрерывности»¹⁴⁰. Смысл этого закона заключается в том, что в до-государственный период соседи, долго проживавшие на смежных территориях, обычно понимают друг друга, а противоположные окраины достаточно обширной культурной области уже друг друга не понимают. Индоевропейская общность неизбежно должна была относиться к числу таких, по крайней мере, на последних стадиях верхнего палеолита. В более поздний период мы имеем дело с чрезвычайно широко — от Британии вплоть до Минусинской котловины — разбросанными индоевропейскими племенами, соседями которых часто являются вообще не индоевропейские племена.

Для этнической истории Европы весьма интересен факт близости антропологического облика населения Днепровского Надпорожья и Приазовья эпохи мезолита с одновременным населением Северной Африки, Британии и Дании. «Мнение о их непосредственном и близком родстве, — замечает в этой связи Т.С. Кондукторова, — выглядело бы с антропологической точки зрения убедительно, но оно привело бы к столь неожиданным и столь ответственным выводам, что на нем трудно настаивать»¹⁴¹. Но, наверное, еще труднее

140 С.П. Толстов. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика. КСИЭ, вып. 1, 1946. С. 3–13, а также СЭ. 1950, № 4. С. 19–20.

141 Т.С. Кондукторова. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973. С. 48. Ср. там же.: С. 22, 49; И.И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966. С. 174–177, 187–

предположить случайное совпадение в результате независимого друг от друга развития разных исходных типов, особенно если учесть, что на всех этих территориях были и иные антропологические типы. Отмеченные совпадения касаются именно кроманьонского типа, который в Бретани известен уже с верхнего палеолита, а в Причерноморье теряется где-то в мезолите из-за отсутствия сколько-нибудь представительного палеолитического материала.

География совпадения отражает два традиционных пути, по которым в течение ряда тысячелетий проходили этнические передвижения: Средиземноморье — морем и Причерноморье — Прибалтика по суше. Направление этих передвижений, по-видимому, менялось в различные исторические периоды, в частности в зависимости от изменения климата. В историческое время как будто преобладает направление с востока на запад. Но и в это время имели место и встречные движения. В отдельные периоды более ранних эпох такие передвижения были попросту вынужденными. Связь Причерноморья и Прибалтики, в частности, должна была иметь двусторонний характер хотя бы потому, что в районе Прибалтики наблюдались частые изменения климата. Из Скандинавии на Европу надвигался ледник, а в эпоху перехода к неолиту здесь был климат, близкий к причерноморскому. Балтийское море то было пресным озером, то являлось заливом океана. Уровень самого океана с эпохи верхнего палеолита (20–25 тыс. лет назад) изменялся в пределах свыше 100 метров¹⁴². Кроме того, в районе Балтики непрерывно происходили подъемы и опускания суши. Все это предопределяло в отдельные периоды тяготение к Прибалтике, в другие — бегство от нее.

Средневековая историография уже вынуждена была сопоставлять предания, выводящие одни и те же народы либо с юго-востока, либо с северо-запада Европы. Так, Иордан большинство народов выводит из Скандинавии, хотя знаком и с автохтонными теориями происхождения тех же народов. С другой стороны, у норманнов устойчиво сохранялись предания о прибытии их «из Азии» или от Приазовья. При всей кажущейся сказочности и надуманности этих преданий, в них есть рациональное зерно: они отражают в обоих случаях действительное направление этнических передвижений, хотя и не дают достаточно надежных хронологических указаний в этой связи.

Следует отметить, что интенсивность передвижений не находилась в прямой связи с уровнем социально-экономического развития. Так, в 188; А.В. Валлуа. Палеоантропологические материалы из мезолитических могильников Бретани. КСИЭ, вып. XXVIII. 1957.

142 См.: П.М. Долуханов. История Балтики. М., 1969.

классический период истории Греции и Рима сохранялись лишь смутные воспоминания о дальних путешествиях и дальних странах, а также о каких-то морских народах. К передвижениям чаще всего побуждало не богатство, а бедность. По суше люди шли за тем же животным и растительным миром, который кормил их, по морю они также двигались за продуктами моря. Эти передвижения могли занимать сотни лет и могли происходить стремительно в рамках одного поколения, особенно если они вызывались какими-то стихийными бедствиями. В зависимости от того, какие условия вызывали отлив части населения из одного района в другой, в последующих поколениях либо сохраняется память о своей давней прародине, либо они разрывают с ней бесповоротно. Расселение полинезийцев иллюстрирует и большие возможности древнего человека, и устойчивость культуры, разорванной на множество чрезвычайно удаленных друг от друга частей. В течение многих столетий венгры не просто помнили о «Великой Мадьярии», расположенной где-то на востоке, но и направляли на поиски ее специальные миссии, причем во времена Грозного (т. е спустя семь столетий после перехода части венгров на Средний Дунай) миссия обнаружила небольшую группу своих сородичей где-то в Поволжье.

Вынужденные переселения каких-то племен почти наверняка оставляли желание вернуться к покинутым местам, и это желание могло сохраняться (даже как своеобразный культ) в течение столетий. В условиях родоплеменного строя племя могло весьма длительное время сохранять свою самобытность даже в окружении иных этносов. Примером такого порядка могут служить кельтические галаты, сохранившие самобытность в Малой Азии на протяжении почти тысячелетия (с III в. до н. э. по V в. н. э., а может быть и позднее). Именно переселенцы очень часто оказываются хранителями традиций, существовавших на их прежней родине, тогда как на основной территории развитие очень скоро может привести к коренному изменению не только культуры, но и самого этноса (что отчасти и произошло со значительной частью кельтов, родственных малоазийским галатам). Так или иначе, отмеченные выше факты антропологической близости населения Причерноморья и европейского северо-запада могли отражать не просто общее происхождение, но реальное для данной эпохи родство столь удаленных друг от друга этнических групп.

В эпоху мезолита и неолита, а тем более в эпоху бронзы, индоевропейское население совершенно отчетливо было представлено несколькими более или менее значительно различавшимися антропологическими группами, причем

разным типам соответствовала специфическая археологическая культура или скорее комплекс культур. Для последующей этнической истории Европы наибольшее значение имели культурные области шнуровой керамики и боевых топоров, ленточной керамики, мегалитических сооружений, приальпийские культуры.

В связи с индоевропейской проблемой обычно особое внимание привлекает культура шнуровой керамики, которую часто рассматривают как исходную индоевропейскую. В свете вышеизложенного ее правильнее было бы рассматривать в качестве одной из индоевропейских. Но безусловно, что связанный именно с ней антропологический тип (широколицый высокорослый долихоцефал) ближе всего стоит к «классическому» кроманьонцу. В эпоху позднего неолита и бронзы культуры шнуровой керамики локализуются по большим пространствам северо-запада европейского побережья и Прибалтики, в Надпорожье и Приазовье, а также в некоторых районах Центральной Европы, где она входит в соприкосновение с культурой ленточной керамики. Во II тысячелетии до н. э. ответвление этой культуры распространяется на Верхнюю Волгу (Фатяновская культура). Именно основной антропологический тип населения, связанного с культурами шнуровой керамики, озадачил антропологов чрезвычайно широкой географией своего распространения, тем более что к названным выше областям нужно прибавить еще Кавказ (кавкасионская группа населения) и Балканы (динарский тип в районе Албании и Черногории).

В литературе имеются разные варианты объяснений отмеченного сходства. Один из столпов немецкой националистической археологии Г. Коссина писал о «германской» экспансии с севера вплоть до Кавказа. Помимо немецких археологов эту точку зрения поддерживали шведский ученый Н. Оберг и финский А.М. Тальгрен¹⁴³. В нашей литературе справедливо указывали на ненаучную подоснову концепции Коссина. Но проблема сама по себе существует, и сравнительно недавно вопрос этот снова был поднят, причем мнение о миграции населения с северо-запада Европы на Кавказ поддержали и некоторые отечественные ученые¹⁴⁴. В отношении Кавказа это мнение оспорил В.П. Алексеев. Признавая, что «сходство кавкасионского типа с антропологическим типом населения Восточной Европы и Скандинавии... несомненно», он объяснил его неравномерностью эволюции одного и того же

143 Ср.: Д.А. Крайнов. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972. С. 241.

144 См.: Г.Ф. Дебец. Антропологические исследования в Дагестане // Труды ИЭ. Т. XXXIII. М., 1956; Его же: Антропологические типы. В Кн. «Народы Кавказа». Т. 1. М., 1960.

палеолитического предка, т. е. отодвинул общий источник вглубь. В то же время он допускает непосредственное родство кавкасионского и динарского типов¹⁴⁵.

Вопрос о происхождении кавказского населения в данном случае следует оставить в стороне, поскольку от неолитической эпохи материала крайне мало, да и решение его окажется в зависимости от установления характера взаимосвязи Прибалтики и Северного Причерноморья. Вероятно, что пока и последний вопрос не может быть решен однозначно. Появление сходных антропологических типов и археологических культур на северо-западе и юго-востоке Европы теряется в предшествующем периоде. В Причерноморье довольно сложной оказывается связь между мезолитом и неолитом. Если археологи предполагают преемственную связь между тем и другим¹⁴⁶, то антропологическая картина оказывается менее ясной. В ряде случаев наблюдается определенное различие в составе населения эпохи мезолита и неолита, причем более грацильные типы характерны для мезолита, чем для позднейшего времени¹⁴⁷. Правда, антропологически украинский мезолит неоднороден: наряду с широколицыми «кроманьонцами» встречаются и представители более узколицего населения, причем оба типа находят аналогию, например, в Бретани¹⁴⁸. Тем не менее в эпоху неолита в Надпорожье явно усиливается удельный вес как будто более архаичного по внешнему облику населения (если рассматривать процесс грациализации как своеобразную форму прогрессивного развития, что само по себе отнюдь не бесспорно).

Кроманьонский тип неолитической эпохи на Украине связан главным образом с днепро-донецкой культурой. Д.Я. Телегин отнес эту культуру к северному поясу, в который включаются Восточная Европа, Прибалтика, Урал, Южная Сибирь, Прибайкалье. Для этого пояса было характерно: «а) вытянутый обряд погребения, б) наличие в отдельных культурах коллективных могил, в) применение охры, г) отсутствие среди погребального инвентаря сосудов»¹⁴⁹. Но население днепро-донецкой культуры отличалось антропологически не только от носителей культур Урала и Сибири, где четко были выражены монголоидные элементы, но и от племен соседней культуры ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского бассейна и некоторых районов Прибалтики, куда проникала эта

145 В.П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 133, 135–136

146 Ср.: А.Д. Столляр. Первый Васильевский мезолитический могильник // Археологический сборник. Т. 1. М., Л., 1959; его же: Об исторических корнях культуры Надпорожского неолита // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

147 Ср.: Т.С. Кондукторова. Указ. соч. С. 48

148 Ср.: И.И. Гохман. Указ. соч. С. 83–85; А.В. Валлуа. Указ. соч.

149 Д.Я. Телегин. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место. СА. 1966, № 1. С. 11

культура. В последней, в частности, также отмечаются монголоидные элементы.

Основная масса обнаруженных могильников днепро-донецкой культуры локализуется в Надпорожье. Но эта же культура достигает бассейна Дона и Азовского моря, захватывает украинскую лесостепь и Белоруссию. Если учесть еще сходство антропологического облика этого населения с погребениями культуры Эртебелле в Прибалтике (в частности с черепами из датских «кухонных куч»), а также с обликом одной группы населения Олениостровского могильника на Онежском озере, то неудивительна постановка вопроса о распространении этого населения либо с северо-запада на юго-восток, либо в противоположном направлении.

По мнению Д.Я. Телегина, источником днепро-донецкой культуры является мезолит Южной Белоруссии¹⁵⁰. Разумеется, отсюда рукой подать и до Прибалтики, и, например, Т.С. Кондукторова допускает, что общие предки населения днепро-донецкой культуры и олениостровцев были «в составе каких-то мезолитических популяций где-либо в Прибалтике или в примыкающих к ней областях»¹⁵¹. Л.С. Клейн высказал предположение о переселенческой волне из областей Западной Прибалтики в Междуречье Нижнего Днепра и Дона на рубеже III–II тыс. до н. э., с чем он связывал возникновение катакомбной культуры¹⁵². Но хронологически это уже более поздний этап, именно период существования собственно культуры шнуровой керамики и боевых топоров. Как раз для этого этапа имеются определенные данные о противоположном направлении миграций. Д.Я. Телегин выделил Белоруссию как область, где ранее других получают распространение боевые топоры. В среднестоговской культуре, которая связывает (или разделяет) днепро-донецкую с древнеямной (сер. IV тыс. — сер. III тыс. до н. э.), появляются и шнуровой орнамент (в конце IV тыс.), а также боевые топоры из рогов оленей. Здесь ранее, чем в других районах Европы, получает распространение коневодство и стала употребляться верховая езда¹⁵³. В южнорусских степях Причерноморья и Каспия ищут истоки культур шнуровой керамики и многие другие, в том числе европейские учёные¹⁵⁴. Как раз ко времени рубежа III–II тыс. до н. э. относятся найденные в

150 Его же. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968. С. 245

151 Т.С. Кондукторова. Указ. соч. 49

152 Л.С. Клейн. Происхождение донецкой катакомбной культуры. Автореф. канд. дис., Л., 1968.

153 Д.Я. Телегин. Средньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973. С. 154–158.

154 Ср.: А.Я. Брюсов. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этногенетический очерк). СА, 1965, № 2; А.Я. Брюсов, М.П. Зимина. Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР. САИ. вып. В4-4, М., 1966; Д.А. Крайнов. Древнейшая история... С. 242–245; Н.Я. Мерперт. Древнеямная культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуровой керамики // Восточная Европа в эпоху камня

северных Нидерландах 13 дисковых колес, сходных с соответствующими раннеямной культуры в Приднепровье¹⁵⁵.

Сложность проблемы заключается в том, что фактического материала недостаточно для того, чтобы зафиксировать все возможные передвижения и их направления в разные исторические периоды. Даже наблюдения за изменениями климата не дадут еще однозначного решения вопроса. Климатический оптимум, наступивший в Прибалтике в эпоху неолита, способствовал продвижению населения все далее на север. Отливы же на юг проходили не только вследствие довольно частых здесь природных катастроф, но и вследствие роста населения, резко ускорявшегося как раз в благоприятных климатических условиях. Поэтому в данном случае достаточно ограничиться констатацией самого факта своего рода пульсирующей взаимосвязи родственных по происхождению групп населения на территории от Причерноморья и Приазовья до северо-запада Европы.

Оформление культур шнуровой керамики приходится на III тыс. до н. э. В старой литературе обычно говорили об «экспансии» племен шнуровой керамики. Теперь преобладает неодинаковый, но более сложный взгляд на содержание процесса распространения культуры¹⁵⁶. По-видимому, на многие области распространялось культурное влияние (причем оно обычно является взаимным для контактирующих групп). В Центральной Европе, куда проникает эта культура, сохраняется в основном местный антропологический тип и местные элементы культуры, хотя частичная инфильтрация населения более восточных областей все-таки заметна. Фатьяновская культура возникла, по всей вероятности, в результате миграции племен шнуровой керамики откуда-то из Прибалтики¹⁵⁷.

Во II тыс. до н. э. культуры шнуровой керамики преобразуются в другие. Судьба представляющих ее племен оказалась различной. Фатьяновская культура погибла, видимо, под натиском с востока угро-финских племен. Однако остатки фатьяновцев или элементы этой культуры доживают здесь до периода колонизации области ее распространения славянами и варягами в VIII–X вв¹⁵⁸.

и бронзы. М., 1976. Эту точку зрения отстаивают, в частности, П. Глоб, М. Гимбула. С некоторыми колебаниями ее принимает Г. Чайлд и ряд других ученых.

155 J. D. Van der Waals Prehistoric disc wheels in the Netherlands. Groningen, 1964

156 Ср.: Н.Я. Мерперт. Древнеямная культурно-историческая область...

157 Ср.: Д.А. Крайнов. Древнейшая история... С. 252–257 (автор считал исходной территорию между Днепром и Вислой). О.Н. Бадер. С.В. Киселев, И.И. Артеменко, А.Х. Халиков и для фатьяновской культуры исходной считали ямную и катакомбную. Родство этих культур, во всяком случае, не оспаривается, а среднеднепровская культура иногда рассматривается как вариант фатьяновской

158 Д.А. Крайнов. Древнейшая история... С. 268.

В Нижнем Поднепровье складывается ямная и катакомбная культуры. А позднее также срубная, и в этих культурах в разных вариантах и пропорциях смешиваются местные и пришлые с востока и юго-востока, а отчасти также с юго-запада этнические элементы и традиции. Какое-то новое население приходит и в Прибалтику, причем оно продвигается туда разными путями как по морю, так и по суше.

Культуру шнуровой керамики часто рассматривают в качестве исходной области балтских, славянских и германских языков. Этой проблемы коснемся ниже. Здесь же можно отметить, что, очевидно, область распространения культуры шире, нежели язык основной составлявшей ее группы племен. Что же касается языка этой группы, то, видимо, есть некоторые пути его определения. Он в значительной мере указан работой Б.А. Серебренникова, обратившего внимание на древний индоевропейский слой в зоне позднейшего расселения угро-финских племен. И топонимика, и «остаток» в угро-финских языках ведут к балтским, в широком смысле этого значения, языкам¹⁵⁹. Правда, вывод автора оспаривал Г.С. Кнабе, полагавший, что «балтские» языковые элементы привнесены каким-то другим населением¹⁶⁰. Но возражения основывались на неточной интерпретации некоторых исторических явлений¹⁶¹.

Язык фатьяновцев особенно интересен именно тем, что он на территории Верхнего и Среднего Поволжья явно привнесен, причем бесспорные родственники их находились и на западе, и на юго-западе. Д. Крайнов вслед за многими другими авторами отметил «сходство и зачастую тождество» фатьяновской московско-клязьминской группы со среднеднепровскими, в особенности днепро-деснинскими памятниками¹⁶². Именно в днепродеснинском районе фиксируется лингвистами балтская топонимика¹⁶³. В более южных районах, «промытых» позднейшими движениями кочевников с востока, остатки такой топонимики искать, видимо, бесполезно. Но следы ее могут обнаружиться и у самого Причерноморья. Вполне вероятно также ее бытование в Западной Прибалтике и на юге Скандинавии, где родственное население составляло значительный удельный вес.

159 Б.А. Серебренников. Волго-Оксская топонимика на территории Европейской части СССР. ВЯ, 1955, № 6; его же: О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским. Труды АН Литовской ССР. Серия А-1. Вильнюс, 1957. См. также: Х.А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2.

160 Г.С. Кнабе. Словарные заимствования и этногенез (к вопросу о «балтийских заимствованиях» в восточных финноугорских языках). ВЯ, 1962, № 1.

161 Д.А. Крайнов. Древнейшая история... С. 268–269

162 Там же. С. 262–263.

163 В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; О.Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 284–285 (карта).

Что касается германцев и славян, то связь их с этой культурой оказывается довольно сложной. На территории Швеции и Норвегии характерный для основных зон шнуровой керамики антропологический тип удерживается до наших дней, сохраняя, по наблюдению В.П. Алексеева, «преемственность на протяжении минимум четырех тысяч лет»¹⁶⁴. На острове Готланд это население преобладало. В.П. Алексеев заключает, что «основная масса предков современного населения севера Европы происходит с юга». В то же время он находит «совершенно очевидным», что «в эпоху неолита и тем более мезолита, может быть даже и в эпоху бронзы, они не говорили на германских языках. В то же время антропологически устанавливается преемственность между неолитическим и современным населением. Этим ставится вопрос о значительной роли субстрата в сложении европейских народов, говорящих на германских языках, и в частности народов Скандинавии»¹⁶⁵. О характере связей с этим населением славян речь будет ниже.

Более сложен вопрос о топонимических совпадениях между Юго-Восточной Прибалтикой с одной стороны и Адриатикой, отдельными районами Балкан и северо-западной областью Малой Азии — с другой. Этим совпадениям посвящена большая литература¹⁶⁶. Однако попытка связать их с определенным этносом и определенной исторической эпохой, по существу, не было. Отмеченные выше антропологические соответствия позволяют предполагать передвижение какой-то части населения, родственного по происхождению основным территориям шнуровой керамики, через Средиземноморье. Но для определения направления движения наличного материала недостаточно. В данном случае целесообразно ограничиться констатацией факта существования морской ветви индоевропейцев, родственной по языку и облику скотоводам-коневодам обширной территории от Причерноморья до Прибалтики.

Через Средиземноморье на дальний северо-запад Европы распространялось в поздненеолитическую эпоху и иное население. Оно связывалось с культурой мегалитов. Эта культура охватывает огромные пространства от Кавказа до Скандинавии, захватывая часть Причерноморья и

164 В.П. Алексеев. Краниологическая характеристика... С. 104.

165 Там же.

166 Еще в 1905 г. на этот факт обратил внимание Р. Мух. Позднее М. Фасмером, Ю. Покорным, Г. Краэ, Е. Шварцем круг соответствий был существенно расширен. См.: В.Н. Топоров. К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание. М., 1973. С. 30–32; Выше говорилось об антропологическом родстве населения динарского типа в Иллирии и диспро-донецкой культуры. См. также: Н.Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИА, вып. 105, М., 1965.

Волыни, отдельные острова и прибрежные районы Средиземноморья, северо-запад Испании, большую часть Франции, в особенности Бретань, Британские острова, север Германии. Мегалиты известны также в Индии и Японии. Такая широта распространения культуры заставляет многих исследователей воспринимать ее как отражение стадиального развития, а не расселение родственных народов. Тем не менее в большинстве случаев речь может идти именно о родственном населении. В сущности, только Япония лежит за пределами зоны индоевропейского населения. И в большинство названных областей культура приходит извне.

Мегалитическая культура в целом изучена еще слабо, хотя разбросанные на широкой территории культовые сооружения из огромных камней (до 12 м в высоту) неизменно разжигали воображение любителей. Определенный урон серьезному обсуждению вопроса нанесла немецкая националистическая историография, по которой смешение культур шнуровой керамики и мегалитов дало «индогерманцев», «истинных арийцев» и т. п.¹⁶⁷ Между тем в настоящее время совершенно ясно, что распространение культуры шло с юга на север, а не с севера на юг¹⁶⁸. Так же, как и в культурах шнуровой керамики, в большинстве областей распространения культуры мегалитов отмечается один и тот же антропологический тип: это т. н. средиземноморско-атлантический европеид, характеризующийся высоким ростом, длинноголовостью и, в отличие от культур шнуровой керамики, чрезвычайно узким лицом. В Скандинавии до сих пор смешиваются два названных типа. Но к германцам не имеет отношения и второй — мегалитический: то же смешение отмечается, например, в Бретани, но никаких германских элементов здесь от эпохи неолита до раннего железа не видно.

Атланто-средиземноморский тип также связан с индоевропейской языковой группой. В Европе культура мегалитов существовала примерно с 2200 до 700 г. до н. э.¹⁶⁹ Это время, близкое к историческому. Между тем на территории Франции, например, под слоем кельтской топонимики ясно просвечивается более древний индоевропейский слой. Видимо, к этой же антропологической группе относилась и значительная часть европеидного населения Индии. Передняя Азия и Причерноморье могли быть как раз теми областями, откуда эта группа расселялась в противоположные стороны. Во всяком случае в Причерноморье уже в более позднее время сохраняется группа

167 Ср.: В.И. Равдоникас. История первобытного общества. Ч. II. Л., 1947. С. 227–231.

168 Leisner G. und Leisner V. Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. B., 1967.

169 Ср.: M. Gilbert. Menhires et dolmens dans le nord est de la Bretagne. Guernesey, 1964, P. 16.

населения, родственная индийцам — синды, вопрос о происхождении которых великолепно поставил О.Н. Трубачев¹⁷⁰.

Если к германскому этногенезу культура мегалитов непосредственного отношения не имеет, то кельтский этногенез связан с ней довольно тесно. Эта культура является самым мощным подслоем современных кельтических народов — бретонцев, ирландцев, уэльсцев, шотландцев. Именно на этих территориях, равно как и на некоторых недавно ассимилированных зонах прежнего кельтского расселения (остров Мен и др.), сохраняется наибольшее количество мегалитических сооружений, и они носят здесь наиболее многообразный характер.

Непосредственным источником распространения мегалитической культуры по атлантическому побережью являлась Иберия. Однако в саму Иберию культура пришла из восточных районов Средиземноморья. В Причерноморье мегалитическая культура, по-видимому, имеет северокавказское происхождение, но следует иметь в виду и близость этого ответвления с западной частью Пиренейского полуострова и острова Сардиния¹⁷¹. В свою очередь мегалитический островок на Волыни может служить мостиком, связывавшим Причерноморье с однородными культурами Северной Германии. Большинство мегалитических погребений Причерноморья оказались ограбленными, и антропологический тип оставившего их населения не сохранился. Но может представить интерес факт совпадения группы крови у значительной части населения от Кавказа до Северо-Западной Европы даже в наше время¹⁷².

Культ камня вообще характерен для индоевропейцев или какой-то их ветви. У хеттов в Малой Азии (1800–1200 до н. э.) существовал культ лошади, связанный с богом Региа, который переплетался с культом камня, обожествленным в названии скалы Регуна¹⁷³. Здесь, видимо, слились два самостоятельных культа. Культ коня указывает на степь, а культ камня на гористую местность или морское побережье. Оба эти культа переплелись и в мегалитических сооружениях: в ряде случаев мегалиты сопровождают кости лошади. Реминисценции культа камня — прослеживаются в разных районах

170 О.Н. Трубачев. О синдах и их языке. ВЯ, 1976, № 4. Его же: «Старая Скифия» Геродота и славяне. Лингвистический аспект. ВЯ, 1979, № 4. Его же: Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция. ВЯ, 1981, № 2

171 Ср.: В.И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 316.

172 Ср.: G.T. Smith. An Historical Geography of Western Europe before 1800, London, 1967, P. 43

173 Ср.: В.В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963. С. 12–13.

Европы. Одним из вариантов его являются курганные погребения, другим — использованные в погребениях каменные конструкции.

Около 1800 г. до н. э. с юго-запада Испании стремительно распространяется культура колоколовидных кубков. Она смешивается с культурой мегалитов на побережье и проникает через Южную Францию в Северную Италию, распространяясь вниз по Рейну, а также в Центральную Европу. Очевидно, не без влияния этой культуры во взаимодействии с культурами, выросшими на базе культур ленточной керамики, складывается унетицкая культура. Население культуры колоколовидных кубков, вместе с более древним лапоноидным, приняло участие в сложении среднеевропейского мезокранного относительно широколицего антропологического типа, который вошел в качестве компонента в состав кельтов, а также славян.

С конца IV тыс. до н. э. на значительной территории долины Дуная и Рейна распространяется неолитическая культура ленточной керамики (название по орнаменту на сосудах). Как и во многих других случаях, истоки ее остаются неясными, и о направлении расселения высказывались различные суждения. Видимо, и в этом случае предпочтение должно быть отдано южным районам. С этой культурой связано распространение в Европе земледелия, что ведет к Передней Азии и Средиземноморью. Связи с этими центрами прослеживаются по ряду признаков. Так, в 1961 г. в Румынии были обнаружены три керамические таблички местного производства со знаками дошумерийского письма, известного в Месопотамии около 3000 г. до н. э.¹⁷⁴ По своему облику население культуры ленточной керамики относилось к средиземноморскому типу, отличавшемуся узколицостью в сочетании с умеренной долихократией и мезократией.

В период позднего неолита и энеолита на указанной территории возникает ряд родственных культур. В их числе оказывается балканская культура боян, а также трипольская культура. О происхождении последней в литературе также высказываются разные суждения. Но во всех случаях можно говорить о родстве ее с культурами ленточной керамики. Трипольская культура, занимавшая территорию между реками Прут и Днепр, как бы разрезала (возникшие несколько позднее) культуры шнуровой керамики. Несмотря на взаимовлияние, обе культуры сохраняли на протяжении почти двух тысяч лет специфические черты и значительно отличавшийся друг от друга антропологический тип населения.

174 Г.Б. Федоров, Л.Л. Полевой. Археология Румынии. М., 1973. С. 40.

Бронзовый век Европы представлен рядом ярких культур, причем несколько запаздывавшее в эпоху неолита развитие в северной части континента снова выравнивается в сравнении с районами Средиземноморья и Передней Азии. Уже в строительстве мегалитических сооружений, особенно таких, как кромлехи Бретани¹⁷⁵, проявляется высокая организованность больших масс населения. Многотонные (до 40 тонн) каменные глыбы приходилось передвигать на десятки километров. Разная степень сложности и пышности сооружений свидетельствует о дифференциации внутри племени и между племенами. Обладатели наиболее ярких кромлехов и «рядов камней», примыкавших к ним, очевидно, имели и моральное и материальное превосходство перед другими родственными племенами. Косвенно эти сооружения свидетельствуют об интенсивности процесса классообразования.

В период бронзы этот процесс захватывает большинство народов европейской группы. Это обстоятельство засвидетельствовано как археологическими, так и лингвистическими данными (наличие слов, означавших свободных и несвободных, и т. п.). Весьма вероятно, что к этому времени относится сложение больших союзов племен, может быть народностей и ранних государственных образований. Социальная дифференциация прослеживается в убранстве и инвентаре, сопровождающих погребения. Наряду с родовыми могильниками выделяются курганные погребения, иногда весьма внушительных размеров. В курганах унетицкой культуры, например, встречаются золотые изделия, а умершего господина в ряде случаев сопровождает насильственно умерщвленный слуга или рабыня¹⁷⁶.

Унетицкая культура существовала примерно четыре столетия, в течение которых распространяясь отчасти на новые территории, а частично поглощаясь другими культурами. Около 1450 г. до н. э. ее северо-восточные районы перекрываются тшинецкой культурой, которая существовала примерно до 1100 г. до н. э. и занимала пространство от Варты до Днепра, т. е. ту территорию, на которой чаще всего ищут следы древнего славянства.

В эпоху бронзы на территории Причерноморья сменяются (или сосуществуют) три культуры. Непосредственно из среднестоговской вырастает ямная культура, которая в середине III тыс. до н. э. носит еще неолитический облик. Она, как отмечалось, находилась в связи с культурами шнуровой керамики, занимая вплоть до середины II тыс. до н. э. обширные степные

¹⁷⁵ Кромлех — от бретонского crom — кривая линия (Ср.: русское «кромка») и lech — камень. Это — круги из камней.

¹⁷⁶ А.Л. Монгайт. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. С. 54–55

пространства до Волги. Несколько моложе — с конца III по конец II тыс. — катакомбная культура, также примыкающая к культурам шнуровой керамики. Она существует с поздней ямной, занимая территорию от Причерноморья и Приазовья до района Курска, Воронежа и Нижней Волги. Со второй половины II тыс. до н. э. на этой же территории с продвижением далее к Днестру распространяется срубная культура.

Взаимоотношение трех названных культур составляет основное содержание этногенетического процесса на огромной территории от Дуная до Волги и Кавказа. О заключительной стадии этого процесса будет речь в связи с киммерийской проблемой. Здесь можно отметить, что эти культуры различались в целом в рамках этнически родственных общностей. Даже определенные антропологические различия могут быть в известной мере объяснены временными изменениями: на всей этой территории в продолжение двух тысяч лет идет процесс грациализации, что может быть связано с изменениями в способе производства и вообще жизненных условий.

В указанное время наблюдаются особенно интенсивные связи Причерноморья с районами Нижней Волги и Северного Кавказа. Из восточных районов этого ареала население как будто перемещается на запад. Этот период отмечен также рядом вторжений новых этнических групп в Центральную, Западную, а отчасти и в Северную Европу. В отдельных случаях миграции непосредственно связывались с населением степных районов Причерноморья, в других — имело место передвижение разных этнических групп из прибрежных районов Черного моря, Малой Азии и, может быть, Передней Азии.

Передвижения племен особенно усиливаются с конца эпохи бронзы. И направление их в это время весьма неустойчиво. Одной из причин миграций был обычно рост населения, шедший особенно интенсивно в благоприятных природных и социальных условиях. Другая причина связывалась с климатическими изменениями. Из степных районов Причерноморья и Каспия население часто уходило и вследствие засух, которые нередко продолжались много лет подряд. Из северных районов население гнали периодические похолодания, одно из которых приходилось как раз на конец эпохи бронзы, а также наступления или отступления моря.

Передвижения обычно связывались и с серьезными изменениями в социальной сфере и в огромной степени способствовали слому сложившихся отношений либо в сторону углубления социального расслоения, либо, напротив,

в сторону «оздоровления» обстановки за счет нивелировки пропасти, разделявшей богатство и бедность. Я. Филип показывает, как развивался, например, процесс социальной дифференциации у кельтов раннего железного века: «Рождающаяся придворная среда жила в ущерб широким массам в невероятной роскоши, иногда — да будет нам позволено воспользоваться этим выражением — почти постыдной». Но «в определенное время настал перелом, который был неизбежен». Происходит процесс «эмансипации», может быть в результате мощного восстания¹⁷⁷. Аналогичные «перепады» происходили неоднократно и в более ранние эпохи, причем экономически более целесообразные отношения обычно способствовали прогрессу производительных сил, а неоправданное социальное размежевание могло вести к разрушению достигнутого за целый ряд столетий.

Процесс образования народностей обычно связан с разрывом кровнородственных отношений, с оттеснением их на задний план по сравнению с чисто социальными и территориальными. Но этот процесс также был весьма противоречивым и не прямолинейным. На протяжении многих тысячелетий идет борьба и своеобразное состязание двух принципов, в результате чего они могут причудливо сочетаться. В целом чем древнее эпоха и чем консервативнее социально-производственный уклад, тем сильнее в этносе действуют принципы кровнородственных отношений. Социальная дифференциация на первых порах предусматривает дифференциацию племен и родов, рабами и зависимыми становятся прежде всего выходцы из чужого племени или родственного, но попавшего в разряд «низших». В однородной этнической среде социальное расслоение приводит постепенно к возникновению ложных генеалогий, когда социальная верхушка стремится отделиться от действительной истории своего народа или племени, придумывая себе другую, более яркую, а иногда даже и не более яркую, а просто другую генеалогию. Вплоть до конца Средневековья переплетение этих противоречивых факторов накладывает отпечаток на формирование и развитие народов, и тем важнее были они в древности, на заре процесса классообразования.

В этногенетических преданиях европейских народов часто фигурирует малоазиатская Троя, а начало народов связывается с Троянской войной и вызванных ею передвижениях племен. Несомненно, что в средневековых этногенетических преданиях оказывается влияние литературной традиции. Но дело не может быть сведено только к ней. XIII в. до н. э. — время бурных

¹⁷⁷ Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С. 33, 44–45.

катализмов и перемещений больших масс населения почти по всему Средиземноморью. По замечанию Маркса, «хотя греки и выводили свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная ими самими мифология с ее богами и полубогами»¹⁷⁸. «Система кровного родства, соответствующая роду в его первоначальной форме, — поясняет Маркс это положение, — ... обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. Они с детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения».

Великолепным примером достоверности народных преданий являются упомянутые выше сказания полинезийцев, которые, как отметил С.П. Толстов, позволили «восстановить не только общие направления заселения островов Полинезии, но и их относительную и абсолютную хронологию на протяжении полутора тысячелетий». «Суть дела, — поясняет автор, — именно в генеалогическом элементе сказаний, играющем значительную общественную роль в жизни позднеродового общества, когда генеалогия становится важнейшим регулятором браков и вместе с тем отношения генеалогического старшинства получают огромное значение в повседневных взаимоотношениях между племенами, родами и их подразделениями». И «хотя последнее влечет за собой и стремление к созданию фальсифицированных генеалогий», существует своеобразный корректор в лице общественного мнения, в результате чего «фальсификация должна неизбежно приспособливаться к общепринятой генеалогической концепции»¹⁷⁹.

Примерно так же оценивал древнейшие генеалогии Д.Ж. Томсон. «В примитивном обществе, — замечает он, — старейшины рода держат в голове родословную во всех коленах... поскольку это нужно для передачи родовых традиций и управления родом». Затем постепенно родословная растворяется «в обобщенном представлении о предке рода». При этом «хронология обычно сокращается, но представление о происхождении остается»¹⁸⁰. Лишь с распадом родовой системы генеалогии подвергаются произвольным изменениям.

Троянская война и в самом деле была фактором мирового значения. В течение почти двух тысяч лет Троя контролировала путь из Причерноморья в Средиземноморье. Примечательно, что один из героев Троянской войны — Ахилл — и в греческой литературе, и у населения Северного Причерноморья

178 Архив Маркса и Энгельса. Т. IX. С. 136–139. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 102–103 (Энгельс цитирует рукопись Маркса).

179 С.П. Толстов. «Нарци» и «воловхи» на Дунае // СЭ, 1948, № 2. С. 11–12

180 Д.Ж. Томсон. Указ. соч. С. 182.

связывался именно с черноморским побережьем. Так, в современных Гомеру «Кипрских сказаниях» имеется сюжет о перенесении богиней Артемидой невесты Ахилла Ифигении к таврам. В этих же сочинениях говорится о погребении Ахилла Фетидой на острове Белом у устья Дуная¹⁸¹. Да и Артемида, по мнению некоторых ученых, была импортирована древними греками из Причерноморья¹⁸². Культ ее сохранялся у тавров — народа, по представлению греков классического периода, крайне варварского, убивающего иноземцев. Двусторонний культурный обмен в данном случае мог происходить лишь за много столетий до классического периода.

Троянская война неизбежно должна была вызвать передвижения многих племен, как побежденных, так и победителей. Около 1260 г. до н. э. пала Троя, около 1200 г. рухнула Хеттская держава. Примерно в то же время загадочные дорийцы опустошают культурные центры Средиземноморья; появляются новые этнические группы в Италии и других районах Европейского континента. Происходят серьезные изменения и по всей зоне, смежной с предполагаемой первоначальной областью славянского расселения.

Примерно с XIII в. до н. э. в Центральной Европе складывается лужицкая культура, которую пытались рассматривать в качестве предшественников либо славянских, либо германских, либо кельтских племен, либо вместе взятых¹⁸³. Несомненно, что эта культура сыграла определенную роль в истории названных народов или каких-то их частей, хотя какую именно — величина искомая. Лужицкая культура занимала территорию почти всей Польши, Бранденбург, Лужицу, нынешнюю Саксонию, северную часть Чехии, Моравии и Словакии. Ее некоторое смещение на запад и юго-запад по сравнению с тшинецкой культурой побуждало многих специалистов, особенно польских, ограничивать территорию славянской прародины висло-одерским бассейном. С другой стороны, лужицкая культура захватывает территории Верхней Эльбы и Наддунавья, отличавшиеся особым культурным обликом, в частности разными вариантами курганной культуры. Возникновение новой культуры из неоднородных частей предшествующих заставляет предполагать вмешательство военной силы. Какое-то племя или какие-то племена распространяют свою

181 В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 1.С. 346.

182 Д.Ж. Томсон. Указ. соч. С. 276, 277.

183 Ср.: А.Л. Монгайт. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. С. 346. Ю. Покорный сначала видел в лужицкой культуре основу для будущих кельтских и иллирийских племен, а позднее сближал ее с балтами. Ср.: J. Pokorný. Urgeschicht der Kelten und Illyren Halle 1938. Idem. Probleme der celtischen Urgeschichte // Congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques. Actes de la 111-e Session. Zurich, 1953.

власть на ряд соседних, принадлежащих к другому языку и этно-культурному облику.

На большей части территории, занятой лужицкой культурой, в предшествующий период был распространен обряд трупоположения умерших (обычно в скорченном положении на боку) с каменными конструкциями. Широко были представлены, в частности, каменные ящики, которые являлись преобладающей формой захоронений у населения культуры колоколовидных кубков, а также у некоторых племен Прибалтики и Причерноморья. Теперь на эту территорию с юга наступает обряд трупосожжения, и распространяется он довольно быстро.

Смена погребального обряда обычно связана с изменением религиозных представлений. Одни и те же представления могут держаться многие тысячи лет, и резкое изменение в обряде — фактор огромного значения. Для такой перемены древнему обществу требовались весьма сильные потрясения. Это мог быть внутренний социальный взрыв, это могло быть следствием воздействия иной культурной струи, за которой стоит чаще всего определенная экономическая или военная сила. В данном случае распространение обряда трупосожжения идет рука об руку с возникновением нового племенного или, точнее, раннегосударственного образования. Хотя спорадически обряд трупосожжения и ранее проникал на территории, позднее занятые лужицкой культурой¹⁸⁴, он, видимо, отражал лишь результаты естественных контактов населения, например, тшинецкой культуры и их южных соседей, где такой обряд существовал с эпохи бронзы. И полная смена обряда надвигалась опять-таки с юга. Следует отметить, что в Греции обряд трупосожжения возникает несколько позднее: примерно в XI в. до н. э. и сохраняется недолго — до VIII в. до н. э.¹⁸⁵ Здесь, возможно, его возникновение связывалось с вторжением «северных варваров» — дорийцев или какой-то их части. Но у некоторых народов, втянутых в Троянскую войну, этот обычай был уже известен. Под Троей таким образом хоронили и осаждавшие (сожжение Патрокла, амазонок, самого Ахилла), и осажденные (сожжение Гектора). Останки сожженных на костре помещали в урны. А погребальные сооружения несколько различались: Патрокл был погребен в срубе, а Гектор — в каменном ящике. Можно отметить и тот факт, что в «Илиаде» осуждается Ахилл за убийство 12 троянцев и

¹⁸⁴ Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. М., 1974. С. 8 и др. (автор очерка Г.Ф. Никитина).

¹⁸⁵ А.Л. Монгайт. Указ. соч. С. 134, 136.

сожжение их на костре друга. В этом, видимо, проявлялись обычаи, не свойственные ахейской Греции¹⁸⁶.

Обряд трупосожжения будет господствовать у ряда исторических народов: фракийцев, германцев, славян. Иллирийцы и кельты знали оба обряда. За всеми этими вариантами стоят различные формы взаимодействия разных племен и народов от длительного сосуществования до полной ассимиляции одними другими.

Лужицкая культура существовала почти тысячу лет, оказав огромное влияние на население Прибалтики, будущих славянских областей, юга Скандинавии. В рамках культуры боролись разные традиции. При общем господстве обряда трупосожжения и полей погребальных урн местами (особенно в районе Силезии) сохранялся и обряд ингумации (трупоположения). В отдельные периоды происходит своеобразный ренессанс, и этот обряд расширяет территорию распространения. В течение всего времени сохраняется культ камня, причем зона его распространения также меняется.

Сохранение некоторых старых культурных традиций позволяет предполагать, что единый язык на всей территории так и не сложился. Разноязычное местное население, очевидно, сохраняло свой племенной уклад, а вместе с ним и свои языки. Удельный вес разных групп, равно как границы между ними, оставались подвижными на протяжении всего периода существования культуры. Аналогичная картина характерна для большинства эпох и территорий длительного периода классообразования и возникновения первых государственных объединений.

В непосредственном соседстве с лужицкой культурой в начале I тыс. до н. э. складывается культура Гальштата, называемая по могильнику близ Гальштата в Австрии. Территория ее распространения обширна: от Среднего Дуная и Адриатики до Атлантики. Естественно, что на таком обширном пространстве культура не могла быть единой, равно как было разнородным охваченное ею население.

Гальштатская культура имеет непосредственную связь с историческими кельтами, а в отдельных районах Запада она прямо переходит в латенскую, идентификация которой с кельтами прочно обоснована. Как и позднее у кельтов, в гальштатском могильнике существуют трупоположения и трупосожжения, отражая смешанный состав населения. В VII в. до н. э. в

186 Ср.: Т.В. Блаватская. Греческое общество... С. 149–150

гальштатском ареале появляются погребения с четырехколесными повозками и богатыми деталями конской сбруи. Как и большинство новшеств, связанных с коневодством, обычай этот распространялся с Востока. Не случайно поэтому в зарубежной литературе сложение кельтского этноса объясняют смешением местного населения севернее Альп и пришельцев с Востока. При этом в большинстве случаев предполагается две волны передвижений с Востока, одна из которых относится к XIII в. до н. э. и связана с кобанской культурой Кавказа, а другая с собственно киммерийцами¹⁸⁷.

Вторжение киммерийцев в Европу влекло за собой другие этнические передвижения, особенно с территорий, занятых позднее фракийцами и иллирийцами, а также, может быть, из Малой Азии. Как раз в VIII в. до н. э. из-за внешнего вторжения понесла колоссальный урон лужицкая культура¹⁸⁸. Культуры «полей погребений» (трупосожжения в урнах или ямах) повсеместно отступают (особенно в Западной Германии и Поморье). Лужицкая культура, однако, еще не исчезла совсем. Это обстоятельство позволяет предполагать, что пришельцы в массе здесь не остановились, а прошли на северо-запад. Таким образом, возможно, устанавливается еще одна линия связи Причерноморья с европейским северо-западом¹⁸⁹.

Около VI в. до н. э. в Центральной Европе усиливаются кельты, а с востока сюда врываются отряды скифов. В районе Дуная эти этносы сталкиваются и смешиваются, образуя полосу, занятую, согласно греческим источникам, «кельтоскифами». Области лужицкой культуры еще раз подвергаются разгрому, приводящему к упадку ее центров. Скифы проникают до Балтийского побережья, оставляя области, ранее занятые тшинецкой культурой, как бы в тылу. По-видимому, Геродотова Скифия еще включала и земли севернее Карпат. Но затем здесь возникают самостоятельные образования. С III в. до н. э. в значительной части Центральной Европы и Придунайской области устанавливается кельтское господство. Кельты к этому времени заселяют всю Галлию, значительную часть Испании, Британию, Ирландию, просачиваются на Балканы и Причерноморье, проникают в Малую Азию, где создают особое государственное образование — Галатию. Они ассимилируют многие

187 На сходство элементов материальной культуры гальштата и Кавказа обращали внимание многие археологи, в том числе Жак де Морган и В. Нордон Чайлд (см. С.К. Дикшит. Введение в археологию. М., 1960. С. 473–474). О киммерийцах, как передатчиках кавказского влияния на гальштат см.: С.П. Толстов. Указ. соч. С. 13–14. Мнения о сложении кельтского этноса в связи с двумя вторжениями с востока см.: M.Gilbert. Pierres megalithiques dans le maine et cromlechs en France. Guernesey, 1962, p. 31–71

188 А.Л. Монгайт. Указ соч. С. 77. См. также: «Погребальный обряд...». С. 21–32.

189 Появление киммерийцев в разных районах морского побережья зафиксировано и археологическими материалами

иноязычные племена, а на многие другие ложится отпечаток самобытной кельтской «латенской» культуры. «Чудовищный разлив кельтской речи», о котором писал Н.Я. Марр¹⁹⁰, просматривается прямо-таки «от тайги до британских морей».

Примерно около времени вторжения в Европу киммерийцев на северо-западе лужицкого района выделяется особая поморская культура, которая в течение ряда столетий распространяет свое влияние. Характерной чертой этой культуры было, между прочим, трупосожжение и погребение праха в каменных ящиках, причем он помещался в специально изготовленных лицевых (с изображением человеческого лица) урнах. О происхождении поморской культуры также высказывались самые различные предположения. Ее считали и местной, вариантом лужицкой, и пришлой либо с севера, либо с запада, либо с юга¹⁹¹. Не исключено, что и в этом случае в сложении культуры принимают участие разные этнические группы. Для самой же отличительной черты ее — погребения в лицевых урнах — имеются любопытные параллели. Изображение человеческого лица на погребальной урне имеется в материалах Трои¹⁹². Почти одновременно с поморской культурой нечто подобное появляется и у этрусков¹⁹³, а также в позднейшее время в Галлии¹⁹⁴.

Примечательно, что в континентальной Европе этот обряд нигде не отразился, и если можно говорить о родстве названных культурных областей, то связь их могла осуществляться, видимо, морем, причем, как и в эпоху мегалитов, население могло хранить старые традиции, в течение нескольких столетий перемещаясь по морскому побережью. Что же касается этрусков, то у них были и непосредственные связи с Прибалтикой: в Эtruрии немало изделий из северного янтаря, а на севере, вплоть до Скандинавии, встречаются этрусские изделия¹⁹⁵.

190 Н.Я. Марр. Избранные работы. Т. V. М., 1935. С. 430.

191 А.Л. Монгайт. Указ. соч. С. 346–350; Ю.В. Кухаренко. Археология Польши. М., 1969. С. 94–98; Погребальный обряд... С. 34–55.

192 На это обстоятельство обратили внимание еще в XIX веке. См. В.М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Т.II, вып. 1. Томск, 1896. С. 225–225.

193 Я. Буриан, Б. Моухова. Загадочные этруски. М., 1970. С. 148.

194 Ср.: Paul-Marie Duval. Żuscie codzienne w Galii w okresie pokoju rzymskiego (wiek n.e.). Warszawa, 1967, Rys. 30

195 Мнение о связи поморских лицевых урн с этрусками высказал К. Шухгард. А.Л. Монгайт отверг его, полагая, что «нет никаких доказательств связи между столь отдаленными областями, не найдено никаких передаточных пунктов» (А.Л. Монгайт. Указ. соч. С. 350). Доказательства, однако, имеются (Ср.: Я. Буриан, Б. Моухова. Указ. соч. С. 129, 131). Передатчиками же могли быть венеты, торговавшие балтийским янтарем. Родственные племена могли поддерживать контакты через большие расстояния, о чем свидетельствует тот же пример полинезийцев. Контакт с «родственниками» мог носить и характер магического ритуала

Поморская культура существует до рубежа II–I вв. до н. э. Со II в. до н. э. возникают три культуры, уже непосредственно связываемые со славянством. Это оксыцкая культура в Поморье и пшеворская культура в основной части Польши, а также зарубинецкая культура, соприкасающаяся одной стороной с пшеворской, а другой уходящая на Среднее Поднепровье. Две последние культуры довольно полно накладываются на тшинецкую, существовавшую здесь около тысячи лет назад. Что касается оксыцкой культуры, то она в целом соответствует локализации древними авторами венедов, и ее этническая принадлежность, видимо, должна зависеть от определения принадлежности последних.

В итоге неоднократных массовых перемещений населения этническая карта Европы ко времени появления первых крупных цивилизаций оказалась весьма запутанной. Истоки многих культур оказываются за тысячи километров от их позднейших локализаций. Родственные племена оказались разобщенными, а на одной и той же территории сосуществовали этнические группы, принадлежавшие к разным языкам и антропологическим типам. В некоторых районах Европы продолжало сохраняться старое, доиндоевропейское население. К таковым можно отнести лапоноидов, сохранившихся на заре письменной истории не только на севере Скандинавии и смежных территориях российского Севера, но и в приальпийских областях и даже кое-где на Пиренейском полуострове. К доиндоевропейскому (родственному кавказскому) населению относятся баски, территория распространения которых была в древности довольно обширной. С другой стороны, индоевропейцы заселяли большие пространства, с которых они были позднее вытеснены. Помимо обширных районов Азии, к таковым в эпоху бронзы относилась территория, на которой позднее формировались великороссы: район междуречья Волги и Оки. Многочисленные перемещения совершились на открытом пространстве между Средним Днепром и побережьем Черного и Азовского морей. Но во всех случаях какая-то часть населения оставалась на месте, сохраняя элементы своей старой культуры, а иногда и язык. Разрозненные группы единого некогда этноса могли многие столетия сохранять генеалогические предания, в которых фиксировались их родственные отношения с племенами, удаленными теперь на тысячи километров от прежнего места обитания. С такой вероятностью необходимо считаться, рассматривая письменные источники об исторических народах.

2. Варварская Европа в античной письменной традиции

Первым народом Северной Европы, попавшим на страницы письменных источников, были киммерийцы. Их знали древние восточные авторы (под названием Гимараи, Гамирра и т. п.), их знали греки.

Греческие авторы говорят о киммерийцах в двух планах: как о первоначальном населении Северного Причерноморья и как о жителях побережья «окружного Океана»¹⁹⁶. В последнем качестве они были известны Гомеру. Представление о том, что по берегам Океана жил тот же народ, что и на северном берегу Черного моря, окажется весьма устойчивым, и оно не может быть объяснено только неведением греческих географов. В гомеровскую эпоху греки были и свидетелями, и участниками дальних передвижений, охвативших многие народы. С киммерийцами им постоянно приходилось иметь дело и в Малой Азии, и на Балканах, и на самом черноморском побережье.

Позднейшие греческие комментаторы пытались осмысливать имя киммерийцев как «зимние» (хеймериои), либо как люди гробниц¹⁹⁷. Страбон, ссылаясь на историка IV в. до н. э. Эфора и устные предания, сообщает о проживании группы киммерийцев в итальянской провинции Кампании. Они жили в глиняных землянках. Занимались горным промыслом и предсказаниями, за которые получали плату от местного царя. Впоследствии якобы за несбывшееся предсказание киммерийцы были истреблены¹⁹⁸.

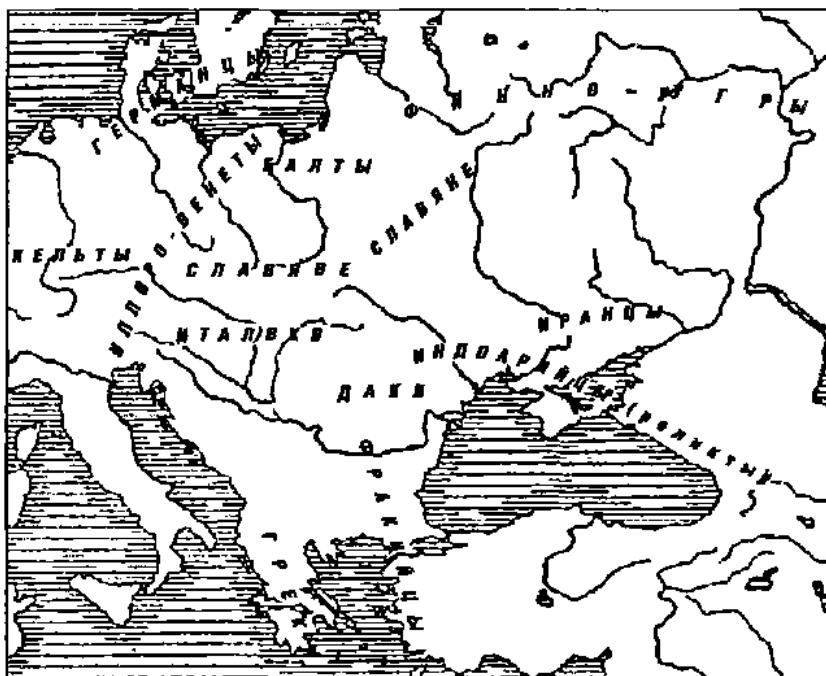
В древнегреческой традиции реальные или мнимые сооружения киммерийцев должны были указывать на их близость к мифической стране мертвых царства Аиду вход в которую помещался в самых различных частях морского побережья. С понятием «народ гробниц» может быть связано и представление о преувеличенном, с точки зрения греков, культе погребения (в Греции погребения отличались значительной скромностью). На юге Италии, на

196 В.В. Латышев. Указ соч. С. 281–282, 285, 307 (схолии к Эсхилу). В последнем комментарии киммерийцы представлены как «народ у скифского Тавра и Меотийского озера», но говорится о 40 днях полной ночи и 40 днях полного света, что, может быть, свидетельствует о знакомстве со скандинавским или даже уральским севером.

197 Там же. С. 285 (схолии к «Одиссею» Гомера), 291–292 (объяснения к «Одиссею» Евстафия, архиепископа Фессалоник).

198 Страбон. География. М., 1964. С. 227

островах Сицилии и Сардинии, греки сталкивались с мегалитическими сооружениями, которые могли ассоциироваться с царством Аида.

Языковые ареалы древних славян по О. Трубачеву

Через всю античную традицию проходит и представление о родстве причерноморских киммерийцев с населением самого дальнего «Запада» и побережья «Океана». В недошедших сочинениях Посейдона, в частности, указывалось на связь с киммерийцами кимвров, вторгшихся во II в. до н. э. с севера в пределы Галлии и Северной Италии¹⁹⁹. «Кимами» издревле называла себя одна группа кельтов (нынешний Уэльс), некогда весьма многочисленная. Этот факт неизменно привлекает внимание исследователей²⁰⁰. Существенно также, что у ряда кельтских народов сохранились предания о том, что они вышли с территории между Каспием и Причерноморьем. Автор уже VIII в. Беда записал предание о прибытии из «Скифии» шотландского племени пиктов²⁰¹. В литературе предлагалось сопоставление шотландского племени «скотов» и

199 Там же. С. 268; В.В. Латышев. Указ. соч. ВДИ, 1947. № 4. С. 258 (Диодор Сицилийский, I в. до н. э.).
200 Ср.: Н. Чекалов. Предполагаемые кельтийские жертвенныеники на Южном берегу Крыма // ЗОАО. Т. VI, 1867; Раулинсон. О киммерианах Геродота и о переселениях кимрского племени // Там же. Т. VII, 1868; E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. PP. 40-436; T.G. Povell.

200 The Celts. London, 1967.

201 См.: И.Н. Гроздова. Кельтские народы британских островов // Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970. С. 153.

«сколотов» — одного из предшественников скифов в Причерноморье²⁰². Ирландская сага о Гайделе Гласе (Гайделе Зеленом) рассказывает о многовековом пути своих предков из «Скифии», расположенной между Каспием и «Красным морем» (бывшее «Чермное» — «Красное», ныне Черное море). В саге зафиксировано пребывание их в Египте и других землях Средиземноморья. В Испании (Иберии) переселенцы задержались на ряд столетий, пока наконец не двинулись в сторону «зеленого острова»²⁰³.

Нарисованный в саге путь совпадает с ареалом распространения мегалитической культуры, для которой узловым «распределителем» является Иберия. Но средиземноморский путь на дальний Запад использовался и в более позднее время, в том числе в киммерийское. Исторические киммерийцы, по всей вероятности, не были однородными в этническом и культурном отношении. В Причерноморье им непосредственно предшествуют катакомбная и срубная культуры, которые исследователи пытались поделить между скифами и киммерийцами. Можно считать доказанным, что обе культуры предшествуют скифской²⁰⁴. И согласно письменным источникам, скифы пришли «из Азии». Правда, генеалогические предания самих скифов связывают их происхождение либо с пришельцами, либо с местными племенами (сколотами). Однако собственно скифская культура отлична от срубной, а потомки срубной культуры остаются лишь на территории лесостепи в районе Среднего Днепра²⁰⁵. На Среднем Днепре, по всей вероятности, и в скифское время сохранялось автохтонное население, о котором будет речь ниже.

Многие археологи собственно киммерийцев связывают с катакомбниками²⁰⁶. А.И. Тереножкин, более всех способствовавший рассеянию тумана вокруг этого полумистического народа, отождествил их со срубниками²⁰⁷. У автора, однако, лучше разработан заключительный период истории киммерийцев и мало данных о времени ранних контактов срубников и катакомбников. Видимо, основная масса катакомбников смешалась со срубниками — населением, в антропологическом отношении им близким, но

202 Н. Gilbert. Op. cit. P. 53.

203 G. Lehmann. Goedel Glass ZCPH. B. X111, Halle, 1921

204 См.: А.И. Тереножкин. К истории изучения предскифского периода. Скифские древности. Киев, 1973; его же: Киммерийцы. Киев, 1976. С. 7–23; А.П. Смирнов. Скифы. М., 1966. С. 24–25, 38–41.

205 Г.П. Зиневич. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967. С. 129; М.С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975. С. 35–36.

206 Ср.: Т.Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955; А.П. Смирнов. Скифы. С. 35–36; А.И. Тереножкин. Киммерийцы. С. 19–20. Обстоятельный обзор литературы дан в книге: Ю.А. Шилов. Праордина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995.

207 А.И. Тереножкин. Указ. соч. С. 22, 203–204.

2. Варварская Европа в античной письменной традиции

именно в ту эпоху родственное причерноморскому население появляется в далекой Индии (о чем писал, например, в упомянутой книге Ю.А. Шилов).

Киммерийцы-срубники около XIV–XIII вв. до н. э. проникают в Центральную Европу, где возникает фрако-киммерийская культурная область. Какая-то часть киммерийцев пересекает море и вторгается на малоазиатское побережье²⁰⁸. По тем же путям, но гораздо с большим размахом, пойдут разные группы киммерийцев в VIII в. до н. э., то ли под натиском скифов, то ли спасаясь от многолетней засухи. Именно к этому времени относится массированное вторжение киммерийцев в Малую Азию. И тогда же предметы конской сбруи и другие сходные с киммерийскими элементы культуры появляются в различных районах Европы: в центре, у Адриатики, на юге Франции и на самом удаленном северо-западе — в Бельгии, Британии, Скандинавии²⁰⁹.

В отличие от периодов, когда культуры как бы взаимопроникали, на сей раз происходит полная смена населения. Лишь на окраинах, смежных со степью, сохраняются традиции доскифского времени. В Крыму, в Приазовье — это, очевидно, тавры и родственные им племена, которых отождествляют с кизил-кобанской культурой. Тавры, возможно, один из компонентов киммерийцев или родственное им племя²¹⁰. Но они, видимо, сохранили особое положение в киммерийском объединении и остались на своих местах. Здесь в течение многих веков сохранится особая материальная культура и особые традиции, в частности, погребения в каменных ящиках, так широко распространенные в Европе в эпоху неолита и бронзы и только кое-где сохранившиеся в эпоху железа. Культура тавров сближается также с традициями Северного Кавказа, что также характерно для всей киммерийской области²¹¹.

Другая компактная группа прежнего населения сохранялась в Среднем Поднепровье. Культура этого района всегда отличалась от культуры Крыма, и это естественно, если учесть природные особенности обеих областей. Но весьма вероятно, что население их не нуждалось в переводчиках. И не исключено, что традиционные связи пережили скифскую эпоху, тем более что они снова на много столетий оказались в рамках единого объединения.

208 А.П. Смирнов. Скифы. С. 30; М.И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 28 (следы киммерийцев в Трое, связь с киммерийцами Синопы).

209 Ср. Ян Филип. Указ. соч. С. 23. А.Л. Монгайт (Указ соч. С. 206) объясняет отмеченные факты диффузией культур.

210 А.П. Смирнов. Скифы. С. 37–38.

211 Там же. С. 36–37; Е.И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, № 68. М.-Л., 1958. С. 179, 188–193.

Северное Причерноморье было одной из первых областей, где в киммерийское время (около IX в. до н. э.) совершается переход от бронзы к железу²¹². Скифы наследуют сравнительно высокую культуру и распространяют свое название на местные племена, сохранившие в лесостепи земледельческую оседлость. Это Геродотовы скифы-пахари или скифы-земледельцы, которые, по заключению Б.А. Рыбакова, означают доскифское население Приднепровья. Не исключено, что спустя несколько столетий местные племена и сами будут воспринимать себя как «скифские». Но они при этом привнесут свои предания происхождения скифов. И если вторжение в Европу в VI в. до н. э., видимо, осуществлялось под предводительством собственно скифских племен, то упоминаемые источниками «скифы» в районе Прибалтики вряд ли относятся к пришельцам с востока. Скорее это — остатки автохтонного населения Причерноморья или Приднепровья, сдвинувшегося к Прибалтике под натиском скифов.

Один из древнейших «письменных» народов Европы — кельты — также не составляли монолитного этноса. Они антропологически остаются почти неуловимыми, будучи рассеянными в самых различных странах континента. Повсюду антропологический тип их меняется в зависимости от субстрата — предшествующего населения. Не был он однородным и в гальштатское время. Даже в сочинениях древних авторов кельты то высокие, светловолосые, голубоглазые, то невысокие, темные. И этот разнобой нельзя объяснить только различием точек наблюдения (со стороны низкорослого южанина или высокорослого северянина). Кельты всюду приносили с собой разнородные расовые типы. Одни из них — сравнительно низкорослые приальпийские брахицефалы, родственные лапоноидам, другие — восходят к разным группам индоевропейцев, в числе которых и потомки населения мегалитической культуры, и более поздние волны переселенцев из Причерноморья, Кавказа, Восточного Средиземноморья.

Кельтская проблема, возможно, и еще сложнее. Автор крупнейшего словаря старой кельтской лексики А. Хольдер был вынужденным включить в словарь большое количество существенно разных обозначений одних и тех же понятий. А позднейшие специалисты без особого успеха пытаются устранить из кельтских языков докельтский субстрат или некельтские заимствования. Ю. Покорный видел в кельтских языках семитские элементы, Г. Зольта обращал внимание на кельто-армянские изоглоссы, многие авторы указывают на

212 А.И. Тереножкин. Киммерийские мечи и кинжалы. Скифский мир. Киев, 1975. С. 24.

уральские параллели, а значительная часть «вымерших» слов вообще не поддается этимологизации.

Должно заметить, что исторически могут быть объяснены все названные языковые контакты. Поэтому, оспаривая их, лингвистам лучше воздерживаться от указаний на историческую «необеспеченность» предлагавшихся концепций²¹³. Сложность кельтской проблемы заключается в том, что мы, в сущности, не знаем, какой язык наследуют современные кельты: собственно ли кельтский — имея в виду кельтов гальштатской и латенской эпох, или же более древний, уходящий в эпоху мегалитических сооружений. Ведь современные кельтские языки сохранились именно в тех областях, где наиболее устойчиво держалась культура мегалитов: Бретань, Ирландия, Шотландия, Уэльс, в более ранний период вся Британия и острова. Самый культ мегалитических сооружений сохранялся здесь и у исторических кельтов. Так, при британском короле Артуре было добавлено несколько камней в знаменитый кромлех Стоунхендж (Стонхендж)²¹⁴. Коронационный камень до конца XIII в. символизировал шотландскую независимость, а обрядового пожатия рук над камнем-мегалитом еще несколько десятилетий назад считалось достаточным, чтобы признать молодых мужем и женой²¹⁵.

Таким образом, за широким названием «кельты» скрываются разные языки и культуры, в одних случаях родственные, в других — далекие друг от друга. «Кельтика» Плутарха, простиравшаяся от Океана до Меотиды и Скифии Понтийской, конечно, не представляла ни этнографического, ни политического единства. Тем не менее это не было следствием слабой осведомленности античных авторов о землях за пределами Римско-Греческих областей. Плутарх (46-120) был начитан в историко-географической литературе. Уроженец Греции, он неоднократно бывал в Риме и других центрах Империи. К его времени римляне уже хорошо знали «германцев» (племена территории «Германии»), балканские народы. Причерноморье греки знали традиционно, поскольку были с ним связаны. И если Кельтика в представлении Плутарха и его предшественников простирилась на столь значительное пространство, то это

213 Ср.: Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 11 (предисловие В. Ярцевой); Э.А. Макаев. Армяно-кельтские изоглоссы. Кельты и кельтские языки. М., 1974. С. 52–54.

214 M.Gilbert. Op. cit. p. 31

215 Ср.: И.Н. Гроздова. Указ. соч. С. 156, 171.

объясняется реальным преобладанием кельтов на всей территории в какой-то период, предшествовавший времени Плутарха.

Максимальное распространение кельтского влияния или непосредственного господства приходится на латенскую эпоху, главным образом на IV–III вв. до н. э. В этот период кельты господствовали во Франции, большей части Испании и Италии, Британских островах, в Центральной Европе, на Балканах. Кельтское объединение появляется в Малой Азии (Галатия). В конце III в. до н. э. они появляются и в Причерноморье. Но Плутарх, видимо, имел в виду другое. Он разделяет кельтскую Меотиду иPontийскую Скифию. В III в. кельты до Меотиды не доходили, останавливаясь как раз в землях Pontийской Скифии, ближе расположенной к Греции, чем Меотида. Меотида же считалась в составе Кельтики потому, что там, согласно греческой традиции, жили киммерийцы.

Плутарх упоминает о Кельтике в связи с отождествлением кимвров с киммерийцами. Он приводит две версии происхождения кимвров, за каждой из которых стоит по меньшей мере несколько предшественников («по мнению других»). Согласно одной версии, кимвры — это кельтоскифы — смешанное население Причерноморья, постепенно продвинувшееся на северо-запад Европы. По другой версии, это собственно киммерийцы. Небольшую отколовшуюся их часть греки знали и в Малой Азии. «Самые многочисленные и воинственные из них, — по Плутарху, — живут на краю света у внешнего моря»²¹⁶.

В представлении Плутарха кельтоскифы — это примерно то же, что в позднейшей греческой традиции тавроскифы, т. е. смешанное население Причерноморья. В литературе высказывались соображения о близости кельтских языков к скифским²¹⁷. Но в этих представлениях язык скифов рассматривается как развитие более древних причерноморских языков. Между тем язык скифов, видимо, был первым иранским языком в Причерноморье. От языка предшествующего времени он заметно отличался, и именно с предшествующим населением «Скифии», видимо, должны сопоставляться кельтские языки.

Еще М.И. Ростовцев, а в недавнее время О.Н. Трубачев указали на факты, свидетельствующие о близости киммерийских языков фракийским. Речь идет

216 Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963. С. 71.

217 Н.Я. Марр. К отчету о заграничной командировке (17.III — 22.VI — 1929). Доклады АН. 1929; его же: In tempore ultorum. (Из этнографии к скифо-кельтскому вопросу). Доклады АН. 1928. Также M.Gilbert. Op. cit. P. 52.

прежде всего об именах фракийского облика в династии боспорских царей, т. е. на территории, признаваемой безусловно киммерийской²¹⁸. В греческих источниках киммерийцев непосредственно смешивали с фракийцами. М.И. Ростовцев указал и на другой ряд культурных и языковых связей киммерийцев: «...с великим алародийским (так назывался кавказско-хеттский этнический ствол. — А.К.) культурным миром»²¹⁹. Что же касается синтов или синтиев, якобы выселившихся с острова Лемноса в Крым, а также синдов, то их название ведет не к фракийцам, а к индийцам, которые, возможно, двигались на юго-восток именно из причерноморских степей²²⁰.

Фракийцы формировались в зоне культур ленточной керамики, и их антропологический тип резко отличался от населения территорий между Днепром и Волгой. Но на протяжении многих столетий фракийцы оказывались непосредственными соседями потомков племен культур шнуровой керамики, взаимодействуя и смешиваясь с ними. О языке их также мало сведений. Но, судя по топонимике, он был близок иллирийским и соседним малоазиатским. Некоторые топонимические следы тянутся через Фракию из Малой Азии к Иллирии и далее к Балтике. Имеются и определенные кельто-фракийские параллели. Но иллирийские и кельтские языки, равно как и некоторые элементы культуры, непосредственно пересекаются с Киммерией. Так, одному из донесенных источниками киммерийскому (трерскому) имени Коб есть соответствие в ирландском Коба²²¹. Имя скифского предводителя — победителя киммерийцев Мадия (Мадиес) хорошо известно античным авторам. Параллель ему отыскивается в кимбрском (уэльском) средневековом имени Madyein²²². Имена победителей всегда охотно перенимают побежденные, так же как свою исходную территорию некоторые кельтские саги именовали «Скифией», хотя речь, очевидно, шла о доскифском времени. Можно обратить внимание также на один обряд: у тавров и кельтов был обычай «украшать» жилища головами пораженных врагов. Обычай этот, пожалуй, не так уж редок на востоке. Но Геродота он явно поразил. В Европе аналогичный обычай держался у кельтов (и только у них) вплоть до Средневековья²²³.

218 М.И. Ростовцев. Указ. соч. С. 30; О.Н. Трубачев. О синдах и их языке. С. 40–41; его же: Temarundam «matrem maris». К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Античная balkанистика. 2. М., 1975. С. 41–42; его же: Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // ВЯ, 1981, № 2.

219 М.И. Ростовцев. Указ. соч. С. 31–32.

220 См.: С.К. Дикшит. Введение в археологию. М., 1960. С. 472–477; О.Н. Трубачев. О синдах... С. 41.

221 Ср.: Страбон. География. М., 1964. С. 68, а также: М.Е. Dobbs. The History of the Descendants of ir. ZCPH. B. XIV, Halle, 1923, S. 134.

222 Ср.: Геродот. История. Л., 1972. С. 44; Страбон. Указ соч. С. 68; Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч. С. 59.

На огромной территории Кельтики происходили процессы ассимиляции. Возникали новые этнические образования и распадались старые. В период апогея кельтского влияния многие племена проникались кельтской культурой и переходили на кельтский язык. Но в условиях племенного строя разные языки могут сосуществовать и на протяжении столетий, мало влияя друг на друга. Примером может служить кельтское «государство» в Малой Азии — Галатия. Галаты почти тысячу лет помнили о своем родстве с прирейнскими кельтами и как бы во имя этой памяти сохраняли почти в неизменном виде свой быт, хотя на континенте естественное развитие разрушило все то, что идеализировали и поддерживали в иноязычном окружении добровольные изгои.

Ослабление кельтского могущества приводит к заметному изменению этнической карты Европы. Большая часть кельтского запада к первым векам н. э. покорена Римом. И здесь быстро проходит процесс романизации, захватывающий разные народы, и в первую очередь кельтов. В центральной Европе в это время поднимаются германцы и затем славяне. На Балканах кельтские этнические группы тают в остатках дако-фракийских и иллирийских племен, в Причерноморье растворяются в ираноязычном и ином местном населении. Но процесс этот неоднолинеен. В отдельных районах сохраняются компактные и устойчивые кельтские или кельтоязычные группы. На территории Моравии, по мнению чешского ученого Е. Шимека, остатки кельтского племени вольков-текtosагов сохранили свой язык до IV в. н. э. Позднее они, будучи ославленными, сохраняли некоторые специфические черты быта и свое старое имя: *валахи*. От кельтов выводят автор и румынских *валахов*²²⁴. С.П. Толстов обращал внимание на сохранение остатков кельтской речи в горах Трансильвании даже в XIII–XIV вв²²⁵. Очевидно, не случайно в Румынии от раннего Средневековья и до наших дней сохраняются такие ясные кельтские имена, как Влад, Тудор и т. д.²²⁶

223 Геродот. Указ соч. С. 213; Ян Филип. Указ соч. С. 103–104, 151–153; А.А. Смирнов. Древнеирландский эпос. В Кн. «Исландские саги. Ирландский эпос». М., 1973. С. 555. Anna Ross. Pagan Celtic Britain // Studies in iconography and tradition. London, New York, 1967, PP. 61–126. (Глава, посвященная культу голов.)

224 E.Simek Posledni keltove na Morave. Brno, 1958. S. 507–511. Мнение Шимека оспорил Ян Филип. Не отрицая вероятности того, что вольки-текtosаги, разбросанные по разным регионам кельтского мира, включая Галлию и Галатию, находились также и в Моравии, и допуская, что «это племя (или его меньшая часть) проживало в Моравии дольше, чем продолжалось компактное кельтское заселение Средней Чехии», автор негативно отнесся к обозначенному Шимеком хронологическому рубежу: IV век. По мнению Филипа, делать такое заключение «невозможно из-за отсутствия проверенных и убедительных археологических данных». (Ян Филип. Указ соч. С. 70–71.) Данных действительно мало. Но для отрицательного заключения — еще меньше. Шимек не ограничивался только археологическими данными, привлекая и этнографические. Самые же богатые и перспективные данные — лингвистические — пока не задействованы.

225 С.П. Толстов. Указ. соч. С. 37.

226 Имя Влад часто повторяется в династии валашских господарей. Известно оно и в кельтской традиции, а в сложных именах также у славян и в измененной форме у германцев. Значение этого слова в кельтских языках

Уже после падения могущества кельтов неоднократно происходили своеобразные кельтские ренессансы. Таковой был во II–IV вв., в эпоху угасания римской моци, затем в VI–VII вв., после завершения эпохи великих переселений, и даже в отдельные периоды II тыс. Все эти ренессансы отражались на развитии славянства, а также территории будущей Руси. Славяне соприкасались с кельтами и в Центральной Европе, и на Балканах, а с родственным им населением также в Прибалтике и Причерноморье.

Неоднородность кельтского этноса приводила к тому, что смена племен-гегемонов сопровождалась значительными изменениями в облике культуры и, может быть, в языке. Не исключено, например, что переход от гальштата к латену был одновременно и возвышением новой группы кельтских племен²²⁷. Но на большей части Европы кельтской топонимике предшествует более древняя также индоевропейская топонимика. Сходные географические названия, простирающиеся от Малой Азии и Балкан до Испании, Северной Италии и Прибалтики, не могут быть объяснены кельтской экспансиею. Эти наименования заставляют постоянно опускаться в докельтскую эпоху, чтобы выявить либо истоки кельтических традиций, либо сохраняющиеся и в новых условиях старые этнические группы.

3. Венеты на исторической карте Европы

В самой тесной связи с историей славянства находятся венеты (венеды), которых средневековые авторы даже прямо отождествляют со славянами. Сложность вопроса и в этом случае заключается в том, что имя венетов прилагается как будто к разным народам, далеко отстоящим друг от друга. Отмечая это обстоятельство, П. Шафарик привел аналогию с именем вандалов и ряда других племен, которые в процессе переселения оказались разорванными на части и рассеялись на огромной территории от Северной Европы до Причерноморья и Африки²²⁸. П. Шафарик, вслед за древними авторами, готов был признать возможность общего их происхождения,

примерно то же, что и в славянских (ирландское *flaith* — царство, владение; совпадают и варианты: славянское *влат-волот* — великан, кельтское *vlatos* — господин. Ср.: А.А. Шахматов. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912. С. 47.

227 С.П. Толстов полагал даже, что между латеном и гальштатом существовал совершенный разрыв. (С.П. Толстов. Указ. соч. С. 15–16.) Правильнее, видимо, говорить о некоторых различиях.

228 П.И. Шафарик. Славянские древности. Т. 1. Кн. 2. М. 1837. С. 139.

предполагая, что речь идет о славянах. В современной немецкой лингвистике венеты рассматриваются как ветвь иллирийцев.

Древнейшее упоминание «енетов» (генетов) находится уже у Гомера. Речь шла о малоазиатской области Пафлагонии. Енеты были союзниками троянцев и после падения Трои вынуждены были покинуть свои земли. В античной традиции, полнее всего представленной у Страбона, енеты во главе с Антенором и его сыновьями проходят через Фракию к устью реки По. Знал Страбон и иные версии происхождения адиатических венетов, в частности от венетов арморейских. Но предпочтение он отдавал пафлагонской версии, отыскивая в пользу ее и собственные аргументы. Здесь также были варианты, но они связывались с маршрутом переселения: через Фракию морем²²⁹.

Согласно античной традиции, воспроизведенной Страбоном, на южном побережье Черного моря от Босфора до Синопы жили различные варварские племена и, очевидно, позднее продвинувшиеся сюда племена эллинов. Страбон указывает на интенсивные морские сношения между Крымом и южным морским побережьем, называя эту магистраль «проливом», как бы разделяющим море на две части²³⁰. Уже во II тыс. до н. э. на малоазиатское побережье переселяется какая-то часть киммерийцев, а в киммерийских древностях откладываются изделия малоазиатских ремесленников. М.И. Ростовцев указывал на тесную связь с киммерийцами Синопы и ряда других малоазиатских городов. Он считал существенным, что «многие из этих городов, как, например, Синопа, мнили себя основанными амazonками и бережно хранили культ своих героинь-основательниц»²³¹. Следы матриархата сохранялись у многих причерноморских племен киммерийского времени, что, в частности, отразилось и в культе Артемиды у тавров.

Может представить интерес и одно топонимическое совпадение. Горная цепь, тянущаяся вдоль черноморского побережья в Малой Азии, называлась «Тавр», так же, как горы Крыма. Название, очевидно, восходит к местному населению (у греков и в некоторых других индоевропейских языках «тавр» — бык).

Исторических енетов мы находим у Геродота, который считал их иллирийским народом или же выделял как особую ветвь, отличную от других

229 Страбон. Указ. соч. С. 56, 68, 186, 200, 510–511 (одна версия о переселении энетов вместе с киммерийцами), 519, 570.

230 Там же. С. 283.

231 М.И. Ростовцев. Указ соч. С. 29.

3. Венеты на исторической карте Европы

венетов²³². В последующей традиции постоянно будет смешиваться венетская река Еридан в Северной Италии (река По) и река, впадающая в «северное море». Геродот уже знал, что с этой реки привозят янтарь²³³. Янтарь греки, видимо, получали от иллирийских венетов, но те в свою очередь, очевидно, имели непосредственные контакты с Прибалтикой, поскольку прибалтийское происхождение янтаря установлено специалистами²³⁴. Иными словами, связь, прослеживаемая между районом Адриатики и Прибалтикой по топонимическим данным, существовала во времена Геродота и сложилась, видимо, гораздо раньше. Во всяком случае, прибалтийский янтарь попадает в Грецию уже с середины II тыс. до н. э., т. е. примерно с того времени, когда начинает складываться лужицкая культура. Античным авторам, конечно, были ближе адиатические венеты. По археологическим данным, венеты появились на севере Адриатики около XII в. до н. э., хотя хронология связываемой с ними культуры эсте остается весьма неопределенной²³⁵. Новая культура не имела предшественников в местной среде. Пришельцы с самого начала знали гончарный круг, неизвестный местному населению. Подобно ряду других итальянских культур, эта культура возникает внезапно, и нигде кроме Восточного Средиземноморья невозможно искать ее истоки.

В разных версиях Страбона венеты переселяются либо вместе с фракийцами, либо с киммерийцами. Киммерийские следы обнаруживаются в Трое. Но последняя версия может быть и результатом хронологического смещения: элементы киммерийской культуры проникают на Адриатику в VIII в. до н. э.

Вплоть до рубежа н. э. венеты сохраняли самобытность, являясь традиционным союзником Рима и изолируясь от соседних культур.

Близость к Риму могла поддерживаться и традицией происхождения: римляне вели себя от Энея, судьба которого после гибели Трои была сходной с участью вождя венетов Антенора. И важно не то, в какой степени эти предания достоверны, а то, что именно такова была традиция, и ради нее, по сообщению Страбона, Юлий Цезарь освободил Илион — город, расположенный вблизи от

232 Геродот. История. С. 73, 240–241.

233 Там же. С. 173. Страбон, отвергая отождествление реки По с Ериданом, сомневался в существовании такой реки (указ. соч. С. 202). Эсхил, Эврипид и некоторые другие авторы отождествляли Еридан с рекой Родан (область кельтских рутнов), по которой в Массилию (Марсель) также поступал балтийский янтарь. Путешествие Пифия на север Европы правдоподобно объясняется поисками «собственных путей к британскому олову и балтийскому янтарю» (Л.А. Ельницкий. Знание древних о северных странах. М., 1961. С. 114).

234 Дж. Г.Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953. С. 261–263.

235 А.Л. Монгайт. Указ. соч. С. 220, прим. 45.

прежней Трои-Илиона, от каких-либо даней именно как своих непосредственных родичей²³⁶.

Для культуры эсте характерны трупосожжения, хотя спорадически встречаются и трупоположения. Погребальные камеры сооружались из шести каменных плит, в которых помещались урны с прахом. Около середины I тыс. до н. э. распространяется обычай ставить на погребениях каменные стелы с надписями. Обычаю этому также можно найти предшественников в Малой Азии и в Восточной Европе киммерийской эпохи. Затем он широко распространяется в кельтских областях и на севере Европы.

Язык венетов не имеет непосредственных наследников. В XX в. его обычно отождествляли с кельтским, учитывая кельтоязычие арморейских венетов и бесспорное влияние в IV–III вв. до н. э. кельтской материальной культуры на венетов. Затем популярной стала иллирийская теория, которую поддерживали Ю. Покорный и Г. Краэ. Об отличии языка венетов от кельтского прямо говорит Полибий, хотя это отличие в его время и не было значительным²³⁷. Не может это свидетельствовать и в пользу иллирийских языков. В.И. Модестов еще в начале XX в. убедительно оспаривал такое мнение. Он заметил, что иллирийские соседи венетов²³⁸, усвоив их материальную культуру и даже многие обряды, не восприняли венетской письменности, что может быть объяснено лишь различием языка.

Доказывая тождество адриатических венетов и пафлагонских генетов, Страбон обращает внимание на примечательную отрасль их занятий: разведение лошадей. Он неоднократно напоминает слова «Илиады» о том²³⁹, что Пилемен вывел пафлагонцев «из генет, где стадятся дикие мулы». У адриатических венетов тоже было «пристрастие к разведению лошадей... для разведения мулов». Тиран Сицилии Дионисий (430–367 до н. э.), как сообщает Страбон, «устроил из собранных оттуда лошадей конский завод для своих беговых лошадей, так что генетский способ разведения и дрессировки жеребят прославился у греков и порода эта долгое время высоко ценилась». Во времена Страбона венеты уже не занимались разведением коней, но в жертву богу Диомеду и в это время приносился белый конь²⁴⁰.

236 Страбон. Указ. соч. С. 557.

237 Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. М., 1890. Т. 1. С. 157. Венеты «в смысле нравов и одежды... мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым».

238 В.И. Модестов. Венеты. ЖМНП. 1906. Ч.II. С. 16–26. По мнению автора, иллирийцы проникли на эту территорию два столетия спустя после венетов.

239 Страбон. Указ. соч. С. 200, 510, 519.

240 Там же. С. 200, 202–203. О горячности венетских коней специально говорил Эврипид. Ср.: В.И. Модестов. Указ соч. С. 27–28.

Помимо Троянской войны, выселение населения из Малой Азии могло вызываться падением около 1200 г. до н. э. Хеттской державы.

Язык хеттов, как показали лингвистические исследования, был близок греческому, латинскому, кельто-иллийским, а некоторые элементы сближали его со славянскими языками²⁴¹. Индоевропейцы не были коренным населением Хеттской державы, но они составляли здесь социальную верхушку. Падение державы должно было привести к миграции прежде всего индоевропейских групп, хотя внешнее вторжение и на этот раз, видимо, шло с севера, со стороны родственного по языку населения.

При распространенности культа лошади у разных народов, должно заметить, что преобладал он на востоке и шел из степных районов. Не случайно Страбон связывал этот культ во всем греко-римском мире только с венетами. С другой стороны, хеттское божество Перуна самым непосредственным образом созвучно аналогичному божеству славян-венедов (Перун) и балто-литовцев (Перкун).

Балтийское побережье в поле зрения древних авторов попадает, разумеется, позднее. Долгое время знания об этих районах носили как бы случайный характер: греки и римляне брали их из вторых рук. Более непосредственные сведения античный мир получил после путешествия в IV в. до н. э. Пифия из Массалии (Марсель — бывшая греческая колония). Сочинение Пифия использовали Диодор Сицилийский, Плиний Старший, Страбон. Река Эридан в этих сочинениях помещается на севере, где Кельтика отделяется от Скифии²⁴². Возможно, из Пифия заимствовали названные авторы упоминание народа гвинонов, в самом названии которого проявляется характерное для приморских кельтов и позднейших балтийских славян «гв» вместо «в»²⁴³.

К сожалению, сочинение Пифия непосредственно до нас не дошло, а позднейшие авторы использовали и другие источники или же осмысливали сведения Пифия через призму представлений своего времени. И лишь с первых веков н. э. становятся довольно регулярными сведения о венедах в Прибалтике. П. Шафарик обратил внимание на сообщение римских авторов Плиния

241 Ср.: Б. Грозный. Хеттские народы и языки. ВДИ, 1938, № 2 (3). С. 26; В.В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. Вопросы славянского языкознания, вып. 2. М., 1957. С. 17–19. Особый интерес представляет, в частности, соответствие хеттского аффикса — асти со славянским — ость.

242 См.: В.В. Латышев. Указ. соч. ВДИ. 1949, № 2. С. 285.

243 Область поселений арморейских венетов в Британии называлась Wenedotij или Gwineth. Ср.: П.И. Шафарик. Указ соч. Т. 1, Кн. 2. С. 143. О возвращении британских венетов в Галлию говорит в VIII в. Ейнгард.

Старшего и Помпония Мелы (I в. н. э.) о прибитых бурей к северному побережью Германии в 58 г. купцах индах²⁴⁴. Такое написание встречается и в средневековых источниках, и, может быть, разные написания племенного названия указывают на каналы, через которые сведения попадали к античным авторам. Согласно Плинию, соседями венедов были сарматы, скифы и гирры.

Во II в. венедов упоминают Птолемей и Тацит. Птолемей, давая описание «Сарматии», отмечает, что «Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу... Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды — по всему Венедскому заливу». Западной границей венедов Птолемей представляет реку «Вистулу», на юге к ним примыкают певкины и бастарны²⁴⁵. Тацит попытался определить этническую природу венедов. Но у него был выбор лишь между германцами и сарматами, и очевидно было, что ни к тем ни к другим венеды не относились. Тацит отметил также, что венеды «ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами»²⁴⁶. Очевидно, в начале н. э. влияние венедов распространяется от побережья до Прикарпатья. Видимо, это же время отразили «Певингеровы таблицы», где венеды названы дважды, в том числе в качестве населения Прикарпатья.

Вопроса о взаимоотношении адиатических и балтийских венетов касались многие авторы. А.С. Фаминцын, в частности, указывал на некоторые параллели в верованиях. По Страбону, адиатические венеты поклонялись священной роще, озеру, семи источникам. Поклонение дубовым рощам и источникам А.С. Фаминцын отмечал у балтийских славян. Самой же яркой деталью, сближавшей венетов столь отдаленных друг от друга областей, являлось почитание коня. Священная конюшня при главном боге на острове Рюгене насчитывала 300 лошадей, причем непосредственно около идола находился белый конь, кормить которого и ездить на котором мог только верховный жрец. С помощью священного коня осуществлялось гадание, и конь являлся непременным атрибутом языческого культа и в Арконе, и в Ретре, и в Щецине, и в Волине — т. е. основных центрах балтийских славян²⁴⁷. Однако

244 См.: В.В. Латышев. Указ соч., ВДИ, 1949, № 1. С. 286. Оба автора ссылаются на недошедшее сочинение Корнелия Непота, который воспроизвел свидетельство проконсула Галлии Квинта Метелла Целера (58 г.). Царь бетов подарил Целеру несколько «индов», которых буря унесла далеко от берегов «Индии» и прибила к берегам Германии. Древние авторы ошибочно решили, что речь идет об азиатской Индии. Ср.: П.И. Шафарик. Указ. соч. Т. I, Кн. 1. С. 198–202; Кн. 2. С. 144–145, прим. 110. Автор видел здесь свидетельство регулярных сношений между арморейскими и балтийскими венетами, поскольку германские берега они как будто регулярно посещали.

245 В.В. Латышев. Указ. соч. ВДИ, 1948, № 2. С. 236–237.

246 Корнелий Тацит. Соч. Т. 1. Л., 1969. С. 372.

247 А. Фаминцин. Божества древних славян. СПб., 1884. С. 15, 20, 24–25,

славяне этот венетский культ унаследовали, очевидно, в процессе ассимиляции дославянского населения.

Время появления венедов в Прибалтике остается неопределенным, поскольку не вполне ясно, с какой культурой их следует связывать. Генрих Латвийский знал неславянских венетов в Прибалтике еще в XIII в.: они жили в районе Виндавы, откуда были вытеснены куршами²⁴⁸.

Память об этой группе венедов отразилась в названии города Венден. Саксон Грамматик, писавший в начале XIII в., венедов не упоминает. Но у него постоянно фигурируют Русь и рутены в качестве партнера или противника Дании и данов. Эта Русь (подробнее о ней будет сказано ниже) существует задолго до Киевской Руси по восточному берегу Балтики и на островах вплоть до Финского залива. Саксон четко отличает два обряда погребений: даны сжигают умерших в кораблях, рутены погребают под курганом с конем²⁴⁹. Очевидно, именно с рутенами-венедами связан распространенный в Прибалтике обряд погребения с конем, обряд, который часто считают литовским, хотя он отсутствует у многих литовских племен и, напротив, имеется за пределами Литвы, в том числе по побережью Эстонии, где располагалась «Русия-турк», т. е «Русия» алан или роксалан.

Вопрос о содержании этнонима «рутены» будет рассмотрен ниже, с учетом указания восточных источников на «два вида» и «три группы». Здесь важно отметить, что Балтийское море не случайно называлось «Венетским заливом», причем в определенных местах оно называлось «Венетским» еще и во времена С. Герберштейна (XVI в.). Очевидно, венеды заселяли большую часть морского побережья и некогда господствовали на нем. Если искать следы венедов по культу коня, то, видимо, древнейшим свидетельством будет курганный могильник в Резнес на северном берегу Западной Двины, недалеко от Риги. Могильник возник примерно в XI в. до н. э. и действовал на протяжении пяти столетий. О культе коня здесь свидетельствуют находки более сотни лошадиных зубов²⁵⁰. Но трудно говорить о непрерывном существования этого культа на протяжении обозначенного времени. В Литве наиболее ранние погребения с конями датируются лишь II–I вв. до н. э. Более всего же их приходится на 800-

248 Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л., 1938. С. 94. Эти венеды и антропологически отличались от местного населения, имея средиземноморскую примесь. Ср.: М.В. Битов, К.Ю. Марк, Н.Н. Чебоксаров. Этническая антропология Восточной Прибалтики. М., 1959. С. 229–230.

249 Saxonis Grammatici Gesta Danorum. Strassburg, 1886, P. 157.

250 Ср.: История Латвийской ССР. Т. I. Рига, 1952. С. 22.

1200 гг. При этом, как и у адриатических венетов, вместо коня очень часто клали конское снаряжение²⁵¹.

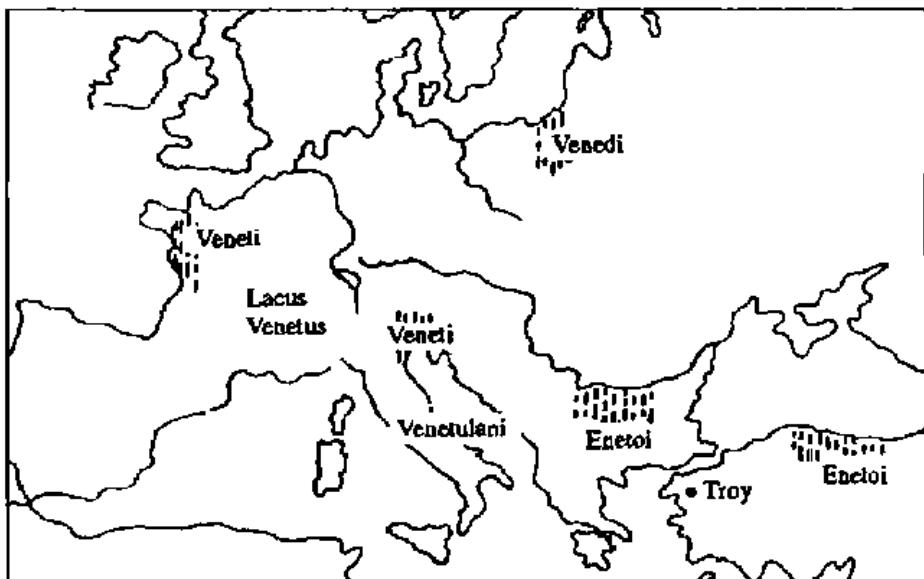
Должно заметить, что в Прибалтике на протяжении длительного времени сосуществовали трупосожжения и трупоположения, причем в древнейший период преобладали вторые. Эта особенность сближает местное население скорее с иллирийцами, чем с венетами. Сохранялось здесь трупоположение и как наследие более ранних эпох. Со временем удельный вес трупосожжений возрастает. Очевидно, в Прибалтику прибывали этнически неоднородные группы.

Появление культа коня в Прибалтике в XI в. до н. э. хорошо согласуется с отливом индоевропейского населения из Малой Азии. Но затем как будто наступает перерыв. Не исключено, что дело здесь не в ограниченности сведений, в характере миграций. Переселялись, по-видимому, разрозненные группы прежних общностей, причем по следам одних позднее шли другие. На новой территории пришельцы могли быстро ассимилироваться и могли, напротив, втянуть в свой круг местное население, воздействовав на его культуру. Видимо, имело место и то и другое.

Любопытно, что область, в которой расположен могильник с древнейшими конскими погребениями, т. е устье Двины, называлась у Саксона Грамматика «Геллеспонтом»²⁵². Геллеспонт — это древнее греческое название Дарданелл и смежной с ним области Малой Азии. По Саксону, геллеспонты — население, тесно связанное с рутенами. Видимо, под общим названием «венедов» в Прибалтике скрывался ряд самостоятельных, хотя и родственных племен, причем на первый план, как обычно, выходило то одно, то другое.

251 Ср.: Р.К. Куликаускене. Погребения с конем у древних литовцев. СА. Т. XVII. М., 1953. С. 213 и др. Конское снаряжение является отличительным признаком погребений киммерийцев и протомеотов, причем у последних в могилу часто клали чучело коня. Ср.: А.И. Тереножкин. Киммерийцы. С. 95–96, 99–100, 153, 213–215; Н.В. Анфимов. Сложение мсotской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 172.

252 Saxonis Grammatici..., Р. 307–312.

Расселение венетов (энетов) по И. Шавли

Ономастические совпадения на территориях Малой Азии, Балкан, Адриатики и Прибалтики исчисляются сотнями наименований. Чаще всего их рассматривают локальными группами. Так, Ю.В. Откупщиков, настойчиво призывающий к максимальной осторожности, выделил свыше ста балкано-малоазийских топонимических изоглосс до-греческого языка (вместе с неполными даже свыше двухсот)²⁵³. Автор склонен считать распространителей этих топонимов морским народом, проникающим, однако, на острова и в Малую Азию с континента — из северных областей Балкан. Но о направлении движения, равно как и об ареале территорий, занятых родственными племенами, можно судить лишь на основе всех имеющихся данных. Около XIII–XII вв. до н. э. движение шло, видимо, и с севера, и в противоположном направлении. Морские народы формировались на морских побережьях, а распространить их море могло и на весьма отдаленные районы. С этой точки зрения греки, по-видимому, были более «оседлым», «сухопутным» народом, чем их предшественники пеласги.

Помимо широкой волны топонимических соответствий Адриатики и Прибалтики, представляет интерес и представительная группа совпадений, идущая с северо-запада Малой Азии к тем же районам. Эти совпадения рассматривают в ряду либо фракийских, либо венето-иллирийских. Не

253 Ю.В. Откупщиков. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы // Балканское языкознание. М., 1973.

исключено, что имели место и те и другие, причем относиться они могли к разным хронологическим пластам.

Известны устойчивые предания о родстве некоторых народов Прибалтики с древними римлянами. Ими обычно пренебрегают. Но известный лингвист В.Н. Топоров решительно выступил в защиту преданий. «Есть серьезные основания полагать, — заметил он, — предваряя развернутые доказательства, что пренебрежительно-отрицательное отношение к ранней историографической традиции, сообщающей о связях прусов с Римом, будет пересмотрено»²⁵⁴. Должно заметить, что речь идет опять-таки о сложном переплетении северо-италийских и малоазиатских сюжетов. «Геллеспонт» в устье Двины переплетается с легендой о появлении здесь пришедшего из Рима Палемона, которого литовские князья в споре с russkimi пытались «приватизировать». Об этом споре речь пойдет ниже. Здесь остановимся на самой легенде. По Гомеру, один из участников Троянской войны, Пилимен привел с собой пафлагонцев, выведя их «из генет». Тит Ливии сообщает иную версию. Он говорит об изгнании части энетов за мятеж из Пафлагонии, причем Пилимен у него назван Палемоном²⁵⁵. Так обозначали обоготовляемого предка и адиатические венеты, и это имя в Восточной Прибалтике — еще одна цепочка связи в ономастическом треугольнике — Малая Азия — Адриатика — Восточная Прибалтика. Прусский хронист XVI в. Лука Давид приводит легендарную историю, якобы от времени Августа, согласно которой учёные мужи из примыкавшей к Пафлагонии области Вифинии прошли далеко на север до венедов и алан в Ливонии. За морем они встретили народ ульмигеров, язык которых был никому непонятен, кроме венедов²⁵⁶. Элемент историчности в данном случае можно усмотреть в упоминании народа «ульмигеров», смысл названия которых хронист, похоже, не понимал. «Ульми» в данном случае дериват германского Holm — остров. Аналогичным образом Иордан выделял «ульмиругов», т. е. «островных ругов». Речь идет о каком-то островном населении, родственном по языку венедам. Предание же о Вифинии может быть косвенно связано с другим легендарным сюжетом: о происхождении родоначальника русских князей Рюрика от мнимого брата Августа — Пруса. Именно в Вифинии в III в. до н. э. правил Пруссий, у которого нашел приют Ганнибал.

254 В.Н. Топоров. К фракийско-балтийским языкам параллелям. Там же. С. 32, прим. 6.

255 Тит Ливии. Римская история от основания города. Т. I. М., 1897. С. 3—4. По Страбону, после гибели Пилемена снетов возглавил Антенор. Имя Палемон неоднократно встречается в династии боспорских царей, а также в Троаде.

256 Lucas David. Preussische Chronik. B.1, Konigsberg, 1812. S. 9-12.

Топонимические параллели треугольника Малая Азия — Адриатика — Прибалтика собраны довольно тщательно. Меньше уделяли внимания антропонимии этих районов. Между тем перспективы весьма широки и в этой области. И в Прибалтике обнаруживаются параллели как для венетских, так и для иллирийских имен. Так, самбийскому имени Матто находится прямой аналог в венетском именослове. Непонятному из славянских языков балтославянскому имени Оддар (X–XI вв.) соответствует венетское Utto²⁵⁷. Еще шире круг иллирийских соответствий, причем эти имена проникают не только в славяно-балтскую антропонимию, но и в германскую. Так, неоднократно повторяющемуся имени датских правителей Фротон находится параллель в иллирийском имени Fronton²⁵⁸.

В данном случае достаточно ограничиться указанием именно на перспективу расширения возможного круга ономастических сопоставлений. По существу же эта тема требует основательного исследования. Необходимо, в частности, выяснить, в какой мере совпадающие имена являются собственно венетскими или иллирийскими, в какой они уходят в предшествующую традицию и в какой, может быть, отражают более позднее кельтское или романское влияние.

О венетах армейских данных значительно меньше. О них сообщается в записках Юлия Цезаря, но интерес к ним в записках чисто утилитарный. Венеты оказались трудным противником. Они были отличными мореходами, и их корабли имели определенное преимущество перед римскими. Их оказалось трудно победить, поскольку они владели всеми гаванями в Галлии и имели опорные пункты в Британии. Их поселения располагались на мысах и косах, вдающихся в море, так что с суши они были практически неприступны из-за морских приливов, перекрывавших подходы к поселениям. При длительной осаде венеты на кораблях вывозили всех жителей и имущество в другое место, не оставляя неприятелю никаких ценностей. Благодаря господству на море, венеты «сделали своими данниками всех плавающих по этому морю»²⁵⁹. В числе их союзников Цезарь называет моринов, живших в приморской части пограничной зоны современных Франции и Бельгии, а также какую-то часть бриттов. Соседями венетов оказывались племена венеллов и андов, имена которых также позднее встречаются на Востоке.

257 Cp.: J. Untermann. Die Venetischen Personennamen. Wiesbaden, 1961. S. 121, 122, 188.

258 H. Krahe. Lexikon altillirischer Personennamen. Heidelberg, 1929, S. 52.

259 Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, обalexандрийской войне, об африканской войне. М., 1962. С. 43, 44–45.

Материальная, культура арморейских венетов выявлена слабо. Цезарь сообщает лишь о форме венетских кораблей: плоскодонные, дубовые, с высоким носом и кормой²⁶⁰. Аналогичное описание дает Страбон²⁶¹. На каменных стелах кельтской Галлии встречаются изображения кораблей, высокие нос и корма которых сделаны в форме коня²⁶². Позднее головы разных животных украшают суда скандинавских викингов. «Резное деревянное изображение головы дракона или змеи на штевне, — замечает в этой связи А.Я. Гуревич, — давало, по тогдашним верованиям, магическую силу кораблю, защищало его от злых духов и устрашало врагов»²⁶³. Не исключено, что именно венеты передали этот обычай скандинавам (если только они сами не были его исконными создателями в Скандинавии, где также, по всей вероятности, были их поселения). Голова коня обычно украшала суда с южного берега Балтики, и во всяком случае здесь этот символ появляется ранее всего²⁶⁴. Славяне-венды, согласно скандинавским сагам, помещали на свои суда даже живых коней. Так, в морском сражении 1135 г. у вендов на большом корабле было 42 воина и два коня²⁶⁵.

В цитированном изложении Саксона Грамматика представляет интерес указание на особое устройство кораблей рутенов. Они отличались от кораблей данов большими размерами (так, что весла гребцов не доставали до воды). Большинами размерами, по Цезарю, отличались и корабли арморейских венетов. Правда, судя по описанию Саксона, у балтийских рутенов преобладали беспарусные корабли, тогда как у венетов арморейских паруса делались из кожи и укреплялись металлическими цепями. Но это, видимо, связано с назначением тех и других судов: в одном случае — плавание по океану, в другом — каботажное плавание по заливам и рекам. В эту связь, возможно, следует поставить описание Тацитом кораблей свионов. Тацит, как ранее Цезарь, находит примечательным, что суда свионов «могут подходить к месту причала любой из своих оконечностей, так как та и другая имеют форму носа». В то же время оказывается, что «парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них, как принято на некоторых реках, съемные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону»²⁶⁶.

260 Цезарь отмечает их преимущество перед тяжелыми глубоко седящими римскими кораблями, высокую маневренность и проходимость.

261 Страбон. География, С. 185–186.

262 Paul-Marie Duval. Op. cit. Rys. 45.

263 А.Я. Гуревич. Походы викингов. М., 1966. С. 42.

264 Ср.: И.А. Лебедев. Последняя борьба балтийских славян против онемечения. Ч.1. М., 1876. С. 175.

265 Snorri Sturluson. Heimskringla. Т. III. Austin, 1964, P. 726.

266 Корнелий Тацит. Соч. Т. 1. С. 371.

Обычно считается, что живущие «среди самого Океана» «общины свионов» — это шведы. Между тем Тацит не смешивает свевов, которые, по его утверждению, занимали большую часть Германии, и свионов. Первые жили на континенте, объединяя этим именем многие, видимо, разнозычные племена, вторые — на морских островах. Во времена Тацита свевы до Швеции еще и не дошли; даже Иордан застал их еще на континенте. Что касается этнонима «свионы», то напрашивается сопоставление с гвинонами Пифия. В данном случае проявляется та же лингвистическая закономерность, что и в наименовании народов синды и хинди .

Для выяснения вопроса о характере взаимоотношений трех венетских областей важно было бы установить значение этого этнонима. Важно, в частности, понять, было ли это самоназванием, или так их именовали соседи. Самоназвание, видимо, решало бы вопрос в пользу тождества всех упоминаемых источниками одноименных племен и даже подтвердило бы предание об их «исходе» из Пафлагонии, поскольку в какое-то время они занимали компактную территорию. Название со стороны соседей может означать одно и то же качество, прилагаемое к разным народам. В этом варианте родственным между собой во всех районах окажется предшествующее население. Возможно, наконец, случайное созвучие неодинаковых понятий в разных языках.

Существуют три основные точки зрения на этимологию имени венетов. Согласно одной из них термин происходит от кельтского *uenos* или *uenja* — «друг» или «родство». Такой точки зрения придерживались А. Хольдер и А.А. Шахматов, а в отношении адриатических венетов к ним примыкает также болгарский лингвист В.И. Георгиев. У первых двух авторов отсюда следовало убеждение в кельтском происхождении всех трех ответвлений венетов. В.И. Георгиев исходный корень признал общеиндоевропейским, а наименование балтийских венедов посчитал случайным созвучием, выводя от славянского *венти* — «великий»²⁶⁷.

Другое объяснение предполагает в этнониме корень *винд* (ирландское *find* или кимбрское *gwyn*) в значении белый, светлый²⁶⁸. При этом объяснении допускается, что название венеты получили со стороны, от кельтов. Сами

267 A.Holder Alt-keltischer Sprachschatz. B. III. Graz, 1962, S. 172; А.А. Шахматов. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. С. 12–13; V. I. Gcorgiev. Illirier, Veneter und Urslavlen // Балканское языкознание. Т. XIII, № 1. София, 1968. С. 5–13.

268 Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956. С. 40; А.Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901. С. 13.

венеты в таком случае предстают как северяне, поражавшие своим видом южан. Несомненно, что многие кельтские топонимы и антропонимы имеют в основе именно этот корень. Однако само по себе ответа о происхождении этнонима это не предрешает.

Третья точка зрения не предполагает прямой зависимости от кельтов и не исключает ее. Речь идет о выведении имени венетов от индоевропейского корня *vand* или *vend*²⁶⁹. Корень этот иногда совершенно неосновательно считают германским. Между тем датское *vand* или норвежское *vann* скорее свидетельствует о заимствовании этого слова германцами у предшествующего населения Прибалтики, которым могли быть как раз венеды и родственные им племена. Исходное значение слова «вода» сохранилось в литовском *vanduo*, латышском *udens*. Имеются аналогичные обозначения для понятий, связанных с водой, и в кельтских языках (*vin*, *vand*, *vend*, *vond*), в которые эти понятия также, возможно, проникали от предшествующего населения. Если учесть, что этнонимы синды, хинди, равно как название реки Инд, также обозначают воду (жители воды, водный поток), то мы здесь имеем, возможно, отражение очень глубокого языкового пласта, к которому относятся какие-то древние индоевропейские языки. В хеттском языке «вода» произносилась как *vadar*, а в косвенных падежах как *vedeni*²⁷⁰. В латинском языке наряду с *aqua* сохранялось *unda*, почти совпадающее с соответствующим латышским, но имеющим как бы периферийное значение: морская волна или поэтическое осмысление проточной воды. Такое оттеснение на периферию обычно происходит в результате столкновения двух или нескольких неодинаковых языков.

Версию о происхождении этнонима венеты от корня, означающего воду или связанные с ней понятия, подтверждают факты билингвы. Центром адриатической Венетии стал у римлян построенный в 181 г. до н. э. Аквилей, который перенял, в частности, и янтарную торговлю с Прибалтикой. С падением Рима, несмотря на романизацию населения, старое название возрождается в имени Венеции, расположенной западнее угасшего Аквилея. (Позднее славянская деревня Боголей.) Другой факт билингвы — название французского департамента Вандея (*Vendée*) и римской провинции Аквитания. Как видно из названия, оно — римское. Римляне считали проживавшее здесь племя аквитанов не кельтским, а родственным иберам²⁷¹.

269 От этого корня в значении «воды», «моря» осмысливал этноним Ф. Аделунг (1768–1843), с которым спорил П. Шафарик (Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 287–290). Напротив, В.П. Кобычев (В поисках прародины славян. М., 1973. С. 124–125, прим. 18) принял данное объяснение как наиболее вероятное.

270 Б. Грозный. Указ соч. С. 24; В.В. Иванов. О значении хеттского языка. С. 12.

271 См.: Страбон. Указ соч. С. 170.

Для установления его самоназвания существенно то, что в Аквитании, т. е. территории, примыкающей к Бискайскому заливу между реками Луарой, Вьенней и Дорденью, — «кругом вода». Река Дордень — это прежний Дураний. От кельтского *dour* — вода. У реки Вьенна (*Vienne*, *Vincenna*, *Vigenn*, *Viane*) имеется приток *Vende*. В департаменте Вандея имеется река *Vaanda*, *Vendeia*, *Vandia* и т. д.²⁷² Аквитанец Юлий, возглавлявший в 68 г. восстание против римлян, носил, видимо, родовое (он был княжеского рода) имя Виндекс²⁷³. Имен с корнем *ven*, *vend*, *vind* особенно много в соседней с Аквитанией Нарбонне²⁷⁴. Имеются эти имена также в Аквитании и Бретани, в Нормандии, причем в западных районах Галлии они предстают в форме *Guen*(пес), а в Нормандии в форме *Venet*, *Venaud* и т. д.²⁷⁵ Известное в Аквитании божество *Vindon*, видимо, являлось эквивалентом Меркурию — покровителю путешественников²⁷⁶.

Существенно, что венеты и «венетская» топонимика не тождественны с кельтскими названиями на той же территории. Так, самое племя венетов располагалось на полуострове, кельтское название которого *Arvor* или *Armor* (*ar* — предлог на, у, при, *vor* или *mor* — море), т. е. Поморье, Приморье. Столица венетов *Guened* или *Gwenet* имела кельтское название *Darioritum* (современное французское *Vannes*)²⁷⁷. Главный город соседних с венетами остиев (или осмиев) *Vindana Portus* (латинское название) по-кельтски назывался *Duarnenez*, что, видимо, означает «земля на острове»²⁷⁸.

Положение всех трех «Венетии» вполне оправдывает «водную» этимологию. «Вся эта страна, — пишет Страбон о долине По, — богата реками и полна болот, особенно же часть, занимаемая генетами. Кроме того, эта часть испытывает воздействие моря. Ведь почти что только в этих одних частях Нашего моря происходят явления, подобные океанским, и только в них наблюдаются похожие на океанские приливы и отливы, отчего большая часть равнины наполняется озерами с морской водой. Равнина перерезана каналами и плотинами подобно так называемой Нижней земле в Египте, в то время как некоторые ее части осушены и обрабатываются, через другие, напротив, можно

272 См.: карту в Кн. B. de la Pylaie. *Etudes archeologiques et geographiques*. Quimper, 1970.

273 История Франции в раннее Средневековье. СПб., 1915. С. 66. Выходец из племени треверов тогда же носил родовое имя Инд.

274 J. Whatmough. *The dialects of ancient Gaul* Cambridge, 1970, P. 232–233, etc.

275 Ibid. P. 381, 659, 831, 832; J. Loht. *Vocabulaire viex breton*. Paris, 1884. P. 3–5; A. Doza. *Dictionnaire des noms de famille et prénoms de France*. Paris, 1951, PP. 311, 589. Имена с корнем «венд, венед», встречающиеся в северной части Галлии, обозначают выходцев из области «Венедоция».

276 J. Whatmough. Op. cit. P. 371.

277 Ibid. P. 618, 621, 622; W. B. S. Smith. *De la toponymie bretonne Dictionnaire étymologique*. Baltimore, 1940, P. 59. Ср.: П.И. Шафарик. Указ соч. Т. I, Кн. 2. С. 143 (название по-кельтски — «дубовая гавань»).

278 П.И. Шафарик. Там же; W. B. S. Smith. Op. cit. P. 45.

проехать на кораблях. Одни города здесь являются островами, другие же только частично омываются водой. Удивительно, насколько все города, которые лежат над болотами внутри страны, доступны при плавании вверх по рекам»²⁷⁹.

Почти так же Страбон описывает Аквитанию и примыкающую к ней часть Нарбонны, отмечая, в частности, легкость водного сообщения между двумя морями: Средиземным и Атлантикой, особенно рекой Лигер (совр. Луара)²⁸⁰. Венеты арморейские, по сообщению Цезаря, жили прямо в самом море: на островах или на мысах, отрезаемых от суши во время прилива. На «затопляемой» земле, согласно Пифию, жили и далекие гвиноны.

Треугольник Адрия — Арморика — Балтика слишком велик, чтобы можно было предполагать взаимосвязь разных групп венетов на протяжении столетий, даже если они и происходили из одного корня. И все-таки тоненькие нити связей выявляются: это и своеобразная монополия торговли янтарем (Адрия и Балтика), и сходство образа жизни, и неизбежные встречи на море (Арморика и Балтика). Но и венетский слой, видимо, не является древнейшим во всех этих районах, и не с венетским языком должно, по всей вероятности, связывать и сам этноним.

Предшественниками венетов в долине реки По, согласно античным авторам, были эвганеи²⁸¹. Эвганеи были оттеснены частично на север, частично на запад, частично, видимо, были поглощены пришельцами. Многие исследователи сопоставляют название эвганеи с обозначением одной группы лигуров — ингаунов²⁸². Присутствие лигуров на западе Галлии зафиксировано в названии главной реки этой области — Лигер. Страбон отмечает здесь различие языков: иберийский, кельтский и какие-то близкие ему, но все-таки отличающиеся²⁸³. Он же относит венетов, как и все прибрежные племена северо-запада Галлии, к белгам, опять-таки отличая их от собственно кельтов²⁸⁴. Античные авторы сообщают и другие факты, указывающие на глубокую древность корня «венд» в разных районах Западной Европы. Так, в лигурийской области Приморских Альп обитало племя vediantii²⁸⁵, а определение «Вада» названия Лигурийского города Вада Страбон разъясняет как

279 Страбон. Указ соч. С. 200.

280 Там же. С. 180–181.

281 Тит Ливий. Указ. соч. С. 3–4.

282 Ср.: Н.А. Красновская. Фриулы. М., 1971. С. 27–28. Племя стоецов называется то эвганейским, то лигурийским. Предполагается, что около XII в. до н. э. пришли именно эвганеи, а венеты вытеснили их два столетия спустя. (В.И. Модестов также соотносил венетов и иллирийцев.)

283 Страбон. Указ. соч. С. 170, 181.

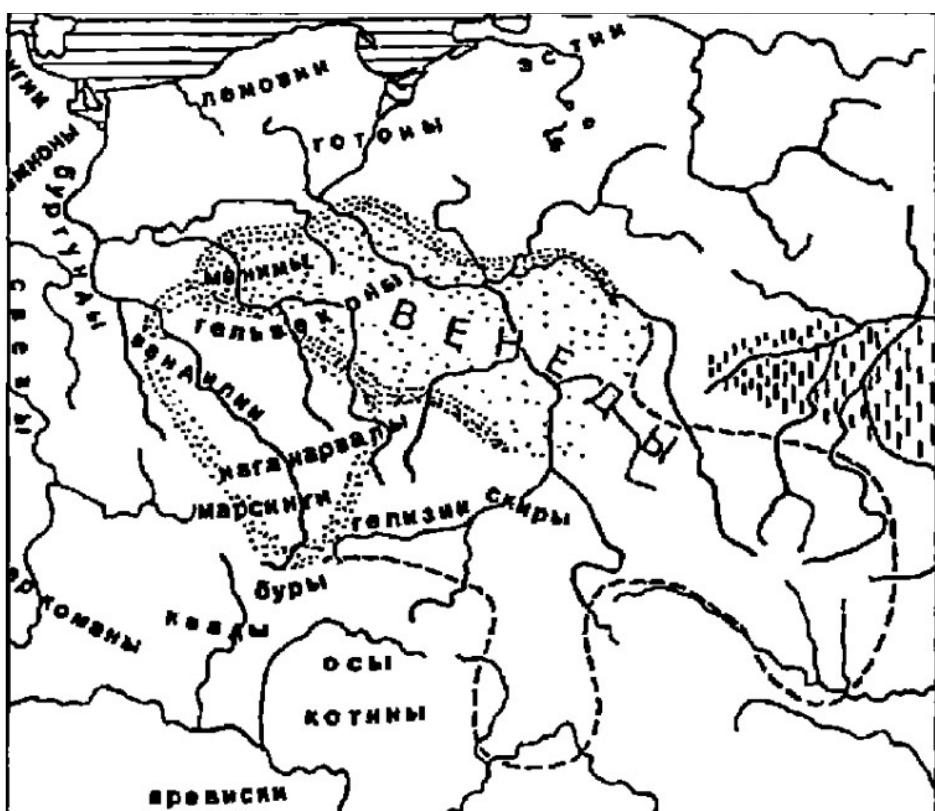
284 Там же. С. 185.

285 Paul-Marie Duval. Op. cit. Р. 14 (карта).

«мелководье»²⁸⁶. Согласно Полибию, река Пад (По) у местного населения называлась Боденком²⁸⁷.

Иными словами, название «венеты» или его новое осмысление может быть связано с тем предшествующим населением, к которому принадлежали лигуры, может быть эвганеи, а также иберы. Не исключено, что именно эта волна индоевропейского населения еще в начале бронзового века продвинулась далеко на север и северо-восток от Иберии. Особый интерес в этой связи могут представлять позднейшие группы племен ингевонов и вандилиев.

Таким образом, весьма вероятно, что венетам предшествовала другая волна индоевропейцев, видимо, более мощная, ранее проложившая тот же путь: Причерноморье и Кавказ — Малая Азия — Средиземноморье и т. д. В связи с этой волной, возможно, находятся и синды, и фракийские синтии (инты), проживавшие на островах близ Лемноса, и тоже «народы моря» — пеласги. С этой волной может связываться тот пласт венетской лексики, которую А.А. Королев сближает с северо-западной (и иберийской), отличая от итальянской²⁸⁸. Вторая волна идет, однако, по тем же путям и, видимо, имеет в основном те же источники, только разделенные значительным временным отрезком и воздействием разных по характеру культур.

286 Страбон. Указ. соч. С. 191.

287 Полибий. Указ соч. Т. 1. С. 156.

288 А.А. Королев. Новые данные о венетском языке. Античная балканистика 2. С. 16–17.

Локализация венетов в начале н. э. по В. Седову

Исторически засвидетельствованы две этнические волны, прошедшие довольно широким потоком от Средиземноморья до северо-запада Европы: это мегалитическая культура III тыс. до н. э. и шедшая вслед за ней из Северной Африки и Испании культура колоколовидных кубков (XVIII в. до н. э.). Видимо, только в связь с этими потоками можно поставить широкое распространение родственной топонимики от Испании до Прибалтики, а Северная Италия и Адриатика оказываются как бы промежуточной инстанцией. Другой поток идет около XII в. до н. э. непосредственно из восточно-средиземноморских районов, включая побережье Черного моря. Этот поток этнически, видимо, был менее однородным, чем первые. В разных отношениях новое население накладывалось на предшествующую этническую карту, не закрывая ее полностью. В результате на одних территориях возникают новые народности, а на других продолжается развитие старых, сохраняющих традиции эпохи мегалитов и культуры колоколовидных кубков. Последние, видимо, более всего уцелели по окраинам континента, на островах и побережье «Окружного океана», где греческая традиция помещала киммерийцев.

Наследниками имени балтийских венедов в конечном счете оказались славяне. Большое число раннесредневековых германских источников настойчиво повторяют, что венеды, венды, винды, вандалы, винилы — это лишь разные названия предков славян²⁸⁹. А в научной литературе, за небольшими исключениями, так же настойчиво повторяется, что вандалы, равно как упоминаемые античными авторами вандилии, а также винилы-лангобарды — племена германские²⁹⁰.

Свидетельства германских авторов заслуживают самого высокого доверия хотя бы в том, что все эти племена не германцы. Но они не обязательно должны быть отнесены к славянам: просто у средневековых авторов не было иной альтернативы.

289 Ср.: Гельмольд. Славянская хроника. С. 36.

290 На несостоятельность этой точки зрения указал С.П. Толстов («Нарци» и «волохи» на Дунае. С. 28–29). По его мнению, это были смешанные германо-славянские племена. В эпоху переселений оба элемента несомненно в них включались, но основа их все-таки более древняя.

4. Проблема славяно-германо-балтских отношений

На протяжении ряда столетий история славян протекает в условиях тесного взаимодействия с германцами и балтами. К числу германских языков в настоящее время относятся, кроме немецкого, датский, шведский, норвежский, английский, нидерландский. Имеются также памятники одного из исчезнувших языков — готского. Балтийские языки представлены современными литовским и латышским. Всего несколько столетий назад исчез прусский язык.

Значительная близость славянских и балтийских языков, а также известное сходство их с германскими бесспорны. Вопрос заключается лишь в том, чтобы установить истоки такого сходства: является ли оно исконным, восходящим к единой общности, или же приобретенным в ходе длительного взаимодействия разных этносов.

В классической компаративистике представление о существовании германо-балто-славянской общности вытекало из общего представления о членении индоевропейского праязыка. Такой точки зрения придерживались, в частности, в середине XIX в. К. Цейсс, Я. Гримм, А. Шлейхер. В конце XIX в. под влиянием теории двух диалектных групп индоевропейских языков — centum и satem — балто-славянские и германские языки оказались в разных группах²⁹¹. Со временем число мнений и способов объяснения одних и тех же фактов значительно возрастило. Во-первых, не все лингвисты признают компаративистское языкознание. Во-вторых, не все компаративисты признают правомерность деления индоевропейских языков на две диалектные группы, в-третьих, разные ученые неодинаково объясняют хронологическую глубину и природу тех или иных языковых явлений. И, конечно, лингвисты в разной мере используют археологические, антропологические и этнографические данные.

В большинстве случаев лингвисты решают спорные вопросы за счет языкового материала, а некоторые считают даже в принципе неправомерным выходить за его пределы²⁹². Последнее мнение, очевидно, должно быть

291 Проблеме посвящена огромная литература. Ср.: В. Георгиев. Балто-славянский, германский и индо-иранский // Славянская филология. Сб.1, М., 1958; Н.С. Чемоданов. Место германских языков среди других индоевропейских языков Сравнительная грамматика германских языков. Т. 1, М., 1962; В.А. Сафонов. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

292 Ср.: В.К. Мэтьюс. О взаимоотношении славянских и балтийских языков Славянская филология. Т. I. С. 44. Автор осудил исследователей, которые «склонны в поисках доказательств выходить за пределы языкоznания — в область археологии и этнологии». По его мнению, «смещение методов и привлечение данных, почерпнутых из «несмежных» дисциплин, ни в коем случае нельзя одобрить принципиально». Последователей подобной «филологии» немало и в наши дни. А в результате филология теряет и пространство, и время, то есть хронологию развития этнических процессов.

отвергнуто как методологически неправомерное, поскольку исторические вопросы не могут решаться в отрыве от истории, а тем более против истории. И только в союзе с историей лингвистика способна дать весьма надежные результаты²⁹³.

Следует заметить, что, абстрагируясь от исторических данных, лингвисты обычно априорно принимают какую-то схему. Так, отстаивание тезиса о существовании названной общности должно предполагать ее одновременное отделение от исходного праязыка и продвижение на смежные территории либо единым потоком, либо несколькими параллельными племенными группами. С другой стороны, признание, скажем, размещения прародин народов на смежных территориях неизбежно предрекает вопрос в пользу существования единой общности и требует объяснения последующего расхождения языков.

Из видных лингвистов XX столетия существование общего праязыка трех индоевропейских народов признал болгарский ученый В. Георгиев. Он указал на ряд важных соответствий в балто-славянском и готском языках²⁹⁴. Тем не менее для вывода о их исходном единстве этого недостаточно. Готский язык, зафиксированный письменно уже в IV в., естественно, привлекает особое внимание специалистов. Однако многие лингвисты слишком априорно данные этого языка распространяют на прагерманский. На протяжении ряда столетий готский язык существовал в окружении инородных, в том числе балто-славянских языков. Выделенные В. Георгиевым соответствия вполне могут быть объяснены этим многовековым взаимодействием.

К совершенно противоположным выводам пришел видный специалист по германским языкам Н.С. Чемоданов. «Судя по данным языка, — резюмировал он, — непосредственный контакт германцев со славянами был установлен очень поздно, может быть, не раньше нашего летосчисления»²⁹⁵. Этот вывод целиком принял Ф.П. Филин²⁹⁶, и сколько-нибудь серьезных аргументов у другой стороны по существу не находится. Лингвистический материал, следовательно, не дает даже доказательств в пользу того, что балто-славяне и германцы вообще формировались по соседству. А это значит, что исторические данные должны рассматриваться независимо от традиционного представления, будто германцы формировались примерно там, где они и сейчас проживают.

293 С этим очевидным фактом буквально воюют наши далеко уплившие от науки норманисты Е.А. Мельникова и А.В. Назаренко.

294 В. Георгиев. Указ. соч. С. 20–22.

295 Н.С. Чемоданов. Указ соч. С. 18.

296 Ф.П. Филип. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 14–15.

В немецкой историографии, оказавшей большое влияние и на этногенетические построения ученых других стран, прагерманцы, как отмечалось, связывались с культурами шнуровой керамики и мегалитов. Между тем обе они к германцам отношения не имеют. За последние десятилетия это стало очевидным и для многих лингвистов. Оказывается, что на территории Германии вообще нет исконной германской топонимики, в то время как негерманская представлена довольно обильно²⁹⁷. У лингвистов нет аргументов в пользу отыскания на территории Германии «германцев» ранее последних веков до н. э.²⁹⁸ И такой вывод вытекает не из-за недостатка знаний о предшествующем времени, а из ясного свидетельства о проживании здесь иного индоевропейского населения. Вопрос заключается лишь в альтернативе: пришли германцы с севера или с юга?

В пользу северного происхождения германцев обычно приводится топонимика некоторых южноскандинавских территорий. Но если «нечистая» топонимика обычно является надежным свидетельством в пользу проживания на данной территории иного населения, то «чистая» может говорить лишь о резкой смене населения. Островки «чистой» топонимики обычно свидетельствуют о вооруженном проникновении пришельцев и отступлении коренного населения.

В Скандинавии германцы появились вряд ли задолго до рубежа н. э., причем свевы продвигаются туда с континента уже в эпоху великого переселения народов, после развала державы Аттилы. Основная масса скандинавской топонимики сближается не с германской, а с кельтической (или «кельто-скифской»)²⁹⁹. Вместе с тем в Южной Скандинавии, где обычно искали прародину германцев, наблюдается разрыв в культурах между эпохами бронзы и железа, что заставляет предполагать вмешательство внешнего фактора (в этот период не обязательно германского)³⁰⁰. Именно это обстоятельство побуждает некоторых специалистов говорить о позднем сложении основных европейских народов и языков, а в немецкой литературе появился не лишенный смысла вопрос: «Германцы ли мы?». Конечно, любой современный народ и язык — результат неоднократных «революционных» изменений. Тем не менее определяющий элемент может быть выявлен. Просто автохтонная теория в данном случае оказывается несостоятельной.

297 Cp.: H. Bahlow. Namenforschung als Wissenschaft. Deutschland Ortsnamen als Denkmäler keltischer Vorzeit. Neumünster, 1955; E. Roht. Sind wir Germanen? Das Ende eines Irrtums. Kassel, 1967.

298 Н.С. Чемоданов. Указ. соч. С. 79.

299 G. Johansson. Svenska ortnamnslandeser. Göteborg, 1954.

300 Cp.: А.Л. Монгайт. Указ соч. С. 324.

В раннем Средневековье германцы знали несколько генеалогических версий. Согласно одной из них, саксы вместе с ругами и пруссами появились на трех кораблях, причем исходная область определяется различно, увязываясь то с севером, то с югом (Троянская война или осколок армии Александра Македонского)³⁰¹. «Героические» версии имели, видимо, отчасти и книжный характер. Несколько иначе выглядят генеалогические предания норманнов.

Воспоминания о «прадорине» наиболее живучи у тех народов, которым пришлось покинуть ее невольно. Предания норманнов сообщали о их прибытии «из Азии», с которой ассоциировалось представление о вечно цветущей стране, несравненно более богатой, чем холодное побережье Атлантики. Одна версия появление норманнов с юга зафиксирована в Младшей Эдде. В саге норманно-германской генеалогия увязывается с легендами о Трое. Бог-предок Тор отождествляется здесь с троянским Трором. Но от Тора, привязанного к гомеровской эпохе, до непосредственного предка германцев Одина сменяется 20 поколений (т. е. примерно шесть столетий). Лишь теперь Один во главе «множества Людей», следя пророчеству,двигается в страну саксов, а затем и в другие районы Германии. Сам легендарный Тор, согласно саге, владел Фракией, где (а не в Малой Азии) он и воспитывался. Во всех землях, куда приходят «асы», местное население покоряется пришельцам. Здесь асы берут себе жен, и в конце концов «язык этих людей из Азии стал языком всех стран»³⁰².

Согласно другой версии, норманны во II в. во главе с Роллоном приходят с Дона. Анналист Саксон дает даже точную дату: 166 г³⁰³. В начале н. э. с Дона в Западную Европу проходили отдельные ираноязычные группы, в частности роксаланы и аланы³⁰⁴. О некоторых аспектах истории алан — «русов-турк» будет сказано ниже в связи с упоминанием восточных источников о «двух видах» русов. Здесь отметим, что на севере Франции и соседней Бельгии имелись обширные могильники погребенных аланов. А вождь норманнов из Норвегии Роллон, захвативший в начале X в. эту часть французской территории, считал себя потомком Роллона II в. Почти наверняка норманский викинг оправдывал свою операцию памятью великого предка. Об этом прямо сказано в «Хронике герцогов нормандских, составленной в XII в. по заказу

301 Д.Н. Егоров. Колонизация Мекленбурга в XIII веке. Т. 1. М., 1915. С. 228. прим. 20; его же: Средневековье в его памятниках. М., 1913. С. 290; Видукинд Корвейский. Деяния саксов (подг. текста Г.Е. Санчук). М., 1975. С. 126.

302 Младшая эдда. Л., 1970. С. 10–12.

303 MGH SS. T. VI. Hannovaere, 1844. PP. 576, 689.

304 См.: В.А. Кузнецов, А.К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов Советская археология, 1961, № 2; В.Б. Виноградов. Аланы в Европе Вопросы истории, 1974, № 8; Б.А. Калоев. Венгерские аланы (ясы). Историко-этнографический очерк. М., 1996.

потомка герцогов — Генриха II Бенуа де Сент-Мор. Роллон считал завоеванную территорию своей прадединой и в 911 г. согласился признать себя вассалом французской короны. А отвоеванная (или возвращенная) им территория стала практически самостоятельным «Герцогством Нормандским».

На северо-западе Европы получило значительное распространение имя Алан (Ален) и Алдан (кельтический вариант этого же имени). Широкое распространение получило также понятие «асы» как своего рода высшая категория норманнов и даже божества. А это — самоназвание алан Подонья, которых русские летописи и венгерские источники именуют ясами, грузинские источники — «осами» (нынешние аланы-осетины).

Примечательна также версия исхода с Танаиса, воспроизведенная исландским сказителем XIII в. Снорри Стурлусоном. В Саге об Инглингах говорится о Великой Свитьод (обычно совершенно необоснованно трактуемой как «Великая Швеция»), которая занимала обширные области около Танаиса³⁰⁵. Здесь была страна асов — Асаланд, вождем которой был Один, а главным городом — Асгард. Оставив в городе своих братьев, Один, следя предсказанию, повел большую часть асов на север, затем на запад «в

³⁰⁵ См.: Стурлусон Снорри. Сага об Инглинах. Пер. и примеч. С.Д. Ковалевского Средние века. Вып. 36. М., 1973. С. 238–264. Отрывок из саги воспроизведен в Кн.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993.

Гардарики». После чего повернул на юг в Саксонию. Здесь довольно точно представлен возникший в VIII–IX вв. Волго-Балтийский путь (о нем речь будет ниже). Примечательно также, что «Гардарики» в этом изложении — восточный берег Балтики, где, согласно Саксону Грамматику, Один оставил свой след.

После ряда перемещений Один поселился в Старой Сигтуне, у оз. Меларн. Эта область получит название Свитьод или Манхейм (жилище людей). А Великая Свитьод будет называться Годхейм (жилище богов). По смерти (а боги скандинавов смертны) Один вернулся в Асгард, забрав с собой всех умерших от оружия.

Снорри упоминает скальда конца IX в. Тьодольфа, который передавал предание об Одине. Очевидно, оно было сродни тем преданиям, которые подвигли Роллона занять области реальных аланских могильников в Северной Франции, а Тура Хейердала побудили (незадолго до его кончины) поискать на Дону и в Приазовье легендарный Асгард, откуда в Швецию пришел «славянский бог» Один. В IX в. по Волго-Балтийскому пути шло интенсивное движение и с запада на восток и с востока на запад. Об этих «встречных» движениях речь пойдет в следующей главе.

В Западной Европе аланы смешивались с разными племенами. Часть их ушла с вандалами в Северную Африку, часть вместе с гуннами-фризами и готовами участвовала в походе из Восточной Европы (черняховская культура) на Дунай, где сложилась держава Аттилы. И знаменитый историк VI в. Иордан, создавший первую историю готов, был аланом и имел представление о Причерноморье, куда после распада державы Аттилы вернулись гунны, готы и руги, входившие в состав Черняховской культуры.

К сожалению, тема взаимоотношений алан с западноевропейцами все еще мало исследована. Скандинавы явно усваивали и приписывали себе разные предания, что встречалось и у многих других народов. И можно сожалеть, что после давнего (1904 г.) опыта шведского археолога Б. Салина не было попыток проверить предания археологическим материалом. Но в данном случае, может быть, доказательнее материал антропологический, поскольку он меняется медленнее, чем археологические культуры.

Население современной Германии и Скандинавии в целом восходит к древнейшим эпохам. Но это служит доказательством не автохтонности, а сравнительной малочисленности германцев. Выше приводилось наблюдение В.П. Алексеева о преобладании в Скандинавии тех же расовых типов, которые

жили здесь в эпоху неолита и бронзы и которые не имеют отношения к германцам. Говоря о прародине германцев и славян, Т.И. Алексеева и В.П. Алексеев замечают, что «обе они тяготели больше к южным и центральным, а не к северным районам центральноевропейской области»³⁰⁶. И это не одни и те же области. Самыми близкими родичами германцев оказываются те самые фракийцы, земли которых фигурируют в Младшей Эдде как отправной пункт германского переселения на север³⁰⁷. В этой связи весьма показательно, что из славян ближе всего к германцам по антропологическим данным стоят болгары. Эта близость убедительно объясняется антропологами влиянием фракийского субстрата, родственного основному компоненту германцев³⁰⁸.

Население культуры ленточной керамики, к числу которого относились фракийцы и германцы, постепенно продвигалось по долине Дуная на северо-запад, сталкивая или вовлекая в свое движение и племена иного облика. Ко времени этого движения на севере завершился процесс естественной депигментации³⁰⁹. Приход германцев снова усиливает здесь удельный вес темнопигментированного населения³¹⁰.

Германцы уверенно прослеживаются с ясторфской культуры, возникшей в районе Нижней Эльбы около 600 г. до н. э. (т. е. примерно в то время, когда по Младшей Эдде Один направился в Саксонию). С эпохой бронзы эта культура не

306 Т.И. Алексеева, В.П. Алексеев. Этногенез славянских народов по данным антропологии // VII международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973. С. 222.

307 Ее же. Этногенез восточных славян по данным антропологии. СЭ, 1971, № 2. С. 53–54; ее же: Славяне и германцы в свете антропологических данных. ВИ, 1974. № 3; ее же: Истоки антропологических особенностей восточных славян // Антропология и геногеография. М., 1974. С. 44–45; М.С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. С. 25–31, 84–90.

308 В.П. Алексеев, Ю.В. Бромлей. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян // VII Международный съезд славистов.... С. 226–229. Как отмечают авторы, «болгар на основании пигментации можно включить в южную, или, как принято ее еще называть, средиземноморскую ветвь европеидной расы, объединяющую население Средиземноморского бассейна, Передней, частично Средней и Южной Азии и противопоставляющуюся северной, или балтийской, ветви, представленной в населении Скандинавии, Финляндии, северных районов СССР. (указ. соч. С. 226.)

309 Ср.: Там же. С. 227. Предполагается, что продвинувшееся с юга население было темнопигментированным, а к эпохе неолита в местных условиях возобладала светлая пигментация.

310 Темноволосое население до сих пор имеется в некоторых районах Западной Норвегии, что часто объясняется влиянием кельтской примеси примерно железного века (Ср.: Г.И. Анохин. К проблемам формирования фарерского народа и возникновения на Фарерах национально-освободительного движения // Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970. С. 227, 255–256). Кельтская примесь, несомненно, имеется и в населении Скандинавии, и в населении островов, включая заселенную лишь в IX веке Исландию. Но, например, в Ирландии, жители которой во многом предваряли морские пути норманов, жители Скандинавии подразделялись на «финнинг» и «дубгал», т. е. «светлых» и «темных» «чужеземцев». (Ср.: Ф.Я. Гуревич. Походы викингов. С. 5). К тому же обряд трупосожжения скорее может быть понят как следствие германского, а не кельтского влияния, хотя в нем и содержались некоторые кельтические признаки (см. Г.И. Анохин. Указ. соч. С. 227). Больше оснований считать поздними кельтскими как раз трупоположения, которых тоже становится немало в этих районах с первых веков н. э. Иными словами, при бесспорном заключении об участии кельтов, в частности, ирландцев в сложении норманских пародов (Г.И. Анохин. Указ. соч. С. 232–233) идентификация этого элемента с конкретными носителями нуждается в уточнении.

связывается, а некоторые гальштатские и латенские черты говорят о южном влиянии в ее зарождении и развитии³¹¹. В отдельные периоды культура принимала прямо-таки латенский облик. Как и всюду в буферных зонах, на границе кельтских и германских племен происходило неоднократное взаимопроникновение культур, причем наступала то одна, то другая. Здесь происходило примерно то же, что и много позднее, когда германский этнос оказался на грани исчезновения в процессе германизации. Но накануне н. э. положение меняется, поскольку начинается повсеместное отступление кельтских языков и культур, связанное с их общим политическим ослаблением.

В Скандинавию около VI в. до н. э. проникает обряд трупосожжения, и приходит он явно с материка. Некогда цветущая культура бронзового века заменяется весьма скромной железной. Относительное снижение уровня развития было, видимо, связано и с ухудшением климатических условий, и с социальными катаклизмами. Определенное влияние оказали и вторжения с материка. Вторжения приходятся примерно на то же время, когда подверглась серьезному разгрому лужицкая культура и переселенцы могли быть не германцами. Средневековым авторам Скандинавия представляется землей, на которой проживали выходцы из самых различных европейских племен и народов (своеобразное европейское казачество). Это представление было отнюдь не беспочвенным: почти всегда море оказывалось непреодолимой преградой для очередной волны кочевников. От древнейших времен в Скандинавии сосуществовали остатки лапоноидного населения, племена мегалитической и шнуровой керамики культур, сюда докатывались волны переселений из Причерноморья (в частности киммерийские), а затем венеты и кельты и, видимо, иные этнические группы с континента, на которые позднее наславивается германская колонизация. Окончательное торжество германских языков здесь относится уже к н. э., причем распространение примерно с III в. рунического письма указывает на южные, средиземноморские связи³¹².

Для выяснения вопроса о ранних славяно-балто-германских связях имеет значение событие, произшедшее примерно в III в. до н. э., когда группа ясторфских племен продвинулась за правобережье Одера в глубь территории поморской культуры. Существует мнение, что позднее племена эти были

311 А.Л. Монгайт. Указ. соч. С. 327, 329.

312 Ср.: В.А. Истрин. Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 382; Э.А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965. С. 31–35. Предполагается близость с североитальянскими или иными средиземноморскими алфавитами, причем некоторые надписи сделаны справа налево (как в этрусском письме).

оттеснены назад племенами оксывской культуры³¹³. Но решение может быть и другим. В ходе длительного взаимодействия ясторфские племена подверглись влиянию местного населения, хотя и сохраняли в основном свой язык. Все это может иметь самое непосредственное отношение к формированию такой специфической ветви германцев, как готы и родственные им племена, двинувшиеся в начале н. э. к Причерноморью. Но в Прибалтике германцы непосредственно контактировали, по всей вероятности, не со славянами и не с балтами, а с венедами, язык которых остается пока величиной искомой.

Если вопрос о существовании германо-балто-славянской общности довольно уверенно и достаточно единодушно решается отрицательно, то проблема балто-славянской общности вызывает гораздо больше разноречий. Они проявились уже в споре М.В. Ломоносова с первыми норманистами, в ходе которого русский ученый обратил внимание на факты языковой и культурной близости тех и других. От объяснения причин этой близости в значительной степени зависит и решение вопроса о славянской прародине и вообще вопроса об условиях возникновения славянства. В случае же если причины языковой близости не могут быть объяснены средствами лингвистики, она сама должна обращаться к помощи истории.

Факт близости славянских и балто-литовских языков не вызывает сомнения. Проблема заключается лишь в установлении происхождения этого явления: возникло ли оно в результате длительного проживания двух этносов по соседству или же это постепенное расхождение первоначально единой общности? В связи с этим вопросом находится и проблема установления времени сближения или расхождения обеих лингвистических групп. Практически это означает выяснение вопроса, является ли славянский язык автохтонным на территории, примыкающей к балтам, или же он привнесен какой-то центральноевропейской или даже южноевропейской этнической группой. Необходимо также уточнить и исходную территорию прабалтов.

В русском языкознании конца XIX начала XX столетия преобладало мнение о существовании исходной балто-славянской общности и общего праязыка. Такую точку зрения решительно отстаивал, в частности, А.А. Шахматов. Противоположного мнения последовательно придерживался, пожалуй, только И.А. Бодуэн де Куртенэ да латышский лингвист Я.М. Эндзелин. В зарубежном языкознании решительно отрицал исходный характер

313 Ю.В. Кухаренко. Археология Польши. С. 104–106; Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы. С. 107 (очерк В.А. Могильникова).

близости славянских и балтских языков А. Мейе. В последующие десятилетия идея существования балто-славянского праязыка почти безоговорочно принималась польскими лингвистами и отрицалась литовскими. И в настоящее время как за рубежом, так и у нас есть сторонники и той и другой точек зрения³¹⁴.

Одним из наиболее веских аргументов в пользу существования исходной общности является факт морфологической близости славянских и балтских языков. На это обстоятельство, в частности, обращает особое внимание В.И. Георгиев³¹⁵. В числе фактов, приводимых сторонниками противоположной точки зрения, имеется и указание на существенно различный лексический состав языков в отношении таких понятий, которые должны восходить как раз ко времени отделения их от индоевропейского праязыка³¹⁶. Однозначно и прямолинейно вопрос явно не решается. И не случайно появление довольно сложной схемы Б.В. Горунга, в которой предусматривается несколько неодинаковых этапов взаимодействия разных по своему происхождению племен³¹⁷.

Едва ли не большинство расхождений в науке возникает из-за разного понимания исходного материала. Тезис об автохтонности германцев в Северной Европе во многих работах принимается как данность. Отсутствие же видимых следов близости германских языков со славянскими побуждает к поискам «разделителя». Так, польский ученый Т. Лер-Славинский помещал между славянами и германцами иллирийцев, а балтов отодвигал к северо-востоку, полагая, что славяне стояли к германцам ближе³¹⁸. Напротив, Ф.П. Филин видел больше общих черт у германцев с балтами и на этом основании локализовал прародину славян на юго-восток от балтов, в районе Припяти и Среднего Днепра³¹⁹. Б.В. Горунг также отправлялся от предположения об автохтонности

314 Ср.: В. Георгиев. Балто-славянский, германский и индоевропейский; В.К. Мэтьюс. О взаимоотношении славянских и балтийских языков; С.Б. Бернштейн. Балто-славянская общность. // Славянская филология. Сб.1; В.Н. Топоров. Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений // Вопросы славянского языкознания, вып. 3, 1958; В.В. Иванов, В.Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958. (Авторы скептически относятся к возможности хронологического определения процессов сближения или расхождения обеих лингвистических групп); Б. Горунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963. С. 93–104; Ф.П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. С. 9–24.

315 В. Георгиев. Указ. соч. С. 10–11.

316 В.К. Мэтьюс. Указ. соч. С. 37. С.Б. Бернштейн в названной статье формулирует несколько тезисов, доказывающих независимое развитие древнейших процессов в балтских и славянских языках.

317 Б.В. Горунг. Указ. соч.

318 T.Lehr-Splawinski. O pochodzeniu i praojczyznie slowian. Poznan, 1946, ect.

319 Ф.П. Филин. Указ соч. С. 14–15. Автор допускал, что славяне были отделены от германцами иллирийцами (там же. С. 16), но балты представлялись ему как исконные соседи германцев.

германцев на севере, а потому исходную территорию славян определял довольно далеко на юго-востоке от мест их позднейшего обитания.

Поскольку германцы не были автохтонным населением западно-балтийских областей, вопрос о прародине балтов и славян не должен ставиться в зависимость от наличия или отсутствия в их языке общих моментов с германскими. При этом вопрос о происхождении балтов на первый взгляд кажется более простым, поскольку они целиком лежат в зоне культуры шнуровой керамики. Однако и в этой связи имеются проблемы, с которыми необходимо считаться.

В Северной Европе и Прибалтике с эпохи мезолита и раннего неолита существуют два антропологических типа, один из которых близок населению Днепровского Надпорожья, а другой — лапоноидам³²⁰. С приходом культуры боевых топоров удельный вес индоевропейского населения здесь возрастает. Весьма вероятно, что обе волны индоевропейцев были близки в языковом отношении, хотя определенные отличия, вызванные временем, были неизбежны. Это был протобалтский язык, зафиксированный в топонимике довольно обширных областей Восточной Европы. Лапоноидное население, видимо, говорило на одном из уральских диалектов, что также нашло определенное отражение в ономастике этих территорий. Значительная часть этого населения была ассимилирована индоевропейцами. Но по мере продвижения из Приуралья угрофинских групп границы индоевропейских языков снова смещались к юго-западу.

Помимо угрофинских групп, на территорию Прибалтики во II тыс. до н. э. проникало население со стороны Приднепровья, что было связано с продвижением из Нижнего Поволжья племен срубной культуры. С какими-либо катастрофическими превращениями это, по-видимому, не было связано, поскольку чаще всего перемещались сравнительно малочисленные и родственные группы (может быть отступающие под натиском с востока).

Очевидно, больше своеобразия вносили племена, продвигавшиеся в Прибалтику в унетицкое и лужицкое время. Это, по всей вероятности, те самые племена, которые принесли с собой малоазиатскую и адриатическую топонимику и которые уже в начале н. э. именуются венедами. В свое время А.А. Шахматов, признавая прибалтийских венетов кельтами, отмечал в их

320 См.: Р.Я. Денисова. Антропологический тип и генезис прибалтийских финнов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974; В.П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения народов Скандинавии и Восточной Прибалтики, по данным антропологии // Скандинавский сборник. Т. VIII. Таллин, 1964.

языке романо-италийские элементы³²¹. Эти элементы оказались и на балтских языках. В литературе указывался факт дихотомии (разделения на две ветви) балтийских языков. С.Б. Бернштейн этот факт привлекал в опровержение концепции единого балто-славянского языка³²². В прусском языке, в частности, несколько иной счет: например, рядом с литовским *dewintas* — «девять» существует прусское *newints*, в чем можно видеть юго-западное влияние. В самом населении прибрежной полосы, которое занимали венеды (или «рутены» Саксона Грамматика, о чём речь пойдет в главе об этнониме «русь»), в частности на территории Эстонии, наблюдается примесь понтийского (средиземноморского или причерноморского) антропологического типа, который мог быть занесен сюда с венетской волной³²³. Однако венетская ветвь по языку была все-таки близка основной балтской. Помимо сравнительно глухой, этимологически не определенной совпадающей топонимики, в этой связи заслуживает внимания название реки в Вифинии — *Yrios*³²⁴. Название прямо соответствует литовскому *irpe* — «река» или старопрусскому *ape*, которому, кстати, параллель находится и в староиндийском *ap* — «вода». Может быть, в связь с этим словом должно поставить также (иранизированное по форме) название рек Южный Буг и Кубань *Nypanis*³²⁵. Иными словами, с венетами в Прибалтику попадает и население, вышедшее из причерноморских областей, родственное по языку населению степного и лесостепного Поднепровья, ранее продвинувшемуся на северо-запад.

В.И. Георгиев видел косвенное доказательство теории существования балто-славянского языка в истории индо-иранской общности. Он отметил, что существование такой общности прослеживается только в древнейших письменных памятниках. Славянские языки зафиксированы на 2000, а литовский на 2500 лет позднее Ригведы и Авесты³²⁶. Но сравнение в данном случае все-таки недоказательно. Ригведа и Авеста появились в эпоху, когда индийские и иранские племена контактировали, тогда как позднее они практически не соприкасались. Славяне же и балты взаимодействовали как соседи, по меньшей мере, со времен Ригведы и Авесты, и надо объяснить,

321 А.А. Шахматов. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. С. 48–49.

322 С.Б. Бернштейн. Балто-славянская языковая общность. С. 55–57.

323 См.: прим. 123. Имеется в виду тот поток, который охватил и северо-западную часть Малой Азии и, может быть, Северное Причерноморье, о чём будет речь в главе об имени «Русь».

324 I.Duridanow. *Thrakisch-dakische Studien*. Sofia, 1969. S. 9. Ср. также *irupnas* — река со всеми притоками, *upis* — ручей. См.: Л.Г. Невская. Словарь балтийских географических appellativов Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 370.

325 Параллель этому названию отыскивается также в Индии. См.: О.Н. Трубачев. О синдах. С. 45. Очевидно, у древних индийцев пересекались те же два обозначения водного потока, что и у балтов-венедов.

326 В. Георгиев. Указ. соч. С. 9.

почему нет даже промежуточных диалектов между этими все-таки разными, хотя и родственными, языками³²⁷.

Славяне, как и другие народы, не были однородными в расовом и культурном отношении. Вместе с тем у всех славянских народов до сих пор сохраняются элементы общей культуры, языка и внешнего облика, которые позволяют отличать славянство от других соседствующих с ним народов. В старой историографии удельный вес специфического начала обычно преувеличивался (и в положительном, и в отрицательном осмыслении), а его исторически обусловленный характер не учитывался. Но и с этими поправками существует проблема «прадионы славян», т. е. вопрос о времени и территории оформления известных специфических черт, характеризующих этнический массив.

Литература о славянской прадионе огромна, и рассмотреть ее полностью невозможно даже в специальной работе³²⁸. Принципиальное значение может иметь оценка двух подходов и представлений: один, идущий от П. Шафарика (1795–1861), именуемый иногда «романтическим», — взгляд на славян как народ, издревле занимавший обширную территорию, другой — предположение о существовании небольшой прадионы, из которой происходит расселение в разных направлениях. Именно второй вариант породил множество концепций, причем не обошлось и без влияния локальных патриотических настроений. О.Н. Трубачев напомнил «мудрые слова Брюкнера, который давно ощутил методологическую неудовлетворительность постулата ограниченной прадионы : «Не делай другому того, что неприятно тебе самому». Немецкие ученые охотно утопили бы всех славян в болотах Припяти, а славянские — всех немцев в Долларте (устье р. Эмс — О.Г.); совершенно напрасный труд, они там не уместятся; лучше бросить это дело и не жалеть света Божьего ни для одних, ни для других»³²⁹.

Ни лингвистический, ни археологический материал (каждый в отдельности и оба вместе) не в состоянии пока решить вопрос в ту или другую сторону. Дело в том, что имеются данные и «за» и «против». В пользу мнения Шафарика говорит то обстоятельство, что славянские языки уже в глубокой древности

327 В.К. Мэтьюс. Указ. соч. С. 39–40.

328 См.: сводку мнений: Ф.П. Филин. Указ. соч. Непосредственно теме посвящена небольшая книга В.П. Кобычева «В поисках прадионы славян» (М., 1973), а также статья О.Н. Трубачева «Языкоизнание и этногенез славян по данным этимологии и ономастики» (ВЯ, 1982, № 4, 5).

329 См.: О.Н. Трубачев. Указ. соч. ВЯ, № 4. С. 12, а также Славяне и Русь. Проблемы и идеи... С. 148. Интересна мысль автора о том, что «нужно правильно интерпретировать сам факт отсутствия памяти прихода славян издалека». Автор видит в этом свидетельство устойчивой привязанности славян к определенной (довольно обширной) территории.

распадались на ряд диалектов, что проще понять, если рассматривать славянство как одно из крупных ответвлений прежней индоевропейской общности. С другой стороны, история древности полна примеров биологических и социальных взрывов, когда тот или иной народ выбрасывает волну за волной значительные массы населения, тесня, уничтожая, ассимилируя другие народы. Один такой взрыв у славян хорошо известен по письменным источникам: он произошел в V–VI вв. Но был ли он первым — ответить трудно.

Там, где лингвистика теряет ощущение времени, а археология затрудняется в объяснении причин смены культур, большую помощь может оказать антропология. У славян, как и у германцев, длительное время господствовал обряд трупосожжения, что лишает антропологию материала как раз от того периода, когда славяне появляются на исторической арене — в источниках римских и византийских авторов. Но сопоставление современных и средневековых материалов (христианизация восстановила трупоположение) с древнейшими позволяет перекинуть мост через обрыв.

В антропологической литературе имеются два разных опыта решения проблемы славянского этногенеза. Один из них принадлежит Т.А. Трофимовой, другой — Т.И. Алексеевой. Опыты эти существенно разнятся между собой как по подходам, так и по выводам. Интересная и насыщенная статья Т.А. Трофимовой отправлялась от господствовавших у нас в середине XX столетия автохтонистских концепций и нацелена против индоевропейской компаративистики. В результате, отметив наличие разных компонентов в составе славянства, автор не сочла возможным «рассматривать какой-либо один из этих типов как исходный праславянский тип»³³⁰. Если учесть, что те же типы входили в состав германцев и некоторых других народов, то антропология практически исключалась из числа наук, способных принять участие в решении проблем этногенеза. Работы Т.И. Алексеевой выходили с 60-х гг., когда ограничительные рамки автохтонизма и стадиальности в основном были преодолены. Учет миграций племен и бесспорных положений компаративистики резко поднимает значение антропологии в уяснении истории возникновения народов. Антропология становится не только средством проверки положений лингвистики и археологии, но и важным поставщиком новой информации, требующей определенного теоретического осмысления. По мере накопления материала антропология дает и будет давать в возрастающих

³³⁰ Т.А. Трофимова. Краниологические данные к этногенезу западных славян. СЭ, 1948, № 2. С. 61.

масштабах ответы на вопросы: когда и в каких соотношениях соединялись или расходились древние этнические образования?

Одно из существенных расхождений в выводах Т.А. Трофимовой и Т.И. Алексеевой заключается в оценке места в славянском этногенезе населения культуры ленточной керамики. У Т.А. Трофимовой это население оказывается одним из основных компонентов. И именно отправляясь от ее вывода, В.П. Кобычев связал исходный славянский тип с этой культурой³³¹. Между тем, как это показано Т.И. Алексеевой и подтверждено рядом других антропологов, население культур ленточной керамики могло входить в состав славянства либо в качестве субстрата, либо в качестве суперстрата. Зато в составе германцев этот компонент был определяющим.

В количественном отношении наиболее представительным в составе славянства является тип населения шнуровой керамики. Даже наличие в славянском этносе узколицых долихокранов (или мезо-долихокранов) объясняется вхождением этой части населения в Центральной Европе в зону культур шнуровой керамики³³². Именно типичное для культур шнуровой керамики широколицее длинноголовое население сближает славян с балтами, создавая подчас непреодолимые затруднения для антропологического разделения славян и балтов³³³. Наличие в составе славянства этого компонента указывает, однако, на территорию гораздо большую, чем область, скажем, балтской топонимики, поскольку родственное население занимало в эпоху неолита и бронзы значительную часть левобережья Украины, а также северо-западного побережья Европы. Сюда же следует отнести и зону распространения динарского антропологического типа, который отражается в современном населении Албании и республиках бывшей Югославии (особенно у черногорцев, сербов и хорватов) и который как будто идентифицируется с древними иллирийцами.

Заметное участие в сложении славянства приняли также племена с погребениями в каменных ящиках и культуры колоколовидных кубков (также хоронивших умерших в цистах)³³⁴. Поскольку они складываются на базе «североевропейской, долихокефальной, светлопигментированной расы и южноевропейской брахицефальной темнопигментированной»³³⁵, брахицефалы

331 В.П. Кобычев. Указ соч. С. 65 (карта), 67.

332 Т.И. Алексеева. Этногенез восточных славян. С. 244–245, 248.

333 Ср.: В.В. Седов. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья. СЭ, 1954, № 3 (попытка разделить славян и балтов) и Т.И. Алексеева. Указ. соч. С. 253, 256 (возражения).

334 Т.И. Алексеева. Этногенез восточных славян. С. 244. 249.

335 Там же. С. 251.

населения колоколовидных кубков должны привлечь особое внимание. Но эта культура слабо изучена. Обычно отмечается, что она распространяется из Северной Африки через Испанию. Но ее истоки находятся в противоположном районе средиземноморского бассейна, где-то в Передней Азии. (Предание ирландских саг о движении кельтов «из Скифии» от «Mare ruad», то есть «Черного» — «Красного» моря — нынешнего Черного и движение через Северную Африку и Испанию вполне совпадает с этапами движения племен колоколовидных кубков). По-видимому, в родстве с этим населением находились хетты и пелазги или пеласги, (во всяком случае, их переселение шло в рамках этой индоевропейской волны). Именно с этой волной увязываются лигуры, которых в некоторых древних сообщениях отождествляют с западной ветвью пелазгов.

Темнопигментированными брахицефалами были и приальпийские лапоноидные племена, по-видимому, ассимилированные пришельцами. В давней литературе существовало мнение, что славяне и кельты восходят к этому альпийскому расовому типу³³⁶. Положение это всегда вызывало сомнение, поскольку длинноголовое североевропейское население среди славян преобладает. Однако проблема этим не снимается. Цепь топонимов, идущая от испанской Лузитании через Северную Италию до Прибалтики, принадлежит индоевропейскому населению, причем той его ветви, в которой корни «луг» и «вад-ванд» служат для обозначения долины и воды.

Славян от балтов отличает прежде всего наличие в их составе центральноевропейского альпийского расового типа и населения культуры колоколовидных кубков. В Прибалтику также проникали этнические волны с юга, но это были иные волны. Южное население попадало сюда, по-видимому, лишь в качестве примеси в составе венетов и иллирийцев, может быть разных волн киммерийцев, прошедших Малой Азией и Балканами. И происхождение, и языки всех этих этнических групп были в конечном счете довольно близко родственными. Понятная им речь, видимо, звучала и в зоне фракийско-киммерийской культуры, поскольку таковая возникает также в результате продвижения населения из Причерноморья, с левобережья Днепра. Язык приальпийского населения, равно как и населения культуры колоколовидных кубков, очевидно, отличался от балто-днепровских и причерноморских языков. Приальпийское население, по всей вероятности, в своих истоках вообще не

336 Ср.: Ю.Д. Талько-Гринцевич. Облик древних славян в связи с современным и древним физическим типом поляков // Русский антропологический журнал, Кн. 41–42. 1918.

было индоевропейским. Но если, например, в кельтских языках явно проявляется неиндоевропейский субстрат, то в славянском такового не видно. Поэтому реальное воздействие на язык этого населения оказывали лишь индоевропейские племена, в числе которых на первом месте должны быть названы именно племена культуры колоколовидных кубков.

В настоящее время трудно решать: пришел ли протославянский язык в «готовом» виде в Центральную Европу, или он формируется здесь в результате смешения населения культур колоколовидных кубков и разных вариантов культур, уходящих к предшествующим племенам культуры шнуровой керамики. Длительное соседство, несомненно, способствовало взаимовлиянию древних славянского, иллиро-венетского и кельтского языков, в результате чего шел непрерывные процесс взаимоассимиляции, а также сложения промежуточных диалектов в рамках «закона лингвистической непрерывности».

Наряду с постоянным движением населения с востока на запад шло движение и в обратном направлении, причем в эпоху поздней бронзы в нем заметную роль играют и славянские племена. Собственно «славянские» черты, родственные исходным и приальпийским расовым особенностям, отражаются с древности у чешских и моравских славян, а также позднее в облике восточнославянских племен древлян, тиверцев и уличей³³⁷. Сходное население в Среднем Поднепровье фиксируется уже в скифское время³³⁸.

Погребения в каменных ящиках широко распространялись в Европе, захватывая разные племена. Однако во многих случаях как и в культуре мегалитов, варианты этой культуры имеют нечто общее. В Поморье в каменных ящиках погребали и широколицых долихокранов и, в отдельных случаях, представителей мезокранного населения³³⁹. Обычай этот держится стойко и в эпоху железа, когда (как и у венетов итальянских) в каменных ящиках помещаются урны с прахом³⁴⁰. Почти несомненно, что обычай этот связывался с определенным этносом, который долго сосуществовал с балтскими и, может быть, славянскими племенами и который, возможно, сближался с венето-иллийскими племенами. В конечном счете в составе славянства численно преобладает население шнуровой керамики. Но Т.Н. Алексеева, видимо, права,

337 Т.И. Алексеева. Там же. С. 256, 260. Ср. там же, С. 232 о сходстве современного приднепровского населения с приальпийской зоной: Венгрии, Австрии, Швейцарии, Северной Италии, Южной Германии, севера Балкан.

338 Там же. С. 249. В целом население Надпорожья близко прибалтийским типам.

339 Т.А. Трофимова. Указ. соч. С. 52–55.

340 Погребальный обряд... С. 34. 47–49 (карты). В рамках культуры этот тип погребения стойко держался только в низовьях Вислы.

что «генетически этот комплекс не связан со славянами»³⁴¹. Это, вероятно, зона воздействия славянского языка, распространявшегося с более южных территорий. «Повесть временных лет» прямо выводит славян из альпийской области, отождествляя их с нориками — соседями венетов и карнов. Летописная схема восходит к Сказанию о славянской грамоте, возникшему на западнославянской почве³⁴². В позднейших польских и чешских хрониках славяне выводятся из Паннонии — области, смежной с Нориком³⁴³.

Большинство ученых не придают значения славянским средневековым преданиям³⁴⁴. Между тем за ними, конечно, стоят какие-то реальные события. Речь может идти об одном из компонентов будущего славянства. Обычно на территории Паннонии и Норика размещают кельтские и иллирийские племена. Несомненно, они там находились, причем с древнейших времен. Но в условиях племенного строя языковая чересполосица могла сохраняться веками. Мезокранное, умеренно-широколицее население, характеризующее славян, проживало здесь чуть ли не с неолита³⁴⁵. Есть здесь и весьма древние топонимические следы.

Славянский язык, как известно, является одним из самых архаичных. А. Мейе объяснил это тем, что «славяне в течение долгого времени оставались в стороне от средиземноморского мира»³⁴⁶. Но, как показал О.Н. Трубачев, в славянской и итальянской ремесленной терминологии имеются бесспорные соответствия, причем в балтских языках эти параллели отсутствуют³⁴⁷. В другой связи он говорит «об интенсивном иллирийском (западнобалканском, а не восточнобалканском) слое» в топонимике Верхнего Поднестровья³⁴⁸. И во многих случаях славяно- и балто-итальянские параллели в общий узел не связываются.

На ряд древних славянских топонимов в Паннонии указал еще П. Шафарик. Так, озеро Балатон (Блатно — болото у славян VI в.) называлось Pelso, т. е. Плесо³⁴⁹. В надписи 157 г. н. э. на камне упомянут город Tsierna на

341 Т.И. Алексеева. Указ. соч. С. 170.

342 Ср.: Н.К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Вып. 1. Л., 1930. С. 57 и далее; А.Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 102–106; его же: Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 297–317.

343 Ср.: Н.К. Никольский. Указ. соч. С. 77.

344 Ср.: H.Lowmianski Poczatki Polski. T. I. Warszawa, 1958. Str. 166–183.

345 Т.И. Алексеева. Указ соч. С. 247, 249.

346 А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951. С. 14.

347 О.Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966. С. 166–200.

348 Его же. Названия рек Правобережной Украины. С. 279.

349 П.И. Шафарик. Указ. соч. Т. I, Кн. 2. С. 117–118. Автор приводит аналогичные топонимы на всей территории расселения славян. Ср.: русское «плёс». В эту связь можно поставить и этноним пелазги — «люди

реке «Черной» (сербской Црне)³⁵⁰. Характерное славянское «Быстрица» звучит в названии реки Bustricus³⁵¹. Явно славянское название племени «озериатов»³⁵². Из славянского некоторые авторы объясняют название племени «костобоков»³⁵³.

Перечень топонимов, славянское происхождение которых вероятно, у Шафарика довольно обширен, и в несколько обновленном виде он воспроизведен В.П. Кобычевым³⁵⁴. Здесь только необходимы некоторые оговорки. В свое время одни и те же топонимы пытались распределить между славянами и германцами или между теми и другими и фрако-иллирийцами. Известный польский ученый М. Рудницкий опубликовал десятки статей и заметок, в которых находил интересные параллели и остроумно опровергал пангерманистские построения. Но доказательства славянства тех или иных имен нередко страдали у него такой же односторонностью. Между тем в догосударственный период существовали, конечно, многочисленные переходные диалекты между смежными (конечно только смежными) языками. Это, в частности, относится к широко распространенным в придунайской области топонимам (прежде всего названиям рек) с компонентом «ава» (Морава, Острава, Драва и т. д.), причем эти названия часто повторяются от Иллирии до Прибалтики и Приднепровья. При бесспорно разном значении форманта «ава» в древнейшем пласте и позднее у славян и балтов (у славян это суффикс), он воспринимался как «свой», понятный, поскольку совпадал по форме образования топонимов. И, видимо, он не случайно был унаследован славянами и балтами, прежде всего первыми³⁵⁵. Иными словами, на территории Паннонии и, возможно, Норика в доримское время проживали племена, язык которых к славянским был ближе, чем любой другой как из современных, так и древних.

В летописи приводится одно указание на время, когда славяне начинают расселяться на восток и северо-восток: «Волхом бо нашедше на Словени на

моря», который часто объясняют от менее ясного корня, означающего «плоскую поверхность» (Ср.: Д.Ж. Томсон. Указ. соч. С. 169).

350 Там же. С. 118–119. Название города дается также у Птолемея и в Певтигеровых таблицах, причем варианты буквы (Д и Т) подчеркивают затруднения греческих и латинских авторов в передаче славянского «Ч».

351 Там же. С. 120–121. Ср.: Ю.К. Колесовская. Паннония в I–III веках. М., 1973. С. 23.

352 Это племя, упоминаемое Птолемеем, обитало, видимо, в районе Балатона. Ср.: Ю.К. Колесовская. Там же.

353 См.: З. Неедлы. История чешского народа. Т. I, М. 1952. С. 212–213, 218; О.В. Кудрявцев. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 11.

354 В.П. Кобычев. Указ. соч. С. 54–56, 136–140. Автор отстаивает дунайско-карпатский вариант славянской прародины.

355 Ср.: О.Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. С. 49: 38 названий в Среднем Поднепровье и только 4 в Верхнем.

Дунайских, и седшем в них и насилящем им, Словени же ови пришедше седоша на Висле, ...по Днепру...»³⁵⁶ Этот летописный текст обычно рассматривается с двух точек зрения: 1. Кого летописец называет «ворохами». 2. К какому времени относится событие. Здесь нет необходимости рассматривать все варианты³⁵⁷. Но следует подчеркнуть плодотворность подхода к этому вопросу П. Шафарика.

П. Шафарик был одним из первых, кто обосновал положение о тождестве славянских «ворохи» или «влахи» с германскими *Walh*, *Walsche*, *Walah*, *Vealh* и др., причем и у тех и у других так обозначались кельты³⁵⁸. Нетрудно определить, почему это имя получали у славян и германцев все кельты: вольки — одно из крупнейших кельтских племен, с которыми приходилось иметь дело обоим народам. (В немецком языке название племени отразилось в той же форме в понятии *Volk* — народ). Но в данном случае принципиальное значение имеет установление времени, о котором говорит летописец. Видимо, П. Шафарик правильно понял летописный текст. О нашествии «ворохов» на паннонских славян могли рассказывать только предания и славянские исторические песни. И первоначальная запись их была сделана, по всей вероятности, не на Руси, а в приданайских же областях (в частности в Великой Моравии или Иллирии, в которой киевский летописец видел исток славян и руси). Русский летописец это неясное для него во времени событие связал с другими, позднейшими. Ему нужно было поднять значение славян как древнего христианского народа, соединив его с проповедями апостола Павла. Далее перед ним стояли совсем уже недавние события: походы на Средний Дунай в конце VIII в. франков, а затем изгнание их уграми³⁵⁹. Последнее имеет отношение только к идентификации «ворохов» в русской традиции X–XII вв. (таковыми теперь признаются франки, точнее население Священной Римской империи).

П. Шафарик с полным основанием полагал, что предание, использованное русским летописцем, могло иметь в виду только вторжение кельтов на территорию Паннонии, которое произошло не позднее IV в. до н. э. Перенесение этнического названия «ворохи» на итальянцев (так итальянцы называются в современных чешском и польском языках) могло произойти

356 ЛЛ. СПБ., 1897. С. 5.

357 Разные мнения см.: А.А. Шахматов. Ворохи древнерусской летописи // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 54; А.Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. ВИ, 1970, № 10, стр. 31 (поддержка мнения А.А. Шахматова); В.Д. Королюк. Ворохи и славяне в «Повести временных лет». СС, 1971, № 4; его же: К вопросу о месте известий о ворохах в «Повести временных лет». СС, 1972, № 1 (полемика с названными двумя авторами. Отождествление ворохов с древними римлянами).

358 П. Шафарик. Указ. соч. С. 82–103

359 Ср.: ЛЛ. С. 24–25 — о вторжении угров в дунайскую долину: «Седяху бо ту прежде Словени, и Ворохове прияша землю Словенскую; посем же Угри погнаша Вольхи, и наследиша землю ту, и седоша съ Словены, покорише я под ся».

только потому, что действительные италийцы (и римляне) были отрезаны от славян кельтскими племенами, которые в IV в. до н. э. занимали всю северную часть Аппенинского полуострова.

Кельтское вторжение с территории севернее Альп, видимо, оттеснило славянские племена из области Норика. Но восточнее этой территории складывается ситуация, отраженная летописью: волохи-кельты жили вперемешку с местными, в частности славянскими племенами. Это обстоятельство, возможно, разъясняет причины своеобразного развития этнических отношений на территории Моравии: с латенского до славянского времени там фиксируется один и тот же антропологический тип в целом славянского облика³⁶⁰. Древнейшее славянское население в латенское время подверглось здесь кельтизации, а затем (как за счет внутренних сил, так, видимо, и за счет притока части населения извне) снова славянизации.

Таким образом, летописные предания о пребывании славян на территории Паннонии и, по всей вероятности, Иллирии и Норика представляются вполне достоверными. Это не значит, однако, что славяне локализовались только здесь. Речь, вероятно, идет об одной их группе, самой западной по территориальному положению, перемещение которой на восток отложилось в памяти позднейших поколений. Но кельтскому вторжению предшествовало еще несколько волн миграций индоевропейских племен, которые вынуждали искать новые места поселений для племен, оказавшихся на их пути.

Локализация летописцем изначального расселения славян в Иллирии, видимо, опиралась на изустные предания. Но достоверность их подтверждается фактом близости языка соседей — лигуртов с запада и пелазгов с юго-востока. У тех и других реки и мелководья назывались «вада», а у лигуртов культ Купавона вполне совпадал со славянским Купала³⁶¹. Да и само этническое название «пелазги» («люди моря» или «поморья») яснее всего сохранилось, как отмечено выше, именно в славянских языках.

В XIII в. в Польше и Чехии распространяется легенда о «трех братьях» — Чехе, Лехе и Русе. Легенда сразу предстает в нескольких вариантах. В Польше отцом братьев объявлялся Пан, с которым связывалось и название Паннонии. В «Великопольской хронике» XIII–XIV вв. легенда подана как некое откровение. «Поскольку поляков называют также и лехитами, следует узнать, почему их называют этим именем. В древних книгах пишут, что Паннония является

360 Т. Алексеева. Этногенез восточных славян. С. 249.

361 См.: А.И. Немировский. Каталог этрусских кораблей в «Энеиде». ВДИ, 1978, № 1.С. 146–147.

матерью и прародительницей всех славянских народов. «Пан» же, согласно толкованию греков и славян, это тот, кто всем владеет... Итак, от этих паннонцев родились три брата, из которых первенец имел имя Лех, второй — Рус, третий — Чех»³⁶². Это была польская интерпретация легенды. Но был и вариант, связывавший начало славян с Адриатической Хорватией, именно вариант, сходный с более ранним представлением русских летописцев. Здесь указывали даже и место, где некогда проживали родоначальники славянских племен³⁶³.

Первое или одно из первых значительных выселений предков славян за Дунай связано с тшинецкой (тшинецко-комаровской) культурой 1450–1100 гг. до н. э., занимавшей территорию от реки Одера до Днепра³⁶⁴. Вполне вероятно, что именно в этой культуре происходит соприкосновение протославян с балтами, что объясняет и смешение двух обрядов погребений: трупосожжение и трупоположение. Первый мог относиться именно к славянам (он распространялся по Европе именно с юга, из Малой Азии), второй — к балтам. Другое перемещение славянских племен с запада на восток проходит в рамках чернолесской культуры (IX–VII вв. до н. э.), причем на археологическую культуру накладывается топонимическая карта, в которой наряду со славянскими встречаются и иллирийские топонимы³⁶⁵.

Столкновение славян с кельтами в Центральной Европе имело далеко идущие последствия для этнического и социально-экономического развития славянства. Расселившись между славянами, кельты, как сообщает летописец, «насилящем им», что не могло не сдерживать их естественного развития. Вместе с тем в славянскую культуру и язык неизбежно проникали кельтические элементы.

В сравнительном языкоznании потрачены огромные усилия для отыскания следов влияния германских языков на славянские. Гораздо реже ставится вопрос о славяно-кельтских контактах (отчасти из-за узости круга лиц, имеющих представление об истории кельтов и их языке). Между тем именно широкое сравнение ранних славянских языковых и культурных особенностей с кельтскими может дать существенные результаты. Отсталость кельтологии — одна из главных причин неудовлетворительной постановки проблем этногенеза

362 «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 52.

363 См.: Г. Янушевский. Откуда происходит славянское племя Русь. Вильна, 1923.

364 См.: Б.А. Рыбаков. Язычество древних славян. М., 1981. С. 220–222 (карта).

365 См.: О.Н. Трубачев. Название рек Правобережной Украины, С. 276–282. Его же. Языкоzнание и этногенез славян... ВЯ, 1982, № 4. С. 18–22.

народов Европы. В более или менее благополучном положении находятся лишь вопросы германо-кельтских отношений. Однако значительная часть посвященной этим вопросам литературы — это борьба с «кельтоманией», которая чаще всего отодвигается германоцентризмом³⁶⁶.

Кельтомания в XIX в. действительно имела место. Она заключалась в тенденции валить на кельтов все неясное в европейских языках и истории и происходила из неизученности действительных кельтов. Но альтернативой «панкельтизму» обычно являлся пангерманизм. Почти всегда наличие общих языковых явлений германских и кельтских языков объяснялось существованием некогда кельтско-германской общности. Между тем нет никаких оснований предполагать такую общность. В большинстве случаев просто следует предполагать воздействие кельтских языков на германские, причем такое влияние испытал уже готский язык.

Насколько сильны традиции германоцентризма, видно на примере судьбы гипотезы А.А. Шахматова, который, по существу, впервые попытался рассмотреть славяно-кельтские контакты в древности. Речь идет об упоминавшейся выше работе, в которой автор рассматривал прибалтийских венедов в качестве кельтов, усвоивших некоторые романо-италийские и германские элементы и передавших их славянам. В результате подчинения венедам славянских племен это имя, по Шахматову, перешло на славян. Шахматов приводит большой перечень предполагаемых заимствований в славянский язык из кельтского, причем видное место среди них занимают понятия общественного и государственного порядка, а также военные и хозяйствственные термины (бояре, отец, слуга, щит, вал, влат в значении великан, господин, луда в значении свинец и др.).

Концепция Шахматова сразу подверглась атаке со стороны крупнейших германистов, занимавшихся балто-славянскими сюжетами³⁶⁷. Эта критика повлияла и на наших лингвистов, как будто признавших опыт Шахматова несостоятельным³⁶⁸. С критиками должно согласиться в том отношении, что Шахматов рассматривал языковые контакты через призму одной хронологической эпохи. Но объективное значение выявленных им лингвистических фактов вряд ли может быть истолковано иначе. Не случайно,

366 Cp.: H. Birkhan. Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit. Wien, 1970, S. 56, а также другие работы.

367 K. Buga. Kann man Keltensspuren auf baltischen Gebiet nachweisen? // Rocznik Slawistyczny, VI, 1913, S. 1–38; M. Vasmer. Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie. Ibid. S. 172–214, etc.

368 В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. С. 7.

что один из крупнейших специалистов по кельтике и германистике Ю. Покорный подтвердил наблюдения Шахматова, отметив ряд бесспорных кельто-славянских сходств. Основную ошибку Шахматова ученый видел не в лингвистической, а исторической области: он сомневался в возможности доказать существование славяно-кельтских контактов из-за их якобы территориальной удаленности друг от друга. Очевидное противоречие он предлагал разрешить допущением, что кельтизмы славянам передали иллирийцы³⁶⁹.

Помимо названных работ славяно-кельтским отношениям посвящена небольшая статья Т. Лер-Сплавинского³⁷⁰. Между тем, перспективность такого рода сопоставлений трудно переоценить. Так, славянское «море» должно сопоставляться не только с латинским *mare*, но и с кельтским (континентальным) *mor*, *mour* (ср. Арморика — область у моря, морины — племя у моря). Важное для земледельческого населения славянское «орати» — пахать и «ратай» (от «оратай») может сопоставляться не только с латинским *are*, *arrare*, но и с ирландским *arathar* — плуг³⁷¹. По-видимому, не составляет большого труда выделить сотни таких параллелей. И задача должна заключаться в выделении разновременных слоев и ареалов. Так, определенная часть славяно-кельтских сходств, видимо, поведет к эпохе сложения этих этносов в Центральной Европе на базе ряда родственных элементов (например, приальпийского населения и племен культуры колоколовидных кубков, а также в известной мере и выходцев из Причерноморья). На протяжении многих столетий были периоды, когда менялась направленность воздействия: от кельтов к славянам и наоборот. Поэтому не всякое совпадение должно означать исходное кельтское, а неиндоевропейские реликты в кельтских языках, в славянских — не отразились (таких реликтов, видимо, вообще было немного в континентальных кельтских языках).

В позднейшие эпохи в контактах с разными группами кельтов находились различные славянские племена. Это приводило к тому, что заимствования не носили общеславянского или общекельтского характера, что создает известные условия для хронологического определения тех или иных контактов. Так,

369 J.Pokorny. Urgeschichte der Kelten und Illyren. Halle, 1938, S. 39, 67.

370 T.Lehr-Splawinski. Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko prasłowiańskich. // Rocznik Slawistyczny, r. XVIII, Warszawa, 1956.

371 Ср.: В.П. Кобычев. Указ. соч. С. 64. Автор приводит параллели из латинского. Проникновение в славянские языки латинизмов, конечно, происходило, особенно в первые века н. э. Но заимствуют обычно слова, в которых появляется в данный момент потребность. Такие слова как «огонь» или «вода», — ровесники самой индоевропейской общности. Сходство в этих случаях обычно базируется на их консервации или параллельном развитии в разных языках.

самостоятельные контакты с кельтами были у ряда славянских племен Украины и Белоруссии, Чехии и Моравии, Польши и Поморья. Определенные совпадения явились следствием контактов и с какими-то третьими племенами, например, теми же иллирийцами или венетами, весьма широко соприкасавшимися с кельтами. Именно поэтому для многих явлений осторожней и правильней говорить о «кельтическом», а не собственно кельтском, тем более что язык континентальных кельтов существенно отличался от современных и старых островных кельтских языков. Особого разговора требует проблема соотношения венетского и собственно кельтского в Прибалтике. Этот вопрос будет рассмотрен ниже.

В понимании характера славяно-кельтских контактов ранней поры представляет интерес наблюдение О.Н. Трубачева: обозначение этносов у славян ближе к кельтским, нежели к германским³⁷². Значение этого наблюдения тем более возрастает, что многие и германские этнонимы сложились под кельтским влиянием. В кельтских и славянских этнонаимах очень часто отражается в сходных формах географическая среда. Кельтское квады (как полагают, германское племя) от coad — лес равнозначно славянскому дереви или древляне. Подобно кельтскому названию амброны — живущие по обоим берегам Роны — образовано славянское ободриты, неудачно «подправленное» как «бодричи»³⁷³. Подобные ряды соответствий могут иметь и хронологическое значение. У древнейших племен преобладали тотемные или родовые названия. Различие племен по занимаемым территориям отражает время перехода к государственным образованиям. В данном случае — это, видимо, латенская эпоха, когда возникают внушительные союзы племен.

Вопреки сомнениям некоторых германистов, исторически славяно-кельтские контакты были неизбежны. А языковые факты, говорящие о таких контактах, становятся важным источником для характеристики положения, сложившегося в Центральной Европе в латенское время, когда кельты нередко расселялись вперемешку со славянами. Появление элементов культуры латенского облика в Поморье и в междуречье Одера и Днепра, отмечаемое исследователями, связано, видимо, не столько с миграцией самих кельтов, сколько с передвижениями побежденных ими племен³⁷⁴. Наступление Рима изменило картину в том смысле, что и кельты попадали теперь в положение

372 О.Н. Трубачев. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. ВЯ. 1974, № 6. С. 54–58.

373 В литературе наименования племен поморских славян часто даются с поправками, как бы с учетом искажений в других языках. Эта поправка предложена П. Шафариком и принята большинством русских славистов. Между тем смысл ясен как раз при буквальном воспроизведении источников, которые довольно последовательно его передают. Речь идет о племенах, живших по обоим берегам Одры.

обороняющейся стороны, что, конечно, меняло характер их отношений с ранее зависимыми от них племенами.

В оценке процесса славянского этногенеза в целом самая большая сложность заключается в определении соотношения автохтонного начала на территории Альп и Северной Италии до Днепра, а также по меньшей мере трех миграционных потоков, идущих на эту территорию с разных направлений: с юго-востока из Причерноморья, с юга из Малой Азии и Балкан, с юго-запада из Испании. Положение осложняется тем, что эти потоки из разных мест и в разное время часто были родственными. Так, отмечаемое рядом авторов родство клинописного хеттского языка со славянским или балто-славянским может быть связано с миграцией разных племен (эпохи боевых топоров) из Причерноморья в противоположные стороны. Затем, однако, Малая Азия неоднократно выбрасывала волны избыточного населения (или отступавших перед натиском превосходящих сил племен) как на Балканы, так и на противоположный край Средиземного моря.

Славяне и балты в большой степени основываются на одних и тех же этнических компонентах, начиная с III тысячелетия до н. э. И те и другие в равной мере родственны малоазиатским индоевропейцам древнейшей поры. И в тех и других проявилось венетское участие. Лишь альпийские культуры с наслойной на них культурой колоколовидных кубков не оказали заметного воздействия на балтов. У славян же, по-видимому, именно с ним связано возвышение племен, оказавшихся во главе других, родственных по языку и культуре. Это те самые славяне, которых имели в виду славянские средневековые хронисты — русские, польские и чешские.

Шафарик ошибался, отводя славянам обширные пространства в Европе с самого древнего периода. Но не правы и те авторы, которые пытаются отыскать «пятачок», с которого начиналось расселение славян. В этом смысле не было прародины ни славян, ни балтов, ни кельтов, ни германцев. Существовали довольно обширные зоны, в границах которых складывались родственные языки. На протяжении столетий племена перемещались, возвышались то одни, то другие, разные диалекты то наступали, то отступали. Во многих районах жили чересполосно разнозычные племена, и такое положение могло сохраняться тоже целые столетия. В конечном счете их языки сближались, но

374 См.: Н.Н. Чебоксаров. Этническая антропология Германии. КСИЭ, вып. 1. М., 1946. С. 60–61: Наряду с автохтонными типами населения Поморья, у полабов, ободритов, в Померании и Западной Пруссии были представлены формы, «очень близкие к типу латенских кельтов».

сложение относительно единого языка могло осуществиться только в условиях государства.

С середины II тыс. до н. э. на больших пространствах от Альп до Днепра славянская или понятная славянам речь преобладает. Но на этой территории продолжают находиться и другие племена, причем одни из них покидают эти территории, другие появляются здесь, может быть, из несмежных областей. Несколько волн с юга, а затем кельтское нашествие побуждали славян и родственные им племена уходить на север и северо-восток. По-видимому, это часто сопровождалось определенным снижением уровня культуры, тормозило развитие. Вместе с тем в составе славянства возрастали северо-восточные (главным образом балтские) компоненты, которые привносили и изменения в антропологический облик, и в определенные элементы культуры. Переселенцы в последних веках до н. э. из Паннонии, видимо, попадали уже в основном в родственную среду. С этими явлениями может быть связано возникновение двух славянских культур — пшеворской (Польша) и зарубинецкой (Южная Белоруссия и Северная Украина).

Глава III – Среднее Поднепровье в I тысячелетии

Среднее Поднепровье — главный район, где формировались специфические черты, отличающие древнерусскую культуру и государственность. Происходившие здесь процессы накладывали тот особый отпечаток, который отличает древнерусское от общеславянского. На протяжении многих столетий Среднее Поднепровье сотрясали крупнейшие передвижения племен. В эпоху неолита и бронзы избыточное население направлялось отсюда в разные стороны. Здесь пересекались Лес и Степь и связанные с природным фактором разные формы ведения хозяйства. В целом для Среднего Поднепровья характерно сочетание оседлого земледелия и скотоводства. Земледельцами были племена трипольской культуры (IV–III тыс. до н. э.), родственной современными балкано-средиземноморским племенам. Земледелие наряду со скотоводством (прежде всего коневодством) занимало видное место и в хозяйстве культур Надпорожья.

С эпохи неолита, по-видимому, все значительные племенные группы приднепровского населения принадлежали к индоевропейским языкам. В зоне

трипольской культуры это были, видимо, языки балкано-средиземноморского типа. На огромной территории Левобережья Днепра вплоть до заволжских степей формировалась другая группа племен, с которой связаны многие языки Прибалтики, Причерноморья, частично Малой Азии, а также отдельных районов Европы, куда позднее продвинулись эти племена. Иранские языки в доскифское время сюда еще, видимо, не доходили. Но здесь же или по соседству с этим ареалом формировались языки праиндийские, след которых и позднее сохранялся в языке синдов³⁷⁵.

Язык первого письменного народа Причерноморья — киммерийцев, как отмечалось, наследовал предшествующие языки этой территории, сближаясь с балтскими. Именно в этом смысле может быть принят вывод В.П. Петрова о родстве балтских языков со скифскими³⁷⁶. И позднее «нескифское в скифском» сохранится на многих территориях.

Начиная по меньшей мере с эпохи культур шнуровой керамики и вплоть до VIII в. до н. э. более или менее значительные группы населения с территории, окаймленной Днепром, Волгой и Кавказом, продвигаются в разные районы Европы, участвуя в создании новых этносов, а иногда и определяя их. В то же время и после прихода с востока скифов определенная часть прежнего населения сохраняется по окраинам скифского мира. Геродот сообщает о трех версиях происхождения скифов, за каждой из которых стоят определенные реалии. Скифы вытеснили прежнее население лишь из степей, необходимых для кочевого хозяйства. Лесостепь для этих целей была неудобна, а лесная зона и вовсе недоступна. В Среднем Поднепровье остаются автохтонные племена, пополненные, видимо, группами беглецов из степных областей. У этих племен во времена Геродота имелось представление об их проживании на том же месте в течение тысячелетия³⁷⁷. Цифра может носить и мистический характер³⁷⁸, но

375 См.: О Н. Трубачев. О сидах и их языке ВЯ, 1976. № 4; Ю.А. Шилов. Праордина ариев. История. Обряды и мифы. Киев, 1995.

376 В.П. Петров. Язык. Этнос. Фольклор. Киев, 1968; его же: Этногенез слов'ян. Київ, 1972. С. 172–182. Автор возражает против отнесения скифского языка к числу иранских.

377 Геродот. История. Л., 1972. С. 188. Легенды, переданные Геродотом, многократно обсуждались в литературе. См.: Б.Н. Греков и А.И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степной и лесостепной областях Европейской части СССР в скифское время. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954; А.М. Хазанов. Легенда о происхождении скифов, Скифский мир. Киев, 1975; Б.А. Рыбаков. Геродотова Скифия. М., 1979.

378 Издатель сочинения Геродота Г. А. Стратоновский замечает, что «тысячелетнее царство — восточное учение, распространенное также у римлян и у этрусков» (указ. соч. С. 519). Стоит заметить, что у самих римлян это учение не принимало конкретных форм: римляне не стремились «округлить» свою историю до тысячи лет. Не было таких преданий и у греков, что видно из того, как воспринимал предание Геродот. Распространение же его на разных территориях от востока до запада представляет значительный интерес.

она соответствует времени существования здесь срубной культуры, т. е. собственно киммерийской эпохе.

Население Среднего Поднепровья, согласно Геродоту, называло себя сколотами. В отличие от собственно скифов эти племена занимались земледелием (скифы-земледельцы), а плуг у них стоял на первом месте в числе культовых предметов³⁷⁹. Главное из автохтонных племен носило название паралатов, само имя которых дает определенный материал для выяснения сложных этнических отношений как в эпоху скифского завоевания, так и в последующие столетия. Заслуживает внимания ряд, выстроенный А.Д. Уdalьцовым: паралаты — споры — спалы — палы — поли — поляне³⁸⁰. Вероятно объяснение этнонима от иранского «спар» — плуг³⁸¹. Геродот, очевидно, не знал этого значения, и «паралаты» у него оказались в числе «царских» скифов, причем словом «царские» он переводил этноним сколоты. Само иранское название в данном случае не говорит об ираноязычии паралатов, поскольку оно явно дало «со стороны».

Геродот столкнулся с разными версиями численности скифов: «согласно одним сообщениям скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов, собственно говоря, очень мало»³⁸². Первое, очевидно, предполагает все земли, подчиненные скифам, вторые — собственно скифов. В эпоху расцвета скифского объединения довольно единообразная культура распространяется на многие нескифские территории³⁸³. Происходит примерно то же, что в Центральной Европе — в связи с подъемом кельтов. Но в последних веках до н. э. скифы загадочным образом исчезают (версия Псевдогиппократа об их вырождении остается весьма вероятной), и на территории Скифии вновь оживают традиции и, видимо, старые языки. Вторжение с востока сарматов усугубляло упадок скифов, но воздействие сарматов на местные племена оказалось меньшим, чем их предшественников.

Славяне придалились к Приднепровью, видимо, раньше, чем в Причерноморье появились скифы. Со славянами, в частности, могут быть

379 Согласно легенде, «на скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша» (Геродот. История. С. 188). Культовые чаши археологи находят в скифских погребениях, причем в основе — это формы, распространенные в доскифское время в культурах лесостепи (чернолесской и белогрудовской XII–VIII вв. до н. э.). Ср.: В.А. Ильинская. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975. С. 118–133, 167–168.

380 А.Д. Уdalьцов. Основные вопросы этногенеза славян / СЭ, сб. VI–VII. М.-Л., 1947. С. 5.

381 Его же. Начальный период восточнославянского этногенеза. Исторический журнал, 1943, № 11–12. С. 69 (варианты спор, спер, спир).

382 Геродот. История. С. 208.

383 См.: В.А. Ильинская. Указ. соч. С. 169–171. Автор также полемизирует с мнением Б.А. Шрамко о формировании основ скифской культуры в лесостепной полосе Правобережной Украины.

связаны скифы-пахари и жившие севернее их невры. Последние неоднократно привлекали внимание исследователей³⁸⁴. Неврам отведено важное место в упомянутой работе Б.А. Рыбакова о «Скифии» Геродота. По Геродоту, невры покинули страну из-за нашествия змей, в чем, возможно, отразились тотемические культы³⁸⁵. На базе тшинецкой и комаровской культур формируются культуры белогрудовская и чернолесская (XII–VIII вв до н. э.). Эти культуры также находятся в связи с центральноевропейскими³⁸⁶. Косвенно это свидетельствует о славяноязычии данного населения. Но рядом в лесостепи удерживались и иные языки, а левобережье Днепра было заселено племенами, оттесненными скифами с более южных территорий³⁸⁷. Даже в эпоху расцвета моши скифов им не удавалось контролировать передвижения племен, номинально от них зависимых. О таких передвижениях свидетельствуют и археологические материалы, и прямые показания источников. Переселение невров произошло за одно поколение до нашествия Дария, т. е. совсем незадолго до прибытия Геродота в Причерноморье. Передвижения из Центральной Европы по северным окраинам Скифии происходили, видимо, на протяжении всего периода существования скифского объединения.

1. Приднепровье в эпоху Зарубинецкой культуры

Важнейшим звеном в проблеме славянского этногенеза является выяснение природы пшеворской культуры в Польше и зарубинецкой культуры на территории Южной Белоруссии и Северной Украины. В сущности только положительное решение вопроса о их связи со славянством делает убедительным или, по крайней мере, оправданным экскурс в эпоху бронзы к тшинецкой культуре и еще далее в глубь веков. Пшеворская и зарубинецкая культуры во многом родственны. Они возникают примерно в одно и то же время и имеют сходную пролатенскую окраску.

384 Ср.: М.И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе ВЛУ, № 2, 1946; Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961. С. 225; О.Н. Мельникowskaya. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967. С. 169–176; В.П. Кобычев. Указ соч. С. 27–32.

385 О.Н. Мельникowskaya. Указ. соч. С. 171; Б.А. Рыбаков. Геродотова Скифия. С. 145–148

386 Ср.: В.Д. Рыбалова. О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и железа Исследования по археологии СССР. Л., 1961; Ильинская В.А. Указ соч. С. 171–172; А.И. Тереножкин. Предскифский период... С. 182; А.И. Смирнов. Скифы. С. 39; и др. Связь была, по-видимому, двусторонняя, и передвижения шли в противоположных направлениях.

387 Это положение развивала в ряде работ В.И. Ильинская. См. ее: Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968. С. 173–174 и далее; ее же. Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры СА, 1969, № 2; ее же: Раннескифские курганы. С. 178–179.

В третьей четверти прошедшего столетия в археологической литературе происходила своеобразная балтская «экспансия», или, по выражению А.В. Арциховского, происходило «разбалтывание славян».

Зарубинецкая культура оказалась в фокусе противоположных освещений. Признание зарубинецкой культуры славянской дает возможность представить примерную картину расселения славян на территории Восточно-европейской равнины. Признание этой культуры балтской вообще заводит проблему славянского этногенеза в тупик, что, конечно, тоже является аргументом в решении вопроса.

Большинство специалистов, в частности почти все украинские и белорусские археологи, не сомневаются в славянской принадлежности зарубинецкой культуры³⁸⁸. Поэтому имеет смысл рассмотреть аргументы только авторов, придерживающихся иной точки зрения. Одним из последовательных «скептиков» был видный археолог И.И. Ляпушкин. Его скепсис, однако, не имел под собой конкретной базы, а проистекал из общего представления о позднем появлении славян на территории Восточной Европы: не ранее VI–VII вв. в Приднепровье, не ранее VIII–IX вв. в его верхней и левобережной части³⁸⁹. Никакой альтернативы (в том числе для древнейших славян) автор не предлагал. Это был скепсис в отношении возможности познания древнейшей истории вообще и средствами археологии в частности.

Примерно такого же рода скепсис был характерен и для работ М.И. Артамонова, который даже Правобережье Днепра VI–VII вв. не оставлял хотя бы частично славянам³⁹⁰. Помимо «разбалтывания». М.И. Артамонов отодвигал славян германцами (готами и гепидами в черняховское время норманами в IX–X вв.) и тюрками. Неразрешимым считал этот вопрос Ю.В. Кухаренко, поскольку полагал, что уже в самом начале н. э. культура исчезла³⁹¹.

388 Ср.: П.Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. М., 1970. С. 26, 32–43; Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971. С. 179–187 (об этнической принадлежности культуры); Е.В. Максимов. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972. С. 129–133.

389 И.И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян Исследования по археологии СССР. Л., 1961; его же: Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы /. — Культура Древней Руси. М., 1966; его же: Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. В последней работе автор начал нащупывать пути позитивного решения вопроса, но в целом скепсис не был преодолен.

390 М.И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология Проблемы всеобщей истории. Л., 1967; его же: Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР, вып. 15, Л., 1970.

391 Ю.В. Кухаренко. Зарубинецкая культура САИ. Вып. Д1—19. М., 1964. С. 5.

В немецкой литературе предпринимались попытки связать зарубинецкую культуру с германцами³⁹². Неосновательность этого мнения очевидна, и с ним давно уже не полемизируют. По существу, только один альтернативный вариант обсуждается в литературе: тезис о принадлежности культуры балтам. Этот тезис в ряде работ развивал В.В. Седов, с именем которого, в сущности, только и можно связывать наличие особой точки зрения³⁹³.

Во взгляде В.В. Седова, несомненно, есть внутренняя логика. Зарубинецкая культура располагается в самом тесном соседстве с балтскими, а на территории южнее Припяти имеются топонимы, которые могут быть истолкованы как балтские. Тем не менее вывод В.В. Седова сделан скорее от противного как указание на определенные слабости в славянской концепции. Так, выясняется, что балтских топонимов на территории южнее Припяти несравненно меньше, чем славянских³⁹⁴. Авторы, исходящие из концепции существования балто-славянской общности, склонны относить их к этой, еще этнически не разобщенной среде³⁹⁵. Последнее, однако, маловероятно. Зато вероятно, что реликты эти являются не «балтскими» как таковыми, а местными (киммерийскими и докиммерийскими). Лишь с учетом этой поправки можно согласиться и с самими терминами «балтийский» или «протобалтский», когда речь идет о Среднем Поднепровье, в частности, о контактной зоне «балтской» и иранской топонимики на территории юхновской культуры (Левобережье Днепра).

Не говорят в пользу балтской принадлежности зарубинецкой культуры и археологические данные. Сопоставляя условия развития славян и балтов, П.Н. Третьяков отмечал значительную консервативность последних. «Жизнь этих

392 Эту мысль еще в 1906 г. высказал П. Райнске. В годы Великой отечественной войны она приобрела и определенное политическое звучание.

393 В.В. Седов. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы — Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963; его же: Славяне Верхнего Поднепровья и Подвилья. М., 1970. В более поздних работах автор допускает наличие в культуре разных этнических групп. Ср. его же: Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 74–78. Но приоритет он отдает все-таки балтам, считая балтской соприкасавшуюся с зарубинецкой милоградскую культуру VII–II вв. до н. э.

394 Ср.: В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 7, 244 (о границе балтских топонимов); О.Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 272 (правобережная припятская гидронимия, по автору, «выглядит как бы основным плацдармом местного славянства»; О.Н. Мельниковская. Указ соч. С. 179–182. Автор обратила внимание на то, что по правобережью Днепра между Березиной и Припятью зафиксирован всего один, а на Нижнем Соже два балтских топонима (указ. соч. С. 180). Именно на эту территорию распространялась с юго-запада милоградская культура. Существенно также замечание В.А. Никонова и Е.А. Поспелова: топонимы, усвоенные новым населением, будут переноситься на новые земли как свои собственные (Рец. на книгу: В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева // Известия АН СССР. Серия географическая. 1963, № 6, 124). Достаточно упомянуть в этой связи столь широко распространенный во всех славянских землях неславянский Дунай.

395 В.А. Никонов, Е.М. Поспелов. Указ соч. С. 126.

племен, обитавших в северных лесах, в отдалении от беспокойного юга, — замечал он, — протекала относительно спокойно. Столетиями люди оставались на одних и тех же местах; их культура развивалась преемственно, без резких изменений»³⁹⁶. На Верхнем Днепре, в частности, границы балтских культур «просуществовали, заметно не изменяясь, без малого тысячу лет, а в отдельных местах и более. Поколение за поколением люди жили на одних и тех же местах, на своих старых городищах, тщательно сохраняя дедовские традиции в области производства, быта и культуры. Найденные, сделанные в нижних, ранних слоях верхнеднепровских городищ, не всегда можно отличить от находок, происходящих из горизонтов слоя, — настолько медленно изменялись здесь жизнь и культура»³⁹⁷. Такое положение оставалось до появления с юга новых, очевидно, небалтских племен.

Долгое время этническому определению зарубинецкой культуры препятствовала ее известная изолированность от предшествующих и последующих культур на этой территории. В эпоху раннего железного века на этой территории, несколько смещаясь к северо-востоку, существовала милоградская культура. С севера она сосуществовала с типично балтской культурой штрихованной керамики, с северо-востока — с днепро-двинской и верхнеокской культурой, территорию рек Десны и Сейма занимали юхновские племена. Последние три культуры весьма близки между собой и заметно (особенно по керамике) отличаются от культуры штрихованной керамики. В конечном счете большинством археологов было признано, что речь идет о двух локальных вариантах балтской культуры, поскольку топонимика этих районов ведет к балтам³⁹⁸. Но милоградская культура не просто выпадает из этого круга, а и объясняет, возможно, образование самих локальных балтских ареалов именно тем, что она их как бы разделяла на две части. Такое разделение, возможно, возникло уже в тшинецко-комаровскую эпоху.

Один из наиболее последовательных приверженцев концепции славянского происхождения зарубинецкой культуры П.Н. Третьяков не определил своего отношения к милоградовцам, неоднократно склоняясь то в одну, то в другую сторону. Весомые аргументы против отнесения ее к балтам привела О.Н. Мельниковская. Главным среди них оказывается факт локализации культуры значительно южнее, чем предполагалось ранее: именно у верховьев Десны и

396 П.Н. Третьяков. У истоков..., С. 21.

397 Там же. С. 32.

398 К этой точке зрения примкнул и П.Н. Третьяков, долгое время отстаивавший славянство культур днепровского Левобережья.

Южного Буга³⁹⁹. Здесь расположены наиболее ранние памятники милоградовцев и движение их на северо-восток, прослеживаемое по археологическим данным, хронологически совпадает с переселением Геродотовых невров.

О.Н. Мельникovская не определяет этнической принадлежности милоградовцев-невров, отдавая лишь предпочтение славянам перед балтами. В.П. Кобычев, не связывая невров с милоградской культурой, высказал предположение об их кельтском происхождении⁴⁰⁰. Хотя автор преувеличивал, замечая, будто «такое предположение хорошо согласуется с различного рода лингвистическими, историческими, археологическими и этнографическими данными»⁴⁰¹, мысль эта не так уж неосновательна. Название племени находит аналогию у кельтов (племя нервиев в Белгике Юлия Цезаря). Но связь здесь, видимо, косвенная, опосредованная. Археологические связи, в частности, указывают на юго-запад Европы⁴⁰². В сложении милоградовцев могли принять участие племена, отступавшие под напором кельтов на северо-восток. Это либо иллиро-венеты, либо славяне или родственные им племена. Иллирийское присутствие фиксируется как раз у верховьев Десны и Буга, хотя в целом топонимика области, занятой милоградовцами, конечно, славянская⁴⁰³. В то же время археологические исследования в Румынии позволили обнаружить по соседству с милоградской культурой чисто кельтские погребения IV в. до н. э.⁴⁰⁴.

Явно не балтское происхождение милоградской культуры, по существу, решает вопрос в том же направлении и в отношении зарубинецкой культуры. Балтской эту культуру можно было бы признать лишь в том случае, если бы можно было допустить приход зарубинцев из одной из названных выше балтских областей. Ничего подобного, однако, никто не пытался предложить, ибо все эти области продолжали вести свою весьма размеренную жизнью. Но и прямой связи милоградовцев с зарубинцами также не видно. На протяжении нескольких столетий они сосуществуют на одной и той же территории, причем,

399 О.Н. Мельниковская. Указ соч. С. 122–169.

400 В.П. Кобычев. Указ. соч. С. 30–32.

401 Там же. С. 30.

402 О.Н. Мельниковская. Указ. соч. С. 169. Автор отмечает «стойкие многовековые связи с юго-западом, традиционные пути влияния, а временами и передвижений населения» и говорит о «каком-то внешнем воздействии лужицкой культуры».

403 Ср.: О.Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. С. 287 (сводная карта). См. также: С. 271 и 278 (карты древних славянских и иллирийских топонимов).

404 Важное археологическое открытие: кельтский некрополь в Фынтене-ле-Нэсэуд // Румыния, Бухарест, 1974, № 4. С. 16–17.

будучи близкими, они не сливаются в единое целое⁴⁰⁵. Поэтому большинство исследователей полагает, что зарубинцы пришли на эту территорию извне.

С севера и востока, как отмечалось, зарубинцы прийти не могли. Появление их на территории милоградской культуры способствовало углублению различий между этой областью и соседними балтами. Не находится им места и на юге, в районе сложения лесостепных культур скифского времени⁴⁰⁶. Поэтому основное внимание специалистов обращено на запад, северо-запад и юго-запад.

С запада ведут зарубинцев многие польские археологи, что связано с общим представлением о славянской прародине на территории междуречья Одера и Вислы⁴⁰⁷. В нашей литературе указывалось на связь зарубинецкой культуры с поморской и восточной периферией лужицких культур⁴⁰⁸. В качестве возражений обычно указывают на различие зарубинецких и пшеворских памятников, хотя в последней поморские элементы представлены в большей степени⁴⁰⁹. Высказывались также мнения о возникновении зарубинецкой культуры на базе древних местных культур, как бы возрождавшихся после отступления скифов перед нападком сарматов⁴¹⁰.

В настоящее время большинство археологов сходятся на том, что специфику зарубинецкой культуры можно понять только с учетом влияния как местных, так и пришлых элементов. Это положение является верным для подавляющего большинства случаев. В отношении же зарубинецкой культуры оно особенно верно, поскольку не видно признаков отступления отсюда прежнего населения. Но это значит, что специфику культуры можно выявить прежде всего за счет пришельцев.

405 На автохтонном сложении зарубинцев на базе милоградовцев настаивал Л.Д. Поболь. Однако это мнение основывается на соображениях негативного порядка: поскольку культура ни с севера, ни с юга не выводится, — она сложилась на месте. Ср. Л.Д. Поболь. Указ. соч. С. 182. Но, как показывают О.Н. Мельниковская и П.Н. Третьяков, две культуры именно существуют, заметно отличаясь друг от друга. Ср.: О.Н. Мельниковская. Указ соч. С. 186. и др. П.Н. Третьяков в некоторых работах выражал сомнения в славянстве милоградовцев именно потому, что они отличались (хотя и не слишком значительно) от зарубинцев, которых автор считал бесспорно славянами.

406 Ср.: А.П. Смирнов. Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века КСИА, Вып. 94, 1963. С. 6.

407 J. Kostrzewski. Zagadnienie cięglosci zaludnienia ziem polskich w Pradziejach. Poznan, 1961. S. 103.

408 Ср.: Ю.В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры СА, 1960, № 1; его же: Зарубинецкая культура. С. 5. См. также: Д.А. Мачинский. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры КСИА, вып. 107, 1966 (автор более сложно представляет само западное влияние). В.В. Седов, разделяя мнение о поморском происхождении зарубинецкой культуры, самую поморскую культуру связывает с балтами.

409 Ср.: П.Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966. С. 215.

410 В середине XX столетия такой взгляд вытекал из общего представления о характере процесса этногенеза. А.И. Тереножкин попытался связать зарубинцев с белогрудовской и чернолесской культурой (Предскифский период на Днепровском Правобережье).

Возражая против мнения о поморском происхождении зарубинецкой культуры, Л.Д. Поболь отмечал, что в ней «очень мало элементов западных культур и несравненно больше юго-западных, кельтских. Черты кельтской и скифской культур наиболее рельефно видны в материалах зарубинецкой культуры»⁴¹¹. Типы сосудов, которые представляют нередко как специфические поморские, автор находит в гальштатских погребениях около Радомска, а также в захоронениях на территории Венгрии эпохи бронзы⁴¹².

Следует заметить, что Л.Д. Поболь придерживается мнения о местной, милоградской подоснове зарубинецкой культуры, а потому кельтское влияние рассматривается вне связи с этническими передвижениями⁴¹³. Местным (разным) культурам придавал решающее значение и Е.В. Максимов. Но и он отмечал, что «в придании всем трем районам зарубинецкой культуры более-менее единообразного облика важную роль сыграла латенская культура». Он отметил, в частности, что «влияние латена на зарубинецкую культуру проявляется в столовой чернолощеной керамике». «Формы зарубинецких чернолощеных горшков, мисок и кружек, — оговаривается автор, — представляют собой, в общем, явление оригинальное, но истоки их следует искать в латенской керамике и керамике провинциально-латенских культур. К числу заимствованных из арсенала латенских традиций относится также прием нанесения нескольких граней на внутренней стороне венчиков. Он может быть объяснен как подражание кельтской бронзовой посуде, имевшей угловато оформленные венчики»⁴¹⁴. Любопытно, что латенское влияние оказывалось более заметным в Среднем Поднепровье, чем, например, в северных и северо-западных районах зарубинецкого ареала. На этом основании автор делает вывод о непосредственной связи Приднепровья с областями обитания кельтов в Причерноморье и на территории Румынии⁴¹⁵.

Внешнее воздействие при образовании зарубинецкой культуры должно рассматривать на фоне событий во всех прилегающих к ее территории областях. Правда, положение несколько осложняется тем, что исследователи весьма неодинаково определяют хронологические рамки существования культуры: от

411 Л.Д. Поболь. Указ соч. С. 180.

412 Там же. Ср.: Ю.В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. С. 284, рис. 4.

413 Отмечая, что «племена зарубинецкой культуры в юго-западной части своего ареала установили связи с кельтами еще во времена бытования раннелатенских форм», автор полагал, что это «не имеет прямого отношения к этногенезу зарубинецкой культуры» (Л.Д. Поболь. Указ. соч. С. 181).

414 Е.В. Максимов. Указ. соч. С. 127–128.

415 Там же. С. 128. Ср.: Ю.В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы СА, 1959, № 1. С. 31 и далее.

двух до шести столетий⁴¹⁶. Но в основном время ее появления совпадает с распространением с юго-запада фибул и датирование культуры в значительной степени сводится к датированию этих фибул. Наиболее ранние из них, видимо, относятся ко времени рубежа III–II столетия до н. э.⁴¹⁷.

Указанное время оказывается свидетелем ряда крупнейших катаклизмов на смежных со Средним Поднепровьем территориях. Остатки скифов отступили к Придунайской области, а частично, видимо, бежали и в северные лесные районы. Примерно в то же время происходят драматические события и на юго-западе от Среднего Поднепровья. Возникшее в 279 г. до н. э. сильное кельтское объединение на территории Фракии было в 212 г. до н. э. разгромлено фракийцами. Если скифы перед нападком сарматов отступали в основном на юг, то у кельтов не было иных путей, как в ту же приморскую часть черноморского побережья, а также — и, видимо, прежде всего — в относительно глухие северные и северо-восточные области, смежные с Фракией. Именно с конца III в. до н. э. появляется значительное количество латенских поселений в Закарпатье⁴¹⁸. Несколько позднее латенский налет появляется на вновь формирующихся пшеворской и зарубинецкой культурах.

Не исключено, что некоторое движение началось и из поморских областей. Однако такое движение все-таки приходится в основном на более позднее время. Пока же и сами позднелужицкая и поморская культуры должны были принять определенное количество латенских беглецов, что, как отмечалось, нашло отражение в антропологии этого района.

Существовавшая на протяжении всего двух поколений крупная кельтская держава на Балканах не была, конечно, однородной в этническом отношении. Здесь, очевидно, сохранялись иллирийские и дако-фракийские племена. Здесь оставалось также славянское или родственное славянам население. Разгром кельтской державы вызвал передвижение и племен, ранее входивших в ее состав. Распространение латенских фибул и других кельтских или кельтского типа изделий на рубеже III и II вв. до н. э. как бы указывает направления, по

416 Ю.В. Кухаренко датировал культуру I в. до н. э. — I в.н. э. Л. Д. Поболь отвел ей рамки с III в. до н. э. по II в. н. э., а в лесной зоне до V в. (Ср.: Л. Д. Поболь. Указ. соч. С. 173–175. 178–179). Наиболее распространенным является датирование культуры II в. до н. э. — II в.н. э.

417 Ср.: Л.Д. Поболь. Указ. соч. С. 117. Автор полемизирует с мнением А.К. Амброза, несколько омолаживавшего латенские фибулы. (Ср.: А.К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР САИ, вып. Л1—30. М., 1966, табл.16).

418 Ср.: Л.И. Крушельницкая. Кельтский памятник в Верхнем Поднепровье. КСИА, вып. 105. М. 1965; В.И. Бидзиля. Латенская культура на территории Закарпатья. Автореф. Канд дис. Киев, 1966; его же: Латенська культура в Закарпатті Археологія Української ССР. Т. III. Київ, 1975. С. 24–32; Д.А. Мачинский. Кельты на землях к востоку от Карпат Археологический сборник, вып. 15. Л., 1973.

которым передвигались отдельные племена или остатки разгромленных групп. Судя по характеру зарубинецких погребений, собственно кельты на эту территорию не проникали: у кельтов был смешанный обряд погребения, а у зарубинцев и у милоградовцев — трупосожжения. Но Киевское Приднепровье может составить и исключение. Здесь латенского типа изделий относительно больше, появляются они раньше, чем в северной части ареала, и наряду с трупосожжениями здесь спорадически встречаются трупоположения. Удельный вес их небольшой, и они не представляют компактной группы⁴¹⁹. Независимо от того, были ли они скифами или кельтами, они теперь сами искали защиты у местного населения или у племен, недавно им подвластным, а теперь отступавшим на новые территории.

Зарубинецкая культура, по выражению П.Н. Третьякова, «отразила все то новое, что принес в Европу «второй (средний) железный век», наиболее ярким выражением которого была среднеевропейская кельтская (латенская) культура»⁴²⁰. Еще до прихода зарубинцев на этой территории (в частности у милоградовцев) наблюдались изменения в общественном укладе, все более отдалявшие их от соседних балтских племен, остававшихся на стадии «периода поселений-городищ». Теперь это различие заметно усилилось.

Не вполне ясен характер взаимоотношений пришельцев с местным населением. Автохтонисты обычно подчеркивают элементы преемственности, причем в разных местах новая культура приобретает различный оттенок именно под воздействием субстрата. П.Н. Третьяков, напротив, полагал, что скорее всего милоградовцы были вынуждены покинуть свои поселения и городища в результате военных поражений⁴²¹. Процесс этот, по мнению автора, растянулся

419 Е.В. Максимов. Указ. соч. С. 100 (табл.7), 103–105. В пользу кельтского происхождения этих трупоположений, возможно, говорят находки черепов, что естественнее всего связывается с отмеченным выше кельтским культом голов (Ср.: Н.Н. Погребова. О некоторых исследованиях в области археологии раннего железного века за рубежом СА, 1958, № 3). Положение, правда, осложняется тем, что большинство голов относятся к детским погребениям и допускается мысль о том, что остальные кости просто истлели. (Ср.: В.П. Петров. Черняховский могильник МИА, № 116. М., 1964. С. 71.) Но может это быть связано и с культовым жертвоприношением детей, о чем говорят позднейшие византийские авторы, характеризуя русских «тавроскифов». Следует отметить, что для прикарпатских кельтов были характерны не трупоположения, а трупосожжения с захоронениями останков в урнах под курганами. (Ср.: В.И. Бидзилия. Латенська культура... С. 29–30. Автор оговаривается, что могильники слабо изучены). Латенские трупосожжения в урнах зафиксированы в Среднем Поднепровье, причем одно из них датируется III–II вв. до н. э., как бы предшествуя времени зарождения зарубинецкой культуры. Очевидно, кельтское население сюда проникло, хотя и не было определяющим. Самы трупоположения располагались по окраинам могильников и были крайне бедны по инвентарю. (См.: Д.А. Мачинский. О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов КСИА, вып. 133. М., 1973.)

420 П.Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. С. 32.

421 Там же. С. 33.

на ряд поколений, поскольку зарубинецкий слой на милоградских городищах появляется в южных районах гораздо раньше, чем в северных.

П.Н. Третьяков предположил, что милоградовцы отступили в район Днепро-Деснинского междуречья. Вероятно, в какой-то степени так и было. Но основная (во всяком случае значительная) часть населения осталась на месте, поскольку племена обеих культур в течение длительного времени жили чересполосно. Значительное сходство в облике их культуры и погребального обряда позволило О.Н. Мельниковской высказать предположение, что и по языку эти племена были родственными, причем язык этот нет оснований связывать с балтами. Автор склонна признать их славянами, но окончательное решение вопроса справедливо поставлено в зависимость от атрибуции зарубинецких племен⁴²².

Все исследователи отмечают и такие черты, которые характеризуют культуру в целом. Очевидно, в результате довольно длительной борьбы пришельцев и автохтонного населения сложилась новая этносоциальная структура. Основное содержание этого процесса, видимо, верно определил П.Н. Третьяков⁴²³.

На территории зарубинецкой культуры происходил распад патриархально-общинных отношений и шло становление новой организации, каковой в этих условиях мог быть союз племен или даже ранняя государственность.

Важной особенностью зарубинецких и пшеворских поселений являлось то обстоятельство, что они были неукрепленными. В ранний период существования культуры для жилья выбирали малоудобные, но легче защищаемые высокие отроги оврагов или мысы на речных берегах. Укрепленные городища сохранялись в пограничных районах Среднего Поднепровья. Но по мере утверждения новой культуры на всей территории население спускается в более удобные для жилья долины. Это было возможно только при условии, что какая-то организация брала на себя функции защиты населения от возможных нападений извне и изнутри, со стороны других племен или родов. Небольшие однокамерные жилища свидетельствуют о том, что ячейкой нового общества являлась малая семья. Поселения состояли из довольно значительного количества таких домов, чем они также отличались от предшествовавших им небольших городищ. Новая община была, очевидно, уже

422 О.Н. Мельниковская. Указ соч. С. 179–188.

423 П.Н. Третьяков. Там же. С. 33. Ср. также Л.Д. Поболь. Указ соч. С. 162–163 (элементы рабовладения у зарубинцев и др.)

не кровнородственная, а соседская, поскольку складывались эти общины из относительно разнородных элементов (пришлых и местных). Здесь заметно проявляется качество, которое будет на протяжении многих веков отличать славянство: территориальная община и способность легко ассимилировать иноязычные племена. Но столкновение племен вело и к социальному расслоению, которое сближало племенные верхушки и противопоставляло их основной массе рядовых соплеменников.

Интересным памятником высокой общественной организации в Среднем Поднепровье являются так называемые Змиевы, или Трояновы валы. Сооружение оборонительных валов — явление довольно распространенное в Древнем мире. Тем не менее таким фактам обычно придавалось особое значение древними авторами, и всякий раз их появление было связано с чрезвычайными обстоятельствами. Еще Геродот упоминает киммерийские укрепления⁴²⁴. Таковым является вал, возведенный киммерийскими племенами Восточного Крыма в связи со скифским вторжением. Этот вал на протяжении столетий ограждал местное земледельческое население от кочевников⁴²⁵. Сооружали валы также древние римляне, особенно в последний период существования империи. Так, видимо, в III–V вв. были насыпаны тоже Змиевы, или Трояновы валы в Румынии и Молдавии⁴²⁶. Валы эти использовались дважды: в одном случае для обороны южных земель от нападений северо-восточных соседей, в другом — для обороны северо-восточного населения от нападений с юго-запада. В результате рвы, сопровождавшие валы, имеются и с той и с другой стороны. Сооружали валы и кельты, и А.А. Шахматов полагал, что именно у них славяне заимствовали само слово «вал»⁴²⁷. В 512 г. была построена часто упоминаемая в византийских источниках «длинная стена», прикрывавшая подступы к Константинополю⁴²⁸.

424 Геродот. История. С. 190. См. также: Страбон. География. С. 469.

425 В VI–IV вв. до н. э. здесь проходило своеобразное разделение культур и по способу погребения. Ср.: И.Т. Кругликова. Каменные ящики у дер. Рыбное, Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; А.А. Масленников. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма // КСИА, вып. 145. М., 1978. О.Н. Трубачев, разделяя сиидов и киммерийцев, обращает внимание на этноразграничитывающее значение валов. Ср.: О.Н. Трубачев. О сиидах и их языке. С. 40–41.

426 А. Бодур. Троян «Слова о полку Игореве» ТОДРЛ. Т. XV. М.-Л., 1958. С. 24. Г.Б. Федоров, полемизируя с Р. Вульпе, датирует молдавские валы II в. Но главным его аргументом являлось убеждение, что «само название вала — Троянов, связывает его прежде всего с именем императора Ульпия Траяна, что указывает на сооружение вала во II в. н. э.» (Г.Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. М., 1960. С. 77. См. там же С. 71–80. В данном случае, однако, это не может служить аргументом, поскольку «Трояновыми» (а не «Траяновыми») именуются разные валы, в том числе приднепровские, и нужно еще доказывать, что речь идет о римском правителе, а не о каком-то местном правителе, в частности легендарном родоначальнике русских князей из «Слова о полку Игореве».

427 А.А. Шахматов. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. С. 47 (кельтское *valo*).

428 Ю. Кулаковский. История Византии. Т. I. Киев. 1910. С. 469; С. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950. С. 374.

Земляные валы оказывались почти непреодолимым препятствием для кочевников. Как минимум необходимо было сделать в валах проходы для конницы. У оседлого населения появлялось необходимое время для организации обороны. Насколько это было эффективно, видно хотя бы из того, что киммерийский вал в Восточном Крыму в течение многих веков разделял скифов-кочевников от земледельческого населения (в послекиммерийское время таковыми были меоты и синды).

Остатки Змиевых-Трояновых валов в Приднепровье сохраняются до сих пор. Еще В. Антонович обратил внимание на то, что «географическое расположение валов и положение сопровождавших их рвов указывает на то, что валы возведены были для защиты от кочевников той территории, в центре которой лежал Киев»⁴²⁹. Автор отметил примечательную их особенность: они составляют пять концентрических линий. Самая длинная линия проходит вдоль реки Роси. Начинаясь недалеко от устья, она идет мимо Корсуня к Белой Церкви, пересекает приток Роси Каменку, переходит на Раставицу, затем поворачивает к северу, достигая южнее Радомысля берегов Тетерева. Вторая линия идет от Триполья по реке Красной, третья также от Триполья по правому берегу Струги, четвертая по ее левому берегу. Пятой линией Антонович считал полукруг у Киева в 18–20 км радиусом⁴³⁰.

В. Антонович убедительно показал, что валы тянутся «главным образом по южной границе старой полянской территории» и что ров всегда оказывается со стороны, противоположной Киеву и Переяславлю⁴³¹. Но он связывал землю полян только с киевским временем, а потому относил сооружение валов ко времени Владимира, т. е. к концу X — началу XI вв. Из общих соображений XII–XIII вв. датировал вал, тянувшийся от Днепра до Буга, Н.П. Барсов⁴³². В.Г. Ляскоронский сооружение аналогичных валов на Левобережье Днепра связывал еще со скифской эпохой, исходя из находок скифской и древнегреческой поры в районах, примыкающих к валам⁴³³. Но здесь находятся и памятники более ранних культур, а также позднейших эпох, и неясно, к какой из них могут быть отнесены валы.

Лишь мимоходом коснулся Змиевых валов известный специалист по древнерусскому зодчеству П.А. Раппопорт. Он отметил, что это памятники не

429 В. Антонович. Змиевые валы в пределах Киевской земли Киевская старина, 1884. Т. VIII, март. С. 369.

430 Там же. С. 356–357.

431 Там же. С. 358.

432 Н.П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 299.

433 В.Г. Ляскоронский. Городища, курганы, майданы и длинные (Змиевые) валы в области Днепровского левобережья. М., 1911. С. 82. (Отт. из «Трудов XIV Археологического съезда». Т. III.)

киевской, а «другой, гораздо более древней эпохи»⁴³⁴, и естественно, оставил их вне сферы своих исследований. В то же время И.П. Русанова, не останавливаясь специально на этом вопросе, полагала, что вал по Стугне являлся оборонительным рубежом X, а вал по Роси — укрепленной линией XI в.⁴³⁵.

Довольно обстоятельной работой, в которой рассматриваются приднепровские валы, является исследование польской специалистки Е. Ковалчик. Автор связала валы с киевским периодом истории Приднепровья и датировала временем с конца VIII по XIII в.⁴³⁶. Соображения эти, однако, также носят умозрительный характер, поскольку в распоряжении автора не было полевого материала. Последний в значительной мере появился в разысканиях А.С. Бугая. Автор не исключал использование валов в киевское время, но отнес сооружение их ко времени около рубежа н. э.⁴³⁷.

Исследования приднепровских валов далеко не завершены, и итоги подводить рано. В летописях валы (в районе Триполья и Стугны) упоминаются под 1093 г. в связи с нападением половцев⁴³⁸. Оборонительного значения они в этой связи как будто не имели. То же относится к упоминанию валов 1095 г.⁴³⁹ Для половецкой конницы они, однако, представляли непереходимое препятствие, и набеги, очевидно, совершались через разрушенные участки древних валов (в основном по Правобережью, поскольку у Переяславля валы непроходимы для конницы и в наше время). Но во времена Владимира их еще и укрепляли. По сообщению Бруно, отправившегося в 1008 г. с миссионерскими целями к печенегам, русские владения были отделены от печенежской степи укрепленной линией⁴⁴⁰. Возникли валы, конечно, раньше. Использование же их в киевское время может свидетельствовать об определенной преемственности либо в политической жизни, либо в исторических судьбах этого района.

Приднепровские валы могли разделять лишь земледельческое и кочевое население. Для их сооружения требовались высокая организация и достаточно высокий технический уровень. Почти наверняка можно говорить о

434 П.А. Раппопорт. Древнерусские крепости. М., 1965. С. 39.

435 И.П. Русанова. Курганы полян X–XII вв. САИ, вып. El -24. М., 1966. С.,10, 12, табл.4 и 5.

436 Е. Kowalczyk. Waly Zmijowy // Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa, 1969, № 2, s. 141–181.

437 А.С. Бугай. Зміїви вали Київщини, У1Ж, 1970, № 6. Позднее автор предпринял поиски древесных остатков в насыпях валов, и это принесло определенные результаты: подтверждается существование некоторых из них около начала н. э. Необходима, однако, классификация разновременных сооружений, а это не по силам отдельным энтузиастам. Вероятно, что в центре системы укреплений находился не Киев, а какое-то иное поселение. Л. Добровольский обратил внимание на расположенный южнее Киева Вито-Ходосовский вал, окаймляющий территорию в 2 тысячи гектар. (Л. Добровольский. Забуті межі давньої Київщини історично-топографічна студія // Записки Українського наукового товариства в Києві, Кн. III, 1909. С. 54–78).

438 Л.С. 212.

439 Там же. С. 219.

440 Ср.: Г.Е. Кочин. Памятники истории Киевского государства IX–XIII вв. Л., 1936. С. 76.

чрезвычайных обстоятельствах, потребовавших отвлечения колоссальных сил и средств для создания сплошного заслона на пути кочевников. Если же учесть к тому же ограниченность числа культур, территории которых совпадает с линией, очерченной валами, можно рассчитывать на позитивное решение вопроса и без основательных археологических разысканий, которые не так легко осуществить.

Земляные укрепления поселений появляются уже на поздних этапах существования трипольской культуры. Движение на северо-запад коневодов среднестоговской культуры в конечном счете явилось важнейшей причиной гибели трипольского общества, просуществовавшего почти два тысячелетия. Но, не разбирая вопроса о технических возможностях населения эпохи неолита (они, может быть, не так уж и ограничены, о чем свидетельствуют и мегалитические сооружения), должно отметить, что трипольская культура не выходит за пределы Правобережья Днепра. Валы же простираются и на значительной части Левобережья.

В последующий период существуют культуры, которые включают территории по обе стороны линий валов. Лишь с вторжением скифов в Приднестровье складывается ситуация, напоминающая эпоху триполя. Но характерная для этого времени чернолесская культура выходит южнее ареала приднепровских валов, и признаков противостояния ее степным пришельцам не видно. Правда, далее всего на север скифы проникали по Левобережью, а не по Правобережью Днепра. На Правобережье устойчивее сохраняются местные традиции и местное население. Однако это население довольно скоро втягивается в то хозяйственное и политическое объединение, которое возникло в результате скифского вторжения. «В течение почти четырех столетий, — заметила В.И. Ильинская, — население лесостепи оказалось вовлеченным в сферу политического, экономического и культурного влияния со стороны степного скифского мира. Ни до этого, ни на многие века позднее, после падения скифского могущества, население степной и лесостепной зоны Северного Причерноморья не было объединено в столь прочное культурно-политическое объединение, как в период от VII–VI до конца IV и начала III вв. до н. э.»⁴⁴¹.

Безусловно нужны оговорки: наши знания об отдаленных эпохах, и тем более о конкретных ситуациях, складывавшихся на протяжении даже нескольких поколений, крайне недостаточны для уверенных заключений.

441 В.А. Ильинская. Раннескифские курганы. С. 171.

Весьма вероятно, что традиция укреплений жила здесь еще от трипольского времени. Но реальная потребность и возможность их сооружения ведет в эпоху второго железного века, когда в степи Причерноморья вторглась новая волна кочевников, значительно уступавших по уровню культуры предшествовавшему степному и земледельческому населению. Речь идет о сарматских племенах.

Для всех древнейших цивилизаций варвары представляли наибольшую опасность своей политической аморфностью. С варварами нельзя договориться, и почти с каждым племенем необходимо иметь дело заново. Более организованное общество либо наступает, используя свое превосходство, как это было на заре многих рабовладельческих государств, либо откупается и отгораживается от варваров в эпохи кризисов или просто перед лицом превосходящих сил. Именно в последние столетия существования Римская империя ограждает себя линией валов, используя для их сооружения труд рабов или подвластного ей населения. И в Приднепровье валы сооружались обороныющейся стороной, стороной относительно цивилизованной, противостоящей варварскому кочевому миру.

В докиевский и послескифский периоды имеются только две культуры, с которыми можно связывать строительную деятельность такого масштаба: Зарубинецкая и Черняховская. Яркая Черняховская культура, несомненно располагавшая значительным экономическим и производственно-техническим арсеналом, может рассматриваться в числе первых претендентов на роль создателя нескольких поясов оборонительных сооружений. Именно к ее эпохе относится сооружение валов в Румынии и Молдавии, причем они, как отмечалось, использовались дважды, т. е. один раз, видимо, приднестровскими черняховцами. Но Среднее Поднепровье в это время не было этноразделяющей областью. Здесь сложился локальный вариант той же Черняховской культуры, которая достигает Причерноморья.

Не очень точный, но возможный в данном случае метод исключения приводит к зарубинецкой культуре, к которой ведут и предварительные археологические оценки. Именно территория зарубинецкой культуры соответствует линиям оборонительных валов. Ясен и противник, от которого хотели таким образом отгородиться. В III в. до н. э. сарматы разгромили скифов и нанесли тяжелейшие удары по Среднему Поднепровью⁴⁴². Однако некоторое время спустя здесь появляется культура зарубинецкого облика и район снова довольно плотно заселяется. Даже у границ с коварной степью зарубинцы

442 Ср.: Д.А. Мачинский. О культуре Среднего Поднепровья... С. 4.

покидают укрепленные городища и спускаются на более удобные для жилья приречные долины. Это было возможно только в том случае, если безопасность гарантировалась. Внутри культуры, очевидно, это обеспечивалось государственного плана институтами, от внешних врагов защищали валы.

Зарубинецкая культура оказалась отгороженной от южных соседей не только в прямом, но и в переносном смысле. Начало культуры более яркое, чем ее продолжение. Вначале на поселениях встречается большое количество кельтских и причерноморских вещей (из греческих колоний, в частности, поступали амфоры, видимо, с вином). Разрыв связей с югом и юго-западом из-за сарматского вторжения с востока и римского наступления с запада не мог не сказаться на функционировании хозяйственного организма. Оттесненная из южных пределов плодородной лесостепи, а также от богатых ископаемыми предгорий Карпат и от южных культурных центров, зарубинецкое объединение подвергалось постепенной варваризации. Этот процесс продолжался и после гибели самой культуры и оттеснения самой культуры на восток и северо-восток⁴⁴³.

В пользу славянства зарубинецкой культуры говорят теперь уже довольно многочисленные данные, поскольку найдены памятники второй четверти I тыс. н. э., которые являются как бы переходными от зарубинецких к бесспорно славянским⁴⁴⁴. Расселяясь по балtskим территориям, зарубинцы-славяне прерывали тысячелетнее однообразие развития этих областей. Но и сами они во многих районах попадали под влияние балтов, в известной мере утрачивая ранее достигнутый уровень. Новые территории требовали иного способа хозяйствования, и нужно было значительное время для достижения прежнего уровня. К тому же на новых территориях славяне вряд ли были господствующей силой. Уходя со старых территорий сравнительно небольшими группами, они должны были приспосабливаться к форме организации местных племен и в итоге утрачивали преимущество широких межплеменных объединений и вообще устойчивой системы обмена производственным опытом.

Гибель зарубинецкой культуры привела к постепенному освоению славянами верховьев Днепра и бассейна Десны. В свое время скифы продвинулись далеко на север по Левобережью Днепра, в то время как на

443 Ср.: П.Н. Третьяков. Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей // МИА. № 160, Л., 1959. С. 15.

444 Там же. С. 13–16. «Связующему звену» между зарубинецкой культурой и древностями летописных племен посвящен специальный сборник под ред. П.Н. Третьякова. См.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

Правобережье этническая граница мало менялась. Теперь славяне, отступая с Правобережья в северном и северо-восточном направлении, возвращаются на юг днепровским Левобережьем. В бассейне Десны и Сейма они оказались действительными «северянами».

Зарубинецкая культура просуществовала не так долго, чтобы могли нивелироваться племенные различия, в частности разных волн славянского населения, приходившего с запада и юго-запада. Этим может объясняться отмечаемое специалистами возрождение элементов милоградской культуры. Какая-то их часть давно проникла на днепровское Левобережье южнее ареала зарубинцев. Вызывает интерес, в частности, особая культура района впадающей в Днепр реки Ворсклы. Здесь возник как бы остров доскифского населения, окруженный пришельцами с юга. В литературе отмечалось, что эти поселения генетически связаны с чернолесской культурой⁴⁴⁵. Здесь находилось самое крупное в Восточной Европе Вельское городище, размеры которого превышают 4000 гектаров⁴⁴⁶. Весьма вероятным представляется отождествление этого городища с городом гелонов Геродота⁴⁴⁷. Язык населения чернолесской культуры неизвестен. Но соображения А.И. Тереножкина о его славянской природе не лишены основания⁴⁴⁸. В пользу этого говорит и способ погребения, перекликающийся с погребениями лужицкой культуры и восточногальштатской области, и полоска славянских гидронимов, проникающая с Правобережья на Ворсклу⁴⁴⁹.

Население чернолесской культуры, конечно, не было однородным в языковом отношении. Даже на территории Вельского городища совмещаются,

445 Ср.: Г.Т. Ковпаненко. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967; Е.Ф. Покровская. Предскифское поселение у С. Жаботин / СА, 1973, № 4. С. 186–188.

446 Ср.: Б.А. Шрамко. Восточное укрепление Вельского городища Скифские древности. С. 111. Автор называет цифру в 4020 га. Здесь же — сравнительные данные: площадь Ольвии — 50 га, Херсонеса — 26,5 га, крупнейшие кельтские опидумы в Европе Кельхайм и Манхинг — 650 и 400 га.

447 Там же. С. 112. Его же. Крепость скіфской эпохи у села Бельск — город Гелон Скифский мир. См. также: М.И. Артамонов, этнография Скифии. Ученые записки ЛГУ» № 85. Серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949. С. 162; В.Д. Блаватский. О северной окраине Скифии Геродота // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 32. Главным аргументом в пользу отождествления Вельского городища с городом гелонов является почти совпадающая с описанием Геродота величина городищенских укреплений. Геродот называет 300 стадий на одной ступе, что в сумме для четырех стен даст 25 км. Овальная длина валов — около 26 км. Еще В.А. Городцов обнаружил следы деревянных сооружений на валу. Б.А. Шрамко убедительно подтвердил, что на валу были деревянные укрепления, и это также соответствует описанию Геродота. Город явно был хорошо известен в греческом причерноморском мире. Многочисленные материалы на городище говорят о связях населения с греческими городами. В свою очередь и жители городища умели обрабатывать различные металлы, которые производились на месте из привозной руды. На Вельском городище жизнь продолжалась с VII по III в. до н. э. и традиция давних связей с городом могла породить записанную Геродотом легенду, будто гелоны — выселившиеся на север эллины.

448 А.И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье / Вопросы скіфо-сарматской археологии. С. 109–110.

449 Ср.: О.Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. С. 271 (карта архаических славянских гидронимов).

по крайней мере, два разных типа погребений, и материальная культура его восходит к разным традициям. Родственный славянам этнический компонент имеет явно западное происхождение, связываясь с карпато-дунайским миром. Другой компонент может быть связан с населением, восходящим еще к киммерийским временам⁴⁵⁰.

Таким образом, к рубежу н. э. в Приднепровье просматривается несколько отличающихся друг от друга культур, население которых говорило на языках славянского облика. В контактных зонах происходили процессы взаимоассимиляции, складывалось двуязычие (именно это должно иметь в виду, когда Геродот говорит о знании скифского языка гелонами), воздействие языков друг на друга. В разных условиях довольно заметно различались и темпы развития славянских и родственных им племен. Более развитые или более сильные выступали на стадии перехода к военной демократии в качестве гегемонов и завоевателей и по отношению к своим родичам. Но наряду со славянскими в Приднепровье сохранялись и иные языки. На севере и востоке — это были прежде всего разные диалекты балтских языков, на юге и юго-востоке — иранские, в Прикарпатье — дако-фракийские и кельтские. Неславянские, в том числе очень древние племена, сохранялись и на основных славянских территориях в Поднепровье.

Решение вопроса в пользу славянства зарубинецкой культуры в значительной мере предрешает и вопрос о пшеворской культуре как одной из основных славянских территорий конца I тыс. до н. э. и первых веков н. э. В связи с этой культурой обычно возникают проблемы выделения в ней германских элементов⁴⁵¹. Но следовало бы уточнить, о каких элементах идет речь. Германские элементы ищут в пшеворской культуре, исходя из общего представления о том, будто на Балтийском Поморье накануне н. э. обитали только венеды и германцы. Между тем этническая карта Прибалтики была гораздо более пестрой, причем германские элементы не составляли здесь преобладающего начала.

Одним из племен, начавших «исход» из Прибалтики на юго-восток, были бастарны. К концу III в. до н. э. бастарны занимали значительные территории от Карпат до Нижнего Дуная, по течению реки Прут. При определении их этнической принадлежности обычно рассматривается альтернатива: германцы или кельты. К германцам бастарнов относили многие немецкие ученые, но

450 Ср.: Б.А. Шрамко. Исследования лесостепной полосы УССР // Археологические открытия, 1966 г. М., 1967. С. 200; его же: Крепость скифской эпохи.... С. 119.

451 Ср.: П.Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. С. 24–25.

именно это обстоятельство и обесценивает данную точку зрения. Бастарны какое-то время возглавляли в придунайских областях значительный союз племен, а мимо таких фактов традиционная германистика равнодушно не проходила. Для доказательства германоязычия бастарнов нередко ссылаются на Страбона и Тацита. Но Страбон не причисляет их к германцам даже и географически⁴⁵². Тацит же гораздо больше склонен признать германцами венедов, нежели бастарнов⁴⁵³. Кельтами признают бастарнов Полибий, Тит Ливий, Плутарх⁴⁵⁴.

Археологически бастарны изучены слабо. С ними связывают культуру Поянешты-Лукашевка⁴⁵⁵. Поскольку эта культура стоит неизмеримо ниже центральноевропейских кельтских культур, Д.А. Мачинский «согласился» отдать ее германцам⁴⁵⁶. Но это, конечно, не решение вопроса. Погребальный обряд бастарнов напоминает поморский (трупосожжения в урнах, покрытых сосудом), т. е. область балтийских венедов. В именах бастарнов никаких признаков германизмов нет: в них проявляется влияние кельтской и балканской антропонимии⁴⁵⁷.

В аргументации Д.А. Мачинского проявляется естественное представление о связи культуры с языком. Но уровень, достигнутый центральноевропейскими кельтами, вовсе не был обязательен для всех племен, говоривших на языках кельтской группы. С одной стороны, не все кельты вошли в центральноевропейское объединение, а с другой — у кельтов может быть более чем у других европейских племен заметны «перепады» — смена подъемов культуры «варваризацией».

На Балтийском Поморье, как отмечалось, на рубеже н. э. еще сохранялся отличный от собственно кельтского венетский язык. Вместе с тем сюда издавна проникало и кельтское влияние, а ряд племен, по-видимому, говорили на диалектах кельтского языка. И если у бастарнов прослеживаются какие-то

452 Страбон. География. С. 96, 119 (bastarni отличаются от германцев). В другом месте, правда, говоря, что бастарны граничат с германцами (там же. С. 280), он *предполагает*, что «bastarni также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен». Но среди этих племен оказываются и роксаланы, народность, конечно, не германская.

453 Тацит. Соч. Т. I. С. 372. Бастарны причисляются к германцам после оговорки, что автор не знает, причислить ли их к германцам или сарматам. Германия здесь представлена как альтернатива сарматам. Венеды, перенявшие что-то от певкинов-bastarнов (в негативном плане), скорее могут быть причислены к германцам, потому что «сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими» (там же. С. 372–373).

454 Ср.: З. Мади. Припонтийские кельты Античное общество. М., 1967. С. 179–182.

455 Д.А. Мачинский. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка Археология стран Старого и Нового Света. М., 1966. С. 82–96.

456 Его же. Кельты на землях к востоку от Карпат. С. 53–54.

457 З. Мади. Указ. соч. Балканскими могут быть имена с суффиксом «ст» (Аристо, Плист. Ср.: Б.М. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях ВДИ, 1939, № 3. С. 299).

кельтизмы в языке, то их необязательно связывать с центральноевропейскими кельтами. Такую окраску их язык мог получить и в Прибалтике.

На рубеже III и II вв. до н. э. ольвийский декрет в честь Протогона упоминает крупные силы «галатов и скирров», незадолго до этого угрожавших городу. «Жестокости галатов» опасались также скифы и другие причерноморские племена⁴⁵⁸. Высказывалось мнение, что под «галатами» в данном случае имелись в виду бастарны⁴⁵⁹. Галатами греческие авторы именовали кельтские племена, причем о составе угрожавшего Ольвии союза они получили достоверные сведения от перебежчиков⁴⁶⁰. Существенно также, что ветвь бастарнов — певкины при крещении просили себе епископа из Галатии, что имело смысл только при языковой близости тех и других. Что касается скирров, то одноименное племя упоминается в Южной Прибалтике. Очевидно, они также входили в первую волну колонизационного движения от Прибалтики на юг и юго-восток. Их древности не выявлены, и обычно они сближаются либо с бастарнами, либо с причерноморскими иранскими племенами, либо с германцами. Если учесть, что этоним известен также в Прибалтике, их, как и бастарнов, следует связывать с поморской культурой и этнически с прибалтийскими венетами. Противоречия источников в определении их этнической принадлежности, видимо, из того и проистекает, что язык венетов был настолько близок к кельтским, что его можно было признать за «галатский», и настолько отличался от него, что его можно было назвать «германским», т. е., в данном случае, просто не-кельтским. Самое разделение «галатов» и «скирров» как разных, очевидно, и по языку племен может указывать и на разную степень кельтской окраски языка и культуры пришельцев. С другой стороны, кельты придунайской области (если нападение на Ольвию приходилось на время после 212 г. до н. э.) после разгрома их государственного образования должны были искать прибежища у соседних нейтральных племен, каковыми в это время и являлись бастарны⁴⁶¹.

458 B.Latyshev. *Inscriptiones oraesepentrionalis Ponti Euxini*. Petropoli, 1916, 1, № 32. 85 F. Stahelin. *Der Eintritt der Germanen in die Weltgeschichte // Festschrift zum 60. Geburtstage von Th. Pluss*. Basel, 1905, S. 46–56. В немецкой литературе преобладает представление, что бастарны в данном случае ошибочно названы галатами (ср.: П.О. Карышковский. Истрия и ее соседи на рубеже III–II вв. до н. э. ВДИ, 1971, № 2. С. 53, прим. 102). З. Мади (указ соч.) склонен считать это название соответствующим действительности.

459 Там же.

460 Ср.: И.О. Карышковский. Указ. соч. С. 53.

461 Декрет в честь Протогена датируется рубежом III–II вв. до н. э., т. е. после разгрома образования придунайских кельтов. (Ср.: Т.Н. Книнович. К вопросу о датировке Ольвийского декрета в честь Протогена /, ВДИ, 1966, № 2). Но об угрозе со стороны галатов говорится как о факте прошлого, что может быть отнесено ко времени как до, так и после 212 г. до н. э. С другой стороны, не случаен наплыv кельтских вещей в Причерноморье (равно как и в области пшеворской и зарубинецкой культур) именно во II в. до н. э., а не ранее, когда существовали мощные кельтские объединения в Центральной Европе и на Дунае.

Таким образом, с конца III в. до н. э. по всему юго-западному ареалу Среднего Поднепровья располагаются племена и этнические группы кельтического и поморско-балтийского происхождения. Просачиваются они и в самое Приднепровье. Несколько позднее в этом же направлении продвигаются и дако-фракийские племена, отходящие под натиском римлян. К последним, в частности, относится липицкая культура первых веков н. э., существовавшая относительно короткое время в Северном Поднестровье⁴⁶².

Вторжение сарматских племен в Причерноморье привело к ряду передвижений и в другом направлении: с востока на запад и северо-запад. В то время, как остатки скифов, тавров и других древнейших наследников этого района, искали защиты у греческих городов-государств или просто в районах неудобных для кочевий, пришедшие в движение кочевые племена проникали все далее на запад, смешиваясь с другими варварскими племенами или сдвигая их с насиженных мест. Среди пришельцев возвышались то одни, то другие племена, возникали союзы, называемые обычно по какому-то преобладающему в данный момент племени. Некоторые племенные наименования позднее послужили основанием для создания концепций начала Руси или, по крайней мере, происхождения имени «Русь»⁴⁶³. Имеются в виду прежде всего аорсы и роксаланы. Аорсы — ираноязычные племена, обитавшие до н. э. в низовьях Волги и далее на восток. Во II–III вв. н. э. это название вытесняется именем «аланы», коих будут называть также и «русами» (об этом речь пойдет ниже). Как бы оба названия соединило в себе племя «роксаланов»⁴⁶⁴. Оно, во всяком случае, легко этимологизируется как состоящее из двух компонентов «рокс» — из иранского «светлый, блестящий, белый» речь идет явно о племени, считавшем себя особо благородным среди алан (о последнем варианте речь будет ниже), — и «аланы»⁴⁶⁵.

Имя аорсов и роксалан, несомненно, способствовало укреплению традиции, по которой «Русь» рассматривалась как один из древнейших народов

462 Ср.: В.М. Цигилик. Населення Верхнього Подністров'я перших століть Нашої ери. (Племена липицької культури). Київ, 1975.

463 Здесь искал истоки Руси М.В. Ломоносов. Позднее эту идею пытался обосновать Д.И. Иловайский (ср. его: Разыскания о начале Руси. М., 1882. С. 74 и далее), полагавший, что племена эти были славяноязычными. Это мнение отразилось у Г. Вернадского. Ср.: G. Vernadsky. Ancient Russia. New Haven and London, 1964, P. 76. См. также: С.П. Толстов. Из предыстории Руси // СЭ, сб. VI–VII. М.-Л., 1947. С. 42–43. К этой точке зрения одно время примыкал М.И. Артамонов (ср. его: Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси, КСИИМК. Вып. VI, М.-Л., 1940. С. 13). Склонялся к нему и П.Н. Третьяков (см.: У истоков древнерусской народности. С. 104–105), хотя окончательное решение вопроса он оставлял открытым.

464 Ср.: С.П. Толстов. Из предыстории Руси. С. 42.

465 На это было указано еще В. Миллером. См. его: Осетинские этюды. Ч. III Ученые записки Московского университета, 1887, № 8. С. 86.

Причерноморья. Но следует учитывать настойчивое указание восточных источников на «два вида русов». О действительной роли в создании Древнерусского государства этих «видов» речь будет ниже. Здесь отметим, что аланы принимали самое активное участие в Великом переселении народов, неоднократно проходили до крайнего северо-запада Европы, послужили версии о приходе норманнов во II в. с Дона, крайне запутав «норманскую проблему» вообще⁴⁶⁶.

2. Среднее Поднепровье в черняховское время (II–V вв.)

Во II в. в Приднепровье и Причерноморье складывается яркая культура, получившая в археологической литературе название Черняховской. О ее природе и истоках, равно как о преемниках, ведутся многолетние споры. В германской литературе ее обычно связывают с готами. Высказывалось такое мнение и в нашей литературе⁴⁶⁷. Некоторое время назад у археологов преобладало мнение о славянстве культуры. Дольше других на этой точке зрения стояли украинские авторы⁴⁶⁸. Позднее стали больше уделять внимания иранским, фракийским и кельтским истокам культуры⁴⁶⁹.

От II в. н. э. дошло довольно обстоятельное описание «Сарматии» Птолемея. Хотя этому греческому географу посвящено ряд работ, источникописательски он изучен явно недостаточно. Обычно отмечаются анахронизмы в его изложении или слабое знание глубинных районов

466 См. В.А. Кузнецов, В.К. Пудовин. Аланы в Западной Европе СА. 1961. № 2; В.Б. Виноградов. Аланы в Европе ВИ, 1974, № 8; MGH SS. T. VI. Hannoverae, 1844, PP. 576, 689. Некоторые источники будут рассмотрены в связи с норманской проблемой.

467 Ср.: М.И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 49 и др. Ранее автор придерживался мнения о славянской (антской) ее принадлежности (ср. его: Происхождение славян. Л., 1950. С. 21, где критиковалась «немецкая националистическая наука»). Различным германским племенам приписывала культуру М.А. Тиханова. См. ее: Еще раз к вопросу о происхождении Черняховской культуры / КСИА, вып. 121. М., 1970. Примерно той же точки зрения, с некоторыми оговорками, придерживался Ю.В. Кухаренко (ср. его: Волынская группа полей погребений и проблема так называемой готско-гепидской культуры / КСИА, вып. 121).

468 См.: М.Ю. Брайчевський. Походження Русі. Київ, 1968; Є.В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу Археологія. Т. IV, Київ. С. 76–88. И ряд других. Последовательно настаивал на славянстве черняховцев Э.А. Сымонович. Ср.: его. Итоги исследований Черняховских памятников в Северном Причерноморье История и археология Юго-Западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967; и др.

469 Ср.: Г.Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. 7 МИА, № 89. М., 1960. С. 90–97 (гетские трупосожжения и сарматские трупоположения. — источники Черняховского биритуализма); Э. А. Рикман. О фракийских элементах в Черняховской культуре Днестро-Дунайского междуречья // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969; и др.; В.И. Бидзила. Латенские традиции в черняховской культуре (тезисы доклада), КСИА, вып. 121; М.Б. Щукин. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса, КСИА, вып. 133.

«Сарматии» (особенно территории между Днепром и Доном)⁴⁷⁰. Отмеченные недостатки характерны для всей древнейшей географической литературы, и почти каждый географ был самостоятельным исследователем. Географы искали источники, сопоставляли их, принимали решения согласно каким-то общим представлениям. Птолемей пользовался градусной сеткой. Так он распределял племена относительно друг друга. Поскольку обычными источниками географических сведений являлись сообщения путешественников, маршруты которых переводились на «дни пути», ошибки в размещении были неизбежны: даже незначительное смещение направления могло отодвинуть друг от друга соседние племена. Не исключено и смещение одних племен с другими: у всех народов соседние территории часто носят название по традиции, даже если населения с таким названием давно уже нет на этом месте. Тем не менее подобные указания весьма ценные, поскольку они указывают, по крайней мере, время, не позднее которого тот или иной народ появился на данной территории.

Среди Птолемеевых племен, населявших Сарматию, в разных планах представляют интерес аварины (обарины) и омброни в районе истоков Вислы (Вистулы), игиллионы, проживавшие где-то восточнее, соседившие с аорсами боруски и занимавшие территорию между бастарнами и роксаланами хуны⁴⁷¹. Первое племя представляет интерес совпадением его названия с появившимися здесь позднее тюркоязычным племенем. В русской летописи отразились предания о насилиях, которые причиняли обры славянам-дулебам, причем дулебов летописец помещал на Волыни. Обры были «телом велици и умом горди». Однако «Бог потреби я, и помроша вси, и не остался ни един Обърин». Все это представляло живейший интерес и для Руси, поэтому, как сообщает летописец, «есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обре; их же несть племени ни наследка»⁴⁷². Хотя сам летописец не сомневался в том, что имеются в виду авары, угрожавшие в VII в. Византии, более вероятно, что русская притча отражает более ранние события. Отношения славян с аварами-турками вообще касались не только дулебов. А Русь они практически не затрагивали. Да и характер отношений был иной: славяне в VI–VII вв. повсеместно наступают. Для византийцев авары и славяне — две равнозначные противостоящие им

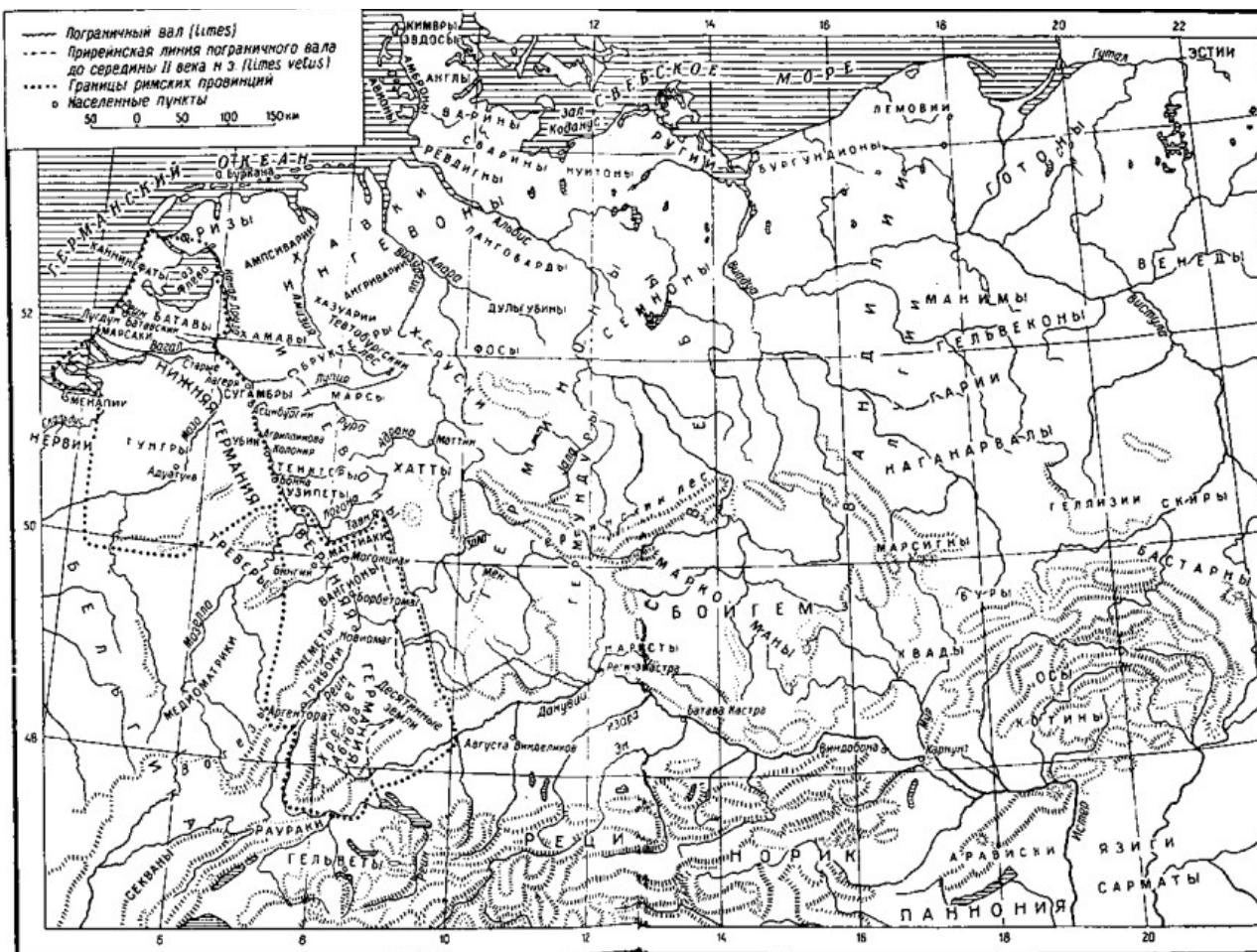
470 Ср.: Ю. Кулаковский. Карта европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899. С. 22 и далее; А.М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954. С. 9; Скептическая традиция в отношении к Птолемею у нас шла от Н.М. Карамзина, который отправлялся от работавших в России немецких ученых. С попыткой «реабилитации» Птолемея выступил В. Борисов (см. его. Карта Сарматии (нынешней России) во II в. по р. Хр. по греческому географу Птолемею. Вып. 1. Ковна. 1909).

471 В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1948, № 2. С. 236–237; В. Борисов. Указ. соч. С. 3–4.

472 ЛЛ, С. 11. Ср.: С. 12: «Дулеби живяху по Бугу, где ныне Вельняне».

2. Среднее Поднепровье в черняховское время (II–V вв.)

силы. Славяне и контактировали с аварами главным образом на Нижнем Дунае, у границ с Империей. «Гордые умом» обры должны были находиться по соседству с Русью. В этой связи может представить интерес еще одна параллель. Слово *obar* по-кельтски означает «тщеславие». Очень может быть, что такое название племя получило со стороны, причем именно в кельтской среде. Летописец своим эпитетом дает перевод этого кельтского названия.

Карта «Германии» Тацита

Соседнее с обаринами племя омбров было хорошо знакомо по более раннему периоду. Это родственное тевтонам и кимврам племя амбров, принявшее участие в походе на юг в Италию в конце II в. до н. э. С одноименным племенем им пришлось встретиться в Галлии у берегов Роны. И означало оно — живущие по обеим берегам Роны⁴⁷³. После поражения, понесенного у северо-западных пределов Италии, амброны — выходцы с северного побережья Ютландии, куда-то ушли. Птолемей застал их в Прикарпатье, у истоков Вислы. Это племя

473 K.H. Schmidt. Die Komposition in gallischen Personennamen. Trier, 1957. S. 56–57 (Ambidravi, Ambisontes, Ambisavi, Ambirenus).

появилось здесь, очевидно, позднее, чем остатки фракийских племен, а культура их, видимо, была ближе ютландским кимврам и тевтонам, чем центральноевропейским кельтским племенам боев или вольков.

Иггилоны могут сопоставляться с именем Иггивлада из договора Игоря с греками. Возможно, того же корня и имя Игельд (тоже купец из договора Игоря)⁴⁷⁴. В первом случае возможен механический перевод из греческого вместо Ингивлад (удвоенное «г» в греческом читается как «нг»). Но не исключено, что эти корни вообще одного порядка и речь идет об одном из племен ингевонской ветви. На территорию восточнее Вислы они могли попасть в потоке движения вендских племен из Поморья.

Племенное название боруски известно в Прибалтике⁴⁷⁵. В данном случае племя с таким именем оказывается далеко на Левобережье Днепра. С III в. на этой территории упоминается племя боранов, которое некоторые авторы отождествляют с борусками⁴⁷⁶. Этническая принадлежность их затруднена, поскольку неясно, какие именно древности должны с ними связываться. Но можно обратить внимание на характер чередования «рус» и «ран». Аналогичное чередование наблюдается в отношении названия населения балтийской Ругии (об этом речь будет ниже). Если, как полагают некоторые авторы, этноним носит славянский характер, это будет аргументом в пользу существования Руси в Приднепровье во II в. н. э. При этом собственно «Русь» может быть и неславянской, но среди ее соседей должно предполагать славян.

Первое упоминание «гуннов» в Причерноморье относится еще ко времени до Птолемея: их называет около 160 г. Дионисий Перигет⁴⁷⁷. Птолемей (два десятилетия спустя) помещает их по оба берега Днепра на довольно обширной территории (между бастарнами и роксаланами). В сущности, это вся территория Черняховской культуры. Поскольку потрясавший Европу гуннский союз складывался только в конце IV в., важно было бы установить, какое отношение ранние гунны имели к последующим.

474 ЛЛ. С. 46.

475 У Географа Баварского (VIII–IX вв.) упоминаются в Прибалтике Пириссаны и Бруци. Последние, очевидно, — пруссы, которые пишутся в ранних источниках и как Брусы. Автор XVII в. Г. Гарткнох объяснял этноним как По-русы. Т. е. живущие по реке Руса — рукаву низовьев Немана. (Ch.Hartknoch. Selectae dissertationes Historicae de variis rebus Prussicis. Havniae, 1679, P. 63–64). Из пояснения автора следует, что этноним традиционно объяснялся из славянского языка.

476 А.М. Ременников. Указ. соч. С. 10, 90. Автор, впрочем допускает и отождествление их с булопами Птолемея. Булонов или Болонов, можно было бы сближать и с полянами. Но Птолемей помещает их в бассейне Вислы, и речь может идти о польских полянах, или полонах.

477 Ср.: А.Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, С. 135.

В вопросе о происхождении «настоящих» гуннов у специалистов расхождений практически нет: считается, что это племя, пришедшее в Европу из Азии. Однако остается неясным, в каком отношении позднейшие гунны находятся к гуннам II столетия. Мнение о том, что это первая волна, просочившаяся с востока, нуждается, по крайней мере, хоть в каком-то обосновании. А.Н. Бернштам полагал, что пришельцы принесли с собой во II в. в Причерноморье только имя, за которым скрывались местные племена⁴⁷⁸. И это положение более чем спорно.

Обращаясь к этой проблеме, необходимо учитывать, что какие-то уральские племена прошли морем и расселились по побережью Атлантического океана едва ли не с эпохи неолита, когда «Ледовитый» океан вообще не замерзал. Племенные и личные имена с корнями «гун» и «инг» означают, как и в большинстве племен древнейшей эпохи, высокое звание: «муж», «человек». И больше всего остатков этой древности сохранили кельтские языки. Достаточно сказать, что широко распространенное (и до сих пор) в Прибалтике имя Инга в кельтских языках — просто «девушка».

Нельзя не обратить внимания на глубокую путаницу в источниках и ранней историографической традиции в связи с определением этнической природы гуннов. Так, в «Норманской хронике» (837–891 гг.) имеется свидетельство, размещающее «гунов» среди населения острова Сканзы (т. е. Скандинавии)⁴⁷⁹. Отстаивая традиционное норманистское положение об этнической однородности скандинавского населения, А. Стендер-Петерсен заметил, что «анналист, очевидно, хотел блеснуть своими поверхностными познаниями и прибавил отсебятину самого плохого качества»⁴⁸⁰. Объяснение явно также не лучшего качества, тем более что еще один автор говорит примерно о том же: Видукинд (X в.) отмечает, что «гунны вышли из готов, а готы, как повествует Иордан, вышли с острова по названию Сульце»⁴⁸¹.

Имеется группа источников, которая сближает гуннов со славянами. Известно, что название «Хунгария» — Венгрия явились в результате осмыслиения династии венгерских королей в качестве преемников Аттилы. В славянской же историографии было распространено убеждение, что «хунгари» — это славяне, пришедшие из Поморья, от реки Втра или Укра. Отсюда в

478 Там же. С. 37.

479 MGH SS. T. I. Hannoverae, 1826, P. 532 (Gothi et Huni atque Daci). Ср. Т. III, Р. 425.

480 А. Стендер-Петерсен. Ответ на замечания В.В. Похлебкина и В.Б. Вилинбахова. «Kuml». Arhus, 1960. С. 145.

481 Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975. С. 74, 127.

некоторых случаях смешение «укран» с «унгарами»⁴⁸². Сам Аттила в средневековой славянской традиции воспринимался нередко в качестве первого короля Померании или в качестве первого правителя вандалов, коих обычно рассматривали как предков славян на территории между Эльбой и Вислой. В качестве такового Аттила рассматривается в «Хронике Великопольской», где также ставится знак равенства между хунгарами и вандалами. В саге о Тидреке Бернском «Гуналанд» располагается на запад от Польши и прямо отождествляется с Фрисландией⁴⁸³. П. Шафарик привел большое количество сведений о позднейшем смешении славян с гуннами, причем даже в XIX в. немцы именовали «гуннами» группу славян, проживавших в Швейцарии⁴⁸⁴. «Городом гуннов» в некоторых сагах именуется балто-славянский Волин, а этническое название «гуннов» распространяется на вендов-венедов⁴⁸⁵. С другой стороны, Адам Бременский (XI в.) знал, что Русь, называвшаяся варварами Дании Острогардом, имела еще и другое название: Хунгард, поскольку здесь первоначально проживали гунны. Этот сюжет повторяет и Гельмольд, склонный и предполагаемых потомков гуннов — венгров отнести к славянам⁴⁸⁶.

Авторам V в., оказавшимся свидетелями разрушительного гуннского нашествия, естественно, пришлось доискиваться истоков появления в Европе этой мощной силы. И снова, как это неоднократно было в связи с оценкой вновь возникавших образований, столкнулись автохтонная и миграционная версии. Так, автору IV в. Филосторгию казалось, что «унны» — это Геродотовы «невры», спустившиеся от истоков Танаиса к Мэотийскому озеру. Зосим в конце V в. оставляет как равнозначные две версии: автохтонная (царские скифы или другое местное население) и миграционное (переселение из Азии). Приск Паннийский (V в.) называет гуннов «царскими скифами». Иордан производит их от изгнанных «пятым» готским королем Филимером ведьм, т. е. тесно увязывает происхождение гуннов с готами⁴⁸⁷.

482 Cp.: «Pomniki dziejowe Polski». T. VIII, cz.2. Warszawa, 1970, str. 134–135; MGH SS. T. VI, P. 362 (Ungariorum — так называются Гротевитом славяне под 880 годом. Т. е. еще до прихода венгров в Дунайскую котловину). Ср. также: А. Павинский. Полабские славяне. СПб., 1871. С. 59.

483 См.: А.Н. Веселовский. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) / ИОРЯС. Т. XI, Кн. 3, СПб., 1906. С. 4–5. Текст воспроизведен в издании «Откуда есть пошла Русская земля». Кн. 1, М., 1986, С. 573–632, анализ сведений — С. 542–550.

484 П. Шафарик. Славянские древности. Т. 1, Ки. 1. М., 1837. С. 259.

485 Там же. С. 257–258.

486 Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Hannoverae et Lipsiae, 1917. P. 240: Ruzzia vocatur a barbaris Danis Ostrogard... Haec etiam Chunigard appellatur co quod ibi sedes Hunorum primo fuerit. Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 33.

487 Cp.: А.Н. Бернштам. Указ. соч. С. 136–137; Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 90.

Уже по крайней мере со времен П. Шафарика путаницу источников о гуннах объясняли разнородностью возглавляемого гуннами союза племен. Такое объяснение, однако, не может быть признано достаточным. Восточные «хунну» — это, очевидно, тюрко-монгольские племена, хотя возникавшие там образования включали индоевропейские и уральские племена. В гуннах II в. района Приднепровья нет никаких оснований видеть тюрок, как не видно их следа и в «Гуналанде» — Фрисландии. Напротив, и археологические, и лингвистические данные свидетельствуют о их индоевропейской принадлежности (может быть с очень древним уральским налетом).

Иордан отметил обычай племен «перенимать по большей части имена» и указал на «гунское» происхождение многих имен готов⁴⁸⁸. Это указание иногда корректируется в том смысле, что, наоборот, гунны заимствуют германские имена⁴⁸⁹. Но, очевидно, Иордан, равно как и его потенциальные читатели, понимали, что имена эти не германские. Вместе с тем в них нет и какого-либо тюркского элемента. Это особый пласт индоевропейских имен.

Круг имен, воспринимавшихся Иорданом и его современниками как не-германские, «гуннские», достаточно хорошо известен. Это имена т. н. «германских» племен, вторгнувшихся в Центральную Европу с побережья Северного моря и из Прибалтики: ругов, вандалов, гепидов и т. д. В них очень часто повторяется и компонент «гун»: Гунимунд, Гунильда, Гунар, Гундобад и т. п. Можно с большой долей уверенности предполагать, что компонент «гун» в данном случае обозначает либо племенное название, либо просто человека. Вероятно, что в конечном счете истоком такого обозначения окажется упомянутая древняя уральская языковая ветвь. Но на рубеже н. э. оно уже воспринималось как коренное местное. В кельтских языках, помимо отмеченного выше, корень *hun* охватывает целый ряд понятий, связанных с субъектом: это определение «сам», указательное местоимение «этот». Родственным по происхождению может быть и такое «удобное» для личных и этнических наименований слово, как *gnath* — «известный» (ср. украинское Гнат, Гнатюк).

В IV в. вместе с другими племенами из Восточной Европы на Дунай вторглись и тюркские племена, которые тоже приняли имя «гуннов». У новых «гуннов» тюркский элемент проявлялся и в их облике (на что указывают многие источники), и в культуре, и в именах. Однако преобладают индоевропейские

488 Иордан. Указ. соч. С. 77.

489 Там же. С. 332, прим.653 (комментарий Е.Ч. Скржинской).

«гуннские» имена. Приск указал, что «гуннский» язык отличался от собственного «варварского» языка части правящей верхушки, который употреблялся лишь в качестве домашнего. На «гуннском» языке Приск называет два слова: название напитка — medos и название погребальной тризны — strava. Многие авторы на основе этих примеров приходили к заключению о славянском присутствии в гуннском объединении⁴⁹⁰. Последнее не исключено. Осторожнее и правильнее, однако, рассматривать этот язык как родственный славянским. Так, напиток medd в том же значении, что и у славян, был распространен и у кельтов. Слово «страва» для определения пищи, довольствия, стола, а затем и подати продовольствием — известно древнерусскому языку и некоторым современным славянским (например, чешскому и польскому). В форме strova понятие имелось в литовском языке. В последнем случае не исключено славянское влияние. Но возможно и просто более широкое распространение корня в гуннскую эпоху (в частности должно учитывать исчезнувшие иллиро-венетские языки).

Некоторые «гуннские» имена, видимо, поддаются этимологии. Характерным «гуннским» является имя самого Аттилы (согласно саге о Тидреке Бернском, конунге фризов, которого конунг вилькинов, т. е. вильцев-лютичей, Озантрикс третировал как ниже стоявшего на генеалогической лестнице), оно явно индоевропейское. В.М. Жирмунский объяснял его из готского языка как «батюшка»⁴⁹¹. Значение, видимо, такое, но не в готском языке. Это как раз одно из характерных «гуннских» имен, и смысл его легко раскрывается из кельтских языков. Ирландское athir значит «отец». Еще ближе шотландское Athill (Hathill) — «знатный»⁴⁹². А.А. Шахматов сопоставлял славянское «отец» с кельтским oticos — человек из boaire⁴⁹³. Специалисты отмечают в качестве характерного отличия кельтских языков утрату начального «р» (иногда с промежуточным переходом в h)⁴⁹⁴. Эта закономерность, по-видимому, отражалась и в языке, названном Приском и Иорданом «гуннским», в известной мере не чужды ей и славянские языки.

Влияние «гуннского» языка сказывается и на именах Тотила, Ругила и др. В имени Ругилы явно звучит этническое название ругов, и оно передается также

490 Ср.: П. Шафарик. Указ. соч. Т. I, Кн. 2. С. 256–257; А.Н. Бернштам. Указ соч. С. 159, 167.

491 ВДИ, 1938, № 4(5). С. 260.

492 Ср.: Г. Льюис. и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 53; W. A. Craigie. A dictionary of the older scottish tongue from the twelfth century to the end of the seventeenth. Vol.III. Chicago, 1953–1957, PP. 66–67.

493 А.А. Шахматов. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. С. 45.

494 Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч. С. 52–53.

в варианте Руя. Такого рода чередование характерно и для самого этнического названия (руги, руйяны и др.), и параллели ему отмечаются опять-таки в языках кельтской группы⁴⁹⁵. Имя племянника Ругилы (брата Аттилы) Блед, вероятно, равнозначно кельтскому *blad*, *blaid* — «волк». Подобные имена известны в Уэльсе⁴⁹⁶. В раннее Средневековье эти имена у индоевропейцев сохранялись пережиточно, уже не связываясь с их тотемическим значением. У тюрок же в это время название имело столь большое значение, что понятия «турецкий хан» и «волк» («бури» или «кассыр») оказывались синонимами⁴⁹⁷. В данном случае, однако, пришельцы-турки, не отказываясь от культа, заимствуют местное его обозначение.

В конце IV — начале V в. гуннская орда возглавлялась Ульдом. Имя Ульда звучит во многих сложных именах поморско-венетской группы племен. Отразилось оно, например, в имени Аскольд и в целом ряде других варяжских имен. В славянские языки этот компонент перешел в звучании «влад», «волод», что означает владение, обладание, власть. Почти с теми же значениями этот корень известен и кельтским языкам⁴⁹⁸. В кельтских языках имеется и (возможно, как вариант) более близкий корень *olio* или *oldo* в значении «высокий», «великий»⁴⁹⁹. Но не исключено, что слово заимствовано из предшествовавших языков или языков племен, с которыми кельты находились в непосредственном общении. Точно так же трудным для этимологизации оказывается компонент *hild*, довольно широко представленный в кельтской антропонимии⁵⁰⁰.

Особый интерес представляет имя первого гуннского вождя IV в. Валамира, с которого начинается активность гуннов в южнорусских степях. Такое имя известно также готам. Очевидно, близко к нему славянское Велемир. Среди кельтических имен также есть подобные: *Vulmarus*, *Gualmarus*⁵⁰¹. Первый компонент этих имен может сопоставляться с кельтским *vellavo*, *gwell* — лучший⁵⁰². Вероятно, однако, что в самих кельтских языках эти имена были

495 Там же. С. 38, 55.

496 E. Weekly. Surnames. London, 1936, P. 286.

497 Ср.: Л.Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967. С. 23; Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I. М. — Л., 1950. С. 229 (о тюркских знаменах с золотой волчьей головой).

498 Ср.: А.А. Шахматов. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. С. 47; Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч. С. 116, 202.

499 K.H. Schmidt. Op. Cit. S. 250. Ср.: ирл. *Ard* — высокий.

500 Ср.: F.I. Mone. Die gallische Sprache und ihre Brauchbarkeit für die Geschichte. Karlsruhe, 1851, S. 181; K. Marstrander. Altirische Personennamen mit *Gilla*. ZCPH, B.XIII, Halle, 1921; J. Pokorny. Germanisch irisches. 1. Nochmals altirisch *gilde*. Ibid.

501 A. Holder. Alt-Keltischer Sprachschatz. T. III. Graz, 1962. S. 456.

502 Ср.: D'Arbois de Jubainville. Les noms Gaulois. Paris, 1891. P. 28–29.

заимствованными. Компонент *vela* характерен для имен приальпийской области, где он может связываться с лигурами, венетами, иллирийцами⁵⁰³.

«Гуннский» пласт имен проявляется, по существу, во всех племенных союзах, вышедших из Балтийского Поморья. В их числе будут вандальские имена (Гунерих, Гунтамупд и др.), имена ругов, гепидов, бургундов, герулов. В одних случаях эти имена могут быть объяснены из кельтского (Гунерих, где второй компонент от кельтского *rix*, *rig* — король), в других они из современных языков не объясняются, но оказываются однотипными с прибалтийскими или венето-иллирийскими. В-третьих случаях в них проскальзывают элементы, близкие к славянским. (При этом надо иметь в виду, что имена у славян появляются довольно поздно: территориальная община долго ограничивалась именами племени или рода, обходясь в быту прозвищами.)

Гуннские имена Мундзук и готское Мундон, видимо, восходят к тем некельтским (или докельтским) именам, носители которых растворились в эпоху Великого переселения народов. В галльских именах и топонимах большое количество их содержит компонент *mand*. Происхождение слова, равно как и названия племени *viromandui* в Бельгии, неясно. Указания на иллирийское его происхождение больше свидетельствует о трудностях этимологизации, чем о действительных параллелях в иллирийских языках⁵⁰⁴. Названия городов типа Менда, Минд известны в Македонии и Малой Азии в эпоху Страбона. От этого же времени название Мунда носил город и река в Иберии⁵⁰⁵. Из числа галльских топонимов в эту связь может быть поставлено название *Mundobriga*, а также специфически кельтский по форме топоним *Veremundiacus* (кельтский суффикс *acus*).

Чередование гласных в приведенных примерах выглядит довольно бессистемным, но то же самое можно наблюдать и с именем «венеды». Если учесть закономерность перехода на кельтской почве «в» и «м», можно допустить, что названия с корнем «манд» или «мунд» — варианты аналогичных наименований с корнями «ванд», «инд», «унд». Иными словами, речь может идти о древнейшем индоевропейском пласте, предшествующем венетам и кельтам.

Вопреки имеющимся в литературе мнениям,⁵⁰⁶ имена Бливила, Фроила, Оптила, Травстила, Бравила и Синдила не германские, а именно «гуннские». И

503 К.Н. Schmidt. Op. cit. S. 51–52.

504 Cp.: D. Ellis Evans. Gaulish personal names. Oxford, 1967, P. 222.

505 Страбон. География. С. 139, 149, 156

506 Иордан. Указ. соч. С. 332 (коммент. Е.Ч. Скржинской)

если искать им в индоевропейских языках ближайшие аналогии, имеет смысл обратиться к словенско-варяжскому Новгороду. В Новгороде нехристианские имена принимали именно такую форму: Нездила, Нерила, Твердила и т. п. В этом же направлении переделывались и христианские имена: Петрило, Данила, Гаврила. В данном случае, как, видимо, и в некоторых других, славянские языки оказываются хранителями отдельных черт исчезнувших языков «венедской» группы. В некоторых же именах типа вандальского *Thrazemund*, возможно, непосредственно звучит славянское «драже» или «драго», столь распространенное в славянских языках.

Иордан привел и еще одно свидетельство о языке гуннов: река Днепр называлась на этом языке «Вар»⁵⁰⁷. Несколько столетиями спустя Константин Багрянородный даст реке, среди других наименований, название «Варух», в котором М.М. Фасмер усматривал осетинскую параллель *vaerae* в значении «широкий»⁵⁰⁸. Зафиксированное Иорданом слово довольно ясное по своему значению. В санскрите *var* — «вода». В Европе этот корень встречается очень часто как раз для обозначения рек. Таковы река «Вар» и производные от этого слова названия притоков в Южной Франции (в департаменте *Vau*)⁵⁰⁹, реки в Британии и Шотландии, а также некоторые другие реки из областей кельтского расселения⁵¹⁰. Название это, очевидно, было понятно кельтическому населению, а в некоторых диалектах так называлось «море»⁵¹¹. Тем не менее это, видимо, древнейший индоевропейский пласт, имевший весьма широкий ареал распространения. В Прибалтике в эту связь могут быть поставлены названия рек Варна и Варта, а также этоним «варины», о чем речь будет ниже.

Таким образом, гунны Птолемея — это ни в коей мере не тюрки. Это фризы, рассеявшиеся по побережью Северного моря и Балтики и сыгравшие значительную роль в становлении Черняховской культуры. И это ветвь индоевропейского языка, сближившегося с кельтскими, венето-иллийскими и в какой-то мере со славянскими. Он и возник, по всей вероятности, в условиях взаимодействия племен, принадлежащих к этим языкам. Основу этого образования, видимо, составили поморские племена, продвигавшиеся со II в. до н. э. к Причерноморью. Ко II в. н. э. относится как бы прилив новой волны.

507 Там же. С. 120.

508 Известия византийских писателей о Северном Причерноморье / ИГА-ИМК, вып. 91. М.-Л., 1934. М.М. Фасмер. Русский этимологический словарь. Т. I, М. 1964. С. 518.

509 A.Albenque. Les Routenes. Rodez, 1948, PP. 117–118.

510 E.Schwarz. Deutsche Namenforschung als Wissenschaft. II. Göttingen, 1950. S. 66; H.Bahlow. Namenforschung als Wissenschaft. Deutschland Ortsnamen als Dankmäler keltischer Vorzeit. Neumünster, 1955. S. 11.

511 P.F. Gregoire de Rostrenen. Dictionnaire Francois-celtique ou Francois-Breton. Rennes, 1732. P. 616.

Источники называют гунов, готов, ругов (рогов). Уже в Прибалтике они подверглись определенному кельтскому влиянию, а на пути к Приднепровью должны были встретить племена славяноязычные, иллиро-фракийские и опять-таки кельтские. На Днепре они должны были войти в контакт с остатками славянских (ант) и иранских (росомоны) племен. Здесь оставались и потомки давних, доскифских эпох, в известной мере сохранявших свою культуру и язык. Если учесть, что доскифское население Приднепровья было тесно связано с центральноевропейскими племенами, а миграции киммерийцев сказалась на сложении ряда народов и языков Европы, можно допустить известную языковую близость доскифского населения как раз с кельто-венетской языковой ветвью. Само отражение одних и тех же племенных названий в Причерноморье и Прибалтике может быть отражением языкового родства. В Причерноморье упоминаются буругунды, причем племя это Агафий (VI в.), сведения которого отличаются добротностью, считал «гуннским»⁵¹². В Причерноморье проживало также племя герулов (элуров), которые именуются то «скифским народом», то одним из племен, пришедших из Скандинавии⁵¹³.

Среди племен, участвовавших вместе с готами в движении от устья Вислы на юго-восток, Иордан считал «германским» только гепидов⁵¹⁴. Но во всех случаях гепиды в Прибалтике подвергались сильному влиянию кельто-венетских племен. Так, имя гепидского «короля» Ардариха совершенно ясно этимологизируется из кельтского как «великий (высокий)» король⁵¹⁵. Вариантом этого имени (с характерным для этой языковой группы переходом «р» в «л») является и Аларих — имя, встречающееся также у меотийских герулов. Кельтическим является и другое гепидское имя — Фастида (первый известный вождь гепидов). Некоторые параллели к подобным именам будут рассмотрены ниже.

Следует подчеркнуть, что готы и гепиды появились в Причерноморье сравнительно поздно. Птолемей их еще здесь не знает. Не вполне ясен и

512 Agathias Myrinaeus. Historici graeci minores. Ed. L.Dindorf. II, 1871. P.365; Zosimus.Historia nova. Ed. L.Mendelsson,Leipzig, 1887,P. 19, 22.

513 Иордан. Указ соч. С. 89–90. Сведения о племенах Меотиды Иордан брал у Аблавия — недошедшего до нас историка, хорошо осведомленного в племенных передвижениях II–III вв. См. также: С. 266–267, прим. 370 (коммент. Е.Ч. Скржинской).

514 Там же. С. 85. Иордан поясняет, почему он считает гепидов «родичами» готов. Гепиды занимали территорию Потиссия. В VI в. они вели тяжелую борьбу с лангобардами, а затем были окончательно истреблены аварами. Само название племени, следуя традиции, Иордан производил от геранта в значении медлить, отставать. Но такого слова нет в германских языках (там же. С. 206, прим. 102). А это лишний раз подчеркивает сложность вопроса и о происхождении самих готов.

515 В Ирландии титул «адриага» носил правитель, возвышавшийся над племенными «риагами». См.: Г. Афанасьев. История Ирландии. СПб., 1907. С. 8.

маршрут продвижения готов к Черному морю. Гепиды, во всяком случае, продвигались к устью Дуная, т. е. примерно по тому же маршруту, которым ранее прошли бастарны. Сами готы впервые также упоминаются на Нижнем Дунае (214 г.), а в области Приазовья и Крыма они попадают около середины III в.⁵¹⁶.

Иордан рисует противоречивую картину продвижения готов в Причерноморье. В одном случае говорится о трех этапах: продвижение в «Скифию», т. е. район Нижнего Дуная, затем Меотиду и затем снова в Скифию. (Иордан путается в географических определениях, помещая Меотиду в Скифии, а Мезию (Мизию) будто даже и не на Черном-Понтийском{2} море). В другом месте рассказывается о движении через болотистую область Ойум, труднопереходимую реку и территорию «спалов» «в крайнюю часть Скифии», под которой как будто разумеется Меотида⁵¹⁷. Не исключено, что имеется в виду движение разных групп готов или вообще разных племен, позднее оказавшихся в составе готского племенного союза.

Из сказанного следует, что черняховская культура складывается до прихода готов в Причерноморье. Но она, видимо, возникает с участием тех поморских племен, которые раньше покинули прежние места, и которые, возможно, оставили памятники на Волыни, кои рассматриваются в качестве готских⁵¹⁸. Передвижения из Поморья, как отмечалось, фиксируются со II в. до н. э., причем переселенцы, как правило, воспринимают местную, более высокую культуру, сохранившую традиции скифской и латенской эпох. На готов, судя по замечаниям Иордана, оказывает влияние местная культура гуннов-фризов. В рамках причерноморских союзов племен в III–IV вв. происходит перераспределение удельного веса тех или иных этно-культурных элементов, и идет процесс нивелирования этнокультурных различий, характерный для ранних государственных образований. Это позволило некоторым авторам говорить о не до конца сложившейся народности⁵¹⁹. Прямые указания Приска свидетельствуют о том, что языком общения объединения был гуннский и отчасти скифский язык, а никак не германский.

516 Э.А. Сымонович. Итоги исследований Черняховских памятников в Северном Причерноморье, История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967. С. 206. (Эта хронологическая канва событий воспроизводится в работах о готах немецких ученых, в частности, у Р. Пальмана.)

517 Иордан. Указ соч. С. 72 и 70. («Мы читали, что первое расселение (готов) было в Скифской земле, около Меотийского болота; второе — в Мизии, Фракии и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии»). Согласно Иордану, существовала и версия об автохтонном «скифском» происхождении готов.

518 Ср.: Ю.В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений и проблема так называемой гото-гепидской культуры.

519 П.Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. С. 50.

Антropологические исследования на территории Причерноморья не фиксируют сколько-нибудь заметного германского элемента. Правда, между специалистами существуют расхождения в определении принадлежности населения, оставившего некоторые нижнеднепровские могильники: допускается наличие здесь германского элемента⁵²⁰. Последнее не исключено. Но нуждается в уточнении само понятие «германского», поскольку не проведено четкое отличие «германского» от прибалтийско-скандинавского догерманского. С другой стороны, германо-поморский элемент мог быть и более значительным, поскольку преобладающим обрядом в Поморье осталось трупосожжение. В этой связи должно внимательно отнестись и к другим признакам, свидетельствующим о западнобалтийских связях Черняховской культуры.

Одним из таких признаков являются дома столбовой конструкции. На связь тех и других неоднократно обращал внимание Э. А. Рикман⁵²¹. Также неоднократно ему возражали, указывая на неполное сходство строений черняховцев и германо-скандинавских областей⁵²². Вряд ли, однако, детали отличий будут существенней, чем элементы сходства. Отличия в строительном материале неизбежны для разных географических и климатических зон. Но сопоставления эти недостаточны с другой точки зрения: где истоки особенностей строений (и, может быть, быта), которые объединяют черняховцев с балто-скандинавами?

Большие наземные постройки с подразделениями для жилья и скота несомненно выделяют культуру из круга соседних и предшествующих. М.А. Тиханова не без оснований замечает, что «представить себе, что такой вполне сложившийся, «отработанный» тип жилища, не имея предшественников, мог спонтанно возникнуть на Волыни, невероятно. Его нужно искать в другом месте, там, где он сложился в результате достаточно длительного развития». По мнению автора, «искать его следует далеко на северо-западе Европы, в Голландии, Дании, в особенности в Ютландии и на северо-западе Германии, где он известен уже в эпоху латена и существует вплоть до позднеримского

520 Ср.: Т.И. Алексеева. Славяне и германцы в свете антропологических данных, // ВИ, 1974, № 3. С. 64–65 (автор не обнаруживает в рамках Черняховской культуры германских антропологических черт) и М.С. Великанова. Палеоантропология Прutско-Днестровского междуречья. М., 1975. С. 84–86 (сходство нижнеднепровских трупоположений с погребениями из рядовых могил Германии; сопоставляются южные серии с северными без их разделения по этническим признакам).

521 Э.А. Рикман. К вопросу о «больших домах» на селищах Черняховского типа СЭ, 1962, № 3; его же: Жилище племен Черняховской культуры Днестровско-Прutского междуречья. Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. Той же точке зрения придерживается М.А. Тиханова.

522 Ср.: Э.А. Сымонович. Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культур полей погребений КСИА, вып. 133. М., 1973. С. 28.

времени, особенно ярко проявляясь в раннеримское время в Ютландии»⁵²³. Автор полагала, что таким образом вопрос решался в пользу германского происхождения Черняховской культуры, а указала на зону влияния гуннов-фризов, кельтов и племен ингевонской группы, позднее частью ушедших на юг, частью ассимилированных славянами.

А.Л. Монгайт, описывая «большие дома» (трехчастного деления) северо-запада Германии рассматриваемой эпохи, предположил, что они принадлежат додерманскому местному населению⁵²⁴. До сих пор кельтоязычные области Британии (Шотландия, Уэльс), а также Ирландия сохраняют своеобразие в постройке жилищ, отличающие их от англо-саксов. Это своеобразие заключается как раз в сооружении «длинных» домов, в которых под общей крышей заключены жилые и хозяйственные отделения⁵²⁵. Нечто подобное было и в Черняховской культуре.

В литературе приведено большое количество фактов, свидетельствующих о связях черняховцев с прибалтийскими и пшеворскими племенами. Много общего оказывается в характере видов изделий, в том числе такого массового, как керамика. Но более широкий взгляд выявляет и более широкую границу распространения сходного материала, и иные главные центры, из которых он распространяется по Европе. Истоком оказывается именно кельтская среда. Именно из кельтской или кельтической среды в разных направлениях распространяются предметы, на основании которых тех же черняховцев сближают с германцами⁵²⁶. Это влияние находится в непосредственной связи с тем «чудовищным разливом» кельтской речи, который Н.Я. Марр обнаружил в Европе от британских морей до Кавказа и Хазарии⁵²⁷. Особая же расположленность к этой речи поморско-венденских и некоторых причерноморских племен объяснялась не в последнюю очередь и их определенной этнокультурной близостью. (Напомним, что ирландские саги выводят своих предков из «Скифии» и указывают примерно тот путь переселения из Причерноморья, которым шли племена колоколовидных кубков).

523 М.А. Тиханова. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры / Древнее жилище... С. 90, 91.

524 А.Л. Монгайт. Указ. соч. С. 332–333.

525 И.Н. Гроздова. Кельтские народы британских островов, Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970. С. 169 и 191. Автор отмечает более широкое их распространение в прошлом.

526 М.Б. Щукин. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке вопроса) КСИА, вып. 133.

527 Н.Я. Марр. Избранные работы. Т. V. М., 1935. С. 430.

События III–IV вв. обычно предстают в историографии как смена гегемонии готов гегемонией гуннов. Но такой взгляд не соответствует даже Иордану — главному источнику о готах и главному их апологету. В других же источниках (особенно греческих) обычно говорится о «скифах», которые покрывают как ираноязычные, так и венедские и германские племена. Одним из главных центров, откуда совершались походы на Римскую империю, была Меотида. Отсюда, в частности, совершались большие морские походы, в которых готовы, по всей вероятности, вообще не принимали участия⁵²⁸. Поллион в описании похода «скифских» племен Причерноморья на Империю в 269 г. в числе других называет и кельтов⁵²⁹. Неясно, какие именно племена в представлении автора являлись кельтскими (певкины-bastarnы упоминаются им отдельно), но очевидно, что в III в. кельты в Причерноморье сохраняли и собственную племенную организацию, и определенную компактную территорию.

Морские походы не случайно совершались из Меотиды, как не случайны совпадения балто-поморских и примеотских этнических наименований. Эта область старой Кimmerии оказывается в какой-то связи с европейским северо-западом, причем связь эта могла быть двусторонней (убежденность, что сами норманы вышли из Меотиды). Вполне вероятно, что в данном случае балто-поморские племена привнесли (или оживили) морские традиции. Готы, однако, практически не были втянуты в морские операции, поскольку они, видимо, никогда и не были морским народом⁵³⁰.

Возышение готов в Причерноморье приходится уже на IV в., причем Иордан (равно как и некоторые его предшественники) смешивал готов с фракийским племенем гетов. Иордан выделяет время правления готского короля Германариха (350–376). Именно к этому времени относится борьба готов и антов, а также появляется на арене племя росомонов, которое будет привлекать внимание в поисках истоков Руси, а также в отношении их с упоминаемыми тем же автором ругами или рогами.

528 Ср. А.М. Ременников. Указ. соч. С. 90–91. Инициаторами морских походов были племена боранов и геролов. По признанию Т. Момзена, преувеличивавшего роль готов в Причерноморье, «поскольку дело касается морских походов в собственном смысле слова, о которых имеются довольно точные сведения, участие в них готов не было особенно значительным: эти походы, собственно говоря, было бы правильнее называть не готовыми, а скифскими» (Т. Момзен. История Рима. Т. V. М., 1949. С. 211).

529 А.М. Ременников. Указ. соч. С. 128. В жизнеописании Клавдия (*Vita Claudi*) перечисляются «различные скифские народы: «Peuci, Grutungi, Austrogoti, Tervingi, Visi, Gipedi, Celti etiam, et Heruli».

530 Версия о происхождении готов из Скандинавии, как отмечалось, ничем не подтверждается. Ср., в частности, исследование Р. Хахмана (R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970, S. 467).

Иордан является главным источником, на основе которого венеты, склавины и анты рассматриваются как части одного народа. Автор поясняет это, имея в виду разлив славянской экспансии в VI в.⁵³¹. Но, как отмечалось выше, венеты только отчасти родственны славянам, может быть вследствие длительного взаимодействия их с протославянами или племенами родственного славянам облика. Указание Иордана бесспорно свидетельствует только о том, что венеты противостояли германцам и в глазах последних представлялись частью блока трех чем-то родственных племен.

Вопрос об этнической природе антов также не является бесспорным. Есть мнение об аланском их происхождении, что обосновывается неясностью (и необъяснимостью из славянских языков) самого этнонима, а также сохранении его позднее на Северном Кавказе⁵³². Однако сохранившиеся антские личные имена решительно не позволяют относить это племя к иранской группе. Ближайшими параллелями и в данном случае оказываются венетско-поморские и кельтские. При этом следует учитывать, что у рядовых общинников-славян личных имен еще не было, а имели таковые лишь вожди, родоначальники, хранители традиций — жрецы, сказители и песнотворцы. И эти имена часто бывали заимствованными.

Большинство антских имен являются сложными. Причем второй компонент — «гаст» нередко воспринимается как признак славизма (как и позднейшее «гост»). Однако у этих имен находятся параллели на далеком западе Европы. Славяно-антским именам: Ардагаст, Андрагаст, Анангаст, Доброгаст, Келагаст, Невиогаст, Оногаст, Пирогаст, Радогаст, Унигаст — находится параллель в именах франков примерно того же времени. Таковы имена: Arogast, Bodogast, Hodogast, Salegast, Widogast, Wisogast и др. Эти имена даже наиболее ревностные германисты отказываются объяснять из германских языков, предполагая в них даже не имена, а титулы или обозначения чиновничьих должностей⁵³³. Между тем подобные имена были широко распространены у кельтов еще в галльское время, и компонент *gast* (*fast*, *gus*, *ues*) означает в этих именах «благородный», «достойный» и так далее⁵³⁴. В антских именах Доброгаст и Радогаст ясно звучит славянское начало. Зато имя

531 Иордан. Указ. соч. С. 71–72, 90. По Иордану, венеты «происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинялись власти Германариха».

532 См.: В.П. Кобычев. Указ. соч. С. 90–96; Ср.: Г.В. Вернадский. Древняя Русь, Л., 1996. С. 170–175. Автор, по существу, отождествил антов с аланами-асами.

533 Ср.: A. Bach. Deutsche Namenkunde. T. I, Heidelberg, 1954. S. 226.

534 F.I. Mone. Op. cit. S. 187–188, 197, 204. См. также: Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч. С. 26 и 47.

Ардагаст окажется целиком кельтическим. Имена Унигаст, Оногаст и, может быть, Анангаст своим первым компонентом сближаются с «гуннским», имеющими элемент «гун», «хун», «ун».

Племенное название анты помимо Северного Кавказа известно и в Галлии. Причем оно соседствовало там с венетами. И этимологически его, видимо, следует поставить в связь с этнонимом венеты. В данном случае важно отметить западные связи этого племени, причем снова пересекаются кельтское и венетское начала. По сравнению с европейскими «гуннами» анты, видимо, впитали больше собственно славянского этнического элемента. Но на восток они продвигались из таких мест, где кельтская речь звучала в галльском варианте.

Хотя анты в начале VII в. исчезают с горизонта (авары оттеснили их от областей, представлявших особый интерес для византийских авторов), можно с большой уверенностью предполагать, что потомки их оказались позднее в составе Древнерусского государства. По сообщению Иордана, в конце IV в. развернулась борьба междуантами, возглавляемыми Бозом (Бузом, Божем), и готами, во главе которых стоял сын Германариха Винитарий. Иордан отмечает частичный успех Винитария: Боз с сыновьями и 70 старейшинами был захвачен и распят готами⁵³⁵. Многие исследователи, в том числе А.А. Шахматов, сопоставляли этот эпизод с упоминанием в «Слове о полку Игореве» «времени Бусова»⁵³⁶. Действительно, «Слово» говорит об эпохе, когда велась борьба далеких предков русских князей с готами, а для этого историей оставлен, в сущности, только один период, как раз отмеченный Иорданом. Следует обратить внимание на одну деталь: согласно «Слову», готы в ходе этой борьбы потерпели поражение.

Анализируя текст Иордана и полемизируя с А.А. Шахматовым, В.П. Петров обращает внимание на то, что «поход окончился не победой, а разгромом готов и гибелью Винитария»⁵³⁷. Именно такая картина запечатлена и в «Слове о полку Игореве». Торжество половцев отодвинуло, заслонило славу прошлого. «Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеся дивъ на землю. Се бо Готьские красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелеютъ месть Шароканю»⁵³⁸. Б.

535 Иордан. Указ. соч. С. 115.

536 О. Огоновський. «Слово о полку Игореве» — поетичний пам'ятник Руської письменності XII віку. Львів, 1876. С. 86–87; А.А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 10, прим. 1. См. также: А.С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М.-Л., 1946. С. 71, 82, 120.

537 В.П. Петров. Письменные источники о гуннах, антах и готах в Причерноморье КСИА, вып. 121. С. 68.

538 Ср.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 1. М.-Л., 1965. С. 20.

А. Рыбаков обратил внимание на то, что здесь сопоставляются три эпохи: время борьбы антов с готами, время значительных успехов в отражении натиска половцев (разгром Шарукана) и эпоха, современная автору⁵³⁹. К этому можно добавить, что если Русь рассматривается в качестве преемника антов, то половцы — преемники готов. Готские девы, очевидно, потому жаждут отмщения за поражение Шарукана, что видят в Руси того самого врага, в результате столкновения с которым у готов осталась только узкая полоска приморья в Крыму.

Как справедливо заметил В.П. Петров, готы терроризировали какие-то антские территории в течение короткого времени: по сообщению Иордана «в течение едва ли одного года». Гунны в данном случае выступили на стороне антов, в результате чего готы были усмирены, а Винитарий убит. Но гунны ограничились вассальным подчинением готов, оставив им собственных князей. В.П. Петров правомерно поставил и другой вопрос: в какой мере (и в каком плане) гибель Черняховской культуры связана с гуннским нашествием?⁵⁴⁰ Если следовать Иордану, то должно признать, что разоряли земли Приднепровья (именно антские земли) готы, а гунны, даже одержав победу над готами, обошлись с побежденными весьма лояльно. Гибель отдельных Черняховских поселений в огне связана не столько с гуннским нашествием (гунны, как отмечено выше, пришли в Причерноморье на столетие раньше готов), сколько с готско-антской войной. Гуннское наступление начинается в районе Меотиды. Гунны вторгаются в Крым с Таманского полуострова и, по существу, не идут далее южных пределов Причерноморья. Самый маршрут следования их никак не соответствует тому представлению, которое бытует в литературе относительно характера вторжения: движение шло не на степных просторах, а на узкой приморской территории. Гунны, подчинившие в конце IV в. готов, — это те самые «скифские» племена, которые за сто лет до этого сотрясали южные берега Черного моря морскими походами. На территории Причерноморья происходил процесс становления военной демократии и ранних государственных образований. Гунны, готовы и анты — три главных участника этого процесса. В конечном счете во главе нового объединения стали гунны. Но это были гунны, привыкшие к морю и чуждавшиеся кочевой жизни в бескрайних степях.

539 Б.А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 73.

540 В.П. Петров. Письменные источники о гуннах, антах и готовах.... С. 69–70.

Таким образом, гуннский союз племен — это чрезвычайно пестрое в этническом отношении объединение, преобладающая роль в котором принадлежала венето-поморским племенам и которые возглавили гунны-фризы. Запустение черняховских поселений было связано не столько с их разорением (последнее имело место главным образом как следствие грабительских нападений готов), сколько в результате миграции всего населения в составе военизированного союза на Средний Дунай, к границам развалившейся Римской империи. Примерно в то же время и таким же образом запускаются и поморские прибалтийские поселения. При этом, если из зоны оксыевской культуры племена снимаются постепенно на протяжении II–IV вв., то пшеворская культура исчезает, по существу, сразу, как и Черняховская, в конце IV столетия.

В V в. на Дунае оказываются многочисленные племена венето-вандальской группы, и все они так или иначе входят в состав гуннского объединения. Этот факт побуждает поставить вопрос о согласованном движении варваров к границам Империи. От несколько более позднего времени сохранилось свидетельство, показывающее, как это делалось. В конце VI в., как сообщает Феофилакт Симокатта, каган аварский направил послов к славянам, жившим «у края Западного Океана», с предложением принять участие в походах на римлян (византийцев). Ответное посольство (в составе трех гусляров) добиралось до авар 15 месяцев. Славяне уклонились от участия в предприятиях авар, ссылаясь на дальность пути. Византийцам они к этому добавили еще явно «дипломатическое» свидетельство об отсутствии в стране славян железного оружия⁵⁴¹.

Римская дипломатия, естественно, приложила немало усилий для взрыва варварской коалиции изнутри. В известном смысле ей это и удалось. Но нельзя не отметить, что значительная часть варварских племен, пришедших из Балтийского Поморья, сознательно и не без энтузиазма стала под гуннские знамена. Этого, разумеется, нельзя было достигнуть путем военного подавления. Очевидно, варварские племена разделяли и координировали основные цели, ради которых они покинули насиженные места. Облегчалась же возможность совместных действий тем, что и в причерноморском, и в прибалтийском союзах преобладали диалекты одних и тех же «гуннских», т. е. венето-кельтических языков.

541 Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С. 139–140.

В настоящей работе нет необходимости ставить вопрос о причинах ухода многих племен с территорий, где они проживали несколько поколений или даже столетий. Преобладающими, по-видимому, были внутренние причины, но определенную роль играли и события в римско-византийском мире. Разрыв определенной экономической системы — Империя и варварская провинция — отрицательно сказался на экономике той и другой. Снижению уровня и качества производства способствовало и то обстоятельство, что в ходе классообразования и возникновения ранних государственных образований на верху социальной лестницы оказывались племена, запаздывавшие в развитии. В Причерноморье, очевидно, наиболее экономически развитыми были автохтонные земледельческие племена, а во главе объединения оказались племена венето-германские, стоявшие на более низкой стадии развития. В потоке движения на запад оказалось и автохтонное население, в результате чего естественное развитие в этих районах оказалось прерванным. Этим объясняется тот глубокий перепад, который наблюдается в Поднепровье на рубеже IV–V вв.

Для понимания хода событий в последующее время важно было бы установить, какие племена и этнические группы остались на своих местах или хотя бы не ушли вообще из междуречий Днестра — Днепра — Дона. Противоречивые указания письменных источников объясняются, конечно, не только противоречивостью источников, используемых древними авторами, но и быстрой сменой ситуации на одних и тех же территориях. Даже на жизни одного поколения могли возвышаться то одни, то другие племена. В итоге вокруг растекается «слава» то об одних, то о других, хотя они, может быть, сотни лет живут на одной и той же территории. Сами условия возникновения и затем передвижений гуннского союза почти исключали возможность сохранения автохтонного земледельческого населения в степной части Причерноморья. Прежнее население могло остаться только по морскому побережью и в лесостепной полосе. В районе горного Крыма уцелела горстка готов, сохранившаяся там вместе с алантами («росомонами» Иордана?) и, видимо, ругами вплоть до позднего Средневековья. Таким образом, в том же Крыму (т. е. области, откуда как будто началась первоначальная гуннская экспансия) сохранялось какое-то население, называемое византийскими авторами «скифским» или «тавро斯基фским». Родственное этому население оставалось и в некоторых районах Меотиды. Что касается Среднего Поднепровья, то там потомки Черняховского населения обнаруживаются по антропологическим данным, причем традиция ведет и далее в глубь веков,

вплоть до киммерийского времени. Этот Черняховский и глубоко древний этнический элемент будет позднее проявляться в облике полян. Поэтому было бы важно выявить, в какой мере он сохранял самобытность в черняховское время.

Иордан сообщает о двух племенах, с которыми пришлось иметь дело готам в Причерноморье и которые, по-видимому, не ушли вместе с другими племенами со своих территорий: это упомянутые росомоны и спалы. Со спалами готы встретились в начале своего пути на юг, а с росомонами уже в конце пребывания в Причерноморье.

Спалы, как отмечалось, неоднократно привлекали внимание специалистов возможными рядами созвучий. С одной стороны, сходное название — «спалеи» встречается у Плиния Старшего, с другой — с этим названием сближаются «споры» Прокопия Кесарийского, которых автор рассматривал как древнее имя склавинов и антов. Отсюда ряд продолжается до позднейших «полян» или «полей» русской летописи, а в глубь веков идет к паралатам, причем сам этноним в конечном счете объясняется от иранского «спар» — плуг. К сожалению, Иордан не дает достаточно надежных данных для локализации упоминаемых им спалов. Готы столкнулись со спалами в области, называвшейся на их языке «Ойум», что сближается с готским Аирт — «страна, изобилующая водой», «речная область»⁵⁴². Территорию эту обычно ищут в низовьях Днепра, исходя из мест позднейшего обитания готов⁵⁴³. Но местность, замкнутая болотами и омутами, более подходит к бассейну Припяти. Судя по глухим и противоречивым намекам Иордана и отсылкам его к разным авторам, здесь произошло разделение готов, причем одна группа их пошла «в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем», а другая осталась, не будучи в состоянии перебраться через реку. Об этой другой части Иордан ничего не говорит, и не исключено, что предание объясняет появление двух подразделений готов: остготов и вестготов. Только вряд ли можно удовлетвориться таким объяснением⁵⁴⁴. Скорее речь должна идти о разделении переселенцев на две группы, одна из которых прошла на юго-восток, а другая двинулась по пути, ранее проложенному бастарнами. Спалам в этом случае

542 Иордан. Указ соч. С. 70 и 195 (комментарий).

543 Ср там же. С. 195–196; Ф.А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. С. 224.

544 Ср.: Иордан. Указ соч. С. 195–196 (комментарий): «Характер этих мест объясняет и причину оседания части племени либо на островах, либо на правом берегу. Не это ли обстоятельство послужило в дальнейшем поводом к тому, что готы стали жить двумя самостоятельными частями?...». Разделение готов на две группы, очевидно, связано не с географическими случайностями, а с более глубокими причинами.

может быть отведено как раз Среднее Поднепровье, может быть территория зарубинецкой культуры в ее южной части.

«Вероломное племя росомонов», согласно Иордану, оказывается причиной гибели Германариха. Готский король приказал разорвать на части женщину из этого племени, и ее братья нанесли Германариха рану, которая в конечном счете и привела его к гибели⁵⁴⁵. Племя это находилось в самом тесном соседстве с королевской резиденцией, т. е. обитало на юге Черняховского ареала. Выступление росомонов против готов явились своеобразным сигналом для наступления на готов гуннов.

Ни один исследователь, писавший о начале Руси, начиная с М.В. Ломоносова, не проходил мимо «росомонов» Иордана, поскольку название недвусмысленно фиксирует в южных пределах будущей Руси «народ Рос». Чаще всего это племя сближают с роксаланами, т. е. признают ираноязычным⁵⁴⁶. Имеется мнение и о его германоязычии⁵⁴⁷. Некоторые немецкие авторы весь этот эпизод с росомонами считают вымыслом эпического характера⁵⁴⁸. Последнее мнение — явная дань гиперкритицизму. Если быть последовательным в таком подходе к Иордану, очевидно, нужно будет отказаться от всех заключенных в его истории сведений. Между тем не только племенное название, но и имена представителей этого племени свидетельствуют о реальности его существования.

Иордан называет три имени росомонов: Сунильда, Сар и Аммий. Эти имена не могут восприниматься как вымысел хотя бы потому, что они не германские. Имя Сунильда явно содержит обычный венето-кельтский (или протокельтский) компонент «ильда». Но в образовании имеются и местные, автохтонные признаки. Имя Сунильда — это, вероятно, лишь дериват имени Хунильда (Гунильда), где первый компонент фиксирует уральское «хун». Замена же «х» на «с», как отмечалось, во многих случаях является отличительным признаком индийской языковой ветви по отношению к иранской. В этом имени может проявляться воздействие меотских племен, в частности синдов, и росомонов можно было бы рассматривать как их соседей.

545 Там же. С. 91–92.

546 Такое сближение предлагал уже М.В. Ломоносов. См. также: П.Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. С. 105.

547 Ср.: В.П. Кобычев. Указ. соч. С. 149.

548 L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1934, S. 241.

Труднее расшифровываются два других имени. Имя Сар может быть понято как иранское: этот компонент (в значении «голова» и т. п.) входит в состав многих этнических и личных иранских имен. Но в «чистом» виде в иранском именослове оно не встречается. С другой стороны, известны фракийские имена с таким же компонентом⁵⁴⁹. Известны также кельтские (ирландские) параллели: Saren, Sarchu⁵⁵⁰. Значение и в том и в другом случае остается неясным. Заслуживает внимания также прямая параллель в названии реки Сар в Каппадокии, а также малоазиатские области Саравена и Сарамена⁵⁵¹, особенно если учесть частое совпадение имен с названиями рек и других топонимов.

Имя Аммий имеет прямую параллель в имени известного греко-римского историка Аммиана Марцеллина, где суффикс «ан» означает характерное для латинского языка указание на принадлежность. Но для греко-романского мира это имя вообще не характерно. Оно явно привнесенное. Поэтому снова заслуживают внимания малоазиатские параллели: один из центров Понтийского царства, упоминавшийся выше город Амис (Амиса), выходцы из которого появлялись в городах Крыма⁵⁵², а также пафлагонская река Амний⁵⁵³. Имеются параллели и в кельтских именах: Амиорикс, Аммину, Аминта и т. п.⁵⁵⁴ Возможно, корень «ами» отражает древнюю традицию, восходящую к эпохе арийско-семитских контактов в пределах Передней и Малой Азии и в других районах Средиземноморья и Причерноморья. «Амин» в семитских языках — «истинный», «Аминод» — господин и т. п.

Представляет интерес и еще одна параллель: в Ирландии есть графство Роскоммон (провинция Западный Коннаут). Название это весьма древнее. В ирландских хрониках под 807 г. сообщается, что «даны и норвеги пристали в Ирландии, и лежащую перед ними область Роскомонию опустошили железом и огнем»⁵⁵⁵. В разных вариантах написания этнонима у Иордана есть и «рокомоны». В ирландском варианте «комон» понятие географическое, а не

549 Ср.: Т.Д. Златковская. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971. С. 234 (легенды на монетах около 400 г. до н. э.: Cap, Саратоко, Сарато).

550 Ср.: M.E. Dobbs. The History of the Descendants of Ir // ZCPH, B.XIV. Halle, 1923, P. 70, 92,94.

551 Ср.: Страбон. Указ. соч. С. 503, 504, 513. Автор упоминает также «племя горцев» фракийского происхождения, поселившихся «над Арменией», — сарапаров, объясняя само это название как «отрубающие головы» (там же. С. 300). Название, очевидно, иранское, если только иранское в данном случае не сближалось с фракийским. Что же касается обычая, он, как отмечалось, был распространен у кельтов и тавров.

552 Ср.: Э.И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 15–16 (расшифровка этникона «Ами» как «Амисец»),

553 Ср.: Страбон. Указ. соч. С. 526.

554 Там же, С. 531–533. A.Holder. Op. cit. T. I, P. 128. T. III, P. 594–595.

555 J. Hotham. Antiquitates Celti-Normannicae. Copenhagen, 1786. P. 73.

этническое. Но и причерноморские росомоны могут осмысливаться как «народ рос» вопреки первоначальному значению понятия. А возможная близость поведет едва ли не к киммерийскому времени.

Ниже будут рассмотрены разные варианты значения имени «рус» или «рос» и соответственно разных «видов» русов, о которых говорят восточные источники. На востоке Европы — это роксаланы и аланы, на Западе — руги и рутены. А в границах Черняховской культуры были, похоже, и те и другие. Во всяком случае, области Крыма и Меотиды оказались местами их пересечения.

Иордан остается самым авторитетным источником по истории Черняховской культуры последнего века ее существования. Здесь впервые упоминаются анты, по общему мнению, славяне или ославленные племена. В истории готов особо видное место принадлежало Германариху, герою многих позднейших сказаний. Именно Германарих покорил близ Меотиды герулов. Покорил он и «рогов» (ругов)⁵⁵⁶. Затем покорил венетов, которые во времена Иордана делились на собственно венетов, антов и склавенов⁵⁵⁷. У Иордана зафиксировано и «вероломное племя росомонов» в связи с конфликтом, приведшим к кончине Германариха «на сто десятом году жизни». Росомонов поддержали гунны, утвердившие на волне противостояния росомонов и готов свое господство над всей территорией Черняховской культуры. Готы вынуждены были покориться гуннам, но сохранили определенные привилегии. Преемник Германариха Винитарий начал войну против антов как потенциальных союзников гуннов, и после нескольких сражений «распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения». Король гуннов Баламбер вновь наказывает и приводит к повиновению готов⁵⁵⁸.

В литературе неоднократно обращали внимание на весьма любопытную параллель: в «Слове о полку Игореве» в песнях Баяна отмечается «время Бусово», когда предки Руси вступили в борьбу с готами, о чем вспоминали и «готские девы» в Крыму, жаждая за что-то «отмщения» и русам XII в. Изустная традиция, как следует из отмеченного факта, могла доносить важные факты и предания на протяжении многих столетий и даже тысячелетий (применительно к генеалогии).

⁵⁵⁶ Иордан. Указ. соч. С. 89.

⁵⁵⁷ Иордан. Там же. С. 90.

⁵⁵⁸ Там же. С. 115.

Но Иордан не знал, что гунны в Причерноморье были уже во II в., и приводил их с Востока лишь в IV столетии. Как вторжение с далекого Востока ему представлялось и нашествие возглавляемого гуннами союза племен на Средний Дунай, в приграничные с Римской империей области. Эта версия получила широкое распространение и в литературе. Из «Скандзы» выводил Иордан своих «подопечных» готов и многие другие народы, и эта версия также получила широкий резонанс в литературе. Иногда дело доходит до курьезов. Серьезные исследователи устанавливают близость «больших домов» Черняховской культуры (указание на «большие семьи» занимавших их наследников) с аналогичными строениями на побережье Северного моря, то есть в «Гунналандии» — Фрисландии, а вывод — это пришедшие из Скандинавии и основавшие Черняховскую культуру готы. Между тем, как показано выше, преобладало движение от Средиземноморья к Балтике и в эпоху Троянской войны, и в период экспансии Рима в конце I тыс. до н. э. и первых веков начала н. э. Называя ругов и раниев в числе выходцев с того же «острова Скандзы», Иордан замечает, что это были «племена, превосходящие германцев как телом, так и духом»⁵⁵⁹. Иными словами, племена с «острова» различались даже «телом». Это отличие просматривается и по антропологическим данным, на что весьма основательно указала Т.И. Алексеева: «Если считать готов носителями так называемого германского комплекса черт, то ни в одном месте, где можно было бы ожидать наличия готов, этот комплекс не просматривается»⁵⁶⁰.

В поисках «истинных» германцев обычно останавливаются на ясторфской культуре (последние вв. до н. э. — III в. н. э.), располагавшейся в междуречье Одера и Эльбы и названной по могильнику у поселения Ясторф на левобережье Нижней Эльбы. С запада к ней примыкают родственные культуры, с востока — соперник в виде оксыцкой культуры. Готы оказались в низовьях Вислы, в центре оксыцкой культуры, и этим может объясняться специфика готского диалекта немецкого языка. Наиболее полной подборкой материала по этой проблеме явились в нашей литературе работы В.А. Могильникова⁵⁶¹. Судя по заимствованным из разных западных археологических разысканий данным,

559 Там же. С. 70.

560 Т.И. Алексеева. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху Средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974. С. 84.: се же. Славяне и германцы в свете антропологических данных. В.И., 1974, № 3. С. 64–65. Германские черты на территории Черняховской культуры вообще не просматриваются.

561 См.: В.А. Могильников. Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. М., 1974. Его же: Сравнительный анализ погребального обряда племен черняховской культуры и населения Готланда // Могильники Черняховской культуры. М., 1979

движение шло именно с запада на восток и юго-восток. В легендарной «Скандзе» индоевропейское население также появилось с континента, причем уже в эпоху мегалитической культуры, и особенно интенсивно оно проникало туда после завоевания Римом Галлии и Британии. Многие племена ушли из Галлии целиком в сторону тех же ясторфской и оксывской культур.

Судьба росомонов Причерноморья остается неясной. Среди племен Среднего Подунавья, объединенных под гунским владычеством, они не упоминаются. Вполне вероятно, что они остались в Причерноморье. Возможно, что именно их имел в виду, описывая народ Рос на северном побережье Черного моря, сирийский автор VI в.⁵⁶². А руги — роги уйдут вместе с гуннами на Средний Дунай и примут участие в бурных событиях конца IV–V в.

Как уже упоминалось выше, в литературе до сих пор Черняховская культура считается готской, а пришествие и нашествие гуннов датируется 375 г. Указание на несостоительность такого взгляда, обосновывавшееся в свое время В.П. Петровым⁵⁶³, не привлекло должного внимания. О «гуннском нашествии» в 375 г. говорит, в частности, В.В. Седов⁵⁶⁴. Между тем внимание прежде всего должен привлечь тот факт, что на Среднем Дунае встретились — явно по договоренности — родственные племена из Причерноморья и побережий Северного моря и Балтики. Распад Империи в конце IV в. на «Западную» и «Восточную» манил на похоронную тризну варваров.

Гунское объединение на Среднем Дунае включало готов (собственно остатков, поскольку вестготы — западные готы находились за пределами этого объединения и в конечном счете противостояли ему), ругов, герулов, скирров, гепидов и близкие им племенные группы. Наивысший подъем объединение достигает в период правления Аттилы. И примечательно само это имя. Сами по себе имена, конечно, не определяют этническую принадлежность. Иордан оставил в этой связи чрезвычайно важное указание как общего, так и конкретного значения. «Все знают и обращали внимание, — замечает он, — насколько в обычай у племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов — германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские»⁵⁶⁵. А заимствование почти всегда вызывается уважением и желанием присоединения к славе

⁵⁶² Ср.: Н.В. Пигулевская. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э., / Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

⁵⁶³ См.: В.П. Петров. Письменные источники о гуннах, антах и готах в Причерноморье, КСИА, вып. 121. С. 67–73. И другие его публикации.

⁵⁶⁴ В.В. Седов. Славяне в древности. С. 287–289.

⁵⁶⁵ Иордан. Указ соч. С. 77.

«заемодателя». И, конечно, имена свидетельствуют о реальных контактах народов и племен, а выяснение истоков дает значительный материал для понимания традиций этнических и культурных влияний. Отчасти об этом выше говорилось. А в данном случае следует обратиться к именам господствующей верхушки Среднедунайского объединения. И «гуннские» имена готов свидетельствуют о фактическом признании ими приоритета гуннов, а вовсе не покорность побежденного племени.

Представление об азиатско-монгольском происхождении реальных гуннов II–V вв. н. э. ставит лингвистов перед определенными трудностями. Так, имена Аттилы и его брата Бледа явно индоевропейские. В.М. Жирмунский вынужден был, вопреки прямому свидетельству Иордана, настаивать на обратной зависимости: он полагал, что Аттила значило в готском языке «батюшка»⁵⁶⁶. Но истоки ведут опять-таки к кельтским языкам⁵⁶⁷. Имя Блед, по всей вероятности, происходит от кельтского *bled*, *blaíd* — «волк» (подобные имена известны в Уэльсе⁵⁶⁸). Кельтический подслой фризы-гунны впитали еще на северо-западе Европы, а имя Аттилы не случайно оказалось и в северных сагах, и у балтийских славян как имя их собственного правителя.

Риму удалось рассорить разнородные племена гуннского объединения. Расколоты были и готы и руги. На Каталаунских полях в Галлии в 451 г. в грандиозной битве «варвары» истребляли друг друга. Иордан в обстоятельном рассказе о битве называет 180 тыс. погибших. Примечательно, что Аттила воодушевлял воинов напоминанием о фортуне, которая открыла «предкам нашим путь к Меотидам, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным». Е.Ч. Скржинская увидела в этих словах «напоминание о пути гуннов в Европу, который много столетий оставался закрытым»⁵⁶⁹. Но смысл здесь явно иной: «сокровенная Меотида» была вовсе не кратковременной остановкой на пути из далекой Азии в Европу, а областью, куда переселялись на постоянное место жительства «безоружные», перед которыми судьба заставила «отступить вооруженных». Здесь как раз объяснение реального факта переселения гуннов-фризов в Меотиду во II в. н. э.

566 В.М. Жирмунский, ВДИ. М-, 1938, Ms 4(5). С. 260. (Раздел «Хроника», где, в частности, сказано о докладе В. Д. Удальцова «Проблема этногенеза и вопрос о происхождении готов». Жирмунский присоединился к выводу докладчика, что «готы», как и «гунны» — имена «собирательные», и заключил указанной фразой, как бы «поправлявшей» Иордана.)

567 Ср.: Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ соч. С. 53 (ирл. *Athir* — «отец» и т. д. Славянское «отец» А.А. Шахматов считал заимствованием из кельтского. Еще ближе шотландская параллель — *Athill* (*Hathill*) — «знатный» (Ср.: W.A. Craigie. A dictionare of the older Scottish tongue from the twelfth century to the end of the seventeenth. Vol.III, Chicago, 1953–1957, PP. 66–67).

568 E. Weekly. Surnames. L. 1936. P. 286.

569 Иордан. Указ. соч. С. 107.

После смерти Аттилы (453 г.) объединение вскоре распалось в результате разгоревшихся усобиц и борьбы за власть. Иордан сообщает, что «руги... и многие другие племена испросили себе для поселения Биццию и Аркадиополь». Это область Фракии, примыкающая к Мраморному морю, где позднее будет одна из «Русий». Возможно, ветвь этих же племен прошла и далее по северному побережью Черного моря вплоть до Крыма и Таманского полуострова.

Примечателен и еще один эпизод, описанный Иорданом. Паннонию занимали остготы под началом короля Валамира и его братьев — Тиудомера и Видемира. (Имена кельтические, похожие на позднейшие славянские.) На Валамира напали сыновья Аттилы, но после неудачи покинули Подунавье и «направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра; на своем языке гунны называют его Вар»⁵⁷⁰. О названии речь была выше. Факт же возвращения гуннов на территорию бывшей Черняховской культуры подтверждается археологическими материалами. В Среднем Поднепровье, а также по черноморскому побережью распространяются весьма выразительные «пальчатые фибулы» — застежки от плащей именно того типа, который был распространен в это время в Подунавье⁵⁷¹. Заслуживает объяснения и факт появления аналогичных фибул в то же время и в Восточной Прибалтике. Может быть, в эту же связь следует поставить и факт распространения своеобразного культа Аттилы у балтийских славян или славянанизированных племен.

3. Среднее Поднепровье накануне образования Древнерусского государства

Социальные и военные катаклизмы, сопровождавшиеся отрывом значительных масс населения от производительного труда, привели к значительному упадку старых экономических районов Северного Причерноморья. Отлив населения на запад в составе гуннского объединения привел к запустению некогда цветущие поселения ремесленников и земледельцев. Богатые ранее районы превратились в полупустыни. Последствия событий IV–V вв. предстают перед историками и археологами как результат

570 Там же. С. 120.

571 См.: И. Вернер. К происхождению и распространению антов и склавенов СА, 1972, № 4. С. 102–197.

поистине колоссального разрушения. И разрушение это шло в основном изнутри.

В полемике по вопросу об этническом составе населения Черняховской культуры одним из главных аргументов против сближения черняховцев со славянами будет заметно более низкий уровень достоверно известных славянских древностей VI в. При этом, как правило, не только не учитывается возможность регресса (кстати, поразившего весь как римский, так и провинциальный мир), но не рассматривается и вопрос о разных славянских культурах.

Как можно было видеть, в черняховское время славяноязычные или родственные им племена располагались, по крайней мере, от Паннонии (а вернее от Иллирии) на западе и до Днепра на востоке. «Гуннский» язык проявляет знакомство со славянскими языками. А в составе гуннского союза славяне занимают столь значительное место, что венеты оказались ославленными. По-видимому, славянами были поглощены и отдельные кельтские племена или их остатки, продвинувшиеся к Приднепровью и Причерноморью. Развал гуннского объединения после смерти Аттилы поставил славянские и славяноязычные племена в самые различные положения.

Согласно источникам, гунны после развала племенного союза и кровопролитных усобиц отступили назад к Днепру и Причерноморью, готы и вандалы в большинстве ушли на запад, ряд германских и венето-гуннских племен (гепиды, лангобарды, герулы) уничтожали друг друга в междоусобной борьбе. И чем сильнее поднявшаяся в Средней Европе волна разносила все эти племена в разные стороны, тем явственнее на этой территории проступает славянский элемент.

В эпоху Иордана венетские племена, расположавшиеся «на безмерных пространствах» к северу от Карпат, имели разные названия, «соответственно различным родам и местностям». Преимущественным же именем их было: склавины и анты⁵⁷².

Славины и анты, очевидно, имена родовые. Позднейшие письменные источники фиксируют названия «по местностям». Такого же рода названия известны были и ранее (хотя бы «озериаты» у озера Балатон). Названия «по местностям» известны прежде всего одноязычным соседям. Для чужестранца они непонятны, а потому трудно запоминаемы. Поэтому утверждается

572 Иордан. Указ. соч. С. 71–72.

собирательное название. Для славян VI в. таковыми были три: склавины, венты, анты. Хотя Иордан и считал эти наименования лишь разными названиями одного и того же народа, он все-таки указал на три разные зоны, с которыми эти названия были связаны. Так, венеты занимают территории севернее Карпат, склавины проживают от Днестра до неопределенных западных районов, анты обитают в междуречье Днестра и Днепра.

Склавины, очевидно, преобладали в тех областях Подунавья, где одно время располагался центр гуннской державы. Источник рубежа V–VI вв. упоминает склавин в районе Иллирии или Норика, т. е. там, где русский летописец видел прародину всех славян⁵⁷³. Эти славяне уже приняли христианство. Не исключено, что сюда сдвинулась ветвь славян под напором великого переселения. Но могли это быть и давние местные племена или их уцелевшие под римским прессом осколки. Согласно греческим источникам, склавины в VI в. решительно преобладали по всему левому берегу Дуная вплоть до его низовий. Ясно, что это были разные славянские или ославленные племена, имевшие и разную культуру, и неодинаковые традиции, и неодинаковый уровень социального развития. Отчасти этим может объясняться разнобой источников в характеристике славянских обычаяев.

Анты представляли восточную ветвь славян. В литературе высказывалось мнение, что анты — это аланская племя (на этом, в частности, настаивал Г.В. Вернадский). Однако антские имена не дают оснований для такого рода заключений. Поскольку, как отмечалось, если в них и оказывается неславянское участие, то оно связано прежде всего с кельтским миром. Иными словами, будучи наиболее восточной славянской ветвью, анты сохраняли западные связи и, может быть, свидетельства западного же своего происхождения.

Анты находились в Восточной Европе, по крайней мере с IV в., когда они стали объектом нападений со стороны готов. Их территория в этот период не определяется ни по письменным источникам, ни по археологическим данным. Очевидно, они составляли какую-то часть Черняховской культуры, и вероятнее всего территория эта примыкала к Поднепровью. Но на той же территории размещался и племенной союз спалов, если только оба племени не входили в состав единого союза. На территории Среднего Поднепровья издревле взаимодействовали и противоборствовали разные славяноязычные племена

573 Ср. там же. С. 211 (комментарий Е.Ч. Скржинской), а также: А.В. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей VII в. н. э.//ВДИ. 1941, № 1.С. 231. Надпись — эпитафия аббату Думийского монастыря (у впадения Соны в Рону), позднее епископа города Бракара в северо-западной Испании. В числе крещенных им племен называются «паннонцы, руги, склавы, нары».

(среди которых были милоградовцы и зарубинцы и, может быть, еще некоторые племена). В каком отношении к ним находились анты — определить трудно, поскольку единственный доступный показатель их этноса — имена — имеет ту самую центральноевропейскую кельтскую окраску, которую можно ожидать обнаружить у всех славянских племен. (Территориальная община славян долгое время противодействовала утверждению личных имен.) С другой стороны, несмотря на указания Иордана и Прокопия Кесарийского о значительных территориях, занятыхантами, вряд ли только с ними должны связываться славянские культуры Восточной Европы, выделяемые археологически. Анты предстают в источниках то как союзники склавинов, то как их противники. Нередко они выступают в качестве союзников «римлян» (византийцев), достигая в таком качестве даже Италии⁵⁷⁴. Но, как и в отношении склавинов, в источниках часто дается обобщенное наименование ряда племенантами. По сообщению Феофилакта Симокатта, в конце VI в. аварский катай, воевавший с Византией, приказал истребить все племяантов⁵⁷⁵. После этого источники действительно не упоминаютантов. Но и приказ кагана и его возможная реализация не могли, конечно, иметь в виду все бесчисленные племенаантов, упоминаемые византийскими авторами. Речь, видимо, шла о каком-то одном из племен или воинских подразделений, выступавшем на стороне Византии. Его возможная гибель вызвала изменения во взаимоотношениях между восточнославянскими племенами, способствуя возвышению новых объединений.

В византийских источниках часто смешиваются склавины, анты и гунны. Гунны первоначально отошли к исходным районам, прежде всего к Меотиде. Там их и позднее они упоминают, перенося на вновь появляющиеся здесь тюркские племена название «гунских». Вместе с тем гунны в VI в. неоднократно проявляют себя и на Дунае, причем обычно здесь они выступают вместе со славянами. Сами авары обычно рассматриваются как ветвь гуннов. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что по антропологическим данным монголоидный компонент среди авар крайне незначителен (хотя проявляется именно в социальной верхушке). Он, по существу, не выше, чем у сарматов — племен иранской языковой ветви⁵⁷⁶.

574 Ср.: А.В. Мишулин. Указ. соч. С. 238 (отрядантов в качестве союзника римлян в области луканов). С. 243 (набеги славян иантов, а также гуннов на Иллирию).

575 Там же. С. 268.

576 См.: Т.А. Тот, Б.В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Аварты и сарматы. Л., 1970. С. 29, 33, 146. Чисто монголоидные черепа встречаются лишь отдельными индивидами: у 7,7 % аваров и 10 % сарматов.

Уже при отходе гуннов к Меотиде с ними неизбежно должен был оказаться славянский элемент. В дальнейшем удельный вес этого компонента неизбежно повышался вследствие общего широкого движения славян на юг и совместных выступлений славянских и гуннских племен по границам Империи. Д.И. Иловайский, доказывавший в свое время славянство болгар, был, конечно, не прав⁵⁷⁷. Но быстрая ассимиляция болгар славянами была, несомненно, подготовлена теми контактами, которые «гуннские» и тюркоязычные племена имели со славянами еще в Меотиде и в других районах Причерноморья на пути к Дунаю.

В V–VI вв. на больших пространствах от Прута до Дона, несомненно, появляется новое население. В отдельных районах происходит полная его смена: заселяются территории, покинутые в конце IV столетия. Полная смена населения по антропологическим данным прослеживается в междуречье Прута и Днестра, причем позднейшее славянское население отличается от предшествующего Черняховского и по своему внешнему облику⁵⁷⁸. Именно бесспорный факт смены населения на значительной части прежней Черняховской территории служит обычно основанием для ограничения славянских древностей временем начиная с VI в. Это с особенной четкостью отразилось в работах И.И. Ляпушкина и, может быть, в еще большей степени в публикациях М.И. Артамонова. Но даже и П.Н. Третьяков, уверенно признававший славянской зарубинецкую культуру, отказался признать какие-либо славянские элементы в культуре черняховцев. Он, в частности, решительно возразил против тезиса о «варваризации» провинциальных культур в эпоху великого переселения народов, с которым в свое время выступил В.П. Петров⁵⁷⁹. По мнению П.Н. Третьякова, «культуру населения Среднего

577 Ср.: Д.И. Иловайский. Болгары и Русь на Азовском поморье // ЖМНП, 4.177. СПб., 1875.

578 М.С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. С. 91, 105–109.

579 Ср.: В.П. Петров. Про зміну археологічних культур на території УРСР у V ст. н.е./ Археологія. Т. XVIII, Київ, 1965.

Поднепровья третьей четверти I тыс. н. э. ни в коей мере нельзя рассматривать как результат «варваризации» Черняховской культуры. Если бы такое явление действительно имело место, в новой культуре в той или иной форме неизбежно сказывались бы пережитки прошлого. Культура VI–VII вв. в Среднем Поднепровье не имела никаких Черняховских пережитков». Автор полагает, что «все ее слагаемые — расположение и облик селений, такой важный элемент культуры, как жилище, характер и формы керамики, погребальная обрядность — это отнюдь не результат «варваризации» Черняховской культуры, а совершенно чуждые ей особенности. В отличие от Черняховской культуры новой культуре была свойственна значительная самобытность, свидетельствующая о том, что она сложилась далеко за пределами римского мира, вне контактов с ним. В Среднее Поднепровье эта культура несомненно была привнесена извне. Сюда пришли новые племена»⁵⁸⁰.

Концепция П.Н. Третьякова в целом сводится к мысли о «возвращении» зарубинцев: оттесненные в свое время черняховцами на север, они возвращаются в Среднее Поднепровье после падения Черняховской культуры. У автора безусловно имеются определенные основания для выдвижения и обоснования такой схемы. Но его концепция встречает и мотивированные возражения: среднеднепровская культура имеет ряд особенностей, отличающих ее от современных ей верхнеднепровских⁵⁸¹.

В послечерняховское время на территории от Днестра до Дона складывается ряд локальных культур, более или менее значительно отличающихся друг от друга. Выделяют, в частности: Среднее Поднепровье, бассейн Южного Буга, Восточную Волынь, Западную Волынь и Верхнее Поднестровье, Левобережье Днепра⁵⁸². Принципиальное значение имеет прежде всего сопоставление культур типа Корчак и той, что в литературе иногда связывается с «древностями антов».

Русские летописцы XI в., рисуя картину расселения славянских племен в IX–X вв., называют в Среднем Поднепровье полян, северян и уличей, а западнее их древлян, волынян (или бужан, или дулебов) и в некоторых записях хорватов. Поднестровье в IX–X вв. занимали тиверцы, куда позднее переместились и улици. В настоящее время многие археологи отмечают консервативность, или устойчивость традиции на протяжении VI–IX вв., в результате чего

580 П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. С. 95.

581 И.П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья Славяне и Русь. М., 1968. С. 143–150.

582 Археология Української РСР. Т. III. С. 91.

представляется возможным использование ретроспективного метода в этих хронологических пределах. Далее, однако, наблюдается перерыв в традиции, который пока убедительного истолкования не получил.

Одной из заметных культур Правобережной Украины является круг древностей типа Корчак, относящихся к VI–VII вв. Основная зона древностей совпадает с территорией древлян. Она располагается на запад от Днепра (ниже устья Припяти), на юг от Припяти до верховьев Тетерева и Днестра. На западе памятники типа Корчак смыкались с областями распространения памятников пражского типа в Польше и Чехословакии. Как отметила И.П. Русанова, «памятники типа Корчак близки древностям пражского типа, известным на землях западных славян... и могут быть объединены с ними в одну археологическую культуру»⁵⁸³. Позднее на базе этой культуры развивается культура типа Луки Райковецкой (VIII–IX вв.), с которой на Левобережье Днепра сближаются памятники роменско-боршевской культуры.

Картина своеобразной экспансии племен — носителей культуры типа Корчак — подтверждается и антропологическими данными. Антропологический облик носителей непосредственно этой культуры не может быть выявлен, поскольку у славян устойчиво сохранялось трупосожжение. Но ретроспективный метод и в данном случае может быть достаточно надежным. Как только переход славян к трупоположению дал антропологам необходимый материал, они зафиксировали на территории Украины преобладание древлянского типа, причем и современное население Украины в основном может возвращаться к древлянам, как численно преобладающему населению⁵⁸⁴.

Специалисты как будто не пытаются определить, откуда начинается распространение племен, носителей культуры типа Корчак или пражского типа. Но вопрос может быть поставлен и в другой плоскости: распространяются ли они из одного центра, или на этой территории в V–VI вв. происходили одинаковые процессы и возникали, хотя бы временные, культурные контакты. VI в. — это время бурной славянской экспансии, причем осуществляется она из зоны культуры пражского типа, т. е. из полосы от Одера до Днепра. Отсюда славяне выходят к Балтийскому морю, занимая опустевшие после ухода венето-германских (и отчасти, может быть, славяноязычных же) племен поморские

583 И.П. Русанова. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973. С. 5.

584 Ср.: В.П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969. С. 194–195; Т.И. Алексеева. Этногенез восточных славян. С. 201–203 (автор отделяет от современных украинцев не всех полян, а полян киевских); М.С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. С. 109–110 (о близости к древлянам населения междуречья).

территории и острова. Отсюда славяне проходят далее на запад, достигая Британии. Отсюда они вторгаются в задунайские области и на Балканы. Однако нигде на этой территории не просматриваются четкие нити, ведущие к периоду до великого переселения. И та же пшеворская культура, которая как будто целиком лежит в зоне массового исхода славян, исчезает значительно раньше, еще в V столетии. Очевидно, в V в. произошел не просто отлив населения с территории, занятой этой культурой, а проявились какие-то внутренние процессы, в результате которых существенно изменился весь этнокультурный и социальный облик обширной территории. Практически это могло значить, например, свержение какого-то постороннего господства и освобождение ранее зависимых местных племен.

Следует заметить, что будучи однородной в археологическом отношении, культура пражского типа включала население разного антропологического облика. Правда, судить об антропологическом составе этого населения можно только по более поздним материалам (когда совершится переход к трупоположениям). Но поскольку во второй половине I тыс. н. э. в эту область не было значительных миграций извне, ретроспективная оценка положения в VI–VII вв. может быть достаточно надежной. Антропологи единодушно отмечают различия в облике западных и восточных славян. Славяне на территории Богемии, например, очень близки предшествовавшему им здесь кельтскому населению. Древлянская группа оказывается отличной от других славян и по антропологическим признакам. Их выделяет, в частности, наивысшая среди славян величина скелетного диаметра⁵⁸⁵. При этом показательно, что на самой древлянской территории эти признаки проявляются наиболее четко только в курганах с погребениями на горизонте, которые и являются собственно древлянскими. Другой облик представляют и близкие археологически северные соседи древлян — дреговичи⁵⁸⁶. Зато тиверцев и уличей по антропологическим данным можно связывать с древлянской экспанссией на юг: ни к какому другому славянскому племени они не стоят так близко⁵⁸⁷. Тиверцы и уличи, видимо, сохранили исходный древлянский антропологический тип потому, что заняли опустевшую территорию, где им практически не с кем было и смешиваться. В процессе продвижения древлян на левобережье Днепра такая возможность исключалась. Здесь славяне

585 См.: Т.И. Алексеева. Этногенез восточных славян. С. 158–161.

586 Там же. С. 54–55. Последнее особенно существенно, если учесть археологическую близость древлян и дреговичей. Примечательно также, что аналогии древлянским погребениям в ямах находятся не на соседней территории полян (где этот обряд преобладает), а в латгальских могильниках.

587 М.С. Великанова. Указ. соч. С. 106–109.

ассимилировали весьма многочисленное дославянское население, что не могло не сказаться и на их антропологическом облике.

Отдельные элементы культуры пражского типа проникают и на территорию Среднего Поднепровья в районе Киева. Однако в целом эта территория является особой культурной областью, довольно значительно отличающейся от соседней древлянской. Различия касаются как элементов материальной культуры, так и антропологического типа населения. Прежде всего (вопреки мнению П.Н. Третьякова) на этой территории сохраняется определенная преемственность в антропологическом типе населения от Черняховского и даже доскифского времени⁵⁸⁸. В сущности только здесь сохранились остатки Черняховского населения, хотя культура и этого района претерпела серьезные преобразования, в результате чего у П.Н. Третьякова оказались достаточные основания говорить о совершенном перерыве в традиции. И хотя Среднее Поднепровье — один из главных очагов Черняховской культуры, остатки Черняховского населения не были здесь, по-видимому, господствующей группой в послечерняховский период. Сюда проникают новые славянские группы, с одной стороны усиливая удельный вес славяноязычного населения, а с другой — способствуя той самой варваризации, которая наблюдается по всей периферии античного мира.

Для характеристики среднеднепровской культуры важное значение имеют так называемые древности антов, выделенные в свое время А.А. Спицыным⁵⁸⁹. «Древности» датируются VI–VII вв. и состоят из набора бронзовых и серебряных украшений. В их числе, в частности, обычно привлекают внимание пальчатые, антропоморфные и зооморфные фибулы и другие изделия. Эти предметы встречаются по обоим берегам Днепра, в том числе в качестве особых кладов. Ряд таких кладов был обнаружен на Правобережье в районе рек Роси и Тясмина. Поскольку территория распространения этих древностей не совпадает с областью расселения антов и близка к границам позднейшей «Русской земли», Б.А. Рыбаков называл указанные предметы «древностями русов»⁵⁹⁰. Характерным для этой культурной группы было Паstryрское городище в районе

588 Там же. С. 106–110; Т.И. Алексеева. Этногенез восточных славян. С. 256. «На юге Европейской части СССР, — замечает автор, — обнаруживается определенная линия преемственности: племена степной полосы эпохи бронзы (исключая трипольцев) — скифы лесостепной полосы — население Черняховской культуры — поляне. Эта линия преемственности скорее свидетельствует против славянской принадлежности племен черняховской культуры, но черняховцы в данном случае в той же мере «скифы», в какой скифы — население эпохи бронзы».

589 А.А. Спицын. Древности антов / Сборник статей в честь А.В. Соболевского. Л., 1928.

590 Б.А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени /КСИИМК, вып. XXVII, 1949. С. 86; его же: Древние русы, СА. Т. XVII, М., 1953. С. 42.

Тясмина, на территории которого найдено много фибул и других предметов, датируемых VII–VIII вв. (т. е. уже послеантским временем).

В литературе высказывалось мнение (в частности М.И. Артамоновым) о принадлежности Пастьрского городища тюркскому населению. Б. А. Рыбаков также отметил наличие на городище предметов, широко распространенных у кочевников. Таковыми являются прежде всего детали украшения пояса. Но специфическим элементом материальной культуры этой территории являются пальчатые фибулы, которых в степи вообще нет. Весомые аргументы против тюрко-кочевнической природы населения, оставившего названные древности, привела также Г.Ф. Корзухина. Она, в частности, обратила внимание на то, что «кочевники никогда не зарывают кладов»⁵⁹¹. Мнение названных авторов в целом поддержал и П.Н Третьяков⁵⁹².

Одной из особенностей Пастьрского городища является наличие двух видов керамики: посуда, сделанная от руки, — ее обычно признают славянской, и посуда с лощеной поверхностью, произведенная на гончарном круге. Последнюю М.Ю. Брайчевский связывал с Черняховской культурой (усматривая таким образом прямую преемственность от черняховцев к славянам)⁵⁹³, а П.Н. Третьяков считал салтовской, принадлежавшей сармато-аланским племенам⁵⁹⁴. Аналогичная керамика встречается и на ряде других поселений, что может свидетельствовать как о торговых или иных контактах, так и о смешанном составе населения приднепровской лесостепи.

Определенная близость керамики Пастьрского городища с салтовской отмечалась многими специалистами⁵⁹⁵. В литературе высказывалось мнение также об антропологической близости салтовцев и полян⁵⁹⁶. Сам по себе этот факт значителен прежде всего потому, что салтовцы (о чем будет сказано ниже) во многих источниках назывались «русами», и это явно был один из видов «руси», упоминаемых восточными источниками. Но наблюдения эти вызвали сомнения и возражения: салтовцы ближе к аланскоому населению Северного

591 Г.Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА. Т. XXII, М., 1955. С. 68.

592 П.Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. С. 75–83.

593 М.Ю. Брайчевский. Работы на Пастьрском городище в 1949 г.- КСИИМК, вып. XXXVI. М., 1951.

594 П.Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. С. 84.

595 Ср.: Археологія Української РСР. Т. III. С. 105. Салтовская керамика выявляется и на ряде других поселений (Ср. там же. С. 98). Но на всех этих поселениях имеется и керамика позднечерняховского типа (там же. С. 105.). При этом существенно, что это керамика местного производства.

596 Ср.: В.П. Алексеев. Антропология салтовского могильника (предвар. сообщение) // КСИЭ, вып. 31, 1959; В.В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья и Подвилья. М., 1970. С. 130. Автор объясняет предполагаемое сходство общим иранским этническим элементом.

Кавказа⁵⁹⁷. Тем не менее и культурные и этнические контакты между Приднепровьем и салтовцами были, видимо, довольно значительными. В этом плане представило бы определенный интерес уточнение: с какими именно группами салтовцев контактировало население Приднепровья? Дело в том, что к периферии салтовской культуры примыкала и область Приазовской Руси.

Выделяя специфическую область «древностей русов», Б.А. Рыбаков подчеркивал их южные, причерноморские связи и не обходил западноевропейские аналоги. «Древности русов, — отмечал он, — это личные уборы воинов и их жен, живших на границе степи и связанных постоянными и прочными связями с боспорскими городами, с южными разноплеменными военными союзами, полем деятельности для которых были степные просторы Причерноморья, Северного Кавказа, долины Дуная, равнины Ломбардии, Средней Франции и Испании. Древности русов по своему характеру очень близки к вещам предмеровингского стиля Западной Европы, что объясняется, разумеется, не готским или лангобардским происхождением приднепровских фибул и поясных наборов, а давно доказанным формированием этого стиля в Приднепровье. К берегам Понта издавна тянулись выходцы из различных славянских племен»⁵⁹⁸.

П.Н. Третьяков иначе подошел к вопросу об истоках этих древностей: он акцентировал внимание на перерыве традиции между Черняховским и славянским временем. В результате же пальчатые фибулы лишились каких-либо генетических связей. На перерыве традиции акцептировала внимание и Г.Ф. Корзухина.

В связи с развернувшейся дискуссией важными оказались наблюдения и замечания немецкого археолога И. Вернера. Он не без оснований отметил положительное качество стороннего взгляда: ученый «может посмотреть на проблему со стороны в целом, вне административных границ, и может подойти к проблеме даже шире, чем непосредственно занятые ей ученыe, с учетом общеевропейской обстановки, и попытаться со своих позиций внести в исследование новые методические приемы»⁵⁹⁹. И этот взгляд, действительно, оказался интересным, хотя и не вполне новым. И. Вернер, в сущности, поддержал идею П.Н. Третьякова о славянском «исходе» с севера из области

597 Т.И. Алексеева. Этногенез восточных славян. С. 256. Ср.: В.П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. С. 190–192. Автор признает справедливым уточнение Т.И. Алексеевой, но не исключает возможности участия славянского населения в сложении салтовцев.

598 Б.А. Рыбаков. Древние русы. С. 62.

599 И. Вернер. К происхождению и распространению антов и склавенов., СА, 1972, № 4. С. 103.

верховьев Днепра. Черняховская культура представлена им однозначно германской (готской и гепидской), и исчезновение ее связывается им с передвижениями готов. В то же время он, подобно Б. А. Рыбакову, указал на причерноморские истоки приднепровских пальчатых фибул, отмечая, что «генетически они связаны с пальчатыми фибулами крымских готов, гепидов и южнодунайских германских групп на византийской территории». Полагая, что «литые бронзовые фибулы с поселений и из кладов связаны по форме с германскими типами V и VI вв.» и допуская, что «вариант так называемых днепровских пластинчатых фибул, изготовленных в одночастной глиняной форме, по внешнему виду мог быть даже сравнен с пластинчатыми фибулами самой поздней Черняховской фазы», И. Вернер однако, уходит от вывода о преемственности. Он придает особое значение тому, что «все эти одиночные фибулы выполняли в женской одежде совершенно иную роль, чем носившиеся на плечах германские пальчатые фибулы». «На периферийных территориях, — подчеркивает автор, — как следствие экзогамных браков такого рода фибулы, встречаясь единично в трупоположениях времени около 600 г. ..., всегда лежат поодиночке на тазу погребений»⁶⁰⁰.

Не рассматривая здесь идеи И. Вернера о славянском «исходе» с верховьев Днепра (отчасти, но только отчасти, это, видимо, так и было), обратим внимание на некоторые факты, которые в построении автора имеют периферийное значение. Прежде всего имеет значение указание на ареал распространения «германских» и приднепровских фибул. «Германские» фибулы широко распространены в области Подунавья, особенно в его левобережной части. Находки подобного типа имеются и в Приднепровье (район Пастьрского городища) и, что особенно любопытно, в Мазурии и некоторых других западно-балтийских областях (Пруссия, Корсъ). Приднепровские фибулы также имеются на Дунае, но зона их распространения уже: они встречаются на Среднем Дунае (в Венгрии). Аналогичные фибулы попадаются также в Крыму (район Суук-Су), на Средней Оке и отдельные находки также в Прибалтике⁶⁰¹.

Факты, мобилизованные И. Вернером, несомненно, давали пищу для размышлений. Они подкрепляли мнение Б. А. Рыбакова и некоторых других ученых об определенной преемственности между Черняховским и позднейшим временем в лесостепной зоне Приднепровья. Только определение «германский» должно было сразу замениться на менее обязывающее «Черняховский». Данные

600 Там же. С. 104, 108.

601 Там же. С. 104 и 105 (карты распространения фибул первого и второго типов).

И. Вернера укрепляли также мысль о том, что черняховское население в составе гуннского объединения просто ушло с прежней территории на левобережье Дуная. Небольшая часть его осталась (или позднее вернулась), видимо, только на северной лесостепной окраине Поднепровья. Здесь старые традиции преломляются под влиянием новых условий и в результате сложных взаимоотношений с иными, в том числе вновь прибывшими группами населения.

Интересно наблюдение И. Вернера о двух способах закалывания фибул: на плече у одних и на поясе у других. Эндогамными браками этого явления, очевидно, не объяснить, тем более что закалывание на пояске встречается в трупоположениях различных территорий: в Приднепровье, Венгрии, Подболотье у Мурома. Скорее можно говорить либо об иной «моде», либо об особой этнической группе, существовавшей уже в рамках Черняховской общности. Примечательно, что родственные приднепровскому населению этнические группы имелись, возможно, также в Крыму и в области западных балтов. Какая-то часть этого населения оказалась также на Среднем Дунае. Для VI–VII вв. гораздо труднее предположить налаженные торговые контакты, чем физическое расчленение родственных племен. Но и торговые контакты могли сохраняться только в случае сохранения каких-то прочных традиций, которые в этот период были в основном родственными. Если исключить район Средней Оки (для объяснения этих связей данных слишком мало), все остальное как-то пересекается с ареалом распространения этнонима «Русь».

Таким образом, не только антропологические данные, но и определенные элементы материальной культуры свидетельствуют о сохранении в Среднем Поднепровье Черняховского населения, именно его группы, уходящей корнями в глубокую древность. Это население оказывается либо в родственной, либо в культурной связи с отдельными этническими группами Крыма, Восточной Прибалтики, Среднего Дуная. В свете этих фактов стоит взглянуть и на салтовскую керамику: она сама может быть результатом воздействия Черняховской периферии.

По своему происхождению население Среднего Поднепровья было, очевидно, неоднородным уже в черняховское время: здесь перемешивались славянские (или славяноязычные) и неславянские элементы. В VI–VII вв. удельный вес славяноязычного населения возрастает за счет миграций с севера и, может быть, с запада. В процессе Великого переселения одни и те же племена разделялись, воссоединялись, неоднократно меняли места обитания,

уходили, возвращались. Достаточно напомнить о передвижениях герулов, которые упоминались и в Прибалтике, и в Приазовье. Прокопий Кесарийский сообщает о своеобразном итоге их скитаний: «Когда герулы были побеждены в бою лангобардами и должны были уйти из местожительства отцов, то одни из них ...поселились в странах Иллирии, остальные же не пожелали нигде переходить реку Истр, но обосновались на самом краю обитаемой земли. Предводительствуемые многими вождями царской крови, они прежде всего прошли подряд через все славянские племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область, они достигли страны так называемых варнов. После них они прошли через племена данов, причем живущие здесь варвары не оказали никакого сопротивления. Отсюда они прибыли к океану, сели на корабли, пристали к острову Фуле и там остались»⁶⁰². Какая-то группа герулов оказалась еще раньше в Галлии. Так с исторической карты исчезает один из древних племенных союзов, хотя население, входившее в него, под другими названиями доживает, видимо, до развитого Средневековья.

Доказывая тезис о возвращении зарубинцев в Среднее Поднепровье с его верховьев, П.Н. Третьяков придавал особое значение реберчатой керамике типа Пеньковки (поселения в бассейне реки Тясмин)⁶⁰³. Славянское происхождение этой керамики признается большинством исследователей, а керамика, сделанная на круге, опять-таки (как и на других поселениях Приднепровья) сближается с салтовской или позднечерняховской. И. Вернер уделил особое внимание распространению с севера на юг вещей с эмалью, в частности, треугольным и перегородчатым фибулам, которые были распространены в IV–V вв. в Прибалтике (Латвия, Литва, Эстония) и в Верхнем Поднепровье (включая верховья Десны)⁶⁰⁴. По мнению автора, производство их прекращается из-за перемещения славянского населения в Среднее Поднепровье и разрыва непосредственных связей с Прибалтикой, а на смену им приходят как раз фибулы «германского» типа. И в той и другой линии рассуждений есть резон. Но пришельцы с севера лишь в том случае могли усвоить элементы культуры юга, если на занятой ими территории остались те, кто мог передать эту традицию (по концепции И. Вернера, славяне пришли на пустую территорию). Можно представить, что именно произошло в Среднем Поднепровье.

602 А.В. Мишулин. Указ. соч. С. 234.

603 П.Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. С. 86, 88, 90.

604 И. Вернер. Указ. соч. С. 111 и 112 (карта). По автору, «развитие типов, найденных на белорусско-украинской территории, зависело от типов Прибалтики (Литвы, Латвии, Эстонии), если они даже значительно от них отличаются... Эти изделия с эмалью встречаются как случайные находки также на территории Черняховской культуры, хотя никогда не были связаны с черняховскими памятниками». В последнем случае могли сказываться и брачные связи.

3. Среднее Поднепровье накануне образования Древнерусского государства

Славяноязычные племена, продвинувшиеся с севера или северо-запада, подчинили местное приднепровское население. Ослабленное в ходе бурных столкновений IV в., это население не в состоянии было противостоять натиску племен, только переходивших к стадии военной демократии. «Варваризация» в данном случае была вовсе не внутренним процессом развития данной территории, а следствием завоевания осколка исчезнувшей цивилизации пришедшими извне племенами. Как и на Западе, варвары несли более низкий уровень материальной культуры, но вносили новые жизненные силы в дряхлеющий мир.

Подобно тому, как на Западе варварские племена, разгромив Рим, стали незаметно проникаться отдельными элементами его культуры, так и вновь продвинувшееся в Приднепровье славянское население стало постепенно усваивать некоторые местные традиции. В условиях сохранения родоплеменного строя усвоение нового совершалось медленно. Но к эпохе образования Древнерусского государства здесь складывается весьма любопытная ситуация.

Именно от этого периода антропологи имеют сравнительно многочисленный материал, резко выделяющий полян на фоне других племен. Интересно также сочетание двух обрядов погребения, распространенных по всей территории, где ранее были представлены «древности русов». Наряду с ясными славянскими трупосожжениями (отличавшимися, однако, от древлянских) здесь в значительном количестве представлены трупоположения в срубных гробницах.

Как отметил Б. А. Рыбаков, «ни хронологического, ни социального различия между дружинными курганами с сожжением и со срубными гробницами не заметно»⁶⁰⁵. «Далеким прототипом срубных гробниц на этой территории, — по наблюдениям автора, — являются скифские курганы»⁶⁰⁶. Л.А. Голубева отметила, что «погребения с трупоположением представляют собой наиболее богатую по инвентарю и наиболее многочисленную группу киевских погребений»⁶⁰⁷. Среди этих погребений также выделяются срубные гробницы. Автор подчеркивает, что «массовый инвентарь погребений в срубных гробницах... совершенно однотипен аналогичным находкам из киевских

605 Б.А. Рыбаков. Древности Чернигова МИА. № 11. М.-Л., 1949. С. 22.

606 Там же. С. 53. Ср.: его же: Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 40, 117. «Более тысячи лет, — замечает здесь ученый, — отделяют скифские курганы от славянских; устанавливать поэтому непосредственную связь между ними трудно, по необходимо отметить, что тип скифских срубных гробниц Киевщины и Полтавщины воскресает позднее именно в этих же географических пределах».

607 Л.А. Голубева. Киевский некрополь. Там же. С. 106.

погребений в грунтовых могилах». (Речь идет о трупоположениях.) Но «обилие и особое богатство украшений, изящество ювелирных изделий из золота и серебра, роскошные одежды, наличие большого количества диргемов в составе инвентаря резко подчеркивают принадлежность их владельцев к высшим кругам киевского общества»⁶⁰⁸. На особое значение указанных погребений для Киева обратил внимание и М.К. Каргер. «Погребения этого типа, — говорит он, — ...представляют господствующий погребальный обряд социальной верхушки киевского общества IX–X вв. Более того, изучение киевских погребений различных социальных слоев позволило установить, что обряд ингумации характерен не только для верхов киевского общества в IX–X вв., но широко распространен и в рядовых погребениях горожан этого времени»⁶⁰⁹. Если Л.А. Голубева полагала, что оба обряда погребения принадлежат одному и тому же славянскому этносу, то М.К. Каргер акцентировал внимание на этнических различиях. «Эти существенные отличия в погребальных обрядах, — заключал он, — ... присущи не только погребениям знати, но и массовым погребениям горожан. Причины этих отличий лежат, по-видимому, в неоднородности этнографического состава населения древнерусских городов, каковыми были Киев и Чернигов IX–X вв.»⁶¹⁰. К этому следует добавить, что речь должно идти обо всей земле полян.

Богатый инвентарь трупоположений в Киеве и некоторых других дружинных некрополей Приднепровья (в частности Шестовиц под Черниговом) давно привлекал внимание норманистов, и в их построениях эти погребения зачислены в разряд норманских⁶¹¹. В нашей литературе своеобразный «почин» в этом направлении представлен статьей трех авторов: Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева, В.А. Назаренко. По мнению авторов, «даже те скучные сведения, которыми мы обладаем, позволяют отметить сходство не только в устройстве камер в Киеве и в Бирке, но и в ориентировке на север, северо-запад и юго-запад. Погребальный инвентарь в киевских могилах, как правило, далеко не полный, также находит много аналогий в Бирке (оружие, конская упряжь, фибулы, игральные фишки, ларцы). И в Бирке, и в Киеве эти погребения характеризует высший слой дружинной или торговой знати. В пользу мнения Т. Арне и Х. Арбмана об этнической принадлежности этого погребального обряда говорит и наличие подобного типа памятников в двух крупных политических

608 Там же. С. 114.

609 М.К. Каргер. Древний Киев. Т. 1. М.-Л., 1958. С. 228.

610 Там же. С. 229–230.

611 Ср.: T. Arne. Scandinavian Holzkammergraber aus der Wikingerzeit in der Ukraine // Acta archæologica. Kobenhavn, 1931, S. 285–302.

центрах Древней Руси (Киеве и Чернигове), для которых наличие в составе военно-дружинной знати некоторого числа норманнов засвидетельствовано письменными источниками»⁶¹².

Наблюдения трех авторов, безусловно, заслуживают серьезного внимания. Они ставят проблему. Но им представлялось, что более полные данные будут обязательно свидетельствовать в пользу норманнского происхождения киевских дружиинников. Между тем расширение области сопоставлений в сферу антропологии дало прямо противоположный результат: доказано практическое отсутствие в Киеве германских элементов.

Сама проблема зарождения обряда трупоположения на территории Швеции труднее разрешима, нежели вопрос об истоках этого обряда в Приднепровье, где он не исчезает с эпохи неолита. Этой проблемы ниже еще придется касаться. Пока же напомним отмеченный выше факт (заключения Т.И. Алексеевой), что по антропологическим данным германская примесь в трупоположениях Киева не прослеживается, а в Шестовицах она составляет незначительный элемент (о чем тоже речь будет ниже).

Для понимания существа происходивших в Приднепровье в VIII–IX вв. событий важно было бы объяснить истоки различий в наборе инвентаря в погребениях разных типов. Вряд ли будет достаточным простое соотнесение: больше инвентаря — богаче и выше по положению. Такой подход оправдан только для установления социальной принадлежности в рамках одного типа верований. Обряд трупоположения предполагает, как правило, более полный набор сопутствующих предметов, чем это требуется при обряде трупосожжения. Тем не менее можно говорить об определенных изменениях в соотношении разных этнических и культурных групп внутри поляно-русской территории на протяжении от VI до IX–X вв. Подобно тому, как завоеватели — германцы и прочие варвары подвергались влиянию завоеванного романского населения, и новая славянская волна, появившаяся в Приднепровье в VI в., постепенно проникается местными традициями, а этнические группы, оказавшиеся на первых порах в зависимости от пришельцев, в силу далее зашедшего процесса социальной дифференциации снова выдвигаются на первый план.

Возрождение обряда, перекликающегося с лесостепным скифским и еще доскифским, вряд ли было случайным. Почти наверняка доскифские верования

612 Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения / Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, С. 234.

сохранялись у определенной части местного населения. Однако они не могли проявляться совершенно свободно ни в скифское, ни в черняховское время, поскольку носители их оставались в этих культурах на нижних ступенях социальной лестницы. Такое положение сохранялось и после славянского вторжения VI–VII вв. (многочисленные клады упоминавшихся «древностей» могли зарывать и от пришедших в движение северных славянских племен). Накануне образования Русского государства в Приднепровье происходят изменения, в результате которых ожидают очень давние традиции.

Одной из особенностей срубных погребений Киевщины является сопровождение умершего, видимо, насильственно умерщвленной женщиной и конем. О первом довольно подробно рассказывает Ибн-Фадлан, правда, применительно к обряду трупосожжения: умершего сопровождает любимая жена (а не рабыня). Описанию Ибн-Фадлана, в частности, соответствуют погребения типа знаменитой Черной Могилы⁶¹³. Помещение в сруб коня — явление для славян не характерное. Оно может быть связано с оживлением традиционных представлений (например, уходящий в эпоху бронзы обряд погребения с повозкой). Погребения с конем характеризовали также аварские могильники. Но в данном случае может представить больший интерес другая параллель: Прибалтика.

Как отмечалось выше, помимо Приднепровья и Подунавья пальчатые фибулы достигали и западнобалтской области. Примерно с III–IV вв. здесь получают распространение погребения с конем⁶¹⁴. Обычно это трупосожжения. Сходны с ними трупосожжения с конем и в Гнездовском могильнике⁶¹⁵. В X в. камерные трупоположения с конем достигают и шведской Бирки, хотя приходят они, очевидно, с континента⁶¹⁶. Считая камерные погребения на Руси и в Польше «могилами варягов», Г.С. Лебедев вместе с тем отмечает, что «генетически камеры Швеции связаны с «княжескими могилами» Средней и Западной Европы. Они замыкают типологическую цепочку, протянувшуюся из глубин железного века, от гальштатского периода (VII–VI вв. до н. э.).

613 Ср.: Б.А. Рыбаков. Древности Чернигова. С. 24.

614 J. Jackanis. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the First Millennium of Our Era > Acta Baltico-Slavica, 4, 1966. Примерно в это же время у западнобалтских племен распространяется и обряд трупоположения, но с культом коня он, видимо, не был связан. Культ коня может быть сопоставлен с отмечавшимся выше аналогичным культом у венетов.

615 Ср.: Е.А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнездова СА, 1970, № 3. У литовцев наблюдалось несколько этапов распространения обряда погребения с конем. Зарождается он во II–I вв. до н. э., но заметным становится в III–IV вв. После известного спада он достигает расцвета в 800—1200 гг., причем о распространении сообщают и письменные источники. Ср. Р.К. Куликаускене. Погребения с конями у древних литовцев СА. Т. XVII.

616 Г.С. Лебедев. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф. ганд. дис. Л., 1972. С. 15–16.

Кельтская традиция богатых погребений в камерах в I столетии н. э. получила новое развитие в иной этнической среде, на территории Польши и Чехословакии». Автор полагает, однако, что традицию эту передавали только германцы. «В позднеримское время, — замечает он, — складывается специфически германский вариант этого обряда (Лойна, Хозлебен). Непосредственными предшественниками скандинавских камер были германские погребения позднего этапа эпохи Великого переселения народов». Лойна и Хозлебен — это район Заалы — притока Эльбы, где в историческое время обитали славяне-венды, а не германцы. «Княжеские могилы» более всего были распространены в зоне оксывской культуры (в междуречье Одера и Вислы).

Увязывание обряда с «варягами-шведами», очевидно, слишком натянуто, поскольку и сам автор истоки обряда видит на континенте. Вопрос о заселении Швеции и вообще Скандинавии все еще остается, по существу, открытым. Но не случайно, что и шведские специалисты замечают в некоторых особенностях прибалтийских погребальных обрядов «скифские» черты⁶¹⁷.

617 Cp.: B. Stjernquist Simris. On Cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age // Acta archaeologica Lundensia. Ser. in. 4, № 2, Bonn-Lund, 1955. P. 67.

3. Среднее Поднепровье накануне образования Древнерусского государства

Фибулы Подунавья (VI в.)

Распространение фибул Подунавья по Западной Европе (вторая половина VI в. — начало VII в.)

Исследователи киевского некрополя обычно отмечают, что наиболее богатые дружинные трупоположения приходятся примерно на середину и вторую половину X в. (до принятия крещения). Возникновение государства само по себе должно было оказать влияние на ритуал погребения знати, должно было способствовать ее стремлению выделиться на общем фоне. Уже поэтому возможно было заимствование элементов ритуала у знати других земель. Но если и исключить погребения знати, то и тогда придется учитывать факт несомненного различия населения как внутри области Среднего Поднепровья,

так и в особенности сравнительно с другими областями расселения славян. О различиях свидетельствуют не только разные погребальные обряды и неодинаковые антропологические типы, но и заметные бытовые отличия.

В «Повести временных лет» сохранился весьма древний отрывок сказаний о полянах. О глубокой его древности свидетельствует тот факт, что основное его содержание — противостояние полян и древлян. Борьба этих племен приобрела особую остроту в середине X в., а в XI племенные деления уже заменились территориальными. Летописец отмечает, что «имяху бо обычаи свои, и закон отецъ своих и преданья, кждо свой прав». Ему казалось несомненным, что «прав» полян ставил их выше древлян и других славянских племен. А объективно он нарисовал картину действительно разных обычаяев. По летописи, «Поляне бо своих отецъ обычай имуть кроток и тих, и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыденье имеху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но прихожаху вечер, а заутра приношаху по пей что вдадуче. А древляне живяху скотъски: убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и брака у них не бываша, но умыкиваху у воды девица». Видимо, несколько более поздний летописец уточнил, что «и Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху: живяху в лесех, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, по игрища межю селы; схожахуся на игрища, и ту умыкаху жены себе, с неюже кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены».

Упоминание об обряде трупосожжения сделано, возможно, уже с позиций летописца-христианина: «И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по сем творяху кладу велику, и възложахутъ и на кладу, мертвца сожъжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне»⁶¹⁸.

Стремление летописцев поднять полян за счет некоего унижения древлян и других славянских племен не достигает цели, поскольку они нарисовали не «хорошие» и «плохие», а просто разные традиции и обычай. У полян заметно сохранение традиций «большой семьи», в которой младшие члены не имеют права голоса. Напомним, что для Черняховской культуры были характерны по большей части большие дома, в которых могла размещаться большая семья. (О том же говорит и «дань с дыма»: в «больших домах» обычно было несколько очагов.) Напротив, уже у зарубинцев, как и у позднейших славянских племен,

618 ЛЛ. С. 12–13.

преобладали большие однокамерные жилища, которые могли вмещать только одну малую семью. Летописца не устраивали в обычаях древлян «демократические» традиции, на которые обращают внимание и византийские авторы.

Глубокие различия обозначены и в порядке заключения брака. У полян сами сочетающиеся отстранены от решения связанных с браком вопросов. По справедливому замечанию Б.А. Рыбакова, здесь «уже издавна существовал патрилокальный брак»⁶¹⁹. Совершенно пассивная роль у полян предназначалась женщине. Невесту приводят с вечера в дом жениха, а «выкуп» приносят на другой день. (Видимо, предполагается, что невеста может быть отослана назад.) Аналогичный обряд известен у племен Верхнего Подунавья, где соприкасались славяне, руки, гунны, кельты и германцы, и некоторых других племен, вошедших в состав Франкской Империи⁶²⁰.

У древлян и других славянских племен выбор невест происходил на «игрищах» «у воды». Сообщавший об этом летописец, видимо, не особенно понимал существа этого обычая. Ему казалось, что невест просто умыкают. Но позднейший летописец разъяснил обрядовое значение умыкания, поскольку оно совершалось по договоренности с невестой («с нею же кто съвещашеся»). Русский переводчик «Слова Григория» описал некоторые подробности, связанные с ритуальной ролью воды в языческом свадебном обряде: «А се погански творять: водят невесту на воду, даюче замужь, и чашу пиють бесом, и кольца мочютъ в воду и поясы»⁶²¹.

Из летописного описания брачного обычая древлян и других славянских племен можно понять, что у них еще сохранялись некоторые пережитки матриархата. Если у полян «не хожаше зять по невесту», то у других племен, очевидно, такое хождение предусматривалось обычаем. Уже после совершения «умыкания» жених должен был отправиться в род невесты, чтобы окончательно обговорить дело. В отдаленном прошлом он просто должен был уйти в род жены. Теперь дело ограничивается ритуальным поклонением родителям и родственникам невесты.

О многоженстве у славян известно по разным источникам. Гораздо интереснее указание летописца на то, что у полян была моногамия. Это, по-

619 Б.А. Рыбаков. Предпосылки образования древнерусского государства, Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958. С. 836.

620 См.: А.Г. Кузьмин. Об истоках древнерусского права Советское государство и право. М., 1985, № 2. Выкуп обычно равнялся приданому за невесту.

621 См.: История культуры Древней Руси. Т. II. М.-Л., 1951. С. 72.

видимому, соответствует действительности. У Игоря, судя по всему, была единственная жена — Ольга. Одна законная жена была и у Святослава, а Малуша — мать Владимира — была всего лишь рабыней-наложницей. Гордая полоцкая княжна Рогнеда отказывалась «розути робичича» Владимира, предпочитая ему законного сына Святослава Ярополка. И только Владимир начисто разрушил эту линию строгой моногамии, привезя с варяжской дружиной и нравы, не характерные для киевских традиций: у него было 5 жен и несколько гаремов наложниц. И даже век спустя христианин Святополк имел две жены и не внимал наставлениям митрополита оставить только одну.

Упоминание летописца об убийствах у древлян предполагает, по-видимому, кровную месть. Кровная месть предусматривалась и «Правдой Ярослава», данной князем новгородцам. У полян, судя по данному комментарию, этот весьма стойкий обычай был уже искоренен. Этого можно было достичь лишь многими поколениями существования цивилизации (государственности).

«Убиваху друг друга» язычники иногда и во время погребальной тризны, частью которой обычно являлись состязания наподобие позднейших рыцарских турниров в Западной Европе. Как пережиток этих тризн были позднее кулачные бои, которые также не обходились без жертв. Новгородский архиепископ Илья (вторая половина XII в.) в поучении священникам упоминает про «беззаконный бой» как элемент языческой «тризны». «Или кого убьют, — наставляет иерарх, — а вы над ним в ризах не пойте, ни просфоры приимайте»⁶²². Полянский обряд трупоположения, видимо, и в этом отношении несколько отличался от обряда других славянских племен, у которых было безраздельное трупосожжение. Но дополнение о разных обычаях погребения сделано уже позднейшим летописцем, который язычеству противопоставлял христианский обряд.

Следует подчеркнуть, что, противопоставляя полян и древлян, летописец нисколько не сомневался в том, что речь идет об исконо славянских племенах. Летописцы нигде не отмечают никакой разницы в языке, а некоторые из них специально подчеркивают единство «славянского» и «русского» языка, имея в виду и то, что Русь — это поляне, и то, что «русь» и «славяне» приходят на Днепр из Иллирии и Норика — области бывшего Ругиланда. (Об этом будет речь ниже.) По-видимому, процесс ославления неславянского населения и Приднепровья и Подунавья происходил в столь отдаленные времена, что никаких реликтов дославянского языка в X в. летописцы уже не замечали. Эти

⁶²² Там же. С. 112.

реликты, однако, сохранялись не только в обычаях, а и в отдельных терминах, топонимах, именах дружинников и князей.

Глава IV – Этническая природа варягов

Основой норманизма является гипотеза или просто априорное допущение, что этноним «варяги» относится к скандинавам, а «варяги-русь» — непосредственно к шведам. И мнение это изначально опиралось вроде бы на летопись — «Повесть временных лет». Но практически все норманисты воспринимали (и воспринимают до сих пор) эту летопись как сочинение одного автора, а все летописание — как некую эстафету сменявших друг друга летописцев. И хотя еще в начале XIX в. было указано на несостоятельность такого представления о жанре летописания, наиболее полно отражавшего идеологическую и политическую борьбу земель, городов, разных верований и княжеских родов, мнение о летописании как «едином дереве» до сих пор держится не только на школьном уровне. Эти представления лежат в основе научного багажа заметно активизировавшихся в последнее время наших неонорманистов⁶²³. О «двух концепциях» начала Руси в летописи речь пойдет ниже. Здесь заметим, что и этноним «варяги» в летописи понимается неодинаково. И тоже заметны два слоя: в одном случае это весь Волго-Балтийский путь от «англов» (юг Ютландского полуострова) до «предела Симова», каковым представлялась Волжская Болгария, в другом — в число «варяжских» этносов включаются и скандинавы. Поскольку при обилии неоднозначных источников о варягах и руси в основе остается летопись, напомним о сути разноречий в ней самой⁶²⁴.

623 См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2001/под ред. Е.А. Мельниковой; А.В. Назаренко. Древняя Русь на международных путях. М., 1201; В.Я. Петрухин. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, 1995; И.Н. Данилевский. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998.

624 Этому вопросу посвящены книги автора: «Русские летописи как источник по истории Древней Руси» (Рязань, 1969); «Начальные этапы древнерусского летописания» (М., 1977); перевод и комментарий к Лаврентьевской летописи (Арзамас, 1993); «Славяне и Русь. Проблемы и идеи». (М., 1998–2002 — четыре издания); статьи: «О происхождении варяжской легенды» / Новое о прошлом нашей страны. М., 1967: «Варяги и Русь на Балтике». ВИ. 1970, № 10; «Об этнической природе варягов». ВИ. 1974, № 11 (список их можно найти в книге «Великие духовные паства России», М., 1999. С. 487–494).

1. Разные версии летописей о начале Руси

Как было сказано, летописи являются основой всех схем ранней истории Руси. Но они содержат такие противоречия, которые практически исключают возможность однозначного решения вопросов. В заголовке «Повести временных лет» (или, как ее еще по традиции называют, Начальной летописи) стоит вопрос: «Откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Руская земля стала есть»⁶²⁵. Очевидно, один из древних историков стремился решить тот же круг проблем, которые занимают специалистов и на протяжении последних двух с лишним столетий. Поскольку вопрос сформулирован одним автором, то и ответ ожидается однозначный. Но самая нацеленность летописца на однозначное решение вопроса предполагает его знакомство и с иными версиями, которые он собирался дезавуировать. Однако, видимо, в позднейших редакциях эти версии в той или иной мере выплыли на страницы летописи, поставив и позднейших летописцев, и историков перед весьма непростым выбором. Если в рассказе о призвании Рюрика с братьями утверждается, что «от тех Варяг прозвася Руская земля», то в тексте, восходящем к «Сказанию о славянской грамоте», «Русь» отождествляется с племенем полян («поляне, яже ныне зовомая Русь») и представляется племенем, так же, как и славяне, вышедшим из Иллирии и говорившим на том же языке, что и славяне.

Со времен Татищева признается, что дошедшая до нас редакция летописи сложилась в начале XII в. О времени же происхождения и характере более ранних исторических сочинений мнения специалистов существенно расходятся. Особенno важна при этом проблема зарождения летописной традиции, поскольку от решения именно этого вопроса во многом зависит оценка тех или иных сведений. Один из крупнейших специалистов по истории летописания А.А. Шахматов первые летописные сочинения связывал с утверждением в конце 30-х гг. XI столетия митрополии византийского подчинения, (в качестве своеобразной справки для Константинополя). Но «Сказание о славянской грамоте», внесенное в летопись и датированное по болгарской эре (эра ориентировалась на лунный календарь, и обозначенный в летописи 6406 г. от «с сотворения мира» означал 893–894 гг., когда на соборе в Болгарии было

⁶²⁵ Л. С. 1. «Повестью временных лет» условно именуют текст до 1110 г. Лаврентьевской, Радзивиловской и Ипатьевской летописей. Здесь ссылки даются на издание Лаврентьевской летописи 1897 года, более удобное, нежели ее неоднократные переиздания в составе Полного собрания русских летописей, где воспроизводится рукопись с нераскрытыми титлами, и т. п.

принято решение о «преложении» книг на славянский язык, тогда как по константинопольской эре это был бы 898, а по старой византийской 902 г.). И не случайно, что Н.К. Никольский, а вслед за ним М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, Л.В. Черепнин первые летописные труды датировали концом X в. (Личность летописца, закончившего свой труд в 996 г., весьма колоритна и по языку, и по свободному образу мыслей). Какие-то записи должны были появиться и в христианской общине, упоминаемой под 944 г. при христианской церкви Ильи. (Обряд христианских погребений этого времени указывал на Подунавье и церковь, независимую ни от Рима, ни от Константинополя. Более обстоятельно об этом будет сказано в следующей главе.)

Отправляясь от факта множественности истоков раннего летописания, можно ставить вопрос и о выделении разных источников и самостоятельных историографических традиций, вошедших в позднейшие своды. Естественно, что между различными центрами и идеями шла борьба, в ходе которой памятники письменности могли уничтожаться или переделываться. Так, летописец, внесший в свод корсунскую версию крещения Владимира, отвергал киевскую и василевскую, а также какие-то иные, им не названные. (А согласно внелетописным источникам, поход князя на Корсунь состоялся спустя два года после крещения). Как правило, разные версии соединялись в одной летописи уже в такое время или в таком месте, когда и где острота противоречий не особенно ощущалась. В летописи противоположные версии часто сохраняются в урезанном виде, как бы освобожденными от публицистической заостренности. Поэтому и сам факт противоречий не всегда легко обнаружить.

На противоречия летописи по поводу происхождения Руси обратил внимание Д.И. Иловайский, наблюдения которого были развиты Шахматовым. При этом Иловайский принял поляно-славянскую версию, а Шахматов — варяжскую, хотя он и обратил внимание на то, что у летописца «слишком явно просвечивает тенденция, упорное желание доказать тождество Руси и Варягов»⁶²⁶. Шахматов считал, что вопрос в начале труда поставил тот летописец, который отождествлял «Русь» с «Варягами». Но, как заметил позднее Н.К. Никольский, если варяжская концепция тенденциозна, если она носит на себе грубые следы ее создания, то резонно поставить вопрос, чем была вызвана такая тенденциозность и против кого она была направлена⁶²⁷. Шахматов не придал значения тому обстоятельству, что тенденциозность в

626 А.А. Шахматов. Розыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 325.

627 Н.К. Никольский. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930. С. 28–29.

проводении какой-то идеи предполагает существование иных, ей противоречащих воззрений. Никольский стремился доказать, что отвергалась именно теория поляно-славянского происхождения Руси. Правда, автор отказался от исторического объяснения этой концепции, что ослабило его аргументацию и даже ставило под сомнение правильность прочтения им летописного текста.

«Повесть временных лет» открывается недатированным введением, в котором дается предыстория Руси: происхождение и расселение славянских племен и их соседей. Шахматов в оценке этого материала следовал своему общему представлению об истории всего летописного текста, что повело его к неоправданным заключениям. Предшественником «Повести» автор считал Новгородскую 1-ю летопись, в которой этнографического введения нет (по Шахматову, «Начальный свод конца XI в.»). Исходя из этого, весь «лишний» материал «Повести» он связывал с работой летописца XII в.

Между тем предисловие к Новгородской 1-й летописи, которым датировался «Начальный свод», написано явно уже в XIII в.⁶²⁸ С другой стороны, введение к «Повести временных лет» явно неоднородно. Это было отмечено еще Никольским, а позднее Б. А. Рыбаковым⁶²⁹. Необходимо лишь добавить, что элементы введения не только внутренне противоречивы, но и разновременны по происхождению и по времени включения их в летопись.

Недатированное введение предшествует первому упоминанию Руси, обнаруженному летописцем в «летописании греческом» под 6360 г. «от сотворения мира». Но эта дата, записанная по старой византийской эре (856 г.), ориентирована на другую, Причерноморскую Русь. И на вопрос о том, «откуду пошла Русская земля», эта статья не отвечает. Ответ, очевидно, надо искать в самом введении, как это наблюдается, например, в Чешской хронике Козьмы Пражского. Но в дошедшем до нас виде введение лишено какой-либо цельности.

Введение начинается с сообщения о разделе земли между тремя сыновьями Ноя после «потопа». Сюда же вставлен обзор современных летописцу северных и западноевропейских народов. С прямой ссылкой на «Сказание о славянской грамоте» говорится о расселении славян. От общего разбора летописец приходит к полянам. Но текст перебивается легендой об апостоле Андрее. Снова рассказывается о полянах, и теперь сообщается о создании Киева.

628 См.: А.Г. Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 93–106.

629 Б.А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 219–247.

Вводится полемический выпад в адрес тех, кто отказывает в княжеском достоинстве Кию, а затем снова говорится о славянских княжениях и соседних народах, перечень которых уже приводился.

Далее летописец вновь напоминает о расселении славян по Дунаю, говорит о нашествии обров (авар) и вновь возвращается к полянам. Рядом с полянами и древлянами на сей раз названы ранее не упоминавшиеся радимичи и вятичи, сообщается о местах обитания дулебов, уличей, тиверцев. Следует описание обычаев племен, причем сначала сопоставляются только поляне и древляне, а затем полянам же противопоставляются некоторые другие племена. Как бы комментарием является ссылка на текст Хроники Георгия Амартола. Завершается введение пересказом легенды о хазарской дани.

Библейским сюжетом о Сотворении мира и Потопе открываются многие средневековые хроники. В летописи имеются прямые извлечения из Хроники Георгия Амартола. Но использована она в разной форме: непосредственно и в переделках. Шахматов допускал вероятность использования летописцем XII в. двух греческих хроник. В.М. Истрин, специально занимавшийся греческими хрониками, считал, что привлекались они в разное время: вскоре после смерти Ярослава (1054 г.) и в начале XII в.⁶³⁰ Источники эти соединялись «чересполосно», причем относительно краткая космографическая канва насыщалась материалами Хроники Амартола. Задаче летописца, рассказывавшего о начале Руси, отвечал текст, сообщавший о расселении народов после потопа. На этом фоне в мировую историю вводились славяне и русь. Извлечения же из полной Хроники затушевывали эту идею, поскольку для византийских хронистов важно было показать «преемственность царств» «от Адама» до византийских императоров.

Переход к основной теме был сопряжен для летописца с определенными трудностями, поскольку, как заметил А.Н. Насонов, «ни у Амартола, ни в Хронографе он не находил, конечно, названий славянских стран, расположенных на Восточно-Европейской равнине»⁶³¹. Летописец включил «словен» в «Афетову часть», поместив следом за «Илюриком», взамен «Норика». Именно отсюда выводило славян «Сказание о славянской грамоте», и летописец специально подчеркивал, что «Словене» — это «Норики».

⁶³⁰ А.А. Шахматов. «Повесть временных лет». Т. I. Птгр., 1916. С. XXIII, 1–5; В.М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. ИОРЯС. Т. XXVI, Пг., 1923. С. 68–70.

⁶³¹ А.Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 72.

Весьма вероятно, что текст греческого Хронографа был препарирован еще автором «Сказания о славянской грамоте», положенного в основу русским летописцем. Но, как отметил Б.А. Рыбаков, и в этой части имеется целый ряд «нарушений логики изложения»⁶³². Еще до упоминания о «смешении языков», вслед за перечнем рек, в летописи дается перечень угро-финских и балтских племен, а затем также западноевропейских народов. Перечень угро-финских и балтских племен, платящих дань Руси, дается и ниже, сразу вслед за перечислением славянских племен. Там ему и надлежало быть. В результате вставки нарушена не только литературная логика, но и самый замысел. Первый автор намеревался через схему Ной — Афет — Словене — Поляне подойти к началу Руси. Кто-то из его преемников либо не понял этого замысла, либо не посчитался с ним.

Вставки, очевидно, делались не одним летописцем и не в одно время. Отражается в них разная история и разная современность. Об этом ниже еще будет речь. Здесь же заметим, что и основной рассказ о начале Руси внутренне противоречив: от истории Руси, как объединения восточнославянских племен, летописец постоянно сбивается на панегирик полянам. В тексте, связанном со «Сказанием о славянской грамоте», упоминается 6 племен, входивших в состав Руси: поляне, древляне, дреговичи, полочане, новгородцы, северяне. Примерно тот же перечень дважды повторен в другом месте введения, примыкающем к основной сюжетной линии⁶³³, и трижды летописец возвращается к полянам. По-видимому, летописец, создававший основную конструкцию введения, имел дело с разными записанными вариантами предания о полянах. В особом сказании говорилось о Кие, Щеке и Хориве и их сестре Лыбедь, с которыми связывалось возникновение Киева. «И бяше около града лес и бор велик, — заключается текст предания, — и бяху ловяще зверь, бяху же мужи мудри и смыслени, и нарицахуся Поляне, от них суть Поляне в Киеве и до сего дне». Легенда об апостоле Андрее, «брате Петра», отодвигает появление полян в Приднепровье в доапостольские времена или даже предполагает изначальное пребывание их на этой территории.

Предание о Киеве почти буквально воспроизведено в Новгородской 1-й летописи, но здесь акцент сделан не на «мудрости», а на язычестве полян («бяху же погане»). Сам Кий назван здесь «перевозником»⁶³⁴. Позднейший киевский летописец полемизирует с таким представлением, настаивая на княжеском

632 Б.А. Рыбаков. Древняя Русь. С. 220.

633 ЛЛ. С. 3–4.

634 Н1Л. С. 104–105.

достоинстве Кия. «Аще бо бы перевозник Кий, — возражает он, — то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемь; и приходившу ему ко царю, якоже скажають, яко велику честь приял от царя, при котором приходив цари»⁶³⁵. В рассказе о полянах нет указания на княжеское достоинство Кия и незаметно, чтобы этому обстоятельству придавалось какое-либо значение. Но ниже говорится, что «и по их браты почаша род их княженье в Полях...». Аналогичные «княжения» отмечаются также у древлян, дреговичей, словен и полочан. О «княжениях», следовательно, говорил тот же летописец, что выделял всего шесть славянских племен в Руси, т. е. составитель основной канвы введения.

Рассказ о полянах возник еще тогда, когда от родоначальника не требовалось доказательств на право старшинства. Упрек же «несведущим» мог появиться как протест против попытки принизить киевских князей перед какой-то иной династией. Теперь уже имела значение принадлежность правителя именно к княжескому роду, и внешнее признание («царь с великой честью»). Между древнейшими преданиями о Киеве и позднейшей защитой его княжеского достоинства лежит, очевидно, длительная эпоха, в течение которой осуществляется переход от родоплеменного строя к развитой государственности.

Таким образом, в этнографическом введении отражены весьма древние сказания о полянах, которые вряд ли можно вынести за пределы первой половины X в. Основная конструкция введения увязывала их со «Сказанием о славянской грамоте». Шесть племен, входивших в состав Руси, согласно данным этого летописца, указывают на время от конца X до середины XI в. Примечательно, что в названных перечнях нет не только вятичей, вошедших в состав Руси лишь в конце XI века, но и кривичей, хотя летописец и знал о них городе Смоленске. Смоленск вошел в состав Руси, видимо, в конце княжения Владимира. Какое-то время при Ярославе в нем оставался самостоятельным князем сын Владимира Станислав. В 1060 г. город был поделен между тремя братьями Ярославичами. В летопись попали и иные варианты этногенетических преданий, включение которых в свод могло быть связано с работой летописцев конца XI–XII столетия.

Стержнем поляно-славянской концепции начала Руси является «Сказание о славянской грамоте», которое, помимо введения, отражено в статье 6406 г. Никольский сложение «Сказания» относил к концу IX в., когда в Моравии

635 ЛЛ. С. 9.

обострилась борьба между Мефодием и его славянскими последователями с одной стороны, и немецким духовенством — с другой⁶³⁶. Болгарский ученый В.Н. Златарский связывал «Сказание» с творчеством Константина Преславского и «вторым преложением книг» в 893–894 гг.⁶³⁷. Возможно, что «Сказание» прошло двойную обработку: в Моравии и затем в Болгарии. Как отмечено выше, именно на этом соборе в Преславе было принято решение перевести богослужебные книги в Болгарии на славянский язык⁶³⁸. В Моравии это было сделано на 30 лет раньше.

«Сказание о славянской грамоте» подчеркивало славянское единство, что создавало ему популярность во многих славянских странах. Русский летописец, включив «Сказание» в летопись, прокомментировал особенно важные, с его точки зрения, места. Ему, в частности, принадлежат слова: «Бе един язык Словенеск: Словене, иже седяху по Дунаеви, их же прияша Угри, и Морава, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже ныне зовомая Русь». Та же мысль проводится и в заключение пересказа «Сказания». Отметив, что апостол Павел просвещал «Илюрик», где «беша Словене первое», летописец добавляет: «Темже и Словенску языку учитель есть Павел, понеже учил есть язык Словенеск и поставил есть епископа и памесника себе Андроника Словенъску языку. А Словенъский и Руский язык одно есть, от Варяг бо прозвавшаяся Русью, а первое беше Словене; аще и Поляне звахуся, но Словенъская речь бе. Полями же прозвани быша, заме в поли седяху, а язык Словенски им един»⁶³⁹.

Русские источники употребляют этноним «Русь» в разных смыслах: в широком — как государство и народ всей территории, подвластной киевским князьям, и в узком — как Приднепровье в районе Киева. В ряде же текстов «Русь» отождествляется с варягами. Для выяснения истоков неваряжской концепции происхождения Руси особое значение имеют тексты, указывающие на территорию и население Приднепровья. Большинство исследователей фразу «Поляне, яже ныне зовомая Русь» понимают как их отождествление⁶⁴⁰. Но имеются и иные мнения⁶⁴¹. Поэтому важно заключение, что ареал Полянских

636 Н.К. Никольский. Указ. соч. С. 61.

637 В.Н. Златарский. Болгарский историко-литературный элемент в русской истории Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. С. 348–352.

638 О датировании событий 894 г. 6406 годом см. также: И.И. Срезневский. Древние изображения св. князей Бориса и Глеба Христианские древности и археология. Кн. 9. СПб., 1863. С. 50–52.

639 ЛЛ. С. 24–28.

640 М.Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». СЭ. Т. VI–VII. М., 1947. С. 62; Б.А. Рыбаков. Древние русы. СА. Т. XVII. М., 1953. С. 43.

641 Д.С. Лихачев. Повесть временных лет. Т. II. М.-Л., 1950. С. 239–243; А.Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 16.

погребений практически совпадает с границами «Руси» в узком смысле этнонима, и, следовательно, «Русью» именовали именно полян⁶⁴².

Русский летописец привлекал западный источник для выяснения вопроса, «откуда есть пошла Русская земля». Ответом на него является основная канва этнографического введения. Летописец считал, что Русь — это поляне, а последние — одно из славянских племен, пришедшее в отдаленные времена с Верхнего Дуная. Обращает на себя внимание настойчивость, с какой летописец проводит тезис о тождестве славянского и русского языков. Эта настойчивость может указывать на желание опровергнуть какие-то иные взгляды на природу Руси.

Пояснение «от Варяг бо прозвавшаяся Русью» может являться отражением той своеобразной формы полемики, которую вели между собой летописцы: предшествующий текст в целом сохраняется, но сопровождается «уточнениями» и комментариями, подчас меняющими его первоначальный смысл. Излагая «Сказание», летописец настаивал на единстве славянского и «русского» языка, а «русов» (об этом ниже будет специальный разговор) Подунавья (и Иллирии, и Моравии, и той же болгарской Преславы) в Киеве в X в. (да и раньше) так или иначе знали. Но реплика-вставка предполагала знакомство более позднего летописца с какой-то балтийской «Русью». Предполагала она и определенный круг читателей и хранителей генеalogических преданий и легенд, уводящих на побережье Балтики. И таковых со временем становилось все больше и больше.

В «Повести временных лет» варяжская концепция происхождения Руси насливается на поляно-славянскую — дунайскую. Основной текст «Сказания о варягах», занимающий в летописи статьи 6367, 6370, 6387 и 6390 гг., легко из нее извлекается. В первоначальном виде эти статьи, видимо, составляли особое сказание, не разделенное годами. Если летописец, представивший основную часть этнографического введения, был убежден, что «Русская земля» «пошла», как и все славяне, из Иллирии, если он отождествлял Русь с полянами, а первое упоминание о ней находил в «летописании греческом» в эпоху Михаила (856–867), то какой-то позднейший автор стремился доказать, что «Русь» — это варяги, народ, пришедший из-за моря, и не в Киев, а в северо-западные земли. С этими «находниками» связывал автор и происхождение династии русских князей, на чем он особенно настаивал.

642 Ср. И.П. Русанова. Курганы полян X–XII вв. М., 1966 (табл. 18). Несовпадение касается района р. Горыни и Верхнего Побужья. Эта территория и на самом деле была спорной.

Варяжское сказание имеет, очевидно, северное происхождение. Оно отразилось и в новгородских летописях, и в ряде других новгородских произведений. Тем не менее связанные с ним тексты наиболее полно представлены в «Повести временных лет». Этнографическое введение «Повести» фиксирует положение, существовавшее на Руси в разные периоды с конца IX по середину XI в. В «Сказании» о варягах описывается особая ситуация: сосуществование на Руси двух союзов — северного и южного. В состав северного союза входят племена словен и кривичей, а также чудь, меря, весь. Все они платят дань варягам. В составе южного союза оказываются поляне, северяне и вятичи, и эти племена платили дань хазарам. В этнографическом введении упоминается легенда о дани мечами — меч «от дыма». Эта дань напугала хазар: обоюдоострый меч как бы символизировал превосходство над хазарской односторонне заостренной саблей и предвещал изменение в соотношении сил. Во времена Олега дань хазарам платили лишь северяне, радимичи и вятичи. Поляне были освобождены от этой дани еще Диром и Аскольдом в середине IX в., а Олег перевел на себя дань с радимичей и северян, облегчив ее по сравнению с хазарской. Поход же на Хазарию в 968 г. Святослава сокрушил и саму Хазарскую державу.

Летописец, включивший варяжское сказание в «Повесть временных лет», имел дело с уже записанным текстом. В упомянутых статьях этноним весь осмысливается как местоимение «все»: «Имяху дань Варязи из заморья на Чюди, и на Словенех, на Мери, и на всех Кривичех» (6367); «Реша Руси Чюдь, и Словени, и Кривичи все» (6370); «Поиде Олег, поим воя многи, Варяги, Чюдь, Словени, Мерю и все Кривичи» (6390)⁶⁴³. Племя весь обитало около Белого озера. К концу XI в. оно, видимо, уже было ассимилировано славянами и летописец не понимал, о чем идет речь. Новгородские же летописи «весь» вообще не упоминают⁶⁴⁴.

«Сказание о призвании Рюрика с братьями», датированное в летописи 6370 г. (862-м по константинопольской эре), является краеугольным камнем варяжской концепции, а также нормализма. Статья продолжает рассказ о двух племенных объединениях, плативших дань варягам на северо-западе и хазарам на юге. «Изъгнаша Варяги за море, — повествуется в летописи, — и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и въста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе:

643 ЛЛ. С. 18, 19, 22. (Издатели обычно поправляют текст.)

644 Ср.: Н1Л. С. 106–107.

«поищем себе князя, иже бо володел нами и судил по праву». И идоша за море к Варягом».

В литературе обычно разделяют собственно сказание и комментарии позднейших летописцев. «Сказание о призвании» примерно одинаково дается в Новгородской 1-й летописи и «Повести временных лет», а комментарии как будто содержатся только в последней. По схеме Шахматова, первая отразила древнейший вариант сказания, во второй — развита идея «норманского» происхождения Руси. Б. А. Рыбаков полагал, что в XI в. сказание о призвании было местным новгородским преданием, не связанным с происхождением Руси. Таковой оно оставалось и в составе киевских сводов, пока близкий Мстиславу Владимировичу редактор Начальной летописи (ок. 1118 г.) не использовал предание для создания «норманской» версии, приписывающей варягам создание русского государства и отождествлявшей варягов и «русь»⁶⁴⁵.

О содержании понятия «варяги» и его эволюции речь будет ниже. Пока ограничимся констатацией факта различного его осмыслиения. После цитированного выше отрывка ПВЛ следует разъяснение, о каких варягах идет разговор: посольство было отправлено не просто к варягам, а к «Руси, сице бо ти звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, Друзии Гъте, тако и си». Еще А.А. Потебня предположил, что в летопись попала заметка, сделанная на полях⁶⁴⁶. Может быть вероятнее, что комментарий сознательно включался одним из редакторов в текст с целью придания ему определенной направленности или как отражение понимания существа дела этим летописцем. И самое существенное в этом комментарии то, что варяги-русь — это не варяги-свей.

Новгородская 1-я летопись приведенного комментария не знает. Но для суждения о первоначальном виде сказания она также служить не может. Помимо пропуска в числе приглашающих племен веси (хотя Синеус прибыл именно на Белоозеро), летопись содержит и еще одну существенную неточность. В ней утверждается, будто Рюрик с братьями пришли в Новгород. Согласно же ПВЛ, Рюрик сначала пришел в Ладогу и лишь несколько лет спустя срубил Новгород: «пришед ко Илмерю и сруби городок над Волховом, и

645 Б.А. Рыбаков Древняя Русь. С. 289–299.

646 А.А. Потебня. Этимологические заметки Русский филологический вестник. Варшава, 1879. С. 90.

прозва и Новгород, и седе ту княжа»⁶⁴⁷. Как будет показано ниже, Рюрик явился в Ладогу, когда Новгорода еще не было.

Определенные противоречия имеются и внутри текстов обеих летописей. По Новгородской 1-й летописи, союзные племена, изгнав варягов, начали «города ставити», а затем «въсташе град на град». По логике же текста «Повести временных лет», строительная деятельность связывалась с варягами: Ладогу и Новгород «сруби» Рюрик, «Полотеск», Ростов, Белоозеро он дал «рубить» своим мужам. Поскольку с варягами связывалось создание государственности, логично было приписать им и строительство городов, хотя исторически это, видимо, не соответствовало действительности. Нарушением логики является и в ПВЛ, очевидно, позднейшее добавление: «И по тем городом суть находници Варязи, а первые наслельницы в Новегороде Словене, в Полотьсте Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома; и теми всеми обладаша Рюрик». Здесь появляется еще «мурома», которой не было в числе приглашающих племен, и упомянута «весь», о существовании которой, видимо, не знал один из предшествовавших летописцев.

Рассказ о призвании в Новгородской 1-й летописи завершается фразой: «И от тех Варяг, находник тех, прозвавшаяся Русь, и от тех словет Руская земля и суть новгородстии людие до дняшнего дни от рода варяжьска». В «Повести временных лет» к этому добавлено: «преже бо беша Словени», возможно, для примирения с версией «Сказания о славянской грамоте», где Новгород связывается именно со словенами. По сказанию получается, что «русь» приходит на северо-запад, а название закрепляется за Приднепровьем. Новгородцы выводятся «от рода варяжьска» также как будто вопреки тому, что они являются словенами. Расследование ПВЛ мало что спасает: если новгородцы «от рода варяжьска», то как они могли быть прежде «словенами»? Тем не менее летописцы и в Киеве и в Новгороде переписывали сказание. Очевидно, какие-то его элементы казались современникам вполне истинными.

⁶⁴⁷ Ср.: ЛЛ. С. 19, варианты. Текст Лаврентьевского списка испорчен (имеется пропуск). Обычно он исправляется по Радзивиловской и Ипатьевской летописям, где названа Ладога. Но в данном случае издатели правили текст якобы по сгоревшей Троицкой летописи. Однако в ней текст также был испорчен. Лишь над строкой позднейшим почерком было приписано название города: «новг.». Ср.: Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. VII, СПб., 1852. С. 120.

Расселение восточнославянских племен по данным летописи

После сообщения об утверждении Рюрика на северо-западе в «Повести временных лет» перекидывается мост в Приднепровье: «И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина, и та испростистася ко Царюгороду с родом своим. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок, и упрошаста и реста: «чий се градок?» Они же реша: «была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша грдкось, и изгибоша, и мы седим, платим дань родом их Козаром». Аскольд же и Дир остася в граде семь, и мнози Варяги съвкуписта и начаста владети Польскою землею».

Как можно видеть, варяжская легенда приспособливала к преданию о Кие, но лишала его княжеского достоинства. В версии польского хрониста Яна Длугоша, Дир и Аскольд были продолжателями рода Кия⁶⁴⁸. Здесь они — бояре Рюрика. Под 6387 г. летопись сообщает, что «умершу Рюрикови предасть кяженье свое Олгови, от рода ему суща, въдав ему сын свой на руце, Игоря, бе бо детеск вельми». Этот текст продолжает предшествующий, хотя и отделен от него хронологически и включениями из иных источников. Финал всего

648 Ср.: М.Н. Тихомиров. Исторические связи со славянскими странами. М., 1969. С. 227.

повествования дается под 6390 г., когда Олег захватывает Киев и убивает его «незаконных» обладателей Дира и Аскольда.

Сюжет «законности» династии особенно настойчиво проводится в Новгородской 1-й летописи, где и Олег лишается княжеского достоинства. В центре внимания здесь преемственность от Рюрика к Игорю: «И роди (Рюрик. — А.К.) сын, и нарече имя ему Игорь. И бысть у него воевода, именем Олег. Муж мудр и храбор». Даты овладения Киевом здесь пет. Но предполагается, что Игорь был уже вполне взрослым князем. Олег сопровождает Игоря всего лишь как воевода, что, конечно, не соответствует действительности. Имеется в Новгородской 1-й летописи и еще одно свидетельство вторичности ее варианта по сравнению с чтением «Повести временных лет»: фразу «приплу под Угорьское» (урочище под Киевом) новгородский летописец понял так, что Игорь и Олег выдают себя за «подугорских гостей».

Согласно «Повести временных лет», «седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: «се буди мати градом Русьским». И беша у него Варязи и Словени и прочи прозвавшаяся Русью. Се же Олег нача города ставити, и устави дани Словеном, Кривичем и Мери, и устави Варягом дань даяти от Новаграда гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше Варягом». Фраза «... беша у него Варязи и Словени...» нередко толкуется в том смысле, что имя «Русь» перешло на всех, пришедших с Олегом, только в Киеве⁶⁴⁹. Взятая изолированно, фраза может быть так понята. Но она является частью сказания о варягах. В Новгородской 1-й летописи это особенно заметно: «И седе Игорь, княжа в Киеве; и беша у него Варязи мужи Словене, и оттоле прочии прозвавшаяся Русью». Логика здесь та, что варяги принесли название «Русь» сначала в Новгородскую землю, а затем в Киев, где это название распространилось и на «прочих». Позднейшее редактирование в новгородской версии сказывается в выдвижении на первый план Игоря. Он устанавливает дани и строит города, причем «дани устави Словеном и Варягам даяти», т. е. словене наряду с варягами оказываются в числе получающих дань, а не дающих ее.

Таким образом, известные летописные версии начала Руси сводятся к противопоставлению прежде всего поляно-славянской и варяжской концепций. И та и другая в свою очередь подразделяются на варианты, более или менее

⁶⁴⁹ Ср.: А.Н. Насонов. Русская земля. С. 37–38; Б.А. Рыбаков. Древняя Русь. С. 296; Х. Ловмънъский. Руги и русы. ВИ, 1971. № 9. С. 51.

отличающиеся от основных версий. В новгородском варианте варяжская концепция как бы превращается в варяго-словенскую, о чем ниже еще будет речь. В этой же версии особенно подчеркивается право «законной» династии Рюрика на обладание всеми русскими землями.

Многообразие версий, связанных с возникновением той или иной народности или государства, — явление вполне закономерное. Каждая область и племя располагают своими традициями и вносят реальный вклад в процесс создания целостного организма. И каждая область, при возможности, стремится подчеркнуть этот вклад, хотя бы и за счет явных передержек. Две основные летописные концепции отражают, очевидно, не все многообразие таких идей в домонгольской Руси. В сущности, здесь представлены только киевская и новгородская интерпретация событий. О других мы почти ничего не знаем. Мы не знаем, как этот процесс воспринимался в Смоленске и Полоцке, поскольку летописи этих центров не сохранились. Лишь кое-какие реликты уцелели от традиций Юго-Западной и Чернигово-Тмутараканской Руси.

Некоторые остатки галицко-волынского летописания сохранились и в «Повести временных лет». Заметно больше их в «Истории Российской» Татищева. Преимущественно эти летописи были использованы в XV в. польским хронистом Яном Длугошем. Об основном отличии этих летописей выше говорилось: по Длугошу, Дир и Аскольд являлись местными киевскими князьями, потомками Кия. «Партнерами» полян у него являются радимичи, вятичи и дулебы. Первые два племени в ПВЛ выводились «от ляхов» (под которыми понимались и «поморяне» и «мазовшане»), а третье лишь частично входило в состав Руси, локализуясь в Центральной Европе.

Версии, бытовавшие в Чернигово-Тмутараканской Руси, нашли косвенное отражение в «Слове о полку Игореве». Вопреки настояниям некоторых летописцев, князья вовсе не стремились выстроить свою генеалогию, отправляясь от приглашенного северными племенами Рюрика. Киевские памятники XI в. («Слово о законе и благодати» Илариона, «Память и похвала Владимиру Иакова мниха») не шли глубже Игоря в княжеских родословных. «Слово о полку Игореве» показывает, что даже и в XII в. на периферии сохранялись местные, традиционные представления о ходе сложения Древнерусского государства.

В центре своеобразной княжеской генеалогии «Слова о полку Игореве» стоит образ Трояна, сведения о котором доносит знаменитый песнотворец XI

столетия Боян. Загадочный образ породил значительную литературу. Часть авторов (Н.С. Державин, А.С. Орлов, М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков) полагали, что имеется в виду римский император Траян. Другая группа ученых (Д.С. Лихачев, А. Болдур, Ф.М. Головенченко и др.) видела в Трояне языческого бога. К этой точке зрения присоединился затем Ю.М. Золотов⁶⁵⁰. В поле его зрения, видимо, не попала третья группа исследователи (Н.И. Костомаров, А.В. Лонгинов и др.), которые полагали, что за образом стоит кто-то из реальных князей русской истории.

Троян упоминается в «Слове» четыре раза. Первое упоминание связано с обращением к Бояну: «О Бояне, соловио старого времени! А бы ты сиа пльки ущекотал, ската, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Троянию чрес поля на горы, пети было песне Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чрес поля широкая — галици стады бежать к Дону Великому...»⁶⁵¹. Разногласия в этом тексте вызывают фразы «рища в тропу Троянию» и «пети было песне Игореве, того внуку». А. Болдур усматривал в первой фразе попытку Бояна «угадать пути верховного распорядка, начертанного Трояном, иначе говоря, прочитать будущее в книге судеб русского народа»⁶⁵². «Мифический образ, подчеркивающий беспределность мечты Бояна», видел в этом выражении Ф.М. Головенченко⁶⁵³. Но вырванная из контекста фраза вряд ли может быть понята. Оба автора искали в ней лишь подтверждение мысли о том, что Троян — это славянское божество. Однако качествами провидцев и волшебников, по «Слову», обладали и несомненно реальные лица: Боян и Всеслав Полоцкий. Сопоставление же Трояна и Игоря Северского в таком понимании лишается смысла.

Между тем внутренняя связь всей строфы основывается именно на этом сопоставлении. Автор пытается представить, как бы Боян, прославлявший Трояна, воспел Игоря. Выбор же именно Трояна для сопоставления объясняет другая загадочная фраза: «Игореви, того внуку». Первые издатели, не поняв, о чем идет речь, добавили в скобках уточнение: «Олга» (т. е. Игорь — внук Олега Святославича). Иногда полагают, что поэт считает себя «внуком» Бояна. Но по

650 См.: Н.С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.-Л. 1941. С. 5—50; А. Болдур. Троян «Слова о полку Игореве». ТОДРЛ. Т. XV. М.-Л., 1958; Ю.М. Золотов. О Трояне «Слова о полку Игореве». СА. 1970, № 1.

651 Текст цитируется по изданию «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1. М.-Л., 1965. Пунктуация несколько изменена.

652 А. Болдур. Указ. соч. С. 35.

653 Ф.М. Головенченко. «Слово о полку Игореве». М., 1963. С. 273.

смыслу строфы «того внуку» относится именно к Трояну. Слово «внук» в поэме постоянно упоминается в значении «потомок». Автор «Слова», следовательно, считал северского князя потомком Трояна. Отсюда и сожаление, что сам Боян не может соединить немеркнущую славу походов Трояна со славой его отважного потомка.

Сходный смысл содержит и второе упоминание Трояна: «Были вечи (или «сечи») Трояни, минула лета Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Свѧтъславлича»⁶⁵⁴. Автор дает три эпохи русской истории, причем сопоставление Трояна с Ярославом и Олегом Святославичем предполагает преемственность, одну линию исторического развития. Поэтому-то и делались попытки обнаружить под именем Трояна известного по источникам русского князя⁶⁵⁵.

Три эпохи русской истории не выходят за пределы XI в., причем Олег здесь еще тмутараканский, а не черниговский князь, каковым он стал в 1094 г. Боян, как явствует из «Слова», был любимцем («хоти») Олега, т. е. в некотором роде «домашним» певцом чернигово-тмутараканских князей.

В третий раз говорится о Трояней земле: «Въстала обида в силах Даждьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону, плещучи упусти жирня времена». Многие авторы отождествляли «землю Троянию» с Русской землей⁶⁵⁶. Имеются и иные мнения⁶⁵⁷. Б.А. Рыбаков отождествил ее с римскими владениями в Причерноморье⁶⁵⁸, а М.Н. Тихомиров — в районе Дуная⁶⁵⁹. М.Н. Тихомиров предложил разбить образ на три параллельных: 1. Обида встала «в силах Даждьбожа внука». 2. Вступила на землю Трояна и 3. плещет лебедиными крыльями у Дону на синем море. Однако представление о «Трояновой земле» как о Руси при этом вовсе не исчезает. Параллель заключается в том, что если «русичи» — это «внуки» Даждьбога, то их земля — это земля Трояна. Донское же Лукоморье было как раз объектом честолюбивых устремлений северских князей, и мыслилось оно, видимо, тоже как часть Руси (Азовской или Тмутараканской).

654 Н.М. Карамзин читал «сечи».

655 Ср.: А.В. Лонгинов. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892. С. 107; его же: «Слово о полку Игореве» /Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXIX, 1911. С. 77–78.

656 Д.С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора «Слова». «Слово о полку Игореве». М.-Л., 1950. С. 23.

657 М. Шефтель полагал, что речь идет о земле торков, Ю.М. Золотов — о языческой земле, и т. д.

658 Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 72.

659 М.Н. Тихомиров. Русская культура X–XVII веков. М. 1968. С. 54.

Представление о земле Трояна как о Руси усиливается дальнейшим текстом, в котором есть аналогичная параллель. Сокол — Игорь, «птиц бья», залетел к морю. Но храбрый полк погиб, в результате чего Карна и Жля помчались по Русской земле, «смагу людем мычючи в пламяне розе» (неся пожарища в пылающем роге). По следам Обиды на Русскую землю устремился поток огня и разрушений. Отождествление «земли Трояня» с Русской землей логично вытекает и из факта выделения эпохи Трояна, как раннего периода русской истории. Другое дело, какая Русь считалась его землей и мыслилась как колыбель Древнерусского государства и народности. В этом плане может представить интерес и упоминание в Северном Причерноморье автором XII в. Идриси некой Трои⁶⁶⁰.

Последнее упоминание Трояна в «Слове» — это «седьмой век». По «Слову», «на седьмом веке Трояни връже Всеслав жребий о девице себе любу... и скочи к граду Киеву». Предложено много объяснений фразы «на седьмом веце». Но все они не устраниют тех или иных недоразумений. Попытка понять фразу, исходя из простого расчета «века» — сто лет, не может быть принята, так как отождествление древнего «века» со столетием произошло не ранее XVI в. Д.С. Лихачев расшифровывал «седьмой век» как «последний» век язычества, указывая на мистическое значение числа «семь» в древности⁶⁶¹. С ним согласились А. Болдур и некоторые другие авторы⁶⁶². Однако и такое толкование не может удовлетворить. Всеслав овладел Киевом уже после «лет» Ярослава, и, следовательно, «седьмой век» непосредственно с язычеством не связан. В «Слове» вообще христианство и язычество не сопоставляются и не противопоставляются.

Остроумное решение предложил Ю.М. Золотов. Он представил «седьмой век» как седьмой месяц лунного года, исходя из убеждения, что Троян — это бог луны⁶⁶³. Действительно, Всеслав захватил Киев на седьмом месяце мартовского года. Но автор «Слова» рассматривает «века» Трояна как прошлое, а «седьмой» его век — как современный Всеславу. Сам Ю.М. Золотов «вечи»

660 T. Lewicki. Polska i kraje sąsiednie w świetle «Księgi Rogera» geografa arabskiego z XII w. al-Idrsiego. Warszawa, 1954, str. 24, 203–204. В XVI в. было мнение, будто «Илион, или Троя, находилась на Киевской земле» и там показывали ее развалины. См.: Михаил Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. С. 51. А. Болдур (указ. соч. С. 12) отметил скопление на Украине «троянской» топонимики. «Трояновыми», как отмечалось, назывались и приднепровские валы. За всем этим стоит по крайней мере устойчивая традиция.

661 Д.С. Лихачев. Политический и исторический кругозор.... С. 23.

662 А. Болдур. Указ. соч. С. 34; Ф.М. Головенченко. Указ. соч. С. 321.

663 Ю.М. Золотов. Указ. соч. С. 262.

Трояна рассматривает как века язычества, явно противореча собственным допущениям.

В свое время Н.М. Гальковский справедливо заметил, что «всякий поэт, желая быть понятым, должен употреблять такие образы, которые понятны и доступны современникам. А потому необходимо допустить, что автор «Слова», упоминая о Трояне, говорил о том, что всем было известно и понятно»⁶⁶⁴. Это соображение в полной мере относится и к «седьмому веку». Поэтому следует попытаться понять, что это выражение могло буквально означать в XI–XII вв.

Отличительная черта всех народных измерений — их естественность и неопределенность. Подобно тому, как меры длины ориентировались на части человеческого тела (стопа, пядь, локоть и др.) и меры времени устанавливались в связи с природными явлениями (день, ночь, месяц, цикл луны, лето), а также относительно жизни самого человека. Напомним, что счет времени в догосударственный период велся практически только поколениями. И эта система определения времени сохранялась не только в быту, но кое-где и в письменности много веков спустя. (В легенде о происхождении Рюрика от брата Августа Пруса устанавливалось в качестве связующего звена 14 поколений). Пока же отметим, что буквальное значение слова «век» в древности — это срок жизни предмета, явления, человека. Это хорошо известно и подтверждается большим количеством источников⁶⁶⁵. Различные значения этого слова в древней литературе являются лишь разновидностями его основного содержания. Это слово было наиболее употребительно для обозначения жизни одного поколения. Основное значение латинского соответствия славянскому «веку» — *seculum* — как раз «поколение», «век человеческий»⁶⁶⁶. Имеется оно и в других языках, что вполне закономерно в свете практической необходимости в таком понятии.

Следовательно, буквально фраза «на седьмом вце» означает «седьмое поколение», идущее от Трояна. Числительное «седьмой» в данном случае могло привлечь внимание автора и потому, что у многих народов непосредственное родство фиксировалось до седьмого колена⁶⁶⁷. Для событий второй половины

664 Н.М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. И. Харьков, 1916. С. 12.

665 См.: И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. И. М., 1958. С. 484–485; Словарь-справочник «Слово о полку Игореве». вып.1. С. 95–96.

666 Ср.: Ананьев, Ясненецкий, Лебединский. Полный латинский словарь. М., 1862. С. 761.

667 Жрецы усматривали тайну в факте существования семи планет (другие еще не были известны), и астрология позднее опиралась на это положение. (Ср.: Д.М. Переvoщиков. О летосчислении / Месяцеслов за 1855 год. С. 243–244). На Руси, однако, астрология не прижилась. О родстве «до седьмого колена» см. И.И. Срезневский. О договорах князя Олега с греками. Исторические чтения о языке и словесности. СПб., 1854. С. 90–91, прим. (ссылка на законы Ротария, Баварские законы).

XI в. на Руси такое приурочение могло иметь и определенный назидательный смысл: начались усобицы между «внуками» Трояна. Не исключено также, что именно «седьмым» поколением рода Трояна заканчивался цикл песен Бояна.

Таким образом, Всеслав и один из засинателей усобиц Олег Гориславич отнесены в «Слове» к седьмому поколению, идущему от Трояна. Отступая к истокам родословной, получим следующий ряд: 7. Всеслав, 6. Брячислав, 5. Изяслав, 4. Владимир, 3. Святослав, 2. Игорь, 1. Троян. Троян здесь, следовательно, мыслится в качестве непосредственного предшественника бесспорного родоначальника династии — Игоря. В генеалогических преданиях очень часто ранние их ступени «уплотнялись», иногда древнейшая эпоха вообще представлялась только реальным или мифическим родоначальником. Поэтому необязательно считать Трояна отцом Игоря. Но и такая вероятность, по крайней мере, в понимании автора «Слова», не исключалась. Поэт, очевидно, имел аудиторию, которой также были известны сообщаемые им факты. Эта аудитория из древних песен что-то знала о «времени Бусове», о борьбе с готами и других подобных сюжетах, развивавшихся много лет назад где-то в Причерноморье. Исторически сложившиеся тесные связи Тмутаракани и Приазовья с Черниговом указывают на тот район, где прежде всего должны были сохраниться традиции, зафиксированные в «Слове о полку Игореве». Периферийное положение Чернигова предопределило в конечном счете и неудачи этой версии в соревновании с поляно-иллирийской и варяжской. Между тем хотя эта версия и не охватывала многих важнейших фактов из истории зарождения Древнерусского государства, она не была совершенно беспочвенной. Исторические песни от первых веков н. э. могли дожить до XI–XII вв. только при условии, что в рамках Руси за все это время преемственно сохранялись какие-то группы населения, считавшие себя «Русью». (Речь об этом будет в следующей главе.)

2. «Варяги» русских источников

Как можно было видеть, варяжская версия начала Руси (как и поляно-иллирийская и чернигово-тмутараканская) является выражением интересов определенной части населения северо-западных земель и некоторых ветвей княжеских родов. При этом связанные с ней летописные тексты носят следы разновременной и разнохарактерной обработки. Неодинаковое звучание

проверяжских чтений, очевидно, связано не только с намеренным подчеркиванием позитивной роли «находников» — варягов, но и с разным пониманием их природы.

Текст «Повести временных лет» обычно читается, исходя из представления о скандинавском происхождении варягов. Нынешние норманисты, как правило, руководствуются мифами, рожденными в Германии еще в XIX столетии (северная прародина германцев, зачисление в число «германцев» иллиро-венетов и кельто-венетов без каких-либо исследований и т. п.). Как правило, в их работах не встретишь даже общих оценок источников и фактов и тем более обсуждения теоретических проблем этногенеза. И основная посылка — позднейший комментарий летописи, включавший «свеев» и «урманов» в число «варягов», и полное игнорирование кельтов и алан, оставивших заметные следы в Скандинавии.

Между тем уже факт как бы дополнительного включения в летописный текст «варягов-скандинавов» ставит перед необходимостью основательного разбора всего летописного текста, чего никто из норманистов ни прошлого, ни настоящего не пытался сделать. Между тем и в том тексте, что служит основой норманистских представлений, особо выделяются варяги-русь, с которыми, собственно, и связывается возникновение Руси. Многие же упоминания варягов с русью вообще никак не связываются. Необходимо поэтому проследить, как изменяется содержание этнонима «варяги» в зависимости от времени и места, где осуществлялись записи.

В этнографическом введении «Повести временных лет» вслед за перечнем рек идет следующий текст: «В Афетове же части седять Русь, Чюдь и всиязыци: Меря, Мурома, Весь, Моръдва, Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимегола, Корсь, Летьгола, Любь. Ляхове же, и Пруси, Чудь преседять к морю Варяжскому; по сему же морю седять Варязи семо ко въстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: Варязи, Свей, Урмане (Готе), Русь, Агняне, Галичане, Вольхва, Римляне, Немци, Корлязи, Венъдици, Фрягове и прочии, те же приседять от запада к полуденю и съседяться с племенем Хамовым»⁶⁶⁸.

Компилятивный характер цитированного текста очевиден: в нем дважды и в разных смыслах упоминается «Русь», дважды говорится о «Чюди» и о «Варягах». На это обстоятельство обращалось внимание⁶⁶⁹. Здесь важно

668 ЛЛ. С. 3–4.

669 Ср.: Б.А. Рыбаков. Древняя Русь. С. 221; А.Н. Насонов. История русского летописания. С. 65–66.

подчеркнуть, что отрывок, вводимый словами «Афетово и то колено», предполагает наслаждение на уже имеющуюся вставку о Руси и других народах, поскольку никаких иных «Афетовых колен» в предшествующей части нет. Но и исключив последнюю вставку, мы не получим однородного текста, что видно из противоречивого понимания этонима «Чудь».

В ткань первой вставки (в текст «Сказания о славянской грамоте») входит указание на место обитания варягов. Значение его трудно переоценить: это единственное прямое свидетельство о территории, занимаемой варягами. Поэтому важно, по возможности, точно очертить эту территорию, а также установить время появления записи.

Одна особенность отличает запись от смежных текстов: упоминание народов дается без членения на отдельные племена: поляки, литовцы-прусы, чудь (угро-финны). Чудь, прилегающая к Варяжскому (Балтийскому) морю, — это, очевидно, эсты. Локализация варягов к востоку от чуди «до предела Симова» обычно воспринимается как недоумение, как свидетельство нечетких представлений летописца. Между тем эти сведения вполне конкретны. В летописи имеется два представления о «пределе Симове». Одно из них, соответствующее Библии, отразилось в извлечении из греческих хроник, другое, видимо, было навеяно иудейской литературой, распространенной у хазар. Один из поздних русских летописцев, комментируя половецкий набег 1096 г., изложил мнения о происхождении ряда народов. Болгары Волжские у него оказались «сынами Амоновыми», а жившие в низовьях Волги хвались — «сынами Моавлими»⁶⁷⁰. Из-за перенесения ближневосточной этонимии на территорию Восточной Европы «предел Симов» сместился на Среднюю Волгу, к самым границам владений Рюрика (Муромская земля). В представлении некоторых летописцев, следовательно, варяги, локализуемые между чудью и «Симовым пределом», — это города и земли, занятые в свое время мужами Рюрика.

Выше обращалось внимание на странную трактовку варяжского сказания в Новгородской 1-й летописи, где словене и варяги выступают как бы на паритетных началах, а новгородцы прямо выводятся «от рода варяжска», причем, по уверению летописца, так считали и современные ему новгородцы. Шахматов не без оснований полагал, что в «древнейшем своде» (в данном случае не имеет значения разное его датирование) имело место смешение

⁶⁷⁰ ЛЛ. С. 226.

варягов со словенами⁶⁷¹. Очевидно, для автора-комментатора, вводившего указание на область обитания варягов, они также не отделялись от словен или же он исходил из того, что весь север Руси контролируется варягами.

На территории от Ладоги до Мурома варяги были, конечно, пришельцами. Их исконное место обитания должно искать «по тому же морю... к западу до земле Агнянски и до Волошьски». Море, известное русским средневековым источникам (вплоть до XVIII в.) как «Варяжское», называлось также в разных местах и в разное время «Ругским», «Немецким», «Прусским», «Венетским» и «Галатским». И если современное его название происходит от обозначения цвета (*balts* — «белый» в балтийских языках; Гельмольд ошибочно трактовал название из латинского *balteus* — пояс, имея в виду путь «Из Варяг в Греки»), то все другие связаны с прибрежными этносами. При этом название «Немецкое» относительно позднее. Оно стало распространяться лишь после того, как во второй половине XII в. Германская (Священная Римская) империя пробилась наконец к морю и установила господство над рядом славянских племен и территорий. Зато другие названия, напротив, уходят в глубь веков.

«Венедский залив» — одно из самых древних названий Балтийского моря, отразившееся в античной географической традиции. Очевидно, венеды какое-то время были в представлении греков и римлян преобладающим или господствующим этносом Прибалтики. С этим этносом издревле связывалась и почти легендарная река Еридан, откуда в Средиземноморье уже со II тыс. до н. э. поступал янтарь. Река эта у отдельных авторов передвигалась то к а드리атическим венетам, то к галльским рутенам, ведшим промежуточную торговлю янтарем⁶⁷². Как отмечалось выше, связь трех групп венетов — малоазиатских, а드리атических и прибалтийских подтверждается языковыми данными и некоторыми историческими преданиями. Со времен Иордана с «венетами» стали отождествлять «склавен и антов». Во многих источниках VIII–IX вв. проявляется отождествление славян, венедов и вандалов⁶⁷³. Гельмольд (XII в.) именует славян вендами, вандалами, винитами и винулами⁶⁷⁴. То же смешение характерно для средневековых авторов и хронистов (Ян Длугош, С. Герберштейн и др.). Заэльбские славяне называли себя вендами еще и в XVIII в., пока они не были ассимилированы германцами. С другой стороны,

671 А.А. Шахматов. Разыскания... С. 541–542. Мысль не была развита и просто объяснена автором.

672 См.: Дж. Г.Д. Кларк. Доисторическая Европа. С. 261–263.

673 П.И. Шафарик. Славянские древности. Т. 1, Ки. З. М., 1837. С. 78–80.

674 Гельмольд. Славянская хроника. С. 36–38, 70.

в угро-финских языках (финском, эстонском, вепсском) этноним «вене» сохранился за русскими, а не славянами вообще.

В историографической традиции славяне и венеды довольно устойчиво отождествляются. Между тем, каждый современный археолог скажет, что на рубеже н. э. славян на балтийском побережье еще не было: они приходят туда едва ли ранее VI в., причем к юго-западной его части (область специфических «германских», а на самом деле кельтических племен ингевонов). Но на восточном побережье Балтики венеды сохранялись и в XIII в., о чем сообщал в XIII в. Генрих Латвийский в выше цитированной записи. «Венетским» эта часть моря называлась еще и во времена С. Герберштейна⁶⁷⁵. О венедах здесь знает автор XVI в. Лука Давид⁶⁷⁶. А известный географ XVI в. Герард Меркатор, как сказано выше, отметил факт двуязычия некоторых местных племен, в частности, рутенов, которые говорили по-словенски и по-«виндальски». Иными словами, большая часть венедов в конечном счете ославянилась, передав отдельным славянским племенам свое имя. Но вплоть до XVI в. сохранялись остатки и собственно венедского, неславянского этноса, поглощенного в конечном счете в рамках немецкой Ливонии. Собственно же славянам остается территория южного побережья Балтики, как раз «до земле Агнянски и до Волошьски», где летописец помещал варягов. Иными словами, согласно древнейшей летописной записи, исконные «варяги» — это территория южного берега Балтики, западнее пруссов и ляхов, на которой в то время жили славянские или ославяненные племена. Самая локализация «ляхов» по морскому побережью может иметь датирующее значение. Дело в том, что польские князья вели постоянную борьбу за обладание Поморьем. Но владели они им лишь в отдельные, довольно кратковременные периоды.

Балтийское Поморье в X в. было одним из наиболее развитых районов славянского мира. В 962 г. возникает Священная Римская империя, которая начинает наступление на балтийских славян. В 966 г. польский князь Мешко I принимает крещение по латинскому обряду и вскоре с помощью Империи овладевает Поморьем. Империи также удалось поставить большинство балтославянских племен в зависимость от себя. Но в 983 г. произошло широкое восстание, закончившееся изгнанием немецких феодалов и священников со значительной части земель балтийских славян. Мешко удалось с помощью датских и шведских союзников удержать под своей властью Поморье. Здесь

675 С. Герберштейн. Записки о московитских дела. СПб., 1908. С. 180.

676 L. David. Preussische Chronik. B.I. Königsberg, 1812, S. 9-12.

после его смерти в 992 г. остался один из сыновей Мешко — Святополк, номинально признававший зависимость от Болеслава Великого, сидевшего в Гнезно. В 997 г. было создано епископство в Колобжеге и началось распространение христианства в восточном Поморье. Однако вскоре после восстания поморян это епископство было ликвидировано. Фактически Поморье снова отпало. К середине XI в. Казимиру I удалось подчинить Восточное Поморье, но Западное Поморье вошло в состав ободритского государства. Вскоре вновь отпало и Восточное Поморье, и лишь полвека спустя Болеславу III удалось в 20-е гг. XII столетия взять главные поморские города — Щецин, Колобжег, Волин. Но и после этого Западное Поморье оставалось фактически независимым.

Летописец, назвавший «ляхов» на побережье Варяжского моря, писал, очевидно, тогда, когда польские князья реально владели Поморьем. Практически речь должна идти либо о конце X — начале XI в., либо о времени после 20-х гг. XII столетия. Вторая эпоха отпадает и потому, что основные редакции Повести временных лет сложились раньше, и потому, что ситуация в Поморье оставалась далеко не ясной, и потому, что летописцев этого времени этнография уже мало интересовала. Поэтому наиболее вероятна принадлежность рассматриваемого пояснения летописцу, трудившемуся в конце X в. Именно в это время в Киеве были особенно сильны и антиваряжские, и антиновгородские настроения, проявившиеся в целом ряде летописных текстов⁶⁷⁷.

Как было сказано, летопись указывает в качестве западных пределов обитания варягов земли «Агнянскую» и «Волошскую», то есть границы расселения в это время балтийских славян. Но славяноязычные племена сохраняли, по летописи, и некоторые свои исконные названия. В «наслоении» на первичную запись, определяющую местожительство «варягов» от земли англов до «предела Симова», то есть по всему Волго-Балтийскому пути, перечислены живущие по «Варяжскому» морю племена: «Афетово бо и то колено: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Русь, Агняне, Галичане, Вольхва, Римляне, Немци, Корлязи, Венъдеци, Фрягове и прочии, ти жи приседять от запада къ полуденю и съседяться с племенем Хамовым». Здесь упомянуты «варяги» и «русь» как племена, отличные от «свеев», «урманов», норманов, «немцев». При

677 Ср.: легендарный рассказ об апостоле Андрее, сТ. 6415 и 6478 гг. См. также: А.Г. Кузьмин. Сказание об апостоле Андрее и его месте в Начальной летописи Летописи и хроники. М., 1974.

этом этноним «варяги» покрывает и приморские славянские племена, не вошедшие в состав Польши.

Этноним «агняне» постоянно присутствует в летописи в соседстве со свеями, готами, «урманами», «варягами» и «русью». В то же время «даны», один из самых активных «норманских» народов X–XI вв., в летописи даже не упоминаются. Это обстоятельство постоянно вызывает недоумения⁶⁷⁸. М.Н. Тихомиров предположил, что перечень народов составлялся в то время, когда Дания и Англия были объединены под властью короля Кнута Великого (1018–1035)⁶⁷⁹. Как наименование, относящееся к обеим этим странам, понял этот этноним и Г. Ловмяньский⁶⁸⁰. Только этому факту, видимо, не следует придавать датирующего значения. Ютландия являлась родиной англов и долгое время сохраняла положение метрополии. «Англией» называл англо-саксонский король Альфред (871–901) пограничную с нынешней Германией часть Ютландии, и это название удерживалось за ней вплоть до недавнего времени⁶⁸¹. С другой стороны, «данами» в средневековой Европе, в частности в Британии, называли обычно норманов, включая Скандинавию. «Агняне», следовательно, традиционное население юга Ютландии, непосредственно соседствующее с землями балтийских славян. Этот факт нашел своеобразное отражение в «Правде англов и вэринов», относящейся к концу IX-началу X в.⁶⁸²

Несколько сложнее обстоит дело с землей «Волошской». Исторически этноним «волохи», как это признается большинством исследователей, связан с кельтами (одно из больших кельтских племен — volci). Но вопрос о том, кого им обозначали в Средневековье, остается спорным. Шахматов, анализируя тексты летописи, восходящие к «Сказанию о славянской грамоте», пришел к выводу, что у славян это название перешло на франков⁶⁸³. В. Д. Королюк полагал, что летопись имеет в виду древних римлян⁶⁸⁴. Действительно, у западных славян этноним «волохи» закрепился за Италией. Позднее же «воловами» («влахами») называли население различных территорий также

678 См.: М.Б. Свердлов. Латинские источники по истории Древней Руси IX-первой четверти XII в. Автореф. Канд. дис. Л., 1968. С. 14.

679 М.Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь»... С. 69.

680 Г. Ловмяньский. Рорик фрисландский и Рюрик новгородский. СС, вып. VII. Таллин, 1963. С. 248–249; его же: Руссы и руги. С. 45.

681 Ср.: Фр. Крузе. О пределах Нормандии и названии норманнов и russos. ЖМНП, ч. XXI, 1839. С. 21; МРН, т. I, Lw'ow, 1864, str.13.

682 См.: Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. М. 1986. С. 591–595.

683 А.А. Шахматов. Волохи древнерусской летописи, Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 54. Симферополь, 1918.

684 В.Д. Королюк. Волохи и славяне в «Повести временных лет» / Советское славяноведение, 1971, № 4. его статьи.

Балканского полуострова и Прикарпатья⁶⁸⁵. Разные мнения соединяет и тот факт, что с 962 г. от Рима до Ютландии простиралась Священная Римская империя. Какой-то след оставили, видимо, и готы, заселявшие некоторое время Северную Италию, а затем рассеявшиеся по разным территориям. Так или иначе, у западных и балтийских славян этноним связывался с Северной Италией и Римом.

Напомним, что локализация варягов дается в том отрывке, где летописец основные государственные образования называет без подразделения на племена. В туманных на первый взгляд сведениях заложено достаточно четкое представление, характерное для его времени. «Варягам» отводится территория между Польшей и Пруссией с одной стороны, Данией и Священной Римской империей — с другой. Речь, следовательно, идет о территории, принадлежавшей весьма специфической группе славян. Примечательно и то, что эта группа не попала в перечни племен, восходящих к «Сказанию о славянской грамоте». В «Сказании», в частности, не названы вагры, ободриты, а также руги (раны), наиболее организованные из балтийских славян и славянлизированного предшествовавшего населения, хотя их союзы не сходят со страниц франкских хроник уже с VIII в. В XI в., как отмечалось, существовало особое ободритское государство. На Руси его не могли не знать. Супруга Ярослава Мудрого шведская принцесса Ингигерда была дочерью ободритской княжны Эстреди. Упомянутый выше датский король Кнут тоже по одной линии был выходцем из рода ободритских князей (при нем балтийские славяне какое-то время входили в состав англо-датского государства). Позднее дочь Мстислава Владимировича (ум. 1132) была замужем за ободритским королем Кнутом Лавардом. Но нигде в летописях для этой территории не находится иного обозначения, помимо неопределенного «варяги».

Другая вставка дает несколько иное представление о варягах. Это только одно племя, отличающееся от балтийской «руси», а также от норманских племен: агнян (датчан), свеев (шведов), готов и урман (собственно норманов-норвежцев). Вставка явно относится к более позднему времени, и интересна она именно тем, что имелось и узкое значение этнонима «варяги». Размещаться племя могло только на южном берегу Балтики, поскольку все другие ее берега были заселены иными известными летописцем племенами.

685 Ср.: Е.П. Наумов. Волошская проблема в современной югославской историографии. (Проблемы этнической и социальной истории средневековых влахов) Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978; В.В. Иванов, В.Н. Топоров. К вопросу о происхождении этнонима «Влахи» Этническая история древних романцев. Древность и средние века. М., 1979.

Следующим текстом, в котором упоминаются «варяги», является рассказ о путях из Руси и легенда об апостоле Андрее. И то и другое связано с основной тканью поляно-славянской концепции и, следовательно, отражает представление киевского летописца, не знатного или не принимавшего варяжской версии начала Руси. Летописец описывает «путь из Варяг в Греки и из Грек» через «Илмерь озеро» и «озеро великое Нево» (Ладожское озеро). Он знает о том, что Варяжским морем можно дойти до Рима, а затем из Рима морем прийти в Царьград. Другой путь, ведущий в «Варяги», — Западная Двина, и опять-таки можно дойти «из Варяг до Рима». В этих текстах «Русь» — это Среднее Поднепровье, и она четко противопоставлена «Варягам». Противопоставляются и названия морей: «Русского» (Черного-Красного, позднее Черного) и «Варяжского» — Балтийского.

Легенда об апостоле Андрее непосредственно примыкает к рассказу о путях. Она любопытна тем, что апостол Андрей в ней совершает путешествие из Корсуня в Рим через «варяги». Будучи в Корсуне, он «уведе, яко ис Корсуня близъ устье Днепръское, и въсхоте пойти в Рим»⁶⁸⁶. Он идет путем «из Варяг в Греки» через землю словен, затем «иде в Варяги, и приде в Рим». Летописец, видимо, не осознавал, насколько нецелесообразен путь, проделанный апостолом, насколько короче путь из Корсуня через Царьград. Но он, очевидно, знал, что в Рим из Киева ездили именно таким путем. И не только в XI в. На Флорентийский собор 1439 г. русская делегация ехала точно таким путем: из Новгорода она сухим путем добралась до Риги, а от Риги часть ее поехала морем до Любека, расположенного в «Руссии», другая часть — «по суху» «коньми». Путь от Любека пролегал по территории Германии и Италии⁶⁸⁷. Это были давние, наезженные пути. Еще со времен Франкской империи южнобалтийские города были как бы торговыми воротами континентальных территорий, причем население приморских городов практически монополизировало торговлю с отдаленными странами (в числе которых были Византия и Волжская Болгария).

«Варяги» вызывают неприязненное отношение у многих киевских летописцев, особенно если учесть, что при Ярославе вплоть до его смерти им

686 ЛЛ. С. 7.

687 См.: Н.И. Прокофьев. Русские хождения XII–XV вв. Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 196 и далее; Н.В. Мошинская. Об авторе «Хождения на Флорентийский собор» в 1439–1441 гг. Там же. С. 294; Казакова Н.А. Хождение на Флорентийский собор» (текст, перевод, комментарий) Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. Автор произвольно «поправила» упоминание «Русской земли» на «курскую». См.: извлечение из «Хождения» по древнейшему списку и комментарий к тексту «Великие духовные пастыри». М., 1999. С. 237–238, 242–246.

выплачивалась дань. В данном случае речь могла идти и о своеобразном «вене» Ярослава за Ингигерд и помочь в его борьбе с Мстиславом чернигово-тмутараканским. Но в летописях нет никаких намеков на различия языков славян и варягов. По крайней мере, пришедшие с Рюриком варяги строят города с ясными славянскими названиями: Новгород, Изборск, Белоозеро.

Следующее упоминание «варягов» связано с походом Олега на греков «в лето 6415». (Дата, видимо, записана по старовизантийской эре, и о тех же событиях сказано под 6420 г. по константинопольской эре.) Статья соединяет разные версии об одном и том же событии, и в частности в ней как бы собраны все предшествующие названия племен, ранее упомянутых в летописи⁶⁸⁸ (за исключением ряда племен из «Сказания о славянской грамоте»). «Варяги» здесь стоят на первом месте перед «Словенами» в перечне племен, якобы принявших участие в походе Олега. Но в дальнейшем тексте говорится только о «Руси», причем снова летописец в сказочной форме допускает иронический выпад против новгородцев: Олег распорядился после получения «дани» с греков сшить «парусы павличьи Руси, а Словеном кропиньныя» (разные виды шелка), но ветер разорвал паруса словен, и те сами должны были признать: «не даны суть Словеном пре павличьи» и придется удовлетвориться «своими толстинами». Ясно, что здесь противопоставлены не варяги и словене, а киевляне и новгородцы. Но текст статьи является, конечно, позднейшей компиляцией разновременных устных и письменных источников. В последовавшем затем договоре (911—6420) партнерами выступают Греческая и Русская земля, причем в числе представителей «рода Русского», если судить по именам, нет ни одного славянина, но заключается он на греческом и славяно-русском языках. Перун и Волос — главные боги этой Руси. Бог Перун (Проне, Прове, лит. Перкунас) известен у балтийских славян и, может быть, пруссов, если только он не занесен на эту территорию обитателями известной позднее «Неманской Руси» (об этом речь будет в следующей главе). Обозначение дня недели «Перундан» — «день Перуна» — четверг, известно у балтийских славян и их потомков еще в XVIII в. (по аналогии с немецким «Доннерstag» — день Доннера, или французского «жёди» — день Юпитера). «Волос» (Велес, Влас — «скотий бог», от «скот» — деньги, богатство) — покровитель купечества, путешественников и поэтов-сказителей («Боян — Велесов внуче») — аналог римского Меркурия. (В христианстве сохранился и как личное имя «Влас», «Власий».)

688 Ср.: А.Г. Кузьмин. Начальные этапы... С. 329–331.

Рассказ о походе на греков Игоря тоже компилятивен. При том если греческие источники говорят об одном неудачном походе Руси, то в летописи после неудачного последовал якобы удачный. Одна версия заимствована из византийских источников, другая, видимо, из русской устной традиции⁶⁸⁹. В первой версии фигурирует только «Русь», во второй в числе наемников называются «Варяги, Русь и Поляны, Словени и Кривичи, и Теверьце, и Печенеги». Здесь сразу названы и варяги, и русь, и поляне, что едва ли говорит о чем-нибудь ином, кроме механического соединения разных представлений. Договор Игоря также заключается от имени «рода Русского», а клянется русь именем Перуна. Но есть и одно любопытное пояснение в связи с наличием в дружине Игоря русов-христиан: «А хрестяную Русь водиша роте в церкви святаго Ильи, яже есть над Ручаем, конец Пасыпъче беседы и Козаре: се бо сборная церкы, мнози бо беша Варязи христиане»⁶⁹⁰. Варяги в данном случае являются частью Руси, и среди них немало христиан. С 30-х гг. X в. по 983 г. (до широкого восстания против насаждения германо-римской церковной иерархии) значительная часть славянских племен признавала христианство, хотя и в специфической форме. При Гаральде Синезубом (936–985) христианство утверждается и в Дании. Около того же времени делаются попытки распространения христианства и в Швеции, но утверждается оно там лишь в конце XI — начале XII в.⁶⁹¹ Восстание 983 г. на Поморье привело к ликвидации там христианских храмов и изгнанию одной части христиан, и возвращению в язычество другой.

Большой интерес представляет наличие самой церкви св. Ильи (как бы принявшего на себя функции Перуна-громовержца) в Киеве. Интерес она представляет прежде всего потому, что ни Риму, ни Константинополю она не подчинялась и явно увязывалась с аналогичными славянскими христианскими общинами Подунавья, последователями славянских просветителей Кирилла и Мефодия, причем последнего Рим в течение почти четырех столетий обвинял в «арианстве» — общинной церкви, не признававшей внешней иерархии и повлиявшей на принятие Русью в конце X в. христианство. Обряд погребения этих христиан однозначно указывает на Подунавье, о чем писал в небольшой,

689 Ср.: Там же. С. 265–268, 332–333.

690 Д.С. Лихачев (издание ПВЛ, 1950) произвольно поменял строки, в результате у него христианами стали и «хазары». Эта «перестановка» породила целую концепцию хазарской версии христианизации Руси. См.: об этом: А.Г. Кузьмин. Хазарские страдания. МГ, 1993, № 5–6.

691 См.: Л. Гrot. Миfические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров, 1997. С. 154.

но емкой статье С.С. Ширинский⁶⁹². Здесь может находиться и исток поляно-иблирийской версии происхождения славянской Руси.

На протяжении ряда десятилетий летописи ничего не говорят о варягах. В войске Святослава они непосредственно не упоминаются. Имя же приближенного Ярополка Святославича — Варяжко — косвенно свидетельствует о малочисленности варягов в Киеве в это время, поскольку в имени отражается просто племенная принадлежность, и оно теряло бы смысл, если бы варягов в окружении князя было много.

Новое «нашествие» варягов в Киев связано с воинством Владимира. По разделу земель Святославом, он получил Новгород, традиционно связанный с варягами, а после убийства Ярополком брата Олега бежал «за море», откуда и вернулся через два года с наемным войском. Варяги помогли Владимиру овладеть Киевом и потребовали, чтобы князь взыскал с киевлян «окуп» «по 2 гривне от человека». Владимир, по летописи, решил, однако, обмануть варягов. Сначала он заставил их месяц ждать, пока якобы киевляне «куны сберут», а затем и вообще отказал в таком сборе. Раздосадованные варяги потребовали, чтобы князь показал им «путь в Греки». Владимир отобрал из варяжского отряда «мужи добры, смыслены и храбры, и раздая им грады», остальных же отправил к грекам, направив ранее послов с предупреждением царя: «Се идуть к тебе Варязи, не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, яко и еде, но расточи я разно, а семо не пущай ни единого»⁶⁹³.

Где был Владимир «за морем» в течение двух лет? Судить об этом, разумеется, трудно. Но языкового барьера между варягами и славянами, судя по летописи, не было. Варяги Владимира были язычниками. Язычниками в это время оставалось подавляющее большинство скандинавов. Даны были христианами. На славянском берегу Балтики оставались языческими племена руян на острове Рюген и каких-то прибрежных территориях, а также волиняне, в легендарном городе которых (Волин, Юлии, Винета и др.) в это время находилась своеобразная община воинов, готовых на подвиг и на разбой. Помимо славян, здесь было много выходцев из Дании, отказавшихся принять христианство. В пользу мысли о том, что Владимир был именно у балтийских славян-язычников, свидетельствуют существенные детали его религиозной реформы.

692 С. Ширинский. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии. Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 203–206.

693 ЛЛ. С. 77.

Возвращение Владимира явно сопровождалось усилением языческих культов. Причем Владимир стремился укрепить его своеобразным узаконением главных богов отдельных племен, в том числе неславянских (Хорс, Даждьбог, Стрибог, Симаргл, Мокошь). Скандинавским богам в этом пантеоне места не нашлось. Зато изображение главного бога — Перуна, у которого голова была серебряная, «а ус злат», находит аналогии у балтийских славян. В городе Кореница на острове Рюген бог побед Черноглав изображался с серебряными усами. Из золота было сделано изображение бога Триглава в Волине⁶⁹⁴.

Во второй половине X в. выходцами из «заморья» были и правители некоторых западнорусских городов. Так, в Полоцке сидел Рогволод, к дочери которого Рогнеде сватались Ярополк и Владимир. Отказом Владимиру Рогнеда доносит до нас указание на любопытный обычай, связанный, может быть, как раз с варягами: «Не хочу розути робичича (намек на происхождение Владимира от рабыни Малуши. — А.К.), но Ярополка хочу». Пришел Рогволод в Полоцк, очевидно, Западной Двиной. Так же из «заморья» пришел в Туров Тур. Здесь также не видно никаких языковых проблем.

Весьма любопытно, что восстание 983 г. на Поморье нашло своеобразный отклик в Киеве. В этом году были убиты отец и сын варяги-христиане. Явление это для Киева второй половины X в. необычное. Со времен Игоря и Ольги язычество и христианство как будто спокойно уживались. Но восстание на Поморье носило прежде всего антихристианский характер, и импульс его дошел до Киевской земли. Позднее варягов-мучеников церковь прославляла. «На крови» их была построена знаменитая Десятинная церковь. Правда, общая антиваряжская тенденция киевской письменности в конце концов сказалась и на этом сюжете. На Руси прописываются иные святые, а в традиции Десятинной церкви в XI в. как бы забывают и о самом факте связи ее сооружения с памятью о событиях 983 г.

Принятие Русью христианства в 986–988 гг. осложнило отношения с языческим славянским миром. Это не могло не сказатьсь на составе варяжских дружин, которые теперь приходят на Русь по приглашению ее князей.

Впервые Ярослав нанимает варягов незадолго до смерти Владимира (1015 г.), подняв оружие на отца. Наёмники повели себя в Новгороде весьма несдержанно, чем вызвали восстание горожан (тоже ведших себя «от рода варягов»). Насильники были перебиты. В свою очередь Ярослав, заманив

⁶⁹⁴ С. Гедеонов. Варяги и Русь. СПб., 1876. С. 350–355; А.С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884. С. 25, 202–203.

«нарочитых мужей» из новгородцев, учинил над ними расправу. Тем не менее новгородцы согласились идти с Ярославом после того, как дошла весть о гибели Бориса и Глеба и вокняжении в Киеве сына Ярополка Святополка. (Убив брата, Владимир забрал его «непраздную» жену в свой гарем.) Согласно Новгородской 1 летописи, в походе приняли участие тысяча варягов и три тысячи новгородцев. («Повесть временных лет» называет невероятную цифру в 40 тысяч воинов.) С этим войском Ярослав разбил под Любечем Святополка и занял Киев. Святополк бежал к тестю — польскому королю Болеславу и подбил его на выступление против Ярослава. Ярослав собрал войско из руси, варягов и словен, но потерпел поражение и едва бежал в сопровождении четырех мужей в Новгород. Он намеревался бежать и далее за море, но посадник Константин Добрынич — племянник матери Владимира — Малуши, вместе с новгородцами «рассекоша лодье Ярославле», изъявив желание продолжить борьбу за Киев, объявив сбор «скота». Новгородцы пошли на тяжелые жертвы. С каждого мужа взимали по 4 куны, со старост по 10 и с бояр по 18 гривен (стоимость коня в это время — 2–3 гривны). На собранные деньги были наняты новые отряды варягов, с помощью которых Ярослав и утвердился в Киеве.

Впрочем, и позднее Ярослав долгое время предпочитал находиться в Новгороде. Тем более что на Киев претендовали и сын старшего брата Ярослава Изяслава — Брячислав, и тмутараканский князь (тоже сын Рогнеды) Мстислав. Стремясь как-то упорядочить отношения новгородцев с наемниками, он дал новгородцам «Правду», получившую название «Правда Ярослава». Этот документ имел сравнительно ограниченное значение, предусматривая разного рода наказания за покушение на честь или собственность свободных мужей. Помимо словен-новгородцев, здесь упоминаются варяги и колбяги, которые получают некоторое преимущество по сравнению с местным населением: им достаточно вместо предъявления свидетеля принести клятву. Но в статьях, предусматривающих ситуации, когда варяги и колбяги сманивают у новгородцев челядь или крадут коней, «Правда» решительно защищает новгородцев.

Колбяги появляются только во времена Ярослава и скоро исчезают. Думается, что Татищев правильно решил, о ком идет речь: это, по всей вероятности, население Колобжега и прилегающей округи. Восстание, приведшее там к ликвидации епископства в начале XI в., неизбежно должно было выплескивать из округи те или иные неспокойные слои, в ходе противоборства утратившие связь с привычными «мирными» видами

деятельности. Правда, на Руси эти неспокойные элементы могли найти только временное применение, особенно если речь шла о колбягах-язычниках. Что касается варягов, то их состав в это время был, очевидно, более пестрым, чем когда-либо. Именно в это время понятие «варяги» на Руси начинает распространяться и на выходцев из Скандинавии. Об участии скандинавов в смуте на Руси говорит, в частности, «Сага об Эймунде». Но такое смешение ограничивалось, видимо, только югом. В Новгороде этническую ситуацию на Балтийском море всегда представляли более дифференцированно.

В 1024 г. наемная варяжская дружины выступала на стороне Ярослава в его битве с Мстиславом под Лиственом. Дружину возглавлял воевода по имени Якун. Об именах ниже будет речь. Пока отметим, что это имя было широко распространено в Новгородской земле. Известно оно и по договору Игоря. Ни к Германии, ни к Скандинавии оно отношения не имеет. Но вполне вероятно, что в дружине были и «волонтеры» из Швеции, с которой породнился Ярослав. Именно в эти годы (около 1027 г.) в дружине варангов в Византии появился первый «норман» — Болли Болессон.

Мстислав поставил против варягов северян, а «русь» — собственную дружину оставил в резерве. Варяги были разбиты. «Видев же Ярослав, яко побежаем есть, побеже с Якуном, князем Варяжским, и Якун ту отбеже луды златое. Ярослав же приде Новугороду, а Якун иде за море. Мстислав же, о свет заутра, видев лежачие сечены от своих Север, Варяги Ярославе, и рече: «Кто сему не рад? Се лежить Северин, а се Варяг, а дружина своя цела»⁶⁹⁵. Эта неприличная радость подчеркивает принципиальную разницу между «русью» и заезжими «варягами». «Русь» Мстислава состояла, вероятно, из русов тмутараканских или чернигово-тмутараканских, поскольку из собственно славянских племен в битве были задействованы лишь северяне, входившие в состав Черниговской земли. Но «русью» назывались и поляне, в частности, в тексте 1018 г., где они выступают вместе с «варягами» и «словенами» против Болеслава Польского. Мстислав же шел в 1023 г. на Ярослава «с Козары и Касогы». Касоги — черкесы Северного Кавказа. «Козарами» после разгрома Хазарского каганата Святославом могли называться рассеявшиеся остатки ранее входивших в каганат племен. Не исключено, что среди них были и салтовцы — аланы-русы, названные «козарами», дабы не смешивать их со «своими» тмутараканскими «русами».

695 ЛЛ. С. 45.

Хотя в 1024 г. победивший Мстислав, обосновавшийся в Чернигове, соглашался оставить брату Киев и Правобережье Днепра, Ярослав до кончины Мстислава в 1036 г. в Киев не возвращался, оставаясь в Новгороде. В 1036 г. Ярослав вместе с варягами и словенами пришел в Киев для отражения нападения печенегов. Варяги были поставлены «по среде, а на правой стороне Кыяне, а на левемь крыле Новгородци»⁶⁹⁶. «Кыяне» здесь заменяют обычную «русь». Несколько лет спустя, в 1043 г., состоялся последний большой поход руси на греков во главе с Владимиром Ярославичем. (Ярослав, опиравшийся в борьбе за Киев на поддержку Константинополя и согласившийся принять оттуда митрополита, видимо, был раздражен заметной активностью посланца Империи Феогноста.) В рассказе об этом событии, помещенном в новгородских летописях, неудача объясняется неразумностью и неустойчивостью варягов. Войско прошло пороги и приблизилось к Дунаю. «Рекоша Русь Владимиру: «Станем зде на поле»; а Варязи ркоша: «Пойдем под город». И послуша Владимир Варяг». Христианские святые помогали грекам, возможно, потому, что варяги были язычниками. Буря разбила корабли «и побегоша Варязи вспять»⁶⁹⁷. По сообщению византийского автора Михаила Атталиота, в числе нападавших на греков был отряд с северных островов океана, в числе которых числилась и Скандинавия⁶⁹⁸.

После 1043 г. этноним «варяги» надолго исчезает со страниц летописей. Со смертью Ярослава, многим обязанного варягам, кончились и выплаты-откупы в пользу каких-то варягов со стороны Новгорода. Где жили те варяги, которым уплачивалась дань «мира деля»? Очевидно, за пределами уже существовавших государственных образований, с которыми Ярослав и его преемники поддерживали регулярные отношения. Таковыми к середине XI в. оставались острова, Западное Поморье, восточное побережье Балтики. Эти области оставались языческими, что само по себе усиливало их отчуждение от Руси.

Антиваряжские настроения, усилившиеся во второй половине XI в., способствовали тому, что задним числом переосмысливалась и прошлая роль варягов на Руси. В Киево-печерском патерице сохранились сведения об участии варягов в основании Печерского монастыря. ПВЛ же в этой связи им места не оставляет. Согласно Патерику, «бысть в земли Варяжской князь Африкан, брат Якуна слепаго, иже отбеже от златы луды, биася пльком по Ярославле с Лютымъ Мстиславомъ. И сему Африкану бяху два сына: Фриад и Шимон. По

696 Там же. С. 147.

697 ПСРЛ. Т. V. вып. 1. Л., 1925. С. 128–129. Ср.: А.Г. Кузьмин. Начальные этапы.... С. 364–368.

698 В.Г. Васильевский. Труды. Т. I. СПб., 1908. С. 308

смерти же отцю ею изъгна Якун обою брату от области ею. Приде же Шимон к благоверному князю нашему Ярославу».

Патерик в данном случае опирался, видимо, как и во многих других случаях, на «Летописец старый Ростовский», составленный, по всей вероятности, постриженником Печерского монастыря епископом ростовским Нестором в середине XII в. Как было записано в летописи — судить трудно, но «ослеп» Якун явно из-за ошибочного прочтения сочетания «сь леп», то есть «красив». (Слепому трудно руководить рукопашным боем.)

Об именах опять-таки речь пойдет ниже. Здесь отметим, что племянникам Якуна ничего не оставалось, как бежать из пределов земли, где княжил их дядя. Очевидно, имеется в виду какая-то небольшая, но независимая ни от кого область.

Шимон, по-видимому, был уже у себя на родине христианином. По преданию, он захватил с собой «золотой пояс» с изображением Христа, а «голос с неба» побуждал его доставить пояс на то место, где со временем будет заложена монастырская церковь Богородицы. После смерти Ярослава Шимон остался воеводой при Всеволоде, участвовал в битве с половцами при Альте в 1068 г., где он был изранен и спасся опять-таки с помощью провидения, отводившего ему важную роль в создании Печерской церкви. Основатель монастыря Антоний переименовал Шимона в Симона, видимо, как и его преемники, не понимая, что это лишь разные произнесения одного и того же имени. (Замена «с» на «ш» характерна для какой-то ветви балтийских славян.) Шимон делал богатые вклады монастырю и первым был похоронен в построенном с его помощью храме. Сын Шимона — Георгий Шимонович (известный и летописям) был отправлен Владимиром Мономахом в Ростовскую землю вместе с малолетним Юрием. Здесь Георгий оставался тысяцким и после того, как Юрий Долгорукий перешел в 1155 г. на княжение в Киев⁶⁹⁹.

В XII в. север и юг страны все более обособляются друг от друга. С «варягами» теперь практически связаны только северо-западные города. В 1148 г. киевский князь Изяслав Мстиславич, прибыв в Смоленск к брату Ростиславу, привез ему дары «от Рускии земле и от всех цесарьских земль», а Ростислав одаривал брата тем, «что от веръхних земль и от Варяг»⁷⁰⁰. «Варяги» здесь уже не этническое, а неопределенное географическое понятие. По мере

699 См. А.Г. Кузьмин. Начальные этапы... С. 120–121, 167–168, 175; «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911. С. 3–9.

700 ПСРЛ. Т. II. С. 369.

того, как в Прибалтике утверждается христианство по латинскому обряду, «варяжская вера» становится синонимом католичества.

Однако в землях, поддерживавших постоянные отношения с Прибалтикой, и позднее сохранялось определенное представление о варягах как конкретном этносе, отличном от других народов региона. Любопытны глухие известия о варягах в относительно поздних текстах Новгородской 1 летописи. В 1188 г., по летописи, «рубоша новгородьце Варязи на Гътех, Немъце в Хоружьку и в Новотържьце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла въдаше Варягом, нъ пустиша я без мира за море». И затем: «А на осень придоша Варязи горою на мир, и даша им мир на всей воли своей»⁷⁰¹.

Цитированные известия интересны тем, что они отражают положение, существовавшее в Прибалтике на протяжении длительного времени. В 1188 г. варяги пограбили («рубоша») новгородцев на Готланде и немцев «в Хоружьку и в Новотържьце». В итоге традиционные отношения были нарушены и не восстанавливались 13 лет, пока варяги не повинились. Речь идет, очевидно, о каком-то организованном сообществе, с которым новгородцы обменивались посольствами. Однако известия эти слишком лаконичны, чтобы на их основе представить ситуацию на Балтике. Естественно, что существуют значительные разногласия и в прочтении текста, и в раскрытии содержащихся в нем этнических и географических определений.

В свое время названные статьи явились объектом специального анализа И.П. Шаскольского. Он связывал их с заметным событием в жизни северного региона Европы: в августе 1187 г. шведская столица Сигтуна была разрушена язычниками. Автор пришел к выводу, что упоминаемые хрониками язычники — это карелы (входившие в это время в состав Новгородской земли) и, возможно, отдельные новгородские отряды. Именно в отместку за это нападение, полагал автор, новгородцы подверглись ответной акции на Готланде и в материковой Швеции⁷⁰². По мнению И.П. Шаскольского, варяги — это готы. Он учитывает, что шведов новгородцы знали под именем «свеев», «немцами» же он считал в данном случае как раз шведов — «свейских немцев». Автор поправил летописный текст таким образом («немци» вместо «немце»), что новгородцы стали жертвами нападения со стороны немцев (по автору — шведов).

701 Н1Л. С. 39 и 45.

702 И. П. Шаскольский. Сигтунский поход 1187 г. ИЗ. Т. 29. М., 1949; его же: Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв., М., 1978. С. 79—105. В.Т. Нащuto читал не «немцев», а «у немцев». Т. е. в Любеке (см. его: Внешняя политика Древней Руси. М.р. 1968. С. 149). Но такое чтение требует обоснования.

Славянские названия городов представлены автором осмыслением шведских наименований: Нючепинг — Новоторжец, Торсхелл — Хоружек.

Несмотря на вроде бы основательность исследования, интерпретация источников автором не может быть принята. «Свеев», конечно, на Руси и в особенности в Новгороде знали хорошо. О борьбе с ними новгородский летописец сообщал под 1142 и 1164 гг.⁷⁰³. Но Готланд новгородцы знали еще лучше. Через него шли более дальние маршруты (хотя, конечно, не только через Готланд). Под 1130 г. летописец сообщает, что «идуце и-замория с Гот потопи лодии 7, и сами истопоша и товар. А друзии вылезоша, нъ нази; а из Дони (первое упоминание Дании. — А.К.) придоша сторови»⁷⁰⁴. «Готский берег» и «готы» постоянно фигурируют в договорах Новгорода с заморскими странами. Весьма существенно, что первый известный договор, почему-то обойденный Шаскольским, относится как раз к рассматриваемому времени: по упоминаемым в тексте именам князя (Ярослав Владимирович) и посадника (Мирошки) договор может быть датирован периодом с 1189 по 1199 г. Это соглашение подтверждало «мир старый» «с всеми немецкими сыны, и с гты, и с всем латиньскымъ языком»⁷⁰⁵. Готы, немцы и «латины» названы также в договоре 1229 г. Смоленска с Ригой и Готским берегом⁷⁰⁶.

Договоры конца XII–XIII вв. фиксируют изменившуюся обстановку в Прибалтике. Во второй половине XII в. старые славянские поморские города становятся центром немецкой торговли, а местом общения немецких и русских купцов долгое время оставался Готланд. Один и тот же формуляр договора предназначался для представителей широкого круга стран. В источниках и под «немцами» часто скрывались разные народы. В узком же смысле «немцами» именовали выходцев из северогерманских, в том числе славянских, приморских областей. «Весь латинский язык» же предполагал подчиненное Риму католическое население.

Таким образом, «варяги», с которыми новгородцы разорвали в 1188 г. отношения, это не готы, не немцы и вообще не народ «латинского языка». Правда, в самом тексте договора однажды упомянуты «варяги». Основное его содержание — противопоставление: новгородцы и немцы. Одна статья сопоставляет «русъ» и немцев. Далее следует статья, как будто выпадающая из контекста: «Оже емати скот варягу на русине или русину на варязе, а ся его

703 Н1 Л. С. 26 и 31.

704 Там же. С. 22.

705 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С. 55.

706 Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 20 и далее.

заприть, то 12 мужъ послухы, идеть роте, възметь свое»⁷⁰⁷. Не исключено, что это как раз осколок «мира старого», относящегося совсем к недавнему времени, когда варяги господствовали на южном берегу Балтики.

Весьма существенно, что вторично в 1201 г. варяги пришли искать мира у новгородцев «горою», т. е. сухим путем. И для готов, и для шведов такой путь был нецелесообразен и практически невозможен. Зато от Новгорода на восточное побережье Балтики и далее вплоть до Любека сухим путем постоянно ездили. (Вспомним хотя бы путь русской делегации на Флорентийский собор.) Очевидно, ни власти Готланда, ни немцы не несли непосредственной ответственности за нападение варягов, и новгородцы договаривались с последними особо. «Варяги» этого периода (в тех случаях, когда этим названием не покрываются вообще пришельцы из Западной Европы) воспринимались еще как самостоятельная и довольно значительная сила, своего рода морское казачество. Не исключено, что и в страшном разгроме шведской столицы они сыграли не последнюю роль, поскольку именно у них язычество сохранялось до тех пор, пока сохранялись базы, с которых они могли совершать свои набеги. И если некоторые источники называют в числе язычников «Русь» (Rutheni), то, как это будет показано ниже, необязательно отождествлять их с новгородцами.

С упрочением позиций немецких феодалов и церкви на балтийском побережье исчезает и само название «варяги», покрываясь более широким «немци». Это осознавалось на Руси. Летописец XV в. выводит легендарного Рюрика «из немецъ». «Немцами» называет варягов Иван Грозный, полемизируя со шведским королем Юханом III о природе варягов.

В XV в. бежавший из Литвы в Москву неудачливый митрополит (литовский) Спиридон-Савва выступил со своеобразным переосмыслением варяжской легенды в том смысле, что Рюрик происходил от брата Августа Пруса. Эта идея получила развитие в «Сказании о князьях владимирских». На западе она встречалась не без иронии, хотя европейские генеалогии были под стать московской. Однако нигде, в том числе в Польше и Литве, не оспаривалось утверждение, что Рюрик с варягами вышли с южного берега Балтики (в данном случае с территории между Вислой и Неманом). Именно этими данными оперировал, видимо, и Иван Грозный в споре со шведским королем. Шведские короли, как бы признавая ущербность своей генеалогии,

707 Грамоты Великого Новгорода.... С. 56.

усиленно искали «королевских» предков⁷⁰⁸. Юхан, в частности, был задет тем, что Иван Грозный именовал его «мужичьим родом». Из недошедшего его послания видно, что Юхан отсылал к какой-то генеалогии и упоминал варягов, которые служили Ярославу Мудрому. Грозный не соглашался с тем, что «за несколько сот лет в Свее короли бывали». «И мы того не слыхали, — замечает он, — опричь Магнуша, который под Орешком был, и то был князь, а не король».

Возражал он и против того, что наемные варяги Ярослава — это шведы. «В прежних хрониках и летописцах писано, — уверял царь, — что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом на многих битвах бывали варяги, а варяги — немцы, и коли его слушали, ино то его были»⁷⁰⁹. В свите Ингигерды, как говорилось выше, безусловно, должны были находиться и шведы. Были они, очевидно, и в составе варяжских дружин. Однако о присутствии их в варяжских дружинах до Ярослава и Юхану не было ничего известно. Это служит важным аргументом в пользу того, что и в летопись «варяги-свей» попали после Ярослава.

Если в отрезанной от Балтики Московии в XVI в. уже довольно смутно представляли себе очертания этого моря, то на Западе Руси не могли его не знать, поскольку к морю выходило польско-литовское государство, куда входили эти земли. Так, западнорусский летописец, говоря об убийстве польского короля «Премышлява» (Пшемысл II был убит в 1296 г.), отмечает, что король таким образом был наказан за смерть своей первой жены Лукерии, которая «бе рода князей Сербских, с Кашуб, от помория Варязского, от Старого града за Кгаданском»⁷¹⁰. Знакомая с западнорусскими источниками Никоновская летопись под 1380 г. сообщает, что литовский князь Ягайло «совокупил Литвы много, и Варяг, и Жемоти»⁷¹¹. Согласно Хронографу Сергея Кубасова, мнимому предку Рюрика Прусу «дасть кесарь Август грады ляцкие по Висле реке, ... и Варяжские грады Поморские, и преславный Гданеск, и ины многия грады по реке Немонь впадшую в море»⁷¹². Здесь воспроизводится довольно точная география: по Висле — польские города, города на запад от Гданьска — варяжские, устье Немана — прусские (автор само название Пруссии, согласно

708 Ср.: Г.В. Форстен. Борьба на Балтийском море. СПб., 1884. С. 256. прим.2.

709 «Послания Ивана Грозного». М.-Л., 1951. С. 153, 157–158 (послание Юхана непосредственно не дошло).

710 ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 227 (Ермолаевский список Ипатьевской летописи). Известие вставлено в рассказ о событиях начала XIV в. как экскурс в недавнее прошлое. На Поморье было несколько Старградов. Старград «за Гданьском» — это Западное Поморье.

711 ПСРЛ. Т. IX. М., 1965. С. 55.

712 Ср.: А. Попов. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869. С. 234–235.

легенде, производит от Пруса). Аналогичное представление сохраняется практически во всех польских и западнорусских хрониках XVI–XVII вв., включая знаменитый «Синопсис». И нет никаких оснований считать все эти суждения досужим вымыслом поздних авторов. Скорее можно говорить о сохранении преемственности от представлений, характерных еще для X–XI вв., поскольку на протяжении всех этих столетий Поморье оставалось в поле зрения как польских, так и западнорусских хронистов.

Должно заметить, что при всем разнообразии понимания обозначения «варяги» на Руси всегда сохранялось представление о них как об особом этносе. В одной редакции жития Ольги (список XVI в.) говорится, что будущая княгиня родилась «в веси, зовомыя Выбuto, отца имеаша неверна суши, тако и матери некрещену от языка варяжска и от рода не от княжеска, ни от вельмож, но от простых бяше человек»⁷¹³. «Варягами», следовательно, именовали не только наемных воинов, но и мирных поселен Новгородской земли, что в известной мере объясняет смешение варягов и словен и отождествление новгородцев с варягами.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью заключить, что русские источники не только не дают оснований для отождествления «варягов» со шведами, но и прямо противоречат такому предположению. Если летописцы выделяют «варягов» из общей массы европейских народов, то они имеют в виду обычно население южного берега Балтики, и иногда Новгородской земли. Распространение понятия «варяги» на все прибалтийские племена или даже западноевропейские народы относится ко времени, когда связи с варягами прерываются.

3. «Варяги» иностранных источников

Сведения о варягах имеются в греческих и восточных источниках. Они были довольно обстоятельно рассмотрены в работах С. Гедеонова и В.Г. Васильевского. В этих работах сформулированы и вопросы, представляющие интерес в данном случае: кем были варяги и как они соотносятся с норманами?

Сведения о варягах восточных авторов были впервые собраны в 1823 г. Х.Д. Френом, который прокомментировал и кое-где поправил их, исходя из

713 Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 8–9.

норманистских представлений. Позднее к ним обратились Ю. Венелин и С. Гедеонов⁷¹⁴. Наиболее ранним (ок. 1030) является текст о варягах ал-Бируни. Описывая океан, идущий «паралельно с землей саклабов», он отмечает, что «от него отделяется большой залив на севере у саклабов и простирается близко к земле булгар, страны мусульман; они знают его как море варанков, а это народ на его берегу»⁷¹⁵.

По-видимому, большинство позднейших авторов просто повторяло текст Бируни. Но у отдельных из них оказывается влияние и каких-то иных источников.

С. Гедеонов резонно акцентировал внимание на том, что во всех арабских известиях Балтийское море называется «Варяжским», т. е. так, как его называли славяне. Норманы называли Балтийское море Ostersalt. «Варягами» (варенгами) же во всех этих источниках именуют народ, живущий по берегам моря. Решительно возразил С. Гедеонов и против необоснованной попытки «исправить» арабский текст автора XIV в. Димашки: «Здесь есть большой залив, который называется морем Варенгов. А варенги суть непонятно говорящий народ, который не понимает почти ни одного слова (из того, что им говорят). Они Славяне Славян»⁷¹⁶. Френ в этом случае внес конъектуру: «они живут против славян», по существу (как и все норманисты), попросту фальсифицируя источник. Но смысл, конечно, в том, что это высшее или знаменитейшее племя у славян.

Разумеется, Димашки необязательно верить. Но он не мог от себя добавить такое утверждение, поскольку в XIV в. на Варяжском море была иная ситуация, да и сталкивались арабы с варягами лишь в IX–XI вв. Следовательно, он воспроизвел какое-то традиционное представление. У Димашки имеются и еще два упоминания варягов. В одном случае он напоминает: «Иные утверждают, что... Русское море имеет сообщение с морем Варенгов-Славян», в другом — Балтийское море — это «море Варенгов и Славян, и Келябиев». С. Гедеонов резонно сопоставил первую фразу с известным путем «Из варяг в греки», а во второй видел перечень народов, живущих по берегу моря, и указание помимо варягов и славян еще на колбягов⁷¹⁷. Варяги, колбяги и славяне, как известно, основные адресаты «Правды», данной Ярославом около 1016 г. новгородцам.

⁷¹⁴ Ю. Венелин. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных. ЧМОИДР, 1870, Кн. 4 (статья написана в 30- е годы); С. Гедеонов. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // Приложение к I–III тт. Записок АН. СПб., 1862–1863; его же: Варяги и Русь, ч. 1.

⁷¹⁵ И.Ю. Крачковский. Избранные произведения. Т. IV. М.-Л., 1957. С. 248.

⁷¹⁶ С. Гедеонов. Отрывки.... С. 146–151.

⁷¹⁷ Там же. С. 150.

В числе 14 приведенных Френом известий о варягах лишь один указывает действительно на шведов: это комментарий турецкого географа XVII в. Хаджи-Хальфа к тексту Ширази (XIII–XIV в.) «Аламанское море, — пишет автор XVII в., — называется в наших астрономических и географических книгах морем Варенгов. Высокоученый Ширази говорит в своем сочинении: «на берегах оного живет племя рослых, воинственных людей» и под этими Варенгами разумеет шведский народ». С. Гедеонов опять-таки вполне резонно заметил, что автору XVII в. после тридцатилетней войны, конечно, не с кем было отождествить варягов, кроме рослых и прославленных воинов Густава Адольфа»⁷¹⁸.

Ю. Венелин остановил внимание еще на путаном как будто сообщении персидского географа XIV в. Касвини, который Варяжское море называет еще «Галатским». «На восток» от этого моря Касвини поместил «земли Близд, Бдрия, Буде и часть Варягов (Вараиг), на юг равнины Хард, на западе земли франков»⁷¹⁹. В данном случае нет необходимости идентифицировать все указанные наименования, явно весьма архаичные. Достаточно отметить факт еще одного названия Балтийского моря: «Галатское». В западных источниках такое название как будто не встречается. Но некоторый след его все-таки обнаруживается у Бартоломея Английского, о чем будет речь ниже.

Таким образом, при всей неопределенности сведений восточных авторов о варягах, они в целом дают ту же картину, что и русские летописи ранней поры. Складывается впечатление, что с норманами непосредственно арабы вообще не соприкасались и, во всяком случае, их «вараики» — это не норманы или в основном не норманы.

Более всего сведений о варягах содержат византийские источники. И Гедеонов и Васильевский обратили внимание на тот факт, что название это появляется лишь с XI в., когда варяги выступают в качестве особых наемных отрядов, в частности несут дворцовую охрану. Гедеонов склонен был связывать появление в Византии «варангов» с событиями, описанными в летописи под 980 г., когда Владимир отправил часть наемных варягов в Византию. По мнению Гедеонова, славяноязычных варягов Владимир оставил в Киеве, а германоязычных выслал за пределы страны. Из них-то и составлялся варяжский корпус в Византии, и был он, по мнению Гедеонова, всегда норманским в отличие от имевшегося там же славяноязычного «русского» корпуса⁷²⁰.

718 Там же. С. 147–148.

719 Ю. Венелин. Известия о варягах.... С. 9.

720 С. Гедеонов. Отрывки.... С. 162–166.

Васильевский доказывал, что в действительности почти до конца XI в. «варанги» и «росы» в Византии не различались. Он полагал, что в Византии имелась единая варяго-русская дружины, в этот период славяноязычная, не связанная со Скандинавией. Возникновение этой дружины автор связывал с посылкой Владимиром около 988 г. шеститысячного отряда в помощь Константинополю⁷²¹, допуская, впрочем, возможность и более раннего поступления на византийскую службу отдельных варангов.

Васильевский «русь» в конечном счете связывал с готами. Но это уже другой вопрос, к «варягам» непосредственно не относящийся (он будет затронут ниже). В данном случае важен его вывод, что «варяжская» дружины появилась в Византии независимо от норманов и была поначалу варяго-русской, лишь с конца XI столетия превратившись в варяго-английскую.

Нет нужды повторять основательный анализ Васильевским всех известий о варягах и руси в византийских источниках. Он в основных чертах не потерял значения до наших дней, а уточнения могут касаться только деталей его общей схемы. Здесь важно установить три момента: 1. Когда проникают в Византию варяги. 2. Когда в варяжскую дружины попадают норманы и 3. Кем считали варягов в Византии, по крайней мере, откуда их выводили.

Судя по русской летописи, путь «Из варяг в греки» функционировал, по крайней мере, на протяжении всего X столетия. В начале века Олег совершил поход на Константинополь. И в заключенном договоре предусматривалось поддержание нормальных торговых отношений с Русью, причем выражалась забота и о ранее проживавших в Константинополе русах⁷²². (Об этом также речь будет ниже.) То же было подтверждено договором Игоря 945 г., причем в летописных текстах, говорящих о руси-христианах, уточняется, что речь идет о крещеных варягах. Константин Багрянородный в середине X в. дал описание пути, которым русы приходят в Константинополь, и в его рассказе упоминается Русь «ближняя» и « дальняя», или «внешняя»⁷²³. (Этот сюжет также будет рассмотрен ниже.) В Киеве, видимо, с давних времен была «Варяжская пещера», где, по версии Печерского патерика, уже в первой половине XI в. возникает монастырь (будущий Печерский). Ниже порогов находился «Варяжский остров». Топонимы явно носили традиционный характер. Все это

721 В.Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе; его же: О варяго-руссах (ответ Д.И. Иловайскому). Там же его: Заметка о пеших и конных. «Труды». Т. II, СПб., 1912.

722 ЛЛ. С. 36.

723 Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Известия ГАИМК, вып. 91. Л., 1934. С. 8. О прочтении текста см. А.В. Соловьев. Византийское имя России. ВВ. Т. XII. М. 1957. С. 136. См. также: МРН. Т. I, str. 16.

свидетельствует о том, что в X в. варяги ходили в Византию. «Из грек», по преданию, вышли варяги отец и сын, убитые в Киеве в 983 г. Другое дело, что в X в. в Византии их как будто называли «Росами».

Прямое указание на вступление первого нормана в дружину варангов в Константинополе имеется в Лаксдальской саге (Саге о людях из Лосьей Долины). Сагу датируют временем между 1230–1260 гг., и восходит она как к устной, так и письменной традиции более раннего времени. Вот этот текст: «И после того, как Болли пробыл одну зиму в Дании, отправляется он в дальние страны и не останавливается, пока не прибыл в Миклагард (Византию. — Л.К.). Пробыв там недолго, он поступил в отряд варягов (варангов. — А.К.)] мы не слышали рассказов о том, чтобы кто-нибудь из норманов поступил на службу к конунгу Гарда (Константинополя. — А.К.) до Болли, сына Болли. Пробыл он в Миклагарде много лет и считался храбрейшим мужем во всякой опасности и всегда шел возле тех, кто был впереди всех. Варяги очень ценили Болли, когда он был в Миклагарде»⁷²⁴.

Время поступления Болли Боллисона в дружину варангов определяется довольно точно. Он родился в 1007 г., женился в 1025-м, а весной 1027 г. отправляется в Византию, где находился до 1030^{3} г.⁷²⁵ Правда, сообщение Лаксдальской саги может быть и тенденциозным. В других сагах называются иные имена также посетивших Византию норманов. Ф. Браун допускает, что кто-то из них попал в Византию ранее Болли⁷²⁶. Но вряд ли может быть оспорен главный вывод Васильевского: норманы попадают в Византию позднее варангов, в дружину которых они и вступают. Отсюда следует самое важное: норманны отличаются от варангов (или вэлингов, верингов). Автор Лаксдальской саги мог быть тенденциозным, делая Болли первым норманом, вступившим в дружину варангов. Но он, конечно, исходил из определенных и общеизвестных посылок, разделявших норманов и варангов. В саге о Вига-Стире аналогичным образом поясняется: «Таков обычай у Верингов и Норманов, что день они проводят в играх и борьбе»⁷²⁷. Аналогичное разделение норманов и верингов Васильевский обнаруживает и на Руси: Вига-Барди (из Гейдарвига-саги) около 1020 г. «прибыл в Гардарики; и сделался там наемником, и был там с Вэлингами»⁷²⁸. Даже Гаральд Гардар, которому саги

⁷²⁴ В.Г. Васильевский. Варяго-русская... дружины. С. 185–186; Е.А. Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XVI вв. М., 1978. С. 78.

⁷²⁵ В.Г. Васильевский. Там же. С. 187, прим. Ф. Брауна.

⁷²⁶ Там же. С. 193, прим.

⁷²⁷ Там же. С. 188.

⁷²⁸ Там же. С. 189–190.

предписывают предводительство над варангами и участие в ослеплении императора Михаила V (в сагах ошибочно называется Константин Мономах) в 1042 г., в действительности, как показывает Васильевский, противостоит варангам, а северные поэты с видимым удовольствием сообщают о гибели большого числа варангов⁷²⁹.

Хотя никто доводов Васильевского, по существу не опроверг, его выводы мало отразились на последующем споре норманистов и антинорманистов. У скандинавистов нередко проскальзывает снисходительный тон в связи с тем, что автор не всегда пользовался лучшими изданиями или не знал о лучших списках. Но все эти «улучшения» ничего не меняют по существу. Видимо, в какой-то мере самая возможность игнорирования столь основательного разбора известий о варягах проистекала из-за его незавершенности: автор не объяснил, откуда берется самое название «вараиг» и что оно означало при своем появлении.

«Внешнее» по отношению к Скандинавии положение «вэрингов» отмечалось и многими норманистами⁷³⁰. Но обычно считается, что это название получали норманы, побывавшие в Византии. Васильевский, как было отмечено, доказывал, что и на Руси норманы вступали в ранее здесь существовавшую варяжскую дружины. Примечательно, что во всех германских языках зафиксировано собственное имя Вэлинг — Веринг (Waring, Waringa, Warenga, Wiering, Wierenga). У саксов это имя известно с IX в. (830, 860, 900 гг.)⁷³¹. Встречается оно там и позднее, причем чаще всего в округе Корвейского монастыря⁷³². Примерно в то же время у них получает распространение имя Werin или Warm, а также Werinza⁷³³. Очевидно, имена эти однопорядковые, и никакого отношения к Византии они не имели, поскольку в начале IX в. не было ни дружины варангов в Византии, ни даже связей с ней прибалтийских земель. Большое количество аналогичных имен известно у фризов, позднее в Нидерландах, встречается оно и в Англии⁷³⁴. Иными словами, это имя получает распространение в тех областях, которые не относятся к собственно

729 Там же. С. 267–272.

730 Cp.: В. Томсен. Начало русского государства. М., 1891. С. 106; В.А. Мошин. Варяго-русский вопрос. Slavia, Praha, 1931, г.X, с. 1. С. 122.

731 W. Schlaug. Die altsachsischen Personennamen vor dem Jahre 1000, / Lunder germanistische Forschungen, 34; lund, 1962, S. 173.

732 Idem. Studien zu den altsachsischen Personennamen des 11. Und 12. Jahrhunderts. Ibid., 30, 1955. S. 157, (Weringer, ect.).

733 Idem. Die altsachsischen... S. 173–174 (Cp.: Werinmar); idem. Studien... S. 156, 158.

734 Johan Winkler. Friesche Naamlijst. Amsterdam, 1971, S. 408, 426, 438, 100.

норманским. И во всех этих областях и шведы, и другие норманские народы были известны под своими именами.

Превращение родового или племенного (равно и территориального) нарицательного имени в имя собственное — явление широко известное. Такое имя получают обычно выходцы из определенной этно-территориальной единицы в иной этнической среде. Очевидно, имя (а не прозвище нормана, побывавшего в Византии) фиксируется и в датской надписи начала XI в.: «Вэринг установил этот камень по Тьяльви, своему брату, воину; он был с Кнутом»⁷³⁵.

Примерно так же, как имена, разбросаны и топонимы, содержащие обозначение «варанг». Этот топоним встречается в Польше, Литве, Германии (обычно в приморских областях), что побудило М. Рудницкого предполагать существование такого собственного имени в Польше⁷³⁶. Выше упоминались отдельные топонимы, связанные с варягами, на Руси. Разумеется, соответствующие топонимы имелись и в Византии. Достигали они и Фризии (Wieringasata). Но, пожалуй, особенно интересны два «варяжских» залива. Один из них находился на берегу Крыма, другой — на крайнем севере Скандинавии, один назывался Варанголимен, другой — Varangerfjord.

Наличие «варяжского залива» в Крыму неудивительно: по пути «Из варяг в греки» туда было попасть очень просто. Варяги вообще были нередкими гостями в Крыму: согласно «Житию Владимира», князю помог овладеть в 988 г. Херсоном варяг Ждьберн, направивший стрелу с советом, как это удобнее сделать. (В летописи эту роль выполняет священник Анастас, будущий настоятель Десятинной церкви, что явно было бы «не по чину».) Любопытно в этой связи и соседство Варанголимена с топонимом Россофар, о чем ниже будет особый разговор. Напротив, «Варяжский залив» на севере любопытен и сам по себе. Кстати, он также имеет любопытное соседство: Мурманский (т. е. Норманский) берег.

Примечательно, что столь яркий топоним, связанный с этнонимом «варяги», остается явно не в чести у норманистов. А. Куник усматривал в этом топониме старонорвежское angr — бухта, залив⁷³⁷. Но в таком случае получается, что на норвежское обозначение залива наславивается еще одно норвежское fiord. Неловкость такого наложения очевидна. Поэтому и в

735 Е.А. Мельникова. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 200.

736 M. Rudnicki. «H. Janichen. Der Wikinger im Weichsel- und Oder- Gebiet. Leipzig, 1938 (рец.). SO, 1.17. P'ozna'n, 1938, str.229. Cp.: str.228,243 (перечень топонимов на территории Польши и Литвы).

737 А. Куник. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903. С. 64.

норманистской литературе все-таки допускается связь топонима с варягами⁷³⁸. К тому же необходимо считаться с местным названием его у лопарей: Варьагвуда. Лопари, как следует из этого названия, познакомились с ним от славяноязычного населения.

С. Гедеонов воспроизвел интересный спор конца XVI в. между русским послом Ржевским и датским королем Христианом. Христиан ссылками на разные источники доказывал, что Лапландия издревле принадлежала Норвегии. Указал он и на сохранившийся в русских документах топоним «Мурманский берег», свидетельствовавший как бы о признании этой территории норвежской. Русские послы, отстаивая принадлежность территории России, ссылались на факт крещения лопарей новгородским священником при Василии Ивановиче (1505–1533), а также на местные предания о владетеле Валите или Варенте. Валит-Варент правил в Кореле. Согласно разъяснениям послов, Корела принадлежала Новгороду, а Валит выполнял в ней функции посадника. Валит начал войну с целью подчинения Мурманской земли. Мурмане просили о помощи норвежских немцев. Но «немцы» потерпели поражение у поселения Варенга, «где Варенской летней погост». В честь победы Валит воздвигнул огромный камень и около него «оклад в 12 стен», названный Вавилоном. Аналогичный оклад был сделан в Коле. К концу XVI в. эти сооружения в Коле были разрушены, а в Варенге еще оставались. Легендарный камень здесь продолжал называться Валитовым⁷³⁹.

Каменные «оклады», очевидно, реликты мегалитической культуры, доходившие до Белого моря. (Приходилось видеть у Терского берега лабиринт, обнажающийся в часы отливов.) На легендарного героя раннего Средневековья перешли, как это обычно бывало, предания более древних эпох. С. Гедеонов акцептировал внимание на том, что Валита назывался также Варентом, а на древянском наречии так произносилось слово Вараиг. Но все это могло иметь отношение лишь к имени Валита. Поселение же Варенга или Варанга существовало здесь раньше, чем появилось урочище Волитово городище, как называет его «Книга большому чертежу» (1627)⁷⁴⁰. Здесь же источники упоминают и страну Варегию⁷⁴¹, возможно, как раз современный полуостров Варангер.

738 G. Jacobson. La form originelle du nom var'enges Scandoslavica. T. I, Copenhagen, 1954, P. 40–43.

739 С. Гедеонов. Отрывки... С. 152–153.

740 Книга большому чертежу. М.-Л., 1950. С. 148.

741 С. Гедеонов. Отрывки... С. 153.

Так или иначе, варяги на севере «наследили». И пришли они туда, по всей вероятности, морем, почему и залив зовется их именем. Существенно также то, что лопари знали эти топонимы в славянской, а не скандинавской огласовке.

А. Куник обратил внимание и еще на два любопытных топонима (правда, лишь для того, чтобы показать возможность созвучий из других языков и понятий): город *Varingvic*, построенный английским королем в 915 г., а также *Waringisi villa* или *Varengeville*, известный уже с VIII в. Первое название буквально должно было бы означать «варяжская бухта». По мнению Куника, «это название находит себе непринужденное объяснение в англосаксонском языке. Выражения, относящиеся к кораблестроению: *varangue* (франц.), *Varenga* (испан.), происходят либо от скандинавского, либо от языков племен на Немецком море»⁷⁴². Можно с этим пока и согласиться. Но что представляли собой языки племен на Немецком море? Это вопрос и важный, и не простой.

Второй топоним Куник отводит на том основании, что в Нормандии в VIII в. еще не было норвежцев⁷⁴³. В Нормандию вообще пришли не норвежцы, а аланы во главе с Роллоном, считавшим себя потомком пришедшего с Дона алана Роллона II в., приведшего соплеменников в северо-западные области нынешней Франции. Вполне вероятно, что с ним шли и племена побережий Северного моря и Балтики, испытывавшие сильнейшее давление со стороны Франкской империи. Это произошло в самом начале X столетия. Вторжения норманов и фризов отмечаются и в предшествующем столетии. Варяжское же поселение могло возникнуть там и независимо от тех и других.

Таким образом, и эти два топонима могут быть включены в фонд «варяжской» ономастики. И, конечно, если варяжским мореходам не составляло трудностей добраться до северной оконечности Скандинавии, где они как будто имели особую колонию, то Северная Франция или Восточная Англия и вообще не могли казаться далекими землями. А все это обязывает признать, что либо на севере Европы существовало племя, называвшееся варягами, либо кто-то именовал так этнос или определенную социальную группу, известную источникам и под другим названием. Поэтому важно понять, идет ли речь об этносе, или же о морских разбойниках без рода и племени.

В.Г. Васильевский привел целый ряд свидетельств в пользу того, что в Византии варанги составляли не просто наемное войско, но и определенный этнос. В конце хроники Иоанна Скилицы рассказывается об участии варангов в

742 А. Куник. Замечания. Там же. С. 231.

743 Там же. С. 232.

придворной смуте 1079 г. При этом разные группы варангов (служившие во дворце и т. н. «внешние») были единоплеменны и сами хорошо сознавали это⁷⁴⁴. Правда, византийские авторы сбиваются, когда пытаются определить этническую принадлежность наемников. Не вполне логичен и Васильевский в решении этого вопроса. Он акцентирует внимание на том, что до 1081 г. варанги и русы были одним и тем же народом и говорили по-славянски. С 1081 г. они становятся англичанами. Очевидно, говорят на английском языке, но византийские авторы как будто не замечают происшедшей смены этноса. И Васильевский этой небрежности также не дал удовлетворительного объяснения, что ослабило и силу его доказательств.

Одна из этнических атрибуций варангов содержится в компиляции Кедрина (XII в.), воспроизводившего в этой части Скилицу. Говоря о событиях 1056 г., хронист дает, по выражению Васильевского, «совершенно неожиданное объяснение к слову Варанги». В хронике содержится утверждение, что «варанги, по происхождению кельты, служащие по найму у греков»⁷⁴⁵. Естественно, что в схему Васильевского такая атрибуция не укладывалась. И он провел очень тщательное исследование путей, какими комментарий мог попасть к Кедрину. Он отметил, в частности, что аналогичное пояснение содержится и в древних списках Скилицы. Позднее ему удалось установить, что в древнейшем списке Кедрина отмеченной интерпретации не было. Ее появление как будто было связано со специально возникшим в этой связи в начале XIII в. вопросом. В списке Скилицы же, полагал Васильевский, гlossenса попала позднее из списков хроники Кедрина⁷⁴⁶.

Вполне возможно, что Васильевский правильно представил текстовую зависимость двух хроник. Но это само по себе мало что меняет. Кто-то из авторов не знал о племенной принадлежности варангов. И это неудивительно: о севере Европы у греков все-таки было смутное представление. В этнических тонкостях, в различиях языков и верований могли разбираться лишь очень немногие знатоки. Один из таких знатоков и отвечал на вопрос, поставленный любознательным, но не слишком сведущим переписчиком.

По мнению Васильевского, обозначение «кельты» уже было допустимым по отношению к англичанам, поскольку англо-саксы обитали на традиционной кельтской территории — в Британии. В 1122 г. варанги определили успех в битве с печенегами, и Иоанн Киннам поясняет, что «это Британский народ,

744 В.Г. Васильевский. Варяго-русская... дружина... С. 352.

745 Там же. С. 322.

746 Там же. С. 393–394 (Ответ Д.И. Иловайскому).

издревле служащий императорам греческим»⁷⁴⁷. Никита Хониат (XII в.) называет английского короля «властителем секироносных бриттов, которых теперь называют англичанами»⁷⁴⁸. В 1203 г., по сообщению французских авторов, в числе защитников Константинополя от крестоносцев были датчане и англичане. Очевидно, речь идет именно о варангах⁷⁴⁹. Автор XV в. Кодин отмечает, что в его время «Варанги восклицают императору многия лета на своем отечественном языке, то есть по-английски»⁷⁵⁰. В XV в., видимо, дело таким образом и обстояло. Но при всей видимой путанице у варягов-варангов разных эпох должно было сохраняться что-то общее, что соединяло их в глазах византийцев единой традицией.

В полемике с Иловайским Васильевский подчеркнул один поистине важный момент: византийские варанги имели в Константинополе свою церковь Богородицы, которая находилась в ведении православного синода⁷⁵¹. Такое положение сохранялось уже после того, как перестал функционировать путь «Из варяг в греки» через Русь, после того, как на Руси (в ее южной части прежде всего) «варяги» стали превращаться в аморфное понятие, а «варяжская вера» отождествлялась с «латинской». Между тем в X–XI вв. и на Руси варяги-христиане никогда не связывались с Римом. Васильевский приводит любопытный аргумент в пользу славяно-русского происхождения и, косвенно, православия варягов-варангов: в 1066 г. группа варангов прибыла в город Бари в Южной Италии, принадлежащий Византии. После завоевания города норманами, в 1088 г., состоялось перенесение хранящихся в Бари мощей Николы Мирликийского и установление на Руси празднеств в честь этого святого⁷⁵². В Византии культа Николы Мирликийского не было. Но святой этот был все-таки малоазиатский.

К 1088 г. варанги в Византии уже получили значительное пополнение из Англии. Васильевский устанавливает, что это произошло в 1085 г.⁷⁵³ Но нет никаких оснований говорить о качественной смене дружины. Это те же «секироносцы», и именно их церковь оказывается в ведении Константинопольской патриархии, а не Рима. Очевидно, варанги, прибывавшие

747 Там же. С. 367.

748 Там же. С. 368.

749 Там же. С. 369–370.

750 Там же. С. 373.

751 Там же. С. 397.

752 Там же. С. 120. (Ср.: Тверская летопись в ПСРЛ. Т. XV. М., 1965. С. 176–181).

753 Там же. С. 364.

из Англии, не были католиками. И в этом, может быть, и заключается ключ к решению вопроса.

Помимо Константинополя, у Рима был еще один соперник: древняя британская или ирландская т. н. кульдейская церковь. После варварских завоеваний IV–V вв. Британия и Ирландия оставались фактически единственными очагами христианства. В изоляции здесь сложился особый тип христианства, продолжавший традиции ранних христианских общин и в известной мере ближе стоявший к Востоку, нежели к Риму.

Англо-саксы и другие племена с побережий Северного и Балтийского морей (о них речь будет ниже) противостояли бриттам не только как завоеватели, но и как язычники христианам. И хотя отдельные англы и принимали крещение, в целом борющиеся стороны даже были заинтересованы в том, чтобы их не объединяла одна религия. Поэтому англы оказались более податливы для христианизации со стороны римских миссионеров, чем местных бриттских. Правда, это произошло уже в VII–VIII вв., а полную победу Рим одержал в 828 г., когда произошло объединение английских королевств в единое государство с признанием верховной церковной власти Рима. Римские папы стремились искоренить любые основания для существования где-либо самостоятельной церкви, и с этой целью они обычно поддерживали королей в их борьбе с местными церковными общинами. Общий интерес вызывал к жизни такого рода союз светской власти с Римом. Но Рим всегда претендовал и на полное подчинениеластителей, принимавших крещение из рук его миссионеров. А это, естественно, не могло нравиться светской знати. В результате традиционно враждебная английским феодалам кульдейская церковь в ряде случаев становится для них прибежищем в неизбежных коллизиях с Римом.

Англо-саксонское завоевание вызвало массовую эмиграцию бриттов на континент или острова. В V в. ими была заселена Бретань («Малая Британия»), куда переходят и многие служители древней британской церкви. В VI–VII вв. британо-ирландские миссионеры наводняют Европу от Бельгии до Далмации. Они обращают в христианство значительную часть фризов, ведут миссионерскую деятельность в Саксонии, у балтийских славян⁷⁵⁴, в Центральной Европе. Успех их деятельности объясняется известной простотой разносимой ими догматики («добрые дела» как основа вероучения, за что Рим

⁷⁵⁴ См.: И. Морошкин. Древняя британская церковь. ЖМНП. ч.164, 1872; А.В. Исаченко. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян. ВСЯ, вып. 7, М., 1963.

обвинял британо-ирландскую церковь в пелагианстве), а также проповедованием основ религии на родном языке. Кульдеи считали необходимым перевести Священное Писание на все языки, принимавшие христианство, и реально осуществляли это вплоть до цитадели католичества — Италии. Поскольку переводы неизбежно порождали разнотечения, у кульдеев была разработана целая система «текстологии» с целью установления правильного чтения. Обычно привлекались рукописи на латинском, греческом и древнееврейском языках, причем последним отдавалось явное предпочтение как более ранним.

На протяжении шести столетий римские папы обрушивались на «схизматиков» и «еретиков», стремясь сокрушить весьма деятельного и авторитетного конкурента. Константинополь явно не разделял суровых оценок, исходивших из западной половины Мировой империи. Более того. Бритты и позднее ирландцы с гораздо большим почтением относились к Константинополю и вообще Востоку, нежели к Риму, и их самих средневековые источники постоянно именуют «греками»⁷⁵⁵.

Васильевский приводит ряд фактов, говорящих об английской эмиграции после норманского завоевания 1066 г. Он отмечает даже, что негативные последствия завоевания сказались не сразу, а некоторое время спустя. Это действительно так. И этому, видимо, можно найти объяснение. Резкое обострение ситуации в Британии было связано не столько с притязаниями норманских феодалов, сколько с деятельностью римской церкви. В 1073 г. папой римским стал Григорий VII Гильдебрандт, известный своей религиозной нетерпимостью и стремлением решительно возвысить церковную власть над светской. Он, в частности, постоянно пытался опереться на норманов в борьбе с германским императором Генрихом IV. И он стремился натравить завоевателей-норманов (в данном случае реальных или мнимых потомков алан) на последователей кульдейской церкви. В 1074 г. Григорий VII предал анафеме женатых священников. Это было выпадом и против греческой церкви, где целибата не придерживались. Но в гораздо большей степени анафема адресовалась кульдеям: в бритто-ирландской церкви даже монахи могли жить семьями, а наследование епархиальных кафедр от отца к сыну было обычным явлением. В сущности, эта анафема явилась удобным поводом для разгрома и разорения кульдейских монастырей и храмов, конфискации имущества кульдеев там, где это было доступно норманским завоевателям.

755 Ср.: А.В. Исаченко. Указ. соч. С. 62.

Незадолго до своего падения и смерти (1085 г.) Григорий VII в ультимативной форме потребовал перевода всех кульдейских монастырей на римский устав и фактической ликвидации кульдейской церкви.

«Грекам» на западе оставался единственный путь: искать защиты, а то и спасения на Востоке, в Византии. Правда, потребности в «философах» здесь большой не было: все-таки в Константинополе берегли свои традиции. Но у кульдеев никогда и не было духовенства наподобие римского: не только простые священники, а и монахи отличались исключительным трудолюбием (они обеспечивали себя целиком сами) и готовностью сменить орала на мечи или боевые топоры. Преследования же, конечно, затронули не только духовенство. Отлучение затронуло фактически всех кельтов Британских островов и только отчасти англов, в той мере, в какой и англы и другие вторгшиеся с материка племена успели приобщиться к кульдейской церкви.

Бритты, отправлявшиеся в Византию, очевидно, были двуязычными: наряду со своим языком они знали и английский, а некоторые, может быть, еще и давний «варяжский». Знание языков вообще было отличительным качеством последователей кульдейской церкви (особенно, конечно, сдвинувшихся с насиженных мест). Наличие в их среде и чистых англов делало английский язык наиболее употребительным. Но если бритты так легко адаптируются в дружине варангов, то необходимо допустить, что в среде предшественников они нашли либо единоверцев, либо единоплеменников (или хотя бы народ, родственный по языку). Ни славянская, ни английская линия не объясняет в данном случае традиции. Традиция могла быть связана только с кельтическим или варяжо-кельтическим началом.

На Руси, по всей вероятности, последователи кульдейской церкви имелись. По всему северо-западу Руси разбросаны массивные каменные кресты. Такого рода сооружения — один из признаков ирландской церкви в раннем Средневековье⁷⁵⁶. «Греки» постоянно упоминаются в немецко-латинских источниках, говорящих о населении южного берега Балтики, о чем ниже еще будет речь. Эти «греки» в большинстве, видимо, были последователями не византийской, а именно ирландской церкви. В русских источниках сохранились три разные версии основания Печерского монастыря. В одной из них начало монастыря связывается со вселением Антония в Варяжскую пещеру. После того как в пещеру пришло 12 человек, Антоний поставил игумена, а сам удалился от дел, уединившись в пещере.

756 Ср.: F. Henri. Irish High Crosses. Dublin, 1964.

Число «12» дается в летописном варианте⁷⁵⁷. В Несторовом «Житии Феодосия» приводится иная цифра: 15 человек. И за этим небольшим цифровым расхождением кроется принципиальная разница уставов кульдейских и континентальных (в том числе византийских) монастырей. Согласно положениям кульдейской церкви, монастырь мог быть открыт лишь после того, как собирались двенадцать человек (по числу апостолов; сам настоятель мог быть и тринадцатым, как бы преемником самого Христа). В Ирландии были монастыри, насчитывавшие по нескольку тысяч человек. Но число их должно было быть кратным двенадцати. Не исключено здесь и своеобразное наложение: христианское осмысление давней языческой традиции. Ирландские монахи-миссионеры обычно ходили группами из 12 человек с тринадцатым — предводителем. По 12 человек насчитывали и ватаги язычников-норманов.

Как было дело в действительности с организацией Печерского монастыря, в данном случае не особенно важно. Важно, что существовала версия, отводившая значительное место в организации монастыря варягам. И важно то, что на Руси сохранялось представление о том, что монастырь начинается лишь тогда, когда наберется дюжина постриженников. Кстати, в Средние века само слово «кульдеи» (правда, за пределами Ирландии и Британии и, видимо, в плане вторичного переосмысливания) объяснялось как «пещерные люди»⁷⁵⁸.

Кульдейское влияние, видимо, сказалось в «ереси» Никиты Затворника — монаха Печерского монастыря (позднее новгородского епископа). Никита отдавал решительное предпочтение текстам Ветхого Завета на латинском, греческом и древнееврейском языках, пренебрегая славянскими переводами. Игумен Никон (ок. 1078–1088) организовал «изгнание беса» из «отступника», в результате чего Никита забыл «жидовьскыя книги»⁷⁵⁹. В обвинениях в адрес кульдейской церкви было нечто подобное из-за того, что празднование Пасхи в ней сохранялось как в раннем христианстве, т. е. совпадало с иудейской Пасхой. Кроме того, в их филологических занятиях Ветхому Завету (точнее Пяти книжью Моисея) уделялось повышенное внимание.

Доказывая, что варанги не были скандинавами, Васильевский все-таки излишне акцентировал внимание на тождестве их с «русскими». В варяго-русской дружине «варяги» и «русь» и в середине XI в. в узком смысле различались. Это хорошо видно из открытого Васильевским же источника

⁷⁵⁷ ЛЛ. С. 153–154.

⁷⁵⁸ Ср.: И. Морошкин. Указ. соч. С. 71.

⁷⁵⁹ ...Патерик.... С. 91.

XI в. — «Советов и рассказов» византийского полководца Кекавмена. Кекавмен вспоминает об одном эпизоде из обороны города Идрунта (Отранто) в Южной Италии на побережье Адриатического моря, захваченном впервые норманами в 1055 г. Нападающие в тексте названы «франками». Обороняющиеся состоят из «русских и варягов, кондоратов и моряков»⁷⁶⁰. Как справедливо замечает Г.Г. Литаврин, «русские» здесь «кондораты», т. е. пешцы, сухопутные воины, «варяги» — моряки⁷⁶¹.

Васильевский привел цитированное выше указание Атталиоты о варягах с «острова Океана», а также сообщение Никифора Вриенния (1062 — ок. 1136) о том, что Варанги были «родом из варварской страны, близкой к Океану». Полемизируя с Иловайским, Васильевский замечает: «И об известных славянских гуслярах у византийцев говорится, что они прибыли «из страны, близкой к западному Океану». Что же бы следовало из этого сопоставления?»⁷⁶². Думается, что из этого сопоставления кое-что следует. Ведь в VII в. в Византию пришли послы-гусляры от полабских или балтийских славян⁷⁶³. Вриенний локализует варягов там же, причем отмечает, что и в его время они оставались (очевидно, в массе) варварами, т. е. язычниками. Язычниками в конце XI — начале XII в. оставались именно прибалтийские славяноязычные и балтоязычные племена.

Византийские источники довольно настойчиво и устойчиво называют варангов «секироносным народом». Варанги сохраняют этот вид оружия на протяжении столетий без изменений, в чем сказывалась уже традиция, потребность в сохранении которой на чужбине нередко возрастает. Васильевский скептически отнесся к возможности извлечь из этого факта какую-либо положительную информацию, поскольку, «начиная с армии Ксеркса... топор или секира была более признаком известной степени культурного состояния, чем национальности»⁷⁶⁴. И все-таки в ограниченной мере и им можно воспользоваться. Этот факт, по крайней мере, отделяет варангов от континентальной Европы, поскольку, с точки зрения западных авторов, секира была принадлежностью амазонок, англов и данов. На Руси секира была, конечно, известна и распространена довольно широко. Но один из ранних летописцев с гордостью рассказывает о том, как поляне (русь) дали

760 «Советы и рассказы Кевкамена». М., 1972. С. 177.

761 Там же. С. 440.

762 В.Г. Васильевский. Заметка о пеших и конных. С. 132.

763 Ср.: Феофилакт Симокатта. М., 1957, VI, 2. Послы называются выходцами из самых отдаленных славянских племен, проживавших «на краю Западного Океана». До «Фракии» (Греции) они шли 15 месяцев.

764 В.Г. Васильевский. Варяго-русская... дружина. С. 361.

хазарам дань мечами, чем серьезно напугали хазарских властителей. Меч предпочитали и норманы, хотя собственное производство этого вида оружия у них было не слишком развито, а правители Франкского государства запрещали продажу мечей норманам и славянам. У варангов, судя по всему, приверженность секире имела значение своеобразного культа. Аналогичный культ был у язычников англов Британии, где секира входила в гербы королевств. Но с окончательным торжеством римской церкви эта символика из гербов исчезает, и не исключено, что римская церковь самому искоренению придавала определенное идейное значение. Теперь секира должна была сохраняться в качестве символа где-то по соседству со старой родиной англов, может быть у тех же «амазонок», помещавшихся западными авторами в районе Восточной Балтики.

Таким образом, и византийские варанги XI в. упорно привязываются источниками примерно к тому же району, что и варяги русских летописей. В этой связи уместно отметить, что в четырех хрисовулах византийских императоров от 1060, 1075, 1079 и 1088 гг. дается как бы «окружение» варангов. При перечислении византийских наемников во всех случаях на первом месте упоминается «Русь», на втором — Варанги (причем возможно и прочтение Васильевского как «Русь-Варанги»), а далее идут «Кулпинги» (очевидно, «колбяги» русских источников) и «Франки». «Франками», как отмечалось, в Византии XI в. называли и норманов, и, видимо, население собственно Франкской (или Священной Римской) империи. В хрисовуле 1088 г. помимо названных этносов добавлены «Англяне» и «Немци»⁷⁶⁵. Это и есть ближайшее окружение «Варангов», еще не смешиваемых с «Англянами». Они — северный народ, соседствующий с англами Ютландии, франками и немцами, а также колбягами.

В связь с приведенными хрисовулами может быть поставлено и сообщение одной из Барийских летописей о крупном военном мероприятии византийцев в Южной Италии в 1024–1025 гг. Здесь также в войске византийцев на первом месте стоят «Русские», а на второе поставлены «Вандалы». Васильевский называет их «загадочными». Он полагает, что речь идет о грузинах, называвшихся иногда в Византии «аланами». Правда, он оговаривается, что не имеет «ничего против всякого другого объяснения: можно под Вандалами

⁷⁶⁵ Там же. С. 348–349.

разуметь жителей северной части Ютландского полуострова...; можно разуметь и славянских Вендов, как это понимает г. Гедеонов»⁷⁶⁶.

Между тем ничего «загадочного» «Вандалы» европейских (в частности германских) источников не содержат. Это обычное и довольно распространенное в Средние века обозначение славян-вендов, т. е. прибалтийских славян. Так называл их уже Адам Бременский. Так их называл Гельмольд. Существенно, что вандалами балтийских славян именует автор средневековой энциклопедии «О свойствах вещей» Бартоломей Английский (пер. пол. XIII в.), знакомый с древними и раннесредневековыми авторами, а также живой традицией Англии, Франции и Германии⁷⁶⁷. Он, конечно, не мог спутать со славянами знакомых ему по языку датчан или какое-либо другое германское племя.

Бартоломей Английский интересен еще и тем, что он упорно переносит Галатию из Малой Азии в Центральную Европу, где действительно и была Галатия (Галиция, Галицкая Русь). Он оговаривается, что эту землю иначе называют Рутенией и что населена она галлами⁷⁶⁸. «Галация» помещается также «с востока» от Норвегии⁷⁶⁹. Именно этот текст сближает Бартоломея с Касвины. Не исключено, что в конечном счете у них есть общий источник: испанская традиция, с которой Бартоломей был знаком.

Таким образом, «Вандалы» Барийской летописи — вполне определенное этническое понятие: это славяне-венды. И заменяют они обычно соседей «Русских» — «Варангов». Бартоломей упорно приближает сюда и Галацию то ли как часть Рутении, то ли в качестве ее второго названия. И это глухое указание перекликается с неясными же намеками некоторых византийских авторов о присутствии кельтического элемента в варанглах, причем варангов прибалтийских, а не только британских.

Вандалы — общее название группы приморских племен, которые римскими авторами помещались в «Германию». В числе их были бургунды (винилы), варины и некоторые другие племена. Во II в. вандалы на протяжении одного года продвинулись от моря до границ Римской империи⁷⁷⁰. В начале III в. область истоков Эльбы именуется «Вандальскими горами»⁷⁷¹. Позднее основная

766 Там же. С. 208.

767 Ср.: В.И. Матузова. Английские средневековые источники. М., 1979. С. 85, comment. С. 94—95

768 Там же. С. 83, 85.

769 Там же. С. 84.

770 Иордан. О происхождении и действиях готов. М., 1960. С. 88—89.

771 Древние германцы. М., 1937. С. 155 (Дион Кассий).

масса вандалов ушла в Испанию и далее в Африку, где они вместе с аланами создали Вандало-аланское королевство, просуществовавшее до VI в. Бургунды остановились в Южной Галлии и образовали королевство в бассейне рек Соны и Роны, просуществовавшее в качестве королевства или герцогства более тысячи лет. Варины в большинстве вернулись назад к морю (об этом сообщает Прокопий Кесарийский), но часть их осталась вместе с бургундами, по существу тем самым предоставив ответ на вопрос о непосредственном носителе этнонима «варанг». «Villa Varangus» на реке Роне в Бургундии ставит все точки над i. Вилла продержится здесь также до II тыс. И в значительной мере Н.П. Грацианский именно связанный с ней архив использовал для изучения специфики бургундской деревни⁷⁷². А вернувшиеся на Балтику варины в III–IV вв. вместе с англами, саксами, фризами и ругами примут участие в завоевании Британии. Большой источниковый материал об этом вселении племен на остров Британию был собран и опубликован в 1906 г. в книге «Происхождение англо-саксонского народа» английским ученым Томасом Шором, почему-то не замечаемым нашими норманистами. А у него этноним «варины» всегда сопровождается дублетом: или «вэринги»⁷⁷³.

У Прокопия Кесарийского «варины» называются «варнами». В германских источниках это этническое обозначение, рассыпанное также в именах «Варин», «Вэрин», в узком смысле определяется на территории, смежной с племенем англов, занимавший южную часть Ютландского полуострова. «Правда англов и вэринов или тюрингов» была дана двум племенам Карлом Великим в конце VIII — начале IX в.⁷⁷⁴ Следует отметить, что эта «Правда» существенно отличалась от англо-сaxonской «Правды». Отождествление же варинов с тюрингами пока остается нерасшифрованным.

«Правда» содержит уникальную для христианской Европы правовую норму — «поле», судебный поединок. При отсутствии убедительных доводов спорящих сторон назначается поединок, и вопрос решается в пользу победителя. Киевская «Русская правда» такой правовой нормы не знала. Но в Новгородской и Псковской земле она была широко применялась, а позднее

772 См.: Н.П. Грацианский. Бургундская деревня в X–XII столетиях. М. — Л., 1935. С. 27, 52–54.

773 См.: Shor T.W. Origin of the Anglo-Saxon race. London, 1906; И.Н. Сугорский. В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в древние века. СПб., 1907; А.Г. Кузьмин. Об этнониме «варяги»/ Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1994.

774 Извлечение из нее см.: «Откуда есть пошла Русская земля». Кн. 2. М., 1986. С. 591–595. «Варини» в данном случае называются также «тюрингами», что представляет значительный интерес и для истории возникновения в будущем германской области Тюрингии, в рамках которой графства «Русь» (Reuss) и «Русская земля» (Reussland) сохранились вплоть до 1920 года. Отождествление названий «варины» и «тюринги» заставляет предполагать переселение части варинов и русов-рутов в область, позднее получившую название «Тюрингия».

получила распространение и в Северо-Восточной Руси и была включена в Судебник 1497 г., а затем скорректирована в Судебнике 1550 г. (священнослужителям, старикам и женщинам разрешалось использовать «наймитов», и другая сторона могла противопоставить тоже «наймита»).

Как и всюду в пограничье, с продвижением Империи к Балтийскому морю возникает «Северная марка», которую называют также «Marchio Verinso»⁷⁷⁵. Иными словами, источники последовательно указывают на один и тот же район и на одно и то же племя: варины, варны, варанги, вэринги, вары и т. п. Произнесение менялось в зависимости от языков и диалектов. Иногда название племени распространялось и на другие, территориально или этнически близкие племена южного берега Балтики, ассимилированного в VI–IX вв. славянами, но и в славянской среде старое название племени сохранялось. И значительную информацию о племени обычно содержит само его название.

Во всех вариантах написания сохраняется этнообразующий корень — «вар». И объяснение его ищут в разных языках, в зависимости от принятой общеисторической концепции. У норманистов при объяснении имени из германских языков наиболее популярна этимология М. Фасмера, производившего слово от якобы скандинавского *var* — «верность», «порука», «обет»⁷⁷⁶. Однако это слово известно и другим индоевропейским языкам, в том числе кельтским, о «чудовищном разливе» которого по всей Европе говорил в свое время Н.Я. Марр⁷⁷⁷. А еще С. Файст убедительно доказывал, что вся группа племен «ингевонов» из Тациевой «Германии» вовсе не германская, а кельтическая⁷⁷⁸.

Значительная часть этнических названий связана с обозначением занимаемой племенем территории. Такого характера названия, в частности, свойственны кельтским и славянским племенам, о чем писал О.Н. Трубачев⁷⁷⁹.

775 См.: MGHSS. Hannoverae, 1875. T. 23. P. 227.

776 М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1, М., 1964. С. 276; Этимологический словарь русского языка. Т. 1, вып. 3. М., 1968. С. 21–22. А.А. Шахматов связывал этоним с франками (Древнейшие судьбы русского племени. Птгр., 1919. С. 47). П.Я. Черных выводил от славянского глагола «варяти» — беречь, защищать (К вопросу о происхождении имени «варяг» /, Ученые записки Ярославского государственного пединститута, вып. IV. 1944). С. Гедеонов указал, что у зазельских славян слово «варанг» означало меч (Ваярви и Русь. С. 170). Видукинд в X в. аналогичным образом объяснял самоназвание саксов от «сакс» — нож (Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975. С. 67, 128). Последние три версии не нашли последователей.

777 Н.Я. Марр. Избранные работы. Т. V. М., 1935. С. 430. Ср.: H. Wagner. Studies in the Origins of Early Celtic civilisation. ZCPH, Tubingen, 1970, B. 31, P. 3–6.

778 S. Feist. Germanen und Kelten in der antiken Ueberlieferung. Baden-Daden, 1948. Впервые работа была опубликована еще в 1927 году.

779 О.Н. Трубачев. Ранние славянские топонимы свидетели миграции славян. Н.Я. Марр. Избранные работы. Т V. М., 1935. С. 430. Ср.: H. Wagner. Studies in the Origins of Early Celtic civilisation. ZCPH, Tubingen, 1970, B.31, P. 3–6; S. Feist. Germanen und Kelten in der antiken Ueberlieferung. Baden-Baden, 1948. Впервые работа была опубликована еще в 1927 году; О.Н. Трубачев. Ранние славянские топонимы ВЯ, 1974, № 6. С. 54–58.

Названия эти часто давались со стороны, в результате чего, скажем, германское племя квадов носит типично кельтское имя, аналогичное славянским древлянам (кельтское *coad* — лес). Кельтское *armor* будет, естественно, означать Поморье. Племя *morini* в Бельгии тоже без напряжения объясняется как «поморяне». И имя *varini* является лишь фонетическим вариантом того же названия, т. е. тоже означает «поморяне». Этим и объясняется, что в Византии варягов «дразнили»: «варанги-маранги». Именно в кельтских языках звуки «в» и «м» взаимозаменяемы.

Любопытно, что если никто не связывает «варягов-верингов» с водой, то в отношении этнонима варины такая этимология признается наиболее вероятной и естественной. Ее безоговорочно принимает, например, такой знаток германской ономастики, как Е. Шварц⁷⁸⁰.

Е. Шварц полагал, что исходное *vari* — «вода» является древненордическим. Но еще Ю. Покорный указал на древнюю индоевропейскую традицию такого обозначения «воды», отразившуюся во многих языках⁷⁸¹. Покорный объяснял, в частности, название иллирийского приданайского племени «варисты» или «наристы». В. Штейнхаузер посвятил этому этониму специальное исследование, еще более расширив и подтвердив вывод Ю. Покорного. Автор переводит это название как «жители поречья», «живущие у воды». Помимо упоминаемого и Покорным древнеиндийского *nara* — «вода» (ср. название подмосковной реки Нара), автор приводит тохарскую параллель *var* — море. Вариант *varasci* рассматривается им как кельтизированная форма того же названия, восходящая в конечно счете к предположительному кельтскому *vor* и затем *var*⁷⁸².

И Покорный и Штейнхаузер указали на чередование, взаимозаменяемость в древнем индоевропейском языковом пласте звуков (или обозначений какого-то специфического звука) *n* и *v*. В кельтских языках до сих пор удерживается подобная взаимозаменяемость звуков *v*, *b*, *m*⁷⁸³. Поэтому, скажем, этонимы «морины» и «варины» — всего лишь дериваты, может быть диалектные формы одного и того же обозначения. Будучи географическим обозначением, ни то ни другое название непосредственно этническую природу этих племен не раскрывает. В этой связи показательно упоминание Иорданом племени

780 См.: E. Schwarz. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956, S. 116.

781 J. Рокоту. Urgeschichte der Kelten und Illirier. Halle, 1938, S. 11.

782 W. Steinhäuser. Das Illiretum der Naristen Schwarz E. Zur germanischen Stammeskunde. Darmstadt, 1972. S. 55–58, 65–66.

783 См.: Г. Льюис, Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 83–84, 106. (В основе здесь назализованное «в»).

«видивариев». Иордан отмечает, что они живут «на побережье Океана» у устья Вислы и собирались «из различных племен»⁷⁸⁴. «Земля Виду» известна и германским, и финским, и иным источникам⁷⁸⁵. В данном случае речь может идти о части «виду», примыкающей к морю.

Этническое название «вандалы» еще авторы Средневековья объясняли от «ванд» — вода. П. Шафарик оспорил это мнение⁷⁸⁶. Позднее к нему снова вернулся В.П. Кобычев⁷⁸⁷. Если учесть, что в литовском языке сохраняется именно такое обозначение воды (*vanduo*), в норвежском и датском (но не в шведском и не в немецком) до сих пор удерживается явно не германское *vann* — *vand*, объяснение это следует признать весьма вероятным. Во всяком случае, так этот этноним должен был осмысливаться у тех племен, где корень «ванд» означает воду. Для Длугоша и некоторых других средневековых авторов вандалы были ветвию славян, причем никаких трудностей в различиях произношения «ванд» и «вода» («вада») Длугош не усматривал. В Балтийском Поморье, видимо, оба эти произношения сосуществовали. Напомним также, что название «Вада» обозначало реки пеласгов, и в том же значении слово употребляли лигуры.

«Вандалы» и «венеды» в источниках часто смешивались, видимо, именно потому, что и второй этноним связан был с обозначением воды (южное побережье Черного моря в Малой Азии, северо-запад Адриатики, юго-восточное побережье Балтики). И хотя в эпоху Великого переселения венедов, славян и антов воспринимали как ветви одного блока племен, генеалогические предания чаще всего связывали славянских князей с вандальской группой. (Об этом речь будет ниже.)

Можно напомнить и о том, что Днепр у гунно-фризов, возвратившихся в конце V в. из Подунавья к прежним местам обитания, назывался тоже «Вар» (Гунновар). Здесь, на месте будущих полян, могли обозначаться и свои «варины» или «варяги». Но этническое название закрепилось только за южнобалтийскими племенами: в узком смысле за племенем «варины», в широком — за всеми племенами «вандальской» группы. И скандинавы попали в число наемных варяжских дружин лишь во времена Ярослава Мудрого.

Слово «вар» как обозначение «воды» в славянском языке сохранилось в значении «горячей воды», в том числе в производных: «варить», «варево».

784 Иордан. Указ. соч. С. 72.

785 Там же. С. 221, (прим. Е.Ч. Скржинской).

786 П. Шафарик. Указ. соч. Т. 1, Кн. 1. С. 287–290. Ср.: Н.С. Державин. Славяне в древности. М., 1945. С. 8–9.

787 В.П. Кобычев. В поисках прародины славян. М., 1973. С. 22–23, 124–125, прим. 18.

Европейская топонимика богата соответствующими названиями рек: река Вар и производные от этого названия в обозначении ее притоков на границе Италии и Галлии⁷⁸⁸, реки в Британии и Шотландии⁷⁸⁹, а также в других районах кельтского расселения⁷⁹⁰, река Вар в Прикарпатье, Варта — в Польше и др.

В ряде диалектов кельтского языка *vor* или *var* обозначало море⁷⁹¹. В донегальском диалекте ирландского языка море и ныне обозначается как *farraigé*⁷⁹². Все это не означает, что этноним имеет кельтское происхождение. Но вполне вероятно, что именно кельтские языки полнее всего сохранили ту этноязыковую традицию, в рамках которой возник этноним «варяны» — народ моря.

С одним из основных обозначений «воды» в индоевропейских языках — *var* связаны и балтские *jura*, *jurin*, *juris*, *juras* и т. п. — «море», «водная поверхность»⁷⁹³. В балтских языках есть оба главных обозначения: *jura* и *marios*. Последнее чаще всего означает залив, озеро (в частности Рижский залив). Можно отметить также, что первый вариант известен всюду на побережье, но исчезает по мере удаления от моря на восток. По мнению В.Н. Топорова, и русское «вырей», «вырий», как обозначение заморской страны, откуда прилетают птицы, может быть связано с балтским обозначением моря⁷⁹⁴. Напомним также, что море Варяжское в некоторых исторических песнях именуется как «Верейское». С другой стороны, название приморской области Пруссии — Вармия тоже может обозначать Поморье. Затруднение в данном случае может вызывать явно финское *taa* — земля, область. Но такое смешение двух языковых ветвей, видимо, вообще характерно для ономастики, и топонимики в частности, Восточной Прибалтики. Так, знаменитая Юрмала тоже раскладывается на первый компонент балтский, означающий море, и второй — *maala* (эст.) — «территория». В свою очередь понятие «море» вошло в финские языки, очевидно, из индоевропейских: *meri*.

Объяснение этнонаима «варяги», как живущих на море (или у воды), делает понятной и эволюцию, распространение его на разные прибалтийские племена.

788 A. Albenque. *Les Rutnes*. Rodez, 1948. PP. 117–118.

789 E. Schwarz. *Deutsche Namenkunde*. 11. Gottingen, 1950. S. 66; J. Hotha. *Antiquitate Celto-Normannicae*. Copenhagen, 1786. P. 109.

790 H. Bahlow. *Namenforschung als Wissenschaft*. Deutschland Ortsnamen als danmaler keltischer Vorzeit. Neumunster, 1955, S. 11.

791 Cp.: P.F. Grégoire de Rostrenen. *Dictionnaire Français-Breton*. Rennes, 1732, P. 616.

792 Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч. С. 79.

793 См.: Г.А. Ильинский. Проблема славянской прародины в научном освещении А.А. Шахматова. ИОРЯС. Пг., 1922. Т. 25. С. 431; В.Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. М., 1980. С. 93–97.

794 В.Н. Топоров. Указ. соч. С. 93.

И только такое объяснение позволяет без натяжек понять прозвание в Византии «варангов» также «марангами».

Название само по себе этническую принадлежность племени, естественно, не выражает: оно может быть дано и со стороны. Но оно свидетельствует о наличии в Прибалтике очень древнего индоевропейского населения негерманского происхождения. «Чудовищный разлив» кельтской речи по всей Европе, отмеченный Н.Я. Марром, относится ко времени, может быть, более раннему, чем железный век (культуры Гальштат и Латен). В Северной Европе долго проявлялась и кельто-скифская подоснова. Но на побережье Северного и Балтийского морей особенно заметно сказалось выселение ряда кельтских племен после завоевания Галлии Римом. Венеты, покинувшие Бретань на кораблях, могли уйти только на восток. На северо-восток могли уйти с территории будущей Бургундии и рутены, а также какие-то иные кельтские или кельтические племена. Поэтому кельтская окраска ясно проступает по островам и побережью Балтики (в том числе Скандинавии). Позднее эти же племена будут ассимилированы сместившимися сюда из Подунавья славянами. В итоге древнейший индоевропейский этнический слой («венетский», или «виндалльский») будет перекрыт кельтским и славянским и сохранит специфику всех этих и некоторых других (в частности иранского) этнических пластов. Германизация Ютландии, некоторой части побережья Северного моря и Скандинавии будет происходить в основном уже в годы существования Франкского государства, сначала в ходе стихийного переселения неустроенных в районе Эльбы и Рейна германских родов, а затем и в качестве направлявшегося государством «натиска на восток» и северо-восток, где осядут ордена Тевтонский и Ливонский. Но даже и под двойным слоем — кельтским и германским — сохранятся имена, которые из того и другого не объясняются и которые будут в значительной степени усвоены и славянскими племенами, долгое время вообще не имевшими своих имен (племена с территориальной общиной долго не имели личных имен, почему акт крещения означал и «дать имя»).

Таким образом, «варяги» русских источников — это в узком смысле славянизированные варины, в более широком — племена южного берега Балтики. Со времен Ярослава сюда включались и скандинавские «поморяне», а после раскола церкви «варяжская вера» будет означать приверженцев «латинства», которые доказывали преимущества своей веры огнем и мечом в той же Прибалтике.

Глава V – Этноним «Русь» от Балтики до Меотиды

Обилие концепций начала Руси в значительной мере порождается источниковым материалом, в частности упоминаниями Руси в письменных источниках. Противоречивый характер они носят и в древнерусской, и в византийской, и в западноевропейской, и в арабской традиции. По существу, для всех основных концепций начала Руси — балтийской, приднепровской, причерноморской, салтовской — имеются подтверждающие их источники. (Без источников до сих пор держится только норманизм.) И задача заключается не столько в том, чтобы отобрать «качественные» данные, отбросив «некачественные», сколько в том, чтобы осмыслить природу известных противоречий, понять приурочение имени «Русь» к разным районам. В данном случае важно указание восточных источников на «два вида» или «три группы» (области расселения) русов. Сам корень «рус» в индоевропейских языках широко распространен, причем в разных группах с ним связывается совсем неодинаковый смысл.

Литература о названии «Русь» также весьма обильна. Тем не менее сводок, в которых были бы собраны все известные упоминания, до сих пор нет. Подборки, как правило, ориентируются на ту или иную концепцию, причем основное размежевание идет опять-таки по линии противоборства норманизма и антинорманизма. Но, разумеется, для позитивного решения проблемы должен быть рассмотрен весь комплекс упоминаний «Руси», обозначающих племя или территорию.

1. Сведения о Руси Причерноморской и салтовской Руси

Летописи являются основой всех схем ранней истории Киевской Руси, но содержат такие противоречия, которые практически исключают возможность однозначного решения вопросов. В заголовке «Повести временных лет» (Начальной летописи) стоит вопрос: «Откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити и откуду Русская земля стала есть». Очевидно один из древнейших летописцев стремился ответить на тот же вопрос, что занимает несколько поколений историков. Поскольку вопрос сформулирован одним

автором, то и ответ ожидается однозначный. Однако, однозначного ответа летопись не дает. В рассказе о призвании Рюрика с братьями утверждается, что «от тех Варяг прозвася Руская земля», в тексте же, восходящем к «Сказанию о славянской грамоте», «Русь» отождествляется с «Полянами» («Поляне, яже ныне зовомая Русь»), которые как и вообще славяне, выводятся из Иллирии и Норика, некогда составлявшего раннегосударственное образование «Ругиланд».

Как отмечалось выше, дошедшие до нас рукописи летописей являются своеобразными компиляциями, сводами, которые составлялись из разных источников или пополнялись позднейшими сводчиками и переписчиками. Те же чаще всего делали добавления, не устранивая противоречащего им прежнего текста. Это не являлось недосмотром: как правило, летописцы бережно относились к предшествующим текстам, даже если сами придерживались иного мнения, хотя и полемика с иными взглядами тоже нередка на страницах сводов. В целом Киевская летопись исходит из представления о тождестве полян и руси, а «Руская земля» в ней мыслится как область Среднего Поднепровья, действительно отличающаяся от соседних славянских территорий, причем, что особенно важно, и антропологически, уходя своими истоками в скифские времена. Это обстоятельство породило, с одной стороны, своеобразную чернигово-тмутараканскую версию, упомянутую выше в связи с представлением о прошлом Руси в «Слове о полку Игореве», с другой — салтово-донецкую, вокруг которой идет борьба между своеобразными «хазароманами» и приверженцами ее аланской принадлежности. Но чернигово-тмутараканская и салтовская версии часто смешиваются, и их этническая природа обычно определяется на одном и том же круге источников.

На «два вида» русов обратил внимание уже А. Шлецер. Одних он считал скандинавами, пришедшими в Киев, а других — бесчисленным причерноморским народом. Но это была своеобразная оговорка: Киевскую Русь автор однозначно связывал со скандинавами. Значительно основательней проблему ставил Г. Эверс, опубликовавший свои изыскания о начале Руси вскоре после публикации русского перевода «Нестора» А. Шлецера⁷⁹⁵. Он считал именно Причерноморскую Русь единственным истоком Киевской Руси. Но «двух видов» он здесь не видел.

Со времен Эверса вопрос о Причерноморской или Тмутараканской Руси неизменно стоит как одна из загадок, ключи к которой никак не удавалось

795 Г. Эверс. Предварительные критические исследования для Российской истории. (Перевод с немецкого издания, вышедшего в 1815 г.) М., 1826. С. 213–225.

подобрать исследователям, хотя в числе их были такие крупные специалисты, как Д.И. Иловайский, Е.Е. Голубинский, А.А. Шахматов и целый ряд других. В недавнее время эта проблема стала темой специальных исследований А.В. Гадло, Д.Т. Березовца, Д.Л. Талиса, О.Н. Трубачева. Но можно обратить внимание на то, что все названные исследователи искали одну-единственную «Русь», не объясняя прямого указания восточных авторов на «два вида» русов и «три группы» их, чаще всего отыскивая «три центра» одной-единственной Руси на территории Восточной Европы или в Прибалтике. Между тем без осмыслиния указания источников на «два вида» и «три группы» вопрос об этническом содержании обозначения «Русь» не может быть даже и перспективно поставлен⁷⁹⁶. По существу, большинство авторов правы, определяя изучаемый ими материал как «древности русов», но каждый изучаемый им «вид» полагает единственным.

Именно поэтому многим специалистам Тмутараканская или Причерноморская Русь представлялась неким миражом, продуктом неосведомленности или небрежности византийских и восточных авторов. Проблему неоднократно «закрывали». Но она неизбежно открывалась снова. Имеется, по крайней мере, один огромной важности факт, который не позволяет пренебречь хотя и темными, но многочисленными данными: наличие связанного с Киевом русского княжества в Тмутаракани. К какому бы времени ни относили его появление — к IX, X или XI вв., неизменно возникает вопрос: как это княжество могло появиться и как оно могло в течение длительного времени существовать и поддерживать связь с Приднепровьем? Не меньше проблем возникает и в связи с установлением факта, что аланская-салтовская культура в Подонье также именовалась «Русью».

А. Шлецер, конечно, не случайно вынужден был сделать серьезную уступку антинорманистам, разделив «норманскую» и причерноморскую Русь. На это его наталкивали источники. И позднее многие специалисты останавливались перед необходимостью выделить, по крайней мере, две «Руси». С наибольшей полнотой эта мысль обосновывалась В. А. Б्रимом⁷⁹⁷. И многим норманистам пришлось делать допущение, что в Причерноморье обосновалась группа «норманнов», проникшая туда ранее т. н «варяжского призыва». Таким образом, делалось допущение, что «Русь» во всех случаях — один и тот же этнос. Но реального обоснования оно ни у кого из

⁷⁹⁶ Автор и сам сформулировал свое понимание «разных видов» лишь в статье «Российский каганат» и остров русов» в упомянутой книге «Славяне и Русь. Проблемы и идеи».

⁷⁹⁷ В.А. Бри姆. Происхождение термина «Русь» Россия и Запад. 1, Пг., 1923.

норманистов не получило и не могло получить в силу априорности самой мысли о некой миграции скандинавов к Черному морю.

Богатейшие сведения о Руси IX–X вв. содержат арабские источники. Но сведения восточных авторов настолько противоречивы, что, как заметил В. Томсен, «любая теория происхождения Руси может находить себе кажущуюся опору в сочинениях восточных писателей»⁷⁹⁸. С другой стороны, очевидно, именно на основании этих источников Н.Я. Марр высказал соображение, что «норманны и русы одно и то же, одинаково не имеющие ничего связывающего исключительно с севером Европы, когда речь идет о русах, ничего исключительно германского, когда речь идет о норманнах»⁷⁹⁹. Весьма глубокая и, к сожалению, совершенно не развитая мысль.

Природа внутренних противоречий арабских текстов в общем понятна. Арабские купцы встречались с русами или так себя называвшими местными жителями и в Германии, и в Хазарии, и на Северном Кавказе и в Причерноморье, и на Днепре, и в Волжской Болгарии. Отзвуки о походах русов слышались и в Испании, и по южному побережью Каспия. О русах рассказывали многое и разное. Позднейшие же компиляторы и переписчики должны были сводить все эти весьма разнохарактерные и разновременные данные.

Арабские сведения о Руси и русах представлены в специальных исследованиях А.П. Новосельцева, Б.Н. Заходера, Д.Т. Березовца, Г.С. Лебедева и в самое недавнее время Е.С. Галкиной. Первые два автора дали новые публикации сведений восточных авторов⁸⁰⁰. Д.Т. Березовец доказывал, что под «Русью» на Востоке подразумевалось Подонье и Приазовье — население салтовской культуры⁸⁰¹. Г.С. Лебедев, подчеркивая этнографические различия славян и руси в представлении восточных писателей, отождествил русов с норманами⁸⁰².

798 В. Томсен. Начало Русского государства. М., 1891. С. 35.

799 См.: В.А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр. М.-Л., 1948. С. 276.

800 А.П. Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. /, Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Б.Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.

801 Д.Т. Березовец. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV, КиїВ, 1970.

802 Г. С. Лебедев. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах / Из истории феодальной России. Л., 1978. Автор видит доказательство «норманства» русов даже в замечании о их неопрятности, умывании «посредством самой грязной воды». По его мнению, «способ омовения, когда несколько человек пользуются одной лоханью, чужд славянской бытовой культуре, несомненно германского происхождения» (указ. соч. С. 23). Но у Ибн-Фадлана нет речи об общей лохани. И вообще, о той ли «чистоте» идет речь? Этот способ аргументации весьма напоминает доводы старых норманистов: русы любили мыться в бане, норманы — тоже. Следовательно русы — норманы.

Должно заметить, что сведения о Руси восточных источников действительно дают гораздо больше материала в пользу норманизма, чем аналогичные сведения о варягах. По наблюдению Д.Т. Березовца, лишь Ибн Хордадбех рассматривает славян и русов как части одного народа. Все остальные авторы их разделяют⁸⁰³. Но и у Томсена были основания для приведенного выше иронического замечания: с норманами русы восточных источников увязываются плохо. По существу, Г.С. Лебедев пошел по давно намеченному пути: выбирать лишь между славянами и германцами, не считаясь с возможностью существования в Прибалтике каких-то иных этнических групп. Возможности же отражения в этих сведениях данных о Подонье и Причерноморье он вообще не учитывал.

Как отметил А.П. Новосельцев, самое раннее упоминание названия «рус» в арабской литературе принадлежит среднеазиатскому ученому ал-Хорезми, написавшему труд «Книга картины земли» между 836–847 г. В этом произведении упоминается «Русская гора», откуда берет начало река Друс⁸⁰⁴. Локализовать эту «гору» весьма трудно. Привлекая параллель — анонимный географический трактат второй половины X в., где также упоминается «Русская гора», А.П. Новосельцев склонен локализовать ее «где-то на северо-востоке Европы»⁸⁰⁵. Но если читать название реки как «Днепр» (Данапрос), то необходимо помещать гору где-то на пути «из варяг в греки». К сожалению, и вопрос о том, какая река имеется в виду, остается неясным. Путь «Из варяг в греки» шел и по Днепру, и по Дону. Уверенно можно говорить только о том, что гора располагалась в Восточной Европе.

Следующий по времени восточный трактат о русах принадлежит Ибн Хордадбеху, уникальность которого была отмечена Березовцем. Труд дошел лишь в позднейших извлечениях. Это своеобразный путеводитель, первая редакция которого возникла в 846 г., а вторая — в конце IX столетия. Сюжет о русских купцах явился предметом спора. Есть мнение, что это позднейшая вставка. Однако если это и вставка, она все-таки сделана не позднее IX в.⁸⁰⁶. Согласно Ибн Хордадбеху, русские купцы — «вид славян» (или «род славян»). «Они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны Славян к Румскому морю», а «по... реке Славян» «проезжают проливом столицы Хазар». Далее, преодолев Каспийское море, русы иногда

803 Д.Т. Березовец. Указ. соч. С. 65–66.

804 А.П. Новосельцев Указ. соч. С. 373.

805 Там же. С. 374.

806 Там же. С. 383.

попадают в Багдад, «где переводчиками для них служат славянские рабы». «И выдают себя они за христиан»⁸⁰⁷.

В тексте Ибн Хордадбеха явно отражаются и север и юг. Мечи могли вывозиться через Прибалтику (Волго-Балтийским путем с переходом на Дон) из Франкской империи и смежных с ней территорий, где это производство было поставлено. (Мечи варинов ценились в Италии еще в эпоху Великого переселения.) Там же локализовались и «самые отдаленные» области земли славян. Христианство начинало в это время распространяться на Балтийском Поморье и у причерноморских русов (крещение около 867 г.). Важно и указание на то, что русы знали славянский язык и на Восток шли через Приазовье.

К IX в. относятся и еще два сюжета арабо-иранской географической традиции: об острове русов и о трех группах Руси. Первый сюжет представлен у Ибн Русте (нач. X в.), Мукаддаси (середина X в.) и у ряда более поздних авторов. В нем идет речь о лесистом и болотистом острове, окруженном озером или морем. Размеры острова — три дня пути, население — 100 тысяч человек. Основное занятие населения — военные походы и торговля рабами и мехами, которые вывозятся в «Хазаран и Булкар». На славян они совершают нападения на кораблях. Титул правителя островных русов — «хакан-рус». Знахари-жрецы стоят выше «царей». По их указанию приносятся в жертву люди и лошади. У этих русов существует обряд трупоположения. Для знатных русов выкапывают могилу наподобие дома, в которую помещают пищу, одежду, драгоценности и монеты. В могилу помещают и живую любимую жену покойника, после чего отверстие могилы закладывают «и жена умирает в заключении»⁸⁰⁸.

Практически все авторы, доказывавшие существование Причерноморской Руси, помещали «остров русов» на юге. Одни из них полагали, что речь идет о «Тмутараканском острове», как называли в Киеве Таманский полуостров⁸⁰⁹, другие полагали, что речь идет о Крыме⁸¹⁰. Березовец увидел в тексте Ибн Русте иллюстрацию к обычному похоронному обряду салтовцев⁸¹¹. Это наблюдение весьма существенно и, по существу, предопределяет решение вопроса.

Можно допустить, что восточные авторы снова смешивают русов севера и юга. Но основной текст явно относится к Прибалтике. И дело не только в том,

807 Там же. С. 384–385.

808 Там же. С. 397–398.

809 Ср.: Д.И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1882. С. 399.

810 А. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе / Труды 4-го археол. съезда. Казань, 1891. С. 242; А.Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы X века. ИЗ. Т. 6. М., 1940. С. 81–82.

811 Д.Т. Березовец. Указ. соч. С. 69–70.

что именно в Прибалтике легко найти острова с лесистой и болотистой поверхностью (район Сиваша болотистый, но не лесистый), но и в некоторых других элементах рассказа. Так, нападение на славян морем предполагает приморское расположение объекта нападений. У моря жили именно балтийские славяне. Основное оружие русов — меч — также ведет в Прибалтику, и если это оружие осваивалось и южными русами, то, видимо, под влиянием северных. (Летописец специально отметил превосходство русского «меча» над хазарской «саблей».) Обряд погребения, сходный с салтовскими ищут и в Прибалтике. Г.С. Лебедев, в частности, аналогию находит только в камерных погребениях Руси и Скандинавии, которые признает по происхождению скандинавскими⁸¹². Но, разумеется, плотно населенный остров русов — это не Скандинавия и не Готланд. Ряд подходящих по размерам островов имеется у южного и восточного берегов Балтики.

В литературе неоднократно привлекал внимание остров Рюген, население которого средневековые источники называют руянами, ранами, русами, рутенами, ругами. (Об этом речь будет ниже.) В настоящее время остров занимает лишь около 1000 кв. км. Но он был частично разрушен землетрясением в начале XIV в.⁸¹³. К тому же береговая линия его так изрезана, что внутренние расстояния на острове превышают окружность его по морю. Главная же параллель просматривается в сообщении Гельмольда, что руяне жреца «почитают больше, чем короля» и что в течение длительного времени здесь сохранялось принесение в жертву людей-христиан⁸¹⁴. Обилие городов и отсутствие деревень, отмеченное восточными авторами, также указывает на некое территориально небольшое разбойно-паразитарное и торговово-полугосударственное образование. Но по юго-восточному побережью Балтики у острова Рюген находятся и достойные конкуренты: Саксон Грамматик (его известия будут рассмотрены ниже), локализует Русь в Восточной Прибалтике, и здесь есть остров, вполне соответствующий по размерам описаниям восточных авторов. Это Сааремаа, буквально «Островная земля», как он и обозначается в Новгородской 1 летописи. То же значение в топониме северных саг — Хольмгард (вопреки логике, перенесенное на Новгород название), в исландском Ейсюсле (испорченное в германском — Эзель).

812 Г.С. Лебедев. Указ. соч. С. 23–24.

813 См.: И. Забелин. История Русской жизни с древнейших времен. 4.1. М., 1908. С. 648; K.Kretschmer. Historische Geographie von Mitteleuropa. München und Berlin, 1904, S. 123.

814 Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 100 и 237.

В пользу «юга» говорит титул русского правителя: «хакан-рус». В том же IX в. титул «кагана» привязывается к какой-то группе русов «норманнов». В 839 г. они возвращаются на родину из Константинополя через Франкскую империю, поскольку обычный путь (видимо по Дону) был перерезан очередной волной кочевников с востока⁸¹⁵. И стремилось посольство, по всей вероятности, именно в Юго-Восточную Прибалтику. Комментатор Адама Бременского заметил по поводу живших здесь русов, что это «Русия-турк», а Идриси в XII в. находил «русов-турк» на Дону⁸¹⁶. Источником такого уточнения является, очевидно, проживавший в Италии в X в. Иосиппон (Бен Горион). Он включил алан в число тюркских народов, видимо, как раз потому, что они в противостоянии тюркам-хазарам позаимствовали у них титул «кагана».

«Роксалан» где-то в Прибалтике упоминал еще Географ Равеннский (VIII–IX вв.), «алан» или «калбан» — Адам Бременский. Скифо-сарматский след просматривается здесь с глубокой древности. И только норманистским ослеплением можно объяснить попытки представить эти области «скандинавской колонией». Ф. Д. Гуревич обнаружила в Пруссии могильник, в котором «треть погребенных женщин были наездницами»⁸¹⁷. В шведской Бирке автор обнаружила только одну «наездницу» из 238 женских погребений. Город вообще являлся «проходным двором» для разных племен, уходивших с побережий Северного и Балтийского морей от усилившегося в VIII в. наступления Франкской империи. Достаточно сказать, что славянская керамика составляла там 13 %. И отмечаемые Г.С. Лебедевым камерные погребения шли с континента в Бирку, а не наоборот⁸¹⁸. Камерные погребения были известны в Центральной Европе у кельтов еще с эпохи Гальштата (VII–VI вв. до н. э.), но восходят они к скифо-киммерийским временам и в Восточной Прибалтике известны с конца II тыс. до н. э.

А женщины-наездницы объясняют настойчивые утверждения средневековых авторов (Адама Бременского, Ибрагима Ибн Якуба) об

815 MGH SS. T. III. Hannoverae, 1839, P. 523. Cp.: A.V. Soloviev. «Reges» et «Regnum Russiae» au Moyen Age //Byzantium. T. XXXVI, Bruxelles, 1966, P. 146. Титул *chacanus Nortmannorum* упоминается в послании Людовика II от 871 г. греческому императору Василию, причем разъясняется, что этот титул приравнивается к королевскому. Адам Бременский и Гельмольд отмечали, что из всех славян только руяне имели короля. См.: Magistri Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Hannoverae et Lipsiae, 1917, P. 245. Гельмольд. Указ. соч. С. 38. Но титула «каган» не знали ни руяне ни скандинавы.

816 См.: Б.А. Рыбаков. Русские земли на карте Идриси 1154 г. /, КСИ-ИМК. М., 1952. Т. XLIII. Подборка упоминаний «Руссии-турк» на Дону дана в статье Д.Т. Березовца «Об имени носителей салтовской культуры» (Археология. Сборник. Т. XXIV. Київ, 1970. С. 67)

817 Ф.Д. Гуревич. Скандинавская колония на территории древних пруссов.// Скандинавский сборник. Таллин, 1973, вып. XII. С. 171.

818 Ср.: Г.С. Лебедев. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф. канд. дис. Л., 1972. С. 15–16 и др. работы автора.

амазонках на восточном побережье Балтики. Здесь же Саксон Грамматик отмечает культ коня, явно степной по происхождению. Культ коня был и на острове Рюген (священная конюшня из трехсот коней), что также может уводить еще к киммерийским временам. (Кимвры на севере Ютландии с культом котла также могут быть связаны с потоком киммерийцев в Западную Европу.)

Другой сюжет восточных авторов, рассказывающий о трех группах Руси, восходит к ал-Балхи (ок. 850-930-е), а дошел в сочинении ал-Истархи (сер. X в.), Ибн Хаукаля (60–70 X в.) и целого ряда позднейших авторов. В числе трех групп называются Куйаба, ас-Славийа и Арсанийа⁸¹⁹. Обычно считается, что Куйаба, который больше Булгара, — это Киев. Славия определяется как Новгород. Относительно Арсании или Артании с городом Арса или Арта идут споры⁸²⁰. В.Б. Вилинбахов перенес все три центра на балтийское побережье⁸²¹. Й. Хрбек «третье племя» отнес к острову Рюген⁸²². Видимо как племена или роды, а не города и следует понимать текст восточных авторов. И объяснение Хрбека выглядит логичным: первая группа — Кувавия в Восточной Прибалтике. Следует за ней Славия — обозначение балтийских славян. Арсания явноозвучна столице Рюгена Арконе. Но Арсания представляется как группа, ближе всего находившаяся к Булгару. А таковым является «Островная земля» — «Остров русов» с каганами во главе. «Неприветливость» русов того и другого острова сопоставимы. В Аркону даны вторгнутся лишь в 1168 г. и удивляются и сундукам с красными одеждами, и стойкости языческих культов. Сааремаа в этом плане менее известна. Археологических раскопок там не было. А в качестве памяти об эпохе — находки семи мечей (в континентальной части Эстонии — лишь один). А одно отличие все-таки можно заметить. Руги-русы с острова постоянно переселялись на континент и сами перешли на славянскую речь. Русы данного источника — паразитарное образование, живущее за счет ограбления славян. И закрыт остров был не только для восточных купцов и путешественников, но и для составителей хроник.

Естественно, что «третий центр» пытались связать и с Тмутараканью и вообще Причерноморской Русью. Здесь искали его В. А. Пархоменко и А.И.

819 А.П. Новосельцев. Указ соч. С. 411–414; Б.Н. Заходер. Указ соч. С. 101–104.

820 Ср.: А.П. Новосельцев. Указ. соч. С. 417–418; С.Н. Быковский. К вопросу о трех древнейших центрах Руси / Труды Вятского педагогического института, вып. VI, 1928; А.Л. Монгайт. К вопросу о трех центрах Древней Руси. КСИИМК, вып. XVI, М., 1947. В районе Оки или Верхнего Поволжья помещали «третий центр» также А.А. Шахматов, Д. Щеглов, В.В. Бартольд, П.П. Смирнов.

821 W.B. Wilinbachow. Przyczynek do zagadnienia trzech ośrodków dawnej Rusi, Materiały Zachodnio-Pomorskie. B.VII, 1961.

822 J. Hrbek. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen //Archiv Orientalni. Vol. 25, Praha, 1957.

Соболевский⁸²³. Эту версию в той или иной степени поддерживали А.Н. Насонов, С.В. Юшков, одно время В.В. Мавродин, из русского зарубежья авторов В.Г. Вернадский. Д.Т. Березовец все три центра связал с салтовской культурой, указав на параллель из Идриси⁸²⁴.

Сведения о трех группах Руси арабские географы получили, очевидно, в Булгаре, и рассматривать следует районы, реально связанные с Булгарам. Но Киев в IX–X вв. еще не выходил на тот путь, которым в XII в. пройдет Идриси. И если считать «Славией» Новгород, то он, конечно, ближе к Булгару, чем Киев. Но «Славия» — Западное Поморье известна разным источникам. Это, видимо, и есть та самая «отдаленная часть страны славян», из которой, согласно Ибн Хордадбеihu и другим авторам, русские купцы вывозили меха и мечи. И остров Рюген, возвышающийся над славянскими племенами, видимо, с IX в. мог значиться в составе той же «Славии». Определенные разноречия в характеристиках «третьей группы» и «острова русов» проявляются в отношениях к иноземцам (благожелательное на «острове русов» и нетерпимое в Арсании). Но в Арсании информаторы авторов-географов не бывали, а слухи могли распространяться и в связи с какими-то конкретными событиями. На «острове русов» было трупоположение. Таковое было на Рюгене, а также в областях салтовской культуры. У язычников славян и у русов устья Немана сохранялось трупосожжение, но в Роталии были погребения салтовского типа: трупоположения с конем. В одеянии островных русов восточных писателей поражали широкие шаровары, на которые шло сто локтей материи. В рассказе о трех группах говорится о коротких куртках. Из Арсании вывозилось олово. А это значит, что она либо располагалась в гористой местности, либо торговала с производителями олова (добычей олова славились Британские острова).

Топонимы Арса-Арта и Арсания-Артания довольно широко распространены в Европе, встречаясь в Этрурии, Фракии и Вифинии, а также в Испании. Они, очевидно, принадлежат к одному из древнеиндоевропейских топонимических пластов, о котором ниже будет особый разговор. Пока отметим, во-первых, связь Руси с этим древним этносом, а во-вторых, — его географическую неопределенность. Как правило, широкое распространение топонима свидетельствует лишь о том, что в рамках родственных племен он может возникать независимо друг от друга (как, скажем, славянские «Быстрица» или «Серебрянка»). Больше данных для суждения о

823 В.А. Пархоменко. Три центра древнейшей Руси. ИОРЯС, XVIII, Кн. 2, 1913; А.И. Соболевский. «Третье» русское племя, Доклады АН СССР. 1929. (Автор имел в виду Крым).

824 Д.Т. Березовец. Указ. соч. С. 72.

местоположении Арсании дает указание, что, не пуская никого в свою страну, сами ее жители «спускаются по воде и торгуют, но не сообщают ничего о делах своих и своих товарах»⁸²⁵. Торгуют они с болгарами, греками и хазарами и ко всем ним, очевидно, приходят с верховьев рек: Волги, Дона, Днепра. Искать их, следовательно, необходимо либо в Прибалтике, либо в верховьях этих рек. В IX–X вв., в частности, существовало солидное раннегосударственное образование в районе Смоленска (знаменитое Гнездовское поселение и курганы), как-то особняком стоявшее на Руси.

Сюжет о трех группах Руси в позднейших переделках осложняется воздействием каких-то иных представлений. В «Худуд ал-Аlam» добавлено разъяснение, что именно из Арты (Уртаба) вывозят «очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое»⁸²⁶. Отразился этот сюжет и у ал-Идриси, путешественника середины XII в. Идриси дает расстояния, разделяя Куйабу, Арсу и Славу всего четырьмя днями пути, причем Арса помещается на укрепленной горе как раз посередине между двумя другими центрами⁸²⁷. Но столь малое расстояние явно не подходит для выделения существенно отличающихся друг от друга групп. Идриси, видимо, смешивал их с какими-то современными ему топонимами. Позднее Димашки, со ссылкой на Идриси, говорит о четырех группах славян, причем группу «барассийа» можно отождествить с «боруссией» — Пруссией, а «к. ра-к. рийа», возможно, производится от столицы Польши Krakowa. «Арсанийю» же он как будто помещает в «чащах и зарослях» побережья «Обнимающего океана»⁸²⁸. «Куябы» в этом перечне нет вообще, и, таким образом, получается, что все группы относятся к западным и балтийским славянам и, может быть, пруссам.

Оба рассмотренных сюжета относятся к IX в. (хотя сюжет о трех группах все-таки, видимо, моложе рассказов об островных русах). Но в восточной литературе имеются и другие сведения о Руси, которые относятся как к Западу, так и к Востоку, и отражают представления как более позднего, так отчасти и более раннего периода. Оставляя пока в стороне данные, относящиеся явно к Прибалтике, рассмотрим сведения, в которых могут разуметься причерноморские или салтовские росы.

Традиция этнонима «рос» в Причерноморье начинается с IV в.: именно применительно к IV в. упоминает по соседству с готами росомонов автор VI

825 А.П. Новосельцев. Указ. соч. С. 411.

826 Там же. С. 412.

827 Там же. С. 413.

828 Б.Н. Заходер. Указ. соч. С. 103.

столетия Иордан⁸²⁹. Вслед за Иордановыми росомонами здесь появляются «росы» сирийского автора VI в.⁸³⁰. Упоминаются русы и в восточных источниках XI–XV вв., но применительно к тому же VI столетию. А.П. Новосельцев привел два таких сюжета: один у автора начала XI в. ас-Са'алиби, второй — у хрониста XV в. Захир ад-дина Мар'аши⁸³¹. У первого автора русы названы рядом с турками и хазарами в рассказе о постройке Дербентской стены. Второй автор помещает русов где-то в районе, примыкающем к Северному Кавказу.

Локализация русов рядом с хазарами и тюрками довольно широко отражается в восточной литературе. В анонимном сочинении, составленном в 1126 г., в частности, приводится предание, будто «Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное (для нас двоих). Такой же ответ дали Кимари и Хазар. Между ними началась ссора и сражение. И Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян»⁸³². «Рус в этом тексте — сосед Хазара и Кимари, за которым едва ли не стоит Киммерик (т. е. область Восточного Крыма). Согласно тому же анониму, Рус и Хазар были от одной матери и отца», а «остров русов» оказывается на территории страны Хазара⁸³³. В «Космографии» Димашки о русах говорится, что «у них в море Майотис острова, которые они населяют, и боевые корабли»⁸³⁴. Здесь, очевидно, указано именно на Азовское (Меотское) море. По утверждению же египетского историка XV–XVI вв. Ибн Ийаса, Русы — большие народы из тюрок»⁸³⁵. О том, что «Русы находятся на островах», сообщает и автор XIII в. Мубарак-шах⁸³⁶. Но в этом случае могут разуметься и острова Балтийского моря, где их, конечно, больше, чем в Приазовье, и они удобнее для постоянного проживания. Димашки же в Прибалтике поместил славян (четыре группы) и варягов, а для Руси у него остался юг.

Если в восточных источниках постоянно смешивались острова и побережья Балтийского и Черного морей, когда речь идет о русах, то и в европейские источники в известной мере проникла подобная путаница (если

829 Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 91. См. там же comment. Б.Ч. Скржинской. С. 279–280.

830 См.: Н.В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941. С. 84, 166; ее же. Имя Рус в сирийском источнике VI в. Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

831 А.П. Новосельцев. Указ. соч. С. 362–363.

832 Там же. С. 391.

833 Там же. С. 401.

834 Б.Н. Заходер. Указ. соч. С. 79–80.

835 Там же. С. 80.

836 Там же. С. 79.

только речь идет о простой путанице). Комментатор Адама Бременского, сделавший свои пояснения вскоре после завершения труда (1075) дополнил основной текст о диких варвалах, населявших острова у южного и юго-восточного берегов Балтики, упомянутым выше уточнением о русах-турках⁸³⁷. Собственно, речь идет об остатках «скифских» народов, которых автор смешивал с «турками» явно под влиянием Иосипона, ошибочно отнесшего к «роду тюрок» алан. В Западной Европе «турками» иногда называли венгров, и это было оправдано, поскольку тюркский элемент присутствовал и, может быть, даже преобладал в социальных верхах мадьяр. Тюркские элементы проникали туда ранее с восточными гуннами, аварами, болгарами. Но все эти группы не выходили за пределы Среднего Дуная. В Прибалтике же явно видны следы «скифских» (как верно отмечено в комментарии), то есть ираноязычных в прошлом народов, причем они существенно различались между собой, видимо, потому, что попадали туда в разное время. В данном случае существенно и то, что комментатор отделял часть жившего у моря населения не только от германцев, но и от славян и пруссов.

Персидский историк XIII в. Фахр ад-дин Мубарак-шах указал и еще на одну любопытную цепь связи Хазарин и Руси, уходящую, видимо, ко времени не позднее IX в.: «У хазар, — сообщает он, — есть такое письмо, которое происходит от русского; ветвь румийцев, которая находится вблизи них, употребляют это письмо, и они называют румийцев russami. Хазары пишут слева направо и буквы не соединяют между собой. У них 21 буква... Та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудейство»⁸³⁸.

Совершенно очевидно, что письмо, заимствованное хазарами от руссов, не имеет отношения к славянскому письму. Но это не греческое, и не иудейское письмо. Алфавит начинался с буквы «Ш», а первой буквы иврита и греческого алфавита — «алефа» — в нем не было вообще. Вместе с тем восточный автор обратил внимание на способ написания типично западный: слева направо. С этим «русским» письмом Хазарии (или Алании) должно быть сопоставлено и еще одно письмо: именно «русьские письмена», обнаруженные Константином

837 Magistri Adam. Op. Cit., P. 245: «Usque hodie Turci, qui prope Ruzzos sunt, ita vivunt, et reliqui Scithiae populi». «Вплоть до нынешнего времени Турки, которые являются собственно Русами, там живут, и остатки скифских народов». Мнение о том, что «комментатор» — сам Адам, явно несостоятельно: слишком часто проявляется полное несовпадение комментариев с основным текстом.

838 Б.Н. Заходер. Указ. соч. С. 152–153; Ср.: Г.Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971. С. 96–97. Автор доказывает, что отмеченные особенности были свойственны древнеосетинскому и сирийско-неисторианскому письму.

Философом во время его поездки в Крым и затем в Хазарию в 861 г.⁸³⁹ Этими «письменами» были написаны Евангелие и Псалтирь. И, следовательно, предполагается присутствие в Крыму прослойки русов-христиан уже в середине IX в., то есть ранее возникновения Тмутараканской епархии при патриархе Фотии (ум. 867).

Мнение Березовца о тождестве русов с населением салтовской культуры имеет определенное основание. Их этимологический исток заложен уже в этнониме роксаланы — светлые или белые (в социальном смысле) аланы, то есть та часть аланских племен, которая претендовала на первенство среди них. Русы, например, смешиваются с аланами у Низами⁸⁴⁰. А в Азербайджане X–XI вв., как заметил С.П. Толстов, русов должны были знать⁸⁴¹. Но «конные» русы, «белые» русы — не единственное с таким именем племя и на юге, не говоря уже о Западной Европе. «Повесть временных лет» постоянно говорит о «ясах и касогах» — аланах и черкесах, ни разу не называя их «русами». И не только на Балтике и в Киеве, но и на Крымско-Тмутараканском побережье были и иные «русы», коих воспел автор «Слова о полку Игореве». И эти русы традиционно связывались с морем. Само название Черного моря как «Русского» — определенное переосмысление. Кельтские саги выводили себя из мест, близких к «Маре Руад» — Красному морю. В славянских языках вплоть до XVI в. море называлось «Чермным», то есть «Красным». Красный цвет до XVII в. вообще обозначался словом «чermный» («Черная Русь» на Немане — тоже произошла из «Чермной» Руси). И название «Русское море» — вариант традиционного названия, увязываемый с этнонимом.

Значению этнонима «Русь» (исходя из представления о существовании одной «Руси») посвятил весьма полезное исследование В. Завитневич. Он отправлялся от заключения современника конфликта Константинополя и Киева в середине X в. лангобарда Лиудпранада, проживавшего в Северной Италии: «Это есть северный народ, который Греки по наружному качеству называют Руссами, а мы по положению их страны Нордманнами»⁸⁴². В. Завитневич напомнил и вроде бы давно и хорошо известные источники. Популярный у

839 См.: Н.К. Никольский. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в «Житии Константина Философа», ИОРЯС. Т. 1, Кн. 1. Л., 1928; П.А. Лавров. Евангелие и псалтирь, «роусьскими» (роушкими) письмены писаны, в «Житии Константина Философа». Там же: В.А. Истрип. Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 452–456.

840 Низами Гянджеви. Исказдер-Намэ. 4.1 Баку, 1940. С. 312: «Русские бойцы из аланов и арков». У Низами это — конный народ.

841 С.П. Толстов. Из предыстории Руси СЭ. С. VI–VII. М. Л., 1947. С. 40.

842 В. Завитневич. Происхождение и первоначальная история имени Русь Ott. ИзТКДА, 1892, Jvfe 11. С. 25. Ср.: MGH SS. T. III, P. 331.

первых русских летописцев Георгий Амартол (ок. 867 г.) дал описание нападения росов на Константинополь. В описании хрониста, нападавшие «своим видом показывали кровопролитие». Примерно так же воспринимался библейский Рос (Рош). Вообще пурпурный цвет напоминал кровь и огонь. «Румяными или рыжими» представлял в начале X в. русов-торговцев в Великом Булгаре арабский автор Ибн-Фадлан. От «цвета лица и власов» выводил название «Русь» автор Хронографа «второй редакции»⁸⁴³. Обозначение цвета помогает и различению разных видов русов: восточных (белых) и западных. Особенно важен этот указатель при проведении границы между «красными» и «белыми» в юго-восточной части Прибалтики, да и на всем Волго-Балтийском пути.

С конца IX в. русы неоднократно вторгаются в прикаспийские области, проникая до Бердаа. Нападения русов около 912–913 и 943–944 гг. отражены во многих, в том числе и в близких по времени к событиям, восточных источниках. Одним из наиболее осведомленных и авторитетных авторов середины X в. является Масуди. Им, между прочим, было отмечено, что «Руссы состоят из многих народностей разного рода»⁸⁴⁴. Это указывает на определенный отрыв претендентов на первенство среди родственных племен от собственной этнической почвы — явление нередкое в эпоху перехода от племенного строя к государственному. Имело значение, конечно, и соседство с весьма агрессивным Хазарским каганатом. К тому же Масуди мог объединять под одним именем и этнически разноплеменных русов. Масуди хорошо представляет Меотское или Хазарское (в данном случае Азовское) море, соединяющееся 10-мильным проливом с «Русским» морем. Пролив служит защитой для прилегающих районов от кораблей «Кудкана» и «других племен русов». Самое многочисленное племя русов называется, по Масуди, эль-Лудзана (ал-Луд'ана).

Масуди бывал в южных прикаспийских областях и на Кавказе, а потому представления его вызывают особый интерес. Как и другие восточные авторы, он прежде всего становится объектом спора норманистов и антнорманистов. Так, В.Ф. Минорский «самое многочисленное племя» читал как ал-Урмана и таким образом отождествил русов с норманами⁸⁴⁵. От такого рода

843 В. Завитневич. Указ. соч. С. 31–36.

844 Д. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Ибн Даста. 1869, С. 166; А.Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870. С. 130. Ср.: Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1908, февраль. С. 389.

845 В.Ф. Минорский. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 25.

идентификации лучше бы воздерживаться хотя бы до тех пор, пока не выяснится, каких именно русов имел в виду Масуди.

Как и у многих других восточных авторов, у Масуди Прибалтика приближена к Причерноморью. Он знает прибалтийских славян и распространяет их земли вплоть до Хазарии⁸⁴⁶. Знает он и о самых тесных контактах прибалтийских славян и русов. Но русов он все-таки локализует на юге, в Причерноморье. Это хорошо видно из его объяснения пути, которым русы вторглись в 844 г. в Андалузию (Испанию), где они разграбили Севилью. Масуди возражает против мнения, что русы пришли через Гибралтарский пролив. «Я думаю, а Аллах лучше знает, — добавляет он, — что этот пролив соединяется с морями Майтас и Понтос, а этот народ — рус, о котором мы уже упоминали, ибо никто, кроме них, не ходит по этому морю, соединяющемуся с морем Океан»⁸⁴⁷. В данном случае не имеет значения маршрут пиратов-русов. Важно, что с точки зрения, Масуди русы жили в Причерноморье близ Азовского моря.

Примечательно, что оба больших похода на Каспий русы совершали параллельно с походами киевских князей на Константинополь. В первом случае операции на Черном море и на Каспии могут все-таки быть совмещены, как последовательно развивающиеся во времени: в 911 г. Олег заключил мирный договор, в 912–913 гг. русы отправляются на Каспий. Но имеются в описании этих двух операций и трудно сопоставимые разноречия. По летописи, ладьи Олега вмещали по 40 мужей (по другой версии, ладьи имели 12 «уключин», т. е.весельных мест, что также предполагает команду из 40 мужей — три смены весельных и рулевых)⁸⁴⁸. По Масуди, на Каспий прибыло 500 судов по 100 чел. в каждом. Это более крупные, морские суда. Масуди знает, что русы прошли из Черного моря в Азовское, затем поднялись «рукавом реки» до «Хазарской реки», т. е. Доном (он считался рукавом Волги) до волока на Волгу, по которой и спустились на Каспий⁸⁴⁹. На Каспии русы несколько месяцев жили на островах, как люди, привыкшие к морскому образу жизни. При возвращении назад они были полностью перебиты хазарами.

Русские летописи ничего не знают о походах на Каспий. Они зафиксировали восторженно преувеличенное предание об успешном походе

846 Ср.: А.П. Ковалевский. Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

847 См.: Т.М. Калинина. Ал-Масуди о расселении русов 1 Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978. С. 21.

848 ЛЛ. С. 30.

849 Ср.: В.В. Бартольд. Соч. Т. II. М., 1963. С. 829–830.

Олега на Константинополь, для чего, как минимум, необходимо было, чтобы певцам было кого прославлять. На Каспий, очевидно, ходило другое крупное войско (иначе русы не смогли бы на протяжении многих месяцев господствовать над густонаселенными районами). Все это войско погибло. Трудно представить, что столь крупная неудача не повлияла даже на описание княжения «вещего Олега».

О походе русов на Бердаа в 943–944 гг. сообщает ал-Макдиси (ок. 966), Ибн-Мискавейх (кон. X в.), Ибн-ал-Асир (XIII в.), воспроизведивший рассказ воевавшего с русами правителя Азербайджана Марзбана.⁸⁵⁰ В этом рассказе говорится о приходе русов к берегам Куры, где и развиваются основные события. Русы пытались установить сотрудничество с местным населением, предполагая, возможно, обосноваться здесь навсегда. Мусульманский автор, во всяком случае, не сомневается в искреннем желании русов поддерживать определенный порядок в округе и вину за срыв этой попытки возлагает на своих единоверцев. В конце концов русы ушли из-за начавшихся в их стане эпидемий, что, по мнению Бартольда, произошло не раньше лета 945 г.⁸⁵¹ Ал-Макдиси, описывавший эти события два десятилетия спустя, отмечает, что русы «владели Бердаа в течение года и издевались над мусульманами, и насильничали над их харимами, как никогда еще не делали этого никакие язычники. И вот погубил всех Аллах при помощи холеры и меча»⁸⁵².

Поход 943–945 гг. и вовсе не может быть совмещен с деятельностью киевского князя Игоря, поскольку он приходится как раз на время неудачного предприятия князя. Правда, в литературе имеется мнение, что на восток отправились варяги во главе с Халевгу, упоминаемом в еврейско-хазарской переписке X в., и известным по русским летописям воеводой Свенельдом. М.И. Артамонов полагал, в частности, что это произошло после успешного похода Игоря на греков в 943 г.⁸⁵³ Автор при этом вполне доверяет летописному сообщению о втором успешном походе руси на греков, отвергая тем самым данные византийских и иных источников о поражении Игоря, а также условия договора руси с греками 944 г., в которых явно отражается неудача киевского

850 См.: А.Я. Якубовский. Ибн Мискавейх о походе русских на Бердаа в 332 г., ВВ. Т. XXIV. Л., 1926. С. 69; В.В. Бартольд. Указ. соч. С. 844–845; В.М. Бейлис. Народы Восточной Европы в кратком описании Муттхахара ал-Макдиси (Х в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. П. М., 1969.

851 В.В. Бартольд. Указ соч. С. 847.

852 В.М. Бейлис. Указ. соч. С. 309.

853 М.И. Артамонов. Воевода Свенельд // Культура Древней Руси. М., 1966. См. также: Н.Я. Половой. К вопросу о первом походе Игоря против Византии. ВВ. Т. XVIII. М., 1961.

князя⁸⁵⁴. Поход же на Бердаа представляется автору вполне успешным, вопреки тому, что сообщает, например, ал-Мақдиси.

Летописцы хорошо понимали, сколь трудное дело — поход на Константинополь, а потому задним числом включили в состав войска Игоря ополчения из тех племен, которые к этому времени в состав Руси еще не входили. Оба предприятия по размаху вполне стоили друг друга. Очевидно, русы, отправлявшиеся на Каспий, не были подвластны Игорю. Эти русы, судя по мимоходом сделанному замечанию, умерших предавали земле, зарывая с ними и оружие. Мусульмане позднее раскапывали эти захоронения с целью овладения погребальным инвентарем русов, в особенности их мечами.

Еврейско-хазарская переписка относится к середине X в. и сохранилась в рукописи XI–XII вв. Упомянутый выше Халевгу назван в ней «царем русов». По наущению византийского императора Романа Лакапина (920–944) Халевгу совершил нападение на хазар, взяв город Самбараи (Смкрц, Смкрия, Самкуш). Но хазары укротили русского правителя и в свою очередь заставили его идти на греков. Четыре месяца Халевгу воевал с греками на море и потерпел поражение от греческого огня. Стыдясь вернуться в свою страну, он пошел морем в Персию (или Фракию), где погиб вместе со своим войском. После этого русы стали подвластны хазарам⁸⁵⁵.

«Кембриджский документ» (так называется пересказанный документ) подозревается как подлог XI в. Одним из аргументов в пользу этого мнения служит несоответствие его показаний данным русских летописей. Но еще В. А. Пархоменко высказал мысль, что Халевгу был правителем не Киевской, а Тмутараканской Руси⁸⁵⁶. Этого предводителя русов вообще не стоит притягивать к киевскому Олегу, ходившему на греков в 911 г., или же Олегу — воеводе Игоря, совершившему поход, согласно Новгородской 1 летописи, в 922 г.⁸⁵⁷. Причерноморье в районе Крыма и Таманского полуострова в какое-то время в X в. находилось в зависимости от хазар. Киевская же Русь освободилась от хазарской зависимости в IX в. и больше таковой не испытывала.

854 См. А.Г. Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 108–109, 266–268, 332–333. По договору Игорь обязуется в любое время предоставлять войска для защиты Корсуня. Русам запрещается зимовать в Белобережье и на устье Днепра (Ср.: ЛЛ. С. 49–50).

855 В.В. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932; В.В. Бартольд. Указ. соч. С. 827–828. Норманисты имя «царя» обычно читают как «Хельги», сближая со шведским «святой», от какового производятся и имена Олега и Ольги. Но, как разъяснил на симпозиуме в Кирове шведский ученый Л. Грот, имя «Хельге» могло появиться в Швеции не ранее конца XI–XII вв., когда в Швеции распространяется христианство. См.: Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 153.

856 В. Пархоменко К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега. ИОРЯС.Т. XIX, Кн. 1. СПб., 1914.

857 Н1Л, 108–109. О дате см.: А.Г. Кузьмин. Указ. соч., С. 104.

Недавно из «Кембриджского архива» извлекли документ в несколько строк — просьба еврейского купца из Киева о помощи в оплате долга. Документ был включен в издание Н. Голба и О. Прицака «Хазаро-еврейские документы X в.» (Лондон, 1982) и переведен с комментариями В.Я. Петрухина в издательстве «Гешарим» (Москва—Иерусалим, 1997—5757 — год еврейского летосчисления). Н. Голб — филолог-гебраист, О. Прицак — известный своими фантазиями американо-украинский тюрколог⁸⁵⁸. Здесь дается своеобразная этимология этнонима «Киев». Обозначив название как «иранское», авторы затем заключают, что «Киев как город и поляне как клан основателя Кия связаны с хазарами. Источники даже прямо называют этот род хазарами»⁸⁵⁹. Само название «Киев» авторы ищут в иранских и тюрко-хазарских древностях. Между тем достаточно открыть «Этимологический словарь славянских языков», чтобы убедиться, что подобные топонимы встречаются практически во всех славянских землях⁸⁶⁰. И не будет ничего удивительного, если параллели найдутся и в ранней индоевропейской письменности: славянский язык один из самых архаичных.

У ряда восточных авторов имеется сообщение, будто русы в 912–913 г. (300 г. хиждры) приняли христианство, что сразу сделало их небоеспособными и беспомощными перед лицом внешних сил. Дабы выйти из такого положения, они организуют посольство в Хорезм с целью принятия ислама. В посольство входили четыре приближенных царя, называемого Уладмир (или Буладмир). В итоге русы перешли в ислам⁸⁶¹.

Разные русы крестились в разное время. На Дунае руги-русы принимали арианство еще в IV–V вв. С IX в. христианство распространяется и у русов и славян Прибалтики. При Фотии (ум. 867) христианство приняли причерноморские росы, в 932 г. — аланы. В середине X в. в Киеве была и церковь, и христианская община. Могла перейти в христианство и еще какая-то группа русов в начале X в. Но имя Уладмир слишком напоминает крестившего Русь Владимира. Поэтому обычно в сообщении видят путаницу как хронологическую, так и фактическую. Ясно, что Киевская Русь, да и Причерноморская в мусульманство не обращались. И знакомство Киева и

858 См.: А.П. Новосельцев. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 62.

859 Там же. С. 76.

860 ЭССА. Вып. 13. М., 1987. С. 256–257.

861 Б.Н. Заходер. Указ. соч. С. 146–147; В.М. Бейлис. К оценке сведений арабских авторов о религии древних славян и русов ' Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. III. М., 1974. С. 85–87.

балтийских русов с мусульманским миром осуществлялось через Волжскую Болгарию, а не Хорезм. Другое дело русы, осваивавшие Каспий. Аланы в конечном счете такой путь и проделали: сначала перешли в христианство, а затем в ислам. Весьма вероятно, что весь этот сюжет относится к какой-то группе салтовцев. Но за ним стоит представление именно о южной локализации Руси.

Таким образом, восточные источники IX–X вв. весьма сбивчиво и противоречиво, но настойчиво указывают на разные Русии — Причерноморскую, Салтовскую, Балтийскую и очень редко — Киевскую. И путь с Балтики к «Русскому» морю проходил в основном по Дону. Не случайно в среднем течении Оки, примыкающем к верховьям Дона, фиксируется наибольшее количество кладов восточных монет. (Только из поселения Борки, расположенного вблизи нынешней Рязани, в Рязанском музее имеется семь кладов арабских дирхем, а по информации школьников, принесших такой клад в 1957 г., в поселке такие монеты «есть у всех»).

Некоторые сведения о Балтийской Руси будут рассмотрены ниже. Здесь же рассмотрим византийские известия того же периода, поскольку византийцы с «росами» соприкасались более непосредственно. Особый интерес в этой связи представляют те источники, в которых «росы» упоминаются ранее т. н. «призвания» варягов-руси.

Позднейшие авторы часто допускают анахронизмы. Так, византийский писатель XIV в. Никифор Григора упоминает о «русском» князе при дворе Константина Великого (IV в.)⁸⁶². В эпоху Константина Великого «русским» князем могли титуловать кого-то из ругов или росомонов, которые перемещивались в движениях с северо-запада на юг и юго-восток и с востока на запад. Поэт XII в. Манасия называет русов в числе участников нападения под эгидой аварского кагана на Константинополь в 626 г.⁸⁶³. Это сообщение кажется вполне достоверным, во-первых, потому, что примерно в это время русов упоминают и восточные авторы, во-вторых, потому, что русы названы здесь моряками в отличие от совершенно незнакомых с морским делом аваров. Правда, в других византийских источниках говорится о моряках-славянах, а не о русах.

Большего внимания, видимо, заслуживает упоминание «русов» в летописи Феофана (ум. 817). Под 773 г. в хронике говорится о том, что император

862 Ср.: М.М. Тебеньков. Происхождение Руси. Тифлис, 1894. С. 68.

863 Там же. С. 68–69. Ср.: С. Гедеонов. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. СПб., 1862. С. 55–57.

Константин Копроним в поход на болгар послал 2000 хеландий, а сам на «русской» хеландии поплыл к устью Дуная⁸⁶⁴. Разногласия в этом случае вызываются двоякого понимания словосочетания «та роусиа»: как «красные» и как «руssкие». Но особой необходимости строить какие-либо выводы на этом замечании нет, поскольку Русь упоминается в двух памятниках, близко стоящих к этому времени. Это жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, мастерски проанализированные В.Г. Васильевским⁸⁶⁵.

Как источник особенно значительно первое, так как оно дошло в списке Х в. В житии упоминается эпизод нападения руси на Амастриду (область Пафлагонии в Малой Азии). Васильевский установил, что житие было написано между 820 и 842 г. Попытки оспорить эту датировку остаются совершенно неубедительными⁸⁶⁶. Но дело даже не в том, что это первая половина IX в., а в том, что речь идет о народе «хорошо известном, в высшей степени диком и грубом». «Хорошо известное» в данном случае — это традиционное представление о коренном населении Крыма — таврах. Именно тавров имел в виду и Манасия, когда он отождествил их с русами. В житии подчеркивается, что «древняя таврическая ксеноктония (принесение в жертву иностранцев, о котором писали еще древние авторы. — А.К.) остается юной»⁸⁶⁷. Иными словами, русы в этом памятнике рассматриваются как прямые наследники тавров.

Житие Стефана Сурожского, в котором упоминается о нападении русов на Сурож в конце VIII или начале IX в., дошло лишь в славянском списке XV в. и краткой греческой редакции. Однако и в нем Васильевский выявляет древнюю историческую основу. Кое-что в этом плане может дать и имя предводителя русов: Бравалин. Его трудно было выдумать русскому автору, поскольку оно ничего не значит в славянских языках, как, впрочем, и в германских. Тем не менее, оно имеет параллели и, видимо, объяснение на дальнем северо-западе Европы. Согласно Саксону Грамматику, в 786 г. произошла Бравалльская битва (по названию местности Бравалла) между датчанами и фризами. Имя «Бравалин» может означать либо выходца из Браваллы, либо участника этой битвы. Аналогичные имена (в том числе возникшие от топонимов) имеются в

864 М.М. Тебеньков. Указ. соч. С. 71.

865 В.Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. Вып. II. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893; его же: Труды. Т. III. СПб., 1915.

866 Ср.: Е.Э. Липшиц. О походе руси на Византию ранее 842 года. ИЗ. Т. 26. М.-Л., 1948; М.В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 45–55.

867 В.Г. Васильевский. Труды. Т. III. С. 64, СXXXIX; Ср.: С. Гедеонов. Отрывки.... С. 60–61; А.Н. Насонов. Тмутаракань.... С. 80–81.

Северной Франции⁸⁶⁸. Бравалин, таким образом, оказывается выходцем с северо-запада. Кстати, в русских редакциях жития он и называется князем «Новгородским».

Никем не оспаривается подлинность двух посланий патриарха Фотия (860 и 867). Первое было адресовано населению, осажденному русами. Патриарх подчеркивает «второсортность» неприятеля: «О город, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается над тобою, как над рабою? Необученное и набранное из рабов... Те, которых усмиряла самая молва о ромеях, те подняли оружие противу их державы». До нападения на Константинополь это был «народ, считаемый наравне с рабами». С другой стороны, в послании имеется намек на предшествующие контакты с русами: «Эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление их соплеменников и справедливо требовали кары»⁸⁶⁹.

«Окружное послание» Фотия 867 г. определенно свидетельствует о возвышении какого-то местного народа: «Народ, столь часто многими превозносимый и превосходящий все другие народы своей жестокостью и кровожадностью, т. е. Россы, которые, покорив окрестные народы, возгордились и, имея о себе весьма высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу, теперь и сами переложили нечестивое языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру и, приняв епископа и пастыря, ведут себя как преданные сыны и друзья, хотя незадолго перед этим тревожили нас своими разбоями и учинили великое злодеяние»⁸⁷⁰.

«Окружное послание» патриарха епископам — официальный документ, свидетельствующий об утверждении «русской» епархии. Эта епархия неизменно упоминается в церковных уставах византийских императоров, по крайней мере, с Льва VI (886–912), занимая 61 место в перечне⁸⁷¹. Позднее она становится архиепископством. В отличие от Киевской Руси, эта «Росия» попадает в конце концов под власть Константинополя. В договоре между Византией и Генуей 1169 г. генуэзским кораблям разрешается торговать по всем

868 Ср.: A. Dozat. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France, 1951, P. 66: Breval, Breville; P.H. Reancy. The Origin of English surnames. London, 1967, P. 151: Rawlin — бretонское имя.

869 Е. Ловягин. Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь / Христианское чтение, 1882, сентябрь-октябрь. С. 426, 431 и далее; Ср.: С. Гедеонов. Отрывки.... С. 70–73.

870 Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I. М., 1880. С. 32; М.В. Левченко. Указ. соч. С. 77.

871 Ср.: Д.И. Иловайский. Разыскания.... С. 243. В конце XI в. появилась митрополия «Новая Россия», которую отождествляют либо с Черниговом, либо с городом в Причерноморье (Ср.: А.В. Поппэ. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии. ВВ. Т. XXVIII. М., 1968. С. 98—102). По логике возникновения имени его следовало бы помещать в Причерноморье, где находилась и «старая» Россия. Географ Раввенский упоминает где-то в Крыму город «Малоросса» (С. Гедеонов. Отрывки.... С. 59.).

владениям Византии, но для посещения Росии и Матрахи (Тмутаракани) требовалось особое разрешение⁸⁷². Росия здесь отделена и от Тмутаракани. На основе ряда упоминаний есть основания отождествлять Росию с Боспором, т. е. городом, расположенным на территории нынешней Керчи⁸⁷³.

Как известно, византийские авторы довольно последовательно называют Русь (Рос) таврами, тавроскифами, иногда скифами. Очень часто такое обозначение в литературе воспринимается как отражение только книжной традиции. Между тем сами византийцы имели в виду реальные этнические признаки. Так, у хронистов Скилицы и Кедрина в связи с событиями середины XI в. сообщается, что «на все, находящееся внутри Эвксинского понта, и на все его побережье нападал русский флот (народ же рос — скифский, живущий у северного Тавра, дикий и грубый), и на самый царствующий град навлекли они страшную опасность»⁸⁷⁴. Автор IX в. Никита Пафлагонский, имея в виду русь, пишет, что «скифы с северных берегов Черного моря приходят в Амастриду вести торговые дела»⁸⁷⁵. С. Гедеонов отметил преемственность византийской историографической традиции: под названием тавры или тавроскифы «разумеются обитатели Крымского полуострова»⁸⁷⁶. Это понимание в полной мере относится и к руси, отождествленной с таврами или тавроскифами во многих памятниках X–XII вв. При этом у упомянутого выше Манасии скифы (видимо, болгары и славяне) VII в. отличаются от «неистовых тавроскифов»⁸⁷⁷.

Показания византийских и восточных источников столь определены, что даже такой осторожный исследователь, как А.Н. Насонов, считал вопрос совершенно ясным. «Не подлежит сомнению, — заметил он, — что в IX в. как у византийцев, так и у арабов с представлением о «руссах» связывалось представление о Тавриде: руссов они представляли себе обитателями Тавра»⁸⁷⁸. Здесь можно только сделать оговорку: восточные авторы обычно смешивают причерноморскую и салтовскую «Русь», заезжая часто и в Прибалтику, а византийцы говорят почти исключительно о «таврических» русах. К выводу о существовании Руси в Крыму пришел также Д.Л. Талис, принимающий в общем мнение Березовца о ее салтовской природе. Поскольку салтовская

872 См.: А.Н. Насонов. Указ. соч. С. 97.

873 Ср.: Д.Л. Талис. Росы в Крыму. С. 88. См. также: Б.А. Рыбаков. Русские земли на карте Идриси 1154 года // КСИИМК, вып. 43. М., 1952. С. 19–20 (отождествление России с Корчевым — Керчью). Столица Боспора — Пантикопей (назывался в раннем средневековье Боспором) находилась как раз на территории Керчи (гора Митридат).

874 М.В. Левченко. Указ. соч. С. 53. Ср.: С. Гедеонов. Отрывки.... С. 53–54.

875 М.В. Левченко. Указ. соч. С. 58.

876 С. Гедеонов. Отрывки.... С. 54.

877 Там же. С. 56.

878 А.Н. Насонов. Указ. соч. С. 80.

культура погибает в начале X в., автор этим временем склонен датировать и гибель Причерноморской Руси⁸⁷⁹. Но такому заключению противоречит то же «Слово о полку Игореве». Поэтому выводы автора необязательны как в отношении этнической атрибуции, так и времени окончательной гибели русского этнического образования в Крыму и Тмутаракани.

Еще в XIX в. было обращено внимание на топонимы с корнем «рос» в Крыму и Приазовье. Шахматов посвятил специальное исследование встречающимся в каталонских и итальянских портоланах XIII–XVI вв. топонимам Рoccoфар и Варанголимен⁸⁸⁰. Он указал и на ряд других топонимов с корнем «рос», хотя данный топоним склонен был выводить из итальянского *rosso* — «красный» и объяснял как «Красный маяк»⁸⁸¹. Талис основательно усомнился в надежности и логичности такого объяснения, поскольку другие аналогичные топонимы, включая Варанголимен, имеют явно этническое значение⁸⁸². Новое прочтение этим топонимам дал О.Н. Трубачев. Так, сочетание *Ross Tar* он объяснил из древнеиндийского (индоарийского) как «светлый берег»⁸⁸³. Автору важно подчеркнуть, что известное объяснение имени «роксаланы» как «светлые аланы» ведет в действительности не к иранскому, а к древнеиндийскому языку. Для этнической атрибуции причерноморских росов вывод чрезвычайно важный. Но в данном случае все-таки речь может идти и о «российскем береге».

Как было отмечено, Масуди именовал Черное море «Русским». Так же его именуют Идриси и Димашки. «Русским» это море называет и Начальная летопись. А.В. Соловьев называет еще целый ряд источников, также именующих его «Русским». Среди них один русский (описание Константинополя архиепископом новгородским Антонием), два французских (XII–XIII вв.), еврейский (XII в.), три немецких (Еккехард, Анналист Саксон и Гельмольд)⁸⁸⁴. Поистине международное признание Черного моря «русским» — важное свидетельство в пользу существования Причерноморской Руси.

879 Д.Л. Талис. Указ. соч. С. 98. См. также: С. 91: «В соответствии с греческими и арабскими письменными источниками и данными топонимики можно утверждать, что не позднее во всяком случае первой половины X в. в Западной и Восточной Таврике, а также в Северном и Восточном Приазовье обитал многочисленный и известный своим соседям народ, который византийские авторы называли росы, тавроскифы, скифы или тавры, а арабские писатели — русы». Неточность заключается в том, что это были (часто смешанные) два разных этноса.

880 А.А. Шахматов. Варанголимен и Рoccoфар // Историко-литературный сборник. Посвящается Всеволоду Михайловичу Срезневскому (1891–1916 гг.). Л., 1924.

881 Там же. С. 131.

882 Д.Л. Талис. Указ. соч. С. 97.

883 О.Н. Трубачев. Лингвистическая периферия.... С. 27. С этим объяснением хорошо согласуется славянское «Белобережье» (на что и указывает автор). Но Белобережье располагалось в низовьях Днепра.

884 Soloviev. Mare Russiae // Die Welt der Slaven. J. IV, H. 2, Wiesbaden, 1959.

Название это идет не от славян. Летописец лишь один раз замечает, что море «словет Руское», но предпочитает именовать его по-гречески «Понтом». Он не понимает ни значения, ни условий возникновения имени, унаследованного вместе с именем «Русь».

А.В. Соловьев не учел еще нескольких источников, в которых упоминается «Русское море». Это упомянутые выше ирландские саги⁸⁸⁵. Правда, там оно называется *Mare Ruad*. Но это тоже обозначение «красного» цвета, как и славянское «чermный».

У восточных авторов (в частности Масуди и Идриси) упоминается также «Русская река», под которой обычно разумеют Дон с Северским Донцом⁸⁸⁶. В этом названии, очевидно, отражается чисто этническое начало. И называется река так либо потому, что по ее берегам проживали русы (салтовская культура), либо потому, что река служила путем, которым чаще всего пользовались русы в своих походах и передвижениях. Что же касается названия «Русское море», то оно изначально, возможно, и не связывалось с этническим определением: «красное» — значит «красивое». Так его, между прочим, могли называть переселенцы с холодного севера. И в таком случае название может принадлежать тем переселенцам, которые знали и какое-то иное море.

Таким образом, факт существования Руси в Причерноморье в VIII–X вв. не может вызывать сомнений. В сущности, сама полемика по вопросу ее существования вызывалась тем, что многие исследователи искали Русь славянскую. А.В. Гадло, в частности, пришел к отрицательному заключению именно потому, что не нашел в рассматриваемый период в Крыму и Приазовье следов славянской материальной культуры. Но это препятствие немедленно исчезает, как только делается допущение, что эта «Русь» не была славянской и что восточные авторы со знанием дела говорили о двух или трех видах «руси». Зато много вопросов возникает в связи с определением ее действительной этнической принадлежности. Решение этого вопроса в значительной степени зависит от установления времени появления этого этноса в Причерноморье, а также о характере его взаимоотношений с Русью Приднепровской и с балтийскими и дунайскими Русиями. Важно, в частности, уяснить связь росомонов IV в. с росами VIII–X вв., а также место росомонов в рамках Черняховской культуры (II–IV вв.). Необходимо учитывать возвращение части ругов и гуннов на Средний Днепр и в Северное Причерноморье после распада

885 См.: G. Lehmaher. Goedel Glasse. ZCPH, B.XIII. Halle, 1921, S. 156; V.Hull. The Milesian Invasion of Ireland. Ibid., B. 19, 1931, S. 156.

886 Ср.: Б.А. Рыбаков. Русские земли.... С. 20–21; Д.Т. Березовець. Указ. соч. С. 67.

гуннской державы Аттилы, о чем говорит Иордан и что отмечено пальчатыми фибулами, привнесенными с Дуная на Средний Днепр и в Причерноморье, а также учитывать, что упоминаемые со II в. гунны в Причерноморье, а также держава Аттилы на Дунае — это фризы с побережья Северного моря.

По заключению А.В. Гадло, «этническая группа, обитавшая в Южном Приазовье, была носителем высокой самобытной культуры, родственной культуре всей Южно-Русской степи хазарского времени, которая опиралась на традиции древних земледельческих культур Кавказа. Конец развитию этой культуры был положен на юге Восточной Европы печенежским вторжением на рубеже IX–X вв.»⁸⁸⁷. Автор полагает, что «основная масса средневековых поселений возникла не в результате оживления или возрождения старых земледельческих общин, а в результате появления в Южном Приазовье нового оседлого (или полуоседлого) населения»⁸⁸⁸. По его мнению, этим новым населением были кочевники, родственные болгаро-гуннам. В связи с образованием Хазарского каганата, примерно с конца VII в., новое население оседает на землю, образуя вариант салтово-маяцкой культуры (ответвление зливкинской степной культуры). Однако в керамике сохраняется традиция, которая «восходит к гончарному производству древних земледельческих районов Юго-Востока»⁸⁸⁹.

Вывод А.В. Гадло в целом, как отмечалось, поддерживает и Д.Л. Талис. Он заключает, что археологические материалы, «указывая на этническую общность населения Степного и Предгорного Крыма второй половины I тысячелетия н. э. с алано-болгарским миром Подонья и Приазовья, не дают возможности какой-либо иной этнической атрибуции степных поселений средневековой Таврики». Правда, автор оговаривается, что этот вывод «не снимает полностью возможности допущения проникновения в раннесредневековое оседлое население Крыма многочисленных и этнически разнородных групп, в том числе и славянских, которые не оставили никаких археологических следов»⁸⁹⁰.

Выводы обоих авторов представляются убедительными. В Причерноморье VIII–IX вв. пересекаются традиции, уходящие в глубокое местное прошлое и привнесенные степью. Задача заключается в том, чтобы уточнить, с какими традициями связано население, давшее название «Росия» определенной

⁸⁸⁷ А.В. Гадло. Южное Приазовье... С. 14. Обзор литературы и материалов по проблеме см.: А.В. Гадло. Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии. (История идеи). Сборник Русского исторического общества. № 4. М., 2002.

⁸⁸⁸ Там же. С. 8.

⁸⁸⁹ Там же. С. 10.

⁸⁹⁰ Д.Л. Талис. Указ. соч. С. 96.

территории в Крыму и Приазовье. Чисто количественный признак в данном случае ничего не решает, поскольку салтово-маяцкая культура была разноэтничной, а в Крым происходили «выбросы» и с северо-запада Европы (по крайней мере, со II в. н. э.). По мнению Д. Л. Талиса, «во взаимоотношениях с носителями разноэтничной салтово-маяцкой культуры славяне, как представители одноэтничной культурной области, обладали, по-видимому, весьма сильной противоассимиляционной стойкостью»⁸⁹¹. Аргументация автора в данном случае неубедительна: славянство было представлено разными культурами и разными племенами (в различные периоды). После некоего биологического взрыва, когда славяне из Центральной Европы расселились по всем европейским окраинам, они скоро оказались ассимилированными на Балканах, в Малой Азии и в других районах Средиземноморья (вплоть до Северной Африки и Испании) уже в VII–VIII вв., уличи и тиверцы — в X–XI столетиях и т. д. Автор прав лишь в том, что Русское объединение в Причерноморье не должно непосредственно связываться с приднепровскими славянами тех же столетий. Но проблема отыскания следов ругов и росомонов и вообще культуры готско-гуннского времени таким образом не снимается.

А.В. Гадло и Д.Л. Талис остановились главным образом на четырех этноопределяющих признаках, характеризующих культуру Приазовья и Крыма: керамика, тип жилища, погребальный обряд, антропологический материал. В керамике, как отмечалось, наблюдается сосуществование местных (или северокавказских) форм, изготовленных на гончарном круге и, по мнению Талиса, «лишенных каких-либо этнанизирующих признаков»⁸⁹², а также форм, сходных с одновременными из Приазовья и Подонья, которым в данном случае придается этноопределяющее значение. Следует только заметить, что если первый тип характерен для всего Причерноморья и даже Восточного Средиземноморья, то и второй распространен на территории, населенной разными в языковом и даже расовом отношении племенами.

Родство с салтовской культурой проявляется и в расположении селищ, а также жилищ и хозяйственных построек. Но расположение селищ само по себе мало что дает, поскольку они, как отметила С. А. Плетнева, «расположены в удобных для жизни местах, обжитых в течение многих веков разными народами»⁸⁹³. Что же касается жилищ, то наблюдается опять-таки сочетание местного и привнесенного. У местного оседлого населения была заимствована

891 Там же. С. 97.

892 Там же. С. 95.

893 С.А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967. С. 19.

конструкция печи, а с населением Подонья поселения степного Крыма сближает наличие открытых очагов, характерных для кочевников (об этом свидетельствуют находки котлов с внутренними ушками)⁸⁹⁴.

Погребальному обряду населения «росских» территорий ближе всего зливкинский вариант салтовской культуры. Речь идет о ямных погребениях со следами гробовищ, западной ориентации погребенных, положенных на спину, бедности инвентаря. Но и здесь необходимы уточнения. Для основной салтовской территории характерны катакомбные погребения, с довольно богатым инвентарем, в частности оружием и снаряжением боевого коня. Нередко умершего хоронили, видимо, с насильственно умерщвленной рабыней (или, как в описании Ибн-Фадлана, добровольно последовавшей за господином одной из его жен или наложниц). В ямных погребениях оружия нет, а сбруя боевого коня встречается редко. Два разных типа погребений в рамках салтовской культуры, очевидно, свидетельствуют о смешанном характере ее населения. На Таврику как будто распространяется только второй вариант. Однако и за этим вариантом просматриваются местные традиции. Так, в Таврике распространен тип могил, выложенных и перекрытых каменными плитами, т. е. тип, «еще античный по происхождению»⁸⁹⁵. Ближайшие аналогии ему находятся на северочерноморском побережье Кавказа, в Черкесии, а также на Каменском могильнике на Северском Донце, где, однако, иная ориентировка (южная).

Второму погребению салтовской культуры сопутствует преимущественно брахицранный антропологический тип. Д.Л. Талис обоснованно считает важным, что «грунтовые могильники Приазовья и Таврики объединяет также антропологический тип погребенных, почти исключительно брахицранный»⁸⁹⁶. Брахицранция в данном случае указывает на родство с потомками сарматского населения или болгарами, или теми и другими вместе. Для этого варианта салтовских погребений характерна незначительная монголоидная примесь, которой практически нет в первом (долихокранном) варианте. Но и при сохранении брахицранции монголоидная примесь в крымских погребениях практически не отражается.

894 А.В. Гадло. Указ. соч. С. 8; Д.Л. Талис. Указ. соч. С. 94. Напомним, что культ котла сохранялся у кимвров севера Ютландского полуострова и в начале н. э.

895 А.Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики /МИА, № 168. Л., 1978. С. 140.

896 Д.Л. Талис. Указ. соч. С. 96.

По-видимому, еще более существенно то, что Брахицранция характерна для населения Западного Крыма. Антропологический же состав населения Восточного Крыма иной. «Сопоставление с краниологическими материалами из восточной части Крыма (Судак, Планерское и Керчь), — замечает Ю.Д. Беневоленская, к которой отсылает и Талис, — свидетельствует о несомненном различии физического облика населения этих районов». Это различие заключается в том, что «в смешанном населении Восточного Крыма существенное значение имеют длинноголовые варианты», хотя «представлены также и брахицефалы, типичные для западных районов Крыма»⁸⁹⁷. В более раннее время, в VI–VII вв., удельный вес долихокранного или мезодолихокранного населения был гораздо значительней и принадлежало оно, видимо, к досарматскому или просто несарматскому населению⁸⁹⁸. Существенно также, что «самая близкая к Крыму серия черепов из Мошеной балки (в низовьях Кубани) VI–VIII вв. резко отличается от всех крымских серий по форме черепа (долихокранной) и общей массивности»⁸⁹⁹.

В первом тысячелетии н. э. Крым оказался объектом нападений и вторжений самых различных этнических группировок. Наряду с массированным движением населения с востока, шел и встречный процесс. Примерно около середины III в. в Крым вторгаются отдельные племена черняховской культуры⁹⁰⁰. В V–VI вв. возможны миграции населения из Придунавья⁹⁰¹. В свою очередь, на р. Дюрсо под Новороссийском с III по VIII столетие существует могильник, основанный, по всей вероятности, выходцами из Крыма. Поэтому нельзя говорить о полном торжестве в населении этого района сарматского начала.

Местные традиции сами по себе также весьма сложны. Здесь выделяются элементы, относящиеся к таврической эпохе, и наслонившиеся на них затем Черняховские традиции. К таврической эпохе, видимо, принадлежит та индоарийская топонимика, которую убедительно выявлял О.Н. Трубачев.

897 Ю.Д. Беневоленская. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма. МИА, № 168. С. 203–208.

898 Ср.: К.Ф. Соколова. Антропологические материалы из средневековых могильников Крыма История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 63–70; Г.П. Зиневич. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1977. С. 135.

899 Ю.Д. Беневоленская. Указ. соч. с. 206.

900 Ср. В.В. Кропоткин. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. М., 1978. Автор отмечает, что и после падения черняховской культуры «отдельные небольшие группы Черняховского населения сохраняются в Юго-Западном Крыму, на Керченском полуострове и в Нижнем Подунавье» (там же. С. 163).

901 А. К. Амброд. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма. КСИА, вып. 113. М., 1968. С. 20–23; А.И. Айбабин. Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму, КСИА, вып. 158. М., 1979.

Таврические элементы усматривают некоторые исследователи и в антропологическом материале⁹⁰². Упомянутый могильник на р. Дюрсо А.В. Дмитриев сопоставляет с сообщением автора V в. о том, что в это время от Синдской гавани до Пагры жили племена, «говорящие на готском или таврском языке»⁹⁰³. Все эти данные в известной степени пересекаются с сообщениями о причерноморских росах. При этом надо иметь в виду, что готы в этом районе в целом хорошо известны под своим именем и отличались от росов. При всех перипетиях переселения народов, в Крыму и на Тамани все-таки было больше шансов сохраниться прежнему населению и древним традициям. Степнякам труднее было одолеть это население, поскольку они совершенно не знали мореходства. Да и нужны им были более всего степные просторы, а не трудоемкие области земледелия в предгорьях и на морском побережье.

Следует иметь в виду, что разные группы населения Причерноморья реально прослеживаются на протяжении целого ряда столетий. Могильник на р. Дюрсо существовал, по крайней мере, в течение пяти веков и принадлежал одному и тому же населению, несмотря на крайне беспокойное время. Готы в Крыму сохраняли свою самобытность на протяжении более тысячелетия. О готах в Крыму знал автор «Слова о полку Игореве», причем он помнил и о давней борьбе с ними каких-то предков руси. И еще в XV в. в Крыму звучала готская речь, которая была так же близка к немецкой, как фриульская к флорентийской⁹⁰⁴.

Готская епархия в Крыму была одной из крупнейших. Однако ни археологических, ни антропологических следов готов практически не видно. Судьба соседних с готами росов, по-видимому, сходна. Если речь идет о росомонах, то в количественном отношении росы наверняка уступали ряду других местных и пришлых племен. Но с возвышением этого племени название «Росия» и «росы» (или «русы») неизбежно распространялись и на другие племена, в частности на тавроскифов, а возможно также на алано-болгар.

Судя по археологическим данным, Причерноморье и Крым испытывают в VIII–IX вв. заметный экономический подъем⁹⁰⁵. Можно отметить, что подъем этот совпадает по времени с возвышением в этой же области росов. Как и обычно в подобных случаях, название «росы» должно было распространиться

902 Ср.: К.Ф. Соколова. Указ. соч. С. 70. Автор видит потомков населения поздней скифской поры в мезодолихоcefалах северной окраины нагорья.

903 А.В. Дмитриев. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо КСИА, вып. 158. С. 56.

904 Барбаро и Контарини о России. Подг. Текста Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 131, 157.

905 А.Л. Якобсон. Указ. соч. С. 193.

на многие племена, попавшие под их политическое или культурное влияние. Это, в частности, и отразилось в смешении восточными авторами разных «русов».

Другая проблема заключается в определении соотношения причерноморских русов с варягами. Два выше упомянутых топонима (Варанголимен и Рoccoфар или Рocco Тар) заставляют предполагать наличие какой-то связи (и, конечно, отличия). Связь эта могла быть порождена участием черняховцев в сложении того этноса, который предстает в источниках как «росы». Отметим, что из трех известных имен росомонов (Амий, Сар и Сунильда) одно определенно северное. Имя «Сунильда» — это прочтение распространенного имени Гунильда или Хунильда. О.Н. Трубачев указал, что название «синды» соответствует индоарийскому произношению, где сохраняется «с», тогда как в иранском оно заменялось на «х» (отсюда «хинди»)⁹⁰⁶. В данном случае возможна и обратная замена, свидетельствующая, может быть, о контактах пришельцев с северо-запада именно с потомками местного индоарийского (а не иранского) населения. Вопрос же о том, кем были эти пришельцы в этническом отношении, целесообразно отложить до рассмотрения этнической ситуации на северо-западе Европы.

Причерноморская Русь как особое образование, видимо, исчезает с вторжением печенегов в конце IX или начале X в. «Наплыv» русов на востоке в это время может являться реакцией на резко ухудшившиеся возможности в самом Причерноморье. А с середины X в. на территории, принадлежавшие причерноморским росам, стали претендовать киевские князья. Пока отметим этот факт. Объяснение же ему будет предложено ниже.

2. Сведения о Балтийской Руси

Несмотря на исключительную важность вопроса о Балтийской Руси как для норманистов, так и антинорманистов, он остается, пожалуй, наименее изученным во всем комплексе проблем, связанных с образованием Древнерусского государства. И это несмотря на то, что уже в первой половине XIX в. был выявлен широкий круг источников, в которых упоминается Балтийская (Варяжская) Русь⁹⁰⁷. Очень многие авторы так или иначе должны были оценивать «попутно» встречные указания на эту «Русь». Но чаще всего

⁹⁰⁶ О.Н. Трубачев. О синдах и их языке. С. 44, 55.

такие сведения заносятся в разряд «сомнительных», объявляются ошибками переписчиков и т. п. В таком отношении к этим сведениям отчасти «повинен» С. Гедеонов. В его концепции «Русь» — это только южное, приднепровское образование, противостоящее «варягам» — первоначально балтийским славянам. Даже в тех случаях, когда он наталкивался на источники о Балтийской Руси, он говорил о них в подстрочнике с явным недоумением. Позднейший же спор норманистов и антиформанистов свелся к альтернативе: Скандинавия или Приднепровье. А при такой постановке вопроса Балтийская Русь явно мешала и той и другой стороне. Норманисты сведения о ней не устраивали потому, что подрывалось представление о тождестве «Руси» и «Швеции», а антиформанисты потому, что необходимо было учитывать наличие еще какой-то Руси в Прибалтике. Достаточно сказать, что проблема эта не нашла никакого отражения в специальных исследованиях И.П. Шаскольского, посвященных вроде бы критике современных норманистских представлений. Не учитывал её и коллективный труд, посвященный советской историографии Киевской Руси⁹⁰⁸. В нем, в частности, вообще не упомянуто обсуждение этого вопроса в 1970—71 гг. в журнале «Вопросы истории» польским ученым Г. Ловмяньским и автором настоящей работы⁹⁰⁹.

О том, что остров Рюген (Ругия) назывался «Русью» (Рутенией), писали многие авторы, в том числе и в советское время⁹¹⁰. Расхождения в упомянутом обсуждении касались лишь оценки этого факта. Г. Ловмяньский полагал, что название не выходит за пределы острова и что оно своеобразный «мираж»: смешение ругов с русами по случайному звукианию. Ряд источников, говорящих о Руси на Балтике, он отвел как поздние или сомнительные. Поэтому необходимо рассмотреть их в целостном виде.

Известно, что «Русь» имеет в источниках разные обозначения. В латинской традиции, сохраняющейся и в средневековой литературе, преобладает написание Rutenia или Ruthenia. В собственно германских источниках это чаще всего Rugia со множеством вариантов, собранных и непонятых одним из наиболее активных современных норманистов А.В. Назаренко, недоумевающим

907 И. Боричевский. Руссы на южном берегу Балтийского моря // Маяк, 4.VII. СПб., 1840; Ф.Л. Морошкин. Историко-критические исследования о русах и славянах. СПб., 1842.

908 Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. (Образование Древнерусского государства и норманская проблема изложены И.П. Шаскольским).

909 См.: А.Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ, 1970, № 10; Г. Ловмяньский. Руссы и руги. Там же. 1971, № 9.

910 Ср.: Н.С. Державин. Славяне в древности. М., 1945. С. 32.

по поводу постоянной взаимозамены написаний *Rugia-Russia*⁹¹¹. В византийских и восточных источниках, как указано выше, преобладают написания «Росия» и «Русия». Встречается оно и в западной средневековой литературе (в частности в итальянских и английских источниках). При этом имеются в виду и разные «Русии», и разные значения этнонима. В иранских языках, как сказано, этноним связывался с «белым» цветом, символизировавшим социально привилегированное положение. Смысл многочисленных вариантов обозначения (тоже многочисленных) «Русий» в Европе в значительной мере объясняется обычными латинскими характеристиками галльского племени Рутенов: «*Russus Rutheni*» и «*Flavi Rutheni*» — «Красные» (или красноватые) и «Златокудрые» (опять-таки с красноватым оттенком) Рутены. А в кельтском — это тоже один из синонимов красного цвета. Лиупранд прямо связывал этноним «русы» в византийском понимании с обозначением внешнего вида. (См. об этом выше).

В славянских языках это тоже один из вариантов обозначения желто-красного цвета. Наименование ругов — ружане или руйаны имеет то же значение, что и месяца сентября «рюен» — желто-красный. Как «коричнево-желтый» осмысливался и эпитет «русый». Все эти варианты можно найти в настольном для историков и филологов словаре И.И. Срезневского («Материалы для словаря древнерусского языка»), а также в сербо-хорватских словарях. И задача заключается не в том, чтобы понять, почему такой разнобой в произнесении гласных и согласных (носовые, зубные и гортанные звуки различно произносились даже в соседних деревнях), а в том, чтобы понять смысл именно цветового обозначения этноса. О «белом» цвете выше говорилось. «Красный» цвет символизировал могущество, и выражалось это, как правило, в ритуальном раскрашивании, что, как увидим, также встречается в источниках, позволяя в ряде случаев различать «красных» и «белых» русов. Не объяснено значение «синего» цвета, в который красились, по сообщению Юлия Цезаря, бритты. Может быть, с целью нагнать страх на неприятеля.

Разные обозначения этнонима ценны в источниковедческом плане. Они часто помогают определить место или условия возникновения источника, а также пути распространения самого этноса.

Римские авторы имели некоторое (хотя и смутное) представление о Прибалтике. Ценно указание на то, что после завоевания Галлии римлянами ряд галльских племен ушли — венеты из Британи полностью, погрузившись на

911 Ср.: А.В. Назаренко. Об имени «Русь» в немецких источниках IX–XI вв. ВЯ. М., 1980. С. 57; его же: Древняя Русь на международных путях. М. 2001. С. 45–47.

суда, видимо, к своим дальним родственникам — венетам балтийским, рутены (ранее пришедшие с севера), видимо, к местам прежнего обитания. В ходе массовых переселений связи юга и севера были нарушены, и после Великого переселения народов их приходилось как бы открывать заново.

В раннее Средневековье на юге жили легендарные или полулегендарные представления, занесенные разноплеменными выходцами с севера в связи с римской политикой найма «варваров» в качестве воинов и «федератов», прикрывающих римские владения от других варваров. Эти представления нашли отражение у авторов IV–VI вв., в частности, у Иордана и его византийских современников. С VIII в. начинается продвижение к Прибалтике франкских королей и императоров. Прибалтика попадает в поле зрения франкских и затем германских хронистов. Ряд сочинений посвящается христианизации прибалтийских славян. С конца VIII в. начинаются и грабительские набеги на континент «норманнов» — как называли выходцев (разноэтничных!) из прибрежных районов севера на континенте в Германии. Именно в этом контексте прозвучит известие, вошедшее в состав Вергинских анналов (835–861) епископа г. Труа Пруденция. В 839 г. к франкскому императору Людовику Благочестивому (814–840) явились послы византийского императора Феофила (829–842). Посольство было торжественно принято 18 мая в Ингельгейме. В составе византийского посольства оказались и представители народа «рос»: «Послал он с ними также неких (людей), которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос (Rhos), и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан (Chacanus), отправил к нему (Феофилу) ради дружбы. В помянутом письме (Феофил) просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться (в свою страну) и охрану по всей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он желал бы, чтобы они возвращаясь по ним, не подвергались опасности. Тщательно расследовав причину их прибытия, император узнал, что они принадлежали к народности свеонской (*eos gentis esse Sueonum*); считая их разведчиками по тому царству (Византии) и нашему, чем искателями дружбы, (Людовик) решил задержать их у себя, чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет; и он поспешил сообщить Феофилу через помянутых послов и письмом также и о том, что он их из любви к нему охотно принял; и если они (росы) окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им безопасно вернуться на родину, то они будут (туда) отправлены

с охраной; в противном случае они с (особо) посланными будут направлены к его особе (к императору Феофилу), с тем, чтобы он сам решил, что с таковыми сделать»⁹¹².

Естественно, что цитированный текст стал предметом самого оживленного обсуждения в полемике норманистов и антинорманистов. И для тех и для других он дает весомый материал: норманисты выводят отсюда тезис о тождестве росов и свеонов, а антинорманисты доказательство существования в первой половине IX в. Росского каганата. В числе сравнительно недавних работ можно выделить исследования А.Н. Сахарова и А.В. Рязановского⁹¹³.

А спор начался с самого зарождения норманизма, поскольку германское «норманы» воспринималось не просто как «северные люди», а как именно северные германцы. Ощутимый удар по норманистской интерпретации записи нанес уже Г. Эверс. Он указал на то, что титул кагана никогда не употреблялся в Швеции и что франки шведов хорошо знали, поскольку незадолго до посольства Феофила (именно в 829 г.) шведы просили у Людовика Благочестивого миссионеров для проповеди христианства⁹¹⁴. Примерно в том же направлении шли разъяснения С. Гедеонова⁹¹⁵. С. Гедеонов сопоставил известие 839 г. с упоминавшейся выше репликой Людовика II от 871 г. о титуле «каган» у норманов, указав на их тесную связь.

В известии 839 г. есть и еще несколько моментов, осложняющих его интерпретацию. Самое этническое название «свеоны» исторически не совпадало с названием «свевы». В начале н. э. первые жили «в сердце моря», а свевы обитали еще на континенте. Но позднее оба эти названия как бы сливаются под пером немецких авторов и воспринимаются как идентичные. В данном случае неясно, знал ли Пруденций о их различии. Главное же заключается в том, что росы и свеоны не столько отождествляются, сколько противопоставляются. Людовик Благочестивый явно не поверил представителям народа «рос», заподозрив в них обыкновенных лазутчиков. И, конечно, особое опасение его вызывали возможные лазутчики норманов, сотрясавших в это время прибрежные города империи. И если со свеями-шведами у империи отношения были вполне доверительными, то с собственно норманами — «урманами» русской летописи, т. е. норвежцами, такой близости

912 Ср.: Г.Е. Кочин. Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. Л., 1936. С. 23–24.

913 См.: А.Н. Сахаров. Русское посольство в Византию 838–839 гг. // Общество и государство феодальной России. М., 1975; А. V. Riasanovsky. The Embassy of 838 Revisited: some Comment on Early Russian History. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 70, H.1, Wiesbaden, 1962.

914 Г. Эверс. Предварительные критические исследования для Российской истории. М., 1826. С. 116–117.

915 С. Гедеонов. Отрывки.... С. 101–106.

не было. Подозрение могло питаться и тем, что в числе «норманов» особую активность в это время проявляли жившие здесь с давних пор аланы. Именно вождь аланов Роллон, считавший себя потомком Роллона, приведшего во II в. алан с Дона в северные пределы Франции, обретет «праородину» в начале X в., переселившись туда из Норвегии. Тогда подозрения императора будут вообще оправданы. Но о росах и Росском каганате в Ингельгейме, похоже, не знали. И искать его, конечно, следовало не в Киеве, традиционно связанном с Подунавьем, а на том пути, который еще и Гельмольд в XII в. считал балтийским «поясом», соединяющим Балтику с Черным морем, то есть донским вариантом пути «Из варяг в греки».

Сама логика исторического процесса заставляет искать «Русский каганат» где-то по соседству с Хазарией, поскольку именно тюркоязычные хазары претендовали на господство в Восточной Европе, поднимая титул своих правителей на уровень византийских и римских цесарей. Тот же титул у кого-то из соседей уже сам по себе предполагает конфронтацию: «каган» не может быть в подчинении у кого-либо. В.В. Седов предположил, что «Русский каганат» — это славянская волынцевская культура на левобережье Днепра⁹¹⁶. Но, как отмечалось выше, восточные источники называют «русами» чаще всего именно население салтово-маяцкой культуры, что верно отметил Д.Т. Березовец (неправомерно перенося эту культуру и на Средний Днепр) и обосновала на более широком материале Е.С. Галкина.

Свидетельство 871 г. — ответ византийскому императору Василию I Македонянину Людовику Немецкого (843–876), сына Людовика, встречавшего в 839 г. послов Россского каганата и заподозрившего, что это норманы. И это — своеобразная поправка: «Каганом мы называем государя авар, а не хазар или норманнов»⁹¹⁷. Зачем пришлось объясняться по поводу давних событий — остается не вполне ясным: письмо Василия I до нас не дошло. А судя по несколько раздраженному тону, византийский император упрекал коллегу в нарушении этикета: присвоении титула «Римского императора» (у Константинополя было больше прав на такой титул). Василий прислал Людовику роспись титулов, как она представлялась Константинополю, и, судя по всему, осудил высокомерное отношение к послам кагана Росов со стороны Людовика I. Правда, Василий как будто «каганом» признавал только правителя хазар, возможно, учитывая факт реальной зависимости алан-росов от Хазарии.

916 В.В. Седов. Русский каганат IX в. // Отечественная история, 1999, № 4.

917 Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 290.

Само вторжение в Причерноморские степи тюркских или смешанных угро-тюркских народов (социальная верхушка мадьяр была тюркской), похоже, угрожало не хазарам, а их конкурентам — в данном случае как раз «асам и касогам», а также продвинувшимся на восток славянам.

Норманисты, пожалуй, правы в том, что Российский каганат нужно искать на севере. Только не у «норманнов», пришедших во II в. с Дона и готовившихся отвоевать на севере Франции свою «праордину». Но предводитель алан из Норвегии Роллон, считавший себя потомком Роллона II в., претендовал лишь на титул «герцога», а «каганы» у его предков могли появиться не ранее VIII в., когда более высокая, нежели хазарская, культура алан-росов должна была защищать себя от искавших дани восточных пришельцев. Византия традиционно лавировала и сталкивала племена и народы, в данном случае хазар и разные «Руси». А громили оседлое население Подонья явно не хазары. В свое время М.В. Левченко высказал мнение, что «народом, помешавшим возвращению русских послов, могли быть только мадьяры, которые в это время уже проникли в южнорусские степи и в своем движении на запад пересекли Днепр»⁹¹⁸. Но это мнение само строится лишь на известии 839 г., исходя из предположения, что кто-то перерезал путь, ведущий с низовий Днепра именно к Киеву. Исходя из представления об одной-единственной Руси, это мнение разделяли и специалисты по истории Венгрии⁹¹⁹.

В первой половине IX в. мадьяры находились на территории некой «Леведии», номинально признавая власть хазар. Территория Леведии пока не выявлена. Но, судя по достоверно мадьярской археологической находке, область теперешнего Воронежа входила в нее⁹²⁰. Очевидно, по соседству с салтовцами и обосновались пришельцы из Предуралья. С 60-х гг. IX в. начинаются набеги венгров на Центральную Европу, а в самом конце столетия, теснимые печенегами, они переселяются на Средний Дунай. Русский летописец сообщает, что угры прошли мимо Киева на запад, похоже, без каких-либо столкновений с местным населением. Указанная дата — 6406 г. предполагает болгарский источник и соответственно 894 г. н. э.⁹²¹. Иными словами, летопись дает точную дату движения угров из Подонья на Средний Дунай мимо Киева, поскольку

918 М.В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 56.

919 Ср.: История Венгрии. Т. 1. М., 1971. С. 92 (дата 839 г. как «первое упоминание о венграх») Автор главы — В.П. Шушарин. Его же. Русско-венгерские отношения в IX в. //Международные связи России до XVII в. М., 1961.

920 Ср.: М.Я. Мерперт. Угорские (венгерские) племена в южнорусских степях // Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958. С. 682.

921 См.: А.Г. Кузьмин. Начальные этапы.... С. 283–284, 309–311.

именно к этому времени источники относят их переселение⁹²². И многие авторы поэтому помещают «Российский каганат» севернее Подонья, на Верхней Волге или еще северней⁹²³. Но «Русь» в Поволжье источниками не зафиксирована. В Прибалтике же таковая имелась (и не одна).

Из письма Василия Македонянина вытекало, что титул «кагана» могли присваивать себе князья аваров, хазар, болгар и какого-то северного народа. Норманисты полагают, что в недошедшем письме «северной» называлась именно «Русь». С. Гедеонов согласился с тем, что имелась в виду «Русь», но называлась она, как это часто встречалось в греческих источниках, «северные скифы»⁹²⁴. Поскольку Скандинавия и норманы в средневековой литературе часто называются «скифами» или «северными скифами» (что само по себе весьма показательно), то и «норманнов-росов» следует искать в негерманской этнической среде.

От IX в. имеется еще несколько источников, в которых упоминается, правда, очень глоухо какая-то «Русь». Географ Равеннский, с которым связывается определенная традиция VIII–IX вв., помещает в Прибалтике роксалан, сваров и савроматов, причем через земли этих народов протекают Вистула (Висла) и Лутта (очевидно, Одер, откуда и название племени «лютичи», равно как и ободриты). Этнонимы эти могли восходить и к традиции, поскольку земли по Висле и Одеру к этому времени были освоены славянами и большинство племен (хотя и не все) были ассимилированы ими. Но особое внимание должны привлечь роксаланы, поскольку именно этот этоним обычно связывается с аланиями-росами. Географ Баварский (также традиция IX в.) дает довольно обстоятельное описание соседей Германской империи. Упоминается у него и Русь (Ruzzi). Но имеются в виду соседи хазар, что опять-таки ведет к донскому варианту пути из Балтики в Черное море. Целый ряд этнонимов, в которых корень «рос» входит вторым компонентом, вообще не поддается определению. В «Песне англосаксонского путника», относящейся, возможно, и к более раннему времени (П. Шафарик датировал ее VIII в.), в Прибалтике упомянуты варины, викинги, венеды, англы, даны, свевы, саксы и руги⁹²⁵.

922 Д. Дьерди показывает, что это произошло в 895 г. См. Gyorffy Gyorgy. A besenyok europai honfoglalasanak kerdeshez V Tortenelmi Scemle 1971, 3–4; его же: Время составления Анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения //Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 115.

923 Ср.: А.П. Новосельцев. Указ. соч. С. 406–407. См. также: Е.Б. Кудрякова. Надуманная концепция происхождения Руси // ВИ, 1978, № 7 (о концепции О. Притцака).

924 С. Гедеонов. Отрывки.... С. 102.

925 П.И. Шафарик. Славянские древности, Кн. III. М., 1848. С. 56–74.

О ругах имеется и еще одно свидетельство, дошедшее в памятниках XI столетия, но указывающее на 844 г. В этом году Людовик II Немецкий провел карательную экспедицию против балтийских славян, входивших в ободритский союз. В Корвейском монастыре в этой связи сохранилась, как полагают, подложная грамота о крещении ран-руян-ругов, признании своим патроном почитавшегося в монастыре Святого Витта. После этого якобы раны вернулись в язычество и сделали из Святого Витта бога Святовита⁹²⁶. Но, может быть, и не все в этом сообщении от легенды. Во всяком случае, Корвейский монастырь играл совершенно особую роль в жизни прибалтийских славян, вендов и ранов-ругов, что проявляется хотя бы в том, что, как будет показано ниже, именно в его зоне находится более всего параллелей для неславянских имен дружин Олега и Игоря. У Гельмольда дается в разных местах как бы два варианта предания, но по существу речь идет о разных аспектах одной легенды. Корвейский монастырь возник в Амьене первоначально в 622 г. Ровно два столетия спустя, при Людовике Благочестивом, в Саксонии на реке Везер выходцами из этого монастыря была основана Новая Корвея. А миссионеры отправились уже при Людовике Немецком.

Название «Рутения» или «Руссия», как отмечалось, чаще всего выступает дериватом названия «Ругия». Название «Ругия» являлось здесь традиционным, со времен римских авторов. Видимо, у саксов это название произносилось как «Руйана», хотя, как отмечалось, в названии звучит славянское определение красно-желтого обозначения цвета (месяц «рюен» — сентябрь). Во всяком случае, есть указание на то, что «руйанами» жителей острова называли «тевтоны», а «ранами» — славяне. Гельмольд же неоднократно поясняет, что «раны» и «ругиане» — это одно и то же⁹²⁷. Форма «руйане» могла появиться из-за того, что в германском языке и латинском алфавите нет звука «ж» и его обозначения. А этот звук совершенно естественно мог появиться на месте «г» в языке каких-то соседей руйан-ругиан-ружан.

В литературе постоянно привлекает внимание документ, относящийся к 904 г.: так называемый Раффельштеттенский устав. В «уставе», содержащем таможенные правила, говорится о купцах, приходящих в города Верхнего Дуная, из Чехии и «Ругии». «Ругские» купцы торгуют воском, рабами и конями. Традиционно преобладало мнение, что речь идет о купцах из Киевской Руси⁹²⁸.

926 А. Гильфердинг. Собрание сочинений. Т. 4. История западных славян. СПб., 1874. С. 298–299; Ср.: Гельмольд. Указ. соч. С. 44–45, а также ком-мент. на С. 252.

927 А. Гильфердинг. Указ. соч. С. 3, прим. 4.

928 См.: В.Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, июль; А.В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. С. 159–164.

Действительно, источники свидетельствуют о существовании торгового пути из Регенсбурга через Прагу на Krakow. Из Krakowa же нетрудно было попасть в Киевскую Русь и еще проще по Висле спуститься к Варяжскому морю. Еще ближе был путь к этому морю через Прагу по реке Одер непосредственно к Ругии. Но E. Цёльнером предложено и еще одно, более естественное объяснение, что речь идет о подунайских ругах, давних переселенцах из Прибалтики⁹²⁹. С Цёльнером согласились видный ученый ГДР Й. Херман⁹³⁰ и некоторые другие авторы. Эту версию пытался «опровергнуть» в ряде публикаций А.В. Назаренко⁹³¹. В его интерпретации, «стержневая идея... состоит в сопоставлении «ругов» РУ со славянским населением древнего Ругианда, т. е. территории, которую в V в. н. э. в течение примерно тридцати лет населяло восточногерманское племя ругов. Земли ругов располагались к северу от Дуная... (несколько выше Вены по Дунаю). Государство ругов было разгромлено Одоакром в 80-е г. V в.»⁹³². А в сборнике «Древняя Русь в свете зарубежных источников» (М., 2001) Одоакр, сокрушивший в 476 г. Римскую империю, в указателе объявлен даже «римским полководцем».

В источниках его этническую принадлежность определяют различно: король торкилингов, скирр, герул с острова Рюген, руг, но нет ни одного, где бы его числили римлянином. И на Руси о нем помнили и в XVII в., почитая даже и Богдана Хмельницкого его потомком⁹³³.

И, конечно, руги в Подунавье пробыли не 30 лет. Они появились здесь в качестве федератов Римской империи, по крайней мере, с начала IV в. (первое упоминание 307 г.). А тысячелетие спустя чешская Хроника Далимила назовет и просветителя славян Мефодия «Русином». Но об этом обстоятельстве в другом месте. Другой вопрос — поддерживались ли связи подунайских русов с прибалтийскими в эпоху составления Раффельштеттенского устава. О тесных контактах с дунайскими ругами-русами прямо говорит «Повесть временных

929 E. Zollner. Rugier oder Russen in der Raffelstettener Zollurkunde? // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 60. Graz-Köln, 1952.

930 J. Hermann. Slaven und Beieren im Donaugebiet // Die Slaven in Deutschland. Berlin, S. 46.

931 А.В. Назаренко. Русь и Германия в IX–X вв. ДГ, 1991. М. 1994; его же: Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

932 А.В. Назаренко. Русь и Германия в IX–XI вв. С. 21. Тоже. Древняя Русь. С. 83, где Одоакр назван «итальянским королем».

933 См.: С.В. Величко. Летопись событий в южнозападной России XVII века. Киев, 1848. Т. I. (Сравнение Богдана Хмельницкого с «древним русским Одонацером». С. 293). Там же изложение «Церковного Универсала Богдана Хмельницкого» 1648 года, где вполне логично и достоверно изложена история деятельности Одоакра, выходца из Ругии-Русии — прародины и киевских русов (С. 85). См. также: В. Фомин. Варяги и варяжский вопрос в судьбе России //Роман-журнал XXI век, 2001, № 9. С. 109.

лет», выводя из Норика и Иллирика и славян и русь. И в это время язык их не различался ни на Днепре, ни на юге Прибалтики, ни на Дунае.

Чередование «Ругия» — «Руссия» (или их отождествление) проходит через все германские источники X в. Так, в документе 946 г. Балтийское море называется *Mare Rugianorum*⁹³⁴. Целый ряд современных событиям источников рассказывает о крещении княгини руссов или ругов Елены (имя Ольги в крещении) и миссии на Русь Адальберта в 961–962 гг.⁹³⁵. В 968 г. Адальберт стал главой вновь утвержденного Магдебургского архиепископства, созданного для проведения христианизации балтийских славян, в связи с чем напоминается о его миссии «к ругам»⁹³⁶. Годом раньше, в 967 г., (или, по другой эре, в 973?), папа Иоанн специальной буллой запретил богослужение на «русском или славянском языке»⁹³⁷. Здесь речь явно идет о подунайских русах, и параллелью может служить примерно к тому же времени относящееся пояснение летописца, вводившего «Сказание о славянской грамоте»: «А Словенъский язык и Русский одно есть»⁹³⁸.

Следует подчеркнуть, что в X в. в Империи очень хорошо знали балтийских ругов-русов, поскольку они помогали Оттону I (основатель Священной Римской империи и император 962–973 гг.) в борьбе против восставших славянских племен⁹³⁹. Именно благодаря помощи со стороны этого племени было подавлено восстание континентальных славянских племен, причем, как сообщается в одном документе, были покорены все племена, жившие у моря «против Руси»⁹⁴⁰.

Все эти события приходились на 954–960 гг. Покорение славянских племен сопровождалось утверждением здесь епархий и христианизацией населения. Миссия Адальберта, очевидно, направлялась в Киев. Но будучи во главе Магдебургского архиепископства, основанного для христианизации балтийских славян, он должен был пытаться «просветить» и ругов. Судя по дальнейшим событиям, такая попытка кончилась неудачей. И это само по себе должно было привести к разрыву союза Империи с ругами-русами балтийскими. Отчасти и

934 Pommersches Urkundenbuch. B.I. Stettin, 1868, P. 5.

935 См.: М.В. Левченко. Указ. соч. С. 233–235; Б.Я. Рамм. Папство и Русь в X–XV веках. М.–Л., 1959. С. 33–37; В.Т. Пащута. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 119–120; А.Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь». С. 43; Г. Ловмянский. Руссы и руги. С. 48–49.

936 MGH SS. T. I, P. 624; T. III, PP. 60–61; Titmari Merseburgensis episcopi. Chronicon. B., 1966, P. 56; Cp.: MGH SS. T. 14,1883, P. 381.

937 MGH SS. T. VI, P. 619.

938 ЛЛ. С. 28.

939 А. Гильфердинг. Указ. соч. С. 365–367.

940 Там же. С. 370. Аналогичным образом Адам Бременский и Гельмольд определяют остров ругов как лежащий «против земли вильцев» (Cp.: Гельмольд. Указ. соч. С. 37–38).

этим обстоятельством может объясняться факт запрещения богослужения на «русском» языке. («Русское письмо» на языке римских пап обычно означало приверженность христианских общин к арианству.)

Г.К. Ловмяньский, рассматривая вопрос о замене в источниках «ругов» и «руссов», пришел к заключению, что это происходит довольно поздно и внезапно: именно в житиях Отгона Бамбергского (XII в.)»⁹⁴¹. Смешение это он объясняет случайными причинами и полагает, что для постановки вопроса о Поморской Руси заслуживают внимания «только два источника: сообщение Ибн-Якуба (Х в.) и запись Рагевина, продолжателя Оттона Фрейзингенского (ум. 1177). В обоих известиях он предполагает путаницу»⁹⁴².

Пренебрежительное отношение к большому числу источников в данном случае отдает гиперкритицизмом, а потому согласиться с ним невозможно. Ведь обоснования требует не только привлечение, но и отвержение источника. А этого автор не делает. Он считает существенным, что королевой «ругов» киевскую княгиню именуют только продолжатель Региона и восходящие к нему Анналист Саксон и Магдебургские анналы, тогда как другие источники «передают имя Руси, а не Ругии»⁹⁴³. Но ведь «Русь» могли называть «Ругией», очевидно, потому, что «Ругию» могли называть «Русью». Кстати, в это время Балтийскую Ругию в Германии знали, конечно, лучше, чем Киевскую Русь.

Испанский иудей Ибрагим Ибн-Якуб посетил Империю в 965 г., видимо, с дипломатическим поручением. Его резиденцией был Мерзебург, и он непосредственно познакомился со славянскими землями. Донесение Ибн-Якуба дошло в составе компиляции ал-Бекри (XI в.). Автор стремился к точности описания. Единственное будто бы фантастическое (а на самом деле, как сказано выше, вполне обоснованное) свидетельство о «городе амазонок» — постоянный сюжет германской хронографии — дано со ссылкой на самого императора Оттона. По сообщению Ибн-Якуба, «границат с Мшкой (польским князем Мешко. — А.К.) на востоке Русы и на севере Брусы. Жилища Брусов у окружающего моря... И производят на них набеги Русы на кораблях с запада»⁹⁴⁴. Г. Ловмяньский предположил, что Ибн-Якуб вместо «с востока» написал «с запада», но такого рода ошибка невероятна для географического сочинения, где страны света являются ориентирами. К тому же на кораблях русы могли нападать на пруссов только со стороны моря, т. е. именно с запада.

941 Г. Ловмяньский. Указ. соч. С. 45–46.

942 Там же. С. 52.

943 Там же. С. 48.

944 А. Куник и В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о русах и славянах. СПб., 1878. С. 51 и 11.

«Русы» Ибн-Якуба — «островитяне», живущие недалеко от Волжской Болгарии, могущественные на морях, достигающие через «рукав моря Окиануса» Испании. Речь, следовательно, должна идти не о путанице, а о представлении, согласно которому и Русь Киевская (границившая с Польшей на Востоке) и Русь Балтийская воспринимались как части одного этнического (и даже этно-политического) образования. Весьма вероятно, что и это представление он позаимствовал от своих германских информаторов.

В середине X в. подобные представления достигали и Византии. Выше рассматривалось упоминание Константином Багрянородным Руси «ближней» и «дальней». В связи с нападением Руси на Константинополь в 941 (или 944) г. три автора — Феофан, Продолжатель Георгия Амастридского и Симеон Магистр поясняют, что Росы — это «дромиты», происходящие «от рода франков»⁹⁴⁵. «Дромиты» в данном случае означают, видимо, непоседливый, кочующий, переселяющийся народ. «Франками» же может обозначаться население, так или иначе зависимое от преемников бывшей Франкской империи. Скандинавия в этом случае исключается. Зато Балтийское Поморье частично вошло в состав Франкской империи еще при Карле Великом («Правда англов и варинов», данная императором), а в X в. активно осваивалось имперской властью и христианской церковью. Показательно, что в славянском переводе Хроники Георгия Амартола в данном случае дается «от рода Варяжска»⁹⁴⁶.

Таким образом, помимо Ибн-Якуба, «Русь» и «Ругиу» смешивают и германские, и византийские авторы, причем и те и другие отождествляют Русь Киевскую и Русь Балтийскую. В этой связи могут быть рассмотрены сведения и еще одного автора той поры: столь почитаемого норманистами Лиудпранда. Лиудпранд, родом лангобард, отразил представления, характерные для Италии. Его отец был свидетелем нападения русов на Константинополь, и он сам побывал в этом городе в 949 г., т. е. сравнительно скоро после событий. Ок. 958 г. им была написана история, в которой он коснулся рассматриваемых событий.

Весьма любопытно, что в Северной Италии франки отождествлялись с венетами. В свою очередь в Южной Италии это название распространялось и на лангобардов⁹⁴⁷. Относительно русов он говорит, что «это северный народ, который греки по внешнему виду (a qualitate corporis) называют русами (rusios),

945 Ср.: С. Гедеонов. Отрывки... С. 74; его же: Варяги и Русь. С. 471–473.

946 С. Гедеонов. Отрывки. С. 76.

947 Там же. С. 74, прим. 2.

а мы по их местоположению норманнами»⁹⁴⁸. Свидетельство безусловно указывает на связь русов с севером, но, конечно, не говорит о тождестве их со скандинавами. Даже в германских источниках балтийские славяне включались иногда в число норманских народов⁹⁴⁹. Для Италии же, как и для Византии, «север» начинался сразу за Дунаем.

«Ругия», конечно, числилась в ряду «норманских» стран. В хронике Гельмольда сообщается, что в связи с переходом Любека в руки Генриха Льва (ок. 1158) герцог отправил послов «в города и северные государства — Данию, Швецию, Норвегию и Русь — предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку»⁹⁵⁰. «Русь» и «Ругия» в источниках в этой связи снова смешиваются⁹⁵¹. Но, во-первых, «Русь» мыслится как государство «северное», наряду с Данией, Швецией и Норвегией, северной, очевидно, по отношении к земле вагров, в которой протекала деятельность Гельмольда или же по отношению к Германии в целом. Во-вторых, «Русь» Гельмольда, «северная» Русь совершенно четко отделена от Швеции и других скандинавских государств. Несколько позднее, в аналогичном привилее Любеку Фридриха I от 1187 г. названы «Рутени, Готы и Норманны»⁹⁵². В данном случае несущественно, кого конкретно называет источник «Рутенами». Важно, что этноним снова идет в ряду северных народов и отличается от готов и норманов.

Смешение Руси южной и северной, прибалтийской наблюдается у проживавшего в Италии еврейского автора X в. Иосипона (Иосифа бен Гориона). С одной стороны, русы у него живут где-то у Каспийского моря, а с другой — они соседи англов и саксов и проживают по «великому морю» — «Океану»⁹⁵³. Сам автор, видимо, не обращает внимания на противоречие и никак его не объясняет. Но для восточных авторов, как отмечалось, вообще «Океан» и его залив — Балтийское море мыслились в непосредственной близости от Булгара и вообще поволжских и прикаспийских областей. Именно Иосиппон дал повод для смешения разных Русий — русов-алан и русов, рассеянных по Западной Европе и утвердившихся в Среднем Поднепровье.

948 MGH SS. T. III, P. 331.

949 С. Гедеонов. Отрывки.... С. 96–99. Автор обращает внимание на то, что бельгийский хронист Сигберт (1030–1112), буквально передавая текст Лиудпранда, опускает его комментарий (там же. С. 100–101).

950 Гельмольд. Указ соч. С. 195.

951 С. Гедеонов. Отрывки.... С. 100, прим.

952 См.: Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. 7. СПб., 1852. С. 160 (прим.243 к Т. 3). Ср.: Н. Аристов. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 199; С. Гедеонов. Варяги и Русь. С. 438.

953 См.: А.Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве, вып. 1. СПб., 1874. С. 41, 58,76. В разных списках значится либо «бошни», либо «саксини» (Ср.: пренебрежительное название немцев у соседей «бошами»). См. также: Г.М. Барац. Происхождение летописного рассказа о начале Руси. Киев, 1913. С. 8—15.

Именно он отнес алан к потомкам тюрок, видимо, смутившись титула правителя росов-алан — «каган». А на побережье и островах Балтийского моря оказались и те и другие русы.

В сущности, только один документ, говорящий о событиях X в., и упоминающий «Русь» в составе Империи, может быть поставлен под сомнение: это т. н. «устав» турниров в Магдебурге, приписываемый Генриху I Птицелову (919–936)⁹⁵⁴. Магдебургские грамоты из собрания Мельхиора Гольдаста (впервые опубликовавшего «устав») заподозрены как подложные⁹⁵⁵. Но подложность в такого рода документах обычно не касается основного содержания (указаний титулов, в частности), которое только и представляет интерес в данном случае. Просто Магдебург мог присвоить грамоту, адресованную какому-то другому городу. Поэтому упоминание в «уставе» феодальных владетелей Империи Велемира, «князя русского», Радеботто, «герцога русского» и Венеслава, «князя ругского» не может вызывать подозрений. Даже для того чтобы их придумать, нужно было иметь представление о какой-то смежной с Империей Русией.

«Русь» в Прибалтике упоминается в ряде документов, относящихся к самому концу X — началу XI вв. Один из них — это т. н. «Дагоме юдекс», документ, относящийся к 990–992 гг. и известный в списках XI–XII вв.⁹⁵⁶. В документе идет речь о пожаловании неким Дагоме и Отой с сыновьями папе Ионну XV территории, именуемой Шигнезе. Что-то в нем, видимо, не так: говорится о пожаловании одного места, а очерчивается территория всей Польши. «Русь» сначала упоминается как конкретное место «Руссе», а затем сказано о ее границах, простирающихся вплоть до Кракова. Документ привлекался в качестве возможного источника, касающегося «Неманской Руси»⁹⁵⁷. Но если «граница Руси» в данном случае не ошибка (вместо «от границ Руси»), то вблизи Кракова может быть локализована Прикарпатская Русь. Дальнейшие границы до «Алемура» (Олоомуц?) и «Милски», очевидно, относятся к Польскому государству.

954 Ср.: Ф.Л. Морошкин. Указ. соч. С. 24–25; А.Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь».... С. 44–45. «Устав» датирован 938 г. Но в данном случае явная ошибка либо даты, либо имени Генриха (ум. 936). Текст «Устава» см.: Melchioris Goldasti. Collectio constitutionum imperialium. Frankofurti, 1713, PP. 213–214. В «Уставе» речь идет о «Славонии» как части Империи, упоминаются поморские владетели и в их числе, очевидно, «Bilmarus princeps Russiae, Radebotto, dux Russiae, Vinslaus princeps Rugiae».

955 Ср.: J. Böhmer. Regesta Imperii. II. Insbruck, 1893, P. 32; E. Ottental. Die gesuchten Magdeburgen Diplome und Melchior Goldast. Wien, 1919.

956 Ср.: B. Kurbisowna. Dagome iudex — Studium Krytyczne // Poczatki panstwa Polskiego. T. I. Poznan, 1962, S. 394–396.

957 Ср.: И. Боричевский. Указ. соч. С. 175–176.

Другой документ — это «Житие Адальберта», погибшего в 997 г. в Пруссии, написанное около 1004 г. Бруноном. «Житие» также известно уже в списках XII в. Адальберт-Войцех прибыл в Пруссию со стороны Гданьска, т. е. со стороны моря и вскоре был убит язычниками. В некоторых списках убийцами называются «рутены»⁹⁵⁸. И вообще в тексте «Жития» часто вместо «Пруссия» значится «Руссия» и т. п.⁹⁵⁹. Брунон, как и Адальберт, достаточно хорошо знал славянский мир. В 1008 г. он непосредственно побывал в Киевской Руси, и с ним связана одна из легенд о ее крещении. А в 1009 г. он разделил участь Адальберта, погибнув где-то на границе Пруссии и Руси⁹⁶⁰. О какой Руси идет речь во всех этих записях — сказать трудно. Но обращает на себя внимание легкость, с какой переписчики готовы были поместить Русь в окружении балтского мира.

Ряд упоминаний Балтийской Руси (или Балтийских Русий) имеется у Адама Бременского и его комментатора, относящихся ко времени около 1075 г. Так, перечисляя балтийские острова, Адам называет заселенную славянами Фембру, « тот, которым владеют раны (руги, руны) », а также « третий остров, называемый Семланд, смежный с Русью и Поляками, населенный сембами и пруссами, отличающимися человеколюбием »⁹⁶¹. Семланд — это Самбия, полуостров (в районе нынешнего Калининграда), принятый хронистом за остров. Если с запада к нему подходят польские пределы, то Русь могла граничить с ним у низовий Немана.

Комментатор имел больше познаний о норманах и русах. Выше упоминалось его много разъясняющее обозначение одной из Русий — «Русия-турк». Это, очевидно, часть донских «русов-турк», о которых писал в XII в. Идриси. Комментатор является единственным западноевропейским автором, прямо указывающим на разные и по языку и по культуре «Руссии» на Балтике. В ряде добавлений он упоминает «Русь» в связи с событиями главным образом в германоязычных землях. В одном из них сказано о том, что польский король Болеслав в союзе с Оттоном III (ум. 1002) подчинил всю Славонию, Руссию и Пруссию⁹⁶². «Славония» — это либо Западное Поморье⁹⁶³, либо вся территория балтийских славян. Руссия здесь занимает область между Славонией и

958 См.: Ф.Л. Морошкин. Указ. соч. С. 48.

959 Pomniki dziejowe Polski. T. IV, cz. 2, Warszawa, 1969, S. 5, 19.

960 MGH SS. T. III, P. 90.

961 Magistri Adam. Op. cit., P. 114.

962 Ibid., P. 95–96.

963 См.: М.В. Бречкевич. Введение в социальную историю княжества Славии или Западного Поморья. Юрьев, 1911.

Пруссией. Конечно, это не Киевская Русь, к этому времени достигшая вершин своего могущества при Владимире. Зато наивысший успех Болеслава в Поморье приходится как раз на период около 1000 г. Уже через несколько лет Поморье снова отпадет: лютичи выступают на стороне Империи, Волин возвращает независимость, ликвидируется епископство в Колобжеге. Соседняя с Пруссией «Руссия» могла находиться у устья Немана, но могла иметься в виду и тоже неясная «Руссия» из «Дагоме юдекс».

К началу XI в. относятся события, связанные с более западной Балтийской Русью, нашедшие отражение в целом ряде источников. По сообщению Адама Бременского, «брать Адельрада Эмунд, доблестный муж, в угоду победителю был умерщвлен ядом; его сыновья были осуждены на изгнание в Русь»⁹⁶⁴. Эмунд — это Эдмунд Железнобокий, английский король (ум. 1016). Этельред II — старший его брат, также англосаксонский король (979—1014). Победителем их явился датский предводитель Кнут Великий (ум. 1035), ставший с 1016 г. английским, а с 1018 г. также и датским королем. Кнут объединил под своей властью большую часть Северной Европы, в том числе и земли балтийских славян (мать его происходила из рода ободритских князей), хотя зависимость их была скорее номинальной, чем реальной.

Примечательно, что различные источники говорят об изгнании сыновей Эдмунда с теми или иными разнотениями, свидетельствующими о их независимости друг от друга. Довольно обстоятельно они были рассмотрены М.П. Алексеевым и вновь опубликованы В.И. Матузовой⁹⁶⁵. Один источник — это комментарий к т. н. «Законам Эдуарда Исповедника», якобы утвержденным Вильгельмом Завоевателем в 1070 г. Комментарий имеется в разных списках этих законов, а также в «Хронике» Роджера из Ховедена (ум. 1201). В комментарии сказано, что «у этого вышеназванного Эдмунда был некий сын, которого звали Эдуард; он по смерти отца, страшась короля Канута, бежал из этой земли в землю ругов, которую мы называем Руссией. Король этой земли, по имени Малесклод, когда услышал и понял, кто он, с честью принял его»⁹⁶⁶. В разнотениях земля ругов называется «королевством ругов», которое «лучше назвать» (или «мы предпочитаем назвать») «Руссией». Имя королевы у Роджера

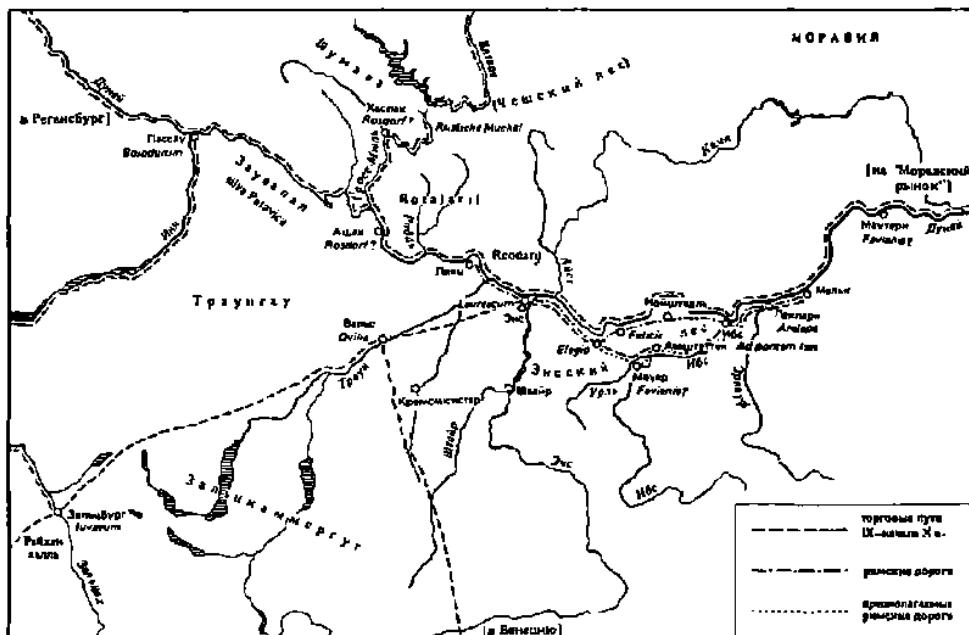
964 Magistri Adam. Op. cit., P. 245.

965 М.П. Алексеев. Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. ТОДРЛ. Т. II. М.-Л., 1935; его же: К вопросу об англо-русских отношениях при Ярославе Мудром... Научный бюллетень ЛГУ. 1945, № 4; В.И. Матузова. Указ. соч. С. 36–39 и 55–59. См. также: Г. Ловмяньский. Руссы и руги. С. 49–50; А.Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь». С. 43–44.

966 См.: В.И. Матузова. Указ. соч. С. 58. Cp.: Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 1, Halle, 1903, S.664,ect.

«Малескольд», у нормандского хрониста Гильома Жюмьежского (вт. пол. XII в.) «Юлиусклодиус», у Ордерика Виталия (ум. 1143) — «Юлиус Клодиус».

В приведенном тексте представляют интерес два момента. Во-первых, это прямое отождествление Ругии и Русии (независимо от того, имеется в виду Балтийская или же Киевская Русь), представление о том, что это одно и то же различно записываемое на бумаге наименование. Второй момент — имя короля ругов-русов. М.П. Алексеев стремился доказать, что речь идет о Ярославе Мудром. Автор сопоставляет *clodus* и *sclavus*, предполагая ошибку фонетического порядка⁹⁶⁷. Но компонент *clod* довольно широко представлен в западноевропейской антропонимии. И он имеет простую и ясную этимологию: по-кельтски это означает «славный». В кельтских именах хорошо известен первый компонент *Mal*. Значение его — «князь, дворянин»⁹⁶⁸. Значение имени в целом, следовательно, «славный князь». И если возможно сближать это имя с именем Ярослава, то лишь в качестве осмысления, кальки. А это должно было бы предполагать хорошее знание славянского и кельтского языков. Неудивительно, что кельтское имя Малесклод переосмысливалось под пером авторов, не понимавших кельтских языков, на латинский манер⁹⁶⁹.

Торговые пути и дороги Центральной Европы

967 М.П. Алексеев. Англо-саксонская параллель... С. 47–48; его же: К вопросу об англо-русских отношениях. С. 31.

968 Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 59 (компонент *mal* в именах собственных).

969 Считаю ошибочной и свою попытку этимологизации имени из латинского (статья «Варяги» и «Русь»), Латинский именослов вообще мало повлиял на европейскую антропонимию. Кроме того, негативный смысл могло носить только прозвище со стороны.

Сопоставление имени Малесклода и Ярослава навеяно, как и многое другое, представлением об одной-единственной Руси. Между тем сам М. П. Алексеев привел данные, свидетельствующие о том, что имеется в виду именно Ругия — Балтийская Русь. В стихотворной хронике Жеффрея Геймара (между 1135–1140) дается еще один вариант (или аспект) событий начала XI в. Король Кнут, подстрекаемый женой Эммой, приказал отравить сыновей Эдмунда Железнобокого. Их воспитатель датчанин Вальгар «не стал медлить: он оставил свою землю трем сыновьям; лишь с тремя кораблями пустился он в море, всего за пять дней проехал Руссию и завершил свое путешествие, прибыв в Венгерскую землю»⁹⁷⁰.

Любопытно, что в старшем списке хроники называется не «Руссия», а «Сусия». В такой замене обычно видят ошибку переписчика⁹⁷¹. Но славянское племя «сусов» было известно источникам, и оно было знакомо под таким именем как раз авторам XII в., в частности Гельмольду⁹⁷². «Земля сусов» — это либо часть Вагрии, либо другое ее название⁹⁷³. Это область, непосредственно примыкающая к Дании, откуда начиналось путешествие беглецов. Ошибка, следовательно, свидетельствует об определенном знакомстве автора или переписчика с реальным положением на южном побережье Балтики. И, конечно, как это следует из всего повествования, речь идет о Балтийской Руси, в рамках которой, возможно (по крайней мере, в данном конкретном случае), мыслится и Сусия. Киевскую Русь за 5 дней, конечно, не проехать (не говоря уже о том, что она и не по пути в Венгрию). От устья Одера до Новгорода при попутном ветре путь занимал, по сообщению Адама Бременского, две недели. Из Сконии (южная часть Швеции) до Бирки датские мореходы доходили за пять дней. Пять дней требовалось и для того, чтобы из Бирки попасть на «Русь»⁹⁷⁴. Речь идет, видимо, о России-турк — Роталии, Аланской Руси у восточного побережья Балтики.

Г. Ловмяньский, признавая в целом достоверность приведенных известий, считает все-таки, что речь идет о Киевской Руси, а не о Ругии, ибо «Ругия не была соответствующим местом ссылки королевичей, как маленький островок...

970 Ср. текст: В.И. Матузова. Указ. соч. С. 38. (Редакция перевода несколько изменена).

971 Ср. там же, прим. 1. Некоторые авторы, ссылаясь на Хронику Флорентия Вустерского (XII в.), считают, что речь идет о Швеции. Но упоминающиеся здесь «свавы» (*ad regem Suuavorum*) — это либо швабы Баварии, либо «сварины» древних авторов и «свары» Географа Равеннского жившие на южном берегу Балтики, что указывает скорее на знакомство с литературой, чем с реальной ситуацией в Прибалтике.

972 Гельмольд. Указ соч. С. 47.

973 См.: А. Гильфердинг. Указ. соч. С. 27.

974 Magistri Adam. Op. cit., P. 249.

и слишком близкий к Дании»⁹⁷⁵. Но такая интерпретация противоречит и буквальному чтению источников, и существу отраженных в них событий. Что же касается удельного веса Ругии, то о значительности его можно судить хотя бы по тому, что, как это отметили Адам Бременский и Гельмольд, лишь раны-руги из всех славян имели правителей, титуловавшихся «королями». Руги брали дань со многих балтийских (славянских и неславянских) племен, и их территория, судя по источникам, не ограничивалась островом Рюген. При всех частных расхождениях и разнотениях рассмотренная группа источников настойчиво указывает на Балтийскую Ругию-Русь.

Комментатор Адама Бременского еще несколько раз упоминает «Русь», причем в одних случаях разумеется Ругия, в других Роталия или собственно Киевская Русь. В отдельных случаях без дополнительных данных вообще невозможно определить, о какой «Руси» идет речь. Так, в одном источнике отмечается, что «Кнут отдал в жены свою сестру Эстредь за сына короля России»⁹⁷⁶. А.В. Назаренко сочинил целый роман о женитьбе на Эстредь сына Ярослава Ильи, упомянутого во вводных статьях Новгородской 1 летописи, составленных в середине XV в., и совершенно неизвестного предшествующему новгородскому летописанию⁹⁷⁷. При этом автору пришлось завысить возраст Ярослава даже по сравнению со всеми летописями, которые определяли возраст князя под 1016 г. большинство в 28 лет, а Ипатьевский список и Софийско-новгородские летописи — в 18. В условиях борьбы с полоцкими князьями, потомками старшего сына Владимира Изяслава, князю «добавили» десяток лет, и в статье-эпитафии под 1054 г. определили его возраст в 76 лет. Таким образом, князь становился старше даже и неправедного брака своего отца Владимира и Рогнеды, который в той же летописи (и в киевской, и в новгородской интерпретации) овладел гордой княжной, не желавшей «розути робичича» в 980 г. А Ярослав был далеко не первым сыном Рогнеды. Из четырех сыновей он значился третьим. А кроме того, у него были и сестры, упоминаемые в летописях. А работу А.Г. Рохлина, основательно обследовавшего останки князя и установившего, что князь был моложе указанного в итоговой статье возраста, автор, похоже, не заметил⁹⁷⁸. Главное же — автор, кроме «норманской» Киевской Руси, никакие иные не видит. А многомужней Эстредь надо было успеть до 1019 или даже до 1016 г., когда сам Ярослав, нанимая в Швеции

975 Г. Ловмяньский. Руссы и руги. С. 49, прим. 37.

976 Magistri Adam. Op. cit., P. 114.

977 А.В. Назаренко. Древняя Русь на международных путях. С. 484–504.

978 См.: А.Г. Рохлин. Итоги анатомического обследования и рентгенологического изучения скелета Ярослава // КСИА. Т. VIII М., 1940. С. 46–57.

сначала против отца, а затем против братьев варягов-свеев, женится на дочери шведского конунга Олава Ингигерд — матери всех шести внесенных в собственно летописный текст сыновей Ярослава и дочерей, которым князь подыскивал женихов за пределами Киевской Руси. А у Эстредь мужья менялись с быстротой, за которой хронисты едва успевали, и все они были из соседних с Данией и Англией (королем которых был Кнут в 1016–1035 гг.) земель. Тесные связи король поддерживал, в частности, с герцогами нормандскими, искал опору и среди своих родичей по матери (ободритов), на которых к этому времени уже распространялось имя «Руси», и, может быть, именно при нем возникнет стойкий интерес датских королей и епископов к Руси-Роталии. И, конечно, это сообщение должно быть рассмотрено в контексте изложенных выше сведений о Поморской Руси, которую можно было проехать лишь за пять дней.

Сообщение о «сыне русского короля», за которого была выдана Эстредь, имеется только в комментарии и, по существу, противоречит основному тексту хроники, где фейерверком проходят нормандские мужья Эстредь. Киевского князя Ярослава комментатор тоже знал. Он, в частности, сообщил о том, что «Гаральд, возвращаясь из Греции, взял в жены дочь короля Руссии Герцлефа»⁹⁷⁹. Написание Gerzlef обычно для германской передачи имени Ярослава. Гаральд возвращался из Греции после 1042 г. Женой его стала дочь Ярослава Елизавета, известная сагам и под этим именем, и под именем Эллисив.

Любопытно замечание комментатора о «Руссии, называемой варварами Дании Острогардом», а также «Хунигардом», поскольку там некогда обитали гуны⁹⁸⁰. Как отмечено выше, «гунами» в западных источниках именовали фризов, неоднократно выселявшихся с побережья Северного моря (в том числе во II в. в Причерноморье), а в конце VIII в. в большинстве ушедших от франков на восток, рассеявшихся по Волго-Балтийскому пути. Известно, что в сагах Русь именуют «Гарды» или «Гардарики», видимо, имея в виду сказочное представление о цветущих землях или путях за серебром и иными ценностями. (Современное норвежское «gard» — усадьба, дом с участком земли, в прошлом также замок, крепость. Примерно то же значение и в кельтских языках.) В данном же случае название «Острогард» как бы должно отличить «Руссию» восточную от рядом лежащей. «Острогард Русии» назван и при исчислении расстояний (в днях пути)⁹⁸¹. И речь может идти как раз о Роталии и «островной

979 Magistri Adam. Op. Cit., P. 153.

980 Ibid., P. 240.

981 Ibid., 254–255.

земле» — «Острове русов» восточных источников, буквальным переводом которого является постоянно упоминаемая в сагах «Holmgarda», иногда поозвучию переносимого и на «Новгород».

Отсутствие специальных оговорок у большинства авторов XI–XII вв., упоминающих «Русь», затрудняет правильное их понимание, приводит к постоянному смешению разных Русий и в литературе. Это видно, на примере интерпретации рассказа Штаденских анналов под 1112 г. Согласно рассказу, дочь штаденского графа Ода, выданная за русского князя, вынуждена была после его смерти бежать со своим сыном Вартиславом в Саксонию. Затем Вартислав был призван на княжение «в Русь»⁹⁸². А.В. Соловьев предположил, что под «Вартиславом» следует разуметь Ростислава Владимиевича (ум. 1065)⁹⁸³. В.Т. Пашуто видел в нем Святослава Ярославича (ум. 1076)⁹⁸⁴. Между тем этот факт находит объяснение без каких-либо натяжек в истории Поморья как раз в указанный анналами период. Имя «Вартислав» отсутствует в киевском именослове. Но оно неоднократно встречается в Прибалтике (видимо, в связи с рекой Варта). Именно с Вартиславом связывается крещение части Поморья во втором десятилетии XII в. Этот Вартислав был, видимо, сыном Святобора — ставленника польского короля Болеслава III в Поморье, изгнанного поморянами⁹⁸⁵. Скитания Вартислава являются, таким образом, следствием неудач его отца. Название «Русь» в этом случае, очевидно, предполагает либо какую-то часть Поморья, либо вообще славян-вендов.

Крещение Поморья в 1124–1125 гг. Оттоном Бамбергским нашло отражение в трех его жизнеописаниях, наибольшей полнотой из которых отличаются биографии Эбона и Герборда. Эбон писал в 1151—52, Герборд в 1158–1159 гг. Помимо своих предшественников, Герборд использовал сведения, сообщенные участниками миссии Зефридом и Тимо, что делает его описание наиболее насыщенным фактами.

Как и многие другие авторы X–XII вв., Эбон и Герборд неизменно порождают недоумение у специалистов, называя «Рутенией» и Восточную — Киевскую Русь, и Балтийскую Ругию⁹⁸⁶. Но, как и в других аналогичных случаях, путаница, очевидно, отражает реальное положение или же

982 MGH SS. T. XVI. Hannoverae, 1859, P. 319.

983 A.V. Soloviev. «Reges» et «Regnum Russiae» au Moyen Age // Byzantion, Bruxelles, 1966, P. 152.

984 В.Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 124.

985 Ср.: М.В. Бречкевич. Указ. соч. С. 95; Галл Аноним. Хроника. М., 1961. С. 89.

986 Ср.: А. Котляревский. Сказание об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности. Прага, 1874; А. Петров. Гербордова биография Оттона, епископа Бамбергского. ЖМНП, 1882, ч. 224, 1883, ч. 225. См. также: М.Б. Свердлов. Известия немецких источников о русско-польских отношениях // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 161–163.

представление об этом положении. Герборд прямо говорит о том, что «Рутения» непосредственно примыкает к Дании и должна находиться (с точки зрения римской церкви) во власти датского архиепископа⁹⁸⁷.

Миссионеры получили у щетинцев «многие» сведения «о происхождении племени рутенов». К сожалению, эти ценнейшие сведения Герборд не пересказал. Остается лишь предполагать, что балтийские рутены придавали большое значение своей этнической генеалогии, большее, чем как будто единоверные и единоязычные с ними поморские славяне. Очевидно, они отличали также свою генеалогию от родословной соседних племен, в том числе и славянских. Может быть, отражением «рассказов» этих рутенов являются некоторые легенды, распространенные в литературе рассматриваемой эпохи, в частности легенда об основании г. Волина (Юмны, Юлина) Юлием Цезарем⁹⁸⁸. Некоторые иные предания будут затронуты ниже.

После принятия щетинцами крещения рутены долгое время беспокоили их своими нападениями, добиваясь возвращения в язычество. Естественно, что рутены не могли бы проводить свои операции против щетинцев, если бы расположенные в устье Одера острова Волин (с г. Волином) и Узедом не были бы их своеобразным тылом.

О «земле варваров, которые называются рутенами», говорит и Эбон. Рассказывает он и о войне между рутенами и щетинцами. Особый же интерес представляет его дополнительное свидетельство, определенным образом характеризующее племя. Оттон, согласно Эбону, пытался обратить в христианство и рутенов. Однако рутены предупреждали, что если епископ или его люди приблизятся к «границам Рутении» с целью проповеди христианства, им будут «отрублены головы» и (очевидно тела их) будут выброшены на растерзание зверям⁹⁸⁹. Здесь интересно и упоминание «границ Рутении», и мотив «отрубания голов», если только это не обычная преувеличенная угроза.

Реальная путаница у авторов житий начинается лишь тогда, когда они касаются сюжетов, связанных с Киевской или Галицкой Русью. В этой связи показателен следующий текст Герборда: «С одной стороны на Польшу нападали Чехи, Мораване, Угры, с другой — дикий и жестокий народ Рутенов, которые опираясь на помощь Флавов, Пруссов, Поморян, — очень долго сопротивлялись польскому оружию, но после многих понесенных поражений принуждены

987 MPRH. T.II. Lwow. 1872, p.123: «Ruthenia vero Danos adiunktos habet, porro archiepiscopo Danorum itiam Ruthenia subiecta esse debuit. Остров Рюген известен Герборду и как «Ругия»

988 Ibid., PP.49, 131.

989 Ibid., P. 68–69.

были, вместе со своим князем, просить мира. Мир был скреплен браком Болеслава с дочерью русского князя, но не надолго...»⁹⁹⁰ Обычно вспоминают о том, что за Болеслава была выдана дочь Святополка Сбыслава, и связывают весь рассказ с русско-польскими отношениями. Между тем «дикий и жестокий народ рутенов» — это, конечно, раны-руги, которые очень часто в борьбе с польскими князьями и церковью имели на своей стороне всех язычников балтийского побережья. Здесь, очевидно, надо искать и загадочных «флавов», которых отождествляют с половцами, только исходя из убеждения, что речь идет о Руси Киевской. И ответ, можно сказать, лежит на поверхности: традиционные «руссус рутены» и «флави рутены» — все три варианта означают одно и то же: красные, красноватые, желто-красные — обозначение культового цвета.

Балтийское Поморье на протяжении ряда столетий рассматривалось как вотчина и Рима, и Империи, и датского архиепископства, и польских князей. По сообщению Оттона Фрейзингенского (ум. 1158), в 1135 г. германский император Лотарь III, получив с Болеслава за 12 лет дань, передал польскому князю в лен «поморян и ругов»⁹⁹¹. Однако вопреки настойчивым утверждениям польских хронистов о подчинении «Ругии» или «Руссии», борьба продолжалась с переменным успехом. Продолжатель Оттона Фрейзингенского — Рагевин (ум. 1177) поместил «рутенов» за пределами Польши, «на севере» от нее. Он ограничил польские земли с запада Одером, с востока Вислой, а с севера «рутенами и морем Скифским»⁹⁹². Помимо островов, сюда, видимо, входили и какие-то территории Западного Поморья, поскольку поморян специально хронист не выделяет.

Против язычников — балтийских славян в 1147 г. императором Конрадом III был организован специальный крестовый поход. О нем сообщают многие хроники. Гельмольд подробно описывает не слишком успешные действия крестоносцев против ободритов и лютичей⁹⁹³. Магдебургские анналы (вт. пол. XII в.) дают перечень состава огромного войска, отправившегося против «язычников севера»⁹⁹⁴. Возможно, вне связи с этим походом брат «польского герцога» «пошел с бесчисленным войском против Пруссов, жесточайших варваров, и долго там пробыл. Против них же и Рутены, хотя и не католики, но по произволению Бога, называющиеся христианами, выступили с огромным

990 Ibid., P. 73–74.

991 MGH SS. T. XVI, P. 188–189.

992 Ibid., P. 417.

993 Гельмольд. Указ. соч. С. 143–148.

994 MGH SS. T. XVI, P. 188–189.

войском». Неясно, как соотносятся выступления этих двух войсковых соединений. Дело в том, что вторгаться в Пруссию восточные русы могли либо через территорию Польши, либо через земли литовских племен. Непосредственно с пруссами соприкасались русы неманские. Но в данном случае речь, видимо, идет о союзниках польского князя, поскольку это рутены-христиане. Ими могли быть, например, дружины полоцких или галицких князей. Правда, «огромного войска» эти княжества выставить не могли, и в летописях никаких следов участия русских воинов в походе против пруссов нет⁹⁹⁵.

В 1168 г. столица Ругии Аркона была взята датчанами. Территория Балтийского Поморья оказалась во власти либо немецких, либо датских феодалов. Но какие-то группы балтийских рутенов еще продолжали сохранять самостоятельность. Выше говорилось о Неманской Руси. На ее существование обращали внимание и антинорманисты и норманисты⁹⁹⁶. Какие-то сведения об этой Руси, возможно, связаны с миграцией ранов с завоеванного острова: некогда плотно заселенный остров вскоре опустел и к началу XV в. славянская речь там совсем угасла.

Значительное количество сведений о рутенах содержит хроника Петра Дюсбургского, датируемая 1326 г. В этой хронике, в частности, сообщается о прибытии рутенов в земли скаловитов за 9 лет до прихода рыцарей Тевтонского ордена, т. е. в 1221 г.⁹⁹⁷ Это могли быть как раз рюгенские рутены. Но не исключена и еще одна возможность. Примерно тогда же венды, жившим по реке Виндаве, пришлось уступить свои давние территории литовскому племени куршей⁹⁹⁸. А эти венды тоже, по-видимому, назывались «рутенами». Во всяком случае, примерно на этой территории локализует рутенов Саксон Грамматик. Упоминают их здесь и некоторые другие источники.

995 В.Т. Пащуто сопоставил с сообщением Магдебургских анналов известие Ипатьевской летописи о походе на Голянь. См.: В.Т. Пащуто. Русско-польские взаимоотношения с середины XI в. до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи и Международные связи стран Центральной, Восточной, и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968. С. 20. Но летопись говорит о походе на голянь, жившую на Протве (см. ПСРЛ. Т. II. С. 339).

996 Ср.: Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. 7. С. 78–80 (прим. III к Т. I). Автор разделял мнение первого издателя Хроники Петра Дюсбургского Гарткноха (XVII в.) о происхождении самого названия «Пруссия» от «Порусья», т. е. территории, прилегающей к реке Рузе (нижнее течение Немана или его правый рукав). См. также: С. Гедеонов. Отрывки.... С. 20–21; Ch. Hartknoch. Selectae dissertationes Historicae de variis rebus Prussicis. 1679, Р. 63–64. Существование «Неманской Руси» признал, как отмечалось выше, и М.П. Погодин, считавший ее норманской колонией.

997 Scriptores regum Prussicarum. T. 1. Leipzig, 1861, P. 133.

998 Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л., 1938. С. 94. Изгнанные с реки Виндавы, венды сначала поселились у устья Западной Двины, где позднее возникла Рига (1201 г.), но и отсюда их курши изгнали. По сообщению автора, венды бежали отсюда к лэттам. Но, видимо, речь идет только о части этого некогда многолюдного племени.

Сведения о рутенах у Саксона Грамматика довольно многочисленны и нуждаются в специальном исследовании, тем более что он приводил данные, относящиеся к разным «рутенам»: именно на восточном побережье Балтики пересекались пути рутенов, пришедших с запада и с востока. Автор писал в конце XII-начале XIII в. Но «рутены» представлены у него в той части, которая основана на устных преданиях и отражает события VIII–IX вв.

Непосредственно Саксона интересовала именно «Русия-тюрк», как ее определял комментатор Адама Бременского. После овладения в 1168 г. Рюгеном датская экспансия устремилась далее на восток, к Рутении со столицей в Ротале, и Анналист Саксон оказался современником и почти очевидцем происходящего. И как всегда военным мероприятиям предшествовало и сопутствовало изучение потенциального противника и намеченной жертвы. Как отмечено выше, норманисты рутенов восточного побережья Балтики пытаются представить колониями норманнов-шведов. Саксон четко отличает рутенов и от датчан, и от шведов, в частности, по обряду погребения. При этом погребальный обряд рутенов в целом соответствует описаниям восточных авторов, умершего хоронят с конем под курганом. В хронике Саксона дается довольно значительный перечень и рутенских имен, которые будут рассмотрены ниже. Сводка этих данных имеется уже у Карамзина, который принял их просто за легенды⁹⁹⁹. Конечно, легендарного в такого рода документах много. Но не больше, чем в других скандинавских сагах.

Саксон говорил о рутенах в области позднейшей Ливонии применительно к сравнительно отдаленному прошлому. Но, приводя услышанные предания, он, очевидно, не предполагал, что локализация Рутении по восточному побережью Балтики может вызвать у кого-то недоумения. И у него были вполне достаточные основания верить в это. В 1188 г. папа Климент утвердил епископство в г. Икскуль, расположенному на Двине недалеко от позднее возникшей Риги. Папа уточнял, что город находится «в Рутении». В 1224 г. папа Гонорий III говорит о ливонских епископах, «надежно обосновавшихся в России»¹⁰⁰⁰. В той же хронике Петра Дюсбургского «земля Россия» помещается между Неманом (Мемелем) и Мазовией¹⁰⁰¹. В этнографическом введении «Повести временных лет» в числе данников Руси называются «Литва, Зимигола, Корсь, Нерома, Либь»¹⁰⁰². Дань с приморских племен корси и ливов

999 Н.М. Карамзин. Указ. соч. С. 65–68.

1000 Генрих Латвийский. Указ. соч. С. 248 (коммент. С.А. Аннинского).

1001 Scriptores rerum Prussicarum, P. 50–51.

1002 ЛЛ. С. 10.

брали явно не киевские князья. Это могли быть рутены из Роталии. Но и полоцкие князья позднее претендовали на устье Двины, может быть в качестве наследников каких-то рутенов: ведь Рогволод пришел в Полоцк из-за моря. Позднее именно в Понеманье зародилась легенда о происхождении Рюрика в 14-м колене от Пруса — брата Августа. Видимо, о чем-то подобном рассказывали рутены и миссионерам, пришедшим с Оттоном Бамбергским. Но у них могли сохраняться и более глубокие предания.

Отмеченное выше свидетельство Герборда указывает, по крайней мере, на два обстоятельства: во-первых, у рутенов более чем у других поморских племен поддерживался культ происхождения, генеалогии, во-вторых, они, очевидно, считали себя не автохтонным, а пришлым населением. Привязывание преданий венедских племен к Риму начала Империи не случайно. В этот период устанавливаются определенные контакты Рима с северной частью Европейского континента. Так, по сообщению Страбона, кимвры обратились к Августу, «прося императора о дружбе и забвении прошлых проступков». После того «как просьба их была удовлетворена, они вернулись назад», т. е. на побережье океана в Ютландию¹⁰⁰³. Римское же посольство «в страну янтаря» состоялось как раз во времена правления Нерона (54–68) — последнего отпрыска (по женской линии) потомства Августа и рода Юлиев. Посольство было направлено неким Юлианом — управителем театра гладиаторов Нерона. Посланец осмотрел в стране янтаря побережье и торг и привез такое количество весьма ценившегося в Средиземноморье материала, что из него сделали сеть, окаймлявшую нижнюю часть театра, а один из цельных кусков янтаря достигал 30 фунтов¹⁰⁰⁴.

Должно заметить, что в самом Риме в середине I в. родство с Цезарями (Гай Юлий Цезарь и Гай Юлий Цезарь Октавиан — Август), как сообщает Тацит, «почиталось превыше всего»¹⁰⁰⁵. Род Юлиев вел себя от Энея, судьба которого в преданиях о Троянской войне оказалась аналогичной участи Атенора или Палемона — вождей венетов. В этой связи, очевидно, не случайно в Прибалтике у венедов распространяется своеобразный культ Юлия Августа и отнюдь не респектабельного Нерона. Судя по итогам, римский посланник был встречен в Прибалтике с большим почетом. И едва ли не главным основанием для столь благожелательной встречи явилось родство генеалогий. В сущности, в средневековых генеалогических преданиях на I в. переместилось то, что относилось к эпохе Троянской войны.

1003 Страбон. География. М., 1964. С. 268.

1004 Кай Плинний Секунда. Естественная история. СПб., 1819. С. 332–333.

1005 Корнелий Тацит. Сочинения. Т. I. Л., 1969. С. 224.

С адриатическими венетами у Рима поддерживались традиционно дружественные отношения. Такие отношения должны были распространяться и на балтийских венедов, если они воспринимались в качестве ветви той же этнической среды. Но с юга в Прибалтику направлялось неоднородное население, в числе которого венеды были лишь одним из племен. Примерно такая же ситуация складывалась и в районе Северной Адриатики, где взаимодействовали собственно венетские и иллирийские племена. Этим может объясняться и выделение как бы двух ступеней генеалогической лестницы.

Примечательно, что в связи с традицией сведений о разных балтийских «Русиях» находится параллель уникальному обращению автора «Слова о полку Игореве»: «русичи» и «рутеничи»¹⁰⁰⁶. В литературе эта форма обращения использовалась даже для доказательства «подложности» поэмы. Но это чтение оказывается не только возможным, но и реально употребимым в близкое ко времени создания «Слова». При этом поэт, основываясь, видимо, на традиции Тмутараканской Руси, различал «чистых» русов-алан и русов-рутенов.

Название «Руссия» или «Рутения» еще длительное время продолжало сохраняться за Ругней и некоторыми районами Балтийского Поморья. Датские «Риенские анналы» (до 1288 г.) неоднократно упоминают «Руссию», говоря об усобице в Дании в середине XII в. Хорошо осведомленный об этих событиях Гельмольд сообщает о трехкратном изгнании Кнута из Дании его соперником Свеном, причем Кнут всякий раз искал поддержки в Саксонии и у фризов, живших на территории Ютландии. А в 1152 г. «Кнут отправился в Руссию, которую он с помощью, полученной от Саксонии, воевал и обратил в бегство»¹⁰⁰⁷. Под следующим годом анналы сообщают, что «Кнут, возвратившись из России, прибыл во Фризию». У Гельмольда «Русь» в этой связи не упоминается. Но у него есть сообщение о том, что около этого времени саксонский граф Адольф, поддерживавший Кнута, оказал помощь ободритскому князю Никлоту в борьбе против отпавших племен хижан и черезпенян¹⁰⁰⁸. По-видимому, об этих событиях идет речь.

В «Риенских анналах» имеются экскурсы и в эпическую историю Дании, в частности говорится об успехах Регнера Лотброка (кон. VIII-начало IX в.), якобы подчинившего Англию, Шотландию, Ирландию, Норвегию, Швецию,

¹⁰⁰⁶ Scriptores rerum Prussicarum. T.II. Leipzig, 1863, P. 64, 97 (Hermann de Wartberge); Ch. Hartknoch. Op. cit., P. 161 (1295 г.).

¹⁰⁰⁷ MGH SS. T. XVI, P. 402.

¹⁰⁰⁸ Гельмольд. Указ соч. С. 161–162, 164–165.

Тевтонию, Славию, Руссию и все королевства запада»¹⁰⁰⁹. Саксон Грамматик в данном случае говорит о территории Ливонии, видимо, под влиянием ситуации его времени. В «Риенских анналах» территории «Руссии» не поддается определению. Но это явно та же «Руссия», что и в английских документах XI в. Город Любек в документах 1373 и 1385 гг. помещается «в Руссии»¹⁰¹⁰.

Разные «Русии» явно смешиваются и в северных сагах. Само название «Хольмгард», как отмечено выше, является, по существу, калькой обозначения «Островная земля» и «Ейсюсла». Буквально то же значение прочитывается и в весьма популярном топониме «Хольмгард». И некоторые саги указывают именно на остров. Так, в рассказе «Саги о фарерцах» о походе викингов сначала на Швецию, а затем «на восток в Хольмгард», где викинги «грабили на островах и мысах», Е. А. Рыдзевская резонно видела именно остров Сааремаа¹⁰¹¹. К тому же рядом с Хольмгардом часто фигурирует Вик — область, лежащая напротив острова Сааремаа.

У Адама Бременского упоминаются проживавшие здесь «аланы или албаны». Последнее обозначение, видимо, книжное, означающее (в латинском) белый цвет. О том, что в иранских языках и росы-русы означают то же самое, западные авторы явно не догадывались. Датчане Рутенов с острова Рюген звали «Ре» или «Рены» — все те же «рыжие», «красные». «Рутенами» же они именовали именно аланскую Русь. Анналист Саксон воспроизвел и некоторые легенды роталийцев. В одной из них задействован и Один, который пришел на Балтику с Дона и вернулся на Дон. Он воспроизвел предание о рождении у дочери рутенского вождя Ринды от Одина сына Боя. Бой же — легендарный герой рутенов из Роталии. Один побывал и в Швеции и там тоже оставил свой след, и его шведы почитали как божество, но вернулся он на Дон.

Поскольку норманисты даже женщин-наездниц восточного побережья Балтики склонны рассматривать как колонию скандинавов, важным является указание шведского автора XVII в. Иоганна Мессениуса в «Хронике линчепингских епископов» (одна из первых шведских епархий), что во время шведского похода 1220 г. в Вик, в «Руссию», «рутены» убили епископа¹⁰¹². К сожалению, на острове Сааремаа, да и на побережье археологические раскопки не производились. Отмечены лишь случайные находки: на острове найдено

1009 MGH SS. T. XVI, P. 397.

1010 См.: А. Васильев. Древнейшая история северных славян и откуда пришел Рюрик и варяги. СПб., 1858. С. 37.

1011 Е.А. Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 69–70.

1012 См.: Кейслер Фридрих фон. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском kraе в XIII столетии. СПб., 1900. С. 92–93.

семь мечей, на континенте лишь один. С островом не случайно связывался и титул «кагана» у восточных авторов IX–X вв. Хотя титул этот явно не был признан соседями, в известной «крестьянской войне» 1343–1345 гг. именно остров стоял во главе восставших¹⁰¹³.

Примечательно, что земли по южному и восточному побережью Балтики именуются «Руссией» именно в датских источниках, т. е. у непосредственных соседей входящих в эту территорию племен. Это обстоятельство совершенно снимает вопрос о возможности смешения Руси со Скандинавией, в частности со Швецией. Вместе с тем собственно «Руссия» отличается и от «Славии», хотя иногда они и покрывают друг друга.

«Руссией» продолжали именовать римские папы и Ливонию, и земли, прилегавшие к острову Рюген. В 1245 г. папа Инокентий IV с требованием прекратить преследования францисканского ордена обратился к духовенству «Богемии, Швеции и Норвегии, а также в провинциях Польши, Литвы, Славии, России и Пруссии»¹⁰¹⁴. «Руссия» здесь, очевидно, область, подчиненная римской церкви, та же самая, что и в ряде других рассмотренных документах. Папа Бенедикт XI обращался в 1304 г. к последним собственно рюгенским князьям Вышеславу и Самбору, называя их «знаменитыми мужами, князьями русских» (*principibus Russianorum*)¹⁰¹⁵. В «Хождении на Флорентийский собор» в 1437 г. митрополита Исидора отмечено, что «коны митрополичи гнали берегом от Риги къ Любку на Русскую землю»¹⁰¹⁶.

Вполне живая еще традиция отразилась и в сочинениях авторов XVI столетия С. Герберштейна и Герарда Меркатора. Герберштейн стремился понять природу «варягов» и указал на то, что если у восточных славян Балтийское море называется «варяжским», то у балтийских оно называется «Варецким». Автор сближал это название с «Вагрией» и сопоставлял «русских» России и «русских» Вагрии¹⁰¹⁷. Географ Меркатор в описании балтийских народов уделяет видное место «рутенам» или «ранам» с острова Рюгена. Он, в частности, дал ценное указание на их двуязычие: язык рутенов был «словенской да виндельской»¹⁰¹⁸. «Виндельский» язык, очевидно, относится к изначальной природе балтийских

1013 См.: об этом также в указ. издании «Славяне и Русь. Проблемы и идеи».

1014 *Regesta diplomatica... Bohemiae et Moraviae*. T.I. Pragae, 1855, P. 530.

1015 Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек... А.И. Тургеневым. Т. I. СПб., 1841. С. 351.

1016 См.: Великие духовные пастыри. М., 1999. С. 237–238, 242–246. Таково чтение древнейшего списка. Дважды издававшая текст Н.А. Казакова «поправила» его по списку XVII в. на «Курскую» (даже не указав, как читалось в древнейшем списке) и перевела как «Курляндия», которой в XV–XVI вв. вообще еще не было.

1017 С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 4.

1018 И. Забелин. Указ. соч. С. 649.

рутенов (видимо язык всей группы племен ингевонов). «Словенский» они приобрели в ходе освоения балтийского побережья славянами в VI–IX вв. Поиски следов «виндальского» языка в Прибалтике, по всей вероятности, и должны привести к решению варяго-русской проблемы.

Интересные данные для решения «русской» проблемы содержит «Список русских городов дальних и ближних», созданный в конце XIV в. в окружении митрополита Киприана и отражавший притязания митрополии на территории, заселенные русами¹⁰¹⁹. В «Списке» упомянуты подунайские и причерноморские города Болгарии (митрополит сам был болгарином), среди которых обозначено Тырново (Тернов). (По летописи, Святослав отправился в поход на Дунай с целью перенести туда центр своей земли.) Упомянуты также «воловые» города — область, примыкающая к нынешней Закарпатской Руси или «Червленой» (т. е. «красной») Руси Средневековья. В числе литовских городов названы Ковно, Вильно, Троки («Старый» и «Новый») и целый ряд городов на Среднем Немане в так называемой Черной Руси. Само это название, которое нередко можно встретить и на исторических картах, — результат переосмыслиния примерно в XVI в. обозначения «красного» цвета в славянских языках. Ранее слово «красный» означало «красивый». (Поэтому так много титулованных особ с добавлением «Красный».) Красный же цвет обозначался словом «чermъный» или «чervленый» («чervленые щиты») «Слова о полку Игореве» и «Чermъное» море, ставшее «Черным». А особое внимание к цвету в Понеманье связано с тем, что по соседству на Западной Двине и далее по эстонскому побережью располагалась «белая» Русия (от ирано-аланского обозначения белого цвета).

Таким образом, широкий круг разнообразных и независимых друг от друга источников с IX по XVI в. указывают на наличие ряда Русий по южному и восточному берегам Балтики и на прилегающих к этим берегам островам. На восточном побережье выделяется «Русия-турк», являющаяся ответвлением донских русов-аланов, на острове Рюген и на побережье, в той или иной степени удаленном от моря, вплоть до Немана, упоминается несколько изолированных друг от друга, но восходящих к единому корню Русий «красных». Именно эти «Русии» традиционно, на протяжении столетий, воспринимались как части Руси Киевской и позднее Московской. С этими же Русиями — вполне обоснованно — увязывались и разные «Русии» в Подунавье

1019 См.: М.Н. Тихомиров. Русское летописание. М., 1979. С. 83–137 (с картой).

и примыкающих к Дунаю областях. В Причерноморье же смешивались «Русии» разного этнического происхождения.

Глава VI – Становление древнерусской цивилизации

Крушение рабовладельческого Рима и возрождение свободной крестьянской общины на значительных пространствах Европы было лишь этапом перехода к феодальным отношениям. Разрушив прогнивший мир, варвары в большой степени сами прониклись идеологией и жизненными нормами классового общества. Не имея возможности использовать в широких размерах рабский труд, они либо продавали массы захваченных пленных, либо заставляли их отрабатывать свободу в рамках обычного трудового цикла земледельческой общины. Первое давало им деньги, а вместе с ними неизбежное неравенство. Второе — привычку использовать чужой труд в специфических условиях сельскохозяйственного производства. Сама крестьянская община, обеспечивая земледельцу определенную защиту перед лицом внешней угрозы со стороны своей или чужой знати, постепенно попадает в зависимость от нарождающейся государственной власти. Зависимость от короля или князя становится платой за право относительно спокойно добывать хлеб в поте лица своего.

На характер возникающей государственности большое влияние оказывали разные формы общины. Византийские авторы не без удивления отмечали специфику славянской общины: пленных там не держат в рабстве, а либо отпускают за выкуп, либо предлагают остаться в качестве равноправного ее члена. В литературе обычно территориальная община рассматривается как этап развития после общины кровнородственной. На самом деле они сосуществовали на протяжении столетий и даже тысячелетий. Чаще всего территориальная община складывалась у оседлого земледельческого населения, а кровнородственная — у степного кочевого. Но в ходе многочисленных перемещений и смешений возникали соответственно и смешанные варианты. В принципе, в территориальных общинах управление выстраивалось снизу вверх, и иллюстрацией этого принципа может служить известный «Приговор» 30 июня 1611 г., принятый по инициативе Прокопия Ляпунова Первым ополчением в годы Смуты. Согласно «Приговору», бояре избирались земством и могли быть

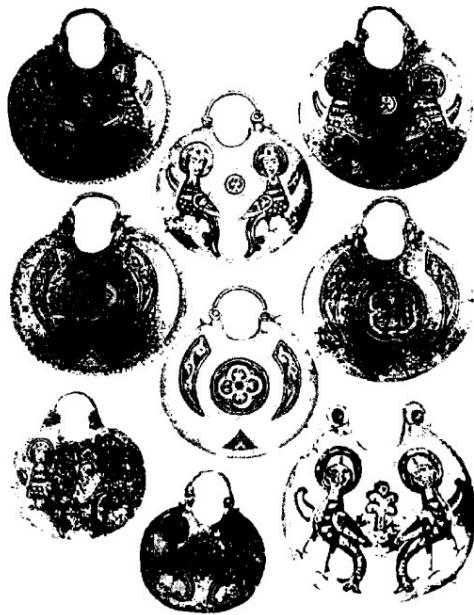
им же отозваны. Взаимоотношение «Земли» и «Власти» является стержнем внутриполитической истории многих народов, в особенности именно славян.

О.Н. Трубачев, анализируя специфику появления этнонимов у разных народов, указал на принципиально важный факт: у славян и кельтов племена обычно назывались по занимаемой ими территории (поляне, древляне, дреговичи, уличи (у «луки» реки), ободриты (по берегам Одры-Одера) и т. д. Кельтская Арморика в Бретани — равнозначна славянскому Поморью на Балтике. Этнонимы вариньи (варанги, варяги, вэринги) на Балтике и морины на побережье Северного моря также объясняются из кельтского как «поморяне». От названия реки (Рур, Раура) происходит племя руриков-рауриков. Германские и многие другие племена Европы чаще всего вели свое название от родоначальника или какого-то реального или легендарного давнего предка, вроде венетского Палемона. И славянские племена вятичей и радимичей, пришедшие с польского Поморья, видимо, испытали влияние тех же венетов: именно в Юго-Восточной Прибалтике позднее проявится культ Палемона. Многие самоназвания означали просто «люди». Таковы упоминаемые Лиутпрандом славяне — «Нордлюди». Таковы «манны», «инги», «гуны». Нередко названия давались со стороны и со временем усваивались и теми, кого так или иначе прозвали соседи. Часто это связывалось с тем или иным ритуалом, вроде упомянутых «разноцветных» русов.

Поскольку «чистых народов не было и нет», как любили некоторое время назад повторять последователи исторического материализма в спорах с приверженцами расистских теорий, и исконные формы общежития неизбежно подвергались внешним воздействиям. Нашествия кочевников часто ставили вопрос о выживании, заставляя либо бороться, либо договариваться, либо искать новые места поселения. При этом, как правило, территориальные общины легко ассимилировали иноплеменников и довольно легко воспринимали соседство иных племен. В середине XIX в. два далеких друг от друга автора отметили характерную черту славяноязычных россиян: способность ассимилировать иные народы. Французский публицист и историк А. Токвиль отметит, что Россия (в отличие от Америки), дойдя до Тихого океана, не уничтожила ни одного народа. Об этой же уникальной способности России скажет и Ф. Энгельс в письме К. Марксу (от 23 мая 1851 г.).

Специфические черты, отличающие древнерусскую культуру, формируются главным образом в Среднем Поднепровье. Именно проходившие здесь процессы накладывают ту особую печать, которая отличает древнерусское

от общеславянского. Здесь соприкасались лес и степь и связанные с природным фактором разные формы ведения хозяйства. Отсюда шли связи с культурными центрами Подунавья, Причерноморья и Средиземноморья, а через Прибалтику со странами европейского Запада и северо-запада. На протяжении многих столетий южной периферией Среднего Поднепровья шли передвижения племен с востока на запад. В отдельные периоды происходили и встречные передвижения. Таковые особенно усилились в последних веках до н. э. и в первых веках н. э. Растущий Рим как бы блокировал возможности расселения на юго-запад, а сдвиги в социальном укладе и, может быть, климатические изменения заставляли многие племена приходить в движение.

Котлы с изображением сиринов

Эпоха великого переселения народов сопровождалась возникновением государственных объединений, которые на первых порах еще весьма непрочны и поддерживаются не столько производственными процессами, сколько стимулами внешнего порядка: существованием общего врага или надеждой на богатую добычу. Классовое расслоение все больше сближает социальные верхушки разных племенных союзов и углубляет противоречия внутри их. Государство теперь берет на себя главные свои функции: обеспечение определенного «порядка» за счет узаконения системы господства и подчинения в собранной воедино внутренним развитием или внешним воздействием территории. VI–VIII вв. в Европе — это эпоха своего рода упорядочения новой социальной структуры и значительно обновленной этнической карты. В Европе

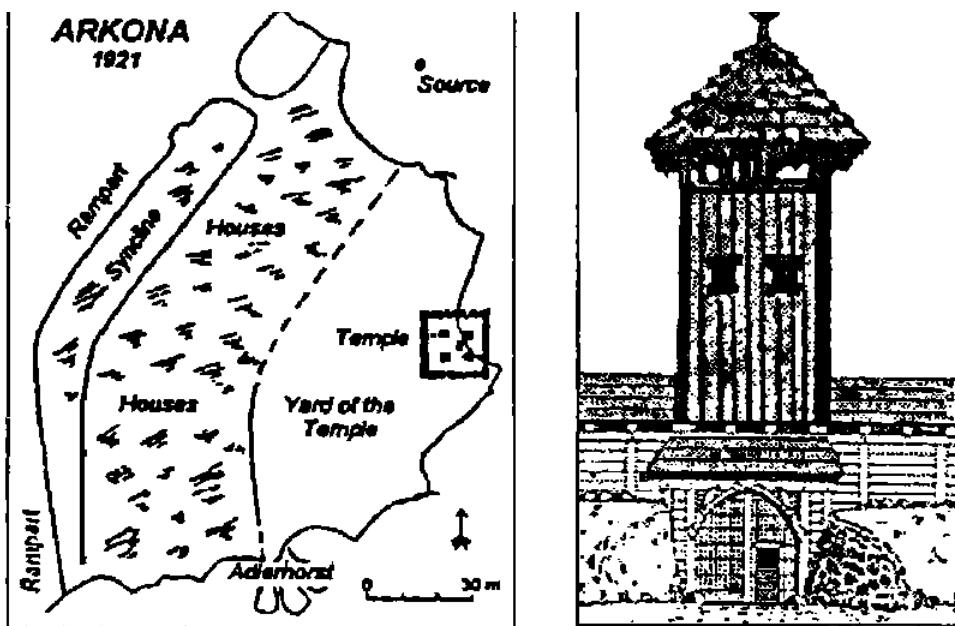
формируются новые народности и новые государства. Процесс этот неизбежно должен был принять всеевропейский характер, поскольку экспансия сильных в отношении слабых соседей могла остановиться, лишь встретившись с соответствующим противодействием. Иными словами, процесс классообразования и возникновения новых государств в Европе должен был втянуть в него все племена и все территории. Практически это означало, что в Европе не оставалось племен, не плативших кому-нибудь дань.

Остров Рюген (Рюген) и Аркона (крупный план)

Восточная Европа, естественно, не была исключением. Здесь также интенсивно идет процесс классообразования и сказывается неравномерность развития. Государственные образования здесь также возникают в разных местах и на разной этнической основе, при этом одни племена попадают в зависимость от других. Помимо традиционных причерноморских центров цивилизации, к государственности переходят отдельные ирано- и тюркоязычные народы. Возникает государственность у алан, хазар, волжских булгар. Устойчивый характер принимает государственность и у славян. И у них выделяется несколько центров, между которыми длительное время идет борьба. Участие в этой борьбе неславянских элементов (обычное для переходного периода у всех европейских народов) породило крайне противоречивое толкование самого процесса оформления древнерусской государственности. На протяжении длительного времени существенно менялись границы нового образования: отпадали одни земли, включались другие, пока в IX–X вв. наконец более или менее стабилизируется круг территорий, племен и традиций, с которыми ассоциируется понятие собственно древнерусского. Борьба норманизма и антнорманизма в позднейшей историографии — лишь отражение и упрощение

крайне сложного и противоречивого процесса сложения древнерусской цивилизации, в котором реально участвовали выходцы из разных земель и племен.

План святилища в Арконе и его реконструкция

Сложение древнерусской цивилизации осуществляется в ходе взаимодействия главным образом славян и русов, причем и те и другие сами оказываются осложненными реликтами других этнокультурных объединений, а различные племена их более или менее существенно различаются между собой. Русы к тому же и изначально представляли разные по происхождению этносы. А взаимодействие славян и русов проявляется в разной форме почти во всех основных районах обитания разных «Русий». Славянизации подвергается и рутено-венедское население Прибалтики, и Русь Причерноморская, отчасти Русы аланов Подонья, не говоря уже о собственно Руси в Приднепровье, где русы появляются с зарождения Черняховской культуры, причем, видимо, оба главных ее вида (руги-роги и росомоны). Но естественно, что и славянство в ходе взаимодействия проникалось какими-то чертами, характерными для руси или иных племен и народов (в частности иранских), которые участвовали в сложении новой государственности и культуры. В этой связи представляет значительный интерес выделение компонентов, из которых складывается новый этнос и новые традиции.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

Как известно, норманизм длительное время питается тем, что в археологических древностях Восточной Европы имеются явно неславянские или не вполне славянские элементы материальной культуры. При этом от славян требуется четкое «удостоверение» в виде неизменного комплекса хозяйственно-бытовых и погребальных традиций, а норманам-германцам «разрешается» довольно широкий допуск в том и другом. В сущности, норманизм дает заявки едва ли не на все не укладывающееся в рамки строгого славянского эталона, реликты материальной и духовной культуры. Приняв некоторые постулаты норманизма, некоторые антинорманисты незаметно для себя сами способствовали утверждению такого положения. Так, в нашей литературе долгое время шло обсуждение вопроса о «проценте» норманских элементов в тех или иных древностях. Под натиском реальных или определенным образом осмысленных фактов процент этот в последнее время сдвигался в пользу норманизма.

Недавно видный в прошлом норманист Л.С. Клейн выступил с воспоминаниями о семинаре-дискуссии в ЛГУ в 1965 г. по вышедшей в том же году книге И.П. Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной науке» (М.-Л.). Автор напомнил, что перед началом дискуссии Игорь Павлович согласовал с ним свое выступление. «Стыдливый норманист», признавая, что варяги — это норманы, просил не завышать процент их в Восточной Европе, дабы не поставить под удар марксистскую концепцию возникновения государства, как спонтанного развития любого конкретного общества. В то время слова Энгельса о том, что «государство не может быть навязано извне», воспринимались как отрижение возможности завоевания одних племен другими, тогда как Энгельс имел в виду «извне» человеческого общества (т. е. с неба). Вспомнил автор и о том, что некто Кузьмин в 1971 г. выступил в «Вопросах истории» против обвинения норманистов в антимарксизме¹⁰²⁰.

Статья Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева, В.А. Назаренко «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения»¹⁰²¹, равно как позднее вышедшая книга С.И. Кочкуркиной «Юго-Восточное Приладожье в X–

1020 Л.С. Клейн. Норманизм-антинорманизм: конец дискуссии // STRATUM plus. 1969, № 5.

1021 См.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

ХIII вв.» (Л., 1973), оказались весьма полезны введением в научный оборот большого материала, который было необходимо понять и объяснить. Авторы исходили из доктрины скандинавской природы варягов. И чем больше они находили варяжских (привнесенных по Волго-Балтийскому пути) элементов культуры, тем более рушилась презумпция о скандинавском происхождении варягов. Это понимал И.П. Шаскольский, для которого главным противником был «буржуазный» антимарксизм¹⁰²². Поэтому он и уоваривал «не завышать процент». И я действительно в этом споре был на стороне археологов: чем больше в их руки попадало подобного материала, тем скорее они должны были задуматься над главным: а обоснована ли сама норманистская презумпция? Суть этого взгляда была выражена в ряде статей. «Сложившиеся представления о соотношении автохтонного и привнесенного начала, — сказано в одной из них, — в последнее время серьезно пошатнулись. В археологической литературе все более широкое обоснование получает тезис, что удельный вес нормано-варягов был намного значительней, чем это предполагалось некоторое время назад. С норманнами теперь связывается подавляющая часть социальной верхушки Древнерусского государства. На Белое озеро и Верхнюю Волгу, согласно новым представлениям, варяги-норманны проникают примерно на столетие раньше славян... Но новый материал неизбежно порождает старые вопросы. Снова возникает потребность объяснить, почему на территории, где соприкасаются варяги и угро-финны, распространяется славянский язык, почему нет сколько-нибудь заметных проявлений германских верований, почему так быстро исчезают варяжские имена, причем в княжеской династии раньше, чем у рядовых дружинников. На все эти «почему» норманизм, очевидно, не в состоянии дать ответ. А это означает, что необходимо более тщательное выяснение природы тех этнических элементов, которые многие лингвисты признают северо-германскими»¹⁰²³.

1022 И.П. Шаскольский. Антимарксизм и его судьбы//Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.

1023 А.Г. Кузьмин. Об этнической природе варягов. ВИ, 1974, № П. С. 55.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

Руги и Русы на карте Европы VI–XII вв.

В частных беседах постоянно звучал призыв: посмотреть на противоположную сторону моря. И отрадно было прочесть вскоре статью Г.С. Лебедева и А. А. Розова. Исследуя укрепления Городца под Лугой (IX–X вв.), авторы установили, что «решетчатые кладки из бревен до сих пор неизвестны в военном зодчестве Руси X–XI вв. Зато они типичны для западнославянских городищ IX–XII столетий в Поморье. Мекленбурге, Лужице». «Возможно, — заключали авторы, — эти аналогии указывают направление дальнейших поисков истоков славянской культуры Верхней Руси»¹⁰²⁴. Именно о «направлении дальнейших поисков истоков» и шла речь в принципиальном споре. И вопрос осложнялся тем, что южный и восточный берега Балтики знали у нас меньше, чем следовало бы для преодоления норманистской традиции. А под пером тогдашнего директора Ленинградского отделения института археологии М.И. Артамонова норманы-германцы даже вытесняли славян с территории Восточной Европы¹⁰²⁵.

Через призму активного норманнского участия в сложении древнерусской государственности рассматривали многие специалисты те или иные языковые

1024 Г.С. Лебедев, А.А. Розов. Городец под Лугой. ВИ, 1975, № 2. С. 217.

1025 М.И. Артамонов. Вопросы расселения славян и советская археология //Проблемы всеобщей истории. Л., 1967.

явления. Так, А.И. Толкачев, говоря о названиях днепровских порогов, не сомневался, что «всякие попытки... объяснить эти названия путем сопоставления не с северогерманскими, а с другими языками совершенно лишены основания»¹⁰²⁶. О несостоятельности этого взгляда и с языковой точки зрения речь пойдет ниже (имеется в виду, в частности, работа М.Ю. Брайчевского). Здесь остановимся на торговом и миграционном потоке по Волго-Балтийскому пути.

Как отмечалось выше, ритуальные поиски следов германизмов в культуре Восточной Европы проистекает из априорного понимания варягов как норманов (именно шведов), что противоречит прямым показаниям источников. Но прибалтийские элементы в археологических материалах Восточной Европы, безусловно, имеются и, может быть, даже в больших размерах, чем это представлялось и представляется норманистам. Дело в том, что эти элементы необязательно неславянские, а различия материальной культуры в зависимости от различия географических условий — явление вполне закономерное, обязательное. Поэтому здесь ставится задача выявить эти прибалтийские элементы без уточнения их конечной этнической принадлежности.

Хотя колонизационное движение морем являлось издревле самым естественным, а для значительной массы прибалтийского населения уже с VIII в. и вынужденным, эта мысль не пользуется должным вниманием не только в норманистской, но и в антинорманистской литературе. Между тем в общей форме она выдвигалась еще В.Н. Татищевым и М.В. Ломоносовым. В XIX в. приводились и определенные свидетельства, указывавшие на движение славянского и славянизированного населения с южного и юго-восточного побережья Балтики на Восток. Обращали внимание на некоторые этнографические и языковые параллели, сопоставляли южнобалтийские Старграды с Новгородом (и несколькими «Новыми» городами), указывали на прибалтийские истоки некоторых языческих представлений, отмечали сообщения некоторых саг¹⁰²⁷. Однако этого оказалось недостаточно для преодоления привычки смотреть на события через призму норманской концепции. Для позитивистской науки все эти данные были «не прямыми», а потому не заслуживающими серьезного внимания. М. Погодин полагал, что если бы «одно слово сорвалось еще с языка у Гельмольда, то все бы нам стало

1026 А.И. Толкачев. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного... // Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962. С. 29.

1027 См.: В.Б. Вилинбахов. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы. СС, вып. VII. Таллин, 1963. (Обзор литературы о связях восточных славян с балтийскими).

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

ясно»¹⁰²⁸. Одному слову при таком подходе придавалось большее значение, чем целой системе взаимосвязанных явлений.

Приводимые в литературе лингвистические данные вполне конкретны. Речь идет о совпадениях лексики, фонетики и некоторых других языковых явлений у балтийских славян и жителей северо-западных и северных областей Руси (прежде всего Новгородской земли)¹⁰²⁹. Многочисленные этнографические параллели представлены в работах Д.К. Зеленина и В.Б. Вилинбахова, упомянутых выше. Но в то время, как скандинавская археология заполняла книжный рынок исследованиями о скандинавских древностях, отыскивая для них реальные или мнимые параллели в разных частях Европы, даже в нашей литературе долгое время держалось мнение, будто Балтийское Поморье — это самый отсталый уголок славянского мира. Сейчас такое представление отвергнуто. Видный немецкий ученый, специалист по ранним славянам Й. Херрман напоминает о построениях историков, археологов и филологов империалистической Германии как об откровенно спекулятивных и бесплодных. Новый материал позволил поставить вопрос о том, «какой народ соорудил первые города и кто с помощью быстрых кораблей владел Балтийским морем... славяне или шведские викинги»¹⁰³⁰. Как отметил В.Л. Янин, до первой трети IX в. включительно «основная и притом сравнительно более ранняя группа кладов восточных монет обнаружена не на скандинавских землях, а на земле балтийских славян»¹⁰³¹. Уточнения В.М. Потина еще более усиливают положение о своеобразном приоритете славянского Поморья: на Готланде нет кладов ранее IX в., а в самой Швеции древнейший относится лишь к середине IX столетия. В то же время на Поморье имеются клады VIII в.¹⁰³²

Известное отставание Скандинавии от континентального побережья Европы вполне естественно: на континенте мог быть учтен и использован опыт обширных населенных территорий, в том числе весьма развитых. Специальные исследования показывают, что и процесс классообразования, и создание

1028 М. Погодин. Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // Приложение к VI тому записок АН. № 2, 1864. С. 2.

1029 Ср.: Б.М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1900. С. 238–240; Н.М. Петровский. О новгородских «словенах». ИОРЯС. Т. XXV. Пг., 1922; Д.К. Зеленин. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкоznания. VI. М., 1954.

1030 J.Herrman. Zwischen Hradschin und Vineta. Leipzig-B., 1971, S.8.

1031 В.Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 89.

1032 В.М. Потин. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным. (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. С. 64–68. Позднее, после прекращения доступа арабского серебра, намечается обратное движение потока монет из Европы через Поморье на Русь. Ср.: В.М. Потин. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968. С. 33–46, 62–69; В.П. Даркевич. К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным). КСИА. вып. 133. М., 1974. С. 98.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

государственности в Скандинавии, в частности в Швеции, также отставал от темпов развития материковой Европы¹⁰³³. Но, конечно, вопрос об уровне и темпах социального развития ни в коей мере не имеет этнического значения. Славяне на Поморье унаследовали издавна развитую местную морскую культуру. А включение их в международную торговлю по крайней мере с VIII в. было естественным результатом географического положения: Франкская империя с одной стороны, путь в Волжскую Болгарию и далее на Восток — с другой. Не удивительно (и весьма многозначительно), что франкские источники начала IX в. представляют славян монополистами заморской торговли¹⁰³⁴. Неудивительно также, что кладов арабских монет VIII в. еще больше на Волжско-Ладожском пути¹⁰³⁵. В итоге же топография кладов прямо-таки накладывается на карту расселения варягов, нарисованную русским летописцем.

Традиционные торговые пути обычно используются в первую очередь при вынужденных переселениях. Неман, Западная Двина и реки, впадающие в Ладожское озеро, должны были привлекать и купцов-воинов (возникала необходимость создания на этих путях опорных пунктов), и следовавших за ними мужей и смердов, просто уходивших от теснивших их феодальных государств и христианской церкви.

Д.К. Зеленин и В.Б. Вилинбахов обратили внимание на то, что с южного берега Балтики на русский северо-запад в готовом виде приходит строительная техника и топография поселений¹⁰³⁶. По существу, о том же идет речь в упомянутой статье С.Г. Лебедева и А.А. Розова. И.И. Ляпушкин склонялся к крайнему скептицизму, не видя возможности увязать славян лесной зоны (словен и кривичей) с Приднепровьем. Затем, однако, он нашел им аналогии в одновременных памятниках западных славян лесной зоны. И различие двух зон, равно как и происхождение некоторых специфических особенностей славянской культуры северной зоны, получили естественное объяснение¹⁰³⁷.

И.И. Ляпушкин формулировал новый взгляд несколько неопределенno, в общей форме называя «бытовые и хозяйственныe комплексы, в том числе остатки жилых и хозяйственных построек». В 70-х гг. материал, указывавший

1033 С. Д. Ковалевский. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.

1034 Ср.: А. Гильфердинг. История западных славян. С. 270 (капитулярий Карла Великого 805 г. о торговле).

1035 В.М. Потин. Русско-скандинавские связи.... С. 68. О Балто-Волжском пути см. В.Б. Вилинбахов. Балтийско-Волжский путь. СА, 1963, № 1.

1036 Д.К. Зеленин. Указ. соч. С. 90; В.Б. Вилинбахов. Балтийские славяне и Русь. SO, t.22. Praha, 1962.

1037 И.И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII–IX) // Культура Древней Руси. М., 1966; его же: Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. С. 16–21.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

на связь балтийских славян и вообще южного берега Балтики с Северо-Западной Русью, нарастал весьма интенсивно и проявлялся в разной форме. Особенно весомым аргументом стал широко представленный керамический материал. Еще в 1956 г. Г.П. Смирнова обратила внимание на группы новгородской керамики, не находившие аналогий в восточнославянских областях и не имевшие местных корней¹⁰³⁸. В позднейших ее публикациях, во-первых, выявились значительная группа керамики, находящая аналогии в разных районах Поморья, на территории ГДР и Польши, во-вторых, уточнялась датировка возникновения Новгорода, который (отчасти как бы в противовес норманизму) слишком уверенно относился (на основе дендрохронологии) к середине X столетия (именно к 953 г.). Но речь в данном случае шла о конкретной мостовой, под которой также находился культурный слой. И керамический материал позволил говорить о значительно более раннем появлении поселения на этой территории¹⁰³⁹. Видимо, можно говорить о достоверности летописной даты, связывающей сооружение Новгорода с Рюриковыми варягами около 864 г., и о достоверности самого сообщения о прибытии около этого времени (или все-таки несколько ранее) Рюрика с братьями в Ладогу именно с южного берега Балтики.

Выявленная в Новгороде керамика поморского облика имеется также на других поселениях, где обычно ищут следы викингов, в частности в Ладоге и даже в Гнездово¹⁰⁴⁰. В.Д. Белецкий еще в 1965 г. обратил внимание на керамику поморского типа в древнейших слоях Пскова¹⁰⁴¹. С.В. Белецкий отметил западнославянские параллели для сосудов с налепными валиками (у донной части), которые найдены в Изборске, Пскове и многих других городах северо-

1038 Г.П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55. М., 1956. Публикация была встречена с резким осуждением (как отклонение от автохтонизма всего и вся и поворотом в сторону норманизма). В 1970 г. автор предлагала мне взять ее материал для подкрепления концепции, высказанной в статье «Варяги» и «Русь» на Балтике» (ВИ, 1970, № 10). Я согласился с условием, что опубликует его она сама, и предложил помочь в этом (предложением она не воспользовалась, но материалы, к сожалению, не все, опубликовала).

1039 Ее же. О трех группах новгородской керамики X — начала XI в. КСИА. вып. 139. М., 1974; ее же: Лепная керамика древнего Новгорода. КСИА, вып. 146. М., 1976. Мостовые, естественно, настилались более или менее значительное время спустя после возникновения поселения. См.: П.И. Засурцев. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 69.

1040 Я.В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА. Т. XV., М.-Л., 1951; Г.П. Смирнова. Лепная керамика... С. 4, 6, 7; Т.А. Пушкина. Лепная керамика Гнездовского селища // Вестник Московского ун-та, сер. IX. 1973, № 3. С. 88. На подобные факты указывалось и в дореволюционных работах. Ср.: В.И. Сизов. Курганы Смоленской губернии // Материалы по археологии России, № 28. СПб., 1902. С. 123.

1041 В.Д. Белецкий. Раскопки Древнего Пскова в 1964 году // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 год. Л., 1965. С. 29; его же: Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа // Сб. Государственного Эрмитажа. XXIX, Л., 1965. С. 7.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

запада Руси, достигая Рязани и Гнездова¹⁰⁴². В.В. Седов писал в 1970 г., что «собранный к настоящему времени материал весьма обширен и свидетельствует о несомненной генетической связи древних новгородцев со славянскими племенами Польского Поморья». Автор, в частности, обратил внимание на широкогорлые биконические сосуды и реберчатую керамику, которая широко представлена по всему северо-западу, преобладая в древнейших слоях Старой Ладоги. И важно его указание на то, что «появление биконической керамики в Новгородской земле не может быть обусловлено ни древними местными традициями, ни культурными влияниями местных племен... Объяснить появление биконических и реберчатых сосудов на ранних славянских памятниках Приильменья можно только предположением о происхождении новгородских славян с запада, из Венедской земли»¹⁰⁴³. С запада выводит автор и кривическое население Псковщины.

Следует подчеркнуть, что славянская (или поморского облика) керамика сопровождает и так называемые норманские погребения¹⁰⁴⁴. Очевидно, требуется привлечь и другой (менее связанный с этническими и хозяйственными традициями) материал, обязательно включив в сферу сопоставления южное и юго-восточное побережье Балтики, а также побережье Северного моря, откуда в конце VIII в. ушли на восток фризы, не желавшие мириться с господством захвативших побережье франков. При этом, разумеется, необходимо учитывать условия славянизации различных племен на Поморье. На восток переселялось население в разной степени ассимилированное, сохранявшее значительные элементы своей старой культуры, верований, отчасти языка. Так, котелки в погребениях Приладожья, а также Верхнего Поволжья и Гнездова (т. е. основных районов распространения «норманских» погребений)¹⁰⁴⁵ необходимо сопоставлять с кельтскими культовыми котелками. В. А. Назаренко задумался над природой имеющихся в приладожских курганах отделенных от туловища голов, заметив, что «отражением каких религиозных представлений является эта черта обряда, решить трудно»¹⁰⁴⁶. Но обряд этот хорошо известен по кельтским и кельтическим культурам. Захоронения одних черепов или туловищ без черепа

1042 С.В. Белецкий. Миска с налепным валиком из Старого Изборска. КСИА. вып. 144. М., 1975. На этом фоне непонятна позднейшая «передача» автором Изборска норманам. (См. выше о топониме «Изборск»),

1043 В.В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвина. М., 1970. С. 71–72.

1044 См.: А.В. Арциховский. Археологические данные по варяжскому вопросу и Культура Древней Руси. С. 38–40.

1045 Ср.: И.П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 146–147; С.И. Кочкуркина Указ. Соч. С. 48.

1046 В.А. Назаренко. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами. КСИА, вып. 140. М., 1974. С. 40, 45.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

характерно было, в частности, для племен оксывской культуры¹⁰⁴⁷, которых с наибольшим вероятием следует связывать с венедами.

А.Л. Никитин указал на интереснейшую параллель для загадочных действий языческих вождей, восставших в Ростово-Белозерской земле около 1071 г. против киевского князя: волхвы извлекали из спины жертв «гобино». Оказывается, эта операцияозвучна кельтскому обряду, называемому «гобония» (от *gabim* — богатство, и т. д.)¹⁰⁴⁸. Кстати, здесь также фигурирует магический котелок, который в Ирландии «был символом изобилия и бессмертия»¹⁰⁴⁹.

Если поиски германских элементов на северо-западе Руси, усиленно проводившиеся на протяжении более чем двух столетий, практически ничего не дали, то отыскание специфических варяжских черт все еще остается делом будущего. Между тем и в именах (об этом еще будет речь), и в топонимике варяжские черты представлены гораздо шире, чем можно было бы думать, исходя из факта передвижения уже в целом славянализированного населения. Так, например, знаменитому озеру Селигер находится малоизвестная параллель на острове Рюген (озеро *Selliger*). Название это, по-видимому, докельтское. Но на фракийской территории упоминается кельтское племя *Celigeri*¹⁰⁵⁰. Трудноэтимологируемым окским и волжским «Исадам» — поселениям на берегах рек, упоминаемых в домонгольское время, — может быть приведена кельтская параллель *ossad* — «высаживать». Очевидно, в названии отражается первоначальное значение как места высадки на берег. (Исады на Оке были загородной резиденцией князей и, видимо, своеобразной торговой факторией, примыкавшей с востока к столице земли Рязани.) Город Ростов, название которого не объясняется ни из славянских, ни из угрофинских языков, может быть сопоставлен с поселением *Radestow* «в Старградском округе»¹⁰⁵¹.

Тесная связь южного берега Балтики с восточноевропейскими русскими землями отражается и в некоторых сагах. От южнобалтийского побережья до «Палтескиа» и «Холмгарда» (т. е. города-острова) развертывается действие в саге о Тидреке Бернском. Сага записана в XIII в., но отражает события IX–X вв., возможно, и только IX (поскольку не упоминаются венгры). В саге постоянно упоминаются «вильтины», очевидно, вильцы-велеты, в тесной связи с которыми находится Русь. Хотя реальный Тидрек, как и его соперник Одоакр жили в

1047 Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы. М., 1974 С. 40, 45.

1048 А.Л. Никитин. Биармия и Древняя Русь. ВИ, 1976, № 7. С. 68.

1049 Ян Филипп. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961 С. 171.

1050 A. Holder. Alt-Keltischer Sprachschatz. T. 1, Graz, 1961, S. 884.

1051 Scriptoris rerum Prussicarum. B. 1. Leipzig, 1861, P. 687.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

действительности в V в., соперничая в борьбе за Рим, предания о них жили и на Балтике, и новгородский летописец XIII в. упомянул косвенно об этой распре, назвав Тидрека «поганым и злым», видимо, потому, что на Волго-Балтийском пути были и сказания с противоположными оценками соперников.

Холмгард, как отмечалось выше, — это нынешний Сааремаа, а Палтескиа не Полоцк, как обычно считается, а входивший в состав «Руссии-турк» город в районе нынешнего Таллина (Ревеля). Не исключено, что и в самих изустных сказаниях смешивали Палтескию с Полоцком. И «Смаланд», который берет Аттила (тоже персонаж V в.) на Руси, — не Смоленск. Это вероятнее всего описанный Адамом Бременским «третий остров — тот, который называется Самландом и соседствует с русскими и поляками», населяют который «самбы или пруссы», «очень человеколюбивые люди»¹⁰⁵². За «остров» Адам Бременский принял полуостров Самбию.

А.Н. Веселовский, опубликовавший перевод и исследование отрывка из саги, полагал, что в основе ее лежит саксонское сказание¹⁰⁵³. У исследователей обычно нет сомнения в том, что упоминаемые в саге «вильтины» (*vilcinus*) — это вильцы-велеты¹⁰⁵⁴. В саге отражен такой период, когда вильтины господствовали на берегах Балтики и, например, датские конунги были у них лишь в подконунгах. И если даже речь идет о поэтическом вымысле, то перед нами творение, которое ведет к западнославянскому эпосу, поскольку преувеличивают всегда успехи своих, а не чужих предков.

По саге, в тесной связи с вильтинами находится и Русь, и в этой связи делается своеобразный экскурс во времена Тидрека и Аттилы, где Аттила (в полном соответствии с действительностью) назван «фрисландским конунгом», которых «русские» конунги не признавали равными себе. В частности, русский конунг отказался выдать дочь за фрисландского конунга Аттилу, ибо «род его не так знатен, как были русские люди, наши родичи»¹⁰⁵⁵. Возможно, прародителем конунгов предполагался Одоакр, овладевший Римом в 476 г. Именно этот вариант сказания знал новгородский летописец XIII в. А в позднейшей традиции даже и Богдан Хмельницкий считал себя (или так считало его окружение) потомком властителя Рима Одоакра, выходца из Ругии-Руссии¹⁰⁵⁶.

1052 Ср.: В.Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 88.

1053 А.Н. Веселовский. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. ИОРЯС. Т. XI, Кн. 3. СПб., 1906. С. 8.

1054 Там же. С. 11; П И. Шафарик. Славянские древности. Т. II, Кп. 3. С. 81–104.

1055 А.Н. Веселовский. Указ. соч. С. 148.

1056 См.: С.В. Величко. Летопись событий в южнозападной России XVII века. Киев, 1848. Т. I (Сравнение Богдана Хмельницкого с «древним русским Одонацером». С. 293). Там же изложение «Церковного Универсала Богдана Хмельницкого» 1648 года, где вполне логично и достоверно изложена история деятельности Одоакра, выходца из Ругии-Руссии — прародины и киевских русов (С. 85). См. также: В. Фомин. Варяги и варяжский

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

В саге представлена не соседняя с вильцами балтийская Русь, а Русь восточная. Легендарный конунг вильтинов Вилькин совершил поход на восток, опустошил Польшу и все царства до моря, взял Смаланд и Палтескию и, наконец, столицу русского конунга Гертнита Хольмгард. Русский конунг обязался платить дань. Но после смерти Вилькина положение меняется. Теперь Гертнит идет в страну вильтинов и облагает ее данью. В саге явно смешаны разные Русии: «красные» и «белые», причем в Пруссии они, видимо, и реально смешивались. Определенное смешение наблюдалось и в изложении Саксона Грамматика, наиболее осведомленного в событиях, связанных с многовековой борьбой данов с рутенами восточного берега Балтики, то есть аланская Русью, «роксоланами» Географа Равеннского.

Предания, подобные зафиксированным сагой о Тидреке Бернском, отражаются и в славянских источниках. В указанной выше «Хронике великопольской» (прим. 72) хунгари и вандалы отождествляются, и Аттила является первым их королем. В саге о Тидреке Бернском «Гуниланд» располагался на запад от Польши, что может указывать и вполне обоснованно на гунов-фризов побережья Северного моря. Но имеется и группа источников, в которых гунны сближаются со славянами. Название Венгрии — «Хунгaria» явилось результатом осмысления династии венгерских королей как преемников Аттилы. В славянской же традиции бытовало представление, что «хунгари» — это славяне, пришедшие из Поморья, от реки Варта или Укра. Отсюда допускалось смешение «укран» с «унгарами»¹⁰⁵⁷.

П. Шафарик привел большое число сведений о смешении славян с гуннами, причем даже в XIX в. немцы называли «гуннами» группу славян, проживавших в Швейцарии. Название «гунов» иногда распространялось на вендов-венедов, «городом гунов» в некоторых сагах назывался знаменитый славянский Волин, располагавшийся у устья Одера¹⁰⁵⁸.

В связи с отмеченным Саксоном Грамматиком рутенским погребальным обрядом, представляют интерес параллели ему на территории Древней Руси. Это именно те погребения в Гнездово, которые Е.А. Шмидт считал литовскими и аналогии которым имеются в срубных погребениях Киевщины¹⁰⁵⁹. В свете

вопрос в судьбе России Роман-журнал XXI век. М. 2001, № 9. С. 109.

1057 Ср.: *Pomniki dziejowe Polski*. T. VIII, cz., 2. Warszawa, 1970, S. 7, 134–135; MGH SS. T. VI, P. 362. («Ungariorum» — так называются Гротовитом славяне под 860 г, т. е. еще до прихода венгров в Дунайскую котловину). См. также: А. Павинский. Полабские славяне. СПб., 1871. С. 59.

1058 П. Шафарик. Славянские древности. Т. I. С. 257–259.

1059 Е.А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнездова. СА, 1970, № 3. Ср.: Р.К. Куликаускене. Погребения с копьями у древних литовцев. СА. Т. XVII. М., 1953; ее же. Боевой конь литовского воина. Вильнюс, 1971. Автор отмечает, что ранее всего «этот обычай проявляется у побережья Балтийского моря...», но со

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

сведений, сообщаемых Саксоном Грамматиком, распространение этого обряда на шведскую Бирку может быть объяснено именно рутенским влиянием, независимо от того, в какой форме это влияние выражалось: культурное влияние, переселение, захват пленных, погребение убитых в сражениях.

Погребения с конем (и рабыней) распространены во всех районах, где ищут следы норманов. Не исключено, что во многих случаях обряд действительно связан с варягами, только не с норманами, а с рутенами. В Киеве таким образом погребались представители социальной верхушки, может быть, княжеской династии, хотя в составе дружинных погребений находится ряд существенно различающихся между собой типов. А погребения с конем и рабыней, как отмечалось, были распространены не только у балтийских рутенов, но и в салтовской культуре. И речь может идти именно о русах-турк, то есть аланах-роксаланах, хотя область Пруссии являлась именно той территорией, где соприкасались и смешивались русы разного происхождения.

Исследователи отмечали также сходство некоторых религиозных обрядов у балтийских славян и киевских русов. Так, весьма вероятно влияние балто-славянского язычества на реформу Владимира, осуществленную вскоре после возвращения его «из варяг». Главное божество дружины киевских князей — Перун — в «Слове о полку Игореве» даже не упоминается. Похоже, что он вообще не имел глубоких корней ни у славян, ни у других народов Приднепровья. Зато в Прибалтике роль его была весьма заметной. Имя Перуна отражалось в названии четверга: «Перундан», т. е. «день Перуна». По аналогии с «днем Юпитера» (французское *jeudi*) или «днем грома», по аналогии с немецким *Donnerstag*¹⁰⁶⁰. Перун в звучании «Перкун» был одним из главных божеств у прибалтийских народов, причем функции его целиком совпадают с аналогичными функциями у славян и руси. В созданном Владимиром пантеоне языческих божеств первое место принадлежало именно Перуну, причем его изображение также было заимствовано у прибалтийских славян: «глава сребрена, а ус злат»¹⁰⁶¹.

Имеются определенные свидетельства и активных связей Руси Приднепровской и Причерноморской. В течение длительного времени обсуждается вопрос о времени появления в Крыму и Подонье славян, и в временем распространяется по всей территории Литвы... В конце I и начале II тысячелетия н. э. погребения с конями распространились по всей территории Литвы» (С. 26–27). На территории Латвии этот обычай был распространен только в приморской части Курземе. См. также: М.К. Каргер. Древний Киев. Т. I. С. 166.

1060 См.: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956. С. 277.

1061 С. Гедеонов. Варяги и Русь. СПб., 1876. С. 350–355; А.С. Фаминцин. Божества древних славян. СПб., 1884. С. 202–203.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

зависимости от решения этого вопроса ставится и проблема Причерноморской Руси. Но искать, видимо, следует не «чистых» славян, а реликты весьма многочисленных переходных форм, возникших в результате взаимодействия славян с венедским и кельто-иллийским миром. Видимо, только таким путем может быть объяснен и факт распространения славянского языка на территории будущего Тмутараканского княжества, что явно предшествовало распространению там вполне определенной славянской материальной культуры.

В литературе неоднократно оценивалось сообщение Льва Диакона, отождествлявшего воинов Святослава с потомками тех росов, которые жили у Киммерийского Боспора. Д.Л. Талис вполне оправданно заключал, что «Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на нее было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII–IX вв., т. е. росов»¹⁰⁶². Задача, следовательно, заключается в том, чтобы определить: было ли у греческих авторов основание для отождествления приднепровских и крымских росов? Напомним, что последних они должны были знать особенно хорошо после того, как в IX в. возникает росская епархия.

Во времена Льва Диакона христианство все шире распространяется и в Приднепровской Руси, с которой, кстати, на протяжении X в. Византия поддерживала систематические договорные отношения. В этой связи может представлять интерес и то обстоятельство, что в Киевской Руси наследуются некоторые традиции Причерноморской, связанные с распространением христианства. Так, первые сообщения о крещении Руси (при Фотии до 867 г. и затем при Василии Македонянине и патриархе Игнатии) относятся: первое — к Крымско-Тмутараканской области, второе — к русам Болгарского Причерноморья, куда в 70-е гг. X в. Святослав намеревался перенести «центр» Русской земли и где в конце XIV в. митрополит Киприан — болгарин по происхождению — выделял ряд городов в «Списке русских городов ближних и дальних», претендую на подчинение их единой «Русской» митрополии. Но в позднейшей летописной традиции будет упорно сообщаться о Крещении именно Киевской Руси патриархом Фотием, причем перечисляются и конкретные (реально существовавшие) митрополиты (Михаил, Леон, Иоанн), которые якобы появились после этого Крещения на Руси. В письменной традиции этот акт обычно смешивался с крещением Руси при Владимире, к которому, кстати, Византия непосредственного отношения не имела, как не

¹⁰⁶² Д. Талис. Росы в Крыму. СА. 1974, № 3. С. 99.

имела отношения и к появлению христианской общины при церкви св. Ильи в Киеве во второй четверти X в.

В описании Льва Диакона войны греков с «тавроскифами» Святослава имеется ряд бытовых зарисовок. Среди них обычно привлекает внимание обряд человеческих жертвоприношений. С. Гедеонов даже акцентировал внимание на этом обряде, доказывая невозможность признания русов норманами. Он полагал, что именно для славян-руси было характерно приношение в жертву юношей и девушек. Автор приводит, в частности, напоминание позднейшего летописца о том, что «жряху им, наричующе я богы, привожаху сыны своя и дщери, и жряху бесом, ... и осквернися кровьми земля Руска». В той же летописи «старци и боляре» предлагают: «Мечем жребий на отрока и девицу»¹⁰⁶³. С. Гедеонов, видимо, прав, говоря об отсутствии такого обряда у германцев. Но и у славян его тоже, по-видимому, не было. Здесь мы видим отражение религиозных и бытовых представлений, характерных для кельтов в Европе и тавров в Причерноморье. Иными словами, это специфически «русский» (одной из «Русий») обряд.

В плане взаимосвязи Причерноморской и Приднепровской Русий может представить интерес происхождение «знака Рюриковичей». Правда, вопрос этот может быть поставлен лишь в сослагательном наклонении: знак становится важным аргументом при условии его правильной интерпретации, а правильная интерпретация во многом зависит от правильного воспроизведения хода событий. Знаку посвящена большая литература и предложены самые разные варианты его объяснения. В большинстве случаев указывается на близость знака киевских князей причерноморским, именно боспорским знакам¹⁰⁶⁴. Эти знаки сближаются и по значению, и по применению: это герб правителей, их именной знак и знак собственности¹⁰⁶⁵. Собственно боспорский знак, видимо, правильно объясняется как триденс, что связано с генеалогическими преданиями боспорских царей, ведших свое происхождение от бога Посейдона¹⁰⁶⁶. В последнем предании ясно проступает «морская» традиция не только греческого населения Боспора, но и их предшественников — «людей моря». В Боспорском царстве, видимо, сильнее, чем в других греческих колониях, издревле сказывались местные традиции, вплоть до того, что самое

1063 С. Гедеонов. Отрывки исследований о варяжском вопросе. С. 61–63.

1064 В.С. Драчук. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. С. 91.

1065 Там же. С. 92. Ср.: Б.А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. СА. Т. VI. М.-Л., 1940. С. 227–257.

1066 Ср.: В.Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 56.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

название боспорской столицы — Пантикапей — негреческого происхождения¹⁰⁶⁷.

В сарматский период, наряду с триденсом, появляется и совершенно иная форма тамги. По наблюдению В.С. Драчука, «именно в X в., то есть в то время, когда распространялись «знаки Рюриковичей», ...в Причерноморье и на прилегающей территории уже исчезли те тамгообразные знаки римского времени, которые повсеместно употреблялись в северопонтийской периферии античного мира»¹⁰⁶⁸.

Должно, однако, заметить, что знаки Рюриковичей составлялись не только и не столько из триденсов (таковые имелись), сколько из двузубцов. Двузубцы также появляются в Причерноморье в раннесредневековое время (VI–VIII вв.). Но они ранее (II–I вв. до н. э.) были известны в Прибалтике¹⁰⁶⁹, где могли связываться с венедскими племенами. Именно двузубцы дали основание считать знак Рюриковичей изображением сокола¹⁰⁷⁰. Не исключено, что существование двух основных форм тамги княжеской династии связывалось с разными осмыслениями самой тамги и, следовательно, разными представлениями князей о собственном происхождении.

Расцвет Причерноморской Руси приходится на VIII–IX вв., а где-то в начале X в. сравнительно высокая оседлая культура Крыма и Приазовья гибнет, видимо, под натиском печенегов¹⁰⁷¹. Многие поселения запустевают, хотя на некоторых жизнь продолжается до XI в. (прежде всего по восточному побережью Крыма и прилегающему побережью Азовского моря). Видимо, тогда же русы оказываются на службе у разных владетелей Кавказа и в Византии. Вероятно, участвовали они и в походах на Каспий, хотя «наезженный» путь туда был у салтовских алан-русов. Прижатым к морю росам ничего не оставалось, как либо подчиниться кочевникам, либо искать новых мест для поселений. Какая-то часть их оказывается и в Приднепровье. Во всяком случае, в Приднепровье имеются и археологические, и антропологические признаки, ведущие к Причерноморью и Подонью¹⁰⁷². В литературе выдвигалось мнение и

1067 Ср.: С.А. Жебелев. Боспорские этюды // Из истории Боспора. М. — Л., 1934. С. 7–8.

1068 В.С. Драчук. Указ соч. С. 91.

1069 Отсылки к литературе см. там же. С. 93.

1070 См.: С. Гедеонов. Варяги и Русь. 4-II. С. XXXIV; О.М. Ранов. Знаки Рюриковичей и символ сокола. СА, 1968, № 3.

1071 Ср.: Д.Л. Талис. Указ. соч. С. 98, а также работы А.В. Гадло, указанные в недавней его публикации «Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии. (История идеи)» // Сборник Русского исторического общества. Т. 4, М., 2002. С. 14–39.

1072 Ср. М.К. Каргер. Указ. соч. С. 136–137; П.П. Толочко. Про торговельні зв'язки Києва з країнами арабського сходу та Візантією у VIII–X ст. «Археологічні дослідження стародавнього Києва». Київ, 1976. С. 6.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

о прямой связи салтовцев и полян в антропологическом отношении. Но речь может идти только о смешении разных по происхождению групп¹⁰⁷³. Пришельцы, видимо, были здесь лишь беглецами. Но они приносили с собой культурные традиции, для которых здесь имелась определенная почва.

Некоторые линии пересечения ведут от Причерноморья к Прибалтике и в эту эпоху. Выше отмечалось сходство тамги какой-то части прибалтийского населения с аналогичными в Причерноморье. Близость отмечалась также в распространении камерных погребений, а для венедо-рутенской части также и в антропологическом типе¹⁰⁷⁴. Естественно, обычно привлекают внимание и два соседствующих топонима в Крыму: Рoccoфар (Российский маяк) и Варанголимен (Варяжский залив). Соседство этих названий, конечно, не свидетельствует о тождестве варягов и руси. Но оно говорит о их тесных контактах, что было бы трудно понять, если бы речь не шла о близких в каком-то отношении народов. В.Г. Васильевский убедительно доказал тождество варягов и руси из числа наемников, находившихся на византийской службе. И не исключено, что это тождество возникло раньше, чем те и другие стали говорить на славянском языке. Иными словами, если в культуре Прибалтики и Крыма в VIII–IX вв. лишь при самом внимательном рассмотрении можно обнаружить какие-то общие черты, то в языке эта общность осталась: готы сохраняли диалект германских языков, росы — близкий к «варяжскому».

Некоторые явления, связанные с Балтийской Русью, трудно понять, если не допустить наличия контактов ее с Причерноморьем. Это относится прежде всего к «Руссии-тюрк» — аланской Руси — Роталии и естественным смешением ругов, пришедших к Причерноморью вместе с готами и гунами-фризами во II–III вв., а затем вернувшихся сюда после развала державы Аттилы с аланами-русами Подонья. Явно к аланской «Руссии-тюрк» на Балтике возвращались в 839 г. через Германию послы «Росского каганата». Титул «кагана» на севере не мог возникнуть спонтанно, без контактов с тюркскими народами или их ближайшими соседями (как это и было в данном случае). И «Остров русов» с каганами во главе, как отмечено выше, по всем описаниям соответствует «Островной земле» — «Холмгарду» — Сааремаа и по размеру, и

1073 См.: В.П. Алексеев Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969. С. 192; и возражения: Т.И. Алексеева. Этногенез восточных славян. М., 1973. С. 256.

1074 См.: Н.Н. Чебоксаров. Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики в свете новых антропологических и этнографических данных. «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год)». М., 1954. С. 8; его же: Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики. Там же. С. 25; М.В. Витов, К.Ю. Марк, Н.Н. Чебоксаров. Этническая антропология Советской Прибалтики. М., 1959. С. 229. Речь идет в основном о территории Роталии-Вик, то есть аланской Руси, но параллели обнаруживаются и непосредственно в Причерноморье.

1. Следы взаимодействия Приднепровской Руси с Прибалтикой и Причерноморьем

по действительной роли своеобразного центра силы Роталийского объединения вплоть до середины XIV в.

Появление «Варяжского лимана» рядом с «Росским маяком» безусловно свидетельствует о движении более или менее значительных групп прибалтийского населения на юг к Причерноморью. Однако с конца IX в. положение здесь становится крайне неспокойным, а в X в. те политические образования, которые, видимо, привлекали варягов, и вообще погибают. В таких условиях возврат части переселенцев назад к холодным берегам Прибалтики вполне закономерен. Специалисты отмечают один любопытный факт: в Восточном Крыму нередко мужским долихо- и мезокранным останкам сопутствуют брахикранные женские¹⁰⁷⁵. Долихо- и мезокраны — это, очевидно, несарматское и досарматское население, а брахикраны принадлежали либо к сарматам, либо к тюркоязычным племенам. Такое несоответствие обычно возникает, когда на новую территорию переселяется только мужская часть племени (обычно молодежь). Но шли эти переселенцы в область Причерноморской Руси едва ли случайно.

Выше упоминалась литовская генеалогическая легенда о Палемоне, искусственно привязанная к Риму. В действительности имя Палемон греческое (значение — «борец»). А распространено оно было в Малой Азии и Причерноморье, причем в династии боспорских царей встречается неоднократно. Правда, Боспорское царство было периферией Римской империи и в таком качестве могло мыслиться как его часть. Самое зарождение легенды могло относиться к переселениям первых веков н. э., может быть связанных как раз с падением Боспора в III в. н. э. Но, видимо, на протяжении многих столетий балтийские «варяги» или венеды-рутены хранили воспоминания о каких-то своих сородичах в этой части «Рима», тем более что племена росомонов (возможно аланское) и рогов известны здесь со времен Черняховской культуры. Название «Росия» начинает заслонять «Боспор», видимо, в связи с возвышением именно этих племен. И в отличие от готов они встретили здесь остатки племен, говоривших на близких, может быть понятных им языках. В свою очередь и в Прибалтике и те, и другие росы всегда могли найти близких или дальних родичей.

¹⁰⁷⁵ Ю.Д. Беневоленская. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма. МИА, № 168. Л., 1970. С. 203.

2. Имена социальной верхушки Древнерусского государства

До сих пор древнерусские языческие имена являются одним из наиболее прочных аргументов в пользу норманской теории. Попытки «славянизации» этих имен, предпринимавшиеся в XIX столетии, привели, по существу, к обратному результату: искусственность славянских этимологий служила как бы доказательством правильности германистских интерпретаций. Между тем проблема эта не только не решена, но в полном объеме даже и не поставлена^{[1076–1097]¹⁰⁷⁶}, несмотря на исключительную важность ее как для норманистов, так и для антинорманистов. Достаточно сказать, что до сих пор не было попыток выявить европейские параллели древнерусскому именослову.

Дошедшие до нас имена принадлежат социальной верхушке и могут служить источником по истории формирования господствующего класса. Большинство имен сохранили договоры руси с греками 911 и 945 гг., т. е. имеются в виду именно русские, а не варяжские имена, хотя в ряде случаев прямо указывается, что речь идет о варяго-руссах. Необходимо также считаться с тем, что имена непосредственно на этническую природу не указывают. Достаточно сказать, что наши нынешние имена в большинстве древнееврейские и греческие. Но по именам можно проследить культурные связи, преемственность эпох, поскольку у истоков они имеют вполне конкретное значение.

Необходимо также иметь в виду, что в прошлом имя имело совершенно иное значение, нежели в наше время. Даже специалисты-этнографы часто недоумеваются, когда сталкиваются с народами, вообще не имеющими личных имен. Еще и в Средние века понятие «крестить» имело и значение «дать имя»^{¹⁰⁷⁷}. Следовательно, были народы, для которых даже в это время имя не стало обязательным.

Личные имена у народов появляются лишь на определенном этапе развития, но связь их с характером социальных отношений тоже не прямолинейная. Показательно, что в Европе чрезвычайно слабо сказалось влияние римской антропонимической традиции. Очевидно, дело в том, что развитого именослова в Риме не было. Весь набор латинских имен не

¹⁰⁷⁶^{1076–1097}

Ср.: С. Роппонд. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). ВЯ, 1965, № 3. С. 3–4.

¹⁰⁷⁷ Д.Н. Егоров. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I. М., 1915. С. 363. В отличие от православия, католичество не требовало замены языческого имени на имя какого-нибудь святого.

насчитывал и двух десятков. Женщины практически до конца Империи не имели личных имен, сохраняя только родовые и различаясь внутри семьи порядком рождения: Майора, Терция и т. д. Замужние женщины обычно носили имя мужа, как бы обозначая принадлежность ему (Юлия, Августа). Рабам имена-клички давались по их родине, иногда по растениям и камням, что могло связываться с их верованиями. Клановые имена преобладали до недавнего времени у островных кельтов¹⁰⁷⁸. У многих народов (китайцев, курдов, ранее ирокезов и др.) имя неоднократно меняется: одно для ребенка, иное для взрослого¹⁰⁷⁹. У тувинцев и ряда других народов получение имени — торжественный акт посвящения в мужи¹⁰⁸⁰.

В родовом обществе имена не нужны: каждый носит родовое имя за пределами общины, а внутри их различают по кличкам и по старшинству. По определению В. А. Никонова, «личное имя — пароль, обозначающий принадлежность носителя к тому или иному кругу»¹⁰⁸¹. Китайские имена до недавнего времени строились таким образом, что по соотношению его элементов родственники могли узнать друг друга и даже определить поколение, к которому принадлежал носитель имени¹⁰⁸².

Активный процесс образования имен обычно приходится на время перехода к военной демократии и классового расслоения. Имя противопоставляет личность общине. Развитый именослов обычновенно свидетельствует о далеко зашедшем ее разложении, об изменении самой психологии общества, когда генеалогии племени противопоставляется родословная отдельных родов и родственных групп. Развитые именословы обычно сопровождают и наклонность к удревнению личных родословных, принимающая нередко гипертрофированный характер. Примечательно, что у римлян не придавалось значения личным генеалогиям. В этом рабовладельческом государстве, выросшем из полиса, все-таки выше всего ценилась способность жертвовать личным ради общественного. Не было вымышленных личных генеалогий позднее у франков и, видимо, соседних с ними германских племен. У племен же, населявших побережье Северного и Балтийского морей, шло многовековое соревнование родословных

1078 И.Н. Гроздова. Кельтские народы Британских островов Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970. С. 171, 191–192.

1079 А.М. Решетов. Антропонимические трансформации в инонациональной среде // Этнография имен. М., 1971. С. 60–61.

1080 С.И. Вайнштейн. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев... Ономастика. М., 1969. С. 125–127.

1081 В.А. Никонов. Имя и общество. М., 1974. С. 20.

1082 А.М. Решетов. Указ. соч. С. 60.

аристократических семей. И. Хюбнер, собравший в начале XVIII в. более 1300 генеалогий, франкских королей начинает с V в., норвежских — с конца IX, шведских — с середины XII столетия. Зато легендарный Дан, с которым себя связывала датская знать, правит с 2910 по 2951 г. от «создания мира» (правда, по какой-то эре, считавшей время от Рождества Христова не в 5508 или 5500, а менее чем в 4 тысячи лет). С 3629 г. (по той же хронологии) начинается генеалогия королей герулов, вандалов и венедов в Мекленбурге и Поморье, причем предполагается, что племена эти одного корня, и корня негерманского. По всей вероятности, к этой ветви принадлежали и рутены, которые «много рассказывали о своем происхождении» спутникам Оттона Бамбергского, крестившего в начале XII в. Поморье.

Древнейшие имена обычно распадаются на два типа. Одни просто повторяют племенные или родовые наименования, другие означают какие-то воинские доблести или атрибуты власти: храбрый, смелый, быстрый, крепкий, сильный, великолепный, величественный, старейший и т. п. Обычно племена, позднее пережившие разложение общинного начала, заимствуют имена у народов, ранее прошедших этот путь, прежде всего, конечно, у народов, воинская слава которых привлекала сказителей и песнотворцев. На это обстоятельство обратил внимание еще Иордан (VI в.). «Все знают и обращали внимание, — заметил он, — насколько в обычай племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов — германские. Готы же по преимуществу заимствуют имена гуннские»¹⁰⁸³. Практически у всех европейских народов, позднее переживавших стадию разложения родового строя, так или иначе отразились имена их предшественников, хотя они часто переосмысливались. Наибольшее значение для европейского именослова имели имена континентальных кельтов, иллирийцев, венетов, фракийцев, иранцев, а также особой этнической группы, определяемой как «северные иллирийцы», и которая включала более или менее значительный уральский языковой компонент.

Иордан, говоря о событиях IV в., приводит три имени росомонов (то есть одного из вероятных предков «видов» русов). Два мужских имени — Амий и Сар — сходны с именами южных народов («сар» в осетинском «голова»). Женское имя — Сунильда указывает, очевидно, на Прибалтику (Сунильда — то же что гунно-фризские Хунильда, Гунильда, часто встречающиеся на севере). Возможно, эти имена могут явиться аргументом в

¹⁰⁸³ Иордан. Указ. соч. С. 77.

пользу раннего появления роксалан в Восточной Прибалтике. Смешанный характер черняховской культуры II–IV вв. легко объясняет и перемежанность именослова.

Первые известные славянские имена относятся к VI–VII вв. Это преимущественно двучленные имена вождей со вторым компонентом «гаст» или «мир». Славянским Ардегастам, Келагастам, Оногастам и т. п. находятся многочисленные параллели в кельтских языках, из которых эти имена объясняются и этимологически¹⁰⁸⁴. Аналогичные имена были в то же время распространены и у франков, и даже А. Бах, готовый объяснить все европейские имена и топонимы из германских языков, в данном случае не мог ничего предложить¹⁰⁸⁵.

У славян развитие именослова сдерживалось прочностью общины, а также слабой предрасположенностью к мистике, которая побуждала вкладывать магический смысл в сами имена. Длительное время имена-титулы — Святослав, Ярополк, Владимир и т. п. даются только представителям княжеских семей и являются как бы династическими¹⁰⁸⁶. Дружины довольствуются простыми собственными или заимствованными именами, а у крестьян имена долго вообще не имели различительного значения. В XII–XIII вв. немецкое духовенство запрещало обращенным в христианство балтийским славянам принимать одно и то же имя (в частности имя Иван)¹⁰⁸⁷. В России XVII–XIX вв. одни и те же имена уживались в одной семье, вроде «Ивашко большой, середней Ивашко, третей Ивашко». У польского хрониста Яна Длугоша было десять братьев с тем же самым именем. Одноименность сохранялась и у простонародья Германии¹⁰⁸⁸. Да и у аристократии она заметно проявлялась. Так, в 1171 г. на рождественском пиру в городе Байо (Северная Франция) собралось 117 Вильгельмов¹⁰⁸⁹.

Как и в Риме, женские имена у славян чрезвычайно редки, и обычно в них проявляется воздействие неславянской традиции (Рогнедь, Малфредь, Эстредь) либо женский вариант княжеского имени-титула. От X в. сохранилось одно такое имя: Передъслава — дочь или племянница Игоря и Передъслава — дочь Владимира Святославича. В данном случае, возможно, проявляется как раз

1084 См.: Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 47; Е.Л. Моне. Die gallische Sprache und ihre Brauchkeit für die Geschichte. Карлсруэ, 1851, S. 187–188.

1085 А. Бах. Deutsche Namenkunde. 1. Die deutsche Personennamen 1. Heidelberg, 1952, S. 226.

1086 Ср.: С. Ростонд. Указ. соч. С. 10.

1087 Д.Н. Егоров. Указ. соч. С. 366, прим. 6.

1088 В.А. Никонов. Указ соч. С. 12–13.

1089 Д.Н. Егоров. Указ соч. С. 366.

мистический мотив: рождение девочки предвещает славу будущего мужского потомства. Даже в XII в. знатные женщины именовались либо по отцу («Ярославна»), либо по мужу («Глебовая» и т. п.). Видимо, такого же происхождения имя матери Владимира Малуши (от отца Малько). Исследовательница именослова новгородских берестяных грамот поразилась, что во всем их наборе имен нет «ни одного нехристианского женского имени»¹⁰⁹⁰. Имена же, данные при крещении, долгое время в быту не употреблялись.

В работах германских филологов и даже у многих негерманских авторов ярко выражена тенденция приписать германское происхождение подавляющему большинству европейских имен только на том основании, что они встречаются на территории, именуемой «Германией». Выше говорилось об иной природе имен винилов, вандалов, ругов и некоторых других племен «венетской» («виндальской») группы. О готах сам Иордан говорит, что имена их по большей части «гуннские». Собственно германские имена распространяются на территории Германии и Скандинавии уже в основном после Великого переселения. Но и в это время, наряду с собственно германскими, в еще большей мере сохраняются имена традиционные. На германской почве они иногда переосмысливались. Чаще же они изменялись под пером позднейших авторов. Ф.И. Моне приводил примеры того, как может быть искажено и переосмыслено содержание слова при переходе его, в частности, из кельтского в германский язык. Так, ясное кельтское Ricdag — «хороший вождь», «добрый король» — превратилось на немецкой почве в Regentag (соединение слов «дождь» и «день»)¹⁰⁹¹. Много аналогичных примеров приводит Г. Балов, критикуя германские ономастические труды А. Баха¹⁰⁹². Гельмольд в XII в. не понимал уже, что означало имя короля данов Горма (899–936). Он его смешивал с немецким Worm — «червь», и обыгрывал это объяснение: («ворм, самый жестокий... из червей»)¹⁰⁹³. Между тем это кельтское имя, означающее «знатный»¹⁰⁹⁴. Оно показывает, кстати, что на территории Дании кельтская речь еще долго сохранялась: у большинства индоевропейских народов имена правителей и дружинников носили возвышающий смысл, отрицательным же могло быть лишь прозвище, данное со стороны.

1090 Н. В. Подольская. Антропонимикон берестяных грамот Восточная ономастика. М., 1979. С. 204.

1091 F.I. Mone. Die gallische Sprache und ihre Brauchbarkeit für die Geschichte. Karlsruhe, 1851, S. 40.

1092 H. Bahlow. Namenforschung als Wissenschaft. Deutschland Ortsnamen als Denkmale der Keltischen Vorzeit. Neumünster, 1955.

1093 Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 48–49, 253.

1094 A.M. William Shaw. Gallic and English Dictionary. V.l. London, 1780. (Gorm в значении «кровь», «знатный», «блестящий», и т. н.).

От IX–X вв. истории Руси источники донесли около сотни имен, большая часть которых перечисляется в названных договорах. Кстати, последние и наиболее ценные, так как имена донесены в записи, а не в устной традиции. Записывали их, следовательно, так, как их произносили сами носители имен. К тому же многие из них позднее не повторялись. Учитывая довольно распространенную закономерность повторять в роду одни и те же имена (обычно старший внук воспроизводил имя деда), следует думать, что либо носители этих имен не оставили потомства, либо они позднее были «переведены» на славянский язык.

Имеются две группы материалов, которые следовало бы сопоставить с древнерусской антропонимией: это топонимика и языческий пантеон богов. В топонимике Поднепровья, помимо славянского пласта, выявляются иранский, тюркский, балтский, в небольшой степени фракийский и, что особенно примечательно, — иллирийский и вообще западнобалканский¹⁰⁹⁵. Именно из тех мест, как сказано выше, летописец выводил полян-русь. Германизмы единичны и не бесспорны. Даже в Крыму, где готы дожили до Средневековья, заметнее следы древней индоарийской топонимики, выявленной О.Н. Трубачевым.

Языческий пантеон богов, устроенный Владимиром, также ясно свидетельствует о разных культурных традициях и разноэтничности Руси эпохи складывания государственности. Но и здесь сколько-нибудь заметных германских следов нет. Главные боги русской дружины и купечества — Перун и Велес у германцев неизвестны. И, как было отмечено выше, в киевских могильниках (трупоположениях) выявляется «разительное отличие древних киевлян от германцев»¹⁰⁹⁶.

Таким образом, германо-норманистская интерпретация древнерусских имен противоречит другим материалам, характеризующим облик и верования социальных верхов Киева и указывающим на разноэтничность населения Поднепровья. Да и сама интерпретация имен недалеко продвинулась со времени З. Байера. Отыскание приблизительных параллелей обычно считается достаточным для доказательства норманнского происхождения имени, хотя эти имена не имеют в германских языках, как заметил еще М.В. Ломоносов, «никакого знаменования». При этом даже не ставится вопрос: а откуда эти непонятные имена попали к германцам? Между тем параллели, и подчас с ясным значением, отыскиваются в других языках.

1095 О.Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 276–282.

1096 Т. И. Алексеева. Славяне и германцы в свете антропологических данных. С. 67.

Собственно славянских имен в языческой Руси немного. В договоре Игоря таковые носят члены княжеской семьи (Святослав, Володислав, Передъслава) и только несколько послов и купцов. Достаточно широко известно славянское имя Воико, параллели которому находятся в разных областях. В Болгарии известно имя Клек¹⁰⁹⁷.

По форме образования славянскими являются имена Синко и Сфирико. Этимологически они могут восходить и к другим языкам. Первое имеет параллель в болгарском именослове, где его понимают как вариант от имени Симеон¹⁰⁹⁸. Возможна в этом случае и связь с именем Синеус, о чем будет сказано ниже. Второе имя может восходить к семитским корням, связываясь с хазарским влиянием.

В литературе обращалось внимание на наличие в древнерусском именослове иранских имен. Таковы женское Сфандра, мужские Прастен, Фроутан¹⁰⁹⁹. Традиционные иранские имена — женское Эсфанд и мужское Эсфандар происходят от «Эсфанд» — двенадцатый месяц года (у иранцев имена часто давались по датам календаря). В договоре имя производится от мужского варианта, в чем может сказываться славянское влияние. Имя Фроутан в иранском означает «скромный» и т. п. Для имени Прастен, трижды повторяющемся в договоре, возможна и кельтская параллель¹¹⁰⁰. В иранском именослове находит аналог и имя договора Алвад (в иранском Алвад или Арванд), со многими возможными значениями. Возможно объяснение имени и из уэльского (кельтского) *allwedd* — главный, ведущий. Такого рода двоякое объяснение возможно и для имени договора Мутур. Оно может сближаться с иранским Мохтар (старший, высший) и с шотландским Muter. Само имя Олег созвучно иранскому Халег (творец, создатель).

Значительное число древнерусских имен находит аналогию или созвучие в топонимах венето-иллирийских областей. Так, у иллирийцев было употребительно имя Дир¹¹⁰¹. В конечном счете оно может быть и кельтского происхождения. У кельтов оно известно и сейчас (значение — крепкий, сильный, верный, знатный). Иллирийскими, по всей вероятности, являются распространенные у западных славян имена с корнем бор, бур (Буривой, Борислав, Борис). Это один из самых естественных путей образования имени:

1097 Български етимологичен речник. Св. XIII–XIV, София, 1977. С. 429–430.

1098 С. Илчев. Речник на личните и фамилии имена у българите. София, 1969. С. 450–451.

1099 А.А. Зализняк. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962. С. 44.

1100 A. Holder Alt-Keltischer Sprachschatz. T. 2. Graz, 1961, S. 1041.

1101 H. Krahe. Lexikon altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929, S. 43.

от понятия «муж», «человек». В договоре Игоря имеется имя Боричь. Параллели ему имеются в Западной Европе, в том числе у балтийских славян¹¹⁰².

Ряд имен находит соответствие в племенной номенклатуре и топонимике Подунавья и Иллирии. Так, имя Карн из договора Олега может означать просто принадлежность к племени карны, обитавшему по соседству с адриатическими венетами. Как и другие происходящие от этнонима имена, оно было широко распространено в Европе, в особенности у кельтов¹¹⁰³. Другое подобное имя Акун из договора Игоря, многократно повторяющееся позднее в форме Якун (особенно в Новгороде), тоже имеет многочисленные параллели в кельтском именослове¹¹⁰⁴. Но восходит оно, видимо, к обитавшему в Иллирии племени аконии. Имя договора Игоря Тилен повторяет соответствующее кельтское племенное название. Это племя обитало в Подунавье, а затем переселилось в Малую Азию, где кельты (галаты) около тысячелетия сохраняли свою самобытность.

Названия рек и местностей повторяются в именах Истр, Стир, Гомол. Первое имя повторяет одно из названий Дуная. Аналогичным образом в конце VIII в. имя «Истер» взял псевдонимом известный «просветитель» славян, ирландский монах Виргилий. Во втором отражается название прикарпатской реки или области позднейшей Штирии. Имя также издревле встречается у кельтов, причем в Британии есть и река со сходным названием (значение слов «могучий», «значительный»). Последнее имя повторяет название македонского города Гомолы.

К венето-иллийским именам могут быть отнесены также имена из договора Игоря Егри, Уто, Кол, Гуды¹¹⁰⁵. Имя Кола широко распространено также у кельтов, известно оно и в Скандинавии, но ясной этимологии его не видно ни на кельтской, ни на германской почве. На балканской почве следует искать и объяснение имени Стемид. Во всяком случае, в Македонии имя Астимед упоминается еще Полибием.

Фракийских имен, как и топонимов, меньше, чем западнобалканских. Фракийскими, по-видимому, являются имена с компонентом бит, вит, более

1102 A. Holder Op. cit., T. 3, S. 912; H. Jachnow. Die slawischen Personennamen in Berlin bis zur tschechischen Einwanderung im 18 Jahrhundert. Berlin, 1970, S. 91–92.

1103 T.E. O'Rahilly. Early Irish History and Mythology. Dublin. 1946, P. 60, 77.

1104 A. Holder. Op. cit. T. 1. S. 31–33.

1105 H. Krahe Lexikon, S. 45; J. Untermann. Die venetischen Personennamen. Wiesbaden, 1961, S. 188; T. Kakori. Noms propres et noms de famille d'origin albanais dans la ville de Ljaskovec // Actes du XI-e congrès international des sciences onomastiques. 1, Sofia, 1974, P. 450.

всего распространенные у балтов и изредка у славян. Значение компонента — «видный», «знаменитый» и т. п. В договоре Игоря есть одно имя, возможно объясняющееся через этот компонент: Турьбид. Имя Тур было широко распространено в Иллирии, Адриатической Венетии, у западных славян (в частности в Чехии). Известно оно было и на Руси (легендарный основатель города Турова). Второй компонент может быть объяснен также из кельтского, в котором он означает «мир» и который также часто входит в состав сложных имен.

В общей сложности славянские, иранские и подунайские параллели находятся лишь примерно для трети именословия. Но, во-первых, северные имена также получили заметное распространение в Подунавье в эпоху Великого переселения народов, а во-вторых, и они имеют различное происхождение.

В числе «русских» имен договора Игоря ранее уже была выделена чудская (эстонская) группа антропонимов: Каницар, Искусеви, Анубъксарь¹¹⁰⁶. Носителями этих имен могли быть и сами эстонцы, и выходцы из смежных областей, в частности из Роталии. В Роталии была и местность Ингия, с которой может связываться и имя одного из первых русских князей, пришедших с севера в Киев.

Имя Игорь обычно производится от скандинавского Ингвар, где первый компонент — имя бога, а второй — прилагательное «осторожный»¹¹⁰⁷. Но, во-первых, как указал еще С. Файст, это не германское божество, во-вторых, география распространения имени не совпадает с территорией германских стран. Подобные имена встречались в разных областях кельтского расселения; прибалтийские племена имена с корнем инг в эпоху Великого переселения занесли на Дунай. Имя Инго носил один из паннонских князей первой половины IX в.

Имя Игоря в западных и византийских источниках воспроизводилось как Ингер. Именно так назывался и дед византийского императора Льва VI, родившийся не позднее начала IX в., когда варягов в Византии определенно не было, а до первых поездок норманов пройдет еще два столетия. Встречается это

¹¹⁰⁶ Я. Зутис. Русско-эстонские отношения в XI–XIV вв./ Историк-марксист, 1940, № 3. С. 40.

¹¹⁰⁷ А.И. Рыбакин. Словарь английских личных имен. М., 1973. С. 192–193.

имя также в числе бретонских святых, а в Галлии в VIII–X вв. оно входит в состав двучленных имен¹¹⁰⁸.

Этимологизировать имя в конечном счете, видимо, надо на уральской языковой почве, так же как имена с корнем «гун». Переводится оно как «господин», «великий», «сильный», «старший»¹¹⁰⁹. Уральским по своим истокам является в распространенное в Прибалтике имя Инга, означающее в кельтских языках просто «девушка».

Следует отметить, что в русском именослове имеются и Игори, и Ингвары, причем они не смешиваются. Имя Игорь может быть славянской формой, обозначающей выходца из Ингрии или Ингрии (Ижоры). Имя Ингвар попало на Русь много позднее, лишь в конце XII в., вероятно, через брачные контакты.

В договоре упомянут еще один Игорь — племянник князя. Очевидно, это имя у русов было достаточно распространенным. А это обстоятельство побуждает внимательнее присмотреться именно к русам Роталии, тем более что и чудь, то есть эстонцы, согласно сказанию о призвании, участвовали в приглашении варяго-русов.

Чудские контакты русов могут объяснить и еще одно древнерусское имя — Улеб или Олеб. Имя было довольно распространенным. В договоре Игоря так назывался посол Володислава и еще один купец. Сам Улеб занимал высокое положение в дружине, поскольку его жена — единственная женщина, не являющаяся членом княжеской семьи, — направляла в состав посольства своего посла. Позднее имя Улеба будет носить один киевский тысяцкий и новгородский посадник времени Мстислава Владимиоровича (конец XI — начало XII в.). Норманисты пытаются сопоставить имя Улеб со скандинавским Олафом. Но это имя и само нуждается в объяснении, так как ничего вразумительного на германской почве изобрести не удается¹¹¹⁰. И территориально, и по смыслу ближе оказываются чудские параллели. Известны эстонские имена Олев, Алев, Сулев (герои эстонского эпоса «Калеви-поэга»). В эстонском *ulev* означает «высокий», «высочайший», «величественный», то есть вполне соответствует социальному назначению имен эпохи классообразования.

1108 J. Loth. *Les noms des saints Bretons*. Paris, 1910. P. 64–65; M.T. Morlet. *Les noms de personne sur la territoire de l'anneiene Gaule du VI-e au XII siecle*. I. Paris, 1968, P. 146.

1109 Г.А. Немиров. «Русь» и «варяг». СПб., 1898. С. 33–38. Автор имеет в виду Ингию — русскую Ижору у побережья Финского залива, отличая ее от соседнего финского населения и по внешнему виду.

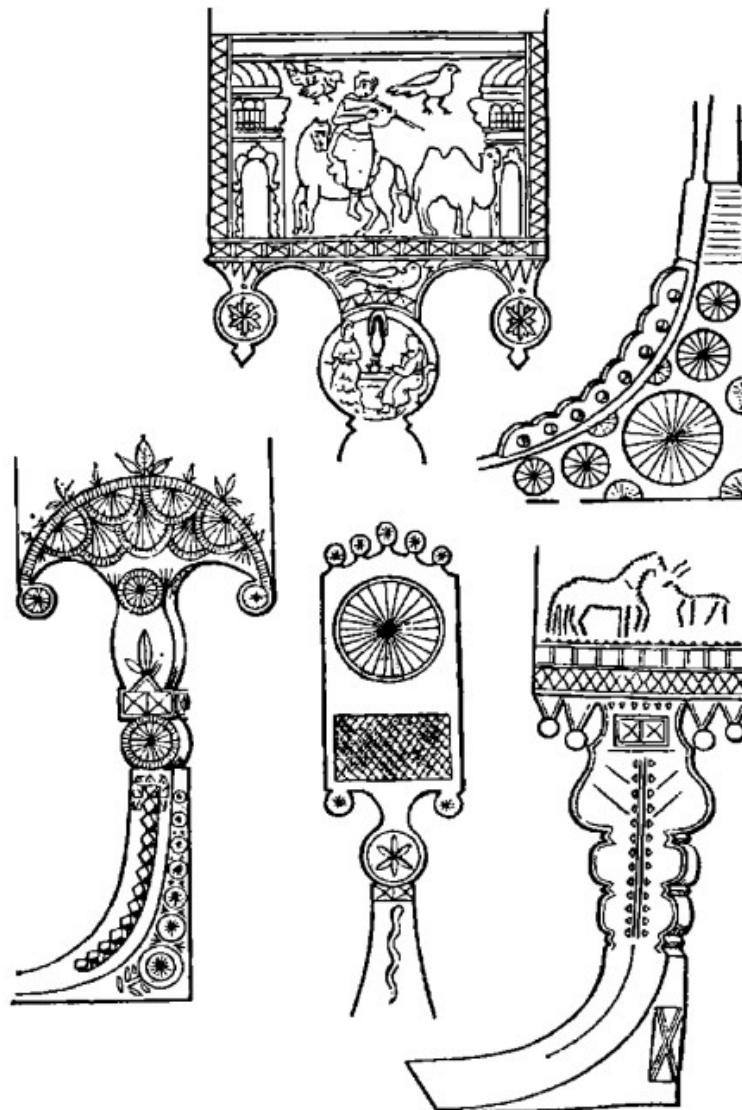
1110 А.И. Рыбакин Указ. соч. С. 276; Anleifr — «Предок остается». Ближе было бы кельтское (уэльское) *olaf* — «последний». См.: Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч. С. 231.

К кругу восточнобалтийских имен относится также Ятвяг из договора Игоря. Оно, очевидно, означает просто выходца из племени ятвягов. При этом надо иметь в виду, что непосредственно с племенем имя связывается только для того, кто впервые с ним порывает. А далее оно уже может переходить и на лиц, никакого отношения к племени не имеющих (обычно через родственные связи или увлечение славой носителя имени).

По Саксону Грамматику, один из вождей рутенов из Роталии носил имя Траинона. С этим именем может быть сопоставлен Труан из договора Игоря. Но для последнего есть и более близкая параллель: Троян «Слова о полку Игореве». В поэме Троян — легендарный предок русских князей, «внуком» (потомком) которого признается и Игорь Святославич. Имя это широко было распространено у западных славян, а также во Франции, что, может быть, указывает на древнюю кельтическую основу¹¹¹¹.

Значительное число имен имеет столь широкую область распространения, что делать какие-либо заключения об этнической принадлежности даже ближайших их предков невозможно. Так, имена Гуннарь и Гунастр в конечном счете восходят к имени фризского племени гуннов. Но усвоить его давно могли и русы, и славяне, и чудь, и скандинавы, и континентальные германцы. Имя Веремуд из договора Олега известно едва ли не всем прибалтийским племенам, захваченным Великим переселением. Оно часто встречалось и позднее у готов Испании и в такой же форме в генеалогиях древних королей Дании (Веремунд). Вместе с тем у побережья Северного моря имелся кельтский топоним, образованный от этого имени: Веремундиакус. Очевидно, имя уходит в глубокую древность, то ли отражая название племени виромандуев, жившего здесь во времена Юлия Цезаря, то ли составляясь из двух компонентов, первый из которых — муж, человек и поныне жив в кельтских языках, а второй, может быть, ведет к тем же фризам, у которых имя Мунд было известно и без сложения с каким-то другим корнем. Многим источникам известен и видный деятель конца V — начала VI в. в Подунавье, Мундо, которого Иордан считал родственником Аттилы. Указание на такое родство является лишним свидетельством в пользу фризского происхождения Аттилы.

¹¹¹¹ А.Г. Кузьмин. Важный вклад в изучение древнерусской историографии Вопросы истории, 1974, № 4. С. 131; M.T. Morlet. Op. cit, P. 74.

«Подземное солнце» на прялках. Боковые «серги» прялок символизируют восходящее и заходящее солнце.

Фризское влияние может проявляться также в однокоренном Фост из договора Олега и двукоренных именах с компонентом фаст. Имя это само по себе достаточно древнее, известное с римских времен и, вероятно, различно осмысливавшееся у разных народов. Но для эпохи VIII–X вв. наиболее употребительно оно было именно у фризов. У них же в числе излюбленных было также имя Гримм¹¹¹², представленное и в договоре Игоря. Объяснение его из германских языков как «страшный», «уродливый» — явно переосмысление, причем враждебное переосмысление (как у Гельмольда Ворм — червь, вместо Горм — знатный). В кельтских языках слово означало «война», «битва». Но не исключено, что объяснение надо вообще искать на иной языковой основе.

1112 J. Winkler. Friesische Naamlijst. Amsterdam, 1971. S. 136.

Имя Вуефаст из договора Игоря отражает, возможно, этап славянизации неславянских имен. Первый компонент здесь аналогичен именам Воемир, Воислав. Тексты договоров не оставляют сомнения в том, что русы времени Олега и Игоря говорили по-славянски.

Три имени из договора Олега — Карлы, Фарлоф и Фрелав также, видимо, имеют истоки на побережье Северного моря. Первому имеется прямое соответствие в названии топонима и личного имени из французского департамента Па-де-Кале¹¹¹³. Имеется и кельтский топоним с этим именем («Карлиакус»), что свидетельствует о его архаичности. С именем «Карл» оно непосредственно не связано, так как старше его. К тому же само это имя, ставшее популярным благодаря славе Карла Великого, имеет те же истоки: оно восходит к одному из обозначений человека («карл», «керл»), позднее означавшее «парень».

В двух других именах первый компонент, видимо, тот же, что и в имени Веремуд, то есть обозначает «мужа». Но различие в написании и произнесении предполагает разнотеменность и носителей сходных имен. Второй компонент имеет параллели в именах и топонимах кельтов, а также сходные по написанию слова с различным значением («рука», «малый», «счастливый»). Но, может быть, в этих именах сохраняется собственно «русское» начало, которое остается пока неопределенным.

Еще три имени в договоре Олега начинаются компонентом ру: Руар, Рулав, Руалд. Последнее имя дважды встречается и в договоре Игоря (Руалд и Роалд). Скандинавским сагам известны имена Хроальд и Хроар, которые обычно и считаются одноименными древнерусским антропонимам. Объясняют эти имена от *hrod* — «слава». Но имя Руар в том же написании, что и в договоре, известно и кельтскому именослову, а компонент «ро» является обычным в кельтских именах. Он может означать просто усиление¹¹¹⁴. Возможно образование этих имен и от ирландского *gue* — «герой»¹¹¹⁵. Не исключено и то, что к самим кельтам эти имена попали с континента.

Второй компонент имени Рулав тот же, что и в имени Фрелав.

В имени Руалд отражается кельтское (или докельтское) *ald*, *ard*, *oll* со значением «высокий». Имя легендарной Изольды в раннее Средневековье

1113 A. Dauzat. *Dictionnaire noms de famille et prénom noms de Franc.* Paris, 1951, P. 88 (Garly).

1114 K.H. Schmidt. *Die Komposition in gallischen Personennamen.* Tubingen, 1957, S. 63.

1115 J. Pokorny. *Die Geographie Irlands bei Ptolemaus // Zeitschrift für celtische Philologie.* B. 24. Tubingen, 1954, S. 115.

передается, например, как Issolt и как Isard¹¹¹⁶. То же чередование встречается в именах с компонентом «гилла» или «гильда», также неосновательно включенных в число «германских»¹¹¹⁷. На кельтской основе этот компонент осмысливается как обозначение «слуги» (в военно-феодальном смысле). Но опять-таки не исключено, что это еще один реликт языка «северных иллирийцев». В договоре Олега есть имя Инегелд, а в договоре Игоря имена Игельд или (в разнотениях) Ингелд. Очевидно, речь идет об одном и том же имени с корнем «инг», известным в разных вариантах по всему европейскому Северу. К тому же корню восходит и имя Иггивлад из договора Игоря, хотя второй компонент в этом случае, видимо, другой. Как отметил в свое время А. А. Шахматов, — это слово, означающее у кельтов и славян правителя, правление и управляемую территорию¹¹¹⁸. Титмару Мерзебургскому было ясно, например, что имена Владимир и Владивой имеют в основе корень, означающий по-славянски обладание.

В ряде случаев трудно размежевать варианты «алд» и «валд» или «влад». Таковы имена Аскольд, Асмولد (Асмуд), Свенделд (Свенельд). Все три имени, очевидно, северные. Но значение их остается неясным. Да и четких параллелей они не находят. В Скандинавии и Дании многократно встречается имя Свен, каковое носит и один купец в договоре Игоря. В имени можно видеть реликт племенного обозначения свевов. Прямой параллели Свенельду, однако, нет, а это предполагает и особую традицию бытования имени.

Как правило, те имена, которые находят аналогии в Скандинавии, имеются также в кельтских областях и из кельтского же языка и объясняются. Это указывает либо на наличие в Прибалтике древнейшей кельтической традиции, либо на переселение сюда более или менее значительных групп кельтов из Центральной Европы или из северных областей Франции и с Британских островов. Южный берег Балтики, как было отмечено И. Херрманном, в VIII–X вв. сохранял явные следы кельтического влияния. Следует считаться и еще с одной возможностью: значительная часть имен, особенно имен фризского происхождения, указывает на обитание здесь этнических групп, восходящих к уральским племенам.

В древнерусском именослове имеется целый ряд имен, параллели которым отыскиваются только на кельтской почве. Таковыми являются неизвестные

1116 E. Weekley. Surnames. London, 1936. P. 283.

1117 J. Loth. Le nom de Gildas dans l'île de Bretagne, en Irlande et en Armorique / Revue Celtique. 46, Paris, 1929.

1118 А.А. Шахматов. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912. С. 47.

скандинавам Туад, Тудор, Тудко из договора Игоря. Первое из них широко распространено у ирландцев¹¹¹⁹, второе — в кельтских областях Британии (знаменитая уэльская династия Тюдоров в том числе). На Руси — это также одно из излюбленных имен. Известно оно также в Румынии, куда могло быть занесено карпатскими русинами или еще древними карпатскими галатами-кельтами. Третье имя, очевидно, славянлизированная форма двух первых. Ближайшие параллели ему находятся в Бретани: *Tudi*, *Tudes*¹¹²⁰. Эти имена восходят к понятию «племя», «народ», видимо, с оттенком социального превосходства, а разночтения совпадают с разным написанием у отдельных кельтских племен¹¹²¹.

Имя посла Игоря — Ивор — известно по всем берегам Прибалтики. Но объясняется оно из кельтских языков («господин»)¹¹²². В конечном счете оно восходит, видимо, к кельтскому культу деревьев, так обозначался тис — дерево «благородной» породы, и это обозначение стало собственным именем¹¹²³.

Представительные кельтские параллели имеются для имен Куцы, Кары, Моны. Первые два встречаются, в частности, у галльского племени рутенов¹¹²⁴. Второе из них известно и в Скандинавии, но ясную этимологию дают именно кельтские языки (производное от глагола *cari* — «любить» или *care* — «друг»). У корнуэльцев имя Кар одно из излюбленных¹¹²⁵. Достаточно широко по кельтским областям бытовало и имя Моны (объясняется как благородный, стройный)¹¹²⁶. Существенно также, что имя это известно и венетскому именослову¹¹²⁷.

Имя Адун (купец из договора Игоря) в конечном счете восходит к финикийскому именослову, где означает «господин». Но на Русь оно опять-таки проникло через кельтские языки, куда это слово вошло с тем же значением и где находятся многочисленные параллели. Примерно тот же путь прошло и имя договора Аминод. Это семитское по происхождению имя неоднократно встречается в династии галатских вождей (в форме Амinta).

Очень интересно имя Алдан, дважды названное в договоре и известное позднее в Новгородской земле. Прямой параллелью ему является имя

1119 T. F.O'Rahilly. Op. cit., P. 34, 47, 97.

1120 J. Loth. Les noms..., P. 122–123.

1121 Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч. С. 33.

1122 А.И. Рыбакин. Указ. соч. С. 198.

1123 Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С. 164.

1124 A. Albenque. Les Rutenes. Rodes-Paris, 1048. P. 230, 237.

1125 E. Weekley. Op. cit. P. 280.

1126 А.И. Рыбакин. Указ. соч. С. 262.

1127 J. Untermann. Op. cit. S. 77, 173 (Moenius).

знаменитого ирландского короля и поэта VIII в. Аеда Алдана. Имя в конечном счете восходит к племенному названию аланов, оставивших заметный след на территории от Бретани до Бельгии. Само имя Аллан обычно считается кельтским¹¹²⁸. Это неточно: так назывались первоначально выходцы из рассеявшегося по северо-западу Европы племени алан. Специфически же кельтское заключено как раз в чередовании «лл» и «лд»¹¹²⁹ (то же чередование наблюдалось в компонентах «олл» — «олд», «хилда» — «гилла»). В Шотландии это имя встречалось и в форме Аллан, и в форме Алдан¹¹³⁰. На Русь имя попало в специфической кельтской огласовке.

Таким образом, кельтское влияние отражается в древнерусских именах самым непосредственным образом. Трудность заключается в том, что на Русь эти имена шли двумя каналами: из Подунавья и из Прибалтики. Но оба эти пути засвидетельствованы и исторически как направления миграции ругов-русов.

Целый ряд имен тоже в конечном счете оказывается кельтическим, но имеет более широкую область распространения. Так, летопись упоминает во второй половине X в. имена: Лют, Блуд, Буды. Кельтская параллель для первого (значение «гневный») указывалась¹¹³¹. Кельтские и французские параллели имеются и для двух других имен¹¹³². Но, может быть, существенней, что все три имени были известны венетам¹¹³³. Последнее имя известно также поморским славянам и болгарам¹¹³⁴. Имя Лют в Поморье может связываться и с племенным названием лютичей, хотя само это название, возможно, дано было со стороны.

Остаются неясными в этимологическом отношении имена из договора Игоря Вузлев, Фудри, Шибрид и Стегги. Ближайшими параллелями к ним могут служить (также неясные) французские имена: Vouzalleau, Foudriat, Chibret, Steeg¹¹³⁵. Первое А. Доза объясняет через топоним в департаменте Вьенна. Но происхождение топонима остается неопределенным. Заслуживает внимания и еще одна неясная параллель: болгарские имена Вузила и Вузилов¹¹³⁶. Второе имя может сближаться с многочисленными двукоренными ирландскими именами, в которых второй компонент — «ри» — означает

1128 А.И. Рыбакин. Указ. соч. С. 39.

1129 Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч. С. 80.

1130 G. F. Black G. F. The Surnames of Scotland. New York, 1946. P. 15.

1131 T. Lehr-Splawinski. Kilka uwag o stosunkach Językowych celtykopraslowinskich // Rocznik Slawistyczny. XVIII, 1956. S. 6.

1132 J. Whatmough. The dialects of ancient Gaul. Cambridge, 1970. P. 203–204 (Blanda, Bouda); Dauzat A. Op. Cit. P. 47, 55 (Bloud Boudy).

1133 J. Untermann. Op cit. S. 189, 192, 136.

1134 H. Jachnow. Op cit. S. 93; С. Илчев. Указ. соч. С. 91 (Буди).

1135 A. Dauzat. Op. cit. P. 599, 264, 126, 558.

1136 С. Илчев. Указ. соч. С. 117.

«король». Первый же компонент может быть производным от «туд». К этой же группе может относиться не имеющее параллелей имя Либиар. По крайней мере, французская антропонимия знает оба его компонента. В этом ряду, возможно, следует рассматривать и уникальное имя Слуды. Отдаленные параллели ему находятся на Балтийском Поморье¹¹³⁷. Но по происхождению имя может быть и неиндоевропейское.

Без параллелей остаются имена Евлиск, Воист, Емиг. Суффикс «ст» часто указывает на иллирийскую принадлежность. Но возможны и иные решения, как это и предполагалось в отношении тоже уникального имени Гунастр.

Не имеют ясных параллелей и имена Актеvu и Лидул из договора Олега. Ближайшей параллелью для первого является персонаж греческой мифологии — Актеон. Акте — древнее название Аттики, и имя означает просто выходца из этой области. Второе имя может восходить к легендарному Лиду, с которым связывались малоазиатские лидийцы и италийские этруски. Суффикс же «ул» имеет широкое распространение, встречаясь в Галлии, у венетов, иллирийцев, славян. Так или иначе оба эти имени, видимо, южного происхождения, хотя прийти на Русь могли и через Балтийское море: южное влияние, как отмечалось, сказывается в некоторых именах и топонимах, упоминаемых Саксоном Грамматиком, у восточнобалтийских рутенов, а также у венедских и балтских племен.

Поражает незначительное влияние на древнерусский именослов собственно германских языков. Правда, как было сказано, германский именослов тоже был мало разработан по сравнению с кельтским или венето-иллирийским. В эпоху военной демократии эти имена часто переосмысливались из германских языков, приобретая иногда причудливые формы (вроде указанного Монэ переосмысления кельтского Риксдаг — «добрый король» в немецкое Регенстаг — «дождливый день»). Собственно германские имена чаще всего двусложные типа Вольфганг — «бегущий волк». Кстати, в германских именах часто фигурируют «волк» (скандинавское «ульф»), медведь («бэр» на континенте, «бьорн» в Скандинавии и Дании), лис («фукс»). В социальном плане часты также компоненты «хер» (господин) и «манн» (муж, человек). С германскими именами может сопоставляться имя купца из договора Игоря Адулб. Параллелью ему могло бы быть германское Адульф. Но конечное «б» свидетельствует, по крайней мере, о том, что имя уже не воспринималось сознательно как германское. Кроме того, известны кельтские имена, звучащие

¹¹³⁷ H.Jachow. Op. cit. S. 185 (Sletko, Slottenik).

похоже (Адул например), а Сент-Готард в области Ругиланда носил прежде название Адула.

Обычно из германских языков объясняются имена Берн, Туръберн, Шихъбернъ, известные по договору Игоря, а также Ждьберн — имя варяга из Жития Владимира. Предполагается, что в такой форме передается скандинавское «бьорн». Допускается и альтернативное решение: «берн» — значит «герой»¹¹³⁸. Это действительно так, но не в германских, а в кельтских языках, где это слово означает «гора» в топонимах и «герой» в именах¹¹³⁹.

Само по себе отождествление понятий «камень» и «герой» восходит, видимо, к эпохе почитания камня, столь выразительно представленное в мегалитической культуре. Германцев это почитание тоже должно было захватить. В германских, в том числе в скандинавских именах компонент «берг» (бъерг) представлен весьма широко¹¹⁴⁰. Но опять-таки древнерусский именослов знает не германский, а кельтический вариант имени. В этой связи может представить интерес и то обстоятельство, что в области бывшего Ругиланда сохраняются ряд топонимов «Берндорф», «Бернбах», то есть уже переосмыщенное на германской почве «Горная деревня» и «Горный ручей». Но личные имена, вероятно, все-таки именно варяжские, прибалтийские. Так, имя Шихъберн — своеобразное произнесение старого кельтского имени Сигоберн. Замена звука «с» звуком «ш» — отличительная черта какой-то группы западных славян, проникшая, в частности, на Псковщину¹¹⁴¹. Германские языки звука «ш» первоначально вообще не знали, а звука «ж» не знают и поныне. На Балтийское Поморье указывает и имя Шимона — варяга, похороненного в Печерском монастыре, и отца Георгия Шимоновича — тысяцкого и воспитателя Юрия Долгорукого. Шимон вместо Симон и сейчас сказывается во многих польских фамилиях.

На первый взгляд кажется ясным германским имя Бруни из договора Игоря, поскольку оно легко объясняется от германского *brun* — «коричневый». Но имя встречается задолго до распространения его у германцев¹¹⁴². На севере оно популярно у фризов, где есть и славянская его форма — Брунко¹¹⁴³.

1138 W. Schlaug. Die altsachlichen Personennamen vor dem Jahre 1000 // Lunder germanistische Forschungen, 1962. S. 75.

1139 Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч. С. 61; A. Holder. Op. cit. T. I, S. 406; W. Craigie. A dictionary of the older Scottish tongue from the twelfth century. V. I. London, 1931-37, P. 241.

1140 L. Modeer. Svenska Personnamn. Stockholm, 1964, S. 114–116, 127–129.

1141 А.М. Селищев. Славянское языкознание. М., 1941. С. 75, 329–331. Псковизм обычно усматривают в эпилете «шизый» вместо «сизый» в «Слове о полку Игореве».

1142 A. Holder. Op. cit. T. I. S. 623, III, S. 986–989.

1143 J. Winkler. Friesische Naamlijst, S. 53.

Известно оно и на Поморье, и в Швецию также попадает в типично славянской форме: Брунко и Брунков¹¹⁴⁴.

Имя договора Игоря Фрастен находит аналогию в шведском именослове. Сходное с ним имя Фурьстен не имеет параллелей. Первый компонент в этих именах, видимо, тот же, что и во многих других, начинающихся с «фра», «фар», «фер» (Фредерик у дунайских ругов в V в. Фердерух) и означающих «мужа», «человека» (ср. ирландское fer или fear). Второй компонент может восходить к северогерманскому «стен» (стейн, стан) — «камень». Такое смешение германского и негерманского более всего характерно для побережья Северного моря и Скандинавии.

Параллели в шведском именослове имеет также имя договора Игоря Ут или Уто (в тексте — посол Утин). Но параллели есть и на Поморье. В земле варинов-вагров был город и округ Утин. Известно также имя ободритского князя Удо. В X в. это имя (в том числе в варианте Ходо) было употребительно у саксов. Может быть, вариантом того же имени является в еще одно имя договора Игоря — Етон. Имя уходит в отдаленную древность, и исконное значение его (как и язык) неясно.

Остается рассмотреть имена трех легендарных братьев — Рюрика, Синеуса и Трувора. Только норманистским ослеплением можно объяснить поиски аналогов для летописного Рюрика в Скандинавии. Об отсутствии этого имени в шведской истории, как отмечено выше, подчеркнуто разъяснял нашим норманистам в 1997 г. в Кирове шведский ученый Л. Гrot. Дело в том, что имя это известно в Европе, по крайней мере с IV в. А. Хольдер приводит пять «Рюриков», известных до VII¹¹⁴⁵. 12 «Рориков» отмечено на территории Франции IX–XII вв.¹¹⁴⁶. Имя это проще всего может быть понято как отражение племенного названия руриков, или рауриков (откуда французские «Рорики»). Название племени происходит, очевидно, от реки Рур или Руара. В настоящее время это название имеют притоки Мааса и Рейна. В Средние века и у Одера был приток Рурика¹¹⁴⁷. Во времена Юлия Цезаря рурики, не желая покориться римлянам, в большинстве покинули обжитые места и исчезли из поля зрения

1144 H. Bahlow. Die stralsunder Burgernamen um 1300, Stettin, 1934, S. 5; B. Suidquist. Deutsche und Niederländische Personenbeinamen in Schweden bis 1420. Lund, 1957, S. 117–118.

1145 A. Holder. Op. cit. T. II, S. 1248–1249.

1146 H.T. Morlet. Op. cit. P. 191.

1147 do. Rudnicki. Die Slaven, Kelten und Germanen in Bassin des Baltischen Meers zu Beginn der indoeuropäischen // Slavia occidentalis, t. XV. Poznan, 1936. S. 136.

римских авторов. Но и позднее выходцы из поречья Руры получали прозвище «Рурик»¹¹⁴⁸.

В антинорманистской литературе имя сближается также с названием ободритов Реригами или просто с вендским обозначением сокола — рапогом. Но имя на Русь попало именно в кельтской огласовке. К тому же рассеяние племени в первые века нашей эры предполагало довольно широкое распространение имени по континенту.

Для имени Синеус в Скандинавии нет даже приблизительных параллелей. Поэтому и появилась названная ранее версия, что Синеус и Трувор — вообще не имена, а неудачное осмысление скандинавского сказания. В кельтских именах параллели ему находятся и имя естественно объясняется от *sinu* — «старший»: *Sinaeus*, *Sinus*, *Sinicus*¹¹⁴⁹. Не исключено, что имя явилось славянским переосмыслением кельтического антропонима типа Беллоуес, где второй компонент — вариант от гаст в значении «господин».

И имени Трувор параллелью может служить широко распространенное и у современных кельтов имя Тревор¹¹⁵⁰. В старофранцузском языке слово «трувор» означало поэта, трубадура, путешественника. Напрашивается также сопоставление с именем Труана из договора Игоря и Трояна из «Слова о полку Игореве». В кельтской традиции много имен от «три», и «третий» по рождению обычно означал не просто порядковый номер», а лучшего из рода¹¹⁵¹.

Как было упомянуто в другом месте, по генеалогии Фридриха Хемница (XVII в.) Рюрик и его братьями считались сыновьями Готлейба — ободритского князя, пленившего и затем убитого в 808 г. датским королем Готфридом. Правда, названы там братьями Рюрика Сивар и Триар. Но это отличие лишь подчеркивает независимость мекленбургских генеалогий от генеалогии Рюриковичей на Руси. Память о Рюрике, сыне Готлейба, жила здесь долго. Даже в середине XIX в. их записывал французский путешественник К. Мармье, о чем писал В. Чивилихин¹¹⁵². И. Хюбнер, однако, не включил эти данные в свою сводную генеалогию. В соответствии с русскими источниками он начинал династию русских князей именно с Рюрика. В этом сказался общий принцип автора — следовать официальным генеалогиям.

1148 D'Abrois de Jubainville. *Les noms Gaulois*. Paris, 1891, p. 37–38, 96.

1149 A. Holder. Op. cit. T. II. S. 1567–1575. Ср. также славянскую форму Сипко в договоре Игоря.

1150 А.И. Рыбакин. Указ. соч. С. 339. Объяснение — «большой дом» вряд ли удовлетворительно.

1151 Филип Ян. Указ. соч. С. 173–174.

1152 В. Чивилихин. Память. М., 1982. С. 475–479.

Радзивилловская летопись

Генеалогии Хюбнера дают, однако, материал для прояснения загадочных и непонятных имен рутенов, упоминаемых в саге о Тидреке Бернском и в «Деяниях данов» Саксона Грамматика. Так, уникальные имена рутенских вождей из Роталии Онев и Олимар находят аналогию в генеалогии герулов, вандалов и венедов. После первого короля герулов Антырия следует Анавас и затем Алимер. В объединенной генеалогии трех племен, считавшихся, очевидно, родственными, перемешаны славянские и неславянские имена. Уже 6-ю и 7-ю степень, относимую к I в. н. э., занимают «короли» со славянскими именами: Визилаус и Витислаус (то есть Всеслав и Вячеслав или Вышеслав). Имена эти будут далее повторяться. Есть в их числе также Мечислав, относимый к IV в., и неоднократно повторяющийся Радегаст. В связи с Радегастом (Радагаис) сообщается, что в 388 г. при императоре Гонории герулы прошли в Италию. С герулами с острова Рюген в той же книге связываются и Одоакр — Оттокар, а с последним, в свою очередь, генеалогия маркграфов Штирии (то есть области Ругилянда), где имя Оттокар было излюбленным.

Одоакра, как отмечалось в другом месте, Иордан считал ругом. Гельмольд, в свою очередь, считал славянским племенем герулов, отождествляя их с гельведами-гаволянами (то есть племенем, жившим по реке Гавеле). В средневековой славянской эпической традиции Одоакра считали славянским или русским князем, противопоставляя его герою немецкого эпоса Теодориху-Дитриху остготскому.

Таким образом, русский именослов в целом подтверждает картину, рисуемую летописцами, а также древнейшими западными источниками. В Поднепровье действительно были выходцы из Подунавья, упомянутые в летописи. Движение северных русов и варягов начинается значительно позднее. Помимо славян и славянизированных варинов и русов, в переселениях заметна роль фризов. Судьбы фризов и русов на Балтике вообще часто пересекались, поскольку главным врагом тех и других долго оставались даны. В 786 г. фризы были разбиты датчанами при Бравалле, после чего многие из них покинули страну, переселяясь, в частности, и на восток, в славянские земли. Вероятно, что имя князя Бравлина из «Жития Стефана Сурожского» воспроизводит топоним Бравалла (Бравлин принял крещение вскоре после смерти Стефана в 787 г.). Археологически фризский элемент с начала IX в. прослеживается едва ли не по всем балтийским городам.

Чисто германских имен в древнерусском именослове нет. Даже имена с компонентом свен не могут возникнуть у самих свевов, как, скажем, имя Рус не имеет смысла в Русской земле. Эти имена, в частности, издавна были у данов, ближайших соседей и долговременных антагонистов варинов и ругов-русов. У самих данов германские имена появляются сравнительно поздно, что указывает на сохранение на этой территории негерманского населения, может быть, родственного тем же варинам, ругам и вообще племенам венедо-вандальской группы.

Собственно, скандинавы попадают на Русь лишь с конца X в., причем обычно в составе смешанных варяжских дружины вроде дружины йомских витязей. Саги не знают русских князей ранее Владимира, да и во времена Владимира герои их действуют в Прибалтике, на побережье прежде всего Эстонии. Тесные связи со шведами устанавливает лишь Ярослав Мудрый, что и нашло отражение в переписке Ивана Грозного с Юханом III в XVI в. Ни один источник X–XIV вв. не смешивает русь ни со шведами, ни с каким иным германским племенем.

3. Внутреннее и внешнее положение Руси в IX–X вв

Образование Древнерусского государства является собой пример сложения новой цивилизации в результате взаимодействия различных этнических групп. В этом процессе участвуют остатки доскифского и ираноязычного населения,

разные группы славян, иллиро-венедское и кельтическое население также нескольких потоков. Территория, на которой развертывался этот процесс, простиралась от Балтийского до Азовского и Черного морей. По всему великому пути «Из варяг в греки» происходит смешение исконно славянского и «русского» в разных его вариантах. Это фиксируется самим фактом путаницы в источниках: то славяне и русь разделяются, то русь рассматривается как часть славян. Ибн-Хордадбех в IX в. считал русских купцов «видом славян». Одна и та же река называлась то «русской», то «славянской»¹¹⁵³.

Сам этноним «русь», как отмечалось, не всегда означал одно и то же. И реально в сложении древнерусской народности участвовали, по крайней мере, четыре ее вида. Это «русь» собственно поднепровская, входившая в состав еще Черняховской культуры, затем вместе с гуннами ушедшая на Дунай и вернувшаяся после развала державы Аттилы к Днепру и Крымскому побережью. Это «русь» из Норика-Ругилянда, откуда киевский летописец выводил и славян и русов, особо подчеркивая их славяноязычие. «Русь» Подунавья в легендах, записываемых с XIII в., окажется тесно связанной с проблемой происхождения славян (легенды о Чехе, Лехе и Рузе, как бы об основателях трех крупнейших славянских государств). Стойкость этой легенды подчеркивается и тем, что на торговом пути от Днепра до верховьев Дуная будет в качестве основной денежной единицы держаться серебряная гривна весом в 168–170 г, ориентированная на денежную систему римского времени. В то же время на Волго-Балтийском пути, активную роль на котором играли славяне и русы-руги, на протяжении столетий будет удерживаться новгородская гривна, ориентированная на фунт Карла Великого (409 г), составляя ровно половину этого фунта. (На этот фунт ориентировалась и денежная система Волжской Болгарии — конечный пункт этого торгового пути, где встречались купцы запада и востока.)

Дунайско-иллийские русы были ветвью русов-ругов балтийских, обосновавшихся здесь еще в IV в. и позднее смешавшихся со славянами. На Балтике руги-русы также переходят на славянскую речь, поглощая и остатки дославянских племен «виндальской» группы, в числе которых были и варини-варанги-вэринги-варяги, просто поморяне. Вокруг них копья ломаются уже несколько столетий. Яркий кельтический след на этой территории явно связан с переселением сюда из Галлии после завоевания ее римлянами венетов и

1153 См.: А.П. Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 368–371, 384–385.

рутенов, которые и дали разные варианты названий племени, разбросанного от Балтиki до Меотиды. Но на Балтике была и иная по истокам «русь», именно Русь аланская. Основной территорией ее была салтовская культура верховьев Дона, откуда также был выход на Волго-Балтийский путь, который еще и в XII в. представлялся Гельмольду главным, соединяющим Балтийское и Черное моря.

Темой будущих докторских диссертаций явится история контактов и противоборства двух этнических разных «Русий» — «Черной» и «Белой», колонии которых перемешивались в районе Немана и Западной Двины. К сожалению, восточное побережье Балтики слабо исследовано в археологическом отношении еще и в то время, когда этот берег входил в состав одного государства. Теперь перспективы таких исследований стали еще более проблематичными. А собственно исторические данные указывают на то, что Рюрик с братьями действительно переселялись на восток по Балто-Волжскому пути (именно в Ладогу) после гибели их отца Готлейба в 808 г. Вполне вероятно, что именно с ним связано основание Новгорода в середине IX в. (Керамика южнобалтийского типа это удостоверяет.) Но Олег и Игорь явились явно из другой Руси и по крайней мере через поколение после братьев, вынужденных переселенцев с южного берега Балтики. Сами имена Олега и Игоря указывают именно на «Русию-турк», также подвергавшуюся интенсивной славянизации. Именно отсюда иранские и чудские-эстонские имена попадают в договоры Руси с греками, а славянские божества в пантеоне богов Владимира пополняются иранскими. И показательно, что «Олегов» и «Игорей» нет в западной части балтийского побережья. А традиционно Новгород будет тесно связан с южным берегом Балтики, Псков же — больше с Роталией, тесные связи с которой будут продолжаться вплоть до окончательного ее падения в ходе войны 1343—45 гг. против Ливонского ордена.

Смешение двух разных по происхождению русов наблюдалось на протяжении почти тысячелетия и в Причерноморье. При этом как на Балтике, так и в Причерноморье русы часто ассимилировались без участия самих славян. Этим обстоятельством только и может быть объяснено существование славяно-русского Тмутараканского княжества в такое время, когда не приходится говорить о сколько-нибудь значительной славянской колонизационной волне в этом направлении.

На протяжении IX–X столетий границы нового этнополитического объединения неоднократно менялись и менялся характер отношений между

разными районами, на территории которых происходили сходные, по существу, процессы. Летописи фиксируют разные границы Руси, чаще всего не давая точных хронологических определений: к какому времени относится та или иная политическая ситуация? Взимание дани Русью с прибрежных балтийских народов, по всей вероятности, не относится к Киеву и предполагает русов южно- и восточнобалтийских (т. е. в истоках разноэтничных). Но в представлении летописцев эти «Русии» уже сливались в Приднепровье, что в значительной степени, по крайней мере в генеalogиях киевских князей, соответствовало действительности. В VIII–IX вв. устойчивые политические связи между Приднепровьем и Причерноморьем также едва ли существовали. Но в представлении греческих авторов и тут, и там жил один и тот же народ.

В самом Приднепровье ситуация была чрезвычайно сложной. Даже в X в. в числе племен, входивших (согласно «Сказанию о славянской грамоте») в состав Руси, нет смоленских кривичей. И похоже, что Гнездовский курганный могильник был оставлен несколькими поколениями воинов и купцов, не связанных непосредственно с Киевом: здесь было самостоятельное княжество. И еще в конце X в. Владимир шел на Киев через Полоцк, минуя Смоленск.

На протяжении IX–X вв. неоднократно менялся круг племен, плативших дань киевским князьям. В первой половине IX в., судя по «Сказанию о призвании варягов», племена полян, северян, вятичей были данниками хазар, тогда как древляне сохраняли полную самостоятельность. Олег прибыл, по летописи, из Новгорода, если только указание на Новгород не привнесено вместе с явно искусственным привязыванием ребенка Игоря к славимому в Новгороде (видимо его основателю) Рюрику. Но под его властью оказались среднеднепровские племена: поляне, древляне, северяне и радимичи, а главная борьба развертывалась с уличами и тиверцами, закрывавшими с юга путь «Из варяг в греки».

Насколько непрочно было в это время политическое единство, можно судить по борьбе с древлянами, особенно обострившейся при Игоре (913–945). Древляне, хотя и сохраняли номинальную зависимость от «русских» князей, имели и своих князей, и свое управление. Согласно летописи, древлянские послы, сватая Ольгу за своего князя Мала, заявили: «Мужа твоего убихом, бяше бо мужъ твой аки волк восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю»¹¹⁵⁴. Противоборство полян и древлян уходит в глубину веков. Однако в ней не видно каких-либо следов этнической розни,

несмотря на то, что у полян к этому времени, возможно, еще и не завершился процесс полной славянизации. На первом плане совершенно отчетливо стоят чисто социальные проблемы. У полян, несомненно, классовое расслоение зашло дальше, чем у древлян. Это хорошо прослеживается и на материалах захоронений. Подчинение Киеву в данном случае означало усиление уровня эксплуатации, тем более что, как и во всех других ранних государствах, основные тяготы возлагались на покоренные племена. Но древлянская знать охотно соглашалась остаться в составе нового государства, если ей гарантировали определенные привилегии, равные с привилегиями киевской знати.

У уличей традиции племенного строя были, видимо, прочнее. После упорной борьбы против киевских дружин, не примирившись с необходимостью платить дань, уличи покинули Южное Приднепровье и передвинулись к тиверцам на Днестр. Это было последнее переселение крупного славянского племени в полном составе. Но оно свидетельствует о том, что вплоть до X в. массовые переселения племен были явлением вполне обычным, нисколько не удивлявшим современников.

В низовьях Днепра не видно достаточно выразительных следов славянской материальной культуры. Однако и после ухода уличей здесь жило славяноязычное население. Святослав, возвращаясь в 972 г. из неудачного похода в Болгарию, зимовал «в Белобережье», ниже порогов, покупая у местного населения провиант, причем из-за голода стоила «по полугривне глава коняча»¹¹⁵⁵. Здесь пересекается степной обычай употребления конины в пищу и славянская речь. Все это свидетельствует о том, что на юго-востоке распространение славянских языков было более широким, чем распространение славянской (традиционной) материальной культуры.

Сложные внутренние процессы происходили и на территории полян. Пожалуй, самое удивительное заключается в том, что с точки зрения соседей полян, да и их самих они мыслились как этнически однородное племя — поляне-русь. Между тем и погребальный обряд, и антропологические данные свидетельствуют о соединении в рамках этого племени групп, разных по происхождению. Здесь неизбежно должны были жить разные представления о происхождении, что и отразилось в этнографических и генеалогических преданиях. Но серьезной внутренней борьбы между, скажем, славянскими и неславянскими элементами не видно. Это может быть объяснено только

¹¹⁵⁵ Там же. С. 72.

совершенно одинаковым правовым положением тех и других, естественным процессом славянизации всего «русского» и вообще неславянского населения.

От середины X в. идут вроде бы взаимоисключающие версии. «Сказание о славянской грамоте», судя по всему уже знакомое христианской общине при Ильинской церкви, предполагало единый язык славян и руси Подунавья. Но к тому же времени относится и известный документ Константина Багрянородного, в котором Киев называется «Самбатас» и даются параллельные «русские» и славянские названия семи днепровских порогов. «Русские» названия порогов, как и имена дружинников, большинство антиморманистов «уступали» норманистам¹¹⁵⁶. Норманистская литература об этих названиях огромна, и для ее разбора нужна по меньшей мере монография¹¹⁵⁷. И тем не менее вопрос совсем не так ясен, как до недавнего времени представлялось многим специалистам.

В свое время Г. Эверс иронизировал по поводу норманистской интерпретации названий порогов, замечая, что Дурич столь же успешно, как Тунман из скандинавского, объясняет из словенского, Болтин из венгерского, и кто-то может объяснить из мексиканского¹¹⁵⁸. Это замечание не потеряло силы хотя бы потому, что скандинавские названия конструируются из языковых «отходов», не относящихся к основной лексике языка и довольно темных по своему происхождению. Кроме того, названиям даются длинные и нечеткие описания, расчленяя их по слогам. Для топонимов это невероятно.

Ближе всех к реалистической постановке вопроса подошел все-таки в упомянутой выше статье М.Ю. Брайчевский¹¹⁵⁹. Особенно убедительно в его интерпретации объяснение «русского» названия порога «Эссупи», соответствующего славянскому «Не спи», из осетинского языка, где отрицание «не» передается звуком «э». Можно добавить к этому, что греческому «Варуфорос» близка иранская параллель баэруфород, означающая «горы и долы», «верх и низ», «подъем и спад». «Русскому «Леанти» может соответствовать иранское «лаэ'нати», означающее «проклятый», «проклятущий» (славянская параллель — «Веручи», что означает «кипящий»).

¹¹⁵⁶ Ср.: М.Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». СЭ, сб. VI–VII. М. 1947. С. 76; В.В. Мавродин. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Л., 1971. С. 176–177; А.И. Толкачев. Указ. соч.

¹¹⁵⁷ Ср.: И.П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 46–49.

¹¹⁵⁸ Г. Эверс. Предварительные критические исследования по российской истории. Кн. 1. М., 1825. С. 138.

¹¹⁵⁹ Извлечение из нее и комментарий см.: Славяне и Русь. Проблемы и идеи. С. 398–403, 472–475.

Близость названий порогов именно к осетинскому языку может служить аргументом в концепции Д.Т. Березовца о салтовской природе Приднепровской Руси. М.Ю. Брайчевский допускал еще сарматскую эпоху. Топонимы обычно переживают оставивших их этносов. Но в данном случае византийский император имел в виду русов, приходивших в Константинополь именно из «Внешней Руси», то есть из Прибалтики по Днепру (русы-аланы шли туда же Доном). И речь могла идти об аланская Руси на Балтике, той самой, выходцами из которой, по всей вероятности, являлись Олег и Игорь. Другое дело, что сами «русские» названия зародились, возможно, еще в Черняховскую эпоху.

В X в. завершается процесс сложения нового этноса и новой социальной организации в Приднепровье. В этом процессе участвовали реликты доскифского и ираноязычного населения, разные группы славян, венедо-кельтическое население тоже нескольких потоков. Сложный и смешанный состав населения Киевщины долгое время проявляется в религиозных верованиях и погребальных обрядах. Это, в частности, можно видеть на составе пантеона древнерусских богов. Самое слово «бог» сближает русское язычество с иранским («бага») и ведет, видимо, еще к скифским и даже доскифским временам. Славянским божеством, по-видимому, является Дажьбог, потомками которого автор «Слова о полку Игореве» признавал русичей. Обычно имя осмысливается как «податель блага». Примерно так его должны были воспринимать и кельтические племена (кельтское *dag* — добрый, хороший). Видимо, древнеевропейским божеством является Стрибог, судя по «Слову о полку Игореве», бог ветров и пространства (индоевропейское, точнее санскритское *stri* — «простираясь»).

Дажьбог в славянском язычестве осмысливался и как бог солнца, причем выше его ставился бог Сварог. Согласно комментарию, внесенному одним из летописцев (в составе Ипатьевской летописи), «Солнце царь сын Сварогов, еже есть Дажьбог»¹¹⁶⁰. В позднейших поучениях против язычества обличению подвергались те, кто «огневые молятся, зовуще его Сварожичем». Бог «Сварожич» известен также балтийским славянам¹¹⁶¹. Самому же названию «Сварог» можно найти объяснение опять-таки в санскрите: одно из названий неба в нем — «сварга».

1160 ПСРЛ. Т. II, стр. 278–279.

1161 Н.С. Тихонравов. Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов // Летописи русской литературы и древностей. Т. IV. М., 1862. С. 89, 92; Thietmari Merseburgensis episcopi. Chronicon. В., 1966, S. 268.

Славянское язычество, таким образом, может восходить к самым древним этапам существования индоевропейских групп. Но рядом с этим в киевском пантеоне оказываются и имена, явно чуждые славянскому миру. Так, наряду с «сыном Сварога» функции бога солнца выполняет и бог Хорс. Автор «Слова о полку Игореве», говоря о «вещих» свойствах Всеслава, отметил, что полоцкий князь «великому Хорсови путь прерыскаше» (по средневековому поверью солнечное затмение случалось из-за того, что оборотень-волк загораживал путь солнцу). Подобное божество имелось и у иранских народов¹¹⁶². Г.Ф. Турчанинов прочел имя божества (о, хрс!) в надписи на горшочке из-под Умани, относящейся к V в. до н. э.¹¹⁶³. Если это прочтение верно, то мы получаем еще одно доказательство глубокой автохтонности пребывания здесь населения, причем написание имени отличается от предположительного скифского («хуаерс»).

Остается не вполне ясным происхождение божеств Симаргла и Мокоши, представленных в пантеоне Владимира. Ясно только, что это тоже не славянские божества. Первому из них обычно ищут аналогии в тюрко-иранской, второму — в угрофинской среде. То и другое непосредственно соединялось в Восточной Прибалтике, в Роталии. Боги пантеона Владимира как бы указывают, где молодой княжич набирал дружину и с каким «заморьем» был связан.

Главное божество варяго-русской дружины Перун совершило почти полный круг от хеттов через Прибалтику в Приднепровье. Здесь, однако, его, видимо, не успели усвоить. После принятия христианства с культом Перуна приходилось бороться на севере, в Новгородской земле. В Приднепровье же у этого божества приверженцев было меньше. Тем не менее некоторые специфические «русские» обряды должны были быть связаны с этим божеством. Так, культу Перуна обычно сопутствовал культ дуба. Согласно Гельмольду, у вагров их божество Проне как бы жило в дубовой роще, и поклонение роще означало поклонение этому божеству. В имени Проне обычно без сомнений узнают Перуна. В этой связи может представить интерес и еще одна параллель: кельтское название дуба — *pren*, *prenn*. Последнее обстоятельство тем более существенно, что кельтические черты проявляются в

1162 С.П. Обнорский. Прилагательное «хороший» и его производные в русском языке // Языки литературы. Т. 3. Л., 1929; В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л., 1949. С. 595; его же: Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 115–116.

1163 Г.Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971. С. 54–55. Русское божество может восходить и к доскифским временам. В Индии слово «хара» (хари) употребляется в значении огня и при обращении к высшему божеству (типа: о, Боже!). Ср.: Н.Р. Гусева. Индуизм: мифология и ее корни. ВИ, 1973, № 3. С. 141–142.

поклонении русов дубу на острове Хортица, описанном Константином Багрянородным. Русы, в частности, делали вокруг дуба своего рода ограждение из стрел, что было характерно для культовых мест у кельтов: дуб или просто столб обносился оградой¹¹⁶⁴.

В связи с договорами руси с греками упоминаются лишь два бога: Перун и Велес. Перун в данном случае аккумулировал древнейшие венедские, кельтические и балтославянские традиции в их как бы военном аспекте. Второе божество присутствует как покровитель торговли, поскольку это «скотий бог». В самом термине «скот» в значении имущество, деньги («скотница» как хранилище казны упоминается летописью под 996 г.) также сказывается кельтическое влияние, поскольку в кельтских языках *scot*, *scotti* — означает именно деньги, имущество¹¹⁶⁵.

Ни одного германского или скандинавского божества в древнерусском пантеоне нет. Это в полной мере соответствует и составу имен социальной верхушки древнерусского общества. В них отражались древние местные (иранские и доиранские), кельтические и венедо-балтийские традиции, цементируемые и преобразуемые на славянской основе.

Сложная история возникновения новой этнической общности проявилась и в оформлении отдельных социальных институтов Древнерусского государства. Выше упоминалось наблюдение А.А. Шахматова: ряд терминов социального значения сближают Русь с кельтическими народами. В этом ряду выделяются, в частности, «бояре», прямая аналогия которым находится в Ирландии, а этимологически их можно связать с королевским племенем центральноевропейских бойев. С кельтским сближается и уже вполне славянализированное «владарь», « власть» и т. д. Возникновение этих институтов должно уводить в глубокую древность, к первым славяно-кельтским контактам, хотя еще и в X в. рядом с ними сохраняются чисто славянские «старцы», равно как с кельтическим «слуги» сохраняется славянское «дружина».

Определенный вклад в социальную терминологию Руси вносили и тюрко-иранские ее предшественники и современники. Именно к современникам относился титул «каган», прилагавшийся, видимо, к правителям алано-росов на Дону и «острову русов» на Балтике. Иларион в качестве знака почета прилагал этот титул к Владимиру и Ярославу, а «Слово о полку Игореве» — к Олегу

1164 Ср.: Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Л., 1934. С. 9-Ю; Ян Филип. Указ. соч. С. 96, 162–165, 173–174; Гельмольд. Указ соч. С. 185–186.

1165 A. Holder. Op. cit. T.II, S. 1406, eст.

Святославичу, княжившему некоторое время в Тмутаракани. Из той же среды, видимо, происходит и термин «тиун», который весьма произвольно относят к германским. Параллель ему находится у автора X в. Моисея Калантакваци, написавшего историю Кавказской Албании. Говоря о нападении хазар на Албанию в VII в., автор упоминает в лагере нападавших «знатных мужей, называемых Тидиунами»¹¹⁶⁶ {4}. Название это совсем необязательно возводить и к тюркским, тем более что в составе хазарского войска выявляется и как будто славянский элемент¹¹⁶⁷.

Глубокая традиция стоит, по-видимому, за как будто уникальным новгородским институтом: «300 золотых поясов» в качестве главного органа республики¹¹⁶⁸. Кельтская Галатия в Малой Азии имела в качестве верховного органа совет из трехсот членов, собиравшихся в дубовой роще¹¹⁶⁹. На острове Рюген верховная власть принадлежала жрецу, в распоряжении которого было триста всадников, с помощью которых он и осуществлял фактическое управление¹¹⁷⁰. Во всех случаях цифра «300» появилась, по-видимому, независимо друг от друга, но в зависимости от давней традиции.

Поляно-древлянские войны первой половины X в. явились важным фактором, ускорившим процесс утверждения древнерусской государственности. Ольга после смерти Игоря принимает ряд мер с целью унификации системы управления в разных землях и упорядочения сбора дани. И хотя не все ее установления прочно вошли в жизнь, основные тенденции позднейшего развития соответствуют этим мероприятиям. Тенденции эти заключаются в стремлении к консолидации социальной верхушки разных племен на новой основе, без противопоставления по этническим и религиозным признакам. Владимир, согласно летописи, «нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати муже лучьшие от Словенъ, и от Кривичъ, и от Чюди, и от Вятичъ, и от сих насели грады»¹¹⁷¹. Вполне в духе этой политики и создание Владимиром пантеона языческих богов. Именно такая политика обеспечила поистине стремительную

1166 См.: М.М. Тебеньков. Происхождение Руси. Тифлис, 1894. С. 40. У хазар соответствующая должность называлась «тудун».

1167 Н.Я. Марр. Избранные работы. Т. V. Л., 1935. С. 73. (При описании тех же событий употребляется славянское слово «сало»),

1168 См.: В.Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР, 1970, № 1. С. 49.

1169 См.: А. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.-Л., 1949. С. 105.

1170 А.С. Фаминцин. Указ. соч. С. 23–24. (Из описания Саксоном Грамматиком взятия Арконы).

1171 ЛЛ. С. 119.

ассимиляцию балтофинских племен в Новгородской земле и в Волго-Окском междуречье.

Задаче укрепления именно государственного единства должно было служить и принятие христианства. Язычество — религия доклассового общества, и в качестве таковой оно не могло не тормозить процесса социальной дифференциации и его узаконения. Язычество в переходный период давало известное идеологическое оружие социальным низам, боровшимся против повышения норм эксплуатации. Вместе с тем язычество сохраняло и отжившие традиции родоплеменного строя. В этих условиях обращение к одной из «мировых» религий было неизбежно.

У причерноморских росов епархия константинопольского подчинения утверждается уже в 60-е г. IX в. (при патриархе Фотии, ум. 867). В конце IX в. принимают христианство русы на территории Болгарии. В Иллирии, откуда летописец выводил и славян и русов, еще в IV в. нашли убежище и пристанище Арий и его последователи, распространявшие христианство среди варваров, служивших Риму или боровшихся с ним. Арианство привлекало варваров демократической формой организации церкви: епископы избирались общинами и не принимали притязаний Рима на утверждение системы господства и подчинения. Константинополь был более терпим к последователям Ария. Константин Великий в конце жизни и сам принял христианство в арианском прочтении. Арианином был и его сын Констанций. Но собор 381 г. осудил арианство, причем осуждалась не практика выборов епископов, а редакция «символа веры». Еще в споре с Арием Афанасий Александрийский настаивал на «единосущии» Троицы — Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, и восприятии этого положения «мистически», не обращаясь к здравому смыслу. Ариане считали Бога Сына «подобосущим» Отцу, поскольку он признавался рожденным. Но острота спора подогревалась, конечно, не разнотением «Символа», а практикой ариан, не признававших над собой внешней церковной власти.

Христианизация Руси и специфика русского христианства, — безусловно, большая самостоятельная проблема. Свое видение проблемы автор изложил в книгах «Падение Перуна», «Крещение Руси в трудах русских и советских историков» (обе 1988 г.), в статьях и главах книг, посвященных христианизации Руси, а также в статьях и книгах по истории летописания как источника и первостепенного по значению памятника общественной мысли. Здесь необходимо остановиться на характере раннего русского христианства и его

истоках. Летописная статья 944–945 гг., включившая текст договора Игоря с греками, содержит весьма важную информацию о раннем русском христианстве, до сих пор в должной мере не освоенную и даже освоенную в прямо противоположном летописному тексту осмыслении. В свое время Г.М. Барац, автор уникальной концепции о еврейских (или хазаро-иудейских) истоках Руси, советовал А.А. Шахматову в реконструкциях летописных текстов смелее переставлять строчки¹¹⁷². Рекомендацией воспользовался Д.С. Лихачев, переставив в популярном издании ПВЛ 1950 г. строчки именно в указанной принципиальной статье. В оригиналe речь идет о местоположении «соборной» Ильинской церкви. В летописи читается, что при заключении договора с греками «хрестеянную Русь водиша роте в церкви святаго Ильи, яже есть над Ручаем, конец Пасынче беседы и Козаре: се бо сборная церки, мнозие бо беша варязи хрестеяни». Д.С. Лихачев переставил строки. Получилось: «се бо сборная церки, мнози бо беша варязи хрестеяни и Козаре». (ПВЛ, М.-Л., 1950, ч. 1, с. 39). А в результате «хазарская версия» Крещения Руси, которую особенно энергично отстаивал В. Кожинов. Пользуясь обычно выверенными академическими изданиями летописей, я долго не понимал, где находятся истоки этих неуемых фантазий, что отразилось и в специальной статье о хазаромании¹¹⁷³. Но и указание летописи «мнози бо беша варязи хрестеяни» — комментарий позднейшего летописца, вводившего в текст договоры. (Вероятно, 20-е гг. XII в.) Христианство у варягов с южного берега Балтики распространялось уже с IX в., а в 983 г. произошло грандиозное восстание против засилья немецкого духовенства. Возможно, в Роталию тоже проникло христианство, причем с Дона: в 932 г. христианство принимает какая-то часть алан и утверждается аланская епархия. Но Ильинская церковь уже своим существованием (и даже названием) предполагала наличие христианской общины в Киеве. И в этой связи представляет огромный интерес небольшая, но чрезвычайно емкая и информативная статья С. С. Ширинского в сборнике, посвященном юбилею Б.А. Рыбакова¹¹⁷⁴.

1172 Г.М. Барац полагал, что «для успешной разработки произведений отечественной литературы и особенно юридических памятников необходимо предварительно исправлять испорченный до последней крайности текст их, посредством применения всех способов историко-филологической и, в частности, дивинаторной критики и, главным образом, путем перестановки предложений и словосочетаний с одних мест на другие». То же рекомендовано и в отношении летописей. См. его: Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнееврейской письменности. Т. I, отд. второй. Париж, 1927. С. 468–469. (Воспроизводится статья 1907 года). Давалась эта рекомендация и в статье 1913 года, обращенная в основном к А.А. Шахматову.

1173 См.: А.Г. Кузьмин. Хазарские страдания // Молодая гвардия. 1993, № 5–6.

1174 С.С. Ширинский. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 203–206.

Статья дает факты такого значения, которые объясняют не только место христианской общины Киева в середине X в., но и многие факты, связанные с историей христианства на Руси в течение ряда веков. В свое время выдающийся знаток древнерусской письменности и отраженной в ней идеологии Н.К. Никольский (все еще не вполне изданный и далеко не в полной мере оцененный) указал на связь ранней русской письменности и христианства с Великой Моравией¹¹⁷⁵. Ученый подчеркивал светлый, оптимистический характер древнерусского христианства, не знавшего ни крайностей аскетизма («что ешь и пьешь — все во славу Божью», — скажет летописец со ссылкой на апостола Павла, особо чтимого в Иллирии), ни воинственного настроя по отношению к инаковерующим. Русское православие не знало военных орденов, а первые костры, которыми Рим веками разогревал всю Европу, появятся на Руси лишь в конце XV—начале XVI в., не без влияния того же Рима, как бы сопровождавшего Зою-Софью Палеолог в жены овдовевшему Ивану III.

Великая Моравия была главным хранителем Кирилло-Мефодиевской традиции, и не случайно, что именно этих братьев в 60-е г. IX в. пригласили в Моравию для того, чтобы разобраться в разгоравшихся в стране спорах разных христианских общин и разных прочтений христианства («учат ны различь»). А ясно представлены были в Моравии три варианта прочтения христианства: воинственное римско-католическое, традиционное арианское и ирландское, оставившее заметный след в христианизации Европы после бурь Великого переселения. Достаточно сказать, что все монастыри Австрии были основаны ирландскими миссионерами. (Сами австрийцы об этом не знают.)

Ирландскую церковь сближал с арианством общинный дух. Здесь общины складывались как монастыри, насчитывавшие часто по много тысяч постриженников (обязательно кратных двенадцати, по числу апостолов). В обязанности монахов непременно входило «рукоделие» и помощь окрестному крестьянскому населению. Жили в монастырях часто семьями, что более всего будет эксплуатироваться Римом, провозглашавшим обязательный целебат для всех священнослужителей (и, разумеется, смотревшим сквозь пальцы на нарушение его и в прошлом, и в настоящем, чем отличались и некоторые папы и в наше время едва ли не все католическое духовенство США, что вылилось в

¹¹⁷⁵ Н.К. Никольский. О древнерусском христианстве //Русская мысль, Кн. 6. СПб., 1913. Его же. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып.1. Л., 1930. Его же. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи //Вестник АН СССР. 1933, № 8–9.

грандиозный скандал). В ирландской церкви общину возглавлял аббат монастыря или главного храма, а епископы исполняли хозяйствственные функции.

Естественно, Рим резко осуждал по сути антиримское понимание христианства в Моравии, а обращение Святополка Моравского за «учителями» именно в Константинополь предполагало явное отвержение требований Рима, особенно агрессивно проводимого духовенством и правителями Франкской империи. Разные прочтения заповедей христианства постоянно приводили к вооруженному противостоянию, и наиболее радикальным приверженцам арианства и ирландской церкви нередко приходилось искать пристанища в отдалении от Рима и Германии. Одним из таких пристанищ станет Болгария (прежде всего область «Русии», где была самостоятельная митрополия константинопольского подчинения), другим — примыкающая к Моравии территория Польши, третьим окажется Киевская Русь. Гений Н.К. Никольского проявился более всего именно в том, что он увидел «переселенцев» из Моравии в специфическом прочтении заветов христианства при его распространении в X–XI вв. Материального подтверждения этого факта в его распоряжении не было. И мне уже приходилось называть «открытием века» упомянутую выше небольшую статью С.С. Ширинского: видимо, даже и не зная работ Н.К. Никольского (в данном случае это особенно ценно), он подвел под них как бы материальный фундамент.

В спорах о начале Руси до сих пор практически не используются богемские хроники, хотя еще в конце XVIII в. Хр. Фризе в «Истории польской церкви», написанной с антикатолических позиций, воспроизвел приводимые в них факты, относящиеся как раз ко времени функционирования специфической христианской общины во второй четверти X в. в Киеве. Автор воспроизвел сказания богемских хроник о деяниях сына Олега венчего тоже Олега (или Александра в христианстве), бежавшего от двоюродного брата Игоря в Моравию, где он, благодаря успехам в борьбе против венгров, был провозглашен королем Моравии, пытался создать союз Моравии, Польши и Руси, но в конечном счете потерпел поражение и вернулся (уже после смерти Игоря) на Русь, где служил Ольге и скончался в 967 г.¹¹⁷⁶ (Могила Олега Венчего значилась на Щековице, другая «могила Олега» упоминалась у Западных ворот Киева). В свое время С. Гедеонов в доказательство нескандинавского происхождения имени «Олег» приводил данные о наличии его в чешской

¹¹⁷⁶ Хр. Ф. Фризе. История Польской церкви. Т. I. Варшава, 1895 (пер. с немецкого издания 1786 г.). С. 33–46.

средневековой традиции. Указанные им параллели косвенно подтверждают достоверность самого приводимого в богемских хрониках предания. Примечательно также следование в ряде случаев специфической хронологии, не совпадающей с хронологией «Повести временных лет», но отразившейся в ряде чешских памятников.

Еще в XIX в. погребения с трупоположениями в Киеве пытались связать с распространением христианства. Но эта идея встречала возражения со стороны большинства специалистов: слишком очевидны следы языческого ритуала. Статья С.С. Ширинского снимает эти возражения: по крайней мере, погребения с западной ориентацией находят полную аналогию в могильниках Моравии, христианство которой католическое духовенство клеймило, в частности, за сохранение в ритуале элементов языческой традиции. (Кстати, одна черта, указывающая на западные истоки похороненных христиан, — руки не сложены на груди, а простертые вдоль тела). Б.А. Рыбаков сослался на данные С.С. Ширинского для иллюстрации мысли о двоеверии на Руси¹¹⁷⁷. Наблюдение весьма важное для понимания характера русского христианства на протяжении всего тысячелетия. Не менее важно сосредоточить внимание на самом факте переселения значительного количества населения Моравии и каких-то смежных с ней областей (той же Иллирии, где борьба с притязаниями Рима была особенно острой), державшихся сходной трактовки христианского вероучения. Именно эти переселения помогают понять, откуда в дружине Игоря взялись христиане, мирно уживавшиеся с язычниками и явно не подчинявшиеся каким-либо внешним христианским центрам.

В рамках сведений Фризе и материалов Ширинского может найти подтверждение и специфическая киевская версия о том, что знаменитый былинный Илья вовсе не «Муромец», а «Муровлянин».

И тогда понятны южногерманские сказания об «Илье русском», как и отражение этих вариантов сказаний в русских былинах.

Весьма вероятно, что именно с этой второй волной миграции из Подунавья связана летописная версия о выходе славян вообще и полян-руси, в частности, из Норика-Ругиленда. Летописец конца X в. мог что-то знать и от непосредственных переселенцев, и во всяком случае еще живы были старики, помнившие об этом «исходе». И византийские источники третьей четверти X в., производящие русов «от рода франков» и называющие их «дромитами», то есть

¹¹⁷⁷ Б.А. Рыбаков. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 394–395.

«мигрирующими», фиксируют, возможно, именно этот факт переселения. А подтверждается этим переселением и реальное родство подунайских русов с ругами-русами, вернувшимися на Днепр после распада державы Аттилы в V в.

Как было отмечено, в дружине Игоря были и христиане. Ольга, согласно «Житию» и летописному фривольному рассказу о ее крещении, приняла крещение во время поездки в Константинополь. Но в ее свите был священник, и за помощью в распространении христианства на Руси она обратилась не к Константинополю, а к Оттону I, еще к королю, а затем первому императору Священной Римской империи (962), в зависимости от которой находилась теперь и Моравия. К «королеве ругов» (так германские источники обозначали Ольгу, идентифицируя киевских князей с ругами, а не с росами) будет направлен епископ Адальберт, который позднее станет архиепископом Магдебургским (968–981) и поставит епископом в Прагу верного католика Войтеха, перекрестив его в собственное имя Адальбертом. Миссия Адальберта закончилась полным провалом, о чем с раздражением писали немецкие хронисты, упрекая в непоследовательности княгиню. Но вероятнее всего оказались резкие антинемецкие настроения моравских эмигрантов, не согласившихся с приездом ставленника оккупантов. Не исключено, и даже вероятно, что и Олег-Александр не устранился от подобной реакции на прибытие ставленника Империи, с которой ему незадолго до этого приходилось вести борьбу и военную и религиозную.

В связи с характеристикой идейной направленности христианской общины Киева в середине X в., имеет немаловажное значение указание И.И. Срезневского, что русский текст договора Игоря с греками был записан глаголицей: греческое «г» (как и в кириллице) означает цифру «3», а в глаголице — это «4» (звуки «б» и «в» в греческом языке и в кириллице сливались, а в глаголице были «разведены»). И договор, датированный в греческом противне третьим индиктом, в славянском оказался — ошибочно — в четвертом¹¹⁷⁸.

В литературе часто за переводчиками обращаются к Болгарии, где глаголица имела хождение рядом с кириллицей и где были ученики Кирилла и Мефодия. Но такой необходимости явно не было. В Ильинской церкви, естественно, имелись богослужебные книги, которые были записаны, по всей вероятности, именно глаголицей. Рим на протяжении ряда столетий клеймил Мефодия как «еретика», приписывая ему создание или возрождение «готского

1178 И.И. Срезневский. Древние памятники письма и языка (Х–XIV веков). СПб., 1882. С. 2, прим. 5. См. также: А.Г. Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 239–240.

письма» — тайнописи ариан и запрещая пользоваться этой письменностью в богослужении. Это письмо называется также «русским», а самого Мефодия чешская хроника Далимила начала XIV в. называла «русином», явно имея в виду то, что арианство в Подунавье удерживалось прежде всего, и традиционно, у русов-ругов. В 1248 г., после татаро-монгольского нашествия и на Центральную Европу, Рим «реабилитировал» «русское письмо», и оно приобретает второе дыхание. В XIV в. сам император Карл V увлечется глаголицей и будет поддерживать ее распространение. Но она все-таки возникала и сохранялась как тайнопись в течение веков.

Христианская община в Киеве в окружении язычества — факт сам по себе значительный: он указывает на такое язычество, которое было терпимо к другим верованиям. Именно это обстоятельство и позволило славянскому язычеству дожить до XX в. в силу их совместимости и даже определенной необходимости, поскольку славянское язычество регулировало отношения с природой, по существу не затрагивая социальные отношения, мало менявшиеся веками и тысячелетиями родового и общинного строя. Христианство же предстало как религия — именно регулятор социальных отношений. И разные течения в рамках христианства зависели в огромной степени от той социальной почвы, на которой оно распространялось.

В летописи есть упоминание о том, что Ольга уговаривала Святослава принять христианство, а он возражал, что дружины этого не поймет. И резон дружины очевиден: она кормится походами «за зипунами», сбором дани, полюдьем. По этой причине в Скандинавии христианство вообще будет распространяться лишь с конца XI в. Католичество сохранило рефлексы и инстинкты рабовладельцев, боровшихся ранее с христианами — поборниками равенства хотя бы перед Богом, организуя военизированные ордена, грабившие племена и народы во имя якобы «святой Троицы».

Старшего сына Святослава — Ярополка обычно представляют в литературе как расположенного к христианству. В Никоновской летописи под 979 г. сообщается о прибытии к нему послов от папы римского. Это было первое посольство из Рима в числе целого ряда других, и не исключено, что в летописи отразилась какая-то папская булла XV в. Но конфликты братьев не укладываются в представления о новообращенных. Второй сын Святослава, Олег, посаженный на княжение у древлян, убил сына воеводы Свенельда, заехавшего в его охотничьи угодья. Ярополк, по настоянию Свенельда, убил Олега. А в 980 г. рожденный от рабыни Малуши Владимир прибыл из

Новгорода с дядей по матери Добрыней и варягами, чтобы убить Ярополка и занять его место, тем более что гордая полоцкая княжна Рогнеда отвергла сватовство посланцев от имени Владимира, не хотела «розути робичича», а желала Ярополка даже и в качестве второй жены. (От жены Ярополка, которую заберет после его убийства в гарем Владимир, родится Святополк, а Рогнеда, судя по позднейшим преданиям, внесенным в летопись во времена Мстислава Владимировича (1125–1132), хотя и родила четырех сыновей и несколько дочерей, всегда тяготилась своим положением одной из многих.)

Судя по отмеченному преданию, юным Владимиром руководил и направлял его именно Добрыня — брат Малуши и прообраз легендарного Добрыни. И первые годы княжения Владимира — это беспрецедентное на Руси наступление язычества против христианства. В 983 г. в жертву языческим богам были принесены христиане — отец и сын варяги, по всей вероятности, с южного берега Балтики, где в том же году было восстание язычников против насаждения христианства (хотя летописец говорит, что этот варяг пришел «из грек»). Но стремление собрать под властью Киева постоянно рассыпавшиеся земли требовало и «единой веры и единой меры». Этой задаче отвечало создание пантеона языческих богов, причем явно разных по своему происхождению. Если главный бог дружины Перун импортировался явно с южного берега Балтики, где позднее четвертый день недели будет носить название «Перундан», то боги Хорс и Симаргл ведут к иранской традиции и могли быть привнесены из Роталии. Но такое «механическое» соединение не решало проблемы (каждый поклонялся своим богам), а необходимо было учитывать и внешний аспект: три мировые религии уже почти кольцом опоясывали земли Руси.

Летописное предание представляет акт замены языческих верований монотеистической религией как результат своеобразных «испытаний», предпринятых по инициативе Владимира. В Киев прибывают миссионеры христиан, мусульман и иудеев, и затем из Киева отправляются посольства для проверки истинности заверений миссионеров. Несомненно, что в летописном рассказе много легендарного (и анекдотического), и в законченном виде он появился, видимо, в третьей четверти XI в. в редакции, оформленной при Десятинной церкви и поднимавшей этот храм в противостоянии построенному при Ярославе Мудром Софийскому собору. Но представление о размахе, с которым обсуждался этот вопрос в киевских верхах, вполне может соответствовать действительности. Не исключены и посольства в разные

страны, хотя представителей всех названных верований можно было найти и в самом Киеве.

Принятие Русью христианства было в целом подготовлено всем ходом предшествующего развития. И проблема скорее заключается не в том, почему было принято христианство, а в том, почему этот процесс затянулся. Естественно, что принятие христианства является одной из ведущих тем историографии, и непосредственно ему посвящены многие сотни книг и статей. А поводом для широкого разброса мнений стал сам летописный текст, также неоднократно правленный летописцами разных ориентаций. В летописи повествование о «крещении Руси» рассредоточено между 6494–6496 (986–988) г. и акт крещения князя Владимира отнесен к последнему, 988 г. Но, пересказав корсунскую версию крещения князя, летописец полемизирует с иными версиями: «Се не сведуще право, глаголють, яко крестилься есть в Киеве, иные же реша в Василеве, друзии же инако скажютъ». Таким образом, летописец, приверженец корсунской версии, оспаривает версии о крещении Владимира в Киеве и в Василеве. Были ему известны и иные версии, о которых он предпочел не упоминать. Как бы забытыми, в частности, оказались христиане киевской общины при Ильинской церкви.

Такая путаница, вызванная заинтересованностью разных территориальных и идейных центров, тем более примечательна, что в рассказе о пещерских подвижниках под 1074 г. в летописи упоминается монах «именем Еремия, иже помняше крещенье земли Русьской». С другой стороны, от XI в. дошел один памятник — «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха, в котором крещение Владимира отнесено ко времени за два года до похода на Корсунь¹¹⁷⁹.

Соединение в летописи заведомо разных версий о «крещении Руси», вытеснение позднейшими каких-то более ранних само по себе предопределяло расхождения в мнениях специалистов о том, где и когда и от кого было принято христианство Владимиром и откуда шли проповедники на Русь. Византийская версия господствовала долгое время как аксиома, но теперь потребовались доказательства ее оправданности. Эти доказательства попытались найти В. Г. Васильевский (1838–1899) — замечательный византинист, многие работы которого не потеряли значения до сего времени благодаря огромной эрудиции, общей широте кругозора и чувству меры, помогавшим избегать как легковерия, так и гиперкритицизма. Основной труд ученого, посвященный «крещению

1179 См. текст в Кн. «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. С. 286–291.

Руси», был опубликован им еще в 1876 г., т. е. до юбилейной даты, обычно так или иначе влияющей на содержание публикуемого материала¹¹⁸⁰.

Достоинством исследования Васильевского является четкая градация фактов: достоверные, вероятные, возможные. К первой категории может быть отнесен вывод о заключении в 986–989 гг. договора о союзе между Русью и Византией, скрепленного браком русского князя с сестрой императоров. Но автор отметил и то, что ни русские, ни византийские источники не говорят ни об этом союзе, ни о крещении Владимира именно византийскими миссионерами, хотя, скажем, Лев Диакон был современником событий, а Псевл отстоял от них совсем недалеко.

Васильевский указал и на противоречивость русских источников, он, в частности, отдавал явное предпочтение «Памяти о похвале» Иакова перед летописью, т. е. признавал, что Корсунь Владимир брал будучи уже крещеным. Но летописный рассказ воспринимался им как относительно цельное произведение летописца XII в.: сводному характеру русских летописей оненного значения не придавал, а потому поиски иных объяснений становились неизбежными.

На вероятность болгарской версии косвенно указывал А.А. Шахматов, отвергавший корсунскую легенду как тенденциозную византийскую версию и считавший летописную «Речь философа», вставленную в текст с сохранением ее специфической (антиохийской) хронологией, определявшей время до Рождения Христа в 5500 (а не в 5508, как в Византии этого времени) лет, болгарским памятником IX в.¹¹⁸¹ На болгарской версии особенно настаивал М. Д. Приселков¹¹⁸². А.А. Шахматов поддержал концепцию, но осудил своего последователя за некритическое отношение к «рабочим гипотезам» — реконструкциям летописных текстов, заменивших тексты реальные¹¹⁸³. Еще более решительно поддержал основную идею А.Е. Пресняков¹¹⁸⁴.

Западнославянскую версию отстаивал, как отмечено выше, во многих работах Н.К. Никольский. Современник и коллега Шахматова, он расходился с

1180 В. Г. Васильевский. «Крещение Руси» по византийским и арабским источникам. Труды. Т. II, вып. 1. СПб., 1909. С. 56—124. Воспроизведена также с некоторыми сокращениями в упомянутом выше издании. С. 72 —106.

1181 А.А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. Ученый считал «Речь» сказанием о крещении царя Бориса в IX веке.

1182 м. Д. Приселков. О болгарских истоках христианства на Руси. Глава в Кн. «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.» СПб., 1913. С. 16–55.

1183 А.А. Шахматов. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни, Научный исторический журнал. 1914. Т. II, № 4. С. 30–61.

1184 А.Е. Пресняков. Лекции по русской истории. Т. I. М., 1938. С. 98—115.

ним кардинально по вопросу о взаимоотношении летописных и внелетописных текстов. Шахматов считал близкие к летописям внелетописные тексты извлечениями из летописей. Никольский, напротив, считал их источниками летописных сводов. Он ближе всех своих современников подошел к пониманию механизма взаимодействия бытия и сознания, к пониманию того, что письменные памятники являются отражением определенных общественных идей, природа и происхождение которых могут быть выявлены.

У западнославянской версии относительно меньше последователей, чем у византийской и болгарской. Но она «молже», а потому резервы ее далеко не исчерпаны. В числе последователей Н.К. Никольского можно назвать Н.Н. Ильина, рассматривавшего, правда, лишь частный (хотя и весьма важный) сюжет: происхождение летописной статьи 6523 (1015) г.¹¹⁸⁵ Мысль о связи древнерусского христианства с кирилло-мефодиевской традицией развивал в ряде статей Ю.К. Бегунов¹¹⁸⁶. В самой «Речи философа» выявились черты не только болгарские, но и моравские¹¹⁸⁷.

Западнославянская версия подчас и отпугивала исследователей. Моравская церковь подвергалась гонениям со стороны Рима, а утвержденный архиепископом Мефодий был даже ввергнут в темницу военизированным немецким духовенством. Мефодия, как было отмечено выше, равно как и «русское письмо», связывали с арианской ересью. А в ПВЛ сохранился именно арианский символ веры. Арианские черты явственно прослеживаются в следующих ее фразах: «Отець, Бог отець, присно сый пребывает во отчестве, нерожен, безначален, начало и вина всем, единем пероженьем старей сый сыну и духови... Сын подобосущен отцю, роженьем точью, разньствуя Отцу и Духу. Дух есть пресвятый, Отцю и Сыну подобосущен и присносущен»¹¹⁸⁸.

О том, что цитированный текст содержит арианские черты, так или иначе говорилось в работах по истории русской церкви еще в XIX в. Но обычно все сводили к ошибкам переписчиков. Лишь в самом начале XX в. П. Заболотский специально подчеркнул эту проблему. Он сопоставил летописный символ веры с «исповеданием веры» Михаила Синкелла, помещенным в «Изборнике Святослава»¹¹⁸⁹, и пришел к выводу, что перед летописцем находился не

1185 Н.Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

1186 Ю.К. Бегунов. Русское «Слово о чуде Климента Римского» и кирилло-мефодиевская традиция Slavia. Praha, 1974. R. XLIII.

1187 См.: А.С. Львов. Исследование Речи философа // Памятники древнерусской письменности: язык и текстология. М., 1968. С. 393.

1188 ЛЛ. С. 109–110.

1189 Изборник Святослава 1073 г.— копия болгарского сборника, составленного еще в начале X в. для болгарского царя Симеона. На Руси «Изборник» был переписан для киевского князя Изяслава, а после его

греческий оригинал и не «Изборник». «В таком важном произведении, как «исповедание веры», где каждое слово имеет значение, — заключал автор, — разумеется можно бы еще было допустить неважные изменения в способе выражения сравнительно с оригиналом, но допустить такие характерные для известного направления искажения, как вместо различия Бога Отца от Сына и Духа — старейшинство Бога Отца, вместо единосущия Сына и Духа с Отцом — подобосущие, или, наконец, последовательный пропуск свидетельства об антипостасности (нерасчлененности. — А.К.) лиц пр(есвятой) Троицы — всего этого нельзя допустить, как выражения лишь более или менее свободного отношения летописца к оригиналу»¹¹⁹⁰.

Публикация П. Заболотского привлекла внимание и А. А. Шахматова, и Н.К. Никольского. Но первому она ничего не давала, так как не укладывалась в его концепцию. Второму давала очень много, поскольку практически решала спорную проблему истоков русского христианства в пользу западнославянской, моравской традиции. Но в летописи было явно позднейшее добавление о семи соборах, на первом из которых осуждалось арианство. Н.К. Никольскому вскоре удалось найти параллель для летописного текста в сборнике XII в.¹¹⁹¹ Здесь также имеется сообщение о семи соборах, но имя Ария не упоминается. Развивать этот сюжет Н.К. Никольский не стал, видимо, опасаясь реакции поборников византийской ортодоксии. А окрик вскоре последовал. П.И. Потапов, резко осудив публикацию П. Заболотского, списав «еретические выражения» на «малообразованного автора», вынес «частное определение» и в адрес А.А. Шахматова и Н.К. Никольского¹¹⁹². И Н.К. Никольский отреагировал на окрик. Упрекая коллег за невнимание к идейному содержанию рукописей, за ограничение исследований «анализом языка, литературными параллелями и вопросами литературной истории», прямой вызов бросал он и духовным академиям, в которых история церкви превращалась в схоластику и само обсуждение изменений в церковной идеологии, а тем более возможности существования разных вариантов вероучения исключались. «И в летописях, и в житиях, и в былинах, — подчеркивал он, — христианство Владимира одинаково обрисовывается как вера, свободная от аскетического ригоризма»¹¹⁹³.

изгнания в 1073 г. имя князя было выскощено и заменено именем Святослава.

1190 П. Заболотский. К вопросу об иноземных письменных источниках Начальной летописи // Русский филологический вестник. Т. XLV. Варшава, 1901, № 1–2. С. 28–29.

1191 См.: Н.К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 21–24. Текст воспроизведен также в книге: А.Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 222–225.

1192 См.: П.И. Потапов. К вопросу о литературном составе летописи // Русский филологический вестник, 1910. Т. LXIII, № 1. С. 7—12.

1193 Н.К. Никольский. О древнерусском христианстве. С. И.

Владимир, по Никольскому, принимал то, что не стесняло жизнерадостности и отличалось блеском ритуала. И «следы такого же религиозного оптимизма» он находил у западных славян¹¹⁹⁴.

Последователи у Потапова находятся и в наши дни. Известный филолог В.М. Верещагин провозглашает Владимира «прямым преемником Кирилла и Мефодия»¹¹⁹⁵. Но он гневно восстает против тех, кто связывает Мефодия и Владимира с арианской «ересью». В книге, посвященной Кирилло-Мефодиевской традиции, автор умудрился не заметить, в чем Рим почти четыре столетия обвинял Мефодия (Кирилла в приверженности к арианству не обвиняли), как не понял он и сути арианства. Ссылаясь на книгу В.А. Бильбасова («Кирилл и Мефодий по документальным источникам»), автор не увидел главного. В послании папы Николая II (1059–1061) церковному собору в Сплите напоминалось: «Говорят, готские письмена были вновь открыты неким еретиком Мефодием, который написал множество измышлений против догматов вселенской веры, за что по Божьему соизволению он внезапно принял смерть»¹¹⁹⁶. Автор, вопреки ясному чтению летописи, по существу, защищает католицизм, компрометировавший христианство кострами и грабительскими походами «псов-рыцарей», как их вполне обоснованно характеризовали русские летописцы. И суть христианства для него в мистической формуле Афанасия Александрийского, завещавшего единосущие трех ипостасей воспринимать «мистически» (в смысле «оккультно»), не задумываясь над тем, как Бог Отец мог сам себя породить. Не знает автор и о том, почему кампания за канонизацию Владимира во второй половине XI в. не дала результата. (Владимир будет канонизирован после монгольского разорения Руси в числе когорты князей, борцов за Землю Русскую.) Совершенно не представляет автор и идейное содержание русских летописей, вплоть до XV в. сохранявших арианский символ веры. Похоже, не знает он и о том, что «равноапостольный» Константин Великий, будучи язычником, дал равноправие христианству и перед кончиной принял крещение, причем в последние годы он явно поддерживал арианство. Арианином был и его сын Констанций. И после собора 381 г., осудившего, по инициативе Рима, арианство, Константинополь был более терпим к нему, нежели Рим. А ариане были намного гуманнее поборников

1194 Там же. С. 13.

1195 В.М. Верещагин. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997. С. 117.

1196 В.А. Бильбасов. Указ. соч. Т. I. СПб., 1868. С. 156–157.

мистики и не устраивали костров из оппонентов. На веротерпимость ариан указывал даже ревностный католик Григорий Туровский¹¹⁹⁷.

Западнославянской версии постоянно «мешала» и накладывавшаяся на нее римская, католическая, поскольку питали ее в основном те же источники, да еще норманская концепция начала Руси¹¹⁹⁸. В известной мере сказалось это и на концепции Е.Е. Голубинского. Он резонно полагал, что Владимира крестили «домашние» христиане. Но он полагал, что христианами были только варяги, упоминавшиеся в договоре 944 г., а варягами он считал скандинавов. О ведущей роли норманов в христианизации Руси специально писал Н. Коробка. Но В.А. Пархоменко показал, что христианство у норманов-шведов распространяется намного позднее, нежели на Руси, именно в XI–XII вв. Концом XI–XII столетия датирует этот процесс и шведский автор Л. Гrot.

В литературе до сих пор продолжают искать имя греческого митрополита, возглавлявшего русскую церковь. В поздних летописях таковым назовут Фотия, который был на полтора столетия старше Владимира. (Позднейшие летописцы смешивали Причерноморскую и Приднепровскую Русь.) Но в эталонных (Лаврентьевской, Ипатьевской и близких им) летописях первым митрополитом-греком правильно указан Феопемт, которого принял в конце 30-х гг. XI в. Ярослав. Ярослав боролся с отцом и при жизни, и после его смерти. Но очень скоро наступил разрыв с Византией, и на Константинополь было отправлено в 1043 г. войско во главе с сыном Ярослава Владимиром, которое потерпело тяжелое поражение. Снова вернулись к старой форме организации церкви, как она зафиксирована в заключительной летописной статье о княжении Владимира под 6504 (996?) гг. Традиционно императоры советовались с патриархами и папами, короли и великие князья — с митрополитами или архиепископами. Владимир советовался с епископами во множественном числе. А фактически возглавлял церковь Анастас Корсунянин, настоятель Десятинной церкви. Епископы во множественном числе — выборные арианских общин, настоятель

1197 См.: М. Стасюлевич. История Средних веков в его писателях и исследованиях новейших ученых. Т. I. СПб., 1913. С. 373. В середине 80-х, когда все явственнее выходили на свет теневые фигуры подпольных криминальных авторитетов — мультимиллионеров, а принцип официально провозглашаемой социальной справедливости явно трещал по швам, мы с руководством Института атеизма ратовали перед ЦК за изменение отношения к христианству и русской церкви, конечно, не ради поистине еретической мистики, а принимая социальные аспекты идеологии Евангелия и отвергая идеологию рабовладельческого Ветхого Завета. (От достижений науки, установившей, что человечеству не шесть-семь тысяч лет, как представлялось создателям Священного Писания, а столько же миллионов, мы не отказывались.) Институт за дерзость закрыли. Но мне посчастливилось участвовать в первых международных церковных конференциях, посвященных тысячелетию Крещения Руси, и убедиться, что в борьбе за торжество идей социальной справедливости русское православие могло быть надежным союзником социалистов-материалистов.

1198 Обзор литературы этого направления см.: Б.Я. Рамм. Папство и Русь в X–XV вв. М.-Л., 1959.

главного храма во главе церкви — традиция ирландского христианства. В Моравии оба эти направления смешивались, и, обращаясь в Константинополь за учителями, моравский князь сетовал: «Учат нас различь». (Рим он явно не принимал.) Мефодию же в противостоянии немецкому духовенству неизбежно приходилось опираться на эти общины. По существу, та же ситуация сложилась и в Киеве после крещения Владимира. Поначалу епископы советовали князю казнить разбойников, а не налагать на них штрафы, как было принято по «русскому» обычаю. На сомнения князя — «греха боюсь» — епископы настаивали: князь для того и поставлен. Но более убедительным оказался другой аргумент: «Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и реша епископи и старци: «ратъ многа; оже вира, то на оружы и на конихъ буди». И рече Володимеръ: «тако буди». И живяше Володимеръ по устроеню отъню и дедню». А «устроенъе отъне и дедне» — это нормы языческого общежития. Отсюда, собственно, и начинается двоеверие, которое будет веками накладывать отпечаток на всю общественную жизнь и верхов и низов.

Примечательно, что Анастас Корсунянин после смерти Владимира и в окончании Ярослава ушел с князем Болеславом в Польшу, где еще в южных пределах сохранялись общины арианского и ирландского толка. С другой стороны, после разрыва Ярослава с Константинополем, в 1044 г. в Десятинной церкви крестили останки погибших в усобицах Олега и Ярополка Святославичей. В 1051 г. советом епископов митрополитом будет избран Иларион, «Слово о Законе и Благодати» которого также проникнуто идеями двоеверия. После примирения Ярослава с Константинополем (Всеволод женился на дочери Мономаха) Иларион сходит с исторической арены и Киев снова получает митрополитов из Византии. Но идея избрания будет жить постоянно, пока не восторжествует окончательно в середине XV в.

Вместо заключения

Тема начала Руси практически неисчерпаема, и знания наши в этой области все еще весьма ограничены. Достаточно сказать, что и ныне споры идут в основном вокруг тех же фактов и аргументов, что и почти три столетия назад, а «авторитетные» мнения часто заменяют и факты, и научные концепции.

Тема чрезвычайно трудна для исследования, потому что в рамках любой отдельной науки она заведомо не может быть решена. Между тем пока преобладает этакий регионально-отраслевой подход. Каждая наука пытается решить сложнейшие проблемы собственными средствами, причем в этом часто видят критерий объективности. Редко объясняется и выбор исходных данных (в том числе территориальных) для построения претендующей на решение вопроса концепции.

В решении проблем становления народов и государств участвуют археология, антропология, филология со многими ее подразделениями, этнография, включая этногенетические предания и эпические сказания. Исчерпывающее историческое знание предполагает использование всех этих данных как для уяснения глубинного содержания непосредственных письменных источников, так и для понимания социально-этнической психологии народа и изменения ее в пространстве и времени. В прошлом исследователи редко ставили перед собой такую всеохватывающую задачу, и настоящее не приносит кардинальных изменений в способах обработки получаемого материала. И хронологическая глубина, и содержание исторической памяти воспринимаются чаще всего без попыток выявить какие-то закономерности зарождения и развития улавливаемых специалистами явлений. В итоге проблемы этно- и политогенеза пока разработаны не настолько, чтобы выводы и концепции авторов, занимающихся данными вопросами, могли использоваться в качестве более или менее надежных посылок в специальных работах о том или ином народе.

Недостаточно изучена и этническая карта Европы от эпохи бронзы к ранне- и среднекоренному веку. Показательно, что в нашей современной литературе практически нет работ о кельтах, венетах и иллирийцах, без чего «зависает» и норманская, и варяжская проблема.

Для истории Руси эти проблемы имеют тем большее значение, что значительная часть личных имен в договорах с греками восходит именно к кельтским и иллиро-венетским. Не уделено должного внимания и иранскому этническому компоненту в Европе, в частности, аланам, оставившим весьма заметные следы в этом регионе, в том числе и на территории, где образовалось Древнерусское государство.

Великое переселение народов и развал Гуннской державы привели к исчезновению многих племен и рассеянию сравнительно небольшими группами

остатков народов, некогда сотрясавших Европу. Своеобразный демографический взрыв и бурное расселение славян в VI–VII веках чуть ли не по всему европейскому континенту — факт, также заслуживающий особого осмыслиения: славян вроде бы не видно в «битвах народов» IV–V веков, но расселяются они в основном с той территории, на которой всего за несколько поколений исчезали целые народы. Видимо, первостепенную роль в том и другом случае играла специфика социальной организации. У славян всюду преобладала территориальная община, которая предполагала равенство всех ее членов, в том числе и недавних военнопленных-рабов. Эта особенность облегчала ассимиляцию славянами остатков многих раздираемых внутренними противоречиями племен и народов. Но сама ассимиляция также что-то привносила из опыта и культуры ассимилированных, постепенно обособляя друг от друга и разные славянские племена. Это неизбежно проявляется, например, в домостроительстве, в ряде ремесел, а иногда и во всей хозяйственной структуре.

Вытеснение кровно-родственных отношений территориальными обычно рассматривается как общая закономерность этнического развития. Между тем гораздо важнее было бы остановиться на их сосуществовании и борьбе в течение веков и даже тысячелетий. Они противостоят и борются уже как несовместимые принципы. Эта борьба обостряется в эпоху возникновения ранних государств и может проявляться (как и в нынешнем мире) вроде бы и в бескризисные эпохи. В литературе обращалось внимание на то, что для германских племен исторического времени характерны наименования, свойственные кровно-родственным общностям, у кельтов же и славян преобладают территориальные. Факт сам по себе огромной важности как раз для осмыслиения процесса этногенеза. В «Великом переселении народов», захватившем почти все европейские народы, многие племена оказались просто стертыми с лица земли, в большинстве случаев в результате внутренних усобиц, борьбы кровно-родственных общин и родов за господство (в том числе в рамках своих племен). В кровавых усобицах IV–V в. славяне вроде бы вообще не участвовали, хотя события происходили именно на тех территориях, где они жили. А в VI в. они заселяют огромные пространства от Атлантики до Кавказа, от Балтики до Средиземноморья. Именно территориальная община позволяет объяснить этот феномен, и вытеснила она кровно-родственные начала у славян значительно раньше, чем разразилась кровавая вакханалия в Центральной Европе.

Показательна и еще одна деталь. В племенах с кровно-родственной общиной огромную роль придавали генеалогиям и этногенетическим преданиям. У славян практически не было ни того, ни другого. Даже личные имена у них появятся очень поздно — это тоже признак территориальной общины, сохранявшейся кое-где в Европе и за пределами славянского мира. И конечно, именно территориальная община славян способна объяснить, как они легко ассимилировали другие племена — часто более многочисленные. Знаменитый альтруизм славян также может быть объяснен территориальной общиной.

И формы политической организации различались в зависимости от этого основополагающего принципа. В кровно-родственной общине, уже в рамках большой семьи, существовала резкая иерархия с подчинением младших членов рода старшим. Здесь обычно велика роль вождей (что не исключает, а предполагает их бескомпромиссную борьбу между собой). В общностях, основанных на территориальных принципах, большую роль играет общественное самоуправление, и вся система власти выстраивается не сверху вниз, а снизу вверх. Цивилизация Древней Руси как особый хозяйственно-культурный тип и социально-политическая организация появилась в результате смешения традиций различных этносов. Данная книга не претендует на всеохватывающее освещение всех факторов становления древнерусского этноса и государства. В ней лишь намечены основные пути изучения этой проблемы, которые еще ждут своих исследователей.

Комментарии

1 – Имеется ввиду Готлиб Зигфрид Байер

2 – В оригинале Черном-Понетском

3 – В оригинале ошибочно указан год 1027 . Вероятно, имеется ввиду 1030 г.

4 – В оригинале Тидиунами